БИБЛІОТЕКА
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ КУРСОВЪ
ИМПЕРАТОРСКАГО Лицея
въ память ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ

Шкафъ .....
Полка .....
№ .....

ИЗЪ ПРОШЛОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Кандидаты на судебныя должности. — Вопросъ судоустройства и судебной политики. М. 1886, стр. IV + 179.

Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности. — Пособіе для прокурорской службы. Т. I. — Прокуратура на Западѣ и въ Россіи. М. 1889, стр. VI + 552.

Инструкція чинамъ полиціи по обнаруженію и изслѣдованію преступленій. Изд. 7-е. М. 1886.

Руководство для волостныхъ судовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники. Изд. 4-е. Спб. 1892.

Н. В. МУРАВЬЕВЪ

ИЗЪ ПРОШЛОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ТОМЪ ВТОРОЙ

РѢЧИ И СООБЩЕНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1900

ЭК
Е52

2914

НАПРАВЛЕНО
В ОБМЕННЫЙ ФОНД

28652

Академия Наук СССР

28652

Матеріаломъ для настоящаго сборника послужила, главнымъ образомъ, устная публичная дѣятельность автора, насколько она проявилась въ своевременно напечатанныхъ рѣчахъ и сообщеніяхъ. За тридцать лѣтъ этой дѣятельности говорить публично пришлось не мало, но далеко не все, могущее имѣть значеніе, было оглашено въ печати, область которой, однако, и опредѣляетъ теперь рамки воспроизведенія. Изъ многихъ сотенъ обвинительныхъ рѣчей и заключеній только нѣкоторыя записывались при произнесеніи и затѣмъ были отчасти возстановлены. Изъ числа послѣднихъ для перваго отдѣла этой книги выбрано нѣсколько рѣчей по дѣламъ или обще-государственнаго, историческаго характера (дѣло о злодѣяніи 1 марта 1881 г.), или по такимъ, которыя обратили на себя вниманіе по ихъ общественному смыслу (дѣла о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ банкѣ, о сопротивленіи властямъ крестьянъ с. Сараи), или, наконецъ, по дѣламъ, касающимся служебно профессіональныхъ обязанностей (группа дѣлъ о преступленіяхъ должности). Сюда же и на томъ же основаніи присоединены три кассаціонныхъ заключенія, затрогивающія не безъинтересные, хотя и спеціальные юридическіе вопросы. Рѣчи приведены съ болѣе или менѣе значительнымъ сокращеніемъ фактическихъ данныхъ, утратившихъ интересъ минуты и новизну казуса, но за-то съ сохраненіемъ тѣхъ частей, гдѣ предмету дается общее освѣщеніе

или проводятся основные взгляды судебнаго дѣятеля на представлявшіяся ему явленія. Для ясности выдержкамъ изъ рѣчей предпослано краткое изложеніе сущности и исхода дѣлъ, по которымъ онѣ сказаны. За рѣчами собственно судебными слѣдуютъ обращенія къ слушателямъ, произнесенныя не по службѣ, а по инымъ поводамъ общественнаго свойства, находившимся, впрочемъ, въ извѣстномъ соотношеніи съ служебными занятіями и положеніемъ говорившаго.

Второй отдѣлъ посвященъ дѣятельности по управленію министерствомъ юстиціи, въ тѣхъ сторонахъ ея, которыя могли быть, и дѣйствительно были, въ свое время, опубликованы. Здѣсь, вслѣдъ за благоговѣйной данью священной памяти ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, въ рѣчахъ и сообщеніяхъ излагаются личныя воззрѣнія на многообразную постановку и задачи судебнаго вѣдомства и высказываются сужденія о желательномъ направленіи его, въ переживаемую эпоху, къ упорядоченію и усовершенствованію. Въ этомъ отношеніи, на пути еще не завершенномъ, но уже проложенномъ, авторъ имѣлъ счастливую возможность провѣрять и примѣнять мысли, зародившіяся и созрѣвшія, такъ сказать, въ боевыхъ рядахъ и въ повседневномъ обиходѣ правосудія. Эти мысли вовсе не непогрѣшимы; вся цѣнность ихъ сводится лишь къ тому, что онѣ внушены долгимъ опытомъ и глубокимъ убѣжденіемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

Изъ публичныхъ рѣчей.

Рѣчи по судебнымъ дѣламъ.

стр.

I. Дѣло о злодѣяніи 1 марта 1881 г., жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II 1

II. Дѣло о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ 106

III. Дѣло о сопротивленіи властямъ, оказанномъ крестьянами села Сараи, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи . 210

Рѣчи по дѣламъ о нарушеніи служебныхъ обязанностей.

IV. Дѣло о коллежскомъ совѣтникѣ Михаилѣ Стояновѣ, обвинявшемся въ должностной растратѣ и подлогѣ 232

V. Дѣло о бывшемъ мировомъ судьѣ Франціи, обвинявшемся въ преступленіяхъ по должности 243

VI. Дѣло объ оскорбленіи товарища прокурора Лагоріо мировымъ судьею Славинымъ 251

VII. Дѣло о судебномъ слѣдователѣ по важнѣйшимъ дѣламъ округа Московскаго окружного суда Сахаровѣ 256

VIII. Дѣло о подкупѣ присяжныхъ засѣдателей въ городѣ Семеновѣ, Нижегородской губерніи 263

IX. Дѣло о Касимовскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства Алѣевѣ 271

X. Дѣло о Пронскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства князѣ Крапоткинѣ 282

XI. Дѣло о Краснинскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства Николаѣ Краевскомъ 295

XII. Дѣло о старшинѣ Московскаго мѣщанскаго общества Шестеркинѣ 302

XIII. Дѣло предсѣдателя правленія Орловско-Грязской желѣзной дороги Кислаковскаго 308

стр.

Изъ кассаціонныхъ заключеній.

I. Дѣло редакторовъ газетъ „Duna-Zeitung“ Пипирса и „Рижскій Вѣстникъ“ Витвицкаго 315
II. Дѣло купца Генриха Андерсона 323
III. Дѣло Іолко. 333

Изъ несудебныхъ рѣчей.

I. Рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенная 17 іюня 1890 г. на 25-лѣтнемъ юбилеѣ Московскаго городского Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта, въ присутствіи членовъ IV международнаго тюремнаго конгресса . . . 344
II. Слово къ выдержавшимъ окончательное испытаніе изъ юридическихъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 357
III. Рѣчь, произнесенная въ Вильнѣ, въ военномъ собраніи 8 ноября 1898 года, въ день открытія памятника графу М. Н. Муравьеву 359

ОТДѢЛЪ II.

Въ Министерствѣ Юстиціи.

Памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра III (1894 г.). 367
Слово при вступленіи въ управленіе министерствомъ юстиціи (1894 г.) 373

Рѣчи при открытіи окружныхъ судовъ.

I. Въ Петрозаводскѣ, 29 мая 1894 г. 377
II. Въ Оренбургѣ, 18 іюня 1894 г. 381
III. Въ Уфѣ, 22 іюня 1894 г. 384

Судебное преобразованіе въ Сибири.

I. Объясненія въ государственномъ совѣтѣ 6 апрѣля 1896 г. . . . 389
II. Рѣчь при открытіи новыхъ судебныхъ установленій въ Иркутскѣ, 2 іюля 1897 г 407

Судебное преобразованіе въ Туркестанскихъ и Степныхъ областяхъ.

Объясненія въ государственномъ совѣтѣ 14 марта 1898 г. . . . 420
Рѣчь при открытіи благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства, 20 ноября 1895 г. 427

стр.

Измѣненія въ уставѣ эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи.

Объясненія въ государственномъ совѣтѣ 19 января 1898 г. . . 441

Отвѣтныя рѣчи по разнымъ поводамъ при служебныхъ поѣздкахъ.

1. Въ Петрозаводскѣ, 29 мая 1894 г. 457
2. Въ Варшавѣ, 30 сентября 1894 г. 458
3. Въ Ревелѣ, 29 сентября 1895 г 460
4. Въ Ригѣ, 1 октября 1895 г. 465
5. Въ Либавѣ, 5 октября 1895 г. 465
6. Въ Астрахани, 9 іюня 1898 г. 466
7. Въ Вильнѣ, 13 ноября 1899 г. 468

Пересмотръ законоположеній по судебной части.

I. Вступительное сообщеніе предсѣдателя Высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, въ первомъ засѣданіи коммиссіи 30 апрѣля 1894 г. 471

II. Привѣтственное слово при открытіи совѣщаній старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ . . . 500

Заключительное слово при закрытіи совѣщаній старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ . . 503

III. Сообщеніе при разсмотрѣніи вопроса о судѣ присяжныхъ 505

IV. Сообщеніе при разсмотрѣніи вопроса о преобразованіи адвокатуры 519

V. Проектъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій (сообщеніе въ засѣданіи коммиссіи 20 февраля 1898 г.) 526

VI. Проектъ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства (сообщеніе въ засѣданіи коммиссіи 7 января 1899 г.). 538

VII. Проектъ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства (сообщеніе въ засѣданіи коммиссіи 26 апрѣля 1899 г.). 553

VIII. По поводу общаго характера работъ по улучшенію судебной части въ 1894—1896 гг. 565

IX. Заключительное сообщеніе предсѣдателя Высочайше учрежденной коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части въ послѣднемъ засѣданіи коммиссіи, 5 іюня 1899 г.. 574

ОТДѢЛЪ I

ИЗЪ ПУБЛИЧНЫХЪ РѢЧЕЙ.

РѢЧИ ПО СУДЕБНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

I.

Дѣло о злодѣяніи 1 марта 1881 г., жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II.

Засѣданіе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ 26, 27, 28 и 29 марта 1881 г.—Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій сенаторъ *Э. Я. Фуксъ*, обвинялъ исполнявшій обязанности прокурора при Особомъ Присутствіи товарищъ прокурора С.-Петербургской судебной палаты *Н. В. Муравьевъ*, защищали присяжные повѣренные *Утиовскій*, *Хартулари*, *Герке*, *Герардъ* и *Кедринъ*.

Обвинительный актъ

и. о. прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената Н. В. Муравьева.

I.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ третьемъ часу пополудни, въ С.-Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала, противъ сада Михайловскаго дворца совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. Неслыханное по гнуспости своей и бѣдственнымъ послѣдствіямъ преступленіе это и сопровождавшее его причиненіе смерти и пораненій многимъ лицамъ совершены были посредствомъ двухъ произведшихъ взрывы метательныхъ снарядовъ.

Обстоятельства злодѣянія, изслѣдованнаго дознаніемъ въ порядкѣ, установленномъ въ 1 главѣ 2 разд. 3 книги уст. угол. суд., 2 ч. XV т. Св. зак., изд. 1876, по продолж. 1879 года, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, были выяснены какъ осмотрами мѣста и вещественныхъ доказательствъ преступленія, такъ и показаніями нижепоименованныхъ свидѣтелей-очевидцевъ: полицеймейстера 1-го отдѣленія полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха, ротмистра Терскаго казачьяго эскадрона Собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя Кулебякина, конвойныхъ казаковъ: унтеръ-офицера Кузьмы Мачнева и рядовыхъ Михея Луценко и Петра Кузьменко, адъютанта С.-Петербургской крѣпостной артиллеріи штабсъ-капитана Кюстера, офицеровъ кадроваго батальона

лейбъ-гвардіи Резервнаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитановъ: Новикова и Франка и подпоручика Рудыковскаго, лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго полка поручика графа Гендрикова, 139-го Моршанскаго пѣхотнаго полка подпоручика Митрофана Крахоткина, камеръ-пажа Коссинскаго, младшаго медицинскаго фельдшера лейбъ-гвардіи Павловскаго полка Василія Горохова, рядовыхъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Ивана Евченкова и Платона Макарова, городового 3-го участка Александро-Невской части Василія Несговорова, отставного рядового Петра Павлова и крестьянина Новгородской губерніи, Старорусскаго уѣзда, дер Пятигорки, Михаила Назарова.

На основаніи совокупности приведенныхъ данныхъ, горестное событіе преступленія представляется въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ:

Въ третьемъ часу дня нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо, по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе 2 саженъ отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полицеймейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи саженъ 50-ти отъ угла Инженерной улицы, въ $2^1/_4$ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ бы вѣромъ. Выскочивъ изъ саней и въ то же мгновеніе замѣтивъ, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ Императорской каретѣ, отворилъ дверцы, и встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ Государя Императора доложилъ Его Величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію Государя, свидѣтель проводилъ Его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился уже окруженный толпою народа задержанный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудыковскій, не узнавъ сразу Его Величества, спросилъ: „Что съ Государемъ?“, на что Государь Императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ десяти до Рысакова, изволилъ сказать: „*Слава Богу, Я уцѣлѣлъ, но вотъ!*“... указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услышавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: „Еще слава ли Богу?“ Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ, онъ ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова: кто онъ такой, — на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала, по направленію къ экипажу, сзади, у самыхъ ногъ Его раздался новый оглушительный взрывъ, при чемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась, пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ, поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государь Императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій Обнажившіяся ноги Вѣнценоснаго Страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась съ нихъ, тѣло висѣло кусками, лицо было

въ крови. Тутъ же лежала шинель Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ, полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, услышалъ едва внятно произнесенныя слова Государя: „*Помоги*“, и вскочивъ, подбѣжалъ къ Нему вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то подалъ платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: „*Холодно, холодно*“. Тогда, приподнявъ Государя, уже начинавшаго терять сознаніе, окружавшія Его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера Павловскаго военнаго училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли Его къ саняхъ полковника Дворжицкаго, при чемъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову Страдальца. Наклонившись къ своему Августѣйшему Брату, Великій Князь спросилъ: слышитъ ли Его Величество, — на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: „*Слышу*“; на дальнѣйшій вопросъ Его Высочества о томъ, какъ Государь Себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: „*Скорѣе... во дворецъ*“, а затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнесъ: „*Несите Меня во дворецъ... тамъ.. умереть*“.. То были послѣднія слышанныя свидѣтелями слова умирающаго Монарха Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулебякинъ и, съ помощью конвойныхъ казаковъ Козьменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній дворецъ.

Неисповѣдимыя велѣнія Промысла совершились. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того же 1-го марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 мин. пополудни, въ Бозѣ почилъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ при дознаніи, оказывается, что изъ свиты Государя Императора при взрывахъ было болѣе или менѣе опасно ранено 9 человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уже скончался, а изъ числа чиновъ полиціи и постороннихъ лицъ, находившихся на мѣстѣ преступленія, ранено 11, изъ которыхъ двое (въ томъ числѣ 14-лѣтній крестьянскій мальчикъ Николай Максимовъ) умерли черезъ нѣсколько часовъ.

По соображеніи данныхъ, обнаруженныхъ осмотромъ мѣстности преступленія, оказавшихся на ней предметовъ, спрошенные въ качествѣ экспертовъ: командиръ гальванической учебной роты полковникъ Лисовскій, командиръ 1-го военно-телеграфнаго парка подполковникъ Шахъ-Назаровъ и капитанъ 4-го сапернаго батальона Родивановскій пришли къ заключенію, что, по внѣшнему виду и свойствамъ вышеозначенныхъ предметовъ, взрывы были произведены двумя брошенными снарядами, заключенными въ жестяныя оболочки, при чемъ зарядъ каждаго состоялъ приблизительно изъ 5 фунтовъ ударнаго состава и взрывчатаго вещества, повидимому нитроглицерина.

Метательный снарядъ, причинившій первый взрывъ, какъ установлено единогласными свидѣтельскими показаніями, былъ брошенъ подъ карету Государя Императора именно Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Свидѣтели Назаровъ и Гороховъ видѣли Рысакова, передъ самымъ проѣздомъ Государя, тихо шедшимъ по панели канала на встрѣчу Императорской каретѣ, при чемъ Гороховъ замѣтилъ у него въ рукахъ что-то круглое, въ родѣ тарелки, завер-

нутое въ бѣлый платокъ, а Назаровъ удостовѣрилъ, что, поровнявшись съ каретой Государя, Рысаковъ бросилъ подъ лошадей что-то бѣлое, похожее на комъ снѣга, и побѣжалъ, но былъ задержанъ бросившимися на него свидѣтелями. По словамъ Назарова, Рысаковъ, по задержаніи его, казался спокойнымъ и даже смѣялся, а по объясненію свидѣтелей Горохова, Несговорова и Макарова, доставившихъ Рысакова въ управленіе градоначальника, онъ просилъ ихъ оградить его отъ разъяреннаго народа, за исполненіе чего благодарилъ ихъ.

Что же касается до виновника второго взрыва, то крестьянинъ Петръ Павловъ показалъ, что когда Государь, отойдя отъ задержаннаго Рысакова, направился по панели канала, то неизвѣстный человѣкъ, стоявшій бокомъ и прислонившись къ рѣшеткѣ, выждалъ приближеніе Государя Императора на разстояніе не болѣе двухъ аршинъ и, приподнявъ руки вверхъ, бросилъ что-то на панель, отчего и послѣдовалъ второй взрывъ

Несмотря на отсутствіе прямыхъ указаній на личность упомянутаго виновника второго взрыва, при производствѣ дознанія были собраны данныя, приводящія съ полною вѣроятностью къ заключенію о томъ, что означенный взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ пострадавшихъ отъ него же неизвѣстнымъ человѣкомъ, который былъ поднятъ на мѣстѣ преступленія и доставленъ въ безсознательномъ состояніи въ придворный госпиталь конюшеннаго вѣдомства, гдѣ и умеръ спустя 8 часовъ, придя нѣсколько въ себя и отвѣтивъ передъ смертью на вопросъ о своемъ имени и званіи: „не знаю“.

По судебно-медицинскому осмотру и вскрытію трупа этого неизвѣстнаго человѣка, на тѣлѣ его и преимущественно на передней части тѣла, въ томъ числѣ, въ особенности, на правой рукѣ, оказалось множество пораненій, причиненныхъ, по мнѣнію врачей-экспертовъ, при взрывѣ, который, по характеру поврежденій, въ связи съ свойствами взрывчатаго вещества, долженъ былъ произойти въ весьма близкомъ разстояніи отъ умершаго, не далѣе какъ на три шага.

II.

При производствѣ совокупнаго разслѣдованія по дѣламъ о предшествовавшихъ покушеніяхъ на жизнь Священной Особы нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, 2 апрѣля, 18 и 19 ноября 1879 и 5 февраля 1880 года, были обнаружены данныя, послѣдовательный рядъ которыхъ приводилъ къ предположенію о задуманномъ и уже готовящемся въ средѣ извѣстныхъ по прежнимъ дѣламъ преступныхъ дѣятелей новомъ таковомъ же посягательствѣ, а при возникновеніи настоящаго дѣла выяснились указанія на принадлежавшихъ къ этой средѣ истинныхъ зачинщиковъ и руководителей злодѣяній 1 марта 1881 года. Изъ имѣющихся въ настоящемъ дѣлѣ свѣдѣній объ означенныхъ данныхъ, составляющихъ предметъ еще производящагося, но уже близкаго къ окончанію особаго дознанія, видно, что въ ноябрѣ 1880 года былъ арестованъ дворянинъ Александръ Михайловъ, проживавшій подъ фамиліею Поливанова, при обыскѣ у котораго найденъ динамитъ и другіе предметы, свидѣтельствующіе о его преступной дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ, при дальнѣйшихъ розыскахъ, были обнаружены двѣ занимаемыя членами партіи квартиры, изъ которыхъ въ первой, по Большой Подъяческой улицѣ, д. № 37, производилось заготовленіе значительнаго количества динамита, а въ другой—по Подольской улицѣ, д. № 11, помѣщалась тайная типографія. Посѣтители этихъ квартиръ, проживавшіе подъ чужими именами и по подложнымъ видамъ на

жительство, были задержаны одинъ за другимъ, причемъ въ числѣ ихъ оказались извѣстные по прежнимъ розыскамъ и процессамъ агитаторы: Фриденсонъ (Агаческуловъ), Баранниковъ (онъ же Кошурниковъ и Алафузовъ) и Колоткевичъ (Петровъ). Затѣмъ результаты изслѣдованія привели къ заключенію, что въ кружкѣ означенныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль: проживавшій подъ своимъ собственнымъ именемъ дѣйствительный студентъ Михаилъ Тригони и крестьянинъ Таврической губерніи, Феодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, разыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества, совершенномъ 18 ноября 1879 года близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27 февраля сего года, одновременно съ Тригони, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

По обнаруженіи мѣстожительства Желябова, проживавшаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидіею Антоновою Войновою, по 1 ротѣ Измайловскаго полка, въ д. № 37/18, кв. 23, подъ именемъ Николая Иванова Слатвинскаго, въ квартирѣ его утромъ 1 марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ: четыре жестянки изъ-подъ конфетъ и одна изъ-подъ сахару, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфетъ и одной изъ-подъ сахару) чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

По заключенію эксперта, завѣдывающаго химическою лабораторіею Михайловской Артиллерійской Академіи и училища, генералъ-маіора Ѳедорова, означенное вещество есть черный динамитъ, а каучуковыя трубки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ нижеупомянутыхъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Ѳедорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28 февраля вечеромъ, и была задержана лишь 10 марта, на Невскомъ проспектѣ, околоточнымъ надзирателемъ Широковымъ.

Задержанная оказалась дворянкою Софьею Львовою Перовскою, обвиняемою и разыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенномъ 19 ноября 1879 года, близъ города Москвы, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги.

По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2 марта 1881 года, по поводу событія 1 марта, 18 экземпляровъ отъ „Исполнительнаго комитета“ и 14 экземпляровъ отъ „Рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“.

Дознаніемъ выяснено, что въ іюнѣ 1880 года Перовская, подъ именемъ Войновой, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ и еще неразысканною, выбыла изъ д. № 32/4 Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой Бѣлозерскихъ улицъ, и переѣхала на жительство въ кв. № 23, д. № 17/18, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, по заявленію ея, въ Ораніенбаумъ, а вскорѣ послѣ ея отъѣзда у Перовской, подъ видомъ ея брата, поселился Желябовъ, проживавшій подъ именемъ Николая Ивановича Слатвинскаго.

Изъ показаній свидѣтелей: старшаго дворника д. № 17/18, крестьянина Харитона Пѣтушкова, его подручнаго дворника, запасного рядового Григорія Аѳанасьева и содержательницы мелочной лавочки въ томъ же домѣ, крестьянки Ирины Аѳанасьевой, называвшіеся Слатвинскимъ (Желябовъ) и Войновою (Перовская) жили весьма уединенно, гостей не принимали, писемъ не получали, прислуги не имѣли, такъ что Войнова (Перовская) сама покупала провизію и готовила кушанье. 27-го февраля она вышла изъ квартиры вмѣстѣ съ Слатвинскимъ (Желябовымъ), который уже болѣе не возвращался; Войнова же (Перовская) вернулась вечеромъ и провела ночь дома. 28-го февраля она два раза, чрезъ задній входъ, приходила въ лавочку Аѳанасьевой, при чемъ въ первый разъ купила коленкору, а во второй тесьмы, говоря, что покупаетъ это для платья. Въ оба свои прихода въ лавочку она выходила изъ нея чистымъ входомъ прямо на улицу, при чемъ, послѣ вторичнаго ея появленія у Аѳанасьевой, около 9 часовъ вечера, Войнову (Перовскую) уже въ домѣ не видѣли, и 1-го марта, по пріѣздѣ должностныхъ лицъ для производства обыска въ квартирѣ Желябова, квартира эта оказалась пустою.

III.

Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ властями при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу, о томъ, что по Телѣжной улицѣ, въ домѣ № 5, находится такъ называемая „конспиративная“ квартира, т.-е. такое помѣщеніе, въ которомъ собирались злоумышленники и производились приготовленія къ преступленію 1-го марта, въ означенномъ домѣ, въ квартирѣ № 5, сдѣланъ былъ въ ночь на 3-е марта внезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о цѣли ихъ прибытія лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ, и затѣмъ какая-то женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ, направо, они нашли лежащимъ на полу окровавленнымъ только-что, повидимому, застрѣлившагося человѣка. По заключенію приглашеннаго для подачи ему медицинской помощи врача Павлова, человѣкъ этотъ нанесъ себѣ выстрѣлами изъ револьвера нѣсколько ранъ, въ томъ числѣ одну безусловно смертельную въ високъ. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный тутъ же вскорѣ умеръ. По осмотру домовой книги и по показаніямъ свидѣтелей оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5 вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней женщиною, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ, по подложному паспорту на имя коллежскаго регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкаго.

При разслѣдованіи, произведенномъ съ цѣлью обнаружить личность застрѣлившагося человѣка, проживавшаго подъ именемъ коллежскаго регистратора Ивана Фесенко-Навроцкаго, подполковникъ 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго пѣхотнаго полка Иванъ Алексѣевъ Саблинъ призналъ въ предъявленномъ ему фотографическомъ снимкѣ застрѣлившагося родного брата своего дворянина Николая Алексѣева Саблина, который въ 1878 году выѣхалъ изъ города Москвы неизвѣстно куда, при чемъ съ тѣхъ поръ родные его никакихъ извѣстій о немъ не имѣли

Женщина, задержанная въ „конспиративной“ квартирѣ, оказалась мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. По ея объясненію, проживавшій вмѣстѣ съ нею въ этой квартирѣ неизвѣстный, называвшійся Фесенко-Навроц-

кимъ, застрѣлившійся предъ обыскомъ былъ дѣйствительно Николай Алексѣевъ Саблинъ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что означенный Саблинъ въ 1873 и 1874 годахъ, принадлежа къ революціонному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ, и дѣйствуя какъ здѣсь, такъ и въ Ярославской губерніи, занимался преступной пропагандой въ народѣ совмѣстно съ скрывающимися нынѣ революціонными дѣятелями Николаемъ Морозовымъ и Иванчинымъ-Писаревымъ. Затѣмъ, уѣхавъ въ 1874 году за границу, Саблинъ въ мартѣ 1875 года вмѣстѣ съ Морозовымъ возвратился въ Россію, при чемъ былъ задержанъ въ пограничномъ селеніи Кибарты, съ прусскою легитимаціонной картою на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи и преданный суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Саблинъ былъ признанъ виновнымъ во вступленіи въ преступное тайное сообщество, предусмотрѣнное 2 отд. ст. 250 улож. наказ., съ знаніемъ о цѣляхъ его, за что, какъ изложено въ приговорѣ особаго присутствія, состоявшемся 18-го октября 1877 и 23-го января 1878 годовъ, онъ подлежалъ наказанію, указанному въ 3 степ. 31 ст. улож. наказ., при чемъ особое присутствіе, принявъ во вниманіе обстоятельства, смягчающія въ числѣ другихъ и его, Саблина, вину въ размѣрахъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти суда, и между прочимъ долговременное содержаніе его подъ стражей и молодость, опредѣлило: ходатайствовать предъ Монаршимъ Милосердіемъ о вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго ареста, на каковое ходатайство и послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора соизволеніе.

По обыску въ „конспиративной“ квартирѣ былъ найденъ рядъ вещественныхъ доказательствъ, имѣющихъ непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1-го марта. Изъ числа означенныхъ вещественныхъ доказательствъ особое значеніе, по заключенію экспертовъ, представляютъ нижеслѣдующіе предметы: 1) двѣ метательныя мины, взрывающіяся при бросаніи отъ удара, въ жестянкахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ подробно объяснено въ заключеніи и чертежахъ генералъ-маіора Ѳедорова, взрывчатый аппаратъ, который представляетъ систему сообщающихся другъ съ другомъ снарядовъ: а) съ сѣрною кислотою, б) съ смѣсью бертолетовой соли, сахара и сѣрнистой сюрьмы, в) съ гремучей ртутью и г) изъ пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Передавая другъ другу посредствомъ стопина воспламененіе, вслѣдствіе удара или сотрясенія, снаряды эти доводятъ его наконецъ до смѣси гремучаго студня съ камфорой, дѣйствующаго при взрывѣ въ шесть разъ сильнѣе пороха; часть означеннаго аппарата устроена вдвойнѣ такимъ образомъ, чтобы взрывъ послѣдовалъ при паденіи метательной мины въ какомъ бы то ни было направленіи; 2) колба и реторта, служащія для химическихъ опытовъ; 3) стеклянные шарики съ сѣрною кислотою; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 5) фарфоровая ступка, въ которой перетиралась бертолетова соль; 6) записка на клочкѣ бумаги о вышеупомянутой смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и сюрьмой; 7) рисунокъ карандашомъ, на оборотѣ транспаранта, какого-то аппарата для производства гальваническаго тока, неимѣющій, впрочемъ, отношенія къ метательнымъ снарядамъ; 8) планъ города С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ, на зданіи Зимняго дворца и съ слабыми карандашными же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининъ-

скому каналу, и 9) сдѣланный карандашомъ на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличенію его съ планомъ города С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ посрединѣ Малой Садовой

IV.

По указаніямъ, сдѣланнымъ обвиняемымъ Рысаковымъ, была обнаружена квартира, въ которой обвиняемая Гельфманъ проживала до переѣзда своего въ домъ № 5 по Телѣжной улицѣ Квартира эта помѣщалась подъ № 25, въ д. № 27/1 по Троицкому переулку, при чемъ Гельфманъ жила въ ней подъ именемъ Елизаветы Андреевой Николаевой, вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, проживавшимъ подъ именемъ московскаго мѣщанина Андрея Иванова Николаева, котораго она выдавала за своего мужа.

Осмотромъ домовой книги означеннаго дома № 27/1, а также показаніемъ дворника его, отставного рядового Усмана Булатова, удостовѣрено, что Николаевы записаны переѣхавшими въ этотъ домъ 15 сентября 1880 года изъ Петергофа, а выбывшими 17-го февраля 1881 года въ Москву. По словамъ Булатова, Николаева (Гельфманъ), жившая съ мужемъ очень скромно и уединенно, носила куда-то изъ своей квартиры картонные листы. Человѣкъ, называвшійся Николаевымъ, выбылъ изъ квартиры на нѣсколько дней раньше Гельфманъ, при чемъ отмѣтился выбывшимъ въ Москву Вскорѣ и Гельфманъ, заявивъ, что мужъ ея умираетъ въ Москвѣ и что она ѣдетъ къ нему, продала свою мебель и съ однимъ чемоданомъ выѣхала изъ квартиры.

3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска, въ домѣ № 5 по Телѣжной улицѣ, гдѣ были оставлены чины полиціи съ приказаніемъ задержать каждаго, кто придетъ въ обысканную квартиру, явился молодой человѣкъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во 2-ой этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Мирономъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго: „куда онъ идетъ?“ неизвѣстный, спросивъ кучера, указалъ на квартиру № 12, каковой вовсе въ домѣ не имѣется, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ въ кв. № 5, гдѣ и задержанъ. Когда же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, изъ которыхъ нанесъ схватившему дуло револьвера городовому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану въ правый пахъ, а помощнику пристава 1-го участка Александро-Невской части Слуцкому контузію груди, съ ушибомъ праваго легкаго. Обезоруженный и, вслѣдствіе описаннаго сопротивленія, связанный неизвѣстный человѣкъ былъ доставленъ въ управленіе с.-петербургскаго градоначальства, гдѣ и оказался крестьяниномъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимоѳеемъ Михайловымъ.

Изложенное удостовѣряется показаніями прикомандированнаго къ 1-му участку Александро-Невской части коллежскаго ассесора Рейнгольдта, помощника пристава Слуцкаго, околоточнаго надзирателя Зезюкина, городовыхъ Ивана Шлыкова, Ефима Денисова и дворника Мирона Сергѣева, а также протоколами обыска у Тимоѳея Михайлова и судебно-медицинскаго освидѣтельствованія Слуцкаго.

При обыскѣ у Тимоѳея Михайлова былъ найденъ печатный экземпляръ Высочайшаго Манифеста отъ 1-го марта 1881 года о восшествіи на Всероссійскій Престолъ Его Императорскаго Величества Императора Александра III на оборотѣ этой бумаги оказались написанными карандашомъ адресы трехъ пунктовъ въ городѣ С.-Петербургѣ, съ означеніемъ при каждомъ извѣстныхъ часовъ и, между прочимъ, съ указаніемъ кондитерской Исакова, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой, и съ отмѣткою противъ этой записи о 4 часахъ.

Вслѣдствіе такого указанія, въ означенной кондитерской, въ 4-мъ часу пополудни 3-го марта, были приведены въ извѣстность всѣ лица оказавшіяся въ ней въ этотъ часъ, при чемъ былъ задержанъ сынъ священника Иванъ Григорьевъ Орловъ, назвавшійся мѣщаниномъ Козыревымъ, имѣвшій при себѣ чужой видъ на жительство на это послѣднее имя, а также небольшой кинжалъ. У него же, по обыску, кромѣ противоправительственныхъ изданій и рукописей, указывающихъ на его преступную агитаціонную дѣятельность въ народѣ, оказалось два исписанныхъ листа бумаги, въ которыхъ говорится о бѣдственномъ положеніи крестьянъ и рабочихъ.

Листы эти, по собственному признанію Тимоѳея Михайлова, оказались писанными его рукою.

О задержанномъ при вышеприведенныхъ обстоятельствахъ сынѣ священника Орловѣ, заявившемъ при допросѣ о принадлежности своей къ „соціально-революціонной партіи“, возбуждено и производится особое отъ настоящаго дѣла дознаніе.

V.

4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома № 56/8 (графа Менгдена), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самаго, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки въ подвальномъ этажѣ того же дома, крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобозевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею Еленою Ѳедоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, при чемъ, по приглашеніи на мѣсто судебнаго слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую.

По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ генералъ-маіора Ѳедорова, военнаго инженера штабсъ-капитана Родивановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и офицеровъ той же роты: штабсъ-капитана Линденера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ съ ней помѣщеній, такъ и самаго подкопа, изслѣдованнаго съ помощью поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось, въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ, нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, неимѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянною обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая же земля найдена подъ сидѣньемъ дивана, а рядомъ, въ подвальныхъ помѣщеніяхъ, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, повидимому, носили землю. Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопные и минные инструменты, какъ-то: буравъ съ его принадлежностями, руч-

ной фонарикъ съ лампочкой и проч. Въ жильѣ стѣна, подъ первымъ отъ входа окномъ, пробита и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до средины улицы Въ отверстіи оказалась склянка съ жидкостью (двухромовокислымъ кали), для заряженія гальванической батареи, системы Грене, 4 элемента которой найдены тутъ же въ корзинкѣ. Отъ батареи шли по минѣ проводы, оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генералъ-маіора Ѳедорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы чернаго динамита, количествомъ около 2-хъ пудовъ, капсюли съ гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполнѣ обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2^1/_2$ сажени въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и могли бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобозева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соотвѣтствуетъ объему земли, вынутой изъ галлереи.

Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобозевыми наняли лавку въ д. графа Менгдена въ декабрѣ 1880 г. по контракту за 1,200 руб. въ годъ и, переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ не соотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и внѣшности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась неумѣло и какъ бы лишь для виду. Кобозевъ казался человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія, жена его обнаруживала привычки, несвойственныя женѣ простого торговца, кромѣ того часто не ночевала дома. Вслѣдствіе павшаго поэтому на лавку Кобозевыхъ подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28-го февраля 1881 года, по распоряженію градоначальника, мѣстною полиціею, при участіи техника генералъ-маіора Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ подъ видомъ техническихъ и санитарныхъ цѣлей. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ; при чемъ однакоже, по удостовѣренію свидѣтелей Мровинскаго, пристава 1-го участка Спасской части Теглева и дворника Никифора Самойлова. Кобозевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра 1-го и 2-го марта Кобозевы поочередно уходили изъ дома, а 3-го марта Кобозевъ ушелъ утромъ, жена же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались.

Изложенное удостовѣряется, кромѣ показаній Мровинскаго, Теглева и Самойлова, еще показаніями посѣщавшихъ лавку Кобозевыхъ: управляющаго домомъ графа Менгдена Георгія Петерсона, дворниковъ: Никифора Ульянова и Павла Андреева, околоточнаго надзирателя Исаіи Дмитріева, старшаго помощника пристава Лерепланда, с.-петербургскаго 2-й гильдіи купца Ѳедора Новикова, содержателя живописно-лакировальной мастерской Ивана Шмидта.

Паспортъ, по которому проживали Кобозевы, оказался подложнымъ, а настоящій Евдокимъ Андреевъ Кобозевъ—безвыѣздно проживающимъ въ г. Воронежѣ.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ было обнаружено, что до переѣзда своего въ лавку на Малой Садовой Кобозевы, съ 28-го ноября 1880 года, проживали въ д. № 75, на углу Невскаго проспекта и Новой улицы, въ меблированныхъ комнатахъ Аѳанасьевой, гдѣ дочь хозяина, Екатерина Аѳанасьева, видѣла у нихъ на столѣ сторублевые кредитные билеты, которые они, уходя, оставляли неприбранными.

По показаніямъ дворниковъ Никифора Самойлова и Никифора Ульянова, въ лавку Кобозевыхъ ходили люди, казавшіеся подозрительными. Такъ, свидѣ-

тель Самойловъ замѣтилъ, что двое изъ этихъ людей, прошедшихъ мимо него 27 февраля, закрывали свои лица воротниками. Узнавъ отъ Самойлова о приходѣ къ Кобозевымъ одного изъ этихъ людей, молодого человѣка, высокаго роста, съ усами, безъ бороды, околоточный надзиратель Исаія Дмитріевъ прослѣдилъ его отъ лавки Кобозевыхъ до угла Невскаго и Малой Садовой, гдѣ означенный человѣкъ нанялъ извозчика, такъ называемаго „лихача", на Вознесенскій проспектъ, за 1 р. По словамъ этого извозчика, крестьянина Ѳедора Гордина, неизвѣстный дорогой измѣнилъ цѣль своей поѣздки и приказалъ ѣхать въ Измайловскій полкъ, гдѣ, на углу 1-й роты и Тарасова переулка, остановивъ извозчика посреди улицы, сошелъ, бросивъ ему 3 р. 20 к., повернулъ въ переулокъ сзади саней и скрылся

По предъявленіи всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу дворникамъ Никифору Самойлову и Никифору Ульянову, они признали въ Андреѣ Желябовѣ: первый—положительно, а второй—по сходству, одного изъ людей, приходившихъ къ Кобозевымъ 27 февраля

По предъявленіи обвиняемаго Тимоѳея Михайлова околоточному надзирателю Исаіи Дмитріеву и извозчику Ѳедору Гордину, они признали въ немъ большое сходство съ тѣмъ вышеупомянутымъ человѣкомъ, который 27 февраля выйдя изъ лавки Кобозевыхъ, нанялъ Гордина на Вознесенскій проспектъ, а затѣмъ сошелъ въ Измайловскомъ полку.

При производствѣ упомянутаго выше обыска въ квартирѣ Желябова и начатаго еще утромъ 1-го марта осмотра всего при этомъ обыскѣ найденнаго, между предметами, находившимися у Желябова, оказались 4 куска сыру, изъ которыхъ два круга русскаго зеленаго сыра съ клеймомъ „С. А. С.", одинъ кругъ русскаго голландскаго сыра и одинъ—русскаго честера. По сличеніи чрезъ экспертовъ этихъ сыровъ съ найденными въ лавкѣ Кобозева, они оказались совершенно тождественными между собою, при чемъ въ лавкѣ были и сыры съ клеймами „С. А. С.".

VI.

По задержаніи и привлеченіи къ настоящему дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ Николая Рысакова, Андрея Желябова, Софьи Перовской, Геси Гельфманъ и Тимоѳея Михайлова, означеннымъ дознаніемъ было обнаружено, что между названными лицами, соединенными другъ съ другомъ общностью превратныхъ воззрѣній и преступной дѣятельности, существовали близкія отношенія и постоянныя оживленныя сношенія, непосредственно предшествовавшія злодѣянію и несомнѣнно свидѣтельствующія о принадлежности ихъ къ одному и тому же тайному сообществу, которое, замысливъ это злодѣяніе, привело его въ исполненіе.

Признаки таковаго сообщества усматриваются, независимо отъ изложенныхъ ниже показаній обвиняемыхъ, въ слѣдующихъ данныхъ настоящаго дознанія:

Вслѣдъ за арестомъ обвиняемаго Рысакова были обнаружены двѣ квартиры его: въ первой изъ нихъ, на углу 9-й улицы Песковъ и Мытнинской, въ д. № 32/44, кв. 17, онъ нанималъ комнату подъ именемъ вятскаго мѣщанина Макара Егорова Глазова, у коллежскаго регистратора Ермолина, представивъ и паспортъ на означенное имя; во второй квартирѣ, на углу 5-й улицы Песковъ и Греческаго проспекта, въ д. № 6/14, кв. № 18, онъ проживалъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, нанимая комнату у вдовы надворнаго совѣтника Ксеніи Холодковской. Въ первой изъ означенныхъ квартиръ, кромѣ разныхъ ру-

кописей противоправительственнаго содержанія, были найдены: 1) №№ 2 и 3 „Народной Воли“; 2) рукопись, подъ заглавіемъ: „Объяснительная записка къ программѣ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“; 3) печатный экземпляръ самой программы, и 4) рукопись, подъ заглавіемъ „Задачи боевой рабочей организаціи“, содержащая воззваніе къ „товарищамъ“, которые приглашаются вести борьбу съ правительствомъ путемъ открытыхъ насильственныхъ дѣйствій.

Изъ показаній хозяекъ квартиръ, въ которыхъ проживалъ Рысаковъ — Ксеніи Холодковской и Прасковьи Ермолиной, видно, что у первой изъ нихъ онъ жилъ до 31-го января сего года, при чемъ къ нему ходилъ лишь одинъ молодой человѣкъ, котораго онъ называлъ своимъ товарищемъ студентомъ. Во время проживанія Рысакова у Ермолиной его посѣщали по вечерамъ, вмѣстѣ и порознь, 6 человѣкъ его знакомыхъ, съ которыми онъ и уходилъ вмѣстѣ, возвращаясь домой поздно ночью.

3-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самаго неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ поврежденій, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подъ именемъ виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6 экземпляровъ „Рабочей Газеты“, напечатанныхъ въ „Летучей типографіи Народной Воли“, и экземпляра упомянутой уже, найденной и у Рысакова „Программы рабочихъ членовъ партіи“, оказалось еще: 1) счетъ въ израсходованіи за ноябрь 33 рублей, съ надписью внизу. „отчетъ Ѳедора“, и 2) платокъ съ мѣткою „Н. И. Р“.

По предъявленіи Артамоновой и служанкѣ ея, солдатской вдовѣ Акулинѣ Смѣлковой, трупа неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ придворномъ госпиталѣ, онѣ признали въ немъ своего жильца Ельникова.

Изъ показанія Смѣлковой видно, что Ельниковъ переѣхалъ къ Артамоновой 15-го января 1881 года и велъ весьма уединенную жизнь, принимая лишь по вечерамъ гостей: 3-хъ мужчинъ и 2-хъ женщинъ, изъ которыхъ одинъ мужчина, высокій и черный, приходилъ обыкновенно вмѣстѣ съ женщиною съ большимъ лбомъ, казавшеюся его женою. Въ ночь на 26-е февраля Ельниковъ первый разъ ночевалъ дома; 26-го числа вечеромъ пришли къ нему упомянутые мужчина съ женщиной и кромѣ того еще другой свѣтлорусый его знакомый, при чемъ пробыли у него до 12 час. ночи; 27-го и 28-го февраля Ельникова дома не было, а 1-го марта онъ всталъ раньше обыкновеннаго, въ 8 час. утра, быстро одѣлся и ушелъ, послѣ чего уже не возвращался.

По предъявленіи Смѣлковой обвиняемыхъ Рысакова, Желябова, Софьи Перовской и Геси Гельфманъ, свидѣтельница признала въ нихъ лицъ, приходившихъ къ Ельникову, и, въ частности: въ Рысаковѣ—свѣтлорусаго человѣка, нерѣдко приходившаго съ высокимъ, чернымъ мужчиною и его спутницею, и бывшаго у Ельникова съ ними же 26-го февраля; въ Желябовѣ—человѣка, приходившаго къ Ельникову не менѣе 3 разъ; въ Перовской — упомянутую спутницу высокаго чернаго мужчины; въ Гельфманъ—женщину, три раза не заставшую Ельникова дома и въ послѣдній разъ оставившую ему записку.

По предъявленіи свидѣтельницѣ трупа Николая Саблина, проживавшаго въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго и застрѣлившагося передъ обыскомъ въ ночь на 3 марта, Смѣлкова признала въ немъ высокаго чернаго мужчину, часто приходившаго къ Ельникову, вмѣстѣ съ упомянутою женщиною съ большимъ лбомъ.

По предъявленіи того же трупа Сабшина свидѣтельницѣ Ермолиной, она признала въ немъ сходство съ однимъ изъ шести лицъ, посѣщавшихъ Рысакова въ ея квартирѣ.

Сверхъ упомянутыхъ уже выше предметовъ, найденныхъ по обыскамъ у Желябова, у Сабшина и Гельфманъ, въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, и у Перовской, у нихъ, между прочимъ, оказались:

У Желябова—кромѣ нумеровъ „Земли и Воли" и „Народной Воли": 1) нѣсколько прокламацій, въ томъ числѣ отъ „исполнительнаго комитета", по поводу взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, 5-го февраля 1880 года; 2) гектографированная „Программа дѣйствій великорусской партіи соціалистовъ-федералистовъ", съ объяснительною запискою, и 3) шестнадцать экземпляровъ фотографическихъ группъ осужденныхъ государственныхъ преступниковъ.

У Сабшина и Гельфманъ: 1) печатная прокламація отъ „исполнительнаго комитета", съ надписью внизу: „исполнительный комитетъ. 1-го марта 1881 года. Типографія Народной Воли. 2-го марта 1881 года", по поводу злодѣянія 1-го марта, въ которой о немъ объявляется какъ о совершившемся уже событіи, съ изложеніемъ причинъ и требованій, предъявляемыхъ такъ называемою „соціально-революціонною партіею" къ будущему; 2) многія революціонныя періодическія изданія и брошюры на русскомъ языкѣ; 3) два револьвера съ принадлежностями и кастетъ; 4) кусокъ грифеля, съ вырѣзанною на немъ печатью московскаго генералъ-губернатора, и 5) записка безъ адреса, подписи и числа, на небольшомъ клочкѣ бумаги, относящаяся, повидимому, до организаціи преступной дѣятельности „партіи". Въ запискѣ этой говорится о добываніи и присылкѣ револьверовъ, кинжаловъ, паспортовъ, печатей мѣщанскаго старосты, о дѣйствіи силою, и между прочимъ значится: *„дѣло пошло какъ по маслу, нужна бы женщина Еврейка, для не интеллигентной роли, попросите отъ меня Гесю, не возьмется ли она за это: если нѣтъ, то тогда пусть А. М. поручитъ ей веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ, а сама пріѣзжаетъ"*.

У Перовской—1) печатная программа „исполнительнаго комитета"; 2) два экземпляра печатной программы рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли"; 3) 17 экземпляровъ „приложенія къ № 2 Рабочей Газеты"; 4) рукопись подъ заглавіемъ: „Подготовительная работа партіи", содержаніе которой, послѣ введенія, трактующаго объ общихъ приготовленіяхъ къ возстанію, излагается по отдѣламъ съ слѣдующими заглавіями: А) центральная организація, Б) организаціи мѣстныя и спеціальныя, В) городскіе рабочіе, Г) войско, Д) интеллигенція и молодежь, и Е) Европа; 3) листки бумаги съ цифрами (повидимому шифромъ) и разными замѣтками противоправительственнаго направленія; 6) записная книжка съ разными чертежами и замѣтками, представляющими какъ бы условные слова и знаки.

Кинжалъ, бывшій при Рысаковѣ на мѣстѣ преступленія и полученный имъ, по его показанію, отъ Желябова, по внѣшнему своему виду, имѣющимся на немъ знакамъ и выдѣлкѣ, оказался совершенно тождественнымъ съ кинжалами, отобранными: 1) у называющаго себя харьковскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Яковенко, арестованнаго въ Петербургѣ въ день задержанія Тригони и Желябова и обвиняемаго по дѣлу объ Александрѣ Михайловѣ и другихъ, такъ называемыхъ „террористахъ", и 2) у вышеупомянутаго сына священника Орлова, задержаннаго 3-го марта въ кондитерской Исакова, по одному изъ адресовъ, найденныхъ у обвиняемаго Тимоѳея Михайлова.

VII.

Независимо отъ всѣхъ приведенныхъ выше прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, показанія, данныя при разслѣдованіи настоящаго дѣла Рысаковымъ, представляя кромѣ полнаго его сознанія, еще и важныя разоблаченія, вполнѣ освѣщаютъ планъ, обстановку и самое совершеніе злодѣянія 1-го марта 1881 года.

Показанія эти, пространно и подробно изложенныя Рысаковымъ собственноручно, при девяти послѣдовательныхъ допросахъ и въ поданномъ имъ особо заявленіи, касаются, по своему содержанію, нижеслѣдующихъ главныхъ предметовъ.

1. *Вступленіе въ соціально-революціонную партію и отношеніе къ ней.*

Сочувствіе къ соціально-революціонному движенію явилось у Рысакова еще до поступленія его въ Горный институтъ, т.-е. до сентября 1879 года, но до января 1881 года участія въ активной дѣятельности партіи „Народной Воли“ онъ не принималъ. Съ начала учебнаго 1880—81 года Рысаковъ возъимѣлъ мысль вступить въ революціонную рабочую организацію, такъ какъ сознавалъ невозможность достигнуть какихъ-либо результатовъ при единоличномъ дѣйствіи. Въ это же время, на квартирѣ студента Урсыновича, Рысаковъ познакомился съ Желябовымъ, называвшимся „Захаромъ“, знакомство съ которымъ дало возможность ему, Рысакову, расширить и осмыслить свою дѣятельность среди рабочихъ. Въ виду успѣшнаго сближенія Рысакова съ рабочими, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, въ январѣ 1881 года Желябовъ привелъ Рысакова въ 7-ю роту Измайловскаго полка, въ квартиру, занятую, по словамъ Желябова, легальными людьми, и тамъ познакомилъ его съ какимъ-то человѣкомъ, который предложилъ ему вступить въ партію членомъ рабочей организаціи. Человѣкъ этотъ доставилъ Рысакову свѣдѣнія о цѣляхъ, составѣ и средствахъ партіи и, между прочимъ, обѣщалъ ему матеріальную помощь въ размѣрѣ 30 рублей въ мѣсяцъ.

Сближаясь съ рабочими подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, Рысаковъ старался организовать рабочіе кружки, возбуждая ихъ къ открытому возстанію съ цѣлью экономическаго и политическаго переворота. Какъ членъ организаціи, Рысаковъ бывалъ на собраніяхъ агитаціонной группы, и раза два или три эти собранія происходили у него. На этихъ сборищахъ, гдѣ онъ встрѣчался съ Желябовымъ, обсуждались вопросы чисто спеціальные и агитаціонные, а о террористическихъ предпріятіяхъ говорилось только какъ о способѣ къ оживленію рабочаго движенія и къ охраненію партіи отъ шпіоновъ, но разсужденія эти носили на себѣ характеръ общій, принципіальный, и личности для исполненія предпріятій еще не намѣчались.

Не раздѣляя всѣхъ воззрѣній „Народной Воли“ и считая ее не знаменемъ, а партіею, онъ тѣмъ не менѣе думалъ, что такъ какъ народъ, неподготовленный къ открытому возстанію, можетъ выйти изъ своего пассивнаго положенія только въ томъ случаѣ, если во главѣ его станетъ смѣлый и рѣшительный предводитель, какимъ прежде были самозванцы, то роль эта должна быть выполнена партіею „Народной Воли“. Въ составъ рабочей организаціи входили: а) *агитаціонная группа*, для пропаганды и руководства движеніемъ, и б) образовавшаяся среди рабочихъ въ февралѣ 1881 года, по инициативѣ Желябова, *боевая дружина* рабочихъ или *террористическій отдѣлъ* для охраненія движенія и рабочихъ отъ шпіоновъ. Агитаціонная группа относилась къ исполнительному комитету какъ подгруппа къ группѣ. Къ агитаціонной группѣ при-

надлежали, кромѣ него, Рысакова, Желябова и Перовской,—человѣкъ, называвшійся „Инвалидомъ“, и человѣкъ, извѣстный ему, Рысакову, подъ названіемъ „Михаила Ивановича“ или „Котика“, которыхъ онъ признать въ предъявленномъ ему трупѣ неизвѣстнаго, умершаго въ Пріемномъ госпиталѣ и проживавшаго подъ именемъ Ельникова въ д. № 59, по Симбирской улицѣ. Террористическій же отдѣлъ состоялъ всего изъ 5—6 человѣкъ, а именно, изъ него, Рысакова, Желябова и Михаила Ивановича, какого-то изъ „интеллигентныхъ“ и, кажется, Тимоѳея Михайлова.

2 *Организація и совершеніе злодѣянія 1-го марта*, по словамъ Рысакова, не должны были явиться и въ дѣйствительности не были прямымъ дѣломъ „террористическаго“ отдѣла рабочихъ. Исходя отъ исполнительнаго комитета, это преступленіе было лишь предложено „комитетомъ“ рабочей боевой дружинѣ, при чемъ онъ, Рысаковъ, даже думалъ сначала, что самое посягательство будетъ совершено кѣмъ-либо изъ членовъ „комитета“.

Рѣчь о цареубійствѣ зашла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ особой конспиративной квартирѣ (Геси Гельфманъ) по Троицкому переулку: на этой послѣдней квартирѣ, недѣли за полторы до 1-го марта, Желябовъ „кликнулъ кличъ“, или, другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое покушеніе на жизнь Государя Императора, рѣшенное „исполнительнымъ комитетомъ“. Послѣ этихъ собраній состоялось еще одно, въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи, сначала событіе, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысаковымъ въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній, представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только-что постигшими ее арестами. На категорическое предложеніе Желябова совершить покушеніе Рысаковъ согласился приблизительно за недѣлю до 1-го марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія съ кружкомъ лицъ, устроивавшихъ посягательство, и былъ введенъ въ новую конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была нанята исключительно для подготовленія цареубійства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отозвались, кромѣ его, Рысакова, еще „Михаилъ Ивановичъ“ и Тимоѳей Михайловъ, а также, повидимому, и человѣкъ, называвшійся „Михайломъ“, съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его познакомилъ Желябовъ, какъ съ „товарищемъ по дѣлу“. Сверхъ названныхъ лицъ на „конспиративной квартирѣ“ появилась и Перовская, съ которою Желябовъ познакомилъ его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, при чемъ Рысаковъ принялъ тогда же участіе, вмѣстѣ съ „Михаиломъ Ивановичемъ“, въ постоянномъ и правильномъ наблюденіи за выѣздами Государя Императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ собирались добровольцы, т.-е. онъ, Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“, Тимоѳей Михайловъ и „Михаилъ“. Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гесю Гельфманъ, а также человѣка, признаннаго имъ въ предъявленномъ ему трупѣ Саблина. На первое же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человѣкъ, котораго называли „техникомъ“ и который подробно объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ по принесеннымъ имъ образцамъ. 28 февраля онъ, Рысаковъ, „техникъ“, Тимоѳей Михайловъ и „Михаилъ Ивановичъ“ ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смольнымъ монастыремъ, пробовать образецъ снаряда; снарядъ этотъ былъ брошенъ Тимоѳеемъ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участ-

ники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ-то указаній отъ Желябова, который однакоже не пришелъ, при чемъ, кажется, Гельфманъ сказала, что если онъ не придетъ, „то значитъ занятъ". На другой день, 1-го марта, въ 9 часовъ утра, согласно состоявшемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были онъ, Рысаковъ, Тимоѳей Михайловъ, „Михаилъ Ивановичъ" и „Михаилъ" Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собою узелъ со снарядами, въ которомъ ихъ было не больше двухъ; она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что, несмотря на работу въ теченіе всей ночи, не успѣли изготовить предположеннаго прежде количества снарядовъ. „Можетъ быть и еще принесутъ", сказала Перовская, „нужно довольствоваться малымъ". Затѣмъ явился „техникъ" и, какъ кажется Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія злодѣянія были даны Перовскою, которая начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ назначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣдующее распредѣленіе на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ при проѣздѣ Государя, а лица, вооруженныя метательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатерининскаго сквера, а „Михаилъ" на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Б. Итальянской близъ Манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, болѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытныя и съ лучшимъ революціоннымъ прошлымъ; здѣсь могли стать „Михаилъ Ивановичъ" и Тимоѳей Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ, по словамъ Перовской, Государя „уже ждутъ", всѣ лица со снарядами должны были, на случай неудачи, спѣшить къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ же если бы Государь Императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданіе съ Перовскою было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать возвращенія Государя въ Зимній дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія Имъ Михайловскаго дворца. Когда же оказалось, что Государь Императоръ прослѣдовалъ въ манежъ не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ, завернутый въ платкѣ, подъ ноги лошадямъ ѣхавшей ему на встрѣчу Императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ. Тутъ же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ передъ собою на далекомъ разстояніи „Михаила Ивановича".

3. Стараясь объяснить *причины, побудившія его рѣшиться на цареубійство*, Рысаковъ показалъ, что партія „Народной Воли" считаетъ терроръ однимъ изъ средствъ предпринятой ею политической борьбы: во-1-хъ, для охраненія революціоннаго движенія; во-2-хъ, для того, чтобы доказать народу силу и тѣмъ „высоко держать свое знамя и доставить ему обаяніе", въ-3-хъ, какъ отвѣтъ на строгія репрессивныя мѣры правительства. Этими же соображеніями обусловливалась и рѣшимость партіи стремиться къ цареубійству. Не раздѣляя ихъ въ цѣломъ ихъ составѣ и не сочувствуя террору вообще, какъ постоянному средству борьбы, онъ, Рысаковъ, однакоже, видѣлъ въ терроръ, и въ особенности въ посягательствѣ на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Монарха, въ данное время, единственный, по его мнѣнію, выходъ изъ общаго натянутаго и тягостнаго положенія, единственное средство создать новыя,

удобнѣйшія условія жизни и дѣятельности соціалиста, какъ дѣятели во имя блага народа. „*Соціалистъ*“, заявляетъ обвиняемый, „*если онъ только вправленъ, носитъ свое право въ дулѣ револьвера*“. Въ частности, съ своей собственной точки зрѣнія, онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ удачномъ цареубійствѣ средство: 1) прекращенія вообще террора, уже ненужнаго при новомъ строѣ; 2) свободнаго развитія мирной соціалистической пропаганды, 3) устраненія экономическихъ причинъ, могущихъ вызвать кровавый деревенскій, аграрный терроръ, направленный противъ ближайшихъ враговъ крестьянства, или безформенный народный бунтъ, недоступный руководству партіи и притомъ столь страшный по своимъ послѣдствіямъ, что, по подлиннымъ словамъ Рысакова, даже „*мы, закоренѣлые злодѣи, и то пугались его*“, и наконецъ 4) устраненія непримиримо-враждебнаго отношенія верховной власти къ соціалистамъ. Въ силу всего этого онъ, по справедливому выраженію Желябова, дѣйствительно рвался на цареубійство. Такимъ образомъ онъ, Рысаковъ, выступивъ, по предложенію Желябова, добровольцемъ для совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, въ сущности совершенно расходился со всею партіею во взглядахъ на значеніе и цѣли этого дѣянія, посредствомъ котораго онъ хотѣлъ вызвать, при измѣнившихся условіяхъ внутренней политической жизни всей страны, переходъ отъ несочувственной ему исключительно политической борьбы къ болѣе согласной съ его убѣжденіями мирной экономической борьбѣ за истинныя, чуждыя посторонней примѣси, соціалистическія начала. Поэтому, давая Желябову согласіе на преступленіе 1-го марта, онъ поступалъ не какъ слѣпое орудіе, а, по его выраженію, *по чистой совѣсти и побужденіямъ своей души и сердца.*

Въ разъясненіе прошедшей жизни и личной обстановки Рысакова, дознаніемъ обнаружены нѣкоторыя характеристическія данныя, а именно:

Сынъ управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Громова въ Вытегорскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, Рысаковъ родился 2-го мая 1861 года, а въ 1874 г. поступилъ въ Череповецкое реальное училище, гдѣ успѣшно окончилъ курсъ въ 1878 году и затѣмъ поступилъ въ горный институтъ, отъ котораго, по крайней бѣдности, неоднократно получалъ единовременныя пособія въ 30—50 р., въ томъ числѣ деньги для внесенія платы за слушаніе лекцій и на практическія занятія. Кромѣ того, онъ получалъ еще изъ конторы Громова по 30 руб. въ мѣсяцъ, за счетъ своего отца. Въ декабрѣ 1879 года, по арестованіи государственнаго преступника Степана Ширяева, Рысаковъ съ товарищемъ своимъ Коновкинымъ явился на квартиру Ширяева требовать выдачи оставшихся послѣ него вещей, вслѣдствіе чего и былъ задержанъ, при чемъ оказалось, что передъ этимъ Рысаковъ жилъ на одной квартирѣ съ обвиняемою по одному съ Ширяевымъ дѣлу, Анною Долгоруковою. Въ декабрѣ 1880 года былъ произведенъ обыскъ у заподозрѣннаго въ политической неблагонадежности рабочаго Ивана Гаврилова, у котораго проживалъ и Рысаковъ. Это обстоятельство, по объясненію Рысакова, и побудило его, во избѣжаніе ареста, перейти на такъ называемое „нелегальное“ положеніе, т.-е. проживать по чужому паспорту на имя Глазова. Съ того же времени, приблизительно съ января 1881 года, онъ окончательно примкнулъ къ „соціально-революціонной партіи“ и сталъ чрезъ Желябова получать содержаніе изъ ея фонда по 30 руб. въ мѣсяцъ. За недѣлю до перехода его на нелегальное положеніе, Желябовъ, заявивъ ему о крайней недостаточности средствъ „соціально-революціонной партіи“, просилъ его достать денегъ, вслѣдствіе чего Рысаковъ, подъ предлогомъ прак-

тическихъ занятій, взялъ у кассира Громова свое содержаніе за 3 мѣсяца впередъ, изъ котораго и передалъ Желябову около 50 рублей.

По отзывамъ свидѣтелей, знавшихъ Рысакова въ Череповецкомъ реальномъ училищѣ и въ горномъ институтѣ, онъ учился усердно и велъ весьма скромную жизнь

По показанію свидѣтельницы Ермолиной, Рысаковъ, обыкновенно вставшій послѣ ночныхъ отлучекъ весьма поздно, 1-го марта всталъ рано и, въ противоположность своей всегдашней угрюмости, казался особенно веселымъ и разговорчивымъ. На вопросъ Ермолиной, куда онъ собрался такъ рано. Рысаковъ, уходя, отвѣчалъ „служба“, а на замѣчаніе ея, что сегодня воскресенье и нигдѣ присутствія нѣтъ, обвиняемый сказалъ, что онъ идетъ въ гости и что это—„все равно служба“.

Обвиняемый Андрей Ивановъ Желябовъ, признавая фактическую сторону приписываемыхъ ему преступныхъ дѣяній и сообщая нѣкоторыя подробности объ организаціи „соціально-революціонной партіи“, объяснилъ, что служитъ дѣлу народнаго освобожденія и принадлежитъ къ партіи „Народной Воли“, которая считаетъ уничтоженіе правителей однимъ изъ средствъ активной борьбы для достиженія своихъ цѣлей. Состоя агентомъ третьей степени при „исполнительномъ комитетѣ“, т.-е. пользуясь его довѣріемъ, онъ получилъ отъ „комитета“ порученіе организовать посягательство на жизнь Государя Императора. Для этой цѣли изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ партіи, которыхъ въ распоряженіи „комитета“ имѣется нѣсколько, и въ томъ числѣ боевая рабочая дружина, были вызваны „добровольцы“. Изъ числа отвѣтившихъ на этотъ призывъ 47 человѣкъ, онъ, Желябовъ, выбралъ наиболѣе, по его мнѣнію, пригодныхъ, въ томъ числѣ и Рысакова, котораго онъ считалъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ революціонному дѣлу дѣятелей, но которому, однакоже, онъ, Желябовъ, отводилъ лишь мѣсто пособника, для выправки изъ него самостоятельнаго бойца на будущее время. Не сообщая объ этомъ Рысакову, обвиняемый заставилъ его переживать самыя серьезныя ожиданія. Тѣмъ не менѣе вліяніе его, Желябова, подъ которымъ въ извѣстной степени находился Рысаковъ, не исключало его самобытнаго развитія и таковой же дѣятельности. Для совершенія цареубійства были избраны метательные снаряды. Тимоѳей Михайловъ въ этомъ дѣлѣ не принималъ никакого участія. Что же касается до него, Желябова, то арестъ помѣшалъ ему принять физическое участіе въ посягательствѣ на жизнь Государя Императора, нравственное же его участіе было полное.

2-го марта обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора С.-Петербургской судебной палаты заявленіе, въ которомъ, высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя, по его выраженію, „пріобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта“, объясняетъ, „что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и не принялъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь по „случайности“. Далѣе, восхваляя Рысакова, онъ выражаетъ опасеніе, что правительство, „за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, „ветерана революціи“, предпочтетъ „внѣшнюю законность внутренней справедливости“, во избѣжаніе чего онъ, Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ Желябова, котораго умершій обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ террористахъ Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность „въ высшей степени развитую и геніальную“, оказывается, что Желябовъ въ 1872 году былъ исключенъ изъ

Новороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и, по оправданіи, по собственному его показанію, проживалъ подъ разными именами, въ разныхъ мѣстахъ, на средства изъ фонда народа.

Обвиняемая Софья Львова Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи „Народной Воли", такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 года, показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поступивъ въ 1869 г. на высшіе женскіе курсы при 5-й С.-Петербургской мужской гимназіи, она въ 1870 году оставила родительскій домъ и послѣ нѣкотораго подготовленія сдѣлалась народною учительницей, а въ 1872 году примкнула къ революціонному движенію, при чемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 году она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ Олонецкую губернію, но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила „нелегально" подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 года, подъ фамиліею Войновой, она поселилась въ Петербургѣ, въ д. № 17/18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, вмѣстѣ съ своею знакомою, настоящей фамиліи которой она назвать не желаетъ и которая проживала подъ фамиліей Сиповичъ. Въ сентябрѣ къ ней на квартиру, вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ, переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ „партіи" „Народной Воли" и „агентъ исполнительнаго комитета", она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами Государя Императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28-го февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подкопъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда Государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подкопа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ, именно два, она, Перовская, утромъ привезла въ д. № 5, по Телѣжной улицѣ, въ квартиру, хозяевами которой были застрѣлившійся въ ней передъ обыскомъ человѣкъ (Саблинъ) и Геся Гельфманъ. Своихъ снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды, принесенные другими, она объяснить не желаетъ. По спѣшности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго наканунѣ рѣшенія совершить преступленіе 1-го марта, не могло быть приготовлено большого количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская, и объяснила своимъ соучастникамъ, по пріѣздѣ своемъ на квартиру по Телѣжной улицѣ, утромъ назваинаго дня. Здѣсь же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждаго, она нарисовала на конвертѣ найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ и назвать ихъ, кромѣ Рысакова, также получившаго снарядъ. По заранѣе составленному плану, отправивъ на условленныя мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, при чемъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади для того, чтобы наблюдать за направленіемъ пути, принимаемымъ

Государемъ Императоромъ. Увидя, что Его Величество, не проѣхавъ по Малой Садовой и такимъ образомъ благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій дворецъ и затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченнымъ ею лицамъ со снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала, молча, сморкаясь въ платокъ, условный сигналъ, означавшій, что нужно идти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ. Сама же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ таковаго для нея въ этотъ день недостало Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала, для того, чтобы оттуда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ Во время обоихъ взрывовъ она находилась на противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась.

Что же касается до мотивовъ своей преступной дѣятельности въ составѣ „партіи Народной Воли“, то Перовская дала имъ слѣдующее объясненіе: стремясь къ поднятію экономическаго благосостоянія народа, а также уровня его нравственнаго и умственнаго развитія, члены партіи, съ цѣлью пробудить въ народѣ общественную жизнь и сознаніе его гражданскихъ правъ, стали селиться въ разныхъ мѣстностяхъ среди народа для пропаганды. Когда же правительство отвѣтило на это рядомъ репрессивныхъ мѣръ и тѣмъ сдѣлало такую постановку дѣятельности невозможною, „партія“, послѣ долгаго колебанія, была вынуждена перейти къ политической борьбѣ противъ существующихъ государственныхъ формъ, какъ главнаго препятствія къ достиженію цѣлей „партіи“. Большинство „партіи“ не сочувствовало этой борьбѣ, порицало ее, но она тѣмъ не менѣе была предпринята и притомъ, главнымъ образомъ, посредствомъ „террористическихъ фактовъ“. Упорство же въ покушеніяхъ на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора было вызвано убѣжденіемъ, что усопшій Государь никогда не измѣнитъ „ни Своего отношенія къ партіи“, ни Своей внутренней политики.

Кромѣ вышеприведенныхъ, сообщенныхъ самою обвиняемою Перовскою, свѣдѣній о ея прошломъ, изъ дѣла видно 1) что въ 1871 году Софья Перовская, бывшая тогда 18-ти лѣтъ отъ роду, привлекалась къ дознанію о Николаѣ Гончаровѣ и тайномъ кружкѣ, въ составъ котораго входили, кромѣ Гончарова, обвинявшіеся впослѣдствіи въ государственныхъ преступленіяхъ Натансонъ, Лудновскій, Чайковскій и др.; 2) что по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи Перовская привлекалась къ суду по обвиненію въ принадлежности къ тайному преступному кружку „Чайковцевъ“, образовавшемуся въ 1873 году, но была оправдана.

Обвиняемая Геся Мирова Гельфманъ, не признавая себя ни въ чемъ виновною, первоначально отказалась дать какія-либо объясненія какъ по содержанію предъявленныхъ къ нѣй обвиненій, такъ и вообще по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, а затѣмъ, на допросѣ 12-го марта сего года, по признаніи ея свидѣтелемъ Усмановымъ Булатовымъ за личность, жившую въ д. № 27/1, по Троицкому переулку, подъ именемъ Николаевой, показала, что она, дѣйствительно, жила въ этой квартирѣ, которая была „конспиративною“, съ человѣкомъ, называвшимся ея мужемъ, Андреемъ Николаевымъ; настоящаго же имени его она сказать не желаетъ. Здѣсь бывали у нихъ Желябовъ, Перовская и человѣкъ, умершій 1-го марта въ Придворномъ госпиталѣ, извѣстный ей, Гельфманъ, подъ именемъ „Михаила Ивановича“ или „Котика“. Здѣсь же, у Гельфманъ и ея сожителя, помѣщалась тайная типографія „Рабочей Газеты“, 1-й

нумеръ которой, а также „Программа рабочихъ членовъ партіи“ и были ими напечатаны, при чемъ она, Гельфманъ, исполняла обязанности наборщицы. „Рабочую Газету“ она сама раздавала между рабочими. Желая быть сотрудникомъ этой газеты, печатаніе которой у нихъ въ квартирѣ прекратилось недѣли за двѣ до переѣзда обвиняемой изъ Троицкаго переулка, когда всѣ принадлежности типографіи были куда-то увезены отъ нихъ. Послѣ того какъ называвшійся мужемъ ея Николаевымъ былъ, по выраженію Гельфманъ, „отозванъ по дѣлу“, она вмѣстѣ съ Саблинымъ, который подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго назывался также ея мужемъ, переѣхала въ домъ № 5 по Телѣжной улицѣ.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, Геся Гельфманъ была осуждена въ 1877 году по дѣлу о распространеніи книгъ преступнаго содержанія въ губерніяхъ Московской и другихъ и приговорена Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената за принадлежность къ преступному тайному сообществу (по 2 отд. ст. 250 улож. наказ.), но лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, къ заключенію въ рабочемъ домѣ на 2 года. Приговоръ этотъ былъ обращенъ къ исполненію, при чемъ срокъ содержанія Гельфманъ въ рабочемъ домѣ истекъ 7-го мая 1879 года.

Обвиняемый Тимоѳей Михайловъ, отказываясь отвѣчать на большую часть предложенныхъ ему вопросовъ, между прочимъ и на вопросы о предметахъ обвиненія, призналъ свою принадлежность какъ къ той части „русской соціально-революціонной партіи“, которая придерживается террористическаго направленія, такъ въ частности и къ „боевой рабочей дружинѣ“, имѣющей, по его словамъ, цѣлью охранять рабочихъ отъ ихъ враговъ, напр., отъ шпіоновъ, а также подвергать избіенію нелюбимыхъ рабочими мастеровъ. Дружину эту обвиняемый называетъ „терроромъ“. 3-го марта онъ пришелъ въ домъ № 5 по Телѣжной улицѣ, по приглашенію своего товарища, назвать котораго не желаетъ. Все, что въ показаніяхъ Рысакова относится до него, Михайлова, онъ признаетъ ложью. Предъ задержаніемъ своимъ онъ проживалъ на углу Дегтярной и 5-й улицъ Песковъ, въ д. № 33 14, подъ именемъ и по паспорту черниговскаго мѣщанина Сергѣя Лапина.

По собраннымъ при дознаніи свѣдѣніямъ, Тимоѳей Михайловъ, по прозвищу Махровъ, ремесломъ котельщикъ, прибылъ въ С.-Петербургъ съ родины лѣтъ 6 тому назадъ и затѣмъ работалъ на разныхъ заводахъ, при чемъ, по удостовѣренію сына дьячка Александра Бѣличева, работавшаго вмѣстѣ съ Михайловымъ на заводѣ Фридланда, Михайловъ уже года $1^1/_2$ тому назадъ, повидимому, принадлежалъ къ тайному сообществу или кружку рабочихъ, въ которомъ читались запрещенныя брошюры и газета „Земля и Воля“. По показанію брата Тимоѳея Михайлова, Григорія Михайлова, онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ, въ началѣ февраля, на заводѣ, бывшемъ Макферсона, гдѣ Тимоѳей Михайловъ проработалъ всего полтора дня, и затѣмъ, взявъ свой паспортъ, ушелъ, послѣ чего братъ его уже болѣе не видѣлъ.

VIII.

Сверхъ вышеизложенныхъ предметовъ настоящаго дѣла, на обвиняемыхъ Андрея Иванова Желябова и Софью Львову Перовскую падаетъ еще обвиненіе въ участіи вмѣстѣ съ другими лицами: на первато—въ покушеніи на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, произведенномъ 18-го ноября 1879 года, близъ города Александровска, Екатеринославской

губерніи, а на вторую—въ такомъ же покушеніи, совершенномъ 19-го того же ноября, близъ города Москвы, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги.

1. Къ изобличенію Желябова въ вышеуказанномъ преступленіи служатъ слѣдующія данныя дознанія

Привлеченный къ дознанію по обвиненію въ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Крапоткина, совершенномъ 9-го февраля 1879 года въ городѣ Харьковѣ, и въ покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенномъ 2-го апрѣля 1879 года, сынъ купца Григорій Гольденбергъ, нынѣ умершій, въ показаніи своемъ, данномъ въ маѣ 1880 года, между прочимъ объяснилъ, что во второй половинѣ іюня мѣсяца 1879 года, въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, состоялся общій съѣздъ дѣятелей соціально-революціонной партіи въ Россіи для пересмотра программы народнической партіи и совѣщанія о мѣрахъ противодѣйствія строгимъ правительственнымъ распоряженіямъ. Въ числѣ лицъ, собравшихся въ Липецкѣ, въ количествѣ около 15 человѣкъ, на съѣздѣ этомъ былъ крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, проживавшій въ то время подъ именемъ Чернявскаго. Совѣщанія Липецкаго съѣзда привели къ рѣшенію предпринять цѣлый рядъ покушеній на жизнь Священной Особы Государя Императора, и между прочимъ—произвести взрывъ полотна желѣзной дороги близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, во время слѣдованія Императорскаго поѣзда по пути изъ Крыма. По словамъ Гольденберга, въ двадцатыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 года, въ городъ Харьковъ прибыли: нѣкто Кошурниковъ и Андрей Пресняковъ (нынѣ казненный), которые привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита и проволоку для употребленія ихъ при взрывѣ близъ города Александровска; въ то же время, въ городѣ Харьковѣ устраивали сходки для обсужденія вопроса о способѣ осуществленія этого посягательства на жизнь Государя Императора. Здѣсь Гольденбергъ и Желябовъ (подъ именемъ Борисова), доказывая на сходкахъ необходимость террористическаго образа дѣйствій, подготовляли все нужное для приведенія въ исполненіе своего преступнаго умысла.

Изъ числа лицъ, участвовавшихъ на сходкахъ—Желябову, Акимовой (то же Баска) и нынѣ осужденнымъ Тихонову и Окладскому было поручено произвести взрывъ подъ Императорскимъ поѣздомъ въ городѣ Александровскѣ, куда Желябовъ послѣ этого и отправился, подъ именемъ купца Черемисова. Въ октябрѣ же мѣсяцѣ 1879 года, какъ удостовѣрили спрошенные при дознаніи свидѣтели: мѣщане Тимоѳей и Марья Бовенко, въ городъ Александровскъ пріѣхалъ молодой человѣкъ, назвавшійся ярославскимъ купцомъ Черемисовымъ, и сталъ хлопотать объ отводѣ ему участка земли для устройства кожевеннаго завода. Получивъ разрѣшеніе думы на устройство этого завода, онъ выбралъ себѣ участокъ земли близъ полотна желѣзной дороги, но въ отводѣ этого участка ему было отказано, послѣ чего онъ указалъ другой участокъ, вблизи селенія Вознесенки, въ сторонѣ, противоположной отъ желѣзной дороги. Въ концѣ октября мѣсяца Черемисовъ (Желябовъ) поселился въ домѣ мѣщанъ Бовенко съ какою-то женщиною, которую онъ называлъ своею женою; съ этого времени у него стали появляться новыя лица, изъ коихъ двое оставались и жили у него — одинъ около мѣсяца, а другой нѣсколько дней; постоянно говоря съ своими хозяевами и сосѣдями о своемъ намѣреніи устроить кожевенный заводъ, онъ однакоже не принималъ никакихъ мѣръ къ его устройству; въ половинѣ ноября мѣсяца выѣхала изъ города Александровска женщина, называвшая себя женою Черемисова, а въ двадцатыхъ числахъ ноября уѣхали оттуда—Черемисовъ и находившіяся съ нимъ въ сношеніяхъ два лица,

при этомъ Черемисовъ наскоро продалъ имѣвшихся у него лошадей и телѣгу и оставилъ въ домѣ Бовенко всю мебель. По справкѣ въ Ярославской мѣщанской управѣ, паспортъ, предъявленный Черемисовымъ въ Александровскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, оказался подложнымъ.

Указанные Гольденбергомъ, какъ бывшіе кромѣ Желябова участниками злодѣйскаго покушенія на жизнь Государя Императора въ городѣ Александровскѣ, Андрей Пресняковъ, Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій сознались въ этомъ преступленіи и были осуждены за это приговоромъ С.-Петербургскаго военно-окружного суда, состоявшимся въ октябрѣ 1880 года, Якимова же осталась неразысканною. Изъ показаній упомянутыхъ осужденныхъ, а также изъ протокола осмотра мѣста закладки ими динамитной мины видно, что два мѣдные цилиндра съ динамитомъ и другія приспособленія для работъ по устройству взрыва были заблаговременно привезены кѣмъ-то изъ злоумышленниковъ въ городъ Александровскъ, въ квартиру Бовенко. Въ теченіе двухъ ночей производилась работа по укладкѣ проволоки отъ грунтовой дороги, идущей отъ города Александровска въ окрестныя селенія, къ полотну желѣзной дороги, на четвертой верстѣ отъ города, по пути къ станціи Лозовой; затѣмъ послѣдовала самая закладка двухъ цилиндровъ съ динамитомъ подъ шпалы, гдѣ они были уложены одинъ отъ другого на разстояніи 34-хъ саженъ; проволока, проложенная отъ проѣзжей дороги до обрыва, спускалась въ оврагъ и затѣмъ, поднимаясь на насыпь желѣзнодорожнаго пути, вышиною въ 11 саженъ, соединялась тамъ съ заложенными подъ шпалы цилиндрами, а отъ нихъ шла къ ближайшему цинковому листу, который сообщался со вторымъ листомъ, уложеннымъ въ 7 саженяхъ отъ проѣзжей дороги и въ свою очередь соединявшимся проволокою съ аппаратомъ, помѣщеннымъ въ телѣгѣ въ моментъ неудавшагося взрыва. 16-го ноября Пресняковъ, поселившійся въ г. Симферополѣ для полученія свѣдѣній о времени выѣзда Государя Императора изъ Крыма, пріѣхалъ въ г. Александровскъ и сообщилъ своимъ единомышленникамъ, что Государь Императоръ послѣдуетъ чрезъ г. Александровскъ 18-го числа того же мѣсяца. Въ этотъ послѣдній день, часовъ въ 9 утра, Тихоновъ, Желябовъ, Окладскій и Пресняковъ, помѣстивъ въ телѣгу аппаратъ, поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ были заложены минныя проволоки, и здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли концы проволоки, передалъ ихъ Желябову; когда Императорскій поѣздъ вышелъ со станціи и нѣсколько вагоновъ его прошли уже надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была заложена мина, по сигналу Окладскаго: „Жарь“— Желябовъ сомкнулъ цѣпь, но, по неизвѣстной причинѣ, взрыва не произошло, и Императорскій поѣздъ прослѣдовалъ благополучно мимо злоумышленниковъ. По изслѣдованіи цилиндровъ, найденныхъ, по указанію осужденнаго Тихонова, подъ шпалами, экспертъ генералъ-маіоръ Ѳедоровъ нашелъ, что цилиндры эти представляютъ собою двѣ мины, снаряженныя магнезіальнымъ динамитомъ и снабженныя электрическими запалами, при чемъ одинъ цилиндръ сполна наполненъ динамитомъ, а другой—только до половины. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, по задержаніи его 27-го февраля въ Петербургѣ, Желябовъ объяснилъ, что какъ членъ соціально-революціонной партіи, онъ, для осуществленія идеи уничтоженія правителей и по порученію исполнительнаго комитета, организовалъ покушеніе близъ г. Александровска и принималъ въ осуществленіи его непосредственное участіе.

2. Обстоятельства покушенія 19-го ноября 1879 года на линіи Московско-Курской желѣзной дороги представляются, какъ выяснено дознаніемъ, въ слѣдующемъ общемъ видѣ.

19-го ноября 1879 года, въ одиннадцатомъ часу вечера, на третьей верстѣ отъ Московской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ злоумышленники очевидно предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора. По удостовѣренію управляющаго Московско-Курской желѣзной дороги и помощника начальника первой дистанціи, Потемкина, входившіе въ составъ этого поѣзда два паровоза и первый багажный вагонъ оторвались, одинъ багажный вагонъ повернулся вверхъ колесами и восемь вагоновъ сошли съ рельсовъ, съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями, но при этомъ ни лица, слѣдовавшія на поѣздѣ, ни постороннія лица не понесли никакихъ поврежденій.

При осмотрѣ мѣста взрыва было обнаружено, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго въ 20 саженяхъ отъ желѣзно-дорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшеюся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ; изъ нижняго этажа этого дома была выведена имѣвшая видъ трехгранной призмы галлерея, размѣромъ 0,37 саж. въ основаніи и 0,5 саж. въ высоту, обшитая въ основаніи и по бокамъ досками; при осмотрѣ упомянутаго дома оказалось, что взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, находившейся въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальванической батареи, помѣщенной въ сараѣ. Два проводника, покрытые слоемъ земли, шли отъ батареи по двору до стѣны дома и затѣмъ поднимались по плинтусамъ во второй этажъ, гдѣ они, соединившись со спиралью Румкорфа, спускались по стѣнѣ въ нижній этажъ дома и затѣмъ вступали въ галлерею, ведущую къ минѣ, заложенной на глубинѣ около двухъ саженъ подъ рельсами. Около батареи, въ сараѣ, имѣлось отверстіе, чрезъ которое можно было удобно наблюдать за желѣзно-дорожнымъ путемъ.

По заключенію экспертовъ, на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней, при чемъ работа эта, по ихъ мнѣнію, производилась не менѣе чѣмъ двумя, а скорѣе и бо́льшимъ числомъ лицъ; самый взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, относящихся къ группѣ содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Допрошенными при дознаніи свидѣтелями: Анной Трофимовой, вдовой купца Матреной Суровцевой, крестьяниномъ Алексѣемъ Морозовымъ, мѣщанкой Александрой Кузьминой, Василіемъ Кононовымъ, Ириной и Иваномъ Сѣдоковыми удостовѣрено, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 года съ женщиною, именовавшеюся его женою; первоначально онъ поселился въ домѣ Кузьмина, у Чистыхъ прудовъ, въ Кривомъ переулкѣ, а 13-го сентября пріобрѣлъ покупкою домъ у мѣщанина Кононова, при посредничествѣ мѣщанки Трофимовой; 19-го сентября онъ переѣхалъ въ этотъ домъ и, удаливъ оттуда жильцовъ, подъ предлогомъ необходимыхъ въ домѣ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Послѣ того окна нижняго этажа были наглухо заколочены, двери же заперты, а въ домъ были привезены доски и желѣзныя трубы, найденныя впослѣдствіи въ минной галлереѣ. Сухоруковъ оставался въ Москвѣ вмѣстѣ съ жившею съ нимъ женщиною до взрыва Императорскаго поѣзда, а вслѣдъ за взрывомъ оба они скрылись.

Дознаніемъ обнаружено, что по подложному паспорту на имя Сухорукова проживалъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывающійся

въ настоящее время за границей, проживающая же съ Гартманомъ женщина, именовавшая себя его женою, была признана свидѣтельницею Марьею Соловьевой въ предъявленномъ ей фотографическомъ снимкѣ обвиняемою Софьею Львовой Перовской.

По предъявленіи того же снимка свидѣтельницамъ Ириѣ Сѣдоковой, Аннѣ Трофимовой и Екатеринѣ Григорьевой, онѣ показали, что изображенная на этомъ снимкѣ личность очень похожа на женщину, называвшую себя женою Сухорукова.

Участіе Перовской въ устройствѣ подкопа и взрыва подъ полотномъ Московско-Курской желѣзной дороги выяснилось главнымъ образомъ изъ показаній обвинявшагося въ государственныхъ преступленіяхъ нынѣ умершаго сына купца Григорія Гольденберга, который, по задержаніи его 14-го ноября 1879 года на станціи желѣзной дороги „Елизаветградъ", призналъ себя виновнымъ въ приготовленіяхъ къ означенному взрыву и указалъ своихъ соучастниковъ въ этомъ посягательствѣ на жизнь Государя Императора. По показанію Гольденберга, въ половинѣ октября 1879 года въ городъ Харьковъ пріѣхалъ участвовавшій въ Липецкомъ съѣздѣ и нынѣ осужденный государственный преступникъ Степанъ Ширяевъ и, сообщая о подробностяхъ преступленія, предположеннаго въ Москвѣ, объяснилъ, что тамъ на имя Сухорукова купленъ уже домъ, изъ котораго ведется галлерея подъ полотно желѣзной дороги, при участіи: Гартмана, студентовъ Гришки и Арончика, Александра Михайлова и Софьи Перовской, именовавшей себя Мариной Семеновой—женою Сухорукова. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, Гольденбергъ пріѣхалъ въ Москву и, присоединившись къ кружку названныхъ лицъ, принималъ участіе въ работахъ по устройству подкопа; въ то время между ними уже было рѣшено, что для самаго производства взрыва должны остаться въ домѣ Сухорукова Ширяевъ и Перовская, а остальные участники должны были выѣхать оттуда наканунѣ прибытія въ Москву Императорскаго поѣзда; Перовской было поручено наблюдать у полотна желѣзной дороги за приближеніемъ поѣзда, а Ширяеву—сомкнуть цѣпь по сигналу, данному Перовскою, которая очень гордилась возложеннымъ на нее порученіемъ.

Ширяевъ, задержанный въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 года въ Петербургѣ, подтвердилъ сущность приведенныхъ выше объясненій Гольденберга и добавилъ, что передъ самымъ проѣздомъ Государя Императора состоявшееся у нихъ рѣшеніе о распредѣленіи занятій при взрывѣ было измѣнено, при чемъ вмѣсто него, Ширяева, въ домѣ остались для производства взрыва Гартманъ и Перовская.

Обвиняемая Софья Перовская на допросѣ при дознаніи по настоящему дѣлу объяснила, что дѣйствительно, осенью 1879 года, она подъ именемъ жены Сухорукова—Марины Семеновой, поселилась вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ въ домѣ, купленномъ имъ въ Москвѣ, въ Рогожской части, и проживала тамъ во все время веденія подкопа подъ полотно Московско-Курской желѣзной дороги; 19-го ноября она вышла изъ дома около 10 часовъ вечера, а въ моментъ взрыва находилась дома, съ цѣлью отвлечь подозрѣніе полиціи, если бы послѣдняя явилась къ нимъ въ это время; въ сараѣ же, въ моментъ взрыва, для соединенія батареи, было другое лицо, имени котораго она назвать не желаетъ.

IX.

Изложенныя обстоятельства совершеннаго 1-го марта сего года злодѣйскаго посягательства на жизнь Священной Особы Государя Императора не-

сомнѣнно указываютъ на непосредственную и тѣсную связь его съ рядомъ покушеній на таковое же злодѣяніе, совершенныхъ въ послѣднее время тайнымъ сообществомъ лицъ, именующихъ себя членами „русской соціально-революціонной партіи“ Сформировавшаяся около лѣта 1879 года, какъ обнаружено при разслѣдованіи и разсмотрѣніи въ ноябрѣ 1880 года въ С.-Петербургскомъ военно-окружномъ судѣ дѣла объ осужденныхъ имъ 16 государственныхъ преступникахъ, въ такъ называемую „террористическую фракцію“, она поставила себѣ задачею стремиться къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя путемъ политической борьбы, вѣрнѣйшимъ средствомъ которой, по ея воззрѣніямъ, должны были служить повторяемыя, въ случаѣ неудачи, покушенія на цареубійство. Плодами такой рѣшимости явились послѣдовательныя покушенія на жизнь Его Императорскаго Величества 18-го ноября 1879 года близъ Александровска, Екатеринославской губерніи; 19-го того же ноября близъ города Москвы, на линіи Московско-Курской желѣзной дороги, и наконецъ 5-го февраля 1880 года, посредствомъ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ Въ печатныхъ объявленіяхъ отъ „исполнительнаго комитета“, появлявшихся послѣ каждаго изъ этихъ покушеній, злоумышленники не только провозглашали совершеніе ихъ отъ имени своей такъ называемой „партіи“, но и дерзостно заявляли о твердомъ намѣреніи своемъ продолжать дѣло крови, бунта и цареубійства.

Злодѣйское преступленіе 1-го марта было новымъ и тягчайшимъ звеномъ въ кровавой цѣпи злодѣяній „русской соціально-революціонной партіи“ Въ этомъ съ очевидностью убѣждаютъ какъ совокупность всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, такъ и содержаніе двухъ упомянутыхъ выше прокламацій по поводу злодѣянія 1-го марта 1881 года. 1) „Отъ исполнительнаго комитета“, отъ 1-го марта, и 2) „Отъ рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“, отъ 2-го марта, напечатанныхъ, какъ значится въ нихъ: первая—2-го марта въ типографіи „Народной Воли“, а вторая—3-го марта въ „Летучей типографіи“ того же названія. Въ обоихъ листкахъ заявляется, что злодѣяніе совершено „соціально-революціонной партіей“, двумя агентами „исполнительнаго комитета“, по его постановленію, какъ значится въ первомъ листкѣ, или вообще „соціалистами“, какъ выражено во второмъ. Затѣмъ, въ прокламаціяхъ, изъ которыхъ первая изложена весьма сбивчиво и неясно, а вторая представляетъ очевидную поддѣлку подъ простонародный языкъ, о преступленіи, обагрившемъ Русскую землю царственною кровью, говорится какъ о средствѣ для достиженія цѣлей партіи, заключающихся, насколько можно убѣдиться изъ прокламаціи, въ насильственномъ ниспроверженіи существующаго государственнаго, общественнаго и экономическаго строя.

На основаніи вышеизложеннаго, тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановъ *Рысаковъ*, 19 лѣтъ; крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, села Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, 30 лѣтъ; дворянка Софья Львова Перовская, 27 лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гаврилкова, Тимоѳей Михайловъ, 21 года, и мозырская, Минской губерніи, мѣщанка Геся Мирова Гельфманъ, 26 лѣтъ, обвиняются:

Во-1) въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя „русской соціально-революціонной партіей“, имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, при чемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы

Его Императорскаго Величества, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій властямъ

Во-II) въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, согласились между собою и съ другими лицами лишить жизни Его Императорское Величество Государя Императора, во исполненіе каковаго умысла: а) изъ подвальной лавки въ домѣ гр. Менгдена № 56/8, по Малой Садовой, завѣдомо для названныхъ обвиняемыхъ, былъ проведенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ устроеннымъ въ немъ аппаратомъ для взрыва динамита при проѣздѣ Государя Императора, и б) 1-го марта 1881 года, при проѣздѣ Его Императорскаго Величества, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, по набережной Екатерининскаго канала, Рысаковъ бросилъ метательный взрывчатый снарядъ подъ Императорскую карету, послѣдствіемъ чего былъ взрывъ, послѣ котораго произошелъ другой такой же, произведенный съ тою же цѣлью другимъ соучастникомъ означеннаго сообщества и причинившій Государю Императору тяжкія поврежденія, повлекшія за собою кончину Его Императорскаго Величества, при чемъ при составленіи упомянутаго злоумышленія и приготовленіяхъ къ нему: Желябовъ, умысливъ таковое, согласилъ на него Рысакова и управлялъ приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями; Перовская, по задержаніи Желябова 27-го февраля, руководила не только тѣми же дѣйствіями, но и самымъ совершеніемъ злодѣянія; Тимоѳей Михайловъ участвовалъ въ означенныхъ, совокупными силами совершенныхъ, приготовительныхъ дѣйствіяхъ и, вооруженный метательнымъ снарядомъ, находился на мѣстѣ совершенія злодѣянія для принятія въ немъ участія, а Гельфманъ завѣдывала, въ качествѣ хозяйки, такъ называемыми „конспиративными“ квартирами, въ которыхъ происходили совѣщанія о злодѣяніи и производились приготовленія къ нему. Преступленія эти предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о нак. угол. и исправит., изд. 1866 года

Кромѣ того III) Андрей Желябовъ обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому же названному преступному сообществу, 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска Екатеринославской губерніи, вмѣстѣ съ другими лицами, съ цѣлью лишить жизни нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, устроилъ подъ полотномъ желѣзной дороги мину для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ изволилъ находиться Его Императорское Величество, и при проходѣ означеннаго поѣзда сомкнулъ проведенныя чрезъ мину проводники гальваническаго тока, при чемъ однакоже, по обстоятельствамъ, независящимъ отъ Желябова, взрыва не послѣдовало,—и

IV) Софья Перовская обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому же преступному сообществу и съ тою же цѣлью лишенія жизни нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, принимала вмѣстѣ съ другими лицами непосредственное участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву полотна Московско-Курской желѣзной дороги близъ города Москвы, при прохожденіи Императорскаго поѣзда, во время каковаго прохожденія 19-го ноября 1879 года наблюдала за приближеніемъ означеннаго поѣзда и подала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по которому взрывъ дѣйствительно и послѣдовалъ, не причинивъ однакоже, по обстоятельствамъ отъ обвиняемой не зависѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, слѣдовавшимъ въ поѣздѣ. Преступленія эти, по отношенію къ Желябову и Перовской, предусмотрѣны ст. 241 улож. наказ.

Наконецъ V) Тимоѳей Михайловъ обвиняется въ томъ, что 3-го марта 1881 года, при задержаніи его въ квартирѣ № 5 дома № 5 по Телѣжной

улицѣ, умышленно, съ цѣлью лишить жизни кого-либо изъ задержавшихъ его лицъ, сдѣлалъ въ нихъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, чѣмъ причинилъ опасную рану городовому Ефиму Денисову и контузіи помощнику участковаго пристава Слуцкому. Преступленіе это предусмотрѣно 2 отд. ст. 1459 улож. о наказ., по продолж. 1876 года

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ отъ 6-го и 13-го сего марта и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. угол. суд., 2 ч. XV т. Св. зак. изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше Николай Ивановъ *Рысаковъ*, Андрей Ивановъ *Желябовъ*, Софья Львова *Перовская*, Тимоѳей *Михайловъ* и Геся Мирова *Гельфманъ* предаются суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей

Дополнительный обвинительный актъ

и. о. прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената
Н. В. Муравьева

17-го марта 1881 года въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ разыскиваемый по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ сынъ священника Николай Ивановъ *Кибальчичъ*, проживавшій по Лиговкѣ, въ д. № 83, кв. № 2, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степанова Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты

При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершеннаго 1-го марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя·

I.

По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самаго „техника“, о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоящему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, въ д. № 5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся „техникомъ“, 28-го февраля находился съ нимъ, „Михаиломъ Ивановичемъ“ и Тимоѳеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а утромъ 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежды на мину на Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ „больше иллюзіей“ мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

Обвиняемый Николай Ивановъ Кибальчичъ, сознаваясь въ приписываемомъ ему участіи въ злодѣяніи 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ

въ 1871 году въ число студентовъ института инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, во время пребыванія въ которой и составилъ себѣ соціалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подъ стражу, которому онъ подвергся въ 1878 году за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи освобожденъ въ іюнѣ 1878 года, послѣ отбытія и отбытія наказанія, онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генералъ-адъютанта Мезенцова, перешелъ на нелегальное положеніе, но до весны 1879 года, не имѣя ни связей среди „партіи", ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея дѣятельности. Весною 1879 года онъ предложилъ чрезъ казненнаго нынѣ государственнаго преступника Квятковскаго свои услуги революціонной организаціи, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ правительствомъ всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе. Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 года Липецкаго съѣзда членовъ соціально-революціонной партіи, о которомъ упоминается въ показаніи Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, пріобрѣтя необходимыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, и, рѣшившись изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовлять какъ это вещество такъ и динамитъ домашними средствами.

Въ декабрѣ 1879 года, послѣ покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора близъ города Александровска, Екатеринославской, губерніи, и приготовленія къ таковому же покушенію близъ города Одессы, обвиняемый переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

Рѣшившись во что бы то ни стало совершить удачное посягательство на жизнь Государя Императора, „партія" составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обставлено всѣми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ, съ одной стороны, было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, посредствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія посредствомъ мины. О заложеніи этой послѣдней въ Малой Садовой онъ, Кибальчичъ, узналъ лишь незадолго до 1-го марта, при чемъ, не участвуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлалъ запалъ для заряда мины. Что же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготовлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно—объяснить не желаетъ. Подтверждая вообще показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда, Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Тележной улицѣ—Гельфманъ и Саблинъ; проба же снаряда производилась кромѣ его, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно—

Рысаковымъ и „Михаиломъ Ивановичемъ“. Въ планѣ посягательства 1-го марта главное мѣсто отводилось минѣ на Малой Садовой, и лица, вооруженныя метательными снарядами, разставленныя по обоимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, при чемъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-е марта Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два же другихъ, запасные, привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ При выборѣ времени и мѣста совершенія посягательства онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время проѣзда Государя Императора въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

Излагая собственноручно на листѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица—техники, которыхъ онъ назвать не желаетъ.

По обыску въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, у него, кромѣ разныхъ рукописей и замѣтокъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра, подъ заглавіемъ „Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремучей кислой ртутью малаго и большого сопротивленія“.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти и изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ Новгородсѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ Императорскую медико-хирургическую академію. Въ 1875 году Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: „Сказка о четырехъ братьяхъ“—въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказалось два тюка съ разными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Кибальчичъ приговоромъ особаго присутствія, состоявшимся 1-го мая 1878 г., былъ присужденъ, на основаніи 4 отд. ст. 251 улож., къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По пріѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ въ концѣ 1878 года, онъ проживалъ подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 года по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10, въ „Сарапинской гостинницѣ“; 2) лѣтомъ того же года, по Подольской улицѣ, д. № 11, вмѣстѣ съ неизвѣстной женщиной, называвшейся его женою, 3) осенью 1880 года по Невскому проспекту, д. № 124, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Маѳою Кононовою. Въ послѣднюю квартиру свою на Лиговкѣ Кибальчичъ переѣхалъ 23-го января 1881 года, при чемъ, по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой, и дворника, крестьянина Ѳедора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ изъ дома часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ.

При производствѣ еще неоконченнаго дознанія о дворянинѣ Александрѣ

Михайловѣ и другихъ собраны, между прочимъ, свѣдѣнія о томъ: 1) что въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 11, по Подольской улицѣ, помѣщалась тайная типографія, и 2) что, посѣщая въ теченіе первой половины 1880 года другую конспиративную квартиру, по Подъяческой улицѣ, въ д. № 37, Кибальчичъ занимался въ ней приготовленіемъ динамита. Это послѣднее обстоятельство не отвергается и самимъ Кибальчичемъ.

II.

Привлеченный, въ качествѣ обвиняемаго, къ дознанію о 16 лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ купца Григорій Гольденбергъ (нынѣ умершій), между прочимъ, показалъ, что во исполненіе рѣшенія, состоявшагося на Липецкомъ съѣздѣ „соціально-революціонной партіи", въ іюнѣ 1879 года были предприняты приготовленія къ взрыву Императорскаго поѣзда близъ города Одессы и близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи; въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ приготовленіяхъ, находился сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, участіе котораго, по словамъ Гольденберга, заключалось въ слѣдующемъ: 9-го ноября 1879 года Гольденбергъ отправился изъ Москвы въ Одессу за динамитомъ для взрыва на Московско-Курской желѣзной дорогѣ; на станціи Елисаветградъ онъ встрѣтитъ Кибальчича, ѣхавшаго изъ Одессы, при чемъ этотъ послѣдній объяснилъ, что онъ везетъ въ Александровскъ проволоку къ Желябову и что онъ проживалъ передъ этимъ въ Одессѣ подъ именемъ Иваницкаго, Гольденбергъ сообщилъ Кибальчичу, что ѣдетъ въ Одессу за динамитомъ, на что Кибальчичъ заявилъ ему, что въ Одессѣ, быть можетъ, уже успѣли заложить динамитъ подъ рельсы; вслѣдствіе этого Гольденбергъ рѣшилъ, что ѣхать въ Одессу за динамитомъ безполезно, и послалъ по этому поводу, по соглашенію съ Кибальчичемъ, телеграмму Колоткевичу, распоряжавшемуся одесскими приготовленіями.

Дознаніемъ обнаружено, что 11-го ноября 1879 года дѣйствительно была послана со станціи Елисаветградъ, Харьково-Николаевской желѣзной дороги, телеграмма, адресованная въ Одессу Михаилу Ѳедорову Сидоренко (подъ именемъ котораго проживалъ тамъ Колоткевичъ) слѣдующаго содержанія: „Не посылайте напрасно вина, подождите моего повѣреннаго, завтра утромъ пріѣдетъ—Максимовъ", при чемъ по показанію Гольденберга, подъ виномъ слѣдовало разумѣть динамитъ.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Кибальчичъ объяснилъ, что, проживая въ 1879 году въ Одессѣ, по Екатерининской улицѣ, въ д. № 66, подъ именемъ Максима Петрова Иваницкаго, онъ зналъ о всѣхъ покушеніяхъ на жизнь Государя Императора, предпринятыхъ осенью въ 1879 году, и принималъ активное участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда близъ города Одессы, при чемъ имѣлъ у себя всѣ матеріалы, необходимые для взрыва; такъ, съ этою цѣлью онъ отдалъ въ магазинъ Левенталя для починки спираль Румкорфа, а когда починка была произведена неудовлетворительно, онъ купилъ новую спираль въ магазинѣ Розенталя, вслѣдъ затѣмъ онъ узналъ, что Государь Императоръ на обратномъ пути изъ Крыма не поѣдетъ черезъ Одессу, и потому счелъ полезнымъ отвести одну изъ спиралей въ Александровскъ, гдѣ она была въ неудовлетворительномъ видѣ; исполняя это послѣднее рѣшеніе, онъ поѣхалъ въ Александровскъ и по дорогѣ встрѣтился съ Гольденбергомъ.

Показаніе обвиняемаго Кибальчича о пріобрѣтеніи въ Одессѣ матеріаловъ, необходимыхъ для взрывовъ, подтверждается показаніемъ свидѣтелей: Людвига Левенталя, Самуила Левенсона и Давида Розенталя.

При осмотрѣ домовой книги въ д. № 66, по Екатерининской улицѣ, гор. Одессы, оказалось, что въ квартирѣ № 22 дѣйствительно проживалъ въ этомъ домѣ, въ 1879 году, коллежскій регистраторъ Максимъ Петровъ Иванцкій съ женою Елисаветой, по аттестату Херсонско-Бессарабскаго губернскаго управленія государственными имуществами, отъ 24-го марта 1876 года за № 5729.

На основаніи вышеизложеннаго сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ обвиняется:

I. Въ принадлежности къ тайному сообществу, именующему себя соціально-революціонной партіей, имѣющему цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный строй, при чемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ, и вооруженныхъ сопротивленій властямъ, т.-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 249 ст. улож. наказ. изд. 1876 года.

II. Въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, онъ согласился съ другими лицами лишить жизни Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, во исполненіе каковаго умысла:

1) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву, 18-го ноября 1879 г., полотна желѣзной дороги при проходѣ Императорскаго поѣзда изъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, посредствомъ доставленія одному изъ участниковъ означеннаго взрыва, Андрею Иванову Желябову, необходимой для совершенія этого преступленія спирали Румкорфа.

2) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію, въ томъ же 1879 году, таковаго же взрыва на Одесской желѣзной дорогѣ, близъ города Одессы, посредствомъ храненія у себя всѣхъ нужныхъ для совершенія этого преступленія снарядовъ, и между прочимъ посредствомъ пріобрѣтенія и приспособленія спиралей Румкорфа. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 242 улож. наказ. 1866 года.

3) Изобрѣлъ, изготовилъ и приспособилъ четыре метательныхъ снаряда, посредствомъ которыхъ совершено было 1-го марта сего 1881 года злодѣйское посягательство на жизнь Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, при чемъ однимъ изъ означенныхъ снарядовъ произведенъ былъ взрывъ, причинившій Его Величеству тяжкія поврежденія, отъ которыхъ того же 1-го марта Государь Императоръ въ Бозѣ почилъ. Преступленіе это предусмотрѣно ст 241 улож. наказ. изд. 1866 года.

По перечисленнымъ обвиненіямъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 6-го и 13-го сего марта и ст. 1032, 1052 уст. угол. суд., 2 ч. XV т. Св. зак., изд. 1876 года, по прод. 1879 года, Николай Ивановъ Кибальчичъ предается суду Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ марта 21-го дня 1881 года въ С.-Петербургѣ.

По окончаніи судебнаго слѣдствія исполнявшій обязанности прокурора произнесъ нижеслѣдующую обвинительную рѣчь, приводимую здѣсь въ томъ нѣсколько сокращенномъ видѣ, въ какомъ она напечатана въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

Гг. сенаторы, гг. сословные представители! — Призванный быть на судѣ обвинителемъ величайшаго изъ злодѣяній когда-либо совершившихся на русской землѣ, я чувствую себя совершенно подавленнымъ скорбнымъ величіемъ лежащей на мнѣ задачи. Передъ свѣжею, едва закрывшеюся могилою нашего возлюбленнаго Монарха, среди всеобщаго плача Отечества, потерявшаго такъ неожиданно и такъ ужасно своего незабвеннаго Отца и Преобразователя, я боюсь не найти въ своихъ слабыхъ силахъ достаточно яркаго и могучаго слова, достойнаго того великаго народнаго горя, во имя котораго я являюсь теперь передъ вами требовать правосудія, виновнымъ требовать возмездія, а поруганной ими, проклинающей ихъ Россіи—удовлетворенія! Какъ русскій и вѣрноподданный, какъ гражданинъ и какъ человѣкъ, я исполню свою обязанность, положивъ въ нее всѣ силы, всю душу свою; но на моемъ пути есть одно не легко преодолимое препятствіе, о которомъ я не могу не сказать вамъ, потому что увѣренъ, что съ нимъ столкнетесь—или уже столкнулись—и вы. Трудно, милостивые государи, быть юристомъ, слугою безличнаго и безстрастнаго закона въ такую роковую историческую минуту, когда и въ себѣ самомъ, и вокругъ все содрогается отъ ужаса и негодованія, когда при одномъ воспоминаніи о событіи 1-го марта—неудержимыя слезы подступаютъ къ глазамъ и дрожатъ въ голосѣ, когда все, что̀ есть въ странѣ честнаго и вѣрнаго своему долгу, громко вопіетъ объ отмщеніи; трудно, но для насъ, людей суда, обязательно и необходимо прежде всего потому, что о безпристрастіи и спокойствіи всесторонняго судебнаго разсмотрѣнія, о судѣ на точномъ основаніи всѣхъ правилъ и гарантій судопроизводства говоритъ намъ самый законъ, данный тѣмъ же Мудрымъ Законодателемъ обновленной Россіи, чей еще такъ недавно свѣтлый и милостивый образъ мы съ горестью видимъ теперь передъ собою облеченнымъ въ трауръ по Его безвременной кончинѣ. Судебное слѣдствіе, полное потрясающихъ фактовъ и

страшныхъ подробностей, раскрыло такую мрачную бездну человѣческой гибели, такую ужасающую картину извращенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ и инстинктовъ, что намъ понадобится все мужество и все хладнокровіе гражданина, предъ которымъ внезапно открылась зіяющая глубокая язва родины, и отъ котораго эта родина ждетъ перваго ближайшаго спѣшнаго средства для своего исцѣленія. Для того, чтобы произнести надъ подсудимыми судъ справедливости и закона, намъ предстоитъ спокойно изслѣдовать и оцѣнить во всей совокупности несмываемыя пятна злодѣйски пролитой царственной крови, область безумной подпольной крамолы, фанатическое исповѣданіе убійства, всеобщаго разрушенія—и въ этой горестной, но священной работѣ да поможетъ намъ Богъ!

Велѣнія Промысла неисповѣдимы. Совершилось событіе неслыханное и невиданное: на нашу долю выпала печальная участь быть современниками и свидѣтелями преступленія, подобнаго которому не знаетъ исторія человѣчества. Великій Царь-Освободитель, благословляемый милліонами вѣковыхъ рабовъ, которымъ Онъ даровалъ свободу, Государь, открывшій своей обширной странѣ новые пути къ развитію и благоденствію, человѣкъ, чья личная кротость и возвышенное благородство помысловъ и дѣяній были хорошо извѣстны всему цивилизованному міру, словомъ, Тотъ, на Комъ въ теченіе четверти столѣтія покоились всѣ лучшія надежды русскаго народа — палъ мученическою смертью на улицахъ своей столицы среди бѣлаго дня, среди кипящей кругомъ жизни и вѣрнаго Престолу населенія! Я постараюсь доказать впослѣдствіи, что въ этой обстановкѣ преступленія, которую убійцы въ своемъ циническомъ самомнѣніи приписываютъ своему могуществу, сказалась лишь особая злостность адски задуманнаго плана и простое сцѣпленіе роковыхъ случайностей; теперь же я долженъ остановить вниманіе Особаго Присутствія на самомъ событіи этого преступленія и пригласить высокое судилище вмѣстѣ со мною углубиться въ его невыразимо тягостныя подробности. Это не фактъ, это исторія. Съ глубоко-сердечною болью я вызываю это страшное воспоминаніе о цареубійствѣ, но я не могу сдѣлать иначе, по двумъ

причинамъ: во-первыхъ, потому, что изъ кроваваго тумана, застилающаго печальную святыню Екатерининскаго канала, выступаютъ передъ нами мрачные облики цареубійцъ; во-вторыхъ... но здѣсь меня останавливаетъ на минуту смѣхъ Желябова, тотъ веселый или ироническій смѣхъ, который не оставлялъ его во время судебнаго слѣдствія и который, вѣроятно, заставитъ его и потрясающую картину событія 1-го марта встрѣтить глумленіемъ. Но я вижу среди подсудимыхъ людей, которые, каковы бы они ни были, все-таки не въ такомъ настроеніи, какъ Желябовъ, и потому я рѣшаюсь еще разъ подвергнуть общую печаль его глумленію—я знаю, что такъ и быть должно: вѣдь когда *люди* плачутъ, *Желябовы* смѣются! Итакъ, я не могу не говорить о самомъ событіи 1-го марта, во-вторыхъ, потому, что въ настоящія торжественныя минуты суда я хотѣлъ бы въ послѣдній разъ широко развернуть передъ подсудимыми картину событія 1-го марта и сказать имъ: „если у васъ осталась еще хоть капля способности чувствовать и понимать то, что̀ чувствуютъ и понимаютъ другіе люди, носящіе образъ Божій—любуйтесь! Вы этого хотѣли, это дѣло рукъ вашихъ, на васъ лежитъ эта чистая кровь!“

День 1-го марта... кто изъ насъ, кто изъ жителей Петербурга не помнитъ, какъ начался и какъ проходилъ этотъ воистину черный день, мельчайшія особенности котораго неизгладимо врѣзались въ память каждаго? Обычною чередою шла воскресная, праздничная суета огромнаго города; несмотря на нависшее свинцовыми тучами пасмурное снѣжное небо, на улицахъ привычнымъ потокомъ переливалось людское движеніе, и ничто среди этой пестрой, спокойной, своими личными интересами занятой толпы не говорило о томъ, что надъ ней уже вѣяло дыханіе смерти, уже носились кровожадныя мысли убійцъ. Около часу дня окончился въ Михайловскомъ манежѣ разводъ въ Высочайшемъ присутствіи, на этотъ разъ отъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, и Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, оставивъ манежъ, изволилъ заѣхать для завтрака въ Михайловскій дворецъ. Въ 3-мъ часу дня Императорская карета, выѣхавъ изъ дворца,

проѣхала по Инженерной улицѣ и повернула направо по набережной Екатерининскаго канала, по направленію къ Театральному мосту. Карета ѣхала быстро въ сопровожденіи обыкновеннаго коннаго конвоя изъ шести казаковъ и слѣдовавшихъ сзади, въ саняхъ, другъ за другомъ, полицеймейстера полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха и ротмистра Кулебякина. Недалеко отъ угла Инженерной улицы, подъ Императорскою каретою внезапно раздался взрывъ, похожій на пушечный выстрѣлъ, повлекшій за собою всеобщее смятеніе. Испуганные, еще не отдавая себѣ отчета въ случившемся, смутились всѣ: не смутился лишь Онъ одинъ Помазанникъ Божій, невредимый, но уже двумя часами отдѣленный отъ вѣчности. Спокойный и твердый, какъ нѣкогда подъ турецкимъ огнемъ на поляхъ Имъ же освобожденной Болгаріи, Онъ вышелъ изъ поврежденной и остановившейся кареты и былъ встрѣченъ полковникомъ Дворжицкимъ, который доложилъ, что на панели канала только-что задержанъ народомъ повидимому причинившій взрывъ злоумышленникъ. Выслушавъ докладъ, Государь Императоръ въ сопровожденіи полковника Дворжицкаго направился къ задержанному, уже окруженному едва не растерзавшею его толпою. Эта толпа—что̀ бы ни говорилъ Желябовъ—кричала: „Дайте намъ, мы его разорвемъ!“ Не узнавъ Государя, мучимый страхомъ за Его участь, стоявшій по близости подпоручикъ Рудыковскій спросилъ у окружающихъ: „Что̀ съ Государемъ?“. Вопросъ былъ услышанъ Самимъ Монархомъ, Который, оглянувшись и какъ бы отвѣчая на него, изволилъ произнести: „*Слава Богу, Я уцѣлѣлъ, но вотъ*“... и съ этимъ неоконченнымъ восклицаніемъ Государь Императоръ обратилъ и свои мысли, и свое вниманіе на лежавшихъ тутъ же у ногъ Его раненыхъ взрывомъ конвойнаго казака и 14-лѣтняго крестьянскаго мальчика Николая Максимова. Бѣдный мальчикъ—да будетъ вѣчно сохранена его память—кричалъ отъ невыносимыхъ страданій. Тогда опечаленный Повелитель Русской земли умиленно наклонился надъ истерзаннымъ сыномъ народа. Это послѣднее участіе, оказанное умирающему ребенку-подданному, было и послѣднимъ земнымъ дѣяніемъ Государя, уже

предстоявшаго своей собственной мученической кончинѣ. Уже на встрѣчу Ему неслась зловѣщая угроза схваченнаго преступника: „Еще слава ли Богу?“—было злобнымъ отвѣтомъ Рысакова на услышанное имъ восклицаніе Государя, что, слава Богу, Онъ уцѣлѣлъ. Рысаковъ зналъ, что говорилъ. Промахнувшійся и обезоруженный, онъ зналъ, что за нимъ въ той же засадѣ стоитъ другой, такой же, какъ и онъ, отверженецъ, а тамъ третій, четвертый, которые постараются не промахнуться и адски-задуманное довести до конца. Далекій отъ мысли беречь Себя отъ опасности, Государь Императоръ, несмотря на мольбы полковника Дворжицкаго, не соизволилъ немедленно отбыть во дворецъ, а выразилъ намѣреніе осмотрѣть мѣсто взрыва. Твердою, спокойною поступью направился Онъ, удаляясь отъ Рысакова, по тротуару канала, окруженный ближайшею свитою и тѣснившимся къ Нему отовсюду народомъ. Несчастные, они радовались избавленію своего обожаемаго Монарха отъ опасности и не помышляли, что Онъ идетъ къ ней на встрѣчу, что не дни, не часы, а минуты Его уже сочтены! Не успѣлъ Государь сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ у самыхъ ногъ Его раздался новый, второй, оглушительный взрывъ. На мгновеніе все пространство скрылось въ поднятой какъ бы вихремъ перемѣшанной массѣ дыма, снѣжной пыли, какихъ-то безформенныхъ, ужасныхъ клочковъ и обломковъ. Мгновеніе это, мучительное какъ смерть, длинное какъ вѣчность, миновало, масса разсѣялась, и пораженнымъ взорамъ присутствующихъ—и уцѣлѣвшихъ и пострадавшихъ, но еще не потерявшихъ сознанія—представилось кровь-леденящее зрѣлище, полное ужаса и отчаянія,—зрѣлище, котораго никто изъ нихъ не забудетъ до послѣдняго своего издыханія. Вездѣ кругомъ были павшіе, раненые, но никто не смотрѣлъ на нихъ, и сами они, подобно полковнику Дворжицкому, не думали о себѣ: среди павшихъ и раненыхъ былъ Государь. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, Царь-Страстотерпецъ, покрытый кровью, полулежалъ на землѣ и уже трудно дышалъ. Обнажившіеся при взрывѣ ноги были раздроблены ниже колѣнъ, тѣло висѣло ку-

скими... Живой образъ нечеловѣческихъ мукъ!.. Обрывается голосъ, цѣпенѣетъ языкъ и спираетъ дыханіе, когда приходится говорить объ этомъ теперь: судите же сами, каково было тогда несчастнымъ очевидцамъ событія! До полковника Дворжицкаго, раненаго и упавшаго, донесся слабый полустонъ: *„Помоги“*, заставившій его вскочить, какъ здороваго. Раненые подползли, уцѣлѣвшіе бросились къ простертому на землѣ Монарху и услышали едва внятно произнесенныя Имъ слова: *„Холодно, холодно“*, вызванныя охватившимъ Его ощущеніемъ зимняго холода. Увы, то былъ предвѣстникъ близкаго могильнаго холода! Кѣмъ-то былъ поданъ платокъ, которымъ покрыли голову Вѣнчаннаго Страдальца. Сотни вѣрныхъ рукъ протянулись къ Нему, и тихо, бережно, среди всеобщаго невыразимаго отчаянія, подняли Его съ земли и понесли по направленію къ экипажамъ. Это не была свита, несущая пострадавшаго Государя—это была толпа, въ которой рядомъ съ приближенными Монарха сошлись и моряки мимо шедшаго караула, и юноши Павловскаго училища, и случайные прохожіе, прибѣжавшіе на взрывъ—то были пораженныя горемъ дѣти, несущія умирающаго Отца! Дорогой, поручикъ графъ Гендриковъ замѣнилъ своею фуражкою тяжелую каску, второпяхъ надѣтую на обнаженную голову Государя. Между тѣмъ на мѣсто подоспѣлъ Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Припавъ къ своему Августѣйшему Брату, Онъ спросилъ, слышитъ ли Его Императорское Величество?—*„Слышу“*, было отвѣтомъ, за которымъ послышалось слабо выраженное желаніе быть поскорѣе доставленнымъ во дворецъ. Слова свидѣтельствовали о сознаніи, сознаніе—о страданіи, физическій ужасъ котораго умъ отказывается представить себѣ даже приблизительно. Оно было еще такъ ясно, это предсмертное страдальческое сознаніе Государя, что Онъ, услышавъ предложеніе одного изъ Его несшихъ, штабсъ-капитана Новикова, внести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, имѣлъ еще силы объявить другую Свою послѣднюю волю: *„Несите меня во дворецъ... тамъ... умереть“*. Это были предпослѣднія слова Монарха-человѣка, пожелавшаго умереть христіанскою кончиною

дома, въ кругу близкихъ, среди своей семьи... Богу было угодно исполнить это желаніе. Государь Императоръ былъ помѣщенъ, вмѣсто своей разбитой кареты, въ сани полковника Дворжицкаго, и чины конвоя, ротмистръ Кулебякинъ съ казаками Луценко и Кузьменко сослужили своему Вѣнценосному Вождю послѣднюю службу—перевезли Его умирающаго во дворецъ. Дорогой, забывъ о мукахъ своихъ и думая только о томъ израненномъ вѣрномъ слугѣ, котораго Онъ видѣлъ передъ собою, Государь два раза тихо, но настойчиво спросилъ: „*Ты раненъ, Кулебякинъ?*“ Горькія слезы раненаго, о своихъ ранахъ забывшаго, были отвѣтомъ... А на мѣстѣ событія подбирали убитыхъ, раненыхъ, изувѣченныхъ, раздавались ихъ раздирающіе душу стоны и крики, смѣшавшіеся съ крикомъ ужаса стекавшагося отовсюду, обезумѣвшаго отъ горя, народа. Скоро, живымъ, неудержимымъ потокомъ, онъ наполнилъ собою Дворцовую площадь, куда привела новыя огромныя толпы быстро разлетѣвшаяся горестная вѣсть. Въ гробовомъ молчаніи, какъ бы притаивъ дыханіе, стояла многотысячная толпа: она не вѣрила своему горю, не хотѣла вѣрить роковому исходу позорнѣйшаго изъ злодѣяній, она ждала и надѣялась... Тщетныя ожиданія, разбитыя надежды! Въ 3 часа 35 минутъ пополудни воля Господа совершилась. Медленно и печально опустился до половины флагштока, означающій Высочайшее присутствіе, Императорскій флагъ на Зимнемъ дворцѣ, и русскіе люди поняли, что все кончилось: страданія Царя-Мученика прекратились, Великій Страдалецъ за Русскую землю на вѣки въ Бозѣ почилъ. Да, не стало „Государя-Мученика“ — это было первое слово, вырвавшееся изъ русской груди, первый крикъ наболѣвшей, потрясенной русской души. Вся Русь повторила и всегда будетъ его повторять, помышляя или говоря о событіи 1-го марта; но рядомъ съ этимъ глубоко вѣрнымъ уподобленіемъ да будетъ позволено мнѣ высказать еще и другое, которое невольно является у меня каждый разъ, какъ передо мною встаетъ живая картина событія въ его простомъ, ближайшемъ значеніи. Государь палъ не только какъ мученикъ, жертвою жесточайшаго по орудію своему цареубійства: Онъ палъ и какъ воинъ-герой на

своемъ опасномъ Царскомъ посту, въ борьбѣ за Бога, Россію, ея спокойствіе и порядокъ, въ смертельномъ бою съ врагами права, порядка, нравственности, семьи—всего, чѣмъ крѣпко и свято человѣческое общежитіе, безъ чего не можетъ жить человѣкъ.

Когда миновали первыя острыя мгновенія народнаго ужаса и печали, когда пораженная Россія опомнилась и пришла въ себя, ея естественною, первою мыслью было: кто же *виновники* страшнаго дѣла, на кого должны пасть народныя проклятія и пролитая кровь, гдѣ же цареубійцы, опозорившіе свою родную страну? Россія хочетъ ихъ знать и голосами всѣхъ истинныхъ сыновъ своихъ требуетъ имъ достойной кары. И я считаю себя счастливымъ, что на этотъ грозный вопросъ моей родины могу смѣло отвѣчать ея суду и слушающимъ меня согражданамъ: вы хотите знать цареубійцъ?—вотъ они!!

Дѣйствительно, обвинительная власть была счастлива въ своемъ правомъ дѣлѣ. Несмотря на кратковременность дѣятельности по изслѣдованію настоящаго дѣла, прокуратура имѣетъ въ настоящее время возможность, на основаніи успѣшныхъ полицейскихъ розысковъ и тщательнаго обслѣдованія дѣла черезъ чиновъ корпуса жандармовъ и судебныхъ слѣдователей, представить вамъ неотразимыя, по ея мнѣнію, доказательства виновности всѣхъ шести подсудимыхъ, преданныхъ вашему суду, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможно полное разоблаченіе того, какимъ образомъ составился и былъ приведенъ въ исполненіе заговоръ, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ событіе 1-го марта. Кромѣ того, обвиненіе располагаетъ важнымъ матеріаломъ какъ для характеристики каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, такъ и для оцѣнки и освѣщенія нѣкоторыхъ особенно яркихъ сторонъ того вообще уже извѣстнаго соединенія подсудимыхъ и ихъ единомышленниковъ въ одно цѣлое, которое имъ угодно величать пышнымъ названіемъ „партіи“, которое законъ спокойно называетъ преступнымъ тайнымъ сообществомъ, а здравомыслящіе, честные, но возмущенные русскіе люди зовутъ подпольною бандою, шайкою политическихъ убійцъ.

Прежде всего я долженъ коснуться самаго совершенія зло-

дѣянія и остановить ваше вниманіе на лицахъ въ совершеніи этого злодѣянія непосредственно, физически виновныхъ. Одного изъ нихъ называть мнѣ нечего. Не говоря о томъ, что онъ давно назвалъ самъ себя, его назвали всѣ, назвала его и толпа, его захватившая, назвала его и вся Россія. Вы знаете, кто это. Вы знаете, что первый изъ бросившихъ метательный снарядъ, не тотъ снарядъ, который причинилъ пораненія Государю Императору, а тотъ, которымъ убитъ конвойный казакъ и смертельно раненъ Максимовъ, былъ подсудимый Николай Ивановъ Рысаковъ. Спѣшу замѣтить, что все то, что я буду говорить о фактахъ, о совершеніи преступленія, о дѣятельности, о роли и объ участіи въ этомъ преступленіи подсудимыхъ, пока будетъ основываться исключительно на данныхъ судебнаго слѣдствія, обнаруженныхъ независимо отъ собственныхъ показаній подсудимыхъ. Не доказавъ на основаніи этихъ данныхъ виновности обвиняемыхъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго отдѣльно, я не хочу обращаться къ ихъ показаніямъ. Я обращусь къ нимъ впослѣдствіи, когда виновность въ общихъ существенныхъ чертахъ и безъ нихъ будетъ уже установлена. Въ моемъ распоряженіи такое множество доказательствъ, что остается только выбирать между ними. Такъ по отношенію къ подсудимому Рысакову есть прежде всего очевидцы совершенія имъ преступленія. Еще за нѣсколько мгновеній до того времени, когда Императорская карета повернула направо по Екатерининскому каналу, Рысакова видѣлъ идущимъ по панели канала и обогналъ его свидѣтель Гороховъ. Онъ замѣтилъ человѣка, въ которомъ впослѣдствіи и здѣсь на судѣ призналъ Рысакова, идущаго тихо и несущаго въ рукахъ какой-то предметъ, имѣвшій круглую, овальную форму предъявленнаго здѣсь метательнаго снаряда,— предметъ, завернутый въ бѣлый платокъ. Гороховъ не выпускалъ этого человѣка изъ глазъ до того самаго момента, когда съ нимъ поравнялась Императорская карета. Съ другой стороны шелъ свидѣтель Назаровъ и видѣлъ, какъ Рысаковъ, взмахнувъ обѣими руками, бросилъ что-то бѣлое, показавшееся свидѣтелю комкомъ снѣга, подъ лошадей и карету. Въ ту же минуту и послѣдовалъ первый взрывъ. Свидѣтели Несговоровъ, Макаровъ,

полковникъ Дворжицкій и другіе участвовавшіе въ задержаніи Рысакова, удостовѣряютъ, что онъ былъ схваченъ какъ человѣкъ несомнѣнно бросившій первый снарядъ. Такимъ образомъ Рысаковъ былъ задержанъ на мѣстѣ совершенія преступленія при самомъ его совершеніи. Доставленный въ управленіе градоначальства онъ немедленно сознался во всемъ. Поэтому о фактической его виновности болѣе говорить не приходится. Но тутъ же рядомъ стоитъ вопросъ о томъ, кто же бросилъ второй снарядъ,—снарядъ, причинившій убійственный взрывъ, бывшій непосредственнымъ орудіемъ страшнаго злодѣянія. На этотъ вопросъ, на основаніи данныхъ судебнаго слѣдствія, обвинительная власть имѣетъ полную возможность дать отвѣтъ положительный, категорическій, не допускающій никакого сомнѣнія. Человѣкъ, бросившій второй снарядъ, не находится въ числѣ подсудимыхъ. Онъ не преданъ вашему суду, но онъ обнаруженъ. Онъ покончилъ свои разсчеты съ земною жизнью—онъ умеръ подъ ложнымъ именемъ Ельникова отъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ. Смерть избавила его отъ скамьи подсудимыхъ и законнаго возмездія, но она не избавляетъ меня отъ необходимости доказать предъ вами, что оба виновника взрыва, оба физическіе виновника злодѣянія обнаружены: одинъ изъ нихъ подсудимый Рысаковъ. другой умершій, называвшійся Ельниковымъ. Вы помните, мм. гг., что изъ показаній свидѣтелей объ обстановкѣ второго взрыва, происшедшаго въ густой толпѣ, собравшейся вокругъ Монарха, вытекаетъ несомнѣнный выводъ, что человѣкъ, бросившій второй снарядъ, стоялъ близко отъ Государя Императора. Дѣйствительно, свидѣтель Павловъ видѣлъ человѣка, который, стоя близъ Государя, къ ногамъ Его бросилъ что-то, высоко взмахнувъ руками, послѣ чего и раздался второй взрывъ. При наличности этого условія, при маломъ разстояніи между бросившимъ второй снарядъ и Государемъ Императоромъ, слагается еще и другой очевидный выводъ: тотъ, кто бросилъ второй снарядъ, не могъ самъ избѣжать пораненій, не могъ не пострадать отъ взрыва, онъ стоялъ слишкомъ близко къ своей жертвѣ для того, чтобы и на немъ не отразилось разрушительное дѣйствіе его собственнаго дѣла. На кого же

изъ пострадавшихъ могло пасть подозрѣніе? Всѣ они перечислены, приведены въ извѣстность. Между ними, лицами ближайшей свиты и конвоя, также какъ и случайными прохожими, нѣтъ ни одного подозрительнаго человѣка, кромѣ того лишь неизвѣстнаго, который былъ въ безсознательномъ состояніи поднятъ на мѣстѣ злодѣянія, доставленъ въ придворный конюшенный госпиталь и здѣсь, придя въ себя, на послѣдній вопросъ врача объ имени и званіи, которыя не были обнаружены, отвѣчалъ: „не знаю". Этотъ человѣкъ, и никто другой, долженъ быть признанъ лицомъ, которое бросило второй снарядъ. Эксперты, освидѣтельствовавшіе его при жизни и производившіе медицинскій осмотръ его трупа, по даннымъ этого осмотра, изложеннымъ въ ихъ заключеніи, окончательно убѣждаютъ насъ въ справедливости нашего вывода. Поранепія этого лица сосредоточиваются болѣе всего на передней сторонѣ туловища, преимущественно на правой рукѣ, и по количеству ихъ,—а оно огромное,—по свойствамъ они должны быть приписаны тому обстоятельству, что получившій пораненія стоялъ не далѣе трехъ шаговъ отъ мѣста взрыва—замѣтьте, это вполнѣ совпадаетъ съ показаніемъ свидѣтеля Павлова. Слѣдовательно, второй снарядъ былъ брошенъ человѣкомъ, назвавшимъ себя Ельниковымъ. Дальнѣйшія разслѣдованія относительно этого лица не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, кто именно былъ вмѣстѣ съ подсудимымъ Рысаковымъ непосредственнымъ виновникомъ злодѣянія. Онъ жилъ подъ именемъ Ельникова на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ д. № 59, гдѣ 3-го марта и былъ сдѣланъ обыскъ. Не останавливаясь теперь на обстоятельствахъ этого обыска, къ которому мнѣ еще придется возвратиться впослѣдствіи, замѣчу теперь, что у Ельникова была найдена та самая „программа рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли", которая оказалась и у его соучастника Рысакова, кромѣ того еще платокъ съ мѣткою „Н. И. Р." (Николай Ивановъ Рысаковъ), признанный Рысаковымъ за оставленный имъ у знакомаго ему Ельникова. Такимъ образомъ Рысаковъ и Ельниковъ неразрывно связаны между собою. Первый снарядъ — въ рукахъ Рысакова, второй — въ рукахъ Ельникова.

Ельниковъ, онъ же Михаилъ Ивановичъ, онъ же Котикъ—революціонное прозвище—вотъ все, что мы знаемъ объ этомъ человѣкѣ. Смерть избавила его отъ людского суда и да будетъ такъ. Для насъ важно лишь то, что оба физическіе виновника злодѣянія обнаружены.

Итакъ, мы знаемъ совершителей злодѣянія, мы знаемъ и орудія преступленія. Едва-ли нужно мнѣ останавливаться въ подробностяхъ на метательныхъ снарядахъ, такъ полно и обстоятельно описанныхъ и въ экспертизѣ письменной, произведенной при изслѣдованіи настоящаго дѣла, и въ авторитетномъ заключеніи экспертовъ, въ особенности генерала Ѳедорова, данномъ ими здѣсь на судѣ. Я укажу только на нѣсколько болѣе рельефныхъ особенностей. Орудіемъ преступленія были метательные снаряды. Оба снаряда, брошенные на Екатерининскомъ каналѣ, разорвались. Отъ внѣшней ихъ оболочки на мѣстѣ преступленія найдено было только нѣсколько кусочковъ жести. Но по обыску въ д. № 5, по Телѣжной улицѣ, въ ночь со 2-го на 3-е марта, были найдены два заключенные въ такую же жестяную оболочку метательные снаряда, и если бы мы не имѣли передъ собою ни показаній Желябова, Перовской и Рысакова и ни одного свидѣтельскаго показанія, удостовѣряющихъ, что именно изъ конспиративной квартиры на Телѣжной улицѣ отправились на злодѣяніе лица, его совершившія, то, на основаніи сличенія этихъ снарядовъ съ остатками и дѣйствіемъ снарядовъ, разорвавшихся на Екатерининскомъ каналѣ, мы могли бы установить полное тождество между ними и сказать, что преступленіе было совершено такими же снарядами, какъ тѣ, которые были найдены въ Телѣжной улицѣ. Экспертиза гг. Ѳедорова, Лисовскаго и Шахъ-Назарова указываетъ на это, а показанія Рысакова, Перовской и Желябова лишь это подтверждаютъ. Объ устройствѣ метательныхъ снарядовъ можно говорить на основаніи экспертизы генерала Ѳедорова или на основаніи экспертизы подсудимаго Кибальчича. Да, Кибальчича, потому что Кибальчичъ „техникъ“, онъ не только человѣкъ, изучившій эти снаряды въ подробности и совершенствѣ, онъ авторъ ихъ, и кому же, какъ не ему, лучше знать, какъ они устроены? По-

этому указанія Кибальчича объ этихъ снарядахъ въ томъ, въ чемъ они не расходятся съ заключеніемъ экспертовъ и въ чемъ они не имѣютъ въ виду конспиративныхъ интересовъ Кибальчича и его „партіи", не лишены для насъ извѣстнаго значенія. Дѣйствіе этихъ снарядовъ неотразимо, ихъ устройство основано на такой системѣ, въ которой составныя части другъ друга продолжаютъ и восполняютъ, доводя воспламененіе до взрывчатаго вещества гремучаго студня, исключая всякую возможность неудачи. Воспламененіе непремѣнно должно послѣдовать отъ простого сильнаго сотрясенія; оно сообщается ударному составу, который есть послѣднее слово техники и непремѣнно производитъ взрывъ. Онъ неизбѣженъ, этотъ взрывъ, еще и потому, что внутренній аппаратъ снаряда устроенъ вдвойнѣ, такъ что какъ бы снарядъ ни упалъ—вертикально или горизонтально—взрывъ долженъ произойти непремѣнно, и оба источника воспламененія—двѣ стеклянныя трубочки, наполненныя сѣрною кислотою съ давящими на нихъ грузиками, соединяются съ взрывчатымъ веществомъ. Тонкость исполненія снарядовъ, изобрѣтательность, потраченная на нихъ, и возможность, при наличности частей, входящихъ въ ихъ составъ, собрать снарядъ одному человѣку и притомъ домашними средствами, также не подлежатъ сомнѣнію. Итакъ, совершители злодѣянія и его орудіе обнаружены. Но этого мало—и немедленно вслѣдъ за этимъ передъ нами встаетъ вопросъ: одни ли эти двое, Рысаковъ и называвшій себя Ельниковымъ, совершили злодѣяніе—безъ соучастниковъ, дѣйствовали ли они за свой личный счетъ, по собственнымъ своимъ побужденіямъ; совершили ли они его какъ Рысаковъ и Ельниковъ, или какъ люди, принадлежащіе къ цѣлому злодѣйскому тайному соединенію? На это намъ отвѣчаетъ категорически простой здравый смыслъ—нѣтъ. А если нѣтъ, то нужно найти и руки, державшія концы тѣхъ нитей, которыя двигали Рысаковымъ и Ельниковымъ; нужно найти головы, этими руками владѣвшія,—головы, въ которыхъ сложился ужасный замыселъ и безъ которыхъ онъ не былъ бы и не могъ бы быть приведенъ въ исполненіе. Одному Рысакову и Ельникову нельзя было совершить злодѣянія уже по самымъ средствамъ, ими упо-

требленнымъ. Кромѣ того, я думаю, что какъ бы низко ни палъ человѣкъ, какъ бы ни были преступны и гнусны его личныя побужденія, изъ-за однихъ этихъ личныхъ, отдѣльныхъ побужденій онъ никогда не рѣшился бы на злодѣяніе; онъ содрогнулся бы и остановился бы передъ ужасомъ цареубійства. Я утверждаю, что дрогнула бы и рука, вооруженная смертоноснымъ снарядомъ и остановились бы и Ельниковъ, и Рысаковъ, если бы за спиной ихъ не стоялъ Желябовъ, если бы за Желябовымъ не стояла пресловутая „партія“... Все—и сущность преступленія, и способъ его совершенія, и личный, далеко нетвердый и незакаленный характеръ самого физическаго виновника преступленія, Рысакова, наводитъ на мысль, что оно сложилось не въ его головѣ и вышло не изъ однѣхъ его рукъ, даже не изъ простого соединенія двухъ или болѣе лицъ, согласившихся между собою. Нѣтъ, у всякаго русскаго человѣка готовъ на это другой отвѣтъ: оно есть дѣло рукъ той же „соціально-революціонной партіи“, которая съ февраля 1878 года въ теченіе трехъ лѣтъ не перестаетъ ознаменовывать себя крамолою и кровью, проливаемою ею на русской землѣ. Да, для насъ всѣхъ очевидно и несомнѣнно, что злодѣяніе 1-го марта совершено тою самою „партіею“, у которой, по словамъ Желябова, мысль о цареубійствѣ составляетъ „общее достояніе“, а динамитъ—„общественную собственность“! Будемъ же, слѣдовательно, искать соучастниковъ Ельникова и Рысакова, и для того, чтобы не ошибиться въ этихъ поискахъ, чтобы съ точностью указать на каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, сначала оставимъ въ сторонѣ соединеніе ихъ въ одно будто бы политическое цѣлое, въ одну „партію“, и постараемся отмѣтить и изобличить ихъ сначала только какъ отдѣльныхъ дѣятелей общаго преступленія. Слѣдуя шагъ за шагомъ за ходомъ изслѣдованія настоящаго дѣла въ хронологическомъ порядкѣ розысковъ, мы получимъ такой рядъ вѣскихъ данныхъ. Какъ наводненіе оставляетъ за собою слѣды, по которымъ можно впослѣдствіи прослѣдить, по какимъ мѣстамъ оно прошло, какія мѣста были покрыты водою, какъ на землѣ остались водоросли, сырость, плѣсень, такъ точно возможно, одно за другимъ, прослѣдить

мѣста, по которымъ прошелъ заговоръ, отмѣтить лицъ, которыхъ онъ охватилъ собою, констатировать его фактическіе и матеріальные слѣды. Въ этихъ розысканіяхъ прежде всего приходится остановиться на подсудимомъ Желябовѣ, уже по одному тому, что его вступленіе въ настоящее дѣло предшествуетъ самому совершенію злодѣянія. Его зачинщикъ и одинъ изъ главнѣйшихъ его виновныхъ, онъ былъ арестованъ за два дня до злодѣянія, 27-го февраля. Разыскиваемый еще съ осени 1879 года, по обвиненію въ совершеніи, посредствомъ взрыва близъ города Александровска, покушенія на жизнь Государя Императора, онъ долгое время успѣшно скрывался отъ преслѣдованій власти, но энергически веденные еще съ осени прошлаго 1880 года розыски отдали его въ руки правосудія. На слѣды его напали вслѣдствіе ареста въ Петербургѣ, подъ именемъ Поливанова, нѣкоего Александра Михайлова (одного изъ видныхъ участниковъ такъ называемой террористической фракціи). При изслѣдованіи дѣятельности Михайлова было обнаружено, что въ числѣ лицъ, группировавшихся вокругъ него въ Петербургѣ, было и лицо, руководившее александровскимъ покушеніемъ, лицо, уже давно указанное Гольденбергомъ подъ именемъ Желябова, имѣвшее отношенія къ одной изъ существовавшихъ въ то же самое время въ Петербургѣ—будемъ употреблять для краткости характерное названіе, изобрѣтенное подсудимыми—„конспиративныхъ“ квартиръ, а именно къ квартирѣ по Большой Подъяческой, въ д. № 37, въ которой помѣщалась динамитная мастерская, другими словами, производилось заготовленіе „общественной собственности партіи“. Становясь съ каждымъ шагомъ разслѣдованія все опредѣленнѣе и точнѣе, свѣдѣнія о Желябовѣ привели 27-го февраля къ аресту его въ квартирѣ одного изъ крупныхъ дѣятелей динамитнаго сообщества, дѣйствительнаго студента Новороссійскаго Университета Тригони. Утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до злодѣянія на Екатерининскомъ каналѣ, была обнаружена и квартира самого Желябова по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, и въ ней былъ начатъ обыскъ. Злодѣяніе и энергическія мѣры, имъ вызванныя, пріостановили

обыскъ, такъ что онъ былъ оконченъ только 2-го марта и привелъ къ обнаруженію данныхъ, прямо указывавшихъ на Желябова, какъ на лицо, прикосновенность котораго къ злодѣянію 1-го марта представлялась болѣе чѣмъ вѣроятною. Такъ, было найдено пять жестянокъ, изъ которыхъ въ трехъ были явственные остатки чернаго вещества, оказавшагося чернымъ динамитомъ; были найдены нѣкоторыя принадлежности химическихъ опытовъ, получающихъ при сопоставленіи ихъ съ тутъ же бывшимъ динамитомъ весьма краснорѣчивое значеніе, оказались, наконецъ, двѣ каучуковыя трубки, подобныя тѣмъ, которыя употреблялись въ метательныхъ снарядахъ, и простая корзина, наполненная сырами, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли клеймо С. А. С. Желябовъ проживалъ на квартирѣ не одинъ, а съ женщиною, называвшеюся Лидіею Антоновой Войновой, которая таинственно исчезла изъ квартиры на другой день послѣ ареста ея сожителя, повидимому тогда, когда въ этомъ арестѣ она увѣрилась. Такимъ образомъ вниманіе розыска силою вещей должно было остановиться на Желябовѣ, какъ на вѣроятномъ участникѣ злодѣянія 1-го марта. Въ ночь на 3-е марта была открыта еще одна конспиративная квартира, имѣвшая ближайшее, непосредственное отношеніе къ злодѣянію, квартира въ домѣ № 5 по Телѣжной улицѣ. Я напомню вкратцѣ обстоятельства этого открытія; вы конечно хорошо помните этотъ ночной пріѣздъ должностныхъ лицъ на спѣшный обыскъ, встрѣтившія ихъ первоначально молчаніе и темноту, запертую дверь, за дверью мужской голосъ: „кто тамъ“, отвѣтъ: „полиція и прокуроръ“, затѣмъ быстро удаляющіеся шаги, выстрѣлы въ квартирѣ одинъ за другимъ—всего шесть—затѣмъ отворившуюся другую маленькую дверь на лѣстницу, гдѣ стояли должностныя лица, и женскій голосъ, сказавшій: „теперь можете входить, мы сдаемся“. Сдавалась Геся Гельфманъ. По задержаніи ея, при входѣ должностныхъ лицъ, въ квартирѣ, во второй комнатѣ, оказался умирающій человѣкъ, повидимому только-что застрѣлившійся и, несмотря на немедленную медицинскую помощь, тутъ же умершій. Личность его была обнаружена весьма скоро. Онъ оказался дво-

рянином Саблинымъ, судившимся по дѣлу о 193-хъ и такимъ образомъ имѣвшимъ, подобно Желябову и Гельфманъ, то, чего не имѣлъ Рысаковъ, —революціонное прошлое. По обыску, въ квартирѣ былъ найденъ рядъ предметовъ, ясно доказывавшихъ не только то, что это была квартира конспиративная, но и что лица, въ ней жившія, а именно умершій Саблинъ и арестованная Геся Гельфманъ, были участниками злодѣянія и хозяевами тайнаго притона, служившаго сборнымъ пунктомъ совершителей злодѣянія. Тамъ были найдены прокламаціи „исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи“ отъ 1-го марта, помѣченныя: „печатано въ типографіи „Народной Воли“ 2-го марта“, и трактующія о злодѣяніи 1-го марта; были найдены во множествѣ химическія принадлежности, записка о вошедшемъ въ метательный снарядъ воспламеняющемся составѣ изъ бертолетовой соли и сѣрнистой сурьмы съ сахаромъ, рисунокъ на оборотѣ транспаранта, изображающій какой-то аппаратъ для производства гальваническаго тока, планъ Петербурга съ очевидно подозрительными линіями, такъ какъ онѣ, проходя чрезъ Зимній дворецъ, шли чрезъ мѣсто событія, на Екатерининскомъ каналѣ, по Инженерной улицѣ къ Михайловскому дворцу; наконецъ, былъ найденъ грубо начерченный карандашемъ планъ на оборотѣ конверта. По сличеніи этого плана съ настоящимъ планомъ Петербурга, оказалось, если отбросить техническіе недостатки, напримѣръ, полное отсутствіе масштаба, что мѣстность, на немъ изображенная, совершенно совпадаетъ съ тою мѣстностью, которая сдѣлалась мѣстомъ злодѣянія. Планъ этотъ, очевидно, былъ планомъ мѣста дѣйствія; это была диспозиція, розданная заговорщикамъ передъ тѣмъ, какъ отправлять ихъ въ засаду. Кромѣ того,—и это всего важнѣе,—были найдены два снаряда, тождественные съ тѣми, которыми были вооружены Рысаковъ и Ельниковъ. На эти снаряды, при входѣ въ комнату, гдѣ они находились, обратила вниманіе должностныхъ лицъ сама Геся Гельфманъ, встрѣтившая ихъ на порогѣ комнаты испуганнымъ восклицаніемъ: „не ходите туда, тамъ взрывчатыя вещества“. Едва окончился ночной обыскъ, какъ утромъ 3-го марта,

въ той же самой квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, совершилось еще происшествіе, давшее новое указаніе и новаго обвиняемаго. Въ квартиру, гдѣ была оставлена полиція, явился неизвѣстный человѣкъ, отказавшійся назвать себя, спутавшійся въ своихъ объясненіяхъ и вслѣдствіе всего этого задержанный, при чемъ, когда его начали обыскивать, онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и сдѣлалъ изъ него въ чиновъ полиціи шесть выстрѣловъ, которыми нанесъ контузію приставу Слуцкому и опасную рану городовому Денисову. Вскорѣ послѣ обыска въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ была обнаружена другая конспиративная квартира, находившаяся съ нею въ преемственной связи квартира въ Троицкомъ переулкѣ, въ которой хозяйка была та же Геся Гельфманъ, и которую ея хозяева очистили не задолго до 1-го марта, при чемъ Гельфманъ прямо переѣхала въ Телѣжную улицу. Возвращаясь къ событіямъ, происходившимъ въ квартирѣ въ домѣ № 5 по Телѣжной улицѣ, слѣдуетъ упомянуть, что человѣкъ, задержанный въ ней утромъ 3-го марта, оказался подсудимымъ Тимоѳеемъ Михайловымъ. Прибытіе его въ конспиративную квартиру, его вооруженное сопротивленіе, его отказъ объявить о своемъ званіи, вся обстановка его задержанія прямо указывали на него, какъ на одного изъ лицъ, которыхъ кругъ, исходящій изъ злодѣянія 1-го марта, долженъ былъ обнимать собою.

4-го марта обнаруженъ подкопъ по Малой Садовой. Вы помните обстоятельства этого обнаруженія. Изъ сырной лавки Кобозева, помѣщающейся въ подвальномъ этажѣ дома графа Менгдена, страннымъ образомъ 3-го марта исчезли хозяева лавки, навлекавшіе и прежде на себя подозрѣніе. Изъ лавки Кобозевыхъ, какъ оказалось по осмотрѣ, былъ устроенъ подкопъ: пробито было отверстіе подъ окномъ подвальнаго помѣщенія, смежнаго съ лавкою, и отъ этого отверстія проведена минная галлерея, устроенная по всѣмъ правиламъ техническаго дѣла, подъ мостовую Малой Садовой. Цѣль подкопа, его назначеніе по одному даже поверхностному обозрѣнію представлялись совершенно ясными: по Малой Садовой имѣлъ привычку

проѣзжать Государь Императоръ въ Михайловскій манежъ, и проведенная изъ лавки Кобозевыхъ подземная галлерея находилась на его пути, въ ней заложенъ былъ зарядъ чернаго динамита, а въ лавкѣ приготовлена была батарея, посредствомъ которой могъ быть произведенъ взрывъ. На случай, если бы взрывъ не удался, сдѣланы были другія приготовленія для покушенія, къ несчастію, удавшагося. Чтобы не возвращаться болѣе къ подкопу въ Малой Садовой, имѣющему эпизодическое значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, я постараюсь въ немногихъ словахъ очертить передъ вами все къ нему относящееся. Вы удержали, конечно, въ памяти, что въ подкопѣ при его обнаруженіи все оказалось готовымъ: зарядъ, заключавшій около двухъ пудовъ динамита, былъ положенъ; въ галлереѣ сдѣлана забивка; элементы батареи уже дѣйствовали; концы проволоки были заострены; оставалось только произвести токъ, и взрывъ послѣдовалъ бы навѣрно. Дѣйствіе взрыва, подготовленнаго въ подкопѣ, о которомъ во вчерашнемъ засѣданіи такъ много шло пререканій между экспертизой и подсудимымъ Кибальчичемъ, было бы, что̀ бы ни говорилъ подсудимый — убійственное: образовалась бы посрединѣ Малой Садовой улицы воронка около трехъ саженъ въ діаметрѣ, и все находившееся на мѣстѣ ея и вокругъ должно было погибнуть: погибли бы экипажи, люди, его сопровождавшіе, и люди, проходившіе по тротуару, въ домахъ обвалилась бы штукатурка, стѣны могли дать трещины, словомъ, область разрушенія должна была быть велика. Правда, подсудимый Кибальчичъ много говорилъ на судѣ о томъ, что онъ, дававшій техническіе совѣты при устройствѣ подкопа и заложеніи мины, старался не болѣе не менѣе какъ о минимальномъ количествѣ заряда и о минимальномъ, слѣдовательно, вредѣ отъ взрыва для частныхъ лицъ; но если даже онъ и старался, старанія эти, какъ удостовѣряютъ эксперты, не увѣнчались бы успѣхомъ. Не слѣдуетъ, далѣе, упускать изъ вида, что по обыску въ лавкѣ Кобозевыхъ оказались сыры, на которыхъ, по обозрѣнію и сличенію, найдено, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ, то самое клеймо, которое было на сырахъ,

найденныхъ въ квартирѣ Желябова. Очевидно, что Желябовъ или продовольствовался этими сырами изъ лавки Кобозева, или поставлялъ ихъ въ лавку; такимъ образомъ во всякомъ случаѣ между лавкою Кобозева и квартирою Желябова уже устанавливается связь. Затѣмъ, всѣ свѣдѣнія о Кобозевыхъ, которыхъ я не буду повторять,—явно ложныя обстоятельства мнимой ихъ торговли, посѣщеніе ихъ подозрительными людьми, наконецъ исчезновеніе ихъ 3-го марта послѣ обыска въ Телѣжной улицѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ лицѣ Кобозева и его жены мы имѣемъ прямыхъ участниковъ злодѣянія 1-го марта.

Этимъ, впрочемъ, указанія на виновныхъ не исчерпываются. Черезъ недѣлю послѣ обыска въ Телѣжной улицѣ, 10-го марта, на Невскомъ проспектѣ, по странной случайности въ той же мѣстности событія, противъ Екатерининскаго сквера, околоточнымъ надзирателемъ Широковымъ была задержана женщина, которая съ перваго же слова захотѣла откупиться взяткою въ 30 р., а когда это не удалось, должна была признаться, что она сожительница Желябова, Лидія Войнова, въ дѣйствительности же—Софья Перовская. У Перовской большое революціонное прошлое. Она разыскивалась по обвиненію въ покушеніи на жизнь усопшаго Государя Императора 19-го ноября, послѣдовавшаго на другой день послѣ александровскаго покушенія на Курской желѣзной дорогѣ подъ Москвой. Это прошлое во всякомъ случаѣ указывало на нее, какъ на лицо, вѣроятно, принимавшее въ злодѣяніи 1-го марта участіе. Кромѣ того, отношенія ея къ Желябову были также основаніемъ для того, чтобы производящіе изслѣдованіе остановили на ней особое вниманіе.

Рядъ свидѣтельскихъ показаній не замедлилъ установить между подсудимыми и обвиняемыми тѣсную связь и близкое знакомство. Такъ, Рысаковъ бывалъ у умершаго Ельникова. Посѣщенія эти удостовѣряются показаніемъ служанки квартиры послѣдняго Смѣлковой, видѣвшей Рысакова у Ельникова еще 26-го февраля, признаются самимъ Рысаковымъ и доказываются платкомъ съ мѣткой Н. Р., принадлежащимъ Рысакову и найденнымъ у Ельникова. Подсудимый Желябовъ бывалъ иногда,

какъ признаетъ та же Смѣлкова, у того же Ельникова вмѣстѣ съ Рысаковымъ и Перовской. Желябовъ бывалъ и въ лавкѣ Кобозева, это удостовѣряется старшимъ дворникомъ Самойловымъ и его подручнымъ Ульяновымъ, которые хотя и мелкомъ, но видѣли, замѣтили его и признали, несмотря на то, что Желябовъ, по его словамъ, такъ ловко можетъ измѣнять свою наружность, костюмъ и походку. Свидѣтели признали его здѣсь, на судѣ, да и самъ Желябовъ не отвергаетъ того, что онъ былъ въ числѣ ночныхъ работниковъ, готовившихъ подкопъ. Намъ всѣмъ памятно, какъ вчера Желябовъ съ особымъ усердіемъ останавливался на показаніи этихъ свидѣтелей, хотѣлъ ихъ сбить, указывалъ на мелкія неточности ихъ показаній, на невозможность имъ повѣрить, на несообразность ихъ вывода. Вѣроятно, у васъ, мм. гг., мелькнулъ въ головѣ вопросъ, да почему же Желябовъ все это дѣлаетъ, когда самъ признаетъ, что бывалъ у Кобозева и работалъ въ подкопѣ?—Отвѣтъ прямой: ему это нужно не для самого себя, а для Тимоѳея Михайлова, чтобы по возможности его выгородить изъ дѣла и снять съ него обвиненіе, которое надъ нимъ тяготѣетъ. Умершій Саблинъ также бывалъ у Рысакова, по крайней мѣрѣ въ трупѣ его хозяйка квартиры, Ермолина, признала сходство съ нимъ лица, посѣщавшаго Рысакова. Далѣе, Геся Гельфманъ также была у Ельникова три раза, по показанію Смѣлковой, не заставала его дома и оставила ему записку. Подсудимый Михайловъ бывалъ въ лавкѣ Кобозева, по удостовѣренію цѣлаго ряда лицъ. Видѣли подозрительныхъ людей, приходившихъ къ Кобозеву, дворники и сказали о нихъ околоточному Дмитріеву, которому было поручено вообще наблюденіе за лавкой и который одного изъ этихъ лицъ прослѣдилъ по выходѣ его изъ лавки. Онъ видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ вышелъ на улицу и направился къ Невскому. Дмитріевъ въ этомъ лицѣ здѣсь, на судѣ, положительно призналъ подсудимаго Михайлова. Онъ прослѣдилъ его до извозчика, такъ называемаго „лихача“, котораго Михайловъ нанялъ къ Вознесенскому мосту, и на другомъ лихачѣ поѣхалъ за нимъ, но потерялъ его изъ виду. Извозчикъ Гор-

динъ, который отвозилъ Михайлова, точно такъ же, по росту и сложенію, призналъ подсудимаго Михайлова за того человѣка, который его нанялъ за рубль къ Вознесенскому мосту и потомъ велѣлъ отвезти себя въ Измайловскій полкъ. Онъ не призналъ его только по голосу, но голосъ есть признакъ для признанія личности весьма шаткій. Если подсудимый Желябовъ такъ хорошо мѣняетъ походку и наружность, то можно предположить, что и Михайловъ, въ числѣ прочихъ свѣдѣній, имъ въ революціонной партіи добытыхъ, пріобрѣлъ и усвоилъ себѣ свѣдѣніе о томъ, что слѣдуетъ измѣнять свой голосъ, въ особенности при томъ условіи, что ему пришлось сказать извозчику лишь нѣсколько словъ. На основаніи приведенныхъ мною данныхъ, я считаю удостовѣреннымъ тождество Михайлова съ лицемъ, посѣщавшимъ лавку Кобозева. Затѣмъ Перовская также бывала у Ельникова вмѣстѣ съ Желябовымъ. Они сошлись 26-го февраля, прійдя къ Ельникову вмѣстѣ съ Рысаковымъ, и ушли нѣсколько раньше Рысакова. Отсюда выводъ весьма простой и категорическій... Участники злодѣянія 1-го марта обнаружены: ихъ можно пересчитать по одному, можно указать на каждаго въ отдѣльности безъ всякой ошибки. Это, во-первыхъ—Рысаковъ, во-вторыхъ—умершій Ельниковъ, въ-третьихъ—Желябовъ, въ-четвертыхъ—Перовская, въ пятыхъ—Кибальчичъ, который былъ арестованъ 17-го марта и который сознался, что онъ „техникъ“, упоминавшійся Рысаковымъ, въ-шестыхъ — застрѣлившійся Саблинъ, въ-седьмыхъ—Геся Гельфманъ, въ-восьмыхъ—Тимоѳей Михайловъ, въ-девятыхъ и десятыхъ—называвшіеся Кобозевыми, мужемъ и женою, и прибавимъ сюда, если вѣрить показанію Рысакова, необнаруженнаго человѣка, видѣннаго Рысаковымъ въ конспиративной квартирѣ, подъ именемъ Михаила Ивановича. Изъ этихъ одиннадцати лицъ двое умерли, трое пока неразысканы и шесть находятся здѣсь, передъ вами налицо. Подсудимый Желябовъ вчера, по поводу свидѣтельскихъ показаній, говорилъ, между прочимъ, что вамъ, на этой скамьѣ, придется еще видѣть другихъ лицъ. Надежда подсудимаго Желябова, что на этой скамьѣ будутъ прочіе его соучастники—

надежда основательная и справедливая. Желябовъ въ этомъ случаѣ не ошибается.

Я старался, милостивые государи, доказать данными судебнаго слѣдствія, что всѣ подсудимые, безъ исключенія, фактами, относящимися до каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, изобличаются въ болѣе или менѣе прямомъ соучастіи въ злодѣяніи 1-го марта. Въ настоящее время мнѣ предстоитъ перейти къ установленію того, что если мы имѣемъ предъ собою въ лицѣ шести подсудимыхъ соучастниковъ преступленія, то это соучастники не простые, связанные между собою обыкновеннымъ уголовнымъ соучастіемъ и стеченіемъ виновности, но люди, болѣе крѣпкою связью соединенные въ одно цѣлое, называемое ими соціально-революціонною партіей. Мнѣ, слѣдовательно, необходимо доказать, что злодѣяніе 1-го марта совершено не только нѣсколькими лицами, на него сговорившимися, но совершено цѣлою группою лицъ, изъ среды которой эти лица вышли и въ интересахъ которой они дѣйствовали. Другими словами, мнѣ предстоитъ перейти отъ обвиненія каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, какъ человѣка, какъ лица частнаго, лица физическаго, къ обвиненію ихъ, какъ лицъ, входящихъ въ составъ партіи, къ обвиненію этой самой партіи. Судебною практикою, да и здравымъ смысломъ, установляется рядъ общихъ признаковъ, на основаніи наличности которыхъ въ извѣстныхъ фактахъ можно судить объ отношеніи этихъ фактовъ и лицъ, факты создавшихъ, къ извѣстному соединенію, преслѣдующему политическую цѣль, т.-е. судить о принадлежности тѣхъ или другихъ лицъ къ цѣлому движенію Такими признаками я считаю, во-1-хъ, печатныя произведенія и рукописи, свидѣтельствующія о такой принадлежности; во-2-хъ, предметныя и иныя указанія революціонной дѣятельности обвиняемыхъ; въ-3-хъ, революціонное ихъ прошлое, и, въ-4-хъ, собственныя объясненія обвиняемыхъ объ ихъ отношеніи къ этому преступному соединенію. Сообразно этимъ четыремъ признакамъ, я и раздѣляю дальнѣйшее свое изложеніе.

Рядъ печатныхъ произведеній и рукописей, на которыхъ

лежитъ несомнѣнная, неизгладимая печать соціально-революціоннаго движенія,—оказывается у каждаго изъ подсудимыхъ. Останавливаясь на подсудимомъ Рысаковѣ и на вещахъ, найденныхъ у него по обыску, произведенному въ его квартирѣ у Ермолиной, я указываю на нумера „Народной Воли“, на найденную у него — очевидно произведеніе весьма недавнее — программу рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“ и объяснительную къ ней записку. У него же найдены: рукопись, написанная его рукою, по всей вѣроятности списанная съ чего-нибудь, подъ заглавіемъ: „Задачи боевой рабочей организаціи“, представляющая какъ бы введеніе къ объяснительной запискѣ программы, и рукописное стихотвореніе безъ заглавія, содержаніе котораго представляетъ собою фантастическій и удивительный по дикости разсказъ о боѣ съ Царемъ. У умершаго Ельникова, въ квартирѣ Артамоновой, найдена была та же самая программа рабочихъ членовъ партіи, которая оказалась у Рысакова. Затѣмъ у подсудимыхъ Желябова и Перовской, жившихъ вмѣстѣ на квартирѣ ихъ, по первой ротѣ Измайловскаго полка, найдено множество печатныхъ изданій „Земля и Воля“ и „Народная Воля“, оказались и прокламаціи, между прочимъ отъ „исполнительнаго комитета“ по поводу взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, 5-го февраля 1880 года. Кромѣ того найдена гектографированная „программа дѣйствій великорусской партіи соціалистовъ-федералистовъ“, съ объяснительною запискою. Я обращаю вниманіе на то, что въ противоположность другимъ изданіямъ, эта программа не печатная, а гектографированная, вѣроятно потому, что въ публикѣ было бы неудобно распространять ее, такъ какъ по самому содержанію своему она оттолкнула бы публику отъ движенія. У подсудимой Перовской, при ней самой, найдена была печатная программа „исполнительнаго комитета“—это руководство партіи, программа, которая должна быть въ карманѣ каждаго члена общества, въ которой написано, чего держаться, какъ поступать, безъ которой онъ не можетъ ступить ни шага и отъ которой отступить не можетъ. У Перовской же найдено дополне-

ніе къ этой программѣ; два экземпляра печатной программы рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“, 17 экземпляровъ приложенія къ № 2 „Рабочей Газеты“, начавшей издаваться недавно, въ концѣ 1880 года; затѣмъ рукопись весьма замѣчательнаго содержанія: „подготовительная работа партіи“ и наконецъ 18 экземпляровъ воззванія, по поводу событія 1-го марта, отъ имени „исполнительнаго комитета“ и 14 экземпляровъ „отъ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“. У Саблина и подсудимой Гельфманъ, въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ, найдена масса революціонныхъ изданій и брошюръ, а также прокламація по поводу злодѣянія 1-го марта отъ „исполнительнаго комитета“. Таковы печатныя произведенія и рукописи, которыя указываютъ на принадлежность подсудимыхъ къ партіи.

Перехожу ко второй группѣ—къ предметнымъ и инымъ указаніямъ на революціонную дѣятельность обвиняемыхъ. Сюда относится оружіе, находимое при подсудимыхъ, подложныя печати, какъ матеріалы для изготовленія подложныхъ паспортовъ, обнаруженныя при обыскѣ записки, болѣе или менѣе компрометирующаго содержанія. Одна изъ нихъ писана на клочкѣ бумаги и найдена въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ; въ ней говорится о дѣятельности партіи въ настоящемъ и будущемъ и между прочимъ о подсудимой Гельфманъ. Я приведу вкратцѣ содержаніе записки. Она начинается словами: „Наши еще на мѣстѣ“; говоритъ объ организаціи провинціальной, о необходимости дѣйствовать насильственно, заключаетъ требованіе присылки револьверовъ и кинжаловъ—я имѣю полное право перевести такимъ образомъ эти сокращенія „3 рев. и 2 к.“—и оканчивается просьбой доставить фальшивые паспорты, фальшивыя печати, словомъ, весь соціально-революціонный багажъ. Въ этой запискѣ говорится и спеціально о подсудимой Гельфманъ, а именно слѣдующее: „Нужна еврейка на неинтеллигентную роль, попросите Гесю, если она откажется, то пусть А. М. (очевидно женщина) пріѣзжаетъ сама, поручивъ ей, Гесѣ, веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ“. За оружіемъ и записками слѣдуютъ подложные имена и паспорты. Я не стану, впрочемъ, перечислять всѣ имена, которыя носили обви-

нѣмые. Въ прошлой ихъ дѣятельности эти имена такъ и мелькаютъ, и нужно много вниманія для того, чтобы установить преемство этихъ именъ у однихъ и тѣхъ же лицъ. Очевидно, при перемѣнѣ мѣста жительства, при перемѣнѣ сферы дѣятельности, мѣнялись и имена. Вы знаете, что имена мѣняютъ люди, которымъ нужно прятаться и которые вслѣдствіе этого боятся своего собственнаго имени. Далѣе необходимо остановиться на признакѣ, можетъ быть мелкомъ, но не чуждомъ интереса и значенія. Онъ заключается въ томъ, что квартиры, которыя занимаютъ члены партіи, имѣютъ характеристическую особенность мѣста. Всѣ онѣ помѣщены на углу или въ очень глухихъ мѣстахъ. Напомнивъ лишь вамъ, что почти у всѣхъ подсудимыхъ имѣется революціонное прошлое, я перехожу къ указаніямъ на собственное признаніе подсудимыхъ въ ихъ принадлежности къ „партіи“ Они спѣшатъ признать ее, спѣшатъ заявить, что они члены „партіи“, дѣйствовавшіе въ ея интересахъ. Такое признаніе мы слышали отъ всѣхъ подсудимыхъ, даже отъ Гельфманъ и Михайлова. На вопросы первоприсутствующаго о занятіяхъ, Перовская и Гельфманъ отвѣчали весьма своеобразно: „занимаюсь революціонными дѣлами“, а первый отвѣтъ Желябова на вопросъ о занятіяхъ былъ торжественное и велерѣчивое: „служу дѣлу народнаго освобожденія“. Затѣмъ слѣдуютъ другія, болѣе опредѣленныя, признанія: агенты исполнительнаго комитета, агенты съ большей или меньшей степенью довѣрія, агенты второстепенные, третьестепенные—такъ и слышится со скамьи подсудимыхъ, и т. д. Какъ бы то ни было, лица, въ настоящее время ее занимающія, спѣшатъ на встрѣчу обвиненію, спѣшатъ провозгласить, что они члены партіи. Такимъ образомъ принадлежность ихъ къ тайному сообществу, именующему себя „русской соціально-революціонной партіей“, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ сообществѣ я скажу нѣсколько позднѣе, а теперь мнѣ нужно указать на показанія подсудимыхъ и заняться ихъ изслѣдованіемъ потому, во-1-хъ, что въ этихъ показаніяхъ заключается полное, безусловное доказательство ихъ виновности,—доказательство, которое, если бы оно существовало и одно, было

бы достаточно для ихъ изобличенія и осужденія, впрочемъ доказательство, хотя и связанное съ другими данными обвиненія, но отъ котораго эти данныя заимствуютъ лишь немного свѣта, такъ что не будь этихъ показаній, обвиненіе было бы также очень сильно, а эти объясненія, въ особенности показаніе Рысакова, дѣлаютъ его еще сильнѣе. Затѣмъ, во-2-хъ, эти показанія важны для насъ, въ связи съ другими данными, какъ новыя указанія, которыя даютъ полное, шагъ за шагомъ, раскрытіе заговора во всѣхъ его подробностяхъ и—что особенно важно—точно распредѣляютъ участіе каждаго изъ подсудимыхъ. Я не стану излагать показанія въ отдѣльности, а постараюсь, на основаніи ихъ содержанія, представить связно картину преступленія такъ, какъ оно было совершено, и только въ извѣстныхъ мѣстахъ буду дополнять картину другими данными. Прежде, впрочемъ, чѣмъ говорить объ этихъ разоблаченіяхъ, я долженъ вообще сказать о силѣ ихъ достовѣрности. Вамъ извѣстно, что вообще показанія подсудимыхъ признаются достовѣрными настолько, насколько они вообще представляются искренними, и настолько, насколько они подтверждаются обстоятельствами дѣла, помимо ихъ обнаруженными. Это—общее условіе достовѣрности показаній подсудимыхъ. Но есть еще спеціальныя условія, относящіяся спеціально до политическихъ дѣлъ, и на этихъ спеціальныхъ условіяхъ я долженъ остановить ваше вниманіе. Специфическій, особенный характеръ настоящаго преступленія и другихъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ указываетъ на то, что показанія подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, можно соединить, по ихъ свойству и значенію, въ извѣстныя группы. Къ первой группѣ будетъ относиться полное собственное сознаніе, согласное съ обстоятельствами дѣла и связанное съ оговоромъ всѣхъ другихъ участниковъ, извѣстныхъ и сознающихся. Такой оговоръ въ государственномъ преступленіи имѣетъ существенное отличіе отъ общаго уголовнаго оговора, дѣлаемаго въ обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлахъ, и та мѣрка, которую мы примѣняемъ въ общемъ судѣ къ оговору, которому мы вѣримъ или не вѣримъ, едва-ли примѣнима

къ оговору политическому. Въ основаніи политическаго оговора всегда лежатъ извѣстныя принципіальныя причины и на второмъ планѣ причины личныя или частныя, отдѣльныя побужденія. Сознаваясь самъ и оговаривая другихъ, виновный въ государственномъ преступленіи, если мы не имѣемъ основанія предположить въ немъ человѣка, у котораго дѣянія идутъ въ разрѣзъ съ его мыслями, достигаетъ извѣстной отвлеченной цѣли. Онъ полагаетъ, что такъ поступить нужно, что такъ слѣдуетъ ему говорить въ интересахъ если не его партіи, то тѣхъ взглядовъ, которые толкнули его на дорогу преступленія и привели къ нему. Такимъ представляется мнѣ показаніе Рысакова, которое я всецѣло отношу къ первой группѣ. Оно представляетъ, во-1-хъ, его полное собственное сознаніе и, во-2-хъ, раскрытіе всего того, что̀ ему, Рысакову, извѣстно объ обстоятельствахъ злодѣянія и всѣхъ приготовленіяхъ къ нему. Справедливость обязываетъ меня заявить, что это сознаніе во всемъ томъ, въ чемъ оно касается самого Рысакова, есть сознаніе полное и чистосердечное. Оцѣнивая это показаніе, заключающее въ себѣ и сознаніе, и оговоръ, по свойству его и по сопоставленію съ другими обстоятельствами дѣла, которыя вполнѣ его подтверждаютъ, нельзя не признать, что ему вѣрить и можно, и должно и по характеру подсудимаго Рысакова, и по причинамъ, обусловливавшимъ вступленіе его въ партію, и по мотивамъ содѣяннаго имъ преступленія, и по нравственному состоянію, въ которомъ подсудимый находился во время совершенія преступленія, при производствѣ дознанія, и, наконецъ, здѣсь на судѣ. Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что онъ говоритъ все то, что̀ знаетъ, и безъ утайки. Да и едва-ли ему есть какое-нибудь основаніе скрывать отъ насъ истину, потому что съ той партіей, которая поставила его въ занимаемое имъ въ настоящее время положеніе, какъ онъ заявилъ письменно и словесно, по крайней мѣрѣ въ теперешнемъ своемъ умственномъ и нравственномъ состояніи,—онъ полной солидарности не имѣетъ. Я даже увѣренъ, что въ эти скорбныя, торжественныя минуты эта несолидарность прости-

рается такъ далеко, что тяжкія, мучительныя угрызенія совѣсти терзаютъ этого человѣка, а если это такъ, то утаивать отъ суда что-либо касающееся партіи и другихъ лицъ едва-ли есть ему основаніе. Выгораживать своихъ соучастниковъ онъ, очевидно, не хочетъ. Онъ хочетъ говорить то, что̀ ему извѣстно, и говоритъ, несмотря на очевидное неодобреніе, съ которымъ партія и вожаки ея относятся къ этому оговору и къ раскрытію истины. Вы, конечно, замѣтили, что на судебномъ слѣдствіи центръ тяжести борьбы сосредоточивался на томъ, что Рысаковъ указывалъ на участіе Гельфманъ и Тимоѳея Михайлова, а Желябовъ и Перовская всѣ свои запоздалыя усилія направили на то, чтобы выгородить насколько возможно изъ дѣла подсудимыхъ Гельфманъ и Тимоѳея Михайлова. На это я могу замѣтить только одно: если имъ тяжко смотрѣть на то положеніе, въ которомъ находятся вовлеченные ими подсудимые Тимоѳей Михайловъ и Гельфманъ, то имъ нужно было подумать объ этомъ прежде. Затѣмъ, ко второй группѣ показаній я отношу собственное, краткое, односложное сознаніе подсудимаго въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя касаются его лично, простое краткое сознаніе, съ умолчаніемъ всего, что̀ касается другихъ: все говорить о себѣ или говорить все главное въ общихъ чертахъ, ничего не говорить о другихъ и не давать никакихъ указаній, которыя могутъ навести разыскивающую власть на какіе-либо слѣды. Таково показаніе подсудимаго Кибальчича, сюда же, съ нѣкоторыми ограниченіями, принадлежатъ показанія и другихъ подсудимыхъ. Въ этихъ показаніяхъ, къ собственному сознанію, къ старанію умолчать или выгородить другихъ, присоединяются два стремленія: во-1-хъ, постараться представить свое дѣло, свою партію, свое, пожалуй, участіе, но главнымъ образомъ свою партію въ крайне преувеличенномъ и ложномъ свѣтѣ, постараться увеличить размѣры до фантастичности, даже—я скажу прямо—напугать, если бы напугать кого-либо было возможно, указать, что если здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, сидитъ нѣсколько сильныхъ дѣятелей партіи, то за ними, тамъ дальше, на свободѣ, есть еще другіе,

которые идутъ по одному и тому же пути, что такихъ много и что партія располагаетъ могучими силами и средствами. Это стремленіе понятно въ подсудимыхъ, но, преслѣдуя его, подсудимые не знаютъ мѣры и границъ, и переходятъ изъ сферы правдоподобія въ область ничѣмъ не ограниченной дикой фантазіи. Къ этому роду показаній, въ которыхъ замѣтно и желаніе выставить себя въ извѣстномъ конспиративно-благопріятномъ свѣтѣ, принадлежитъ показаніе Желябова и показаніе его alter ego — подсудимой Перовской. Далѣе, къ третьей группѣ я отношу нежеланіе показывать или просто грубое, категорическое отрицаніе обстоятельствъ, касающихся даннаго подсудимаго. Такого рода показанія мы слышали отъ подсудимой Гельфманъ и въ особенности отъ Тимоѳея Михайлова. Итакъ, будемъ вѣрить показаніямъ первой группы, и, слѣдовательно, показанію Рысакова вполнѣ; будемъ вѣрить показаніямъ второй группы постольку, поскольку они касаются самихъ подсудимыхъ, и не будемъ имъ вѣрить вовсе на основаніи тщательной критики въ томъ, въ чемъ они идутъ въ разрѣзъ съ обстоятельствами дѣла и окажутся продиктованными личными стремленіями, и, наконецъ, не будемъ вѣрить вовсе третьей категоріи показаній подсудимыхъ, противопоставляющихъ фактамъ голословное ихъ отрицаніе. Подсудимый Рысаковъ сознается въ злодѣяніи 1-го марта вполнѣ и въ принадлежности къ соціально-революціонной партіи — съ извѣстными оговорками. Сознаваясь, онъ оговариваетъ: прямо — подсудимыхъ Желябова, Перовскую и Тимоѳея Михайлова, и косвенно, но не менѣе сильно — подсудимую Гесю Гельфманъ; подсудимые Желябовъ и Перовская сознаются въ тѣхъ же преступленіяхъ, что̀ и Рысаковъ, и, кромѣ того, Перовская въ другомъ, приписываемомъ ей, преступленіи—въ посягательствѣ на Священную Особу въ Бозѣ почившаго Императора, совершенномъ подъ Москвою 19-го ноября 1880 года, а Желябовъ въ такомъ же преступленіи подъ Александровскомъ, 18-го ноября 1879 года; подсудимый Кибальчичъ сознается въ принадлежности къ партіи, въ цареубійствѣ, въ приготовленіяхъ къ одесскому покушенію

осенью 1879 года и, наконецъ, въ приготовленіяхъ къ александровскому взрыву; подсудимый Тимоѳей Михайловъ не сознается въ совершеніи злодѣянія 1-го марта, но сознается вполнѣ въ принадлежности къ соціально-революціонной партіи, къ террористической ея фракціи, а также въ вооруженномъ сопротивленіи 3-го марта властямъ при арестованіи его въ Телѣжной улицѣ, и, наконецъ, подсудимая Гельфманъ, не сознаваясь въ участіи въ дѣлѣ 1-го марта, сознается въ принадлежности къ террористической фракціи соціально-революціонной партіи или, другими словами, къ партіи „Народной Воли". Болѣе всего показанія Рысакова совпадаютъ съ показаніями Перовской и Кибальчича. На основаніи этихъ показаній подсудимыхъ и на основаніи другихъ данныхъ дѣла, какъ я уже сказалъ, мнѣ предстоитъ воспроизвести предъ вами, по возможности, точную картину того заговора, жертвою котораго, 1-го марта, палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ.

Лѣтомъ 1879 года,—я начинаю издалека,—въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, происходилъ съѣздъ членовъ революціонной партіи. Вы много слышали объ этомъ съѣздѣ, еще больше васъ слышали о немъ предшествующіе судьи. Съѣздъ этотъ важенъ потому, что имъ установляется моментъ окончательной, систематической рѣшимости совершить цареубійство. На этомъ съѣздѣ, о которомъ говорилъ здѣсь подсудимый Желябовъ, было рѣшено совершить покушеніе на жизнь усопшаго Императора и повторять его, въ случаѣ неудачи, до тѣхъ поръ, пока эти покушенія не увѣнчаются злодѣйскою удачею. Во исполненіе такого рѣшенія съѣзда, которое, какъ вы слышали здѣсь отъ подсудимаго Желябова, было обязательно для всей партіи и, по его словамъ, вмѣнялось въ законъ, былъ совершенъ рядъ покушеній на жизнь Его Императорскаго Величества: покушенія подъ Александровскомъ, подъ Москвой и, наконецъ, 5-го февраля 1880 г. въ Зимнемъ дворцѣ. Для этихъ покушеній нужно было приготовлять взрывчатыя вещества, и приготовленіемъ ихъ съ усердіемъ, ревностью и знаніями, достойными лучшаго дѣла, занялся подсудимый Кибальчичъ. Еще въ стѣнахъ

тюрьмы уже загорѣлось въ немъ нетерпѣливое желаніе вложить и свою лепту въ кровавыя дѣла, ознаменовавшія вступленіе соціально-революціонной партіи на путь политической борьбы, и принять въ ней посильное участіе, такъ что по освобожденіи онъ не замедлилъ явиться къ одному изъ главныхъ революціонныхъ дѣятелей, нынѣ осужденному и казненному государственному преступнику Квятковскому, и предложилъ свои услуги. Техникъ-динамитчикъ, производитель динамита—былъ человѣкъ драгоцѣнный для партіи. Онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и, конечно, работы предстояло ему много. Онъ и занялся этою работою. Вы, конечно, помните его показанія, занесенныя въ обвинительный актъ и подтвержденныя здѣсь. Въ теченіе полутора года онъ изготовлялъ динамитъ въ большомъ количествѣ, когда ему приказывали, не справляясь о томъ, на что̀ именно въ извѣстную минуту нуженъ динамитъ, но всегда зная, для какой конечной цѣли онъ будетъ служить.

Наряду съ приготовленіями, въ которыхъ такое видное участіе принималъ Кибальчичъ съ осени 1880 года, идетъ агитаціонная дѣятельность интеллигентныхъ дѣятелей въ рабочей средѣ. Это вообще пріемъ не новый, практиковавшійся и прежде, но здѣсь, повидимому, на этотъ пріемъ были направлены особыя усилія партіи, которая не безъ основанія—доказательствомъ этому служитъ Тимоѳей Михайловъ—видѣла въ агитаціи среди рабочихъ способъ пріобрѣтенія новыхъ полезныхъ агентовъ. Между рабочими, по иниціативѣ агитаторовъ, образуются кружки, сходящіеся въ агитаціонную группу рабочихъ. Такіе дѣятели, какъ Рысаковъ, еще не принадлежащіе къ партіи, если можно такъ выразиться, формально и болѣе склонные къ мирной соціалистической дѣятельности среди рабочихъ, убѣждаются изъ агитаціонной дѣятельности въ томъ, что единоличныя усилія ихъ не могутъ принести плодотворныхъ результатовъ въ конспиративномъ смыслѣ. Придя къ такому убѣжденію, они сходятся съ испытанными дѣятелями революціоннаго движенія, подпадаютъ подъ ихъ вліяніе и дѣлаются центромъ

систематически-слагающихся небольшихъ организацій среди рабочихъ, — организацій, пріурочиваемыхъ къ террористической системѣ. По тому, что говорятъ о группѣ рабочихъ подсудимые, можно подумать, что она многочисленна, сильна личнымъ составомъ, качественнымъ и количественнымъ, но показаніе Рысакова разсѣиваетъ такое предположеніе: по его словамъ, группа состоитъ не болѣе какъ изъ десятковъ двухъ человѣкъ, и въ ней настоящихъ рабочихъ очень немного; въ группѣ этой мы встрѣчаемъ Желябова,—онъ вездѣ,—самого Рысакова, Перовскую, Михаила Ельникова, „инвалида“ и другихъ. На обязанности группы лежала пропаганда среди рабочихъ и руководство рабочимъ движеніемъ. Рядомъ съ нею, выдѣлившись изъ нея, образовался въ февралѣ 1881 года такъ называемый террористическій отдѣлъ рабочей группы, или, употребляя техническое выраженіе подсудимыхъ, довольно характерное, „боевая рабочая дружина“. Объ этой дружинѣ у насъ есть нѣсколько разныхъ варіантовъ объясненій. Одни говорятъ, что подъ исполнительнымъ комитетомъ, главной группой, стояли другія подгруппы и въ распоряженіи этого комитета находилось нѣсколько назначенныхъ для насильственныхъ дѣйствій боевыхъ дружинъ, въ числѣ ихъ была боевая рабочая, такъ что кромѣ нея исполнительный комитетъ располагалъ еще и другими такими же дружинами. Тимоѳей Михайловъ даетъ объясненіе болѣе скромное, и я думаю, что какъ человѣкъ необразованный, умственный кругозоръ котораго не широкъ, онъ ближе къ истинѣ свидѣтельствуетъ о характерѣ рабочей боевой дружины. На вопросъ о томъ, какое же она имѣла назначеніе, онъ отвѣчаетъ нѣсколькими очень короткими, но крайне характерными словами: защищать рабочихъ, т.-е. убивать шпіоновъ и избивать нелюбимыхъ рабочими мастеровъ. Вотъ для чего она была образована, вотъ что могло привлекать въ нее такихъ рабочихъ, которые дошли до такого состоянія, до котораго дошелъ подсудимый Тимоѳей Михайловъ. Образованная по иниціативѣ Желябова, она состояла изъ незначительнаго числа лицъ: 4, 5, 6 человѣкъ. Это все

тѣ же Желябовъ, Рысаковъ, Михаилъ Ивановичъ, но безъ Перовской, и наконецъ Тимоѳей Михайловъ, можетъ быть, еще кто-нибудь, и этимъ составомъ боевая рабочая дружина ограничивается. Органомъ агитаціонной рабочей группы была начавшая издаваться въ то время „Рабочая Газета“, типографія которой помѣщалась въ конспиративной квартирѣ въ Троицкомъ переулкѣ и которая печаталась при содѣйствіи Геси Гельфманъ. Первый нумеръ ея относится къ сентябрю 1880 года, второй и послѣдній—къ февралю 1881 года, всего вышло два нумера. Агитаціонная группа, и рабочая дружина представляются мнѣ не болѣе, какъ способомъ вербовки рабочихъ къ дѣятельности партіи. Вербовка производилась главнымъ образомъ Желябовымъ, при помощи другихъ лицъ, между прочимъ и Перовской. Такимъ путемъ былъ имъ заманенъ Тимоѳей Михайловъ. Къ этому же времени относится внезапный и почти ничѣмъ необъяснимый переходъ Тимоѳея Михайлова и Рысакова съ законнаго положенія на положеніе „нелегальное“. Это выраженіе техническое, соціально-революціонное. Это значитъ перестать быть прежнимъ человѣкомъ, это значитъ забыть свое крещеное имя, начать называться ложнымъ именемъ, бросить свой настоящій видъ на жительство, взять подложный, и затѣмъ скрываться гдѣ день, гдѣ ночь отъ преслѣдованія властей. Для тѣхъ, которыхъ преслѣдуютъ, это можетъ быть необходимо, но для тѣхъ, которые еще не подвергались этому преслѣдованію, какой смыслъ имѣетъ этотъ переходъ? А между тѣмъ мы видимъ, что и Рысаковъ, и Михайловъ переходятъ на это положеніе въ 1881 году безъ всякаго основанія и надобности, потому что по имѣющимся свѣдѣніямъ относительно Рысакова, относительно павшаго на него подозрѣнія, по ихъ неопредѣленности и по отсутствію всякаго указанія на принятіе противъ Рысакова репрессивныхъ мѣръ нѣтъ основанія полагать, чтобы для Рысакова были причины къ переходу на нелегальное положеніе. Причина лишь та, что Желябовъ переводитъ ихъ на это положеніе. Это положеніе имѣетъ значеніе какъ бы посвященія въ члены партіи. Переходя на нелегальное положеніе, человѣкъ переступаетъ

рубиконъ: за нимъ уже есть чужое имя, чужой паспортъ. При такомъ внезапномъ переходѣ отступать ему некуда, и остается только идти впередъ, туда, куда толкаютъ Желябовы. Здѣсь мнѣ нужно нѣсколько остановиться на роли подсудимаго Желябова въ самомъ заговорѣ. При этомъ я буду приписывать ему только то значеніе, которое онъ въ дѣйствительности имѣлъ, только ту роль, которую въ дѣйствительности онъ исполнялъ, ни больше, ни меньше. Полагаю, что и этого однако и для суда, и для оцѣнки дѣятельности Желябова будетъ совершенно достаточно. Роль моя въ Петербургѣ, говоритъ самъ Желябовъ, была, конечно, менѣе дѣятельна и важна, чѣмъ въ провинціи. Тамъ я дѣйствовалъ самостоятельно, а здѣсь—подъ ближайшимъ контролемъ исполнительнаго комитета, о которомъ такъ часто приходится говорить Желябову. Онъ былъ только исполнителемъ указаній, и вотъ, исполнительный комитетъ, говоритъ онъ, рѣшивъ совершеніе въ началѣ 1881 года новаго посягательства на цареубійство, поручилъ ему, Желябову, заняться ближайшей организаціей этого предпріятія, или, другими словами, выражаясь языкомъ Желябова, поручилъ ему учредить атаманство, при чемъ атаманомъ и былъ подсудимый Желябовъ. Въ старые годы у насъ называли атаманами людей, которые становились во главѣ разбойническихъ соединеній. Я не знаю, это ли воспоминаніе или другое побудило къ воспринятію этого званія, но тѣмъ не менѣе Желябовъ былъ атаманомъ и подъ его началомъ сложилось преступное соглашеніе. Выбравъ лицъ достойныхъ, годныхъ, по его мнѣнію, къ участію въ злодѣяніи, онъ составилъ имъ списокъ и представилъ его на утвержденіе исполнительнаго комитета. Исполнительный комитетъ, утвердивъ его, возвратилъ его Желябову, который затѣмъ привелъ постановленіе исполнительнаго комитета въ исполненіе. Было рѣшено совершить злодѣяніе двумя способами, параллельно другъ съ другомъ идущими и имѣющими тѣсную связь: подкопомъ на Малой Садовой и посредствомъ метательныхъ снарядовъ. Желябовъ и Кибальчичъ указываютъ на то, что между этими двумя способами не было тѣсной связи, что орга-

низаторы одного не были организаторами другого. Я полагаю, что это неосновательно. Все, что̀ мы знаемъ о заговорѣ, что̀ раскрыто показаніями самихъ подсудимыхъ, говоритъ противное и удостовѣряетъ, что оба эти способа были выбраны и разработаны совмѣстно, на случай, если не удастся одинъ, то удастся другой. Такимъ образомъ былъ составленъ планъ. Главное руководство по этому плану, утверждаетъ Желябовъ, принадлежало не ему, а исполнительному комитету. Исполнительный комитетъ—это вездѣсущее, но невидимое, таинственное соединеніе, которое держитъ въ рукахъ пружины заговора, которое двигаетъ людьми какъ маріонетками, посылаетъ ихъ на смерть, переставляетъ ихъ, однимъ словомъ, это душа всего дѣла. Но я позволю себѣ высказать нѣсколько другое мнѣніе и, рискуя подвергнуться недовѣрію и глумленію со стороны подсудимыхъ, позволю себѣ просто усумниться въ существованіи исполнительнаго комитета въ томъ видѣ, въ какомъ его хотятъ обрисовать. Я знаю, что существуетъ не одинъ Желябовъ, а нѣсколько Желябовыхъ, можетъ быть, десятки Желябовыхъ, но я думаю, что данныя судебнаго слѣдствія даютъ мнѣ право отрицать соединеніе этихъ Желябовыхъ въ нѣчто органическое, правильно устроенное іерархическое распредѣленіе, въ нѣчто соединяющееся чуть ли не въ цѣлое въ учрежденіе. Я думаю, что исполнительный комитетъ—это просто вожаки заговора, между собою согласившіеся и его исполняющіе, и я сейчасъ укажу на нѣкоторыя данныя, подтверждающія мое заключеніе. Обвиняемый Гольденбергъ въ показаніяхъ своихъ, изложенныхъ въ обвинительномъ актѣ, говоря объ исполнительномъ комитетѣ, между прочимъ объясняетъ, что исполнительнымъ комитетомъ называлась наиболѣе дѣятельная городская группа соціально-революціонныхъ дѣятелей. Въ № 3-мъ „Народной Воли“, въ передовой статьѣ имѣется весьма характерная и весьма знаменательная оцѣнка дѣятельности исполнительнаго комитета и указаніе на его необходимость, дающія ключъ къ разгадкѣ. Въ этой статьѣ, написанной въ то время, когда удручающее сознаніе безсилія тяготѣло надъ партіей, говори-

лось о томъ равнодушіи, которое, къ сожалѣнію, для всей партіи, окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, о томъ равнодушіи, которое высказывается даже въ томъ, что люди, принадлежащіе къ партіи, не имѣютъ никакой иниціативы въ дѣлѣ, не проявляютъ никакой энергіи, и заключается статья такъ: „Русскому человѣку даже въ соціально-революціонномъ дѣлѣ нужно начальство и безъ начальства онъ никакъ не можетъ обойтись“. И вотъ, для созданія такого фиктивнаго начальства, котораго никто не знаетъ, которое, говорятъ, гдѣ-то тамъ, чуть не подъ землею, и появилась, мнѣ кажется, эта фикція объ исполнительномъ комитетѣ, какъ объ опредѣленномъ, правильно организованномъ подпольномъ учрежденіи. Я думаю такъ и потому, что если этотъ исполнительный комитетъ такъ правильно организованъ и руководилъ всѣмъ дѣломъ, то неужели, когда былъ арестованъ Желябовъ, организаторъ злодѣянія, неужели у исполнительнаго комитета не нашлось болѣе сильной руки, болѣе сильнаго ума, болѣе опытнаго революціонера, чѣмъ Софья Перовская? Неужели слабымъ рукамъ женщины, хотя бы она была сожительницею Желябова, можно было передать такое дѣло, какъ преемство по исполненію злодѣянія? Я полагаю, что если исполнительный комитетъ существуетъ, организованъ и обладаетъ такими большими средствами, то неужели предъ самымъ совершеніемъ преступленія нужно было бы прибѣгать къ несчастнымъ 50 рублямъ, полученнымъ Рысаковымъ изъ конторы Громова для средствъ партіи, для фонда ея, за неимѣніемъ другого? Какъ бы то ни было, если условиться называть исполнительнымъ комитетомъ простое соединеніе немногихъ вожаковъ, я допускаю, что комитетъ, а въ составѣ его Желябовъ, занялся разработкой самаго замысла. По словамъ Желябова, изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ, которыхъ, по его указанію, было много, —а я думаю одна, — были вызваны добровольцы: Желябовъ кликнулъ кличъ. На этотъ кличъ отозвалось 47 человѣкъ, изъ которыхъ 19 человѣкъ шли условно, только въ томъ случаѣ, если на мѣстѣ совершенія преступленія ихъ будутъ сопровождать люди опытные, съ революціоннымъ прошлымъ, а 28 шли

безъ всякихъ условій. Такимъ образомъ Желябовъ имѣлъ предъ собою выборъ. Но, по словамъ Рысакова, дѣло было нѣсколько иначе, и совершеніе злодѣянія было просто-на-просто предложено рабочей дружинѣ, изъ которой вышли Рысаковъ, Тимоѳей Михайловъ, „Михаилъ Ивановичъ“, къ этой дружинѣ принадлежащіе. По словамъ Рысакова, на кликъ Желябова отозвалось не 47 человѣкъ, а всего на всего 4 человѣка — тѣ самые, которые, вооруженные метательными снарядами, были разставлены близъ Малой Садовой по извѣстнымъ пунктамъ. Послѣ сбора участниковъ начались предварительные сговоры заговорщиковъ о совершеніи преступленія. Этому предварительному соглашенію предшествовало еще давно предпринятое слѣженіе за Государемъ Императоромъ... Я не знаю предмета, внушающаго больше негодованія, какъ воспоминаніе объ обстановкѣ этого преступленія. Вездѣ на проѣздѣ Государя Императора, куда бы ни вышелъ Государь Императоръ, таясь во тьмѣ, слѣдуя за Нимъ, стояли эти люди, выжидающіе, высматривающіе, слѣдящіе за его привычками, за направленіемъ, которое Онъ приметъ при проѣздѣ, для того, чтобы потомъ изъ этихъ наблюденій сдѣлать кровавое употребленіе, а когда нужно себѣ представить, что это слѣженіе и наблюденіе было организовано женщиной, подсудимою Перовской, то становится еще ужаснѣе, еще сильнѣе содроганіе. Мы слышали это отъ Рысакова и отъ самой Перовской, которая сознается, что она вмѣстѣ съ другими лицами давно слѣдила за Государемъ Императоромъ, въ теченіе всей зимы, и самая выработка плана была результатомъ выводовъ изъ наблюденій. Сдѣлалось извѣстнымъ, въ какомъ часу проѣзжаетъ Государь Императоръ, по какому направленію, гдѣ Онъ останавливается, и на этомъ былъ построенъ планъ. Затѣмъ послѣдовали собранія въ квартирѣ Рысакова, у Ермолиной, и здѣсь я остановлю ваше вниманіе на томъ, что хозяйка Рысакова, Ермолина, въ этой квартирѣ его, въ то время, которое относится къ этимъ собраніямъ, видѣла и Тимоѳея Михайлова. Слѣдовательно, въ предварительныхъ разговорахъ о цареубійствѣ принималъ участіе и при нихъ

присутствовалъ и подсудимый Тимоѳей Михайловъ. Мѣсто ли оказалось неудобнымъ, или по другимъ причинамъ, но только эти собранія перешли въ другое помѣщеніе, въ настоящую конспиративную квартиру, по Троицкому переулку, гдѣ хозяйкою была подсудимая Гельфманъ. Въ то же время, въ другомъ мѣстѣ, въ точности неизвѣстномъ, можетъ быть, въ Подъяческой, можетъ быть, въ той уединенной комнатѣ, въ которой своимъ научнымъ изысканіямъ предавался Кибальчичъ, происходила выработка самыхъ средствъ, самаго орудія преступленія. Нужно было много сдѣлать. Нужно было выработать типъ, идею, систему снаряда, нужно было подавать техническіе совѣты для устройства мины и въ то же время заботиться и о разрушительномъ, и о спасительномъ дѣйствіи этой мины, нужно было заботиться о такомъ соразмѣрномъ количествѣ динамита, чтобы онъ поражалъ только того, кого нужно, и не поражалъ другихъ. Эта задача лежала всецѣло на Кибальчичѣ. По этому поводу я остановлю ваше вниманіе на довольно странномъ обстоятельствѣ, которое подробно изложено въ обвинительномъ актѣ, не опровергнуто подсудимыми и подтверждено при изслѣдованіи дѣла, а также показаніями на судѣ. Когда подсудимому Кибальчичу былъ предложенъ первый вопросъ о его участіи въ дѣлѣ, когда его спросили о метательныхъ снарядахъ, то онъ прежде всего заявилъ: „Да, это мои снаряды, это моя идея, моя система, я, я одинъ его изобрѣтатель, безъ всякихъ помощниковъ: это мой секретъ“. А вы знаете, это типъ новый, эксперты этого типа не знаютъ, въ немъ все предусмотрѣно, такъ что онъ своей цѣли не достигнуть не можетъ. Затѣмъ прошло немного времени, пришлось перечитывать это показаніе и является уже другая мысль: „Да, но если я сказалъ, что эта идея моя, то, значитъ, она умретъ вмѣстѣ со мною, она никому не будетъ передана“. Тутъ и явилось другое объясненіе, тутъ интересы партіи оказались сильнѣе интересовъ научныхъ, въ Кибальчичѣ заговорилъ членъ соціально-революціонной партіи, о ней прежде всего заботящійся. Подсудимый сказалъ, что онъ не одинъ, что еще есть двое, они на свободѣ, они могутъ продолжать.

Помощники были, это не подлежитъ сомнѣнію, но пусть Кибальчичъ всецѣло сохранитъ за собою идею изобрѣтенія и ея успѣшное дѣйствіе. Выработаны были орудія преступленія и началъ мало-по-малу слагаться и опредѣленный планъ. Сначала мысль о злодѣяніи, говоритъ Рысаковъ, представлялась отдаленною ему самому, но о совершеніи злодѣянія уже думали. Нужно спѣшить, сказалъ Желябовъ, время не терпитъ—и поспѣшили. Поспѣшность сказалась во всѣхъ дѣйствіяхъ партіи, и причина ея очевидна. Дѣятельность властей осенью 1880 года по обнаруженію членовъ партіи, въ частности террористовъ и лицъ, принадлежащихъ къ группѣ, въ которой было задумано злодѣяніе, была особенно энергична и успѣшна. Удалось напасть на слѣды, были произведены аресты, были арестованы многіе видные дѣятели прежнихъ террористическихъ преступленій, были задержаны Тригони и Желябовъ. Громъ уже гремѣлъ надъ партіей, уже была протянута рука, готовая схватить членовъ ея, нужно было спѣшить. Этимъ и объясняется поспѣшность, особенно сильно сказывающаяся въ томъ, что какъ только арестовали Желябова 27-го февраля, тотчасъ же, 28-го, Перовская исчезаетъ, дѣлается руководительницею заговора и приводитъ его въ исполненіе, не медля ни минуты. Снаряды еще не готовы, ночь посвящается на ихъ приготовленіе. Утромъ Перовская приноситъ снаряды на квартиру въ Телѣжную улицу и говоритъ: вотъ все, что̀ успѣли сдѣлать, нужно довольствоваться и малымъ, больше не успѣли. Я возвращаюсь къ показанію Рысакова. За полторы недѣли до 1-го марта, когда былъ кликнутъ Желябовымъ кличъ, вызвались четверо: Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ“ (Ельниковъ), Тимоѳей Михайловъ и неизвѣстный „Михаилъ“. Вызвавшимся былъ данъ доступъ на другую конспиративную квартиру, помѣщающуюся въ Телѣжной улицѣ. Туда они были введены Желябовымъ. Тутъ вмѣстѣ съ Желябовымъ появился и Кибальчичъ, и здѣсь начались лекціи — я употребляю подлинное выраженіе Рысакова — лекціи Кибальчича о снарядахъ. Кибальчичъ привыкъ къ объясненію научныхъ предметовъ. Мы слышали здѣсь отъ него

весьма обстоятельный, весьма связный разсказъ объ этомъ. Поэтому мы можемъ заключить, что и его лекціи были ясны, послѣдовательны и вразумительны. Приносились не снаряды, но отдѣльныя части ихъ, Кибальчичъ читалъ участникамъ будущаго злодѣянія техническія наставленія и дѣлалъ пробы. На эти пробы указываютъ предметы, найденные въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ: модель, осмотрѣнная экспертомъ Ѳедоровымъ, бертолетова соль, колбы, реторты и записка о смѣси, которая вошла въ снаряды. Лекціи эти происходили въ квартирѣ, хозяйкою которой была подсудимая Гельфманъ. Правда, говорятъ, что она отъ лекцій уходила; но вѣдь она знала, что̀ на нихъ преподается и какой онѣ будутъ имѣть результатъ. 28-го февраля, наканунѣ злодѣянія, неудовольствовавшись лекціями, участники произвели и опытъ. Отправились, по словамъ Рысакова, далеко за городъ, подъ Смольный монастырь, четверо: Рысаковъ, Кибальчичъ-техникъ, Михаилъ Ивановичъ и Тимоѳей Михайловъ, и здѣсь пробный снарядъ былъ брошенъ Тимоѳеемъ Михайловымъ. Снарядъ разорвался удачно, проба была успѣшна. Участники возвратились на квартиру и стали ждать Желябова, но онъ не приходилъ, и Геся Гельфманъ сказала, что если онъ не приходитъ, значитъ не можетъ придти, что-нибудь его задержало,—а задержало его то, что онъ былъ арестованъ. Когда 28-го февраля сдѣлалось извѣстно объ арестѣ Желябова, были сдѣланы спѣшныя, послѣднія приготовленія. Утромъ 1-го марта былъ назначенъ сборъ въ конспиративной квартирѣ. Обязанности Желябова приняла на себя Перовская. Рано утромъ Перовская привезла въ Телѣжную улицу, какъ я уже сказалъ, два снаряда. Туда же пріѣхалъ вскорѣ и Кибальчичъ, приготовлявшій ночью снаряды, и привезъ еще два снаряда. Такимъ образомъ снарядовъ оказалось четыре, по числу участниковъ, и между ними снаряды были распредѣлены. Но предъ тѣмъ, чтобы выходить на злодѣяніе, нужно было сообщить участникамъ въ точности время, мѣсто и способъ дѣйствія, нужно было нарисовать планъ, нужно было разставить бойцовъ, и это послѣднее дѣло приняла на себя Перовская. Съ карандашемъ въ

рукѣ, на первомъ попавшемся конвертѣ она начертила планъ, на которомъ точками указала мѣста, гдѣ должны были стоять соучастники. Планъ былъ такой. Государь Императоръ, по всей вѣроятности, долженъ проѣхать по Малой Садовой. Проѣзда этого уже ждутъ, понятно кто—Кобозевы. Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ стоятъ метальщики: одинъ—у Екатерининскаго сквера, другой—на углу Невскаго и Малой Садовой; это посты Рысакова и Михаила. Другія мѣста на углу Большой Итальянской, близъ Манежной площади, занимаютъ Тимоѳей Михайловъ и „Котикъ“. Въ то же время Перовская стоитъ на углу Михайловской площади и Большой Итальянской близъ кондитерской Кочкурова, стоитъ безъ всякаго орудія, но съ планомъ въ головѣ, для того, чтобы наблюдать за исполненіемъ и подавать сигналы. Произошелъ, положимъ, взрывъ, но оказался неудачнымъ, метальщики собираются на Малой Садовой и здѣсь доканчиваютъ дѣло смерти, бросая свои орудія. Если же произойдетъ иначе, если Государь Императоръ не поѣдетъ по Малой Садовой, то тогда Перовская подаетъ имъ сигналъ и измѣняетъ диспозицію. Произошло послѣднее. Его Императорское Величество, выѣхавъ изъ Зимняго дворца, проѣхалъ по Инженерной улицѣ прямо въ манежъ. Перовская убѣдилась, что на Малой Садовой взрыва не послѣдовало и дала условный сигналъ, по которому метальщики, оставивъ прежніе посты, собрались на Михайловской улицѣ, и оттуда пошли на Екатерининскій каналъ, разсчитывая, что обратный путь Государя будетъ по Екатерининскому каналу. И вотъ, метальщики отправляются на Екатерининскій каналъ. Перовская продолжаетъ путь на Невскій, поворачиваетъ направо, переходитъ черезъ Казанскій мостъ, огибаетъ Екатерининскій каналъ и останавливается какъ разъ напротивъ мѣста, гдѣ совершилось злодѣяніе, для того, чтобы наблюдать за его совершеніемъ. Государь Императоръ проѣзжаетъ по Екатерининскому каналу, метальщики встрѣчаютъ Его. Рысаковъ — первый, „Михаилъ Ивановичъ“ — второй. Планъ приведенъ въ исполненіе и подкопъ въ Малой Садовой оказывается ненужнымъ.

Такимъ образомъ, точно, фактически и юридически, распре-

дѣляется участіе подсудимыхъ, и каждому изъ нихъ отводится особая роль. Какъ во всякомъ дѣйствіи, вытекающемъ изъ совмѣстнаго обсужденія, изъ совмѣстнаго соглашенія, какъ во всякомъ дѣйствіи и предпріятіи невинномъ, такъ и въ злодѣяніи нужно отличать руководителей и исполнителей, которые въ свою очередь раздѣляются на исполнителей техническихъ и исполнителей физическихъ Руководителями злодѣянія 1-го марта были Желябовъ и Перовская; техникомъ, лицомъ, изобрѣвшимъ и составившимъ снаряды, былъ Кибальчичъ; исполнителями были: Тимоѳей Михайловъ, Рысаковъ и умершій Ельниковъ; хозяйкою мѣста сборища — Гельфманъ. Это участіе фактическое совпадаетъ и съ участіемъ юридическимъ. Такъ, Желябовъ задумалъ злодѣяніе 1-го марта и согласилъ на него Тимоѳея Михайлова и Рысакова, а затѣмъ управлялъ всѣми приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями. Желябовъ, невѣрно толкуя выраженіе, помѣщенное въ обвинительномъ актѣ „умысливъ злодѣяніе“ въ томъ смыслѣ, что ему, Желябову, первому принадлежитъ мысль о цареубійствѣ, находитъ его неправильнымъ. О, нѣтъ! Мысль эта составляла достояніе всей партіи, какъ мысль о дѣлѣ задуманномъ и рѣшенномъ еще на Липецкомъ съѣздѣ. Но Желябову принадлежитъ мысль о самомъ злодѣяніи 1-го марта со всею его обстановкою, со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ юридическій составъ преступленія. Итакъ, Желябовъ, говоря языкомъ закона, есть главный виновникъ, зачинщикъ, Перовская, по ея собственному показанію, управляла приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями и руководила, находясь на мѣстѣ преступленія, самымъ его совершеніемъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ Желябовымъ, соединенная съ нимъ прямыми и крѣпкими узами, стоитъ Перовская, зачинщица и главная виновница, такая же, какъ и онъ. Роль зачинщика, по закону, выпадаетъ и на Рысакова, потому что хотя не ему принадлежала мысль и планъ совершенія злодѣянія, но онъ первый приступилъ къ совершенію преступленія, а такое участіе законъ приравниваетъ къ понятію о зачинщикахъ. Затѣмъ сообщниками являются Кибальчичъ и Тимоѳей Михайловъ. Первый изъ нихъ давалъ указанія на устройство мины въ

Малой Садовой и относительно количества необходимаго для нея динамита, онъ изобрѣлъ и сдѣлалъ убійственный метательный снарядъ; безъ Кибальчича, несмотря на второстепенную роль его съ юридической точки зрѣнія, быть можетъ, не было бы преступленія. За Кибальчичемъ слѣдуетъ Тимоѳей Михайловъ. Онъ согласился на совершеніе цареубійства, онъ былъ въ числѣ прочихъ рабочихъ-дружинниковъ, вызвавшихся совершить его и отозвавшихся на кличъ Желябова, онъ вмѣстѣ съ другими въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ улицѣ слушалъ лекціи Кибальчича, онъ участвовалъ въ пробѣ снарядовъ, онъ самъ бросилъ пробный снарядъ, своими руками совершилъ опытъ, наконецъ онъ, вооруженный снарядомъ, былъ на мѣстѣ злодѣянія метальщикомъ. Пособницей является Гельфманъ, потому что она завѣдывала первою конспиративною квартирою въ Троицкомъ переулкѣ, гдѣ происходили совѣщанія, потому что она завѣдывала второю конспиративною квартирою, гдѣ эти совѣщанія привели къ желаннымъ ими цѣлямъ, потому, что при ней происходили приготовленія для злодѣянія. Если она уходила изъ квартиры въ нѣкоторые моменты этихъ приготовленій, то нѣтъ сомнѣнія, что она о нихъ знала и не могла не знать. Въ немногихъ словахъ я повторю все то, что̀ касается Гельфманъ, такъ какъ она по своему участію стоитъ нѣсколько отдѣльно отъ всѣхъ подсудимыхъ, хотя изобличена не менѣе твердо. Вамъ извѣстно ея прошлое, извѣстна ея роль въ первой конспиративной квартирѣ, ея показаніе о принадлежности къ партіи „Народной Воли“,—фракціи, поставившей цѣлью совершить цареубійство; вамъ извѣстна ея роль во второй конспиративной квартирѣ, гдѣ происходили совѣщанія, откуда утромъ 1-го марта участники сообщества въ присутствіи Гельфманъ пошли на кровавое дѣло; вамъ извѣстно содержаніе записки, указывающее на нее, какъ на видную дѣятельницу партіи въ Петербургѣ; вспомните, наконецъ, близость ея со всѣми участниками преступленія—подсудимыми и суду не преданными; вспомните показаніе свидѣтелей Рейнгольда и Сергѣева, удостовѣряющія, что Гельфманъ знала о присутствіи въ ея квартирѣ взрывчатыхъ веществъ, такъ какъ, по словамъ свидѣтелей, когда они пришли съ обы-

скомъ, то первая Гельфманъ сказала: „Тамъ взрывчатыя вещества, не ходите туда, тамъ снаряды", а снаряды эти были подобны тѣмъ, которыми совершено злодѣяніе. Если она знала, какіе это снаряды, то она не могла не знать, для чего они сдѣланы: а если она знала это, то предварительное соглашеніе и составъ преступленія, въ которомъ она участвовала, установлены по закону и ничѣмъ не отличаются отъ соглашенія и состава преступленія, въ которомъ изобличены всѣ остальные подсудимые.

Покончивъ, съ уликами, изобличающими подсудимыхъ, съ разоблаченіемъ составленнаго ими заговора, я долженъ остановиться на личности каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности. Если въ обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлахъ прошлое подсудимаго, его свойства настолько, насколько они на судѣ раскрываются, насколько они могутъ служить мѣриломъ для его нравственной личной характеристики, насколько они освѣщаютъ его внутреннее, а не внѣшнее только участіе въ дѣлѣ, имѣетъ значеніе, то судите же сами, насколько больше это прошлое подсудимыхъ имѣетъ значеніе для суда въ дѣлѣ подобномъ настоящему, въ дѣлѣ о тягчайшемъ государственномъ преступленіи. Намъ важно знать и опредѣлить, какимъ путемъ подсудимые дошли до этого злодѣянія, какія условія благопріятствовали этому ужасному пути, и наконецъ какую степень злой воли проявили обвиняемые во время совершенія преступленія. Матеріаломъ для сужденія объ этихъ вопросахъ первостепенной важности служатъ: во-1) фактическія свѣдѣнія о прошломъ каждаго изъ подсудимыхъ; во-2) свѣдѣнія объ отношеніи его къ доказанному злодѣянію въ моментъ самаго совершенія, и наконецъ въ-3) отношеніе его къ суду, образъ дѣйствій и поведеніе его на судѣ. Я начну съ подсудимаго Рысакова, и не скрою ни отъ васъ, ни отъ себя всей трудности предстоящей мнѣ по отношенію къ Рысакову задачи. Между тѣмъ какъ никакихъ затрудненій не представляетъ характеристика Желябова и Кибальчича, тѣмъ болѣе Перовской, Гельфманъ и Михайлова, передъ личностью Рысакова и его злодѣяніемъ я останавливаюсь, и изъ массы имѣющихся у меня данныхъ съ большою осторожностью выбираю тѣ, которыя

хотя до нѣкоторой степени могутъ объяснить намъ неразрѣшимыя съ перваго взгляда противорѣчія, возникающія при изученіи свѣдѣній объ его личности. Мы убѣдились въ томъ, что Рысаковъ первый, а не кто другой совершилъ злодѣяніе 1-го марта, а между тѣмъ ему всего 19 лѣтъ; онъ даже не достигъ гражданскаго совершеннолѣтія; онъ еще юноша, но на этомъ юношѣ тяготѣетъ обвиненіе въ цареубійствѣ; имя этого юноши на вѣки связано съ злодѣяніемъ 1-го марта. Сынъ скромной и честной семьи, сынъ отца, занимающаго мѣсто управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Громова въ Вытегорскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, онъ рано оставилъ родную семью. Помѣщенный въ Череповецкое реальное училище въ 1874 году, онъ пробылъ тамъ, вдали отъ родной семьи, четыре года, по 1878 годъ. Проживалъ онъ на квартирѣ у свидѣтельницы Енько-Даровской, показаніе которой у васъ, конечно, сохранилось въ памяти, и оставилъ въ Череповцѣ за это время, жутко вымолвить, самое лучшее воспоминаніе. Учился отлично; аттестатъ его наполненъ хорошими отмѣтками и свидѣтельствуетъ о хорошемъ поведеніи. Енько-Даровская не нахвалится имъ. И тогда она выдѣляла его изъ среды другихъ его товарищей, и теперь не можетъ прійти въ себя отъ изумленія, видя его на скамьѣ подсудимыхъ по обвиненію въ страшномъ злодѣяніи. Вы помните ту характеристику, которую свидѣтельница дала о Рысаковѣ и которую подтвердила еще ея племянница, Кулаковская. Мягкій по характеру (на это я прошу обратить особенное вниманіе), довольно набожный, не склонный къ сопротивленію, къ спорамъ, доступный воздѣйствію на него, если оно направляется на его умъ, разсудокъ и чувство, легко поддающійся ласкѣ, онъ въ это далекое теперь время отрицалъ даже мысль о возможности сдѣлаться соціалистомъ. Когда Даровская, эта почтенная старушка, до слуха которой доходили извѣстія о вольныхъ мысляхъ, говорила Рысакову: вотъ и вы кончите курсъ здѣсь, переѣдете въ Петербургъ, заразитесь тамъ этими же мыслями,—онъ отвѣчалъ: нѣтъ, я много читалъ: я не пойду на это. Далеко это время отъ насъ, далеко оно теперь и отъ Рысакова, и какъ хотѣлось бы, я увѣренъ, Рыса-

кову вернуться къ этому далекому, невозвратному прошлому! Въ 1876 году онъ, кончивъ курсъ въ Череповецкомъ училищѣ, переѣхалъ въ Петербургъ съ надеждами, которыя неразлучны съ возрастомъ юноши; пріѣхалъ для того, чтобы работать и учиться, и дѣйствительно началъ работать. Вступивъ въ горный институтъ, онъ принялся серьезно за занятія. Это удостовѣрено инспекторомъ института, г. Бекомъ, который показалъ, что первое время Рысаковъ не манкировалъ лекціями, постоянно бывалъ на практическихъ занятіяхъ, занимался въ библіотекѣ. Такъ проходила его жизнь въ Петербургѣ въ 1878 и 1879 годахъ. Возникаетъ вопросъ, въ какомъ положеніи находилась связь подсудимаго съ его семьею? Этому я придаю особое значеніе. Я уже говорилъ, что свидѣтели, знавшіе его въ Череповцѣ, удостовѣряютъ, что отца онъ любилъ, связь его съ семьей не прерывалась и поддерживалась поѣздками домой на каникулы: не обнаруживалось въ его семейныхъ отношеніяхъ никакой перемѣны, не было перемѣны и въ его мысляхъ. Но затѣмъ, за послѣднее время, въ этой связи, что̀ не подлежитъ сомнѣнію, совершилась какая-то перемѣна, и доказательство ея, доказательство едва уловимое, но тѣмъ не менѣе неопровержимое, я вижу въ письмѣ, на которое я обратилъ ваше вниманіе во время судебнаго слѣдствія. Это письмо было найдено у Рысакова запечатаннымъ въ конвертѣ, съ адресомъ на имя отца. Очевидно, онъ не спѣшилъ отправить его. Въ письмѣ трактуется о весьма простыхъ житейскихъ вещахъ, это обыкновенное письмо сына къ отцу. Но если вы вникнете въ тонъ письма, если сличите его со всѣмъ прошлымъ Рысакова, то оно представляется изумительнымъ. Конечно, если останавливаться, такъ сказать, на внѣшнемъ содержаніи этого письма, на словахъ, оно не поразитъ читателя: въ немъ говорится, что отецъ послалъ сыну посылку, которою сынъ остался недоволенъ, потому что она была неудачная—и только. Но если вы прислушаетесь къ тону этого письма, если вы прислушаетесь къ сердцу писавшаго, то поймете, что въ немъ есть нѣчто натянутое, жесткое, сухое, что такъ не пишетъ любящій сынъ къ своему отцу, если эта любовь чѣмъ-нибудь не затуманилась,

быть можетъ, если она уже не исчезла, если ее съ корнемъ не вырвали изъ сердца сыновняго. Мы, далѣе, имѣемъ фактическія свѣдѣнія о томъ, что къ концу 1879 года Рысаковъ начинаетъ чѣмъ-то волноваться. Около этого времени, послѣ ареста Ширяева, замѣшаннаго въ дѣлѣ террористовъ, онъ является вмѣстѣ съ товарищемъ на его квартиру и требуетъ выдачи вещей арестованнаго. Здѣсь Рысаковъ уже не тотъ скромный, набожный, усердно учащійся прекрасный молодой человѣкъ, хорошій сынъ, нѣтъ—это другое лицо,—лицо, завязавшее уже сношенія съ террористами, живущими на одной квартирѣ вмѣстѣ съ женщиной, близкой къ одному изъ вожаковъ ихъ. Нельзя въ этомъ не видѣть перваго еще туманнаго указанія на то, что гдѣ-то уже разставлены сѣти, а въ сѣтяхъ бьется несчастный юноша. Проходитъ 1879 г., лекціи имъ еще посѣщаются, но что онъ дѣлаетъ дома, какъ относится къ ученію—неизвѣстно. Институтъ не знаетъ домашней жизни питомцевъ, не наблюдаетъ за ними внѣ стѣнъ своихъ. Въ декабрѣ 1880 года у хозяина квартиры, которую нанималъ Рысаковъ, Гаврилова, производится обыскъ вслѣдствіе несомнѣнныхъ свѣдѣній о его политической неблагонадежности. Обыскъ не коснулся Рысакова, но, по словамъ Рысакова, побудилъ его перейти прямо на нелегальное положеніе, а нелегальное положеніе есть клеймо человѣка, принадлежащаго къ соціально-революціонной партіи. Обращаюсь къ собственнымъ указаніямъ подсудимаго Рысакова. Онъ самъ не пріурочиваетъ себя къ опредѣленному революціонному воззрѣнію: прежде, по его словамъ, онъ только сочувствовалъ соціально-революціонному движенію, и только въ послѣднее время рѣшился примкнуть къ числу его дѣятелей. Какими, однако, странными, маловажными обстоятельствами объясняетъ онъ первыя свои побужденія къ содѣйствію партіи и какъ эти обстоятельства далеки отъ его образа жизни, отъ его обстановки; вы помните эти громкія фразы: страданіе народа—и соціальная революція, какъ исходъ изъ него. Страданіе народа, но какое: эпидеміи, жучокъ— жучокъ, даже и не появлявшійся въ Череповецкомъ уѣздѣ. Какъ бы то ни было, въ декабрѣ 1880 года онъ изъ

состоянія пассивнаго переходитъ въ активное, и мы видимъ его агитирующимъ среди рабочихъ, сначала отдѣльно, а потомъ подъ руководствомъ Желябова. Вотъ здѣсь-то, въ этомъ моментѣ и находится ключъ къ разрѣшенію загадки. Здѣсь мы видимъ руку, которая толкнула юношу на настоящее злодѣяніе; мы видимъ имя Рысакова, его дѣятельность, его роль постоянно рядомъ съ именемъ, дѣятельностью, ролью Желябова. Онъ познакомился съ Желябовымъ, видится съ нимъ у себя на квартирѣ и на чужихъ квартирахъ; Желябовъ вводитъ его въ агитаціонную группу, указываетъ на неудобство единоличнаго дѣйствія, дѣлаетъ членомъ этой группы, а потомъ и членомъ боевой дружины. Рысаковъ, объясняя отношенія свои къ Желябову, какъ будто бы отстаиваетъ свою самостоятельность: такъ поступаютъ, впрочемъ, всѣ слабохарактерные люди; но попытку отстоять свое *я* Рысаковъ дѣлаетъ не особенно рѣшительно. Онъ самъ говоритъ: вліяніе Желябова на меня несомнѣнно. Какъ лицо, имѣвшее революціонное прошлое,—а Рысаковъ тогда былъ въ такомъ состояніи, что благоговѣлъ предъ этимъ революціоннымъ прошлымъ,—какъ человѣкъ закаленный, Желябовъ долженъ былъ имѣть вліяніе, и вліяніе сильное, на Рысакова. Желябовъ былъ учителемъ, Рысаковъ—ученикомъ. Пусть учитель любуется на плоды ученія: они падутъ всецѣло на его голову. Далѣе въ поведеніи Рысакова, тотчасъ по совершеніи злодѣянія, мы видимъ рядъ противорѣчій. Съ одной стороны, онъ посылаетъ злобную фразу, злодѣйскую угрозу: „Еще слава ли Богу“, и говоритъ свидѣтелю Горохову, спросившему, зачѣмъ онъ совершилъ злодѣяніе: „Вы этого не поймете, послѣ узнаете“,—*не свои слова, а слова, навѣянныя другими*; съ другой стороны, онъ обнаруживаетъ боязнь предъ народомъ, боится, что народъ изобьетъ его, истерзаетъ, разорветъ своими руками, раздѣлается съ цареубійцей. Первая просьба, обращенная къ задержавшимъ его лицамъ, была о томъ, чтобы оградить его, за просьбой послѣдовала благодарность тѣмъ, кто просьбу исполнилъ. По доставленіи Рысакова въ градоначальство, явилось немедленно сознаніе въ совершеніи злодѣянія, за сознаніемъ развитіе его и наконецъ открытіе всего. Изъ всего

сказаннаго слѣдуетъ одинъ выводъ: Рысаковъ сталъ на преступную дорогу не вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ данныхъ, не подъ вліяніемъ извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ своей жизни, не вслѣдствіе логическаго, хотя и превратнаго процесса мысли, а вслѣдствіе того, что эту мысль, можетъ быть, насильственно, вложили въ него, вслѣдствіе того, что на него, слабаго характеромъ, подѣйствовали люди характера сильнаго, вслѣдствіе того, что его, такъ сказать, революціонизировали и довели до настоящаго состоянія. Вы видѣли его предъ собой въ теченіе трехъ дней и могли судить объ этой личности. Нѣсколько грустный, апатичный, растерянный, весьма молчаливый и сдержанный—вотъ какимъ намъ представляется Рысаковъ. Слабый характеромъ, доступный вліянію, въ особенности когда оно дѣйствуетъ логикой на разсудокъ и лаской на чувства, увлеченный пестрою шумихою фразъ о страданіяхъ народа, увлеченный умными людьми, пріобрѣвшими надъ нимъ вліяніе и воспользовавшимися его молодостью и не вполнѣ яснымъ пониманіемъ окружающаго,—вотъ тѣ условія, которыя сдѣлали его тѣмъ человѣкомъ, какимъ мы видимъ его теперь предъ собою. Какъ бы то ни было, онъ не мальчикъ, онъ не дитя, онъ человѣкъ разумный, и собственное его показаніе, связное, логичное, послѣдовательное, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ его сознаніи была возможность сопротивляться этому вліянію. Онъ не сопротивлялся, напротивъ того, поддавался ему, дошелъ до настоящаго положенія, пусть же онъ несетъ за него отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что совершенное злодѣяніе далеко оставляетъ за собою все то, что̀ въ личности Рысакова, въ его прошломъ, могло бы представить его въ другомъ свѣтѣ, нежели остальныхъ подсудимыхъ.

Затѣмъ я прямо отъ Рысакова, отъ ученика—перехожу къ учителю. Если бы я захотѣлъ охарактеризовать личность подсудимаго Желябова такъ, какъ она выступаетъ изъ дѣла, изъ его показаній, изъ всего того, что̀ мы видѣли и слышали здѣсь о немъ на судѣ, то я прямо сказалъ бы, что это необычайно-типическій конспираторъ, притомъ заботящійся о цѣльности и сохраненіи типа, о томъ, чтобы все: жесты, мимика, движеніе,

мысль, слово—все было конспиративное, все было соціально-революціонное. Это типъ агитатора, не чуждый театральныхъ эффектовъ, желающій до послѣдней минуты драпироваться въ свою конспиративную тогу. Въ умѣ, бойкости, ловкости—подсудимому Желябову, несомнѣнно, отказать нельзя. Конечно, мы не послѣдуемъ за умершимъ Гольденбергомъ, который въ своемъ увлеченіи называлъ Желябова личностью высокоразвитою и геніальною. Мы, согласно желанію Желябова, не будемъ преувеличивать его значенія, дадимъ ему надлежащее мѣсто, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдадимъ ему и справедливость, сказавъ, что онъ былъ созданъ для роли вожака-злодѣя въ настоящемъ дѣлѣ. Желябовъ происхожденія крестьянскаго, южанинъ. Вышедши изъ крестьянства, самъ себѣ прокладывающій дорогу, онъ учится, доходитъ до университета. Я долженъ оговориться: въ жизни Желябова есть большіе пробѣлы, которые, конечно, придется проходить молчаніемъ; но логическая связь мысли, цѣльность представленія о дѣйствительной личности Желябова отъ этого нисколько не теряетъ. Въ 1872 году мы видимъ его уже исключеннаго изъ числа студентовъ университета за безпорядки. Фактъ знаменательный, направленіе подсудимаго опредѣлилось, а послѣдующее показываетъ, что исключеніе изъ университета было болѣе, чѣмъ правильно. Мы видимъ Желябова исключеннымъ на 21 году, и затѣмъ съ этого момента онъ исчезаетъ, пропадая въ морѣ агитаціи—оно поглощаетъ его совсѣмъ. Только черезъ извѣстные промежутки времени онъ появляется мѣстами на поверхности этого моря, то подъ однимъ именемъ, то подъ другимъ, такъ что на вопросъ о занятіяхъ онъ дѣйствительно имѣетъ право отвѣчать: занимаюсь революціонными дѣлами. Въ теченіе девяти лѣтъ продолжается агитаціонная дѣятельность подсудимаго. Проживая въ разныхъ мѣстностяхъ подъ разными именами и съ подложными паспортами, онъ заботится и думаетъ объ одномъ: служить интересамъ соціально-революціоннаго движенія. Когда совершилось его вступленіе въ партію—это для насъ безразлично. Вѣроятно, оно наступило одновременно съ тѣмъ моментомъ, когда партія сложилась въ тайное сообщество съ его настоящими цѣлями. Какъ

только появились террористы, въ ихъ числѣ оказался подсудимый Желябовъ. Что остается за нимъ въ прошедшемъ, мы не знаемъ, намъ лишь извѣстно, что дома у него брошенная жена и дѣти, что процессъ 193-хъ застаетъ его на скамьѣ подсудимыхъ предъ Особымъ Присутствіемъ. Изъ суда Желябовъ выходитъ оправданный, по недостатку уличающихъ его фактовъ, выходитъ и исчезаетъ. Проходитъ много времени—съ 1877 по 1879 годъ, но уже Липецкій съѣздъ, лѣтомъ 1879 года, въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ своихъ видитъ и Желябова. Прямо со съѣзда онъ отправляется въ Харьковъ и здѣсь въ сентябрѣ 1879 года руководитъ сходками, происходящими между молодежью, на нихъ читаетъ лекціи, произноситъ рѣчи преступнаго содержанія и участвуетъ въ составленіи плановъ будущихъ дѣйствій; смыслъ же и революціонное значеніе этихъ дѣйствій опредѣляются присланнымъ въ Харьковъ изъ Петербурга динамитомъ Въ ноябрѣ 1879 года устраивается взрывъ полотна желѣзной дороги близъ города Александровска и день неудавшагося взрыва 18-го ноября 1879 года застаетъ Желябова не только въ рядахъ первыхъ бойцовъ цареубійства, но и непосредственнымъ организаторомъ предпринимаемыхъ съ этою цѣлью злодѣйскихъ приготовленій. Я не буду въ подробностяхъ излагать обстоятельства александровскаго покушенія, они весьма подробно изложены въ обвинительномъ актѣ, фактическую часть котораго, за исключеніемъ немногихъ подробностей, неимѣющихъ особеннаго значенія, подтвердилъ самъ подсудимый Желябовъ. Я только въ нѣсколькихъ словахъ напомню, что въ Александровскъ Желябовъ пріѣхалъ подъ именемъ Черемисова, тутъ присоединилась къ нему неизвѣстная женщина, подъ видомъ жены его. Они взяли въ аренду мѣсто для кожевеннаго завода и поселились у нѣкіихъ Бовенко, съ другими участниками преступленія. Вы, конечно, помните и обвинительный актъ, помните и картину, нарисованную самимъ Желябовымъ, помните эту телѣгу въ степи, на которой помѣщалась батарея для взрыва снаряда, заложеннаго съ тяжкимъ трудомъ подъ линію желѣзной дороги, помните проходъ Императорскаго поѣзда, о приближеніи котораго Прѣсняковъ заранѣе оповѣстилъ своихъ участниковъ,

помните, наконецъ, этотъ характерный сигналъ одного изъ злодѣевъ: „жарь“, по которому долженъ былъ произойти взрывъ. Въ 1880 году мы находимъ Желябова въ Петербургѣ, въ качествѣ агента исполнительнаго комитета. Агенты исполнительнаго комитета, какъ намъ было заявлено, распредѣляются на нѣсколько степеней: есть агенты первой, второй и третьей степени. Желябовъ называетъ себя агентомъ третьей степени, агентомъ ближайшимъ къ комитету, агентомъ съ большимъ довѣріемъ. Но я полагаю, что со стороны Желябова это излишняя скромность, и что если существуетъ соединеніе, присвоивающее себѣ названіе исполнительнаго комитета, то въ рядахъ этого соединенія почетное мѣсто принадлежитъ подсудимому Желябову; и не напрасно думалъ Рысаковъ, что совершеніе злодѣянія 1-го марта приметъ на себя одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета. Понятно, впрочемъ, что сознаться въ принадлежности къ исполнительному комитету, значитъ сказать: вы имѣете передъ собою дѣятеля перваго ранга и вашимъ приговоромъ вы исключите изъ революціонныхъ рядовъ крупную силу, одного изъ самыхъ видныхъ сподвижниковъ партіи. Въ обвинительный актъ внесено заявленіе подсудимаго Желябова, поданное имъ на имя прокурора судебной палаты. Сущность этого заявленія заключается въ томъ, что когда возникло настоящее дѣло и когда 1-го марта—а заявленіе это было послано 2-го марта—показаніемъ Рысакова выяснилось, что обвиненіе должно падать и на Желябова, то Желябовъ, не зная еще объ этомъ указаніи, но зная за собою динамитъ, оказавшійся у него на квартирѣ, прямо заявляетъ, что онъ участникъ всякаго покушенія на жизнь Государя Императора, слѣдовательно—и участникъ послѣдняго; что онъ просить присоединить его къ дѣлу 1-го марта и что было бы вопіющей несправедливостью не привлекать къ дѣлу его, ветерана революціи. Эта справедливость Желябову оказана. Такимъ образомъ онъ прямо призналъ себя нравственнымъ, первымъ и главнымъ отвѣтчикомъ. На судѣ и во время предварительнаго изслѣдованія дѣла, въ показаніяхъ Желябова, содержаніе которыхъ помѣщено въ обвинительномъ актѣ, замѣтна одна черта, на которую я уже ука-

зывалъ, эта черта—желаніе представить свое дѣло въ преувеличенномъ свѣтѣ, желаніе его расширить, желаніе придать организаціи характеръ, котораго она не имѣла, желаніе—скажу прямо—и порисоваться значеніемъ партіи, и отчасти попробовать запугать. Но ни первое, ни второе не удается подсудимому. Бѣлыми нитками сшиты всѣ эти заявленія о революціонномъ геройствѣ; судъ видитъ чрезъ нихъ насквозь неприглядную истину, и совсѣмъ не въ такомъ свѣтѣ предстанетъ Желябовъ въ воспоминаніяхъ, которыя останутся отъ настоящаго грустнаго дѣла... Когда я составлялъ себѣ, на основаніи данныхъ дѣла, общее мнѣніе, общее впечатлѣніе о Желябовѣ, онъ представлялся мнѣ человѣкомъ, весьма много заботящимся о внѣшней сторонѣ, о внѣшности своего положенія. Когда же на судѣ съ напускною гордостью онъ сказалъ, что пользуется довѣріемъ исполнительнаго комитета, я вполнѣ убѣдился, что мы имѣемъ предъ собою революціоннаго честолюбца... Но довольно о Желябовѣ, перейдемъ къ Перовской.

О Перовской слѣдуетъ говорить вслѣдъ за Желябовымъ потому, что обстоятельства тѣсно связываютъ ихъ между собой. Въ прошломъ Перовской есть многое такое, чего не имѣютъ за собою другіе подсудимые и о чемъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Въ настоящее время подсудимая Перовская имѣетъ 27 лѣтъ; происхожденія она дворянскаго; родомъ она изъ хорошей семьи; дочь родителей, занимавшихъ въ обществѣ почетное мѣсто; женщина, имѣвшая полную возможность получить хорошее образованіе и видѣть кругомъ себя хорошій примѣръ. О ней мы знаемъ, что уже въ 1870 году, будучи 16 лѣтъ отъ роду, она, пройдя чрезъ женскіе курсы, тогда учрежденные при пятой гимназіи, оставляетъ домъ своихъ родителей и поступаетъ въ народныя учительницы. Въ 1871 году, когда ей было 17 лѣтъ, мы видимъ ее привлекаемою къ дознанію о государственномъ преступникѣ Гончаровѣ, а въ слѣдующемъ, 1872, году, 18 лѣтъ, она, по ея собственному показанію, примкнула къ соціально-революціонному движенію, въ дебряхъ котораго пребываетъ безъ мала девять лѣтъ. Почти въ

дѣтскомъ возрастѣ застигла ее эта волна, быстро катила ее за собою и принесла въ процессъ 193-хъ, изъ котораго она, по недостаточности уликъ, также вышла оправданною. Въ 1878 году, вслѣдствіе доказаннаго ея противоправительственнаго направленія, признано было необходимымъ удалить ее изъ Петербурга административнымъ порядкомъ и выслать въ Олонецкую губернію. Дорогою она совершаетъ побѣгъ, исчезаетъ, и мы получаемъ возможность констатировать дѣятельность ея въ революціонной средѣ только во время московскаго взрыва, въ которомъ она участвуетъ въ качествѣ фиктивной жены Сухорукова-Гартмана, въ качествѣ хозяйки конспиративнаго дома, изъ котораго была проведена мина. Мы видимъ ее здѣсь непосредственною участницею преступленія и изъ показанія Гольденберга знаемъ, что этимъ участіемъ, тою ролью въ преступленіи, которая ей досталась, Перовская очень гордилась. Было чѣмъ гордиться: ей была предоставлена почетная въ революціонномъ смыслѣ роль, она должна была наблюдать за приближеніемъ Императорскаго поѣзда и дать сигналъ, по которому должна была быть сомкнута убійственная цѣпь гальванической батареи другимъ лицомъ. Въ 1880 году мы находимъ ее въ конспиративномъ сожительствѣ съ Желябовымъ, на квартирѣ въ домѣ № $^{17}/_{18}$ по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, и на основаніи этого сожительства, на основаніи участія ея въ послѣднемъ заговорѣ, мы имѣемъ основаніе предположить, что и она находилась подъ вліяніемъ Желябова, заставлявшимъ ее идти за собою и дѣлавшимъ изъ нея слѣпое орудіе его. Несомнѣнно, Перовская получила большое соціально-революціонное развитіе. Въ настоящее время она умѣетъ говорить слова, на которыхъ лежитъ печать этой науки. Она складно излагаетъ теорію соціально-революціоннаго ученія и этому нечего удивляться: она прошла хорошую школу. Я не могу перейти къ прочимъ подсудимымъ, не указавъ на то, что въ участіи въ преступленіи Перовской есть черта, которую выбросить нѣтъ возможности. Мы можемъ представить себѣ политическій заговоръ, можемъ допустить, что этотъ заговоръ употребляетъ средства самыя жестокія, самыя возмутительныя, мы можемъ представить себѣ, что женщина участвуетъ въ этомъ заговорѣ, но чтобы

женщина становилась во главѣ заговора, чтобы она принимала на себя распоряженіе всѣми подробностями убійства, чтобы она съ циническимъ хладнокровіемъ разставляла метальщиковъ, чертила планъ и показывала, гдѣ имъ становиться, чтобы женщина, сдѣлавшись душою заговора, бѣжала смотрѣть на его послѣдствія, становилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста злодѣянія и любовалась дѣломъ рукъ своихъ—такую роль женщины нравственное чувство отказывается понимать...

За Перовскою слѣдуетъ подсудимый Кибальчичъ. Судя по его объясненіямъ, онъ представляется спеціалистомъ, техникомъ, посвятившимъ себя на служеніе наукѣ, и притомъ спеціалистомъ, усвоившимъ себѣ соціально-революціонныя убѣжденія, человѣкомъ мягкаго характера, мягкаго даже образа дѣйствій, если это возможно. Онъ говорилъ намъ, что лично онъ неспособенъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Когда, однако, на судѣ слышишь мягкую, спокойную, ни на минуту не прерывавшуюся, обстоятельную, тихую рѣчь Кибальчича, невольно приходитъ въ голову мысль: „мягко стелетъ, да жестко спать“. Уроженецъ Черниговской губерніи, онъ, не окончивши курса наукъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, а оттуда въ 1873 году перешелъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ, по собственному показанію, и пріобрѣлъ соціалистическія убѣжденія. Въ это время ему было, по приблизительному разсчету, безъ малаго 20 лѣтъ. Между 1873 и 1875 гг. Кибальчичъ слушаетъ лекціи въ академіи. Занимался ли онъ тамъ — этого мы не знаемъ; въ 1875 году лѣтомъ мы застаемъ его живущимъ въ Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата. Здѣсь онъ передаетъ рядовому Притулѣ революціонную книжку подъ заглавіемъ „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Производятъ у него обыскъ, находятъ цѣлый тюкъ революціонныхъ изданій и собраніе подложныхъ паспортовъ; его заключаютъ подъ стражу и возбуждаютъ дѣло, оконченное приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената 1-го мая 1878 года, присудившимъ Кибальчича за храненіе запрещенныхъ изданій къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ съ 1875 по 1878 годъ Кибальчичъ

не дѣйствуетъ, онъ находится въ заключеніи. Но тюрьма еще болѣе утверждаетъ Кибальчича въ соціально-революціонныхъ убѣжденіяхъ, такъ что по освобожденіи онъ выходитъ съ окрѣпшими революціонными воззрѣніями, и осенью, послѣ арестовъ, произведенныхъ въ Петербургѣ послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцова, переходитъ на нелегальное положеніе. До осени 1879 года онъ, впрочемъ, повидимому, въ революціонной дѣятельности не принимаетъ активнаго участія, и объясняется это тѣмъ, что онъ не имѣлъ связей съ партіею, а связи были нужны и въ партіи, и въ ней, повидимому, нельзя было обойтись безъ извѣстной протекціи. Вскорѣ, все болѣе и болѣе присоединяясь къ партіи внутренно, Кибальчичъ, еще до формальнаго къ ней присоединенія, предвидя, что партіи придется вступить въ борьбу съ правительствомъ и употреблять въ борьбѣ такія вещества, какъ динамитъ, начинаетъ изучать все относящееся къ производству динамита, и изучаетъ. нужно отдать ему справедливость, съ научною добросовѣстностью, изучаетъ такъ, что дѣйствительно могъ сдѣлаться изобрѣтателемъ и составителемъ метательныхъ снарядовъ. Мы слышали, что онъ владѣетъ и, можетъ быть, только по этому случаю овладѣлъ языками, что онъ перечиталъ все, что могъ найти по литературѣ предмета—предмета: какъ странно звучитъ это слово, когда говоришь о динамитѣ, метательныхъ снарядахъ и другихъ орудіяхъ разрушенія! Весною 1879 года Кибальчичъ, прямо съ цѣлью предложить свои услуги партіи, знакомится съ Квятковскимъ и начинаетъ готовить динамитъ, какъ общественное достояніе партіи. Лѣтомъ 1879 года общіе революціонные интересы сводятъ его съ Желябовымъ, а въ 1880 году онъ оказывается въ Петербургѣ и, проживая въ разныхъ квартирахъ подъ разными именами, посвящаетъ все свое время мастерскимъ, гдѣ приготовляется динамитъ, и, наконецъ, является предъ вами обвиняемымъ въ злодѣяніи съ дѣятельнымъ и важнымъ въ немъ участіемъ.

Немного придется мнѣ говорить о Тимоѳеѣ Михайловѣ. Грубый, неразвитой, малограмотный, едва умѣющій подписать фамилію, простой рабочій, онъ вышелъ изъ простой крестьянской семьи, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Въ моло-

домъ возрастѣ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь прямо поступилъ на фабрику. Городская порча, растлѣвающее вліяніе фабричной жизни сразу коснулись его. Петербургская рабочая среда, антагонизмъ съ мастерами и хозяевами фабрикъ, столкновеніе съ агитаторами, которые издавна избрали фабрики мѣстомъ своей пропаганды, толкнули Михайлова на настоящую его дорогу. Здѣсь, говоря о пути, пройденномъ Михайловымъ, о вступленіи его на этотъ путь, опять приходится встрѣчаться съ Желябовымъ. Вы помните, какъ характерно выразился Михайловъ въ своемъ показаніи: Желябовъ, говоритъ онъ, „прикомандировалъ“ меня къ боевой дружинѣ И вотъ, прикомандированный Желябовымъ, Михайловъ дѣлается не только соціалистомъ-революціонеромъ, но и террористомъ, а 3-го марта оказываетъ вооруженное сопротивленіе, думая при этомъ только одно: я не отдамъ себя даромъ врагу. Слѣдуетъ заключить изъ объясненія самого Михайлова, что онъ первоначально вступилъ въ рабочую дружину для того, чтобы защищать рабочихъ отъ враговъ, отъ шпіоновъ и нелюбимыхъ мастеровъ; по затѣмъ его революціонныя задачи и развитіе, благодаря вліянію Желябова, расширились, развитіе это сказывается въ тѣхъ фразахъ, которыя мы слышали отъ него здѣсь. Онъ сказалъ: трудъ поглощается капиталистами, вездѣ рабочіе эксплуатируются; земля, орудія труда, фабрики должны принадлежать рабочимъ. Послѣднее Михайловъ хорошо себѣ усвоилъ, и вѣроятно только это одно онъ и понялъ изъ соціально-революціоннаго ученія. Онъ постигъ, что хорошо, если заводъ Макферсона будетъ принадлежать ему, въ качествѣ пайщика или дольщика; онъ постигъ это—и побуждаемый этими стремленіями пошелъ чрезъ руки Желябова съ метательнымъ снарядомъ на Екатерининскій каналъ.

Что́ сказать мнѣ о Гельфманъ? „Неинтеллигентная“ еврейка, какъ описываетъ ее записка, прочитанная здѣсь, хозяйка конспиративной квартиры въ Телѣжной улицѣ. Но эта неинтеллигентная еврейка способна во всякомъ случаѣ, въ предѣлахъ для нея доступныхъ, на сознательную роль въ злодѣяніи, а ея прошлое таково, что оно подготовило ее къ такой роли.

Участница въ такъ называемомъ процессѣ московскихъ соціалистовъ „пятидесяти“, признанная еще тогда виновною въ принадлежности къ партіи, она была приговорена къ двухлѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ и освобождена въ маѣ 1879 года; освободилась и немедленно принялась за старое, опять пошла туда же, откуда вышла, и стала примѣнять свои посильныя знанія къ дѣлу, которому она служитъ. Она въ одно и то же время и наборщица „Рабочей Газеты“, и исполняетъ неинтеллигентныя обязанности, являясь хозяйкою конспиративной квартиры, имѣющей такое роковое значеніе въ настоящемъ дѣлѣ.

Отмѣтимъ общую родовую черту—отсутствіе и слабость въ жизни большинства подсудимыхъ семейныхъ связей, плохое вліяніе школы, допускающей, что во время пребыванія въ школѣ юноши, пришедшіе въ нее за полезными знаніями, направляются не на ученье, не на занятія, а въ сторону, на политику, на агитацію, на идеи, которыхъ человѣкъ, еще въ школѣ находящійся, не можетъ переварить и усвоить себѣ сознательно—вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ грустныхъ явленій въ жизни нашей молодежи, которыя даютъ намъ Рысаковыхъ, Кибальчичей и даже Желябовыхъ, готовыхъ на все преступное и ужасное, лишь бы этимъ достигались соціально-революціонныя цѣли.

Фактическая сторона обвиненія, насколько было возможно—исчерпана. Установлены обстоятельства какъ злодѣянія 1-го марта, такъ и другихъ предметовъ обвиненія, выяснено совершеніе ихъ подсудимыми и точно распредѣлены между ними доли соучастія, наконецъ, доказано и совершеніе злодѣянія путемъ заговора, составленнаго тайнымъ сообществомъ, которое называетъ себя вообще „русской соціально-революціонной партіей“, а въ частности партіей „Народной Воли“. Но я не исполнилъ бы своей обязанности, если бы ограничилъ ее указанными мною предѣлами: уже самая наличность тайнаго революціоннаго сообщества, какъ предмета обвиненія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ источника злодѣянія 1-го марта, обязываетъ меня войти въ разсмотрѣніе его взглядовъ, цѣлей и преступной

дѣятельности. Я могу сдѣлать это лишь въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, на основаніи, однакоже, вполнѣ достовѣрнаго и богатаго матеріала, который заключается въ офиціально-опубликованныхъ отчетахъ о политическихъ процессахъ за послѣднее десятилѣтіе и въ имѣющихся при настоящемъ дѣлѣ вещественныхъ доказательствахъ. Я позволю себѣ надѣяться, что вы вмѣстѣ со мною признаете, что пора же, наконецъ, привести въ извѣстную систему наиболѣе выпуклыя и яркія черты пресловутой „партіи", познакомиться съ ея дѣйствительнымъ значеніемъ и тенденціями, пора сорвать маску съ этихъ непрошенныхъ благодѣтелей человѣчества, стремящихся добыть осуществленіе излюбленной ими химеры кровью и гибелью всего, что̀ съ нею несогласно... Глубоко убѣжденный въ томъ, что между истинно честными людьми не найдется и не можетъ найтись ни одного сколько-нибудь сочувствующаго имъ человѣка, я думаю, что при изслѣдованіи ихъ ученія мы не въ правѣ оказывать имъ ни малѣйшаго снисхожденія, такъ какъ снисхожденіе могло бы быть объясняемо только пагубно-ложными представленіями о ихъ ошибочныхъ, но будто бы въ концѣ-концовъ идеальныхъ намѣреніяхъ. Русскому обществу нужно знать разоблаченную на судѣ правду о заразѣ, разносимой соціально-революціонною партіей, и я хотѣлъ бы сказать эту правду теперь, серьезно и возможно спокойно, безъ рѣзкихъ словъ и натяжекъ, побивая врага его же оружіемъ, изображая его у него же взятыми красками, его же мыслями и дѣйствіями.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о болѣе или менѣе извѣстномъ и для суда прямого значенія не имѣющемъ происхожденіи и постепенномъ развитіи соціально-революціоннаго движенія, я обращусь непосредственно къ тѣмъ обстоятельствамъ и условіямъ, при которыхъ оно приняло свое теперешнее кровавое, террористическое направленіе. Мы знаемъ изъ процесса шестнадцати террористовъ, разсмотрѣннаго Петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что еще въ 1878 году, не раздѣляя воззрѣній, рекомендовавшихъ постепенное революціонное воспитаніе народа въ борьбѣ съ

существующимъ экономическимъ строемъ, нѣкоторые болѣе нетерпѣливые члены за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ образовавшагося тайнаго сообщества, принявшаго наименованіе русской соціально-революціонной партіи, озлобленные неудачами и преслѣдованіемъ, порѣшили, что для защиты ихъ дѣла противъ правительства нужны политическія убійства, и если окажется возможнымъ—посягательство на цареубійство. Кромѣ своеобразнаго пониманія партійныхъ интересовъ, здѣсь, кажется, дѣйствовало и революціонное честолюбіе — репутаціи Гёделя, Нобилинга и другихъ не давали спать русскимъ ихъ единомышленникамъ. И вотъ потянулись длиннымъ рядомъ всѣмъ намъ еще хорошо памятныя преступленія, начавшіяся выстрѣломъ Вѣры Засуличъ и дошедшія до покушенія 2-го апрѣля 1879 года. То были глухіе удары, раскаты приближающагося землетрясенія, говорится въ одномъ изъ подпольныхъ листковъ; то были пробные взмахи расходившейся руки убійцъ, пробужденіе кровожаднаго инстинкта, почуявшаго запахъ крови — скажемъ мы. Новое направленіе оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ настроенію извѣстной части партіи и повлекло за собою расколъ между ея членами. Одни не хотѣли прибавлять крови и прямого бунта къ своей преступной дѣятельности, другіе же, напротивъ, видѣли весь успѣхъ своего дѣла въ политической борьбѣ и разумѣли подъ нею тайныя убійства, цареубійство и затѣмъ открытое возстаніе, съ цѣлью создать новый государственный строй, котораго требуетъ будто бы народная воля. Для разъясненія этого раскола и составленія обусловленной имъ новой программы дѣйствій, для того, чтобы разобраться, сосчитаться и сговориться между собою, лѣтомъ 1879 года въ городѣ Липецкѣ состоялся съѣздъ дѣятелей партіи, получающій въ настоящее время особенно преступное, гибельное значеніе, такъ какъ на немъ и вслѣдствіе его совѣщаній окончательно сформировалась фракція террористовъ и былъ рѣшенъ тотъ образъ дѣйствій, который завершился злодѣяніемъ 1-го марта. На Липецкомъ съѣздѣ послѣдователи новаго революціоннаго направленія круто поставили вопросъ о политической борьбѣ,

какъ объ единственномъ средствѣ для достиженія цѣлей партіи. Центръ тяжести политической борьбы, гласитъ далѣе террористическое рѣшеніе, лежитъ въ цареубійствѣ, поэтому на него-то и должны быть направлены всѣ усилія партіи. Но совершать его нужно уже не по прежнему; револьверъ и кинжалъ дискредитированы и забракованы: на сцену выступаютъ динамитъ и разрушительные взрывы. Таковы были рѣшенія Липецкаго съѣзда, а вмѣстѣ и исходная точка террористовъ-цареубійцъ, поднявшихъ свой кровавый красный флагъ надъ новою подпольною газетой „Народной Волей". Вслѣдъ затѣмъ террористы принялись за работу, и послѣдовательными результатами ихъ систематической дѣятельности были три, одно за другимъ совершенныя, покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора: 18-го ноября 1879 года близъ города Александровска, 19-го того же ноября близъ Москвы и 5-го февраля 1880 года въ Зимнемъ дворцѣ, и неудавшіяся приготовленія къ четвертому такому же покушенію близъ города Одессы. Четыре взрыва не удались—стали готовить пятый, достигшій, по волѣ Провидѣнія, своей ужасной цѣли. Таково было, въ короткихъ словахъ, развитіе злодѣйскаго сообщества и воздвигшей его злодѣйской мысли. Посмотримъ же дѣятелей этого сообщества поближе въ ихъ проявленіяхъ и собственныхъ о себѣ свидѣтельствахъ.

Останавливаясь прежде всего на внѣшней и наиболѣе рельефной сторонѣ дѣятельности террористическаго направленія, я хотѣлъ бы подвести перечневый итогъ ея трехлѣтнимъ подвигамъ. Онъ знаменателенъ: рядъ убійствъ должностныхъ лицъ и нападеній на нихъ, гибель и изувѣченіе множества лицъ, случайно стоявшихъ на дорогѣ злодѣяній. Въ этомъ морѣ пролитой крови, конечно, тонутъ и безконечно умаляются всѣ общія уголовныя преступленія, членами партіи совершенныя. Но, увы, мы знаемъ, что этимъ не исчерпывается злодѣйскій списокъ: огненными клеймами сверкаютъ на его страницахъ пять посягательствъ на жизнь усопшаго Монарха и завершающее ихъ цареубійство.

Во имя чего же совершены всѣ эти злодѣянія? Чего хотятъ, или, лучше сказать, хотѣли подсудимые, вооружаясь на политическую борьбу, или, точнѣе, на политическія убійства? Въ найденной у Рысакова и у Ельникова программѣ „рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“ категорически указаны основанія ихъ политическаго идеала, въ его новѣйшемъ, исправленномъ, повидимому, въ самомъ послѣднемъ его изданіи. Судите о немъ сами (*прокуроръ читаетъ выдержки изъ указанной имъ программы*). Таковъ ихъ идеалъ, выкроенный по образцамъ крайнихъ теорій западнаго соціализма и сулящій, по мнѣнію партіи, общее благополучіе. Но для того, чтобы его провозглашать и стремиться къ его осуществленію, необходимо своеобразное, съ нимъ согласное отношеніе и къ окружающимъ началамъ существующаго строя, — и русскіе соціалисты въ этомъ оказываются послѣдовательными. Существующій народный строй вѣритъ въ Бога Всемогущаго и Всеблагого, исповѣдуетъ Христа Спасителя, въ религіи ищетъ и находитъ утѣшеніе, силы и спасеніе. Какое это наивное и опасное заблужденіе въ глазахъ террористовъ, и какъ спѣшатъ они, все упраздняя, упразднить и эту вредную имъ религію! Правда, нѣкоторые изъ нихъ, устами Желябова, произнесшаго въ отвѣтъ на вопросъ первоприсутствующаго объ его вѣроисповѣданіи, подготовленную и бьющую на эффектъ фразу, заявляютъ, что, снисходительно относясь къ религіи, они отводятъ ей мѣсто въ ряду ихъ нравственныхъ убѣжденій, исповѣдуя, что вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Но я спрошу Желябова: какія это дѣла, безъ которыхъ вѣра мертва? Тѣ ли, которыя совершены 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ; тѣ ли, которыя совершаются кровью, убійствомъ, посягательствомъ на преступленіе? Относясь отрицательно къ современному государственному строю и его религіи, террористы столь же безпощадны по отношенію къ нравственности, исторіи и обществу (*прокуроръ приводитъ многочисленныя выдержки изъ подпольныхъ изданій*). За-то о себѣ самой соціально-революціонная партія мнѣнія самаго высокаго, и не устаетъ превозносить себя, свои подвиги, свое значеніе. Герои, мученики, свѣточи народа, провозвѣстники свободы—это наиболѣе скромные эпи-

теты изъ тѣхъ, которыми они любятъ надѣлять себя. Но они идутъ и дальше, а дальше можно далеко оставить за собою Геркулесовы столбы безсмыслія и наглости... (*прокуроръ вновь приводитъ выдержки изъ преступныхъ изданій*).

Познакомившись со взглядами стоящихъ передъ нами террористовъ, перейдемъ къ ихъ мыслямъ о формѣ, путяхъ и средствахъ предпринятой ими политической борьбы. Мы уже знаемъ, что форма эта — терроръ, пути — политическія убійства, а средство — динамитъ и цѣлая система взрывовъ и взрывчатыхъ приспособленій. Но мы должны знать еще и то, что это терроръ не простой, а возведенный въ политическую теорію, пути эти — не случайные, а строго выработанные и обдуманные; средства — не общеупотребительныя, а усовершенствованныя наукой и практическимъ упражненіемъ. Вотъ эта изумительная террористическая теорія, какъ она выражена въ брошюрѣ нѣкоего Морозова: „Террористическая борьба“, которую не обинуясь можно назвать краткимъ руководствомъ, настольною книжкою террориста. Террористическая борьба, по словамъ брошюры, представляетъ собою совершенно новый пріемъ борьбы: она справедлива потому, что убиваетъ только тѣхъ, которые этого заслуживаютъ и виновны. И потому террористическая революція представляетъ собою самую справедливую изъ всѣхъ формъ революціи. Въ Россіи, говорятъ они, дѣло террора значительно усложняется, оно потребуетъ, можетъ быть, цѣлаго ряда политическихъ убійствъ и цареубійствъ. Но не въ одномъ этомъ должна заключаться его цѣль. Оно должно сдѣлать свой способъ борьбы популярнымъ, историческимъ, традиціоннымъ, должно ввести его въ жизнь. Наступитъ время, говорятъ террористы, когда несистематическія попытки террористовъ сольются въ общій потокъ, противъ котораго не устоять тогда никому. Задача русскихъ террористовъ только обобщить и систематизировать на практикѣ ту форму революціонной борьбы, которая ведется давно,—борьбы посредствомъ политическихъ убійствъ. Вотъ перспектива, которую обѣщаютъ намъ террористы. Нельзя пожаловаться на неясность программы, нельзя отказать ей въ своеобразности и новизнѣ. Осуществиться

ей не суждено; но авторы ея могутъ все-таки гордиться: ихъ не забудетъ думающій міръ. Онъ слышалъ до сихъ поръ много самыхъ разнообразныхъ, самыхъ несбыточныхъ и странныхъ системъ, теорій и ученій. Но онъ еще не слышалъ системы цареубійства, теоріи кровопролитія, ученія рѣзни; это могло быть только новымъ словомъ, и это новое слово повѣдали изумленному міру русскіе террористы. Но чего же другого и ожидать отъ нихъ, когда, говоря печатно о новыхъ формахъ покушеній на цареубійство, они восторгаются въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ „тщательностью отдѣлки всѣхъ деталей", съ гордостью заявляютъ, что „это прогрессивное усовершенствованіе способовъ борьбы составляетъ чрезвычайно утѣшительный фактъ", и останавливаются съ умиленіемъ на томъ, что въ настоящее время возможность совершенія цареубійства связывается съ возможностью спасенія для убійцъ. Злодѣяніе совершается, но его исполнители могутъ остаться живы. Возможность уцѣлѣть—есть. Мы знаемъ, что многіе изъ участниковъ перваго покушенія уцѣлѣли, и еще теперь предъ глазами каждаго изъ нихъ, на основаніи этой теоріи, стоитъ въ перспективѣ побѣгъ за границу, и это знаменитое право убѣжища, которое гораздо правильнѣе и точнѣе назвать, если можно, правомъ укрывательства и безнаказанности убійцъ. Итакъ, милостивые государи, въ такомъ видѣ представляется дѣятельность соціалистовъ; но то, что̀ я имѣлъ честь изложить передъ вами—еще не все. Кромѣ убійствъ и крови, надъ соціально-революціонной партіей тяготѣетъ и еще одинъ великій, тяжкій грѣхъ. Она признаетъ сама—а настоящее состояніе и недавнее прошлое русскаго общества горько подтверждаютъ,—что важную и существенную отрасль ея агитаторской работы составляетъ возможно широкое раскидываніе сѣтей и ловля въ нихъ добычи. И въ этомъ дѣлѣ, нужно отдать имъ справедливость, они достигли значительной степени совершенства, почти такого же, какъ и въ приготовленіи взрывчатыхъ веществъ и рытьѣ подкоповъ. Только славы для нихъ отъ этого немного, потому что добыча попадается имъ слабая и беззащитная, дающая имъ мало пользы и лишь сама себя ни за что, ни про что губящая. Я говорю о той злополучной русской юности, среди

которой рыскаютъ тайные агенты и эмиссары партіи, жадно высматривая свою добычу. Оклеветанная партіей, которая при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выставляетъ ее своей союзницей или по крайней мѣрѣ сочувствующею ей силой, русская молодежь страдаетъ отъ нея больше всѣхъ другихъ сферъ общества. Еще не окрѣпшая, къ строгой критикѣ не привыкшая, нерѣдко получающая неправильное направленіе, которое отклоняетъ ее отъ ученья, она естественно представляетъ для соціально-революціонныхъ ловцовъ меньше сопротивленія, чѣмъ всѣ другія сферы. Молодость воспріимчива, податлива, увлекается, и вотъ зараза ядовитою змѣею извивается въ ея средѣ. Одного ужалитъ, другого запятнаетъ, а третьяго совсѣмъ обхватитъ въ свои кольца, и жертвы падаютъ, гибнутъ молодыя силы, нужныя родной землѣ.

Отдавая на вашъ судъ, гг. сенаторы, гг. сословные представители, взгляды и стремленія подсудимыхъ и ихъ партіи, я, само собою разумѣется, весьма далекъ отъ мысли ихъ опровергать, съ ними полемизировать. Не говоря уже о томъ, что это было бы несогласно съ достоинствомъ государственнаго обвиненія, которое призвано лишь изобразить злодѣяніе въ его настоящемъ видѣ, лжеученія соціально-революціонной партіи такъ очевидны въ мысляхъ и дѣлахъ ея, что изобличеніе ихъ едва-ли и нужно для суда, тѣмъ болѣе, что и оружіе у насъ неравное: у нихъ софизмъ и цинизмъ, у обвиненія—неотразимые, еще дымящіеся кровью факты, простое человѣческое чувство и безхитростный здравый смыслъ. Тѣмъ не менѣе, я не могу оставить безъ вниманія рядъ общихъ выводовъ, который грозно, самою очевидностью и правдой выдвигается изъ всего того, что совершилось, что мы знали прежде и узнали вновь. Несмотря на весь ужасъ и всю боль изслѣдованной язвы, въ данныхъ этого изслѣдованія есть, мнѣ кажется, и нѣкоторые задатки горькаго утѣшенія, насколько оно для насъ еще возможно! Сомнѣнія нѣтъ и быть не можетъ—язва не органическая, недугъ наносный, пришлый, приходящій, русскому уму несвойственный, русскому чувству противный. Русской почвѣ чужды и лжеученія соціально-революціонной партіи, и ея злодѣйства, и она

сама. Не изъ условій русской дѣйствительности заимствовала она исходныя точки и основанія своей доктрины. Соціализмъ выросъ на Западѣ и составляетъ уже давно его историческую бѣду. У насъ ему не откуда было взяться—у насъ не было и, слава Богу, нѣтъ до сихъ поръ ни антагонизма между сословіями, ни преобладанія буржуазіи, ни традиціонной розни и борьбы общества съ властью. Многомилліонная масса русскаго народа не пойметъ соціалистическихъ идей. Пропагандисты 1874 года знаютъ, какимъ непониманіемъ, смѣхомъ или враждою встрѣчали ихъ въ любой избѣ. Сторонниками новаго ученія являются у насъ люди, которымъ безъ соціализма некуда было бы преклонить голову, нечѣмъ заниматься, нечего ѣсть, не о чемъ думать. Огромное движеніе, умственное, общественное и экономическое движеніе, вызванное великими реформами Великаго Царя-мученика, подняло и передвинуло всѣ элементы русской жизни, взволновавъ ее со дна и до поверхности. Но, процѣживаясь и осѣдая, движеніе дало никуда негодные отбросы, отъ стараго отставшіе, къ новому не приставшіе и на все готовые. Явились люди безъ нравственнаго устоя и собственнаго внутренняго содержанія, но воспріимчивые къ чужому, постороннему вліянію, только бы оно сулило поприще обширное, заманчивое, легкое, льстящее самолюбію, скромнаго неблагодарнаго труда не требующее. Явились люди, могущіе, за неимѣніемъ или нежеланіемъ другого дѣла—только „дѣлать“ революцію. А западныя лжеученія дали имъ нѣчто готовое, съ виду красивое, звонкими фразами обставленное, страсти будящее, разжигающее... Слабыя головы закружились въ вихрѣ соціально-революціонныхъ приманокъ и перспективъ, и, не оглядываясь, бросились на скользкій, покатый путь. А ни на немъ, ни въ собственномъ умѣ и сердцѣ ухватиться было не за что, и вотъ стали блѣднѣть и исчезать какъ дымъ остатки здраваго смысла, совѣсти, человѣчности, стыда... Все стало у этихъ людей свое, особенное, не русское, даже какъ будто не человѣческое, а какое-то—да будетъ позволено мнѣ такъ выразиться—соціально-революціонное... У нихъ выработалось одно—закалъ и энергія, но этотъ закалъ и эта энергія способны только на мрачное, для всѣхъ

другихъ людей преступно-дурное. На Россію они стали смотрѣть не какъ на отечество, а какъ на объектъ соціально-революціонныхъ мѣропріятій, для которыхъ всѣ средства хороши. Но для Россіи, которая смотритъ на нихъ не ихъ, а своими собственными, не отведенными глазами—они не могутъ не представляться отверженцами, достойными безпощаднѣйшаго осужденія.

Подведемъ послѣдній, окончательный итогъ. Что сдѣлала соціально-революціонная партія за нѣсколько лѣтъ ея подпольной дѣятельности для блага того народа, польза и счастье котораго у нея не сходитъ съ языка? Она исписала и распространила горы бумаги, наполненной фантазіями и софизмами, отъ которыхъ ни одному бѣдняку жить не стало легче; она совратила и погубила множество поддавшихся ей людей, убила въ нихъ вѣру въ себя и въ будущее, оторвала ихъ отъ близкихъ, отъ родины, отъ честнаго труда. Что же сдѣлалъ дѣйствующій передовой отрядъ этой соціально-революціонной партіи, ея боевая дружина, открывшая активную борьбу, ея надежда и единственная дѣятельная сила—террористы? Они убили и изувѣчили нѣсколько десятковъ вѣрныхъ слугъ Престола и Отечества, вызывая тѣмъ временную панику среди мирныхъ гражданъ; они прорыли нѣсколько подкоповъ, извели нѣсколько пудовъ динамита и при его посредствѣ усовершенствовали способы уничтоженія беззащитныхъ людей; они выработали и написали цѣлую доктрину такого уничтоженія, связавъ ее навѣки съ своею памятью; они заставили Россію и весь цивилизованный міръ говорить о себѣ, какъ о новой общественной формаціи организованныхъ, систематическихъ, интеллигентныхъ убійцъ. Наконецъ, 1-го марта нынѣшняго года они достигли завѣтной цѣли своихъ желаній и апогея своихъ дѣяній: они предательски убили Великаго Монарха, Освободителя и Преобразователя новой Россіи. Повидимому, соціально-революціонная партія, въ лицѣ подсудимыхъ, думаетъ, что 1-го марта она одержала огромную кровавую побѣду и достигла своей ближайшей и труднѣйшей цѣли. Она ошибается,—она въ этотъ день своими руками нанесла себѣ смертельный ударъ, она сама произнесла надъ собою свой приговоръ. Отнынѣ глубокое, мучительное отвращеніе всего, въ

чемъ бьется человѣческое сердце и мыслитъ умъ еще способный мыслить—ея единственный удѣлъ. И стоютъ ли ея исчадія другого къ себѣ отношенія? Сомнѣвается ли кто-нибудь въ томъ, что ихъ явно заявленная цѣль—разрушить существующій міръ и на мѣсто его возвести міръ соціалистическій,—есть химера, недостижимая и безумная? А вѣдь за этою химерою, кичащеюся своимъ идеализмомъ, таятся во тьмѣ, прикрытыя ея гостепріимнымъ знаменемъ, тысячи мелкихъ личныхъ, совсѣмъ не идеальныхъ побужденій и интересовъ: зависть бѣднаго къ достаточному, бѣдствующаго тунеядца къ процвѣтающему труженику, порыванія разнузданныхъ инстинктовъ къ дикому разгулу, честолюбіе и властолюбіе вожаковъ партіи...

Моя задача приходитъ къ концу; скоро настанетъ торжественный часъ исполненія вашей великой судебной обязанности, и въ совѣщательной комнатѣ передъ вашимъ умственнымъ взоромъ вновь предстанетъ все, что послужитъ основаніемъ вашего приговора—все, что вы видѣли и слышали на судѣ. Не мнѣ говорить, не вамъ слушать о необходимомъ значеніи того рѣшенія вопросовъ виновности, которое изрекутъ вашими устами высшая человѣческая справедливость и законъ, ея совершеннѣйшій выразитель. Вы знаете и безъ моихъ указаній, что совѣсть Россіи ждетъ этого рѣшенія, и возмущенная успокоится только тогда, когда услышитъ его властный голосъ. Но чрезвычайный, грозный смыслъ вашего согласія съ выводами обвиненія—а въ этомъ согласіи я не хотѣлъ бы сомнѣваться—такъ чутко отзывается въ человѣческомъ сердцѣ, такъ настойчиво требуетъ примиренія чувствъ съ разсудкомъ, что я прошу позволенія именно объ этомъ конечномъ нравственно-юридическомъ смыслѣ предстоящаго вамъ сужденія сказать нѣсколько заключительныхъ словъ. На основаніи всей совокупности данныхъ судебнаго слѣдствія, на основаніи приведенныхъ мною доказательствъ виновности подсудимыхъ, я имѣю честь предложить вамъ произнести о нихъ безусловно-обвинительный приговоръ. Только такой приговоръ вытекаетъ изъ представленныхъ вамъ доказательствъ, только его карательныя послѣдствія соразмѣрны съ злодѣяніемъ 1-го марта и виною всѣхъ шести изобличенныхъ въ этомъ зло-

дѣяніи подсудимыхъ. Безнадежно-суровы и тяжки эти послѣдствія, опредѣляющія ту высшую кару, которая отнимаетъ у преступника самое дорогое изъ человѣческихъ благъ—жизнь; но она законна, необходима, она должна поразить преступниковъ цареубійства. Она законна, а въ неуклонномъ примѣненіи дѣйствующихъ законовъ, въ благоговѣйномъ преклоненіи предъ ними, въ строжайшемъ охраненіи установленнаго ими правильнаго гражданскаго строя—вся наша гражданская сила въ настоящее трудное время—все наше спасеніе. Она необходима потому, что противъ цареубійцъ и крамольниковъ нѣтъ другого средства государственной самозащиты. Человѣческое правосудіе съ ужасомъ останавливается передъ ихъ преступленіями и съ содроганіемъ убѣждается, что тѣмъ, кого оно заклеймило, не можетъ быть мѣста среди Божьяго міра. Отрицатели вѣры, бойцы всемірнаго разрушенія и всеобщаго, дикаго безначалія, противники нравственности, безпощадные развратители молодости, всюду несутъ они свою страшную проповѣдь бунта и крови, отмѣчая убійствами свой отвратительный слѣдъ. Дальше имъ идти некуда: 1-го марта они переполнили мѣру злодѣйствъ. Довольно выстрадала изъ-за нихъ наша родина, которую они запятнали драгоцѣнною Царскою кровью—и въ вашемъ лицѣ Россія свершитъ надъ ними свой судъ. Да будетъ же убіеніе величайшаго изъ Монарховъ послѣднимъ дѣяніемъ ихъ земного преступнаго поприща. Людьми отвергнутые, отечествомъ проклятые, передъ правосудіемъ Всевышняго Бога пусть дадутъ они отвѣтъ въ своихъ злодѣяніяхъ, и потрясенной Россіи возвратятъ ея миръ и спокойствіе. Россія раздавитъ крамолу и, смиряясь передъ волею Промысла, пославшаго ей тяжкое испытаніе, въ пережитой борьбѣ почерпнетъ новыя силы, новую горячую вѣру въ свѣтлое будущее. Не того хотѣли мрачные заговорщики 1-го марта; но всѣ ихъ кровавые замыслы и злодѣйства разобьются о вѣрную русскую грудь, разлетятся въ прахъ передъ яснымъ разумомъ, волею и любовью русскихъ людей. Крамола могла тайнымъ ударомъ пресѣчь преходящее теченіе хрупкой человѣческой жизни, хотя бы, по Божьей волѣ, то была жизнь великаго Государя Россіи, но крамола была и

всегда будетъ безсильна поколебать вѣковую русскую преданность Престолу и существующему государственному порядку. Съ корнемъ вырветъ русскій народъ адскіе плевелы русской земли, и тѣсно, дружно сомкнувшись несчетными рядами благомыслящихъ гражданъ, бодро послѣдуетъ за своею несокрушимою, единою священной надеждой, за своимъ, нынѣ вступившимъ на Царство Августѣйшимъ Вождемъ!

Приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ подсудимые: Николай Рысаковъ, Андрей Желябовъ, Софья Перовская, Тимовей Михайловъ, Геся Гельфманъ и Николай Кибальчичъ признаны виновными и присуждены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни.

II.

Дѣло о злоупотребленіяхъ въ Скопинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ.

Засѣданіе Московской судебной палаты съ 22 ноября по 7 декабря 1884 года съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствовалъ членъ палаты А. Н. Терновскій, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В. Муравьевъ, гражданскими истцами были присяжные повѣренные Дмитріевъ и Плевако, защищали: присяжные повѣренные—Бѣляевъ, Высоцкій, Гаркави, Генкинъ, Куриловъ, Муратовъ, Одарченко, Фогелеръ, Швенцеровъ и Шубинскій, помощники присяжныхъ повѣренныхъ — Бернардъ, Поповъ, Сазоновъ и Холщевниковъ и дворянинъ Скрипицынъ.

Обвинялись: директоръ Скопинскаго городского общественнаго банка, коммерціи совѣтникъ Иванъ Гавриловъ *Рыковъ*, 51 года; товарищи директора. скопинскіе купцы Иванъ Ивановъ *Рудневъ*, 56 лѣтъ, и Василій Яковлевъ *Рудневъ*, 67 лѣтъ, и скопинскій купеческій сынъ Никифоръ Васильевъ *Иконниковъ*, 36 лѣтъ; кандидатъ товарища директора, скопинскій мѣщанинъ Илья Максимовъ *Загикинъ*, 69 лѣтъ; бухгалтеры: ряжскій мѣщанинъ Петръ Ивановъ *Матвѣевъ*, 40 лѣтъ, и московскій мѣщанинъ Иванъ Алексѣевъ *Швецовъ*, 39 лѣтъ; помощники бухгалтера: коллежскій регистраторъ Иванъ Алексѣевъ *Альяшевъ*, 27 лѣтъ, и крестьянинъ с. Любичъ, Зарайскаго уѣзда, Николай Павловъ *Земцовъ*, 39 лѣтъ; письмоводитель банка, коллежскій секретарь Василій Васильевъ *Евтихіевъ*, 53 лѣтъ. скопинскіе городскіе головы: епифанскій купецъ Владиміръ Никифоровъ *Овчинниковъ*, 38 лѣтъ, и скопинскій купеческій сынъ Василій Петровъ *Иконниковъ*, 44 лѣтъ, члены скопинской городской управы: скопинскіе мѣщане Иванъ Васильевъ *Овчинниковъ*, 41 года, Иванъ Николаевъ *Кистеневъ*, 41 года. и Михаилъ Яковлевъ *Барабановъ*, 66 лѣтъ; гласные Скопинской городской думы: скопинскіе мѣщане Владиміръ Лукинъ *Шамовъ*, 51 года, Иванъ Васильевъ *Лазаревъ*, 49 лѣтъ, Степанъ Яковлевъ *Барабановъ*, 61 года, Порфирій Васильевъ *Иконниковъ*, 66 лѣтъ, и Алексѣй Максимовъ *Загикинъ*, 59 лѣтъ (въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1154, 1155, 354, 359, 362, 338, 341 и 342 ст. улож. наказ.); сапожковскій мѣщанинъ Илья Михайловъ *Краснопѣвцевъ*, скопинскій мѣщанинъ Николай Петровъ *Шестовъ*, скопинскій купеческій сынъ Семенъ Гавриловъ *Оводовъ*, титулярный совѣтникъ Александръ Николаевъ *Виноградовъ*, коллежскій совѣтникъ Александръ Дмитріевъ *Донской* и коммерціи совѣтникъ Алексѣй Ильинъ *Поповъ* (въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ по отношенію къ Краснопѣвцеву и Шестову 1154, 294 и 13 ст. улож. наказ., а къ остальнымъ 1665 и 1666 ст. того же уложенія).

Обстоятельства настоящаго дѣла заключаются въ слѣдующемъ:

I. Возникновеніе Скопинскаго банка. Рыковъ и его сподвижники.

6 ноября 1857 года собраніе общества гражданъ г. Скопина, Рязанской губерніи, составило приговоръ, которымъ постановило ходатайствовать о разрѣшеніи на открытіе въ названномъ городѣ городского общественнаго банка и объ утвержденіи его устава. Мѣстная дума одобрила этотъ приговоръ и на первоначальныя операціи банка предположено было обратить принадлежащую городскому обществу сумму въ размѣрѣ 10,103 рублей 86 коп. 15 января 1863 года министръ финансовъ сообщилъ Рязанскому губернатору, что въ Скопинѣ разрѣшено открыть городской общественный банкъ съ основнымъ капиталомъ въ 10,103 руб. 86 коп. 15 апрѣля того же года Скопинская дума передала вышепомянутый капиталъ избранному городскимъ обществомъ правленію банка, въ лицѣ директора и его товарищей, и дѣйствія новоучрежденнаго банка были открыты.

Директоромъ банка былъ избранъ Иванъ Гавриловъ Рыковъ [1]). Скопинскій городской общественный банкъ въ первые годы своего существованія представлялъ собою, по удостовѣренію свидѣтелей, учрежденіе для города несомнѣнно полезное; сравнительно скромные размѣры его оборотовъ, ограничивавшихся пріемомъ вкладовъ и выдачей ссудъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, товаровъ и недвижимыхъ имуществъ, вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ мѣстнаго торговаго и промышленнаго кредита. За первоначальною дѣятельностью банка зорко слѣдилъ занимавшій тогда должность городского головы купецъ Леоновъ, благодаря строгому надзору котораго въ банкѣ не могло быть никакихъ злоупотребленій. Такой образъ дѣйствій Леонова побудилъ Рыкова на слѣдующіе выборы самому баллотироваться въ городскіе головы. и когда затѣмъ онъ былъ избранъ какъ на означенную должность, такъ и въ директоры банка, то отказался отъ перваго изъ этихъ званій, уступивъ таковое купцу Никифору Афанасову. По переходѣ городскихъ интересовъ въ завѣдываніе послѣдняго, Рыковъ и управляемый имъ банкъ были освобождены отъ всякаго дѣйствительнаго контроля и вступили на путь рискованныхъ операцій, конечнымъ результатомъ которыхъ явилась ихъ общая несостоятельность.

Положеніе Рыкова въ мѣстномъ обществѣ характеристически обрисовано въ показаніяхъ свидѣтелей. По удостовѣренію ихъ, Рыковъ пользовался въ г. Скопинѣ почти безграничнымъ вліяніемъ, которое было основано частью на долговыхъ отношеніяхъ къ банку большинства обывателей, не исключая и должностныхъ лицъ, частью же на близкихъ связяхъ Рыкова съ нѣкоторыми представителями губернской администраціи. О вліяніи Рыкова на отдѣльныхъ членовъ городского общества можно судить изъ показанія свидѣтеля Василія

---

[1]) Иванъ Гавриловъ Рыковъ родился въ г Скопинѣ отъ небогатаго мѣщанина Оводова, а затѣмъ былъ усыновленъ своимъ родственникомъ, весьма зажиточнымъ купцомъ Андреемъ Федоровымъ Рыковымъ, передавшимъ ему фамилію. Послѣ смерти усыновителя, въ 1848 году, Иванъ Рыковъ получилъ значительное состояніе, простиравшееся до 200,000 руб, которое въ теченіе послѣдовавшихъ засимъ 15 лѣтъ было почти совершенно прожито. Въ продолженіе этого же періода времени Рыковъ вступилъ на службу по мѣстному городскому общественному управленію и занималъ должности, сначала бургомистра, а потомъ городского головы Въ 1863 году, при учрежденіи въ г. Скопинѣ общественнаго банка, Рыковъ былъ выбранъ въ директоры означеннаго установленія, въ каковомъ званіи оставался безсмѣнно до 1882 года

Барабанова, по словамъ котораго „всѣ вѣровали въ Ивана Гавриловича Рыкова, все равно какъ въ Бога, и трепетали передъ нимъ“.

Благодаря этому вліянію, Рыковъ являлся почти единственнымъ распорядителемъ управляемаго имъ банка. Отъ него главнымъ образомъ зависѣло разрѣшеніе всѣхъ возникавшихъ по дѣламъ названнаго установленія вопросовъ, къ обсужденію которыхъ онъ рѣдко приглашалъ другихъ членовъ правленія. Еще менѣе могли оказывать вліяніе на означенныя дѣла лица, служившія въ банкѣ на должностяхъ исполнительныхъ чиновниковъ, въ ряду которыхъ исключительное положеніе занимали бухгалтеръ вексельнаго отдѣленія Петръ Ивановъ Матвѣевъ и письмоводитель Василій Васильевъ Евтихіевъ.

Матвѣевъ получалъ жалованье, значительно превышавшее окладъ товарища директора, и пользовался особою благосклонностью и полнымъ довѣріемъ Рыкова. Въ періоды отсутствія Рыкова изъ г. Скопина всѣ важнѣйшія распоряженія по банку возлагались на него, Матвѣева, которому одному Рыковъ оставлялъ свои инструкціи. При разговорахъ своихъ съ Матвѣевымъ Рыковъ не дозволялъ присутствовать никому изъ прочихъ служащихъ, и если Матвѣевъ являлся съ докладомъ, то другіе докладчики должны были удаляться. Съ своей стороны и Матвѣевъ строго хранилъ дѣловыя тайны Рыкова, которыхъ никому не сообщалъ. Служащіе банка видѣли въ Матвѣевѣ своего начальника, отъ котораго зависѣло ихъ опредѣленіе и увольненіе, а также увеличеніе или уменьшеніе получаемаго ими содержанія. Обращеніе съ Матвѣевымъ Рыкова всегда отличалось совершенною вѣжливостью, которой Рыковъ въ отношеніи другихъ служащихъ не придерживался.

Относительно причинъ, вызывавшихъ со стороны Рыкова особенно-благосклонное отношеніе къ Матвѣеву, свидѣтели пояснили, что Матвѣевъ былъ бухгалтеръ весьма опытный и умѣвшій сводить какіе угодно счеты, вслѣдствіе чего Рыковъ прибѣгалъ къ его совѣтамъ во всѣхъ дѣлахъ по банку. Почти въ такихъ же условіяхъ, какъ Матвѣевъ, находился къ Рыкову и письмоводитель Евтихіевъ, который, по собственному его объясненію, имѣлъ съ 1866 г. главное завѣдываніе всею канцелярскою перепискою банка.

II. Начало слѣдствія и объявленіе несостоятельности банка.

Въ 1878 году нѣкоторыя стороны положенія дѣлъ Скопинскаго банка обратили на себя вниманіе министерства финансовъ. Рыковъ былъ приглашаемъ въ министерство для объясненій, предметомъ которыхъ были указанія на несоотвѣтствіе размѣра кассовыхъ оборотовъ банка мѣстнымъ потребностямъ торговаго и промышленнаго кредита, на убытки, претерпѣваемые банкомъ по операціямъ учета векселей и ссудъ подъ залоги, и на ослабленіе кассовой наличности банка помѣщеніемъ таковой въ процентныя бумаги. При этомъ Рыковъ удостовѣрилъ: 1) что банкомъ не было выдаваемо такихъ билетовъ, по коимъ вкладчиками не было внесено въ банкъ соотвѣтственныхъ суммъ наличными деньгами, и 2) что въ числѣ процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ банку, не имѣется частныхъ, правительствомъ не гарантированныхъ.

Начиная съ 1878 года къ правительственнымъ властямъ стали поступать заявленія о разнаго рода безпорядкахъ, допускаемыхъ въ Скопинскомъ банкѣ.

Въ 1880 году крестьянинъ Богатыревъ заявилъ прокурору Рязанскаго окружного суда: 1) что, съ цѣлью сокрытія по годовымъ отчетамъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ банка, по книгамъ были показываемы мнимыя покупки и продажи процентныхъ бумагъ, 2) что вопреки ст. 23 нормальнаго положенія о банкахъ за счетъ Скопинскаго банка пріобрѣтено на нѣсколько сотъ тысячъ рублей не гарантированныхъ правительствомъ бумагъ; 3) что

протестованные векселя многихъ закредитованныхъ въ банкѣ лицъ не взыскиваются по нѣсколько лѣтъ; 4) что срочные векселя нѣкоторыхъ должниковъ не оплачивались въ срокъ, а замѣнялись векселями на новые сроки, нерѣдко съ приписко къ капитальному долгу нарослихъ процентовъ; 5) что членами Скопинской городской управы и избираемыми мѣстною думою депутатами не было производимо требуемыхъ закономъ ревизій.

Засимъ 1 августа 1882 года прокуроръ Московской судебной палаты увѣдомилъ Рязанскаго губернатора, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ въ непродолжительномъ времени можетъ быть ожидаемо обнаруженіе несостоятельности Скопинскаго городского общественнаго банка, такъ какъ правленіе послѣдняго не удовлетворяетъ уже предъявляемыхъ къ банку требованій о возвращеніи вкладовъ; принадлежащій банку запасный капиталъ въ дѣйствительности не существуетъ, а долгъ банку директора его Рыкова простирается до нѣсколькихъ милліоновъ

5 сентября 1882 года исправлявшій должность товарища директора и кассира банка Никифоръ Иконниковъ обратился къ Скопинскому исправнику съ заявленіемъ о нижеслѣдующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ банкѣ: 1) по векселямъ Рыкова никогда не было производимо платежей, а происходила лишь переписка тѣхъ векселей съ присоединеніемъ процентовъ; 2) Рыковъ, получивъ изъ Московской банкирской конторы Волкова 84,000 руб банковыхъ денегъ, оставилъ ихъ у себя, замѣнивъ ихъ векселемъ; 3) по полученіи агентомъ банка Краснопѣвцевымъ съ должника Брежнева по векселямъ 10,050 руб., Рыковъ внесъ въ кассу банка лишь 4,000 руб., на остальныя же деньги, которыя удержалъ у себя, представилъ вексель; 4) кромѣ векселей Рыкова въ банкѣ допускалась переписка векселей и другихъ лицъ; 5) портфель банка обремененъ протестованными векселями на сумму болѣе 2 000,000 руб, между тѣмъ какъ наличность кассы въ день заявленія не превышала 1,000 руб.; 6) запасный капиталъ банка весь выпущенъ въ обращеніе.

По полученіи этого заявленія, Рязанское губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе постановило возбудить уголовное преслѣдованіе противъ членовъ правленія Скопинскаго банка; 12 октября Рязанскій окружный судъ призналъ Скопинскій банкъ несостоятельнымъ должникомъ по торговлѣ.

III. Злоупотребленія, вызвавшія несостоятельность банка.

Въ день открытія слѣдственныхъ дѣйствій (2 октября 1882 г.) балансъ банка представлялся въ слѣдующемъ видѣ: 1) основной капиталъ банка простирался до 1.005,086 руб. 37½ коп.; 2) запаснаго капитала банка вовсе не имѣлось; 3) сумма ввѣренныхъ банку вкладовъ достигала 11.706,986 руб.; 4) наличныхъ денегъ въ кассѣ банка было 4,689 руб. 12 коп.; 5) сумма принятыхъ банкомъ къ учету векселей равнялась 12.436,526 руб. 47½ коп.; 6) принадлежащихъ банку процентныхъ бумагъ состояло на 7,874 руб. 57 коп.; 7) на текущемъ счету у банкировъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ находилось 39,378 руб. 24 коп. При произведенномъ слѣдователемъ осмотрѣ кассы банка (того же 2 октября) найдено наличныхъ денегъ и процентныхъ бумагъ, принадлежащихъ самому банку, на 9,648 руб 85 коп., въ томъ числѣ подвергнутыхъ уже аресту по распоряженію судебнаго пристава мѣстнаго окружного суда—7,256 руб 50 коп.

По обозрѣніи затѣмъ портфеля срочныхъ векселей оказалось, что таковыхъ состояло ко 2 октября всего на сумму 8.479,443 руб 49 коп. Въ эту сумму, между прочимъ, вошло векселей, выданныхъ Рыковымъ, на 6.820,149 руб. и съ бланковыми надписями Рыкова на 156,972 руб. По исчисленію, сдѣлан-

ному при слѣдствіи экспертами, на основаніи повѣрки и сопоставленія извлеченныхъ изъ счетоводства банка данныхъ установлено, что конечный результатъ произведенныхъ банкомъ за 1863—1881 годы операцій выразился въ дефицитѣ на 357.254 руб. 74 коп

Злоупотребленія, допущенныя правленіемъ банка, распадаются на слѣдующія главныя группы: 1) злоупотребленія по операціи пріема вкладовъ; 2) злоупотребленія по операціи покупки-продажи процентныхъ бумагъ; 3) злоупотребленія по операціи учета векселей; 4) злоупотребленія внѣ круга операцій; 5) невѣрность счетоводства и отчетности

1. Злоупотребленія по операціи пріема вкладовъ

Правленіе банка прилагало особыя попеченія къ тому, чтобы обратить на банкъ вниманіе публики и чрезъ это привлечь въ его кассу возможно большее количество частныхъ капиталовъ Въ редакціи различныхъ газетъ, не исключая издающихся на далекихъ окраинахъ, съ указанною цѣлью были разсылаемы объявленія-рекламы о благонадежности и выгодности условій помѣщенія вкладовъ въ банкъ, образцомъ которыхъ можетъ служить реклама, припечатанная въ „Иркутскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ". Въ этомъ объявленіи, между прочимъ, значится: 1) что Скопинскій городской общественный банкъ имѣетъ основной и запасный капиталы въ размѣрѣ 1 200,241 руб.; 2) что внесенные въ банкъ вклады обезпечиваются не только вышеупомянутыми капиталами, но и ручательствомъ Скопинскаго городского общества, состояніе котораго простирается на нѣсколько милліоновъ рублей; 3) что вклады возвращаются и проценты по нимъ выдаются наличнымъ вкладчикамъ въ тотъ же день, а иногороднимъ высылаются по почтѣ.

Изъ числа вкладчиковъ, общія претензіи которыхъ простирались до 11.618,079 руб., только 16 человѣкъ оказались проживающими въ Рязанской губерніи, при чемъ сумма вкладовъ этихъ лицъ не превышала 20,000 руб.; всѣ же остальные вкладчики жили въ мѣстностяхъ, отдаленныхъ отъ Скопина; такимъ образомъ пассивныя операціи Скопинскаго банка охватили всю Имперію, наименѣе касаясь ближайшаго къ городу Скопину района Рязанской губерніи.

Согласно показанію бывшаго бухгалтера вкладного отдѣленія банка Швецова, въ каждомъ случаѣ пріема банкомъ какого-либо вклада, отъ лица, представляющаго таковой, было подаваемо въ канцелярію банка объявленіе, которое, по примѣнявшемуся до самаго послѣдняго времени порядку, подписывалось вкладчикомъ, хотя бы онъ просилъ о выдачѣ ему билета на предъявителя. Между тѣмъ, при производствѣ слѣдствія оказалось, что 30 декабря 1877 года въ канцелярію банка было представлено 9 объявленій, никѣмъ не подписанныхъ, о взносѣ отъ имени неизвѣстнаго лица вкладовъ на 2.516,378 руб. На оборотной сторонѣ каждаго изъ этихъ объявленій имѣется резолюція правленія банка о принятіи представляемыхъ вкладовъ. Затѣмъ, 31 того же декабря канцеляріею банка получено было объявленіе (также никѣмъ не подписанное) объ обратной выдачѣ вкладовъ на 1.216,378 руб., а 1 января 1878 года второе такое же объявленіе о возвращеніи вкладовъ на 1.300,000 руб. Подъ текстомъ обоихъ объявленій, въ полученіи значащихся по таковымъ денегъ, росписался сапожковскій мѣщанинъ Илья Краснопѣвцевъ. Будучи допрошенъ относительно обстоятельствъ, которыми сопровождалось представленіе вкладовъ на 2 516,378 руб., Швецовъ показалъ, что статьи о принятіи этихъ вкладовъ были внесены имъ въ книгу по приказанію Рыкова по объявленіямъ, заготовленнымъ въ канцеляріи у письмоводителя Евтихіева и пред-

ставленнымъ мѣщаниномъ Краснопѣвцевымъ, который какъ ему, Швецову, было извѣстно, не могъ располагать такою огромною суммою денегъ, почему и записанные отъ имени его вклады должны быть признаваемы фиктивными.

Краснопѣвцевъ, съ своей стороны, удостовѣрилъ, что хотя по приказанію директора банка Рыкова и подписывалъ объявленія о представленіи въ банкъ и обратномъ полученіи вкладовъ, но въ дѣйствительности, не имѣя средствъ, никакихъ своихъ денегъ въ банкъ никогда не вносилъ, подавалъ же указанныя бумаги лишь по невозможности ослушаться распоряженій Рыкова, отъ котораго вполнѣ зависѣлъ.

Обвиняемый Рыковъ подтвердилъ, что Краснопѣвцевымъ дѣйствительно не было вносимо въ 1877 году никакихъ вкладовъ, и если таковые значатся по книгамъ, то, вѣроятно, записи объ этомъ были сдѣланы для какихъ-либо оборотовъ кассы. Кромѣ фиктивныхъ вкладовъ Краснопѣвцева, оказались подобные же взносы отъ имени Семена Оводова и Михаила Коняева. По осмотрѣ подлинныхъ билетовъ, выданныхъ на помянутые вклады Оводова и Коняева, оказалось, что изъ нихъ 15 имѣютъ на оборотной сторонѣ надписи о полученіи по нимъ всѣхъ причитающихся денегъ скопинскимъ купеческимъ сыномъ Оводовымъ, а 2 билета имѣютъ подобныя же надписи отъ имени скопинскаго мѣщанина Коняева. Билеты эти, будто бы, погашены въ іюлѣ и августѣ 1882 г. На допросѣ у слѣдователя Оводовъ (единокровный братъ Рыкова) объяснилъ, что надписи на билетахъ объ уплатѣ дѣлаемы были имъ по просьбѣ Рыкова и никакими дѣйствительными полученіями не сопровождались, такъ какъ имъ, Оводовымъ, не было произведено никакихъ соотвѣтствующихъ билетамъ взносовъ. Коняевъ заявилъ, что и имъ никакихъ вкладовъ въ Скопинскій банкъ дѣлаемо не было и что въ полученіи денегъ по вкладному билету онъ росписался лишь послѣ усиленныхъ просьбъ письмоводителя банка Евтихіева, которому онъ, Коняевъ, отказать не могъ, такъ какъ въ то время состоялъ при банкѣ извозчикомъ.

Относительно этихъ мнимыхъ вкладовъ Рыковъ показалъ, что фиктивные вкладные билеты были выпущены по мысли и распоряженію его, Рыкова, единственно съ цѣлью, посредствомъ продажи или залога ихъ, поправить, хотя на время, поколебавшееся уже положеніе дѣлъ банка. Слѣдствіемъ выяснено далѣе, что нѣкоторые изъ помянутыхъ фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ были въ маѣ и іюнѣ 1882 г., по распоряженію Рыкова, предлагаемы къ сбыту въ гг. Москвѣ, С.-Петербургѣ и Витебскѣ.

Рядомъ съ злоупотребленіями, выразившимися въ записяхъ по книгамъ банка мнимыхъ поступленій на вклады и выпускѣ въ обращеніе фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ, слѣдствіемъ установлено, что въ концѣ каждаго года (начиная съ 1868 г.) по счетамъ банка, въ силу постановленія правленія, былъ уменьшаемъ балансовый остатокъ процентовъ, невыданныхъ вкладчикамъ, при чемъ это уменьшеніе, будучи заносимо въ кредитъ (расходъ) счета процентовъ, обращалось на соотвѣтственное погашеніе по счету суммъ, слѣдующихъ ко взысканію съ заемщиковъ по просроченнымъ залоговымъ обязательствамъ и протестованнымъ векселямъ.

Согласно заключенію экспертовъ, уменьшеніе балансовыхъ остатковъ счета процентовъ, начисленныхъ по вкладамъ, было производимо съ цѣлью показанія въ отчетахъ бо́льшаго противъ дѣйствительности количества вырученныхъ оборотами банка прибылей.

Бывшій бухгалтеръ Матвѣевъ показалъ, что описанные обороты по книгамъ банка производились по мысли Рыкова.

Будучи, въ свою очередь, спрошенъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, Рыковъ заявилъ, что онъ объяснить ничего не желаетъ.

Требованія о возвратѣ ввѣренныхъ банку вкладовъ стали поступать въ особенно значительномъ количествѣ съ іюня 1882 г. Нѣкоторые вкладчики, не ограничиваясь посылкою своихъ требованій по почтѣ, стали лично являться въ банкъ. Тогда Рыковымъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы вкладчикамъ, прибывшимъ лично, были выдаваемы деньги, уже предназначенныя, согласно постановленіямъ правленія, и даже приготовленныя къ высылкѣ по вступившимъ письменнымъ требованіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Рыковъ пересталъ показываться въ банкѣ и, скрываясь отъ вкладчиковъ, не принималъ послѣднихъ у себя на дому. Съ августа 1882 года въ г. Скопинъ стали съѣзжаться вкладчики банка „массами", нерѣдко въ числѣ до 100 человѣкъ. Два раза толпы вкладчиковъ являлись въ полицейское управленіе, прося составить протоколъ о пріостановленіи кассою банка платежей.

При начатіи слѣдствія въ помѣщеніи банка найдено и затѣмъ кассиромъ Иконниковымъ представлено нѣсколько кипъ вкладныхъ билетовъ (на сумму 2.621,051 руб.), присланныхъ вкладчиками съ требованіями о возвратѣ внесенныхъ въ банкъ денегъ.

2. Злоупотребленія по операціи покупки-продажи процентныхъ бумагъ

Изъ разсчетныхъ книгъ банка усматривается, что, вопреки ст. 23 нормальнаго положенія о банкахъ, банкомъ пріобрѣтались бумаги, правительствомъ не гарантированныя, что̀ подтвердилъ и Рыковъ, объяснивъ, что означенныя бумаги не приносили ожидавшихся отъ нихъ выгодъ, а напротивъ, все болѣе и болѣе падая въ цѣнѣ, ввели банкъ въ значительные убытки.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій Рыкова усматривается, что для замаскированія потерь, а также въ видахъ выведенія по отчетамъ банка возможно бо̀льшаго количества прибылей, введенъ былъ въ употребленіе слѣдующій пріемъ: ежегодно въ началѣ января какое-либо подставное лицо совершало мнимую продажу банку извѣстнаго количества негарантированныхъ процентныхъ бумагъ, которыя затѣмъ снова фиктивно покупало у того же банка, но уже по высшей цѣнѣ, въ декабрѣ того же года, при чемъ разница цѣнъ записывалась на прибыль. Назначеніе цѣнъ, по которымъ должны были производиться фиктивныя покупки и продажи, зависѣло отъ того же количества прибылей, которое онъ, Рыковъ, находилъ нужнымъ показать въ отчетѣ банка за извѣстный годъ. Параллельно съ покупками въ январѣ и продажами въ декабрѣ бумагъ негарантированныхъ обыкновенно были производимы мнимыя продажи и покупки процентныхъ бумагъ государственныхъ, при чемъ бумаги эти покупались банкомъ въ декабрѣ и продавались въ январѣ. Такія сдѣлки съ государственными бумагами были необходимы для показанія фиктивной наличности послѣднихъ на 1 января и прикрывали собою обремененіе портфеля банка бумагами негарантированными.

Далѣе слѣдствіемъ установлено, что въ 1877 году въ книги банка были записаны, между прочимъ, двѣ сдѣлки: а) отъ 30 декабря, по которой мѣщанинъ Илья Краснопѣвцевъ продалъ Скопинскому банку билетовъ государственнаго банка 2-го выпуска на 4.704,600 руб. номинальныхъ за 3.409,350 руб., и б) отъ 31-го того же декабря, въ силу коей Краснопѣвцевъ обратно купилъ отъ банка проданные наканунѣ билеты за нарицательную ихъ стоимость въ суммѣ 4.704,600 руб.; чрезъ это онъ далъ банку прибыли 1.295,250 руб.

Къ поясненію истиннаго значенія указанныхъ сдѣлокъ съ Краснопѣвцевымъ служитъ журнальное постановленіе правленія банка отъ 31 декабря 1877 года, въ которомъ признается, что полученными банкомъ упомянутаго числа прибылями отъ сдѣлки съ Краснопѣвцевымъ имѣютъ быть погашены убытки банка по операціи продажи (въ декабрѣ того же года) партіи процентныхъ бумагъ, въ количествѣ 1 176,150 руб., остатокъ же, въ размѣрѣ 119,100 руб., долженъ быть отчисленъ въ чистую прибыль. Экспертъ въ заключеніи своемъ нашелъ, что сдѣлки отъ 30 и 31 декабря 1877 г., по операціи покупки и продажи банковыхъ билетовъ, имѣютъ тѣсную связь съ записями о фиктивныхъ вкладахъ Краснопѣвцева отъ того же 30 декабря на сумму 2.516,378 руб. Связь эта, по мнѣнію эксперта, заключается въ томъ, что оприходованіе по кассовой книгѣ означенныхъ вкладовъ дало банку надлежащую (конечно фиктивную) наличность для расхода на пріобрѣтеніе бумагъ въ 3.409.350 руб., а затѣмъ, когда часть мнимо помѣщенной въ бумаги суммы была освобождена 31 декабря обратною продажею билетовъ за 4 704,600 р., оказалась возможною и обратная выдача Краснопѣвцеву части вкладовъ въ размѣрѣ 1 216,378 рублей

Илья Краснопѣвцевъ пояснилъ, что никакихъ процентныхъ бумагъ въ дѣйствительности банку не продавалъ и отъ банка не пріобрѣталъ, а подписывалъ объявленія и росписки въ полученіи купленныхъ бумагъ или денегъ за проданныя бумаги по приказаніямъ Рыкова.

Въ числѣ бумагъ, пріобрѣтаемыхъ банкомъ, состояли и билеты государственнаго казначейства, серіи, которыя, равно какъ и нароставшіе по нихъ купонамъ проценты, не заносились, однако, по счетамъ процентныхъ бумагъ, а числились наравнѣ съ кредитными знаками наличностью кассы и притомъ въ капитальной лишь суммѣ; изъ процентовъ же были производимы разнаго рода выдачи, отмѣчавшіяся не въ общихъ расходныхъ, а въ особой памятной книгѣ. Экспертъ пояснилъ, что билеты государственнаго казначейства (серіи) безусловно должны быть причисляемы къ процентнымъ бумагамъ, какъ цѣнности, приносящія опредѣленный доходъ, а потому при правильномъ веденіи банковаго дѣла не могутъ быть показываемы въ числѣ наличныхъ денегъ; соотвѣтственно этому нарастающіе по такимъ билетамъ проценты подлежатъ отнесенію къ прибылямъ банка отъ производимыхъ имъ операцій.

Относительно запаснаго капитала банка, заключавшагося въ процентныхъ бумагахъ, слѣдствіемъ установлены слѣдующія данныя: по журнальному постановленію правленія, помѣченному отъ 17 апрѣля 1882 г., товарищу директора Иконникову было поручено продать означенныя бумаги запаснаго капитала для покрытія убытковъ банка по учету принятыхъ имъ отъ нѣкоторыхъ неблагонадежныхъ лицъ векселей. Въ связи съ этимъ имѣется другое постановленіе, написанное отъ 28 августа того же года и подписанное однимъ Рыковымъ, съ скрѣпою Евтихіева, которое гласитъ, что того же 28 августа товарищъ директора Иконниковъ представилъ правленію вырученныя отъ продажи процентныхъ бумагъ запаснаго капитала 195,156 руб. и что правленіе опредѣлило покрыть этими деньгами указанные въ томъ постановленіи протестованные векселя. Въ книгахъ банка имѣются соотвѣтствующія записи, помѣченныя 28 августа, и, между прочимъ, показано, что изъ этихъ денегъ того же числа уплачено купцу Черкасову по вкладнымъ билетамъ съ процентами и судебными издержками 30,217 р. 60 к. и Кутукову 30,732 р. 80 к. Между тѣмъ бывшій агентъ банка Ивановъ показалъ, что деньги Черкасову были уплачены имъ, свидѣтелемъ, еще 25 іюня 1882 г., а Кутуковъ удостовѣ-

рилъ, что причитающіяся ему по вкладнымъ билетамъ деньги, въ количествѣ болѣе 30,000 р., онъ получилъ еще въ февралѣ того же 1882 года.

Въ дополненіе къ приведеннымъ показаніямъ Иконниковъ пояснилъ, что къ реализаціи бумагъ запаснаго капитала было приступлено гораздо ранѣе того времени, когда были составлены по сему предмету журнальныя постановленія, а именно, еще великимъ постомъ того же 1882 года, для удовлетворенія средствами запаснаго капитала требованій о возвратѣ вкладовъ. Бывшій бухгалтеръ Матвѣевъ показалъ, что еще въ январѣ 1882 года правленіемъ банка дано было порученіе банкирской конторѣ Волкова о продажѣ части бумагъ запаснаго капитала на сумму около 50,000 рублей номинальныхъ, но онъ, Матвѣевъ, узнавъ объ этомъ, убѣдилъ Рыкова отмѣнить сдѣланное распоряженіе и оставить запасный капиталъ въ неприкосновенности, вслѣдствіе чего той же конторѣ дано было новое порученіе о покупкѣ бумагъ на одинаковую съ прежнею сумму. Но затѣмъ упомянутый выше капиталъ былъ въ скоромъ времени опять тронутъ, а именно—на оплату вкладныхъ билетовъ Кутукова, требованіе котораго не могло быть удовлетворено наличными средствами кассы

3. Злоупотребленія по операціи учета векселей.

Показаніями обвиняемыхъ Рыкова, Василія Руднева, Никифора Иконникова, Матвѣева и Евтихіева установлено, что въ правленіи Скопинскаго банка не велось требуемаго примѣч. къ 44 ст. нормальнаго положенія о банкахъ списка лицъ, кредитующихся въ банкѣ подъ учетъ векселей, съ примѣрнымъ показаніемъ размѣровъ открытаго каждому изъ дебиторовъ кредита.

По этому вопросу Рыковъ пояснилъ, что означенный выше списокъ не былъ составляемъ въ тѣхъ видахъ, дабы не подвергались огласкѣ свѣдѣнія о значительномъ количествѣ поступившихъ въ портфель банка долговыхъ обязательствъ.

Относительно самаго порядка пріема векселей къ учету Иванъ Рудневъ и Никифоръ Иконниковъ показали, что въ случаяхъ упомянутаго пріема не было составляемо правленіемъ никакихъ журнальныхъ постановленій и даже не происходило обсужденія степени состоятельности участвующихъ въ векселѣ лицъ, а вопросъ разрѣшался единоличнымъ распоряженіемъ директора Рыкова, а за его отсутствіемъ Иваномъ Рудневымъ.

По принятымъ банкомъ къ учету векселямъ деньги были выдаваемы въ большей части случаевъ векселедателямъ, а не бланконадписателямъ, а такой порядокъ кредитованія представляется, по заключенію эксперта, совершенно неправильнымъ и несоотвѣтствующимъ сущности операціи учета.

При наступленіи сроковъ платежей по векселямъ нѣкоторыхъ дебиторовъ, послѣдніе не производили взносовъ въ кассу денегъ, а ограничивались замѣною прежняго векселя таковымъ же на новый срокъ, нерѣдко съ приписною къ капитальному долгу наросшихъ процентовъ. Въ числѣ векселей, принятыхъ банкомъ отъ нѣкоторыхъ лицъ, находились и такіе, которые были представлены должниками уже послѣ обращенія въ протестъ и неоплаты прежде выданныхъ сими лицами обязательствъ того же рода.

По удостовѣренію Рыкова, съ самаго начала дѣйствій Скопинскаго банка онъ, Рыковъ, сталъ пользоваться кредитомъ банка, но векселей своихъ ему никогда не оплачивалъ, а, взамѣнъ сего, постоянно переписывалъ эти векселя на новые сроки, съ приписною къ капиталу и наросшихъ процентовъ. Такимъ

образомъ долгъ его увеличивался даже помимо новыхъ ссудъ и займовъ, которыя были имъ дѣлаемы. При томъ, кромѣ указанныхъ векселей, онъ, обвиняемый, вноситъ въ кассу и такіе, которые на самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ его заимствованіемъ обусловлены не были, а служили лишь покрытіемъ для фиктивно-выводившихся по отчетамъ банка прибылей отъ сдѣлокъ съ поставными лицами по покупкѣ и продажѣ процентныхъ бумагъ или же предназначались для фиктивнаго показанія въ книгахъ банка прихода учетныхъ процентовъ.

По сдѣланному экспертомъ исчисленію, долгъ Рыкова по вкладамъ простирался всего до 6.821,151 руб., дѣйствительное же заимствованіе Рыкова изъ кассы банка выразилось суммою въ 1.496,313 руб. 5 коп.

4. Злоупотребленія внѣ круга операцій.

Спрошенные при слѣдствіи свидѣтели—помощники бухгалтера банка Финогеновъ, Смирновъ и Петровъ показали: первый—что за послѣдніе 4 или 5 лѣтъ своей службы онъ ежемѣсячно получалъ изъ банка содержаніе въ размѣрѣ меньшемъ на 30 рублей противъ значившагося по росписямъ, упомянутые же 30 руб. были выдаваемы, вмѣсто него, дьякону Никольской церкви г. Скопина Ивану Попову; какъ было слышно, Поповъ пользовался этими деньгами въ вознагражденіе за собираніе и сообщеніе Рыкову разныхъ ходившихъ по городу слуховъ: второй и третій—что каждый изъ нихъ ежемѣсячно расписывался по книгамъ въ полученіи жалованья на 25 руб. болѣе выдававшагося имъ въ дѣйствительности, недополученныя же ими деньги, въ количествѣ всего 50 руб., были обращаемы въ пользу секретаря мѣстной городской управы Якова Виноградова. Показанія Финогенова, Смирнова и Петрова вполнѣ подтверждены обвиняемымъ Рыковымъ. Будучи спрошены въ качествѣ свидѣтелей, Поповъ и Виноградовъ удостовѣрили, что дѣйствительно получали изъ банка первый—30 рублей, а второй—50 руб. (кромѣ особаго оклада въ 30 руб., которымъ онъ, Виноградовъ, пользовался согласно приговору городского общества, состоявшемуся еще въ 1882 году), при чемъ въ выдачѣ имъ этихъ денегъ они росписокъ не давали.

Въ балансѣ банка на 2 октября 1882 года, въ ряду другихъ статей, значится, что къ названному числу банкъ имѣлъ на текущемъ счету въ банкирскихъ конторахъ Волкова, въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, 39,378 р. 24 коп. Между тѣмъ при слѣдствіи оказалось, что счеты банка съ конторами Волкова были заключены еще 10 августа 1882 года. Обвиняемый Рыковъ объяснилъ, что всѣ деньги Скопинскаго банка, находившіяся на текущихъ счетахъ въ конторахъ Волкова, были взяты имъ, Рыковымъ, въ 1882 году, отчасти непосредственно, отчасти чрезъ агента банка Иванова; онъ, обвиняемый, намѣревался, взамѣнъ сихъ денегъ, внести въ кассу банка свои векселя, но не успѣлъ это сдѣлать; увѣдомленія конторъ о выдачѣ съ текущихъ счетовъ ему, Рыкову, или по его порученію, какому-либо другому лицу, въ правленіе банка не передавались, а оставлялись у него, вслѣдствіе чего помянутыя выдачи на цифрахъ актива по балансу не отражались. Агентъ банка Ивановъ, кромѣ того, заявилъ, что въ 1879 г. имъ были представлены Рыкову деньги, взысканныя съ должника банка Казнакова, въ количествѣ 6.686 рублей, въ полученіи каковыхъ денегъ Рыковъ выдалъ ему квитанцію отъ 1 мая того же года (квитанція эта осмотрѣна и пріобщена къ дѣлу). По обозрѣніи, засимъ, кассовыхъ приходныхъ книгъ и лицевыхъ счетовъ банка за 1879 годъ, оказалось,

что въ продолженіе всего упомянутаго года поступленія по векселю Казнакова 6,686 рублей на приходъ не записано, а въ лицевыхъ счетахъ векселя Казнакова значится неоплаченнымъ Рыковъ показалъ, что 6,686 рублей были дѣйствительно имъ отъ Иванова получены, но въ кассу банка не внесены, равно какъ не замѣнены и соотвѣтственнымъ векселемъ—послѣднее вѣроятно произошло по забывчивости

Свидѣтель Яковъ Виноградовъ объяснилъ, что по векселямъ, предъявленнымъ къ учету въ Скопинскомъ банкѣ, онъ состоялъ должнымъ 2 327 руб., но въ 1881 году и въ апрѣлѣ или маѣ 1882 года весь числившійся за нимъ долгъ уплатилъ лично Рыкову, въ чемъ однако отъ послѣдняго никакихъ росписокъ не получалъ По произведенному слѣдователемъ осмотру книгъ оказалось, что за Виноградовымъ дѣйствительно числится долгъ по векселямъ, принятымъ къ учету въ 1880 и 1881 годахъ на сумму 2,327 р., но объ оплатѣ таковаго ни въ одной изъ означенныхъ выше книгъ записей нѣтъ Спрошенный относительно указанныхъ обстоятельствъ, Рыковъ заявилъ, что не помнитъ, уплатилъ ли ему Виноградовъ деньги, или нѣтъ

Для полной характеристики положенія обвиняемаго Рыкова въ настоящемъ дѣлѣ нельзя обойти молчаніемъ слѣдующихъ данныхъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ.

Въ теченіе 1882 года Рыковъ, встревоженный корреспонденціями и извѣстіями періодическихъ изданій о шаткомъ положеніи банка, прилагалъ особыя старанія къ прекращенію появленія такихъ корреспонденцій и извѣстій, а именно, принимать мѣры къ личному сближенію съ редакторами газетъ и журналовъ, при чемъ однимъ предлагалъ свое знакомство, а другимъ, сверхъ того, и кредитъ въ банкѣ.

Въ существовавшей въ г. Скопинѣ на счетъ банка публичной библіотекѣ заведенъ былъ, по распоряженію Рыкова, порядокъ, въ силу котораго №№ газетъ и журналовъ, заключавшіе въ себѣ неблагопріятные отзывы о банкѣ или Рыковѣ, были скрываемы отъ публики, тѣ же №№, высылавшіеся частнымъ лицамъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ не доставлялись адресатамъ, равно какъ не доходили по назначенію въ редакціи періодическихъ изданій и отправляемыя по почтѣ изъ г. Скопина корреспонденціи.

Обнаруженныя слѣдствіемъ обстоятельства дѣла даютъ основаніе заключить, что въ непосредственно-предшествовавшее возникновенію сего слѣдствія время обвиняемый Рыковъ предпринялъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ сокрытію слѣдовъ приписываемыхъ ему злоупотребленій, а также и къ отчужденію принадлежащаго ему имущества.

5. Неправильности въ счетоводствѣ и отчетности.

При обозрѣніи доставленныхъ слѣдователю Скопинскою городскою управою годовыхъ отчетовъ банка за 1868—1881 годы найденъ рядъ несоотвѣтствій въ показаніяхъ подлежащихъ рубрикъ этихъ отчетовъ съ данными слѣдствія—о содержаніи портфеля процентныхъ бумагъ, о прибыляхъ по отдѣльнымъ операціямъ и чистыхъ, а равно о размѣрахъ балансовыхъ остатковъ счета невыданныхъ процентовъ по вкладамъ, счета протестованныхъ векселей и наличности кассы. Такимъ образомъ оказалось, что упомянутые отчеты содержатъ нижеслѣдующія невѣрныя свѣдѣнія: 1) въ каждомъ изъ отчетовъ за 1870—1877 г. пояснено, что къ 1 января года, слѣдующаго за отчетнымъ, въ портфелѣ процентныхъ бумагъ банка находились почти исключительно

бумаги государственныя, а между тѣмъ слѣдствіемъ установлено, что въ дѣйствительности этотъ портфель состоялъ преимущественно изъ бумагъ частныхъ, 2) по прибылямъ отъ операціи покупки и продажи процентныхъ бумагъ показанія отчетовъ преувеличены противъ дѣйствительности на сумму 1 394 298 руб. 36 копѣекъ; 3) рубрики прибылей отъ операцій учета векселей содержатъ въ себѣ несогласныя съ данными слѣдствія свѣдѣнія, которыми размѣръ названныхъ прибылей преувеличенъ на 678 150 рублей; 4) показанія отчетовъ о начисленіи процентовъ на вклады преувеличиваютъ уменьшеніе количества этихъ процентовъ на 509.621 р. 91 коп.; 5) цифра чистой прибыли по отчетамъ возвышена за всѣ годы, начиная съ 1868 г., соотвѣтственно общей суммѣ уменьшенія балансовыхъ остатковъ процентовъ по вкладамъ и увеличенія прибылей по активнымъ операціямъ за каждый годъ. Такимъ образомъ, въ отчетахъ показано прибылей болѣе противъ дѣйствительнаго ихъ количества, на 2 782.051 руб. 45 коп. Благодаря такой разницѣ, оказывается, что банкъ, который по приведенному выше исчисленію экспертовъ въ конечномъ результатѣ своей дѣятельности къ 1 января 1882 г. достигъ лишь дефицита въ 357.254 р. 74 к., согласно показаніямъ отчетовъ за тотъ же періодъ времени будто бы получилъ чистой прибыли на 2 224.815 р. 50 к.; 6) количество протестованныхъ векселей по отчетамъ уменьшено противъ свѣдѣнія просъбуха, 7) наличность кассы по отчетамъ представляется искусственно увеличенною.

Относительно способа составленія годовыхъ отчетовъ изъ показаній свидѣтелей усматривается, что до 1876 г. включительно изготовленіемъ помянутыхъ отчетовъ занимался бывшій бухгалтеръ вексельнаго отдѣленія Матвѣевъ, начиная же съ 1877 года послѣдній сталъ уѣзжать въ декабрѣ въ отпускъ и такимъ образомъ уклоняться отъ этой работы, которая поэтому перешла на обязанность помощниковъ бухгалтера Альяшева и Земцова. Составленіе отчетовъ обставлялось особою таинственностью и происходило либо на дому у Рыкова, либо въ комнатѣ правленія, двери въ которую на это время закрывались; при этомъ книги кассы отбирались отъ лицъ, занимавшихся веденіемъ таковыхъ, и записи конца декабря, содержавшія, между прочимъ, данныя о перепискѣ векселей Рыкова, заносились въ указанныя книги домашнимъ письмоводителемъ Рыкова, мѣщаниномъ Николаемъ Шестовымъ. Будучи спрошенъ въ свою очередь, обвиняемый Рыковъ показалъ, что представленные министерству финансовъ и опубликованные затѣмъ въ газетахъ отчеты банка за 1874—1876 гг. были составлены бухгалтеромъ Матвѣевымъ и заключали въ себѣ свѣдѣнія о протестованныхъ векселяхъ, количество которыхъ въ подлежащихъ рубрикахъ было уменьшаемо по распоряженію его, Рыкова, вслѣдствіе значительнаго накопленія въ банкѣ векселей упомянутаго разряда, обнаруженіе каковаго накопленія могло бы произвести неблагопріятное для банка впечатлѣніе какъ на гражданъ г. Скопина, такъ и на читающую публику; всѣ лица, скрѣплявшія отчеты, дѣйствовали по приказаніямъ его, Рыкова.

Независимо отъ разъясненій по вопросамъ объ отдѣльныхъ родахъ злоупотребленій въ Скопинскомъ банкѣ, эксперты дали общее заключеніе о характерѣ дѣятельности банка по всѣмъ операціямъ и о тѣхъ причинахъ, въ силу которыхъ эта дѣятельность привела его въ конечномъ результатѣ къ положенію несостоятельнаго должника.

Согласно мнѣнію экспертовъ, отличительною особенностью операцій Скопинскаго городского общественнаго банка являлось несоотвѣтствіе размѣровъ

его пассива съ производившимися имъ же активными оборотами. Особенность эта выразилась въ неограниченномъ пріемѣ банкомъ вкладовъ, общая сумма которыхъ за послѣднее время превысила 11 000,000 руб. По основному началу банковаго кредита, пріемъ вкладовъ можетъ быть производимъ лишь при томъ условіи, если таковые находятъ себѣ помѣщеніе съ выгодою для банка, т.-е. съ заработкомъ, не только предоставляющимъ возможность платить вкладчикамъ проценты, но и покрывающимъ расходы по операціи и кромѣ того дающимъ извѣстную прибыль. Подобнаго помѣщенія вклады, ввѣренные Скопинскому банку, не находили. Не обращая принадлежащихъ и ввѣренныхъ ему капиталовъ въ выгодныя для него ссуды и допуская въ то же время безпредѣльный приливъ вкладовъ, Скопинскій банкъ тѣмъ самымъ поставилъ свои обороты въ условія при наличности которыхъ оказались неизбѣжными всѣ дальнѣйшія неправильности какъ по производству операцій, такъ равно и по отчетности. Будучи переполненъ вкладами, средній процентъ по которымъ достигалъ 6,694%, банкъ вынужденъ былъ изыскивать источники, изъ которыхъ было бы возможно производить уплату вкладчикамъ операціонной преміи. Такими источниками не могли служить прибыли ни отъ ссудъ подъ залоги, по ихъ сравнительной незначительности, ни отъ учета векселей, по которымъ въ большей части случаевъ банкъ не получитъ не только процентовъ, но даже и занятаго у него капитала. Вслѣдствіе сего банкъ занялся покупкою процентныхъ бумагъ, чтобы такимъ путемъ дать позаимствованнымъ отъ вкладчиковъ суммамъ хотя какое-либо активное обращеніе. Но бумаги, по преимуществу частныя и поэтому подверженныя значительнымъ колебаніямъ курса, приносили банку не болѣе 5%, а стало быть, не покрывали собою обязательныхъ для банка уплатъ вкладчикамъ процентовъ, которые банкъ и долженъ былъ отчасти выплачивать изъ самыхъ вкладовъ. Такимъ образомъ послѣдніе сдѣлались тѣмъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго, за неимѣніемъ прибылей, банкъ сталъ поддерживать свое существованіе, при чемъ расходованіе ихъ отражалось на балансѣ возрастаніемъ цифръ операціи учета. Ощущая, въ виду вышеизложеннаго, постоянную потребность въ подкрѣпленіи кассы новыми заимствованіями, банкъ сталъ употреблять мѣры для привлеченія новыхъ вкладовъ, съ каковою цѣлью, въ годовыхъ отчетахъ, дѣла банка были изображаемы въ блестящихъ, хотя и не согласныхъ съ истиною, чертахъ. Претерпѣвая въ дѣйствительности, начиная съ 1872 г., одни только убытки, банкъ помѣщалъ въ отчетахъ крупныя цифры будто бы полученныхъ имъ прибылей, для искусственнаго выведенія которыхъ былъ предпринимаемъ цѣлый рядъ фиктивныхъ оборотовъ. Къ числу такихъ оборотовъ относились: а) по операціи вкладовъ — уменьшеніе балансовыхъ остатковъ не выданныхъ вкладчикамъ процентовъ; б) по операціи покупки и продажи процентныхъ бумагъ — мнимыя сдѣлки съ Краснопѣвцевымъ; в) по операціи учета векселей — мнимые учеты векселей Рыкова. Въ связи съ этими оборотами находились и таковые же по принятію фиктивныхъ вкладовъ отъ Краснопѣвцева, которыми банкъ получалъ мнимую наличность для затратъ на пріобрѣтеніе процентныхъ бумагъ. Преслѣдуя указанными способами задачу наполненія отчетовъ цифрами мнимыхъ прибылей, банкъ поставленъ былъ въ необходимость обременять свой портфель новыми неплатежными векселями, посредствомъ которыхъ означенныя прибыли получали оправданіе. Такимъ образомъ несостоятельность банка, вызванная недостаточной благонадежностью его вексельныхъ дебиторовъ, представляется лишь естественнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрнаго развитія имъ своихъ пассивныхъ оборотовъ.

IV Операціи по продажѣ фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ въ Москвѣ. С.-Петербургѣ и Витебскѣ

Скопинскій купеческій сынъ Семенъ Овсовъ, титулярный совѣтникъ Александръ Виноградовъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Донской и коммерціи совѣтникъ Алексѣй Поповъ были агентами Рыкова по сбыту, посредствомъ продажи, вкладныхъ на имя неизвѣстныхъ лицъ билетовъ Скопинскаго банка, зная, что въ дѣйствительности никакихъ вкладовъ по этимъ билетамъ въ банкѣ дѣлаемо не было.

Попытки сбыть указанные билеты были дѣлаемы этими лицами въ Москвѣ, С.-Петербургѣ и Витебскѣ, но безуспѣшно.

V. Участіе представителей Скопинскаго городского общества въ дѣлѣ Скопинскаго банка.

Не будучи непосредственно заинтересовано въ судьбѣввѣренныхъ банку вкладовъ, поступившихъ, какъ уже объяснено выше, со всѣхъ концовъ Россіи, кромѣ г. Скопина и его района, Скопинское городское общество въ то же время въ обширныхъ размѣрахъ пользовалось операціонными ресурсами банка. Это послѣднее обстоятельство вполнѣ естественно отражалось и на отношеніяхъ къ банку органовъ мѣстнаго общественнаго управленія: должники банка составляли большинство городскихъ избирателей и гласныхъ думы, къ числу ихъ принадлежали и смѣнявшіе другъ друга городскіе головы Афанасовъ, Овчинниковъ и Иконниковъ. Зависимость гражданъ-должниковъ отъ банка и его полновластнаго директора Рыкова особенно рельефно выражалась при городскихъ выборахъ. Въ гласные думы были избираемы почти исключительно лица, являвшіяся сторонниками Рыкова и имъ же указанныя.

Въ собраніяхъ думы Рыковъ обыкновенно садился рядомъ съ городскимъ головою и по прочтеніи каждаго доклада первый высказывалъ свое мнѣніе, которое затѣмъ и принималось думою; если же противъ мнѣнія Рыкова кѣмъ-либо изъ гласныхъ представлялось возраженіе, то таковое собраніемъ отвергалось.

Составленіе собраній думы для разсмотрѣнія годовыхъ отчетовъ вызывало со стороны Рыкова и подчинявшихся ему городскихъ головъ особыя мѣры; для назначенія этихъ собраній обыкновенно избиралось время, когда гласный Леоновъ, всегда расходившійся съ Рыковымъ во взглядахъ на дѣла банка, для своихъ торговыхъ дѣлъ уѣзжалъ куда-либо изъ г. Скопина.

Въ 1877 году, послѣ смерти городского головы Афанасова, на помянутую должность былъ избранъ купецъ Владиміръ Никифоровъ Овчинниковъ. Изъ показаній свидѣтелей усматривается, что въ первое время своей дѣятельности онъ, Овчинниковъ, не былъ близокъ къ Рыкову и держалъ себя самостоятельно; въ виду этого Рыковъ сталъ распускать въ городѣ слухи, что намѣренъ представить ко взысканію имѣющіеся въ банкѣ векселя Овчинникова. Тогда послѣдній въ свою очередь объявилъ о своемъ предположеніи произвести строгую и всестороннюю ревизію дѣлъ банка. Рыковъ, очевидно, побоялся предстоящей ревизіи и съ тѣхъ поръ сталъ принимать мѣры къ сближенію съ Овчинниковымъ. Таковое дѣйствительно вскорѣ послѣдовало и имѣло своимъ результатомъ увеличеніе открытаго Овчинникову въ банкѣ кредита; ревизіи же никакой произведено не было. Владиміръ Овчинниковъ показалъ, что должность город-

ского головы онъ принятъ противъ своего желанія, подчиняясь просьбамъ гласныхъ думы, произвести ревизію банка Овчинниковъ не рѣшился въ виду того, что подобная ревизія неминуемо должна была обнаружить несостоятельность банка и тогда гласные, избравшіе его, Овчинникова, „закидали бы его же каменьями“ Въ послѣднее время службы его, Овчинникова, должность городского головы часто исправлялъ членъ городской управы Иконниковъ, который затѣмъ и стѣлался его преемникомъ.

Ко времени закрытія банка долгъ Иконникова по векселямъ, учтеннымъ въ банкѣ, достигъ 30.224 руб. Съ одной стороны, поддерживаемая Рыковымъ склонность къ пьянству, а съ другой—зависимость отъ управляемаго Рыковымъ банка, какъ кредитора, и отъ самого Рыкова, какъ бланконадписателя по векселямъ, поставили Иконникова по отношенію къ тому же Рыкову въ полное подчиненіе, которое и выразилось, между прочимъ, въ слѣдующемъ: Рязанскій губернаторъ препроводилъ въ Скопинскую думу въ 1880 и 1881 гг. жалобы Богатырева и неизвѣстнаго лица на безпорядки и злоупотребленія, допускаемые въ Скопинскомъ городскомъ общественномъ банкѣ Благодаря стараніямъ Иконникова, эти жалобы были оставлены думою безъ послѣдствій.

Состоя въ должности члена городской управы съ 1874 года по августъ 1881 года, Иконниковъ, хотя и удостовѣрялъ своими подписями въ книгахъ банка и актахъ повѣрки книгъ банка, но въ дѣйствительности никогда таковыхъ не производилъ и съ содержаніемъ подписывавшихся имъ книгъ и актовъ знакомъ не былъ. На запросы гласныхъ, предлагаемые въ засѣданіи думы о положеніи дѣлъ банка, Иконниковъ обыкновенно удостовѣрялъ, что дѣла банка оказываются „въ цвѣтущемъ состояніи“. Засѣданія думы, назначавшіяся для разсмотрѣнія жалобъ разныхъ лицъ на дѣйствія банка, Иконниковъ старался всѣми силами отсрочивать, а равно принималъ мѣры, чтобы такія засѣданія и вовсе не могли состояться. Послѣ настояній губернатора, въ засѣданіи 13 августа 1882 г. для производства ревизіи въ банкѣ назначена коммиссія. По удостовѣренію свидѣтелей, выборъ членовъ коммиссіи былъ произведенъ согласно указаніямъ Иконникова и въ составъ ея вошли неоплатные должники банка, Шамовъ и Арефьевъ. Означенная коммиссія однако до самаго открытія слѣдственныхъ по настоящему дѣлу дѣйствій къ исполненію возложеннаго на нее порученія не приступала

Обвинительная рѣчь прокурора судебной палаты.

Гг. судьи, гг. присяжные засѣдатели! Ровно 27 лѣтъ тому назадъ, въ ноябрѣ 1857 года, всеобщее оживленіе, охватившее всѣ стороны русской общественной жизни, послѣ только что окончившейся крымской войны, отразилось и въ скромномъ уѣздномъ городѣ Скопинѣ знаменательнымъ для него событіемъ: городское общество порѣшило ходатайствовать объ учрежденіи въ Скопинѣ городского общественнаго банка. Въ своемъ приговорѣ объ этомъ ходатайствѣ городское общество кратко и простодушно, но выразительно приводило и его основанія: „Такъ

какъ городъ Скопинъ,—разсуждали его граждане,—въ прошлыхъ 1810, 1841 и 1846 гг. черезъ бывшіе чрезвычайно сильные и вполнѣ извѣстные правительству пожары потерпѣлъ разстройство, черезъ что̀ занимающіеся торговлей граждане въ торговыхъ своихъ оборотахъ, противу прежняго, стѣсняются и торговая дѣятельность средняго класса жителей постоянно упадаетъ, и какъ кредитъ есть необходимая принадлежность коммерціи, потому что черезъ увеличеніе торговыхъ оборотовъ усиливается коммерція, слѣдовательно и интересъ торговцевъ, и при торговыхъ обстоятельствахъ общественный банкъ въ городѣ Скопинѣ необходимъ". Ясенъ смыслъ этихъ словъ: желая завести свой банкъ, какъ постоянный и правильно дѣйствующій органъ кредита, скопинскіе граждане возлагали на него большія надежды, ожидали, что онъ подниметъ и разовьетъ ихъ скудную торговую дѣятельность и тѣмъ принесетъ имъ благосостояніе. Желаніе городского общества скоро исполнилось, и хлопоты городской думы въ ея тогдашнемъ составѣ—городской голова Рыковъ, гласные Рудневъ и Занкинъ—увѣнчались полнымъ успѣхомъ: въ началѣ 1863 былъ открытъ Скопинскій городской общественный банкъ, во главѣ котораго сталъ самъ Рыковъ, главный его устроитель. Сбылись и радужныя надежды скопинскихъ гражданъ, одно за другимъ оправдывались самыя пылкія ихъ ожиданія. Много лѣтъ сряду со всѣхъ концовъ Россіи, привлекаемыя выгоднымъ помѣщеніемъ, широкимъ потокомъ притекали деньги въ бѣдный и неизвѣстный до этого времени городъ; какъ изъ земли выростали въ немъ внѣшніе признаки его внезапнаго процвѣтанія,—разныя общеполезныя учрежденія изумляли и восхищали его обывателей въ такой же степени, какъ и невиданные размѣры прибылей, которыя городомъ получались отъ банка. Благоденствовалъ не одинъ городъ Скопинъ, какъ нѣчто, хотя и видимое, осязаемое, но общее и безличное; золотой дождь лился неудержимо и безостановочно и на отдѣльныхъ гражданъ его; предъ ихъ ослѣпленными взорами происходило явленіе небывалое: стоило только быть сколько-нибудь замѣтнымъ скопинскимъ жителемъ, имѣть какой-нибудь доступъ къ начальству банка, да подписать клочекъ вексельной бумаги,

для того, чтобы свободно брать изъ банка—и притомъ безъ отдачи—сотни, тысячи, десятки, сотни тысячъ рублей. Рогъ изобилія, неожиданно открывшійся въ Скопинскомъ общественномъ банкѣ, проливалъ щедроты свои и на должностныхъ лицъ, имѣвшихъ къ городу Скопину и его банку какое-либо, хотя бы самое отдаленное или закулисное отношеніе, и на прозорливыхъ дѣльцовъ, которыхъ тонкое чутье никогда не обманываетъ и которые поэтому толпами слетались къ Скопинскому банку на заманчивый и опьяняющій запахъ вольныхъ и втуне лежащихъ денегъ. Словомъ, въ ликующемъ Скопинѣ образовался такой, повидимому, неисчерпаемый источникъ кредита, богатство котораго неимовѣрно превзошло даже всѣ первоначальныя ожиданія, и скоро слава Скопинскаго банка разнеслась по всему пространству Россіи, отъ крупныхъ центровъ и большихъ денежныхъ рынковъ до глухихъ уголковъ далекой Сибири. Эта слава банка была въ сущности славой его директора и неограниченнаго заправителя, и скоро имя „Ивана Гавриловича Рыкова-Скопинскаго“ стало сразу вызывать представленія о недюжинной финансовой величинѣ, объ искусныхъ и смѣлыхъ рукахъ, которыя держатъ завязки туго набитаго, но легко открывающагося и всегда вновь наполняемаго кошелька, о денежной силѣ, съ которою нужно считаться, трудно бороться, но за-то выгодно и полезно сойтись. А городъ Скопинъ торжественно призналъ его лучшимъ своимъ гражданиномъ и благодѣтелемъ и, отдавъ ему себя почти въ крѣпостную зависимость, почти въ рабство, безпрекословно жилъ его умомъ, смотрѣлъ его глазами, слушался его голоса, покорно лежалъ у его ногъ...

Таковы были, въ общихъ чертахъ, по внѣшности, блистательные результаты того организованнаго банковскаго кредита, который завело у себя Скопинское городское общество. Долго, почти 20 лѣтъ, оно и не подозрѣвало той простой истины, которую повѣдалъ намъ Рыковъ въ своихъ объясненіяхъ, что „кредитъ есть огонь“; онъ, Рыковъ,—взрослый человѣкъ, умѣющій съ нимъ обращаться и имъ пользоваться, а скопинскіе граждане—дѣти, могущія только обжечься этимъ огнемъ. Оно не знало—это злополучное городское общество—того, что такъ

хорошо зналъ и на дѣлѣ доказалъ его почетный гражданинъ Рыковъ, что если кредитъ есть колоссальная сила, могучее орудіе гражданскаго оборота, то сила эта—опасная, взрывная, орудіе обоюдоострое. Оно упустило изъ виду, что „кредитъ, дающій возможность получить цѣнность безъ немедленной за нее расплаты, есть прежде всего „довѣріе", а довѣріе зависитъ отъ „честности". И если честность исчезаетъ въ кредитѣ, то какъ бы ни казались велики его средства, чрезъ его открытыя двери рано или поздно войдутъ рука объ руку разореніе однихъ, нравственное паденіе другихъ, преступленія третьихъ. Эта-то бѣда и случилась со Скопинскимъ общественнымъ банкомъ, потому что въ немъ, какъ впослѣдствіи показали событія, вмѣсто честности, все было построено на лжи, обманѣ и самомъ разнузданномъ, дерзкомъ хищеніи. Внезапно, осенью 1882 года, для пораженнаго Скопина и всѣхъ, кто имѣлъ несчастіе ввѣрить его банку свои капиталы, настали черные дни, и благоденствіе, выгоды—смѣнились нежданнымъ-негаданнымъ горемъ. Быстро, какъ дымъ, разсѣялось долго длившееся очарованіе, разомъ свалились грубо размалеванныя декораціи, обставлявшія то, что творилось въ банкѣ, и печальная, постыдная дѣйствительность обнаружилась во всей своей наготѣ. Оказалось, что выгодное помѣщеніе денегъ, вдругъ превратившееся въ пустое мѣсто, было въ сущности огромнымъ капканомъ, въ который на разнообразныя приманки завлекались легковѣрные вкладчики; оказалось, что банкъ былъ простою ширмой, за которою, подъ видомъ кредита, удовлетворялась одна лишь корысть; открылось, что созданныя и содержимыя банкомъ въ городѣ Скопинѣ благотворительныя и воспитательныя заведенія воздвигнуты на зыбучемъ пескѣ по названію—банковскихъ, а на самомъ дѣлѣ—мошенническихъ операцій, и должны раздѣлить участь проваливающагося банка. 20-лѣтнее, съ виду блестящее, а въ дѣйствительности лживое и искусственное существованіе Скопинскаго банка завершилось грандіознымъ крушеніемъ, почти безпримѣрнымъ, по характеру причинъ, его вызвавшихъ, по массѣ и тяжести вреда, имъ причиненнаго. Изслѣдованіе этихъ причинъ обнаружило, что вся долголѣтняя дѣятельность банка

была одною длинною цѣпью растратъ и подлоговъ. Естественный, неизбѣжный итогъ этой дѣятельности выразился грозными цифрами: исчезли основной и запасный капиталы—болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей, — частныхъ вкладовъ расхищено почти на 12 милліоновъ рублей, а въ остаткѣ ничтожная движимая и недвижимая наличность, но за-то—жалкое утѣшеніе—безнадежныя груды разной обязательственной бумаги, по странному совпаденію, на ту же приблизительно 12-милліонную цифру. При такихъ обстоятельствахъ явилась и приняла въ свое вѣдѣніе то, что̀ осталось отъ Скопинскаго банка, судебная власть; на ея долю достались, вмѣстѣ съ посильнымъ удовлетвореніемъ пострадавшихъ сохранившимися еще крохами, гигантскій трудъ разслѣдованія и конечное сведеніе предъ страной и закономъ всякихъ, и нравственныхъ, и имущественныхъ, счетовъ Скопинскаго банка. Судебному слѣдователю пришлось быть кропотливымъ изслѣдователемъ этого кредитнаго учрежденія плачевной и темной памяти; его историкомъ приходится теперь стать прокурору. Вы же, мм. гг., судьи, вышедшіе изъ того самаго общества, среди котораго дѣйствовалъ банкъ, скажете ваше послѣднее слово о томъ: чѣмъ былъ Скопинскій общественный банкъ, что̀ привело его къ катастрофѣ, кто такіе — смущенно стоящіе теперь предъ вами его дѣльцы, съ своимъ руководителемъ во главѣ, и чего ожидать имъ отъ честныхъ людей и общественной совѣсти?!

На мнѣ, представителѣ государственнаго обвиненія, лежитъ обязанность посильно помочь вамъ произнести приговоръ, согласно съ истиной и справедливостью. Я долженъ, на основаніи данныхъ судебнаго слѣдствія, указать вамъ на преступленія и виновныхъ, которые довели Скопинскій банкъ до крушенія, а самихъ себя до скамьи подсудимыхъ. Сдѣлать это можно разными способами, и на выборѣ одного изъ нихъ я позволю себѣ мимоходомъ остановить ваше благосклонное вниманіе. Настоящее дѣло очень обширно и сложно, къ тому же—принадлежитъ къ числу тѣхъ трудныхъ дѣлъ, въ которыхъ спеціальныя свѣдѣнія и особая техника играютъ видную роль. Своеобразный финансовый, банковый міръ, наполненный понятіями

и явленіями, недостаточно ясными для непосвященныхъ, спеціальный языкъ и техническіе термины этого міра, непривычные постороннему слуху, цѣлая библіотека лежавшихъ здѣсь красивыхъ—не книгъ, скорѣе альбомовъ, въ которыхъ Скопинскій банкъ изъ году въ годъ оставлялъ какъ бы фотографическія изображенія своей внѣшности, безконечные денежные разсчеты, цифры, выкладки, комбинаціи, — вотъ та область, въ которой всѣмъ намъ, участвующимъ въ процессѣ, предстоитъ разобраться. Можно поэтому, слѣдуя примѣру Рыкова, при каждомъ удобномъ случаѣ выдвигать и разрѣшать, приличные ему, финансовые и экономическіе вопросы; можно, хотя мы, подобно городскому головѣ Иконникову, и не учились двойной бухгалтеріи, все-таки попытаться овладѣть всѣми подробностями счетоводства и операцій Скопинскаго банка, — можно, но не нужно и не должно—и я смѣю думать, что было бы даже неблагоразумно вводить васъ въ этотъ дремучій лѣсъ банковскихъ хитросплетеній и обременять вашу память мелочами бухгалтеріи гг. Матвѣева и Швецова и всѣми извивами спекуляцій ихъ оборотливаго повелителя. Для ихъ уразумѣнія достаточно нѣсколькихъ главнѣйшихъ положеній, высказанныхъ почтенными экспертами, а главное—правильная постановка нашего собственнаго отношенія къ дѣлу Скопинскаго банка. Интересны и важны политико-экономическіе вопросы, сложны бухгалтерскія компликаціи,—но наша задача гораздо проще и выше. Уголовный законъ, запрещающій, подъ страхомъ наказанія, брать чужое; нравственныя побужденія совѣсти, гласящія, что обирать ближняго, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, безчестно и постыдно, такъ какъ ближнему это причиняетъ вредъ; наконецъ простой здравый смыслъ, называющій черное чернымъ, а ложь, какъ бы закутана она ни была, все-таки ложью—таковы наши точки зрѣнія, орудія нашего судейскаго разсмотрѣнія. Съ этими-то орудіями я и приглашаю васъ вмѣстѣ со мною подойти къ распростертому предъ вами трупу Скопинскаго банка,—ихъ довольно, для вскрытія и опредѣленія причинъ его смерти. Да я и заявляю открыто, что не чувствую себя способнымъ справиться съ чуждою мнѣ банковскою техникой, а кромѣ того,

въ прямыхъ интересахъ дѣла и ясности вашего о немъ сужденія, не вижу и надобности ломать копья, на этомъ поприщѣ, съ такими опытными и искусными банковыми дѣятелями, какъ гг.: Рыковъ, Матвѣевъ, Евтихіевъ, Швецовъ... Вся дѣятельность ихъ и товарищей ихъ по Скопинскому банку даетъ мнѣ полное основаніе къ самому безхитростному, такъ сказать, уголовно-житейскому изложенію ея предъ вами въ главнѣйшихъ и наиболѣе важныхъ ея проявленіяхъ, которыя и безъ особыхъ усилій съ моей стороны стройно слагаются въ одну яркую и краснорѣчивую картину. Послѣ судебнаго слѣдствія, не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что всѣ финансовыя соображенія и разсчеты дѣльцовъ Скопинскаго банка заключались въ томъ, чтобы какъ можно больше положить въ свой карманъ довѣренныхъ имъ частныхъ и общественныхъ капиталовъ, а вся фантастическая бухгалтерія ихъ сводилась къ тому, чтобы эти хищническія дѣянія покрыть и раскрасить безчисленными подлогами. Несмотря на всѣ наставительныя поученія Рыкова объ общихъ экономическихъ причинахъ, будто бы вызвавшихъ крушеніе Скопинскаго банка, я весьма затрудняюсь понять, при чемъ тутъ, во дни уголовнаго суда, политическая экономія и теорія кредита, и, да не посѣтуютъ на меня подсудимые, если, не отвлекаясь въ желательные имъ туманы, я постараюсь преимущественно сосредоточить ваше вниманіе на простомъ разрѣшеніи простого вопроса о томъ, кто, въ какой мѣрѣ и какимъ образомъ расхитилъ милліоны Скопинскаго банка.

Бываютъ дѣла, въ которыхъ обвинять, доказывать виновность, уличать виновныхъ почти значитъ просто разсказывать, какъ происходило событіе. Порядокъ, котораго я предполагаю держаться въ моихъ, по необходимости, довольно продолжительныхъ и пространныхъ объясненіяхъ предъ вами, въ значительной степени опредѣляется именно главными обстоятельствами настоящаго дѣла—этой лѣтописи жизни и надежды Скопинскаго банка. Изучая теперь его развалины, мы должны прежде всего познакомиться съ его устройствомъ и общимъ ходомъ его дѣятельности отъ открытія и до крушенія, что и составитъ, такъ сказать, внѣшнюю исторію погибшаго кредитнаго установле-

нія. Затѣмъ, обзоръ отдѣльныхъ его операцій дастъ внутреннюю его исторію, которая будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исторіей его преступленій, потому что въ Скопинскомъ банкѣ всѣ операціи совпадали и отождествлялись со злоупотребленіями. Далѣе, личная харастеристика подсудимыхъ и ихъ участіе въ этихъ злоупотребленіяхъ, каждаго въ отдѣльности и въ систематическихъ сочетаніяхъ ихъ между собою, установитъ распредѣленіе виновности, а слѣдовательно и отвѣтственности. Наконецъ, нѣсколько общественно-нравственныхъ итоговъ, не безполезныхъ для васъ, судей внутренняго убѣжденія и общественной совѣсти,—и моя задача будетъ исполнена.

Если мы, гг. присяжные засѣдатели, бросимъ общій взглядъ на всю исторію Скопинскаго банка съ его основанія въ 1863 г. до его крушенія въ 1882 году, то увидимъ, что черезъ эту исторію ярко проходятъ два противоположныя теченія: одно—казовое, другое—закулисное. Одно гласитъ, что въ банкѣ не только все обстоитъ благополучно, но все идетъ превосходно, банкъ процвѣтаетъ и, благодаря дѣятельности своихъ заправилъ, это есть одно изъ самыхъ солидныхъ учрежденій въ Россіи; другое теченіе шагъ за шагомъ бросаетъ въ эти утѣшительныя заключенія цѣлый рядъ сомнѣній, которыя сначала смущаютъ, потомъ пугаютъ, а наконецъ дѣлаютъ свое дѣло: закулисное прорывается наружу, и банкъ погибаетъ. Но прежде чѣмъ говорить о Скопинскомъ банкѣ, необходимо остановиться на тѣхъ правилахъ, которыми онъ руководствовался, которыми опредѣлялась его дѣятельность, и необходимо въ самыхъ общихъ главнѣйшихъ чертахъ познакомиться съ тѣмъ нормальнымъ положеніемъ о городскихъ общественныхъ банкахъ 1862 г., противъ котораго въ теченіе 10 дней судебнаго слѣдствія были направлены всѣ стрѣлы краснорѣчія подсудимаго Рыкова. Это нормальное положеніе, на основаніи котораго былъ учрежденъ Скопинскій банкъ и по которому онъ дѣйствовалъ, въ сущности исчерпывается немногими началами: городской общественный банкъ состоитъ при городской думѣ, подъ отвѣтственностью и наблюденіемъ ея, или, лучше сказать — городского общества. Вклады, помѣщающіеся въ банкъ, составляющіе главное его

богатство и связь его съ публикою, обезпечиваются ручательствомъ и отвѣтственностью всего городского общества. Далѣе, во главѣ банка находится правленіе, состоящее изъ директора и двухъ товарищей, изъ которыхъ одинъ завѣдываетъ кассою. Эти должностныя лица состоятъ на общественной службѣ, пользуются служебными правами и преимуществами, несутъ и служебныя обязанности. Банкъ составляетъ присутственное мѣсто, имѣетъ въ своей присутственной комнатѣ зерцало и должностную печать. Директоръ и его товарищи, вступая въ свои обязанности, даютъ письменное обѣщаніе дѣйствовать по совѣсти и... злая насмѣшка надъ подсудимыми, — безъ всякаго лицепріятія. При правленіи банка состоитъ канцелярія изъ извѣстнаго числа бухгалтеровъ и помощниковъ, штаты которыхъ опредѣляются городскою думою, по согласію съ правленіемъ банка. Ему разрѣшаются операціи—пріема вкладовъ на храненіе, учеты векселей, ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ и процентныхъ бумагъ и, наконецъ, послѣдняя операція, покупка и продажа процентныхъ бумагъ, при чемъ при самомъ учрежденіи каждаго банка опредѣляется съ точностью, какія операціи этому банку разрѣшены. Дѣйствуя при такихъ условіяхъ, банкъ поставленъ и въ извѣстныя рамки своей дѣятельности, и хотя эти рамки теперь отрицаются подсудимымъ Рыковымъ, но нужно замѣтить, что, по ст. 29 норм. полож. и дополнительному закону 1870 года, рамки, изъ которыхъ не должна выходить дѣятельность банка, установлены весьма точно и положительно. Но кромѣ этихъ рамокъ, банкъ поставленъ еще и подъ ближайшій надзоръ городского общества, въ чемъ законъ усматриваетъ прямую гарантію для правильности его дѣйствій. Банкъ, говорится въ нормальномъ положеніи, отвѣчаетъ исключительно передъ городскимъ обществомъ. Каковы же средства, предоставленныя этому городскому обществу, чтобы осуществлять свой надзоръ за дѣятельностью банка? Этихъ средствъ немного, но они дѣйствительны. Прежде всего, каждый мѣсяцъ правленіе банка вмѣстѣ съ городскимъ головою при двухъ гласныхъ производятъ ревизію кассы и повѣрку ея съ книгами и документами; затѣмъ годовые отчеты банка

представляются въ городскую думу, которая назначаетъ трехъ опытныхъ гражданъ, повѣряющихъ этотъ отчетъ, послѣ чего онъ утверждается думою, и наконецъ копіи съ этихъ отчетовъ представляются министру финансовъ, какъ выражено въ положеніи—„для свѣдѣнія". Затѣмъ закономъ 1879 года предоставлено усмотрѣнію думы для большаго наблюденія за вѣрностью операцій банка учреждать учетный комитетъ, въ вѣдѣніе котораго и поступаетъ вексельная операція. Такой учетный комитетъ при Скопинскомъ банкѣ не былъ учрежденъ, да въ немъ и надобности уже не было, потому что въ 1879 году дѣла банка выяснились окончательно, и ясно было, отъ кого зависитъ учетъ въ этомъ банкѣ. Затѣмъ, капиталы банка раздѣлялись на два: основной и запасный. Основной долженъ быть не менѣе 10,000 руб.; запасный долженъ оставаться неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока не нужно будетъ покрыть какихъ-нибудь убытковъ. Этотъ капиталъ долженъ увеличиваться изъ прибылей банка, которыя получаютъ извѣстное правильное распредѣленіе: часть его идетъ на увеличеніе капиталовъ основного и запаснаго, часть на содержаніе правленія и канцеляріи банка и часть въ доходъ города на потребности призрѣнія, воспитанія, и т. д. Не трудно сдѣлать выводъ изъ этихъ положеній закона: городскіе банки учреждаются для города въ интересахъ мѣстныхъ торговцевъ, въ размѣрахъ мѣстныхъ потребностей. Предѣлами этихъ потребностей города и его обывателей опредѣляется кругъ дѣятельности, а слѣдовательно и размѣры операцій каждаго городского банка; правленіе банка подлежитъ отвѣтственности; оно находится подъ надзоромъ и ручательствомъ городского общества, и т. д. Въ силу этихъ законоположеній, въ апрѣлѣ 1863 года изъ городскихъ суммъ было отчислено въ особый капиталъ 10,000 руб.; затѣмъ избранъ личный составъ правленія банка, во главѣ котораго сталъ директоръ Рыковъ. Изъ всѣхъ послѣдующихъ должностныхъ лицъ банка я отмѣчаю преданныхъ вашему суду товарищей директора, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ находится И. Рудневъ, потому что, за отсутствіемъ Рыкова, онъ всегда исполнялъ его должность; далѣе

В. Руднева, который былъ кассиромъ до 1881 года, и Н. Иконникова, вступившаго въ должность товарища директора въ 1881 году и замѣнявшаго В. Руднева въ качествѣ кассира; письмоводителемъ, безсмѣннымъ секретаремъ банка состоялъ Евтихіевъ; бухгалтеромъ — почти съ самаго основанія банка вступившій на службу — былъ подсудимый Матвѣевъ, а съ 1872 года бухгалтеромъ сдѣлался Швецовъ, а помощниками Альяшевъ и Земцовъ. Первоначально операціи банка были ограничены только двумя предметами: пріемомъ вкладовъ на храненіе и ссудою подъ недвижимыя имущества и процентныя бумаги. Но уже въ первое время послѣ открытія этихъ операцій онѣ оказались недостаточными; понадобилось болѣе значительное расширеніе ихъ, и вотъ поступило куда слѣдуетъ ходатайство о прибавленіи третьей операціи — учета векселей. Затѣмъ съ 1865 года появляется въ дѣятельности Скопинскаго банка четвертая операція — покупки и продажи процентныхъ бумагъ, которою завершился кругъ дѣятельности банка и которою онъ былъ доведенъ до крушенія. Затѣмъ не безъинтересно постановленіе Скопинскаго городского общества о распредѣленіи прибылей, которыя давалъ Скопинскій банкъ. Часть ихъ отчислялась въ запасный капиталъ, другая часть шла на содержаніе самого банка, которое стоило около 40,000 руб., а затѣмъ остальныя прибыли дѣлились на три части: одна поступала въ доходъ города, другая на общественное призрѣніе и воспитаніе и третья причислялась къ основному капиталу. При такихъ условіяхъ дѣйствовалъ Скопинскій банкъ, и казовая сторона этой дѣятельности была сначала и почти до конца, если судить по отчетамъ, — блестящею. Прибылей поступала масса; онѣ исчислялись милліонами. Одинъ городъ Скопинъ получилъ на свою часть 571,000 р. прибылей, изъ которыхъ въ настоящее время остается въ городской кассѣ 113,000 р. На эти прибыли широко раскинулась общественная благотворительность Скопинскаго банка. Были учреждены учебныя заведенія, богадѣльни, пріютъ, получившій наименованіе Рыковскаго, библіотека и другія общеполезныя заведенія. Получая большія прибыли, банкъ не скупился и щедро раздавалъ деньги на городскія надобности,

на разныя пособія, при чемъ и должностныя лица не были обойдены. Таковы были прибыли Скопинскаго банка; но еще лучше были проценты, которые банкъ платилъ на вклады и которые свидѣтель іеромонахъ Никодимъ назвалъ прелестью, такъ заманчиво расписанною въ газетахъ, разносившихъ ее по всему широкому пространству земли русской, прелестью, выражавшеюся въ $7^1/_2\%$ и въ концѣ концовъ оказавшеюся, по выраженію того же свидѣтеля, „Божіею карою“. Самъ банкъ бралъ по учету векселей 8%, но платимые имъ проценты возрастали въ быстрой прогрессіи: съ 1863 до 1867 года банкъ платилъ 5% по безсрочнымъ, 6 по срочнымъ, $6^1/_2$ по вѣчнымъ вкладамъ; но затѣмъ этотъ процентъ къ 1871 году увеличился до 6% по безсрочнымъ, до 7 по срочнымъ и до $7^1/_2$ по вѣчнымъ. Не нужно быть Рыковымъ, чтобы сказать, что такого процента не даетъ никогда ни одинъ, по крайней мѣрѣ, городской общественный банкъ. Сообразно такому прогрессивному увеличенію процента увеличивался и притокъ вкладовъ, питавшихъ существованіе Скопинскаго банка. Столичныя газеты, провинціальные листки, губернскія и епархіальныя вѣдомости—все наполнялось объявленіями Скопинскаго банка. Эти объявленія по своему содержанію представляютъ то, что̀ принято называть рекламою. Въ нихъ банкъ и его операціи расхваливались сколько было возможно; онѣ были направлены къ тому, чтобы возбудить въ читателѣ желаніе какъ можно скорѣе и болѣе положить своихъ денегъ въ Скопинскій банкъ, потому что помѣщеніе вѣрное и процентъ большой. Въ этихъ рекламахъ говорилось о капиталахъ банка, о его блестящихъ операціяхъ и прибыляхъ, и еще въ 1867 году въ „Сынѣ Отечества“ приводилась рѣчь, произнесенная Рыковымъ въ Скопинской городской думѣ при утвержденіи отчета—а вы помните какъ утверждались эти отчеты—рѣчь, въ которой директоръ заявлялъ, что при помощи Всемогущаго Бога Скопинскій банкъ дошелъ до невиданнаго процвѣтанія, сдѣлался первымъ изъ русскихъ банковъ,—я прибавлю: дай Богъ, чтобы онъ былъ и послѣднимъ. Были впослѣдствіи и рекламы полемическаго характера, выступавшія уже на борьбу, въ которыхъ

оспаривались начавшіе раздаваться голоса объ истинномъ положеніи банка, когда стали закрадываться сомнѣнія, когда нужно было принимать мѣры спасенія. Такія рекламы печатались въ 1881 и 1882 годахъ, но къ нимъ мы еще возвратимся. Во всѣхъ этихъ рекламахъ указывалось на милліонный основной и запасный капиталы, на ручательство скопинскаго общества за свой банкъ имуществомъ въ нѣсколько милліоновъ рублей, на безпрепятственный возвратъ вкладовъ не только лично, но и посредствомъ высылки его вкладчикамъ. Таковы были яркія краски, которыми правленіе банка расписывало свое учрежденіе, и вклады лились въ него широкою рѣкою. Шесть тысячъ человѣкъ имѣли несчастіе довѣрить свои капиталы Скопинскому банку; составъ этихъ людей весьма разнообразенъ, но въ немъ преобладаютъ бѣдные вкладчики, при чемъ, по словамъ свидѣтеля Родзевича, первенствующее мѣсто занимаетъ духовенство. Скопинскій банкъ, благодаря тому, что его объявленія-рекламы съ особенною щедростью распространялись повсюду, въ провинціальныхъ городахъ пользовался большою популярностью; изъ монастырей и сельскихъ приходовъ духовенство несло свои вклады; не обходили ими Скопинскій банкъ и разныя другія учрежденія—богоугодныя заведенія, земства, заведенія учебныя, немногія, къ счастью, крестьянскія общества и даже алтайская духовная миссія. Вклады шли со всѣхъ концовъ Россіи, не было такого далекаго края, который не прислалъ бы въ Скопинскій банкъ часть своихъ сбереженій. Не было только вкладчиковъ изъ города Скопина, не болѣе двухъ человѣкъ; мало ихъ было и изъ Рязанской губерніи, всего 16 лицъ и на ничтожную сумму въ 19,000 руб., которые при сопоставленіи съ общею суммою вкладовъ составляютъ менѣе $1^0/_0$. Такимъ образомъ происходило странное явленіе: въ то время, какъ Скопинскій банкъ былъ заваленъ вкладами со всѣхъ концовъ Россіи, та мѣстность, гдѣ банкъ дѣйствовалъ, какъ бы умышленно обходила его. Но это явленіе понятно: зачѣмъ вносить деньги въ банкъ, когда ихъ можно было свободно брать оттуда? Въ Рязанской губерніи знали, что́ представлялъ собою Скопинскій банкъ, и жители ея не безъ предусмотрительности искали

болѣе вѣрнаго помѣщенія своимъ деньгамъ. Но со всѣхъ другихъ сторонъ вклады текли и возрастали въ ужасающей прогрессіи: въ 1867 году, черезъ 4 года по открытіи банка, вкладовъ поступило на 1.400.000 руб., къ 1 января 1868 года ихъ было на 2.200,000 руб., къ 1 января 1869 г. — на 4.000,000 руб., въ 1877 г. — на 9 000,000 р., въ 1878 г. на 10.000,000 руб. и въ 1882 г. количество вкладовъ дошло до 11.800,000 р. Да, много было вкладовъ въ Скопинскомъ банкѣ, и не даромъ обращали на это количество вниманіе нѣкоторые изъ скопинскихъ гражданъ; не даромъ указывали они руководителямъ банка, что денегъ какъ будто бы слишкомъ много и что хотя деньги хорошая вещь, но не лучше ли поосторожнѣе обращаться съ ними. Вы слышали, какой отвѣтъ былъ данъ на это: „кашу масломъ не испортишь“, сказалъ подсудимый Рыковъ, и въ этомъ отвѣтѣ, въ его смыслѣ сказался и подсудимый. и его погибшій банкъ. Дѣйствительно, банкъ былъ кашею; дѣйствительно, деньги, притекавшія въ него, были масломъ, которое нужно было для того, чтобы колеса не скрипѣли; но масла переложили и кашу съѣсть не могли, она оказалась несъѣдобною. Такъ процвѣталъ Скопинскій банкъ, но уже во время самаго процвѣтанія неоднократно въ разныхъ мѣстахъ, у разныхъ лицъ появлялось сомнѣніе: да полно, все ли такъ въ дѣйствительности, какъ оно расписывается въ газетахъ, отчетахъ и рѣчахъ Рыкова, все ли обстоитъ благополучно, что̀ дѣлаетъ банкъ съ массою вкладовъ и даже цѣлы ли эти вклады? И вотъ шагъ за шагомъ идутъ сомнѣнія и предостереженія. Еще въ 1875 и 76 годахъ та самая кредитная канцелярія, которая, по убѣжденію Рыкова, много виновата въ крушеніи банка, обращала его вниманіе на нѣкоторыя неправильности въ отчетахъ, въ которыхъ хотя еще неясно, но уже проглядывала неточность. Въ 1876 и 1877 годахъ въ особую канцелярію по кредитной части и въ министерство финансовъ стали поступать сначала анонимныя, а потомъ подписанныя заявленія посторонннихъ лицъ о томъ, что въ Скопинскомъ банкѣ неблагополучно. Эти заявленія, между прочимъ,

указывали на то, что не нужно оставлять „волка въ овчарнѣ“, и понятно было, кого подъ „волкомъ“ разумѣли заявители. Показанія ихъ содержали въ себѣ такія данныя и цифры, что директоръ банка Рыковъ былъ вызванъ въ канцелярію и отъ него потребовали объясненій. Онъ отвѣчалъ указаніемъ на блистательные отчеты и категорическимъ, подложнымъ удостовѣреніемъ, что въ банкѣ нѣтъ фиктивныхъ билетовъ, нѣтъ негарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ и что все идетъ отлично. Наконецъ, онъ обѣщалъ уменьшить пріемъ вкладовъ, энергически приняться за взысканія по просроченнымъ векселямъ, продать процентныя бумаги на удовлетвореніе вкладчиковъ и прекратить рискованную операцію покупки и продажи процентныхъ бумагъ. Въ отвѣтъ на эти заявленія министерство финансовъ предложило Рыкову прекратить и печатаніе рекламъ. Онъ обѣщалъ это исполнить. Затѣмъ въ 1880 и въ 1881 годахъ поступили къ разнымъ должностнымъ лицамъ заявленія мѣщанина Богатырева о безпорядкахъ, совершающихся въ Скопинскомъ банкѣ, затѣмъ заявленія шести гласныхъ, но всѣ эти заявленія никакого результата не имѣли. Причины этого дѣлаются понятными, если мы присмотримся ближе къ обстановкѣ и условіямъ дѣятельности Скопинскаго банка. По отчетамъ, дѣла банка шли отлично, вкладчики были довольны, банкъ получалъ хорошія прибыли. При такомъ положеніи вещей отдѣльныя заявленія можно легко было опорочить, можно было приписать имъ низкія побужденія, и т. п., и они не могли имѣть никакого значенія, особенно когда со стороны самого городского общества, кромѣ благодарности правленію банка, ничего не исходило. Но развязка была близка, она была неизбѣжна и совершилась сама собою. Въ 1882 году начали появляться въ газетахъ статьи, неблагопріятныя для Скопинскаго банка. Однимъ изъ первыхъ органовъ печати, гдѣ была помѣщена подобная статья, былъ „Русскій Курьеръ“. За нимъ стали появляться статьи въ другихъ изданіяхъ, статьи, предостерегавшія вкладчиковъ Скопинскаго банка и указывавшія на растрату вкладовъ. Крушеніе банка было неизбѣжно, и оно совершилось при извѣстныхъ вамъ

обстоятельствахъ. Лѣтомъ 1882 года стали собираться въ Скопинъ вкладчики его банка съ требованіями о возвратѣ вкладовъ. Требованій была такая масса, что на нихъ не только не успѣвали отвѣчать, но даже не успѣвали ихъ записывать, и цѣлыя груды присланныхъ вкладныхъ билетовъ были найдены судебнымъ слѣдователемъ при осмотрѣ кассы банка. Вмѣстѣ съ приливомъ вкладчиковъ и ихъ требованіями о возвратѣ денегъ, началось укрывательство членовъ правленія и особенно директора Рыкова. Вы помните показанія свидѣтелей Кожевникова и Станкевича и заявленіе самого подсудимаго Рыкова о томъ, какъ великъ былъ наплывъ вкладчиковъ. Подсудимый считалъ даже свою жизнь въ опасности и утверждаетъ, что нѣкоторые вкладчики ходили съ заряженными револьверами. Затѣмъ изъ показанія Станкевича мы знаемъ, что когда онъ пожелалъ видѣть лично директора, его привели въ присутственную комнату банка и показали тамъ изображеніе Рыкова, а когда свидѣтель попытался проникнуть въ домъ Рыкова, то двое часовыхъ, поставленныхъ у подъѣзда, прогнали его. Между тѣмъ, несмотря на этотъ громадный приливъ вкладчиковъ, несмотря на ихъ усиленныя требованія, пріемъ вкладовъ въ Скопинскій банкъ все-таки продолжался, такъ что въ послѣдніе два мѣсяца поступило вкладовъ въ банкъ, уже давно на самомъ дѣлѣ несуществовавшій, на 162,000 р. Наконецъ въ августѣ 1882 г. судебная власть приступила къ своимъ воздѣйствіямъ. До 1 сентября продолжалась предварительная переписка, результатомъ которой было возбужденіе предварительнаго слѣдствія и въ концѣ концовъ, по указу правительствующаго сената, слѣдствіе окончилось преданіемъ вашему суду всѣхъ наличныхъ, передъ вами сидящихъ, подсудимыхъ.

Если мы возьмемъ Скопинскій банкъ въ минуту его крушенія, т.-е. 2 октября 1882 года, и посмотримъ, чѣмъ онъ былъ по книгамъ и документамъ, съ одной стороны, и въ дѣйствительности, съ другой, то намъ представится слѣдующая картина: основного капитала значится по балансу 1.005,000 р., а въ дѣйствительности нѣтъ ни одной копѣйки; по журналу

правленія отъ 17 апрѣля 1882 года значится вкладовъ на 1.600.000 руб., а въ дѣйствительности въ кассѣ банка процентными бумагами и наличными деньгами оказалось 9,641 руб., но изъ нихъ 7,256 р. описаны еще раньше судебнымъ приставомъ. За-то векселей оказалось на 12.400.000 руб.—какъ по балансу, такъ и въ дѣйствительности. Затѣмъ по балансу на текущемъ счету значится 300,000 руб., а въ дѣйствительности текущій счетъ въ конторахъ Волкова уже давно былъ законченъ и послѣдніе десятки рублей получены. Что же остается у банка? А вотъ тѣ 2,000 руб. наличными, оставшіеся въ кассѣ, да залоговъ въ недвижимыхъ имуществахъ на 365,000 рублей. Противопоставьте этому — цифру въ 12.000,000 руб. расхищенныхъ вкладовъ. Двѣнадцати милліоновъ нѣтъ, но есть векселя и векселей этихъ много: одного Рыкова на 7.000,000 р., его старшаго товарища на 220,000 руб. и разныхъ лицъ, болѣе или менѣе близко стоявшихъ къ банку, слишкомъ на 1.000,000 руб., а всего векселей срочныхъ на 7.479,000 руб. и просроченныхъ на 3.000,000 руб., да исполнительныхъ листовъ на 1.000,000 руб., всего на $12^1/_2$ милліоновъ. Отсюда выводъ напрашивается самъ собою: банкъ является несостоятельнымъ должникомъ; и эксперты по общему учету, произведенному ими за время существованія банка съ 1863 по 1881 годъ, пришли къ заключенію, что если бы даже по векселямъ получилось рубль за рубль, то и тогда банкъ получаетъ убытка 357,250 руб. 12 октября 1882 года, опредѣленіемъ Рязанскаго окружного суда, Скопинскій банкъ признанъ несостоятельнымъ должникомъ по торговлѣ и его дѣла переданы въ вѣдѣніе присяжныхъ попечителей, а потомъ конкурснаго управленія. Что же въ настоящее время остается отъ Скопинскаго банка и что получатъ его вкладчики? На это мы имѣемъ положительный отвѣтъ. Теперь, сказалъ намъ предсѣдатель конкурса, въ его распоряженіи находится 731,000 руб., но это еще не все; можно ожидать дальнѣйшихъ поступленій, и вотъ когда дѣла банка будутъ окончательно ликвидированы, можно ожидать, что вкладчики получатъ по

18 коп. за рубль или всего около 2.' 00.000 руб. Такимъ образомъ предѣльные пункты двадцатилѣтней дѣятельности Скопинскаго банка опредѣляются двумя цифрами: получено 12.000,000 руб., возвращено 18 коп. за рубль. Десять милліоновъ рублей исчезли безслѣдно. Нельзя не согласиться съ свидѣтелемъ Альбановымъ, что Скопинскій банкъ былъ бездонною бочкою, въ которую сколько ни лили денегъ, онѣ уходили безслѣдно; банкъ былъ какъ бы рѣшетомъ, черезъ которое ушло 12.000,000 р. Куда же дѣвались такія громадныя суммы, кого спросить объ этомъ, гдѣ искать ихъ, кто виноватъ въ этомъ исчезновеніи? Виноватые здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ. Мы и спрашиваемъ подсудимыхъ, отчего произошло крушеніе Скопинскаго банка, кто виновенъ въ расхищеніи 12.000,000 руб.? Въ отвѣтъ мы слышимъ странныя объясненія, и ихъ результатъ оказывается совершенно неожиданнымъ. Если вѣрить подсудимымъ, то никто изъ нихъ не виноватъ. Рыковъ не виноватъ потому, что служилъ 30 лѣтъ обществу, заботился объ общественныхъ пользахъ, благодѣтельствовалъ бѣднымъ, украшалъ городъ Скопинъ; виноваты, по его словамъ, нормальное положеніе о банкахъ, кредитная канцелярія, виновато отсутствіе контроля. Рудневы тоже невиноваты, потому что они были „такъ себѣ“ для счета, для подписи, при чемъ И. И. Рудневъ, давая свои объясненія, не можетъ удержаться отъ движенія руки по воздуху, которое показываетъ, какъ онъ подписывалъ. Н. Иконниковъ невиноватъ потому, что ничего не понималъ и, хотя былъ кассиромъ, но по принужденію. Матвѣевъ тоже невиноватъ, потому что въ концѣ каждаго года, во время составленія отчетовъ, уѣзжалъ лѣчиться или молиться Богу. Невиноватъ и Евтихіевъ, который былъ только письмоводителемъ банка для того, чтобы скрѣплять беззаконія, но онъ въ этихъ беззаконіяхъ не участвовалъ даже и совѣтомъ. Далѣе, В. Овчинниковъ тоже невиноватъ, потому что у него большое семейство, большія родственныя связи, притомъ онъ имѣетъ мягкій, уступчивый характеръ. В. Иконниковъ невиноватъ потому, что не учился двойной бухгалтеріи, а, будучи городскимъ головою, самъ не можетъ отдать себѣ отчета — въ думѣ ли онъ предсѣдательствовалъ или страдалъ

бѣлою горячкою. Итакъ, никто невиноватъ, а 12.000,000 руб. нѣтъ какъ нѣтъ, и на вопросъ, куда они дѣвались—не находимъ отвѣта Не будемъ же спрашивать объ этомъ у подсудимыхъ, будемъ сами искать эти деньги по тѣмъ слѣдамъ, которые остались въ бумагахъ и книгахъ Скопинскаго банка. Если мы и не найдемъ денегъ, то найдемъ тѣ пути, по которымъ онѣ улетѣли въ пространство.

Главныя злоупотребленія, совершавшіяся въ Скопинскомъ банкѣ и составляющія предметъ вашего разсмотрѣнія, сводятся къ должностнымъ преступленіямъ, преступленіямъ противъ обязанностей службы. Всѣ должностныя преступленія могутъ быть разбиты на три главныя категоріи, всѣ сводятся къ нарушенію трехъ главныхъ служебныхъ обязанностей, которыми лицо должностное обязано передъ закономъ, правительствомъ, обществомъ и своею совѣстью. Такъ, каждое должностное лицо, во-первыхъ, соблюдаетъ предѣлы предоставленной ему власти, а если эти предѣлы имъ нарушаются, то оно превышаетъ свою власть; во-вторыхъ, оно всегда и вездѣ обязано говорить, а въ особенности писать и удостовѣрять только правду; если нарушается эта обязанность, то лицо совершаетъ подлогъ, и, въ-третьихъ, оно обязано хранить ввѣренное ему имущество больше, чѣмъ собственное, и если эта обязанность не исполняется, а имущество обращается въ свою или чужую пользу, то мы имѣемъ дѣло съ присвоеніемъ и растратою. Мы уже знаемъ, гг. присяжные засѣдатели. что деньги поступали въ общественный городской Скопинскій банкъ путемъ вкладовъ, а выходили изъ него нѣсколькими путями; было открыто нѣсколько клапановъ, черезъ которые деньги выбрасывались направо и налѣво; по словамъ свидѣтеля Альбанова, ихъ даже „таскали просто шапками“. Изъ показанія этого свидѣтеля видно, въ какой операціи нужно искать причинъ исчезновенія денегъ и главную причину крушенія банка. Операція эта учеты векселей. Мнѣ нѣтъ надобности останавливаться въ подробности на этой операціи, о которой такъ много здѣсь говорилось. Вы—люди житейскаго опыта, хорошо знаете, въ чемъ заключается эта операція. Я остановлю ваше вниманіе только на одной особенности. По

словамъ экспертовъ, операція учета векселей заключается въ томъ, что банкъ, принимая представленные къ учету векселя, какъ бы покупаетъ ихъ у предъявителя; затѣмъ каждый вексель гарантируется двумя подписями, представляетъ ручательство предъявителя и векселедателя, такъ что банкъ получаетъ право взыскивать по векселю съ двухъ лицъ, его подписавшихъ. Ручательство ихъ состоитъ въ томъ, что деньги по векселю были даны и что лицо имѣетъ кредитоспособность. Учетъ векселей, безъ сомнѣнія, представляетъ важное орудіе кредита, и такимъ его считалъ подсудимый Рыковъ, который говорилъ, что его цѣль была, посредствомъ широкаго развитія этой операціи, оживить мѣстную промышленность и торговлю. Но учетъ векселей въ Скопинскомъ банкѣ обрисовывается другими чертами. Скопинскій банкъ векселей не учитывалъ, онъ просто давалъ деньги векселедателю и хотя вексель имѣлъ двѣ подписи, но подпись, притомъ самая главная, подпись бланконадписателя была чистѣйшею формальностью, какъ это удостовѣряютъ всѣ свидѣтели. Затѣмъ банкъ не принималъ ни одной мѣры изъ тѣхъ, которыя указываются закономъ и практикою къ тому, чтобы эта операція совершалась правильно. Такъ, вопреки положительнаго требованія 44 ст. нормальн. полож., Скопинскій банкъ не велъ списка кредитующихся лицъ, съ показаніемъ разрѣшеннаго имъ кредита, тогда какъ этотъ списокъ установленъ закономъ какъ гарантія того, чтобы банкъ давалъ деньги только лицамъ кредитоспособнымъ. Къ этой гарантіи впослѣдствіи законъ прибавилъ учрежденіе учетнаго комитета, но въ Скопинскомъ банкѣ не было и учетнаго комитета. Подсудимый Рыковъ въ своихъ объясненіяхъ на предварительномъ слѣдствіи говорилъ, что списки не велись, чтобы не огласить всей массы учтенныхъ векселей и тѣмъ не повредить банку. Затѣмъ въ Скопинскомъ банкѣ, какъ я уже сказалъ, деньги выдавались не предъявителю, а почти всегда векселедателю. Операція эта производилась крайне просто: лицо приходило въ банкъ съ векселемъ, на немъ ставился бланкъ первымъ попавшимся съ улицы человѣкомъ и деньги выдавались. Такой учетъ, конечно, не могъ быть сообразованъ съ состоятельностью заем-

щика, и подобный порядокъ утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что это былъ не учетъ векселей, а простая ссуда подъ клочекъ вексельной бумаги. Ни дѣйствительныхъ журнальныхъ постановленій, ни обсужденій кредитоспособности лица, желающаго учесть вексель, не производилось; все разрѣшалось личнымъ усмотрѣніемъ директора Рыкова, къ которому посылался реестръ векселей, на которомъ онъ помѣчалъ, кому деньги выдать, а кому отказать. За отсутствіемъ Рыкова эту обязанность исполнялъ его товарищъ И. Рудневъ; остальныя должностныя лица были, по ихъ словамъ, только для счета и подписей. Послѣ выдачи денегъ вексель спокойно лежалъ въ банкѣ до наступленія срока, а когда срокъ наступалъ, банкъ или его правленіе обезпокоивались не взысканіемъ, а перепискою векселя, и съ этою цѣлью, какъ удостовѣряютъ свидѣтели, служащіе банка посылались даже на домъ къ векселедателямъ и напоминали имъ, что вексель надо переписать. Векселя переписывались, съ приписку процентовъ. Даже процентовъ почти никто не платилъ, и здѣсь говорилось какъ объ особенной заслугѣ тѣхъ, кто платилъ проценты. По словамъ Рыкова, онъ допускалъ переписку векселей потому, что будто бы это дѣлается во всѣхъ банкахъ, что онъ въ этихъ случаяхъ совѣтовался съ своими товарищами, но послѣдніе утверждаютъ, что директоръ справлялся съ ихъ мнѣніемъ только относительно мелкихъ векселей. Но нельзя сказать, чтобы изъ товарищей директора никто не принималъ въ разрѣшеніи учета векселей или во взысканіи по нимъ, или въ оставленіи ихъ безъ взысканія никакого участія. Передъ вами въ послѣдній день судебнаго слѣдствія прошелъ, такъ сказать, письменный разговоръ между Овчинниковымъ и Матвѣевымъ. Въ этомъ разговорѣ шла рѣчь о томъ, что въ отсутствіи Рыкова товарищъ его И. Рудневъ не соглашался на переписку векселей, а потому, говоритъ Матвѣевъ, съ этимъ несогласіемъ нужно считаться. Отсюда надо заключить, что не совсѣмъ пассивно, по крайней мѣрѣ не всегда пассивно относился къ этой операціи И. Рудневъ. Такимъ образомъ, онъ не только умѣлъ подписывать, но и разсматривалъ и разрѣшалъ или отказывалъ переписку векселей

и самъ по своимъ векселямъ всегда платилъ проценты и въ этомъ отношеніи даже составлялъ исключительное явленіе. Эта переписка векселей и платежъ процентовъ отмѣчались въ Скопинскомъ банкѣ характерною чертою: платили проценты и капитальную сумму, по словамъ свидѣтелей, только мелкіе заемщики, а крупные почти никогда. Переписывали векселя, съ приписью къ нимъ процентовъ, преимущественно должностныя лица банка и люди, близко стоящіе къ нимъ и къ Рыкову; переписывали и нѣкоторые петербургскіе заемщики. Затѣмъ переписанные такимъ образомъ векселя никогда не обращались ко взысканію, но за-то неоднократно уже направленные ко взысканію или, по крайней мѣрѣ, векселя, переданные для этого агентамъ банка, брались отъ нихъ обратно. Вы помните изъ показанія свидѣтеля Иванова, повѣреннаго банка, объ исторіи съ векселями И. Афанасова, сначала стоявшаго далеко къ Рыкову, даже во враждебныхъ къ нему отношеніяхъ, а впослѣдствіи его зятя и въ настоящее время несостоятельнаго должника, находящагося подъ стражею. Вы помните, что векселя И. Афанасова были переданы Иванову для взысканія, но уже на другой день взяты обратно, и до ? октября 1882 года эти векселя оставались въ банкѣ безъ взысканія. Затѣмъ, другой агентъ банка свидѣтель Тремеръ говорилъ вамъ, что въ Скопинскомъ банкѣ дѣйствительнаго взысканія по векселямъ почти вовсе не производилось. Онъ привелъ вамъ цифры: ему были передаваемы обязательства для взысканія на 1.400,000 руб., а дѣйствительно взыскано имъ только 114,000 руб. При этомъ обязательства передавались ему не для того, чтобы взыскать по нимъ деньги, а по особымъ побужденіямъ, изъ особыхъ цѣлей, по особымъ распоряженіямъ Рыкова, съ тѣмъ, чтобы только угрозою взысканія достичь того или другого желаемаго Рыковымъ результата. Да Рыковъ даже и не любилъ, чтобы нѣкоторые вліятельные заемщики банка уплачивали свой долгъ; даже больше: кредитъ въ банкѣ прямо навязывали тѣмъ, кто могъ быть полезенъ. Таковы были характеристическія черты операціи учета векселей въ Скопинскомъ банкѣ

Какъ и слѣдовало ожидать, гг. присяжные засѣдатели,

больше всѣхъ учетною операціею пользовался самъ директоръ банка, подсудимый Рыковъ. Онъ стоялъ во главѣ этого учрежденія, смотрѣлъ на него, какъ на свою собственность, какъ на свою, рыковскую, контору; онъ же и пользовался имъ широкою рукою, и вотъ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ долгомъ Рыкова, столько же громаднымъ, сколько сложнымъ и запутаннымъ; внушительною цифрою 7.000,000 руб. опредѣляется онъ, и хотя эта цифра номинальна, а на долю дѣйствительнаго позаимствованія Рыкова падаетъ, по приблизительному исчисленію экспертовъ, $1^1/_2$ милліона, изъ которыхъ самъ Рыковъ признаетъ одинъ милліонъ; но прежде всего насъ интересуетъ самый способъ кредитованія Рыкова, самый порядокъ учета его векселей. Рыковъ—директоръ банка, Рыковъ—неограниченный его глава, какимъ же образомъ онъ устраиваетъ учетъ своихъ векселей? Оказывается, что это крайне просто: векселя пишутся у Рыкова на дому, пишутъ ихъ его домашніе секретари и одинъ изъ нихъ, Шестовъ, цѣлыми пачками приноситъ ихъ въ банкъ, предъявляетъ кассиру, тотъ записываетъ, товарищъ директора И. Рудневъ помѣчаетъ, т.-е. разрѣшаетъ учетъ;—это была его главная обязанность,— и тѣмъ процедура кончается, деньги выдаются. Подсудимый И. Рудневъ говоритъ, что его дѣло было только помѣтить векселя, а какіе это векселя—фиктивные или дѣйствительные, объ этомъ знаетъ кассиръ, а кассиръ В. Рудневъ, при которомъ начался и продолжался этотъ долгъ, ничего не знаетъ; другой кассиръ Н. Иконниковъ чувствовалъ, что дѣлается что-то неладное и даже заявлялъ объ этомъ городскому головѣ Иконникову, но все это оставалось безъ результата. Затѣмъ долгъ Рыкова обставляется въ банкѣ таинственностью: только немногіе изъ служащихъ банка, посвященные въ его дѣла, знаютъ объ этомъ долгѣ, знаютъ только тѣ, которымъ нужно знать для того, чтобы оформить... Это слово играло въ Скопинскомъ банкѣ большую роль, тамъ знали только два глагола: брать и оформить то, что̀ брали. Одни брали, а другіе проводили по книгамъ—это и значило „оформить“. Тайна, обставлявшая долгъ Рыкова, доходила до того, что А. Оводовъ, несмотря на то, что былъ крестникъ Рыкова, чуть-чуть не былъ уволенъ

за то, что не впору вздумалъ заглянуть въ книгу, гдѣ красовался долгъ Рыкова. Затѣмъ, одинъ изъ помощниковъ бухгалтера получилъ приказаніе оставить въ главной книгѣ за 1878 годъ двѣ строчки, чтобы потомъ въ нихъ можно было внести дѣйствительную сумму долга Рыкова, но впослѣдствіи, несмотря на всѣ свои старанія, свидѣтель не добился указанія, что въ эти строчки нужно записать, и узналъ о долгѣ Рыкова только при помощи нескромности, заглянувъ въ частную выписку Матвѣева, гдѣ увидѣлъ, что цифра долга Рыкова была въ 6.000,000 руб., а не въ 3.000,000, какъ значилось въ книгахъ. Я не буду останавливаться на возрастающей прогрессіи этого долга, и только напомню вамъ тотъ листъ, испещренный цифрами снизу вверхъ, который на языкѣ экспертовъ называется діаграммою и который такъ картинно изображаетъ этотъ, поистинѣ монументальный долгъ. До 1866 года на векселяхъ Рыкова бланки ставили лица постороннія. Очевидно, тогда будущая сила еще не окрѣпла, еще не была такою силою, какою явилась впослѣдствіи, еще нужно было постороннее ручательство во взятіи денегъ изъ банка, еще соблюдалось приличіе. Затѣмъ, главною бланконадписательницею стала являться жена Рыкова, хотя по временамъ все еще являлись и постороннія лица; но вотъ съ января 1867 года всякія церемоніи остаются въ сторонѣ и деньги берутся изъ банка, такъ сказать, семейнымъ образомъ: мужъ подписываетъ векселъ, жена ставитъ на немъ бланкъ, а касса банка выдаетъ деньги. Само собою разумѣется, что при этомъ и рѣчи не могло быть объ уплатѣ не только капитальнаго долга, но даже процентовъ. Векселя переписываются, проценты приписываются къ капитальному долгу и онъ растетъ, растетъ безъ конца и является въ суммѣ 6.800,000 руб. Но въ этомъ числѣ не всѣ векселя изображаютъ собою дѣйствительное позаимствованіе, не всѣ означаютъ деньги, взятыя изъ банка, и не всѣ выданы для самого Рыкова. Въ составъ этой суммы входятъ векселя на покрытіе фиктивныхъ прибылей банка, фиктивнымъ же учетомъ векселей производится увеличеніе кассы, затѣмъ — погашеніе векселей людей, нужныхъ Рыкову. Этими же векселями покры-

ваются деньги, просто взятыя изъ конторъ Волкова. Такимъ образомъ, подобныхъ векселей насчитывается на сумму 5.327.000 р. и, если ее вычесть изъ общей суммы долга Рыкову, то дѣйствительное его позаимствованіе выразится въ суммѣ 1.493.313 рублей — эти деньги подсудимый Рыковъ взялъ наличностью изъ своего злополучнаго банка. А такъ какъ мы знаемъ изъ дѣла, что у Рыкова, кромѣ того, частныхъ долговъ оказывается на 500,000 руб., а имущества его, если окажутся успѣшными всѣ мѣры, принятыя конкурсомъ къ полученію этого имущества, будетъ не болѣе какъ на 150,000 рублей, то выводъ о несостоятельности Рыкова, уже признанной окружнымъ судомъ, представляется самъ собою. Вотъ почему подсудимый Рыковъ имѣлъ нѣкоторое основаніе неоднократно вамъ указывать на свое арестантское платье, говоря, что только оно, да больная жена и нищія дочери остались ему отъ его дѣятельности на благо русскаго общества и города Скопина. Положимъ, въ этомъ выводѣ можно было бы усомниться, если вспомнить, что только за нѣсколько дней до обнаруженія краха банка Рыковымъ принимались экстренныя мѣры къ реализаціи того, что у него еще оставалось, къ спасенію того, что можно было спасти, но спорить объ этомъ мы не будемъ съ подсудимымъ и предоставимъ ему утверждать, что кромѣ арестантскаго халата у него ничего не осталось; какъ бы то ни было, мы знаемъ, что онъ лично, для себя взялъ изъ Скопинскаго банка 1½ милліона рублей.

Рядомъ съ долгомъ Рыкова, но конечно ниже его, какъ и слѣдуетъ, по чину, стоятъ долги другихъ лицъ, но лицъ близкихъ ему. Счетъ этихъ долговъ коротокъ. Если изъ общей суммы векселей, оказавшихся въ Скопинскомъ банкѣ, вычесть долгъ Рыкова, то останется только около 2.000,000 рублей, которые приходятся на долю постороннихъ лицъ, а затѣмъ все остальное было забрано лицами, близкими къ Рыкову и притомъ вполнѣ неблагонадежными, въ смыслѣ кредитоспособности. Подсудимый Рыковъ отвѣчаетъ на это, что въ то время, когда онъ учитывалъ векселя этихъ лицъ, правленіе банка считало ихъ вполнѣ благонадежными и на учетъ ихъ векселей всегда получалось согласіе правленія, о чемъ писались журнальныя

постановленія. Но подсудимые Рудневы и Иконниковъ говорятъ, что это была простая формальность, одного приказанія Рыкова было совершенно достаточно, чтобы вексель былъ учтенъ. Остановимся на составѣ длиннаго списка должниковъ Скопинскаго банка. Прежде всего и на первомъ мѣстѣ мы видимъ самихъ членовъ правленія. Оно такъ и слѣдовало: самъ глава банка пользуется—онъ долженъ давать пользоваться и другимъ. И. Рудневъ долженъ банку 213,000 рублей, а имущества имѣлъ только на 39,000 руб.; Н. Иконниковъ беретъ 80.000 руб., а имущества имѣетъ на 26,000 руб.; И. Заикинъ, кандидатъ на должность товарища директора, иногда исполнявшій эту обязанность, имѣетъ долгу 118,000 руб., а имущества на 2,300 руб.; умершій кассиръ банка Сафоновъ оставилъ долгъ, о взысканіи котораго такъ хлопоталъ Рыковъ, въ 294,000 руб. За правленіемъ банка можно мимоходомъ указать на его служащихъ. Это люди маленькіе и невелики были ихъ долги банку. Такъ, Швецовъ долженъ не болѣе 3,500 руб., Евтихіевъ взялъ побольше—6,000 руб., на долю Альяшева и Земцова выпали ничтожныя суммы. За должностными лицами банка слѣдуютъ члены управы и гласные Скопинской городской думы. Городской банкъ состоялъ при думѣ и такъ какъ онъ былъ общимъ источникомъ кредита, то дума естественно брала изъ него не считая; мы знаемъ, что умершій городской голова Н. Афанасовъ взялъ изъ банка 400,000 руб., а сынъ его, принявшій долгъ отца,—нынѣ несостоятельный должникъ. Затѣмъ, мы знаемъ, что слѣдующій городской голова В. Овчинниковъ остается должникомъ банка на 237,000 руб. Правда, его мать обѣщала конкурсу уплатить этотъ долгъ, но исполнитъ ли она это обѣщаніе или нѣтъ—неизвѣстно, а для отвѣтственности В. Овчинникова это обѣщаніе вполнѣ безразлично, потому что не имѣлъ же онъ въ виду этой уплаты, когда пользовался такимъ неограниченнымъ кредитомъ банка. Впрочемъ, къ Овчинникову мы еще вернемся впослѣдствіи, его участіе представляетъ собою одинъ изъ интереснѣйшихъ и наиболѣе важныхъ эпизодовъ настоящаго дѣла. Послѣдующій городской голова В. Иконниковъ долженъ банку 37,000 руб., а имущества не имѣетъ никакого.

За городскими головами идутъ члены управы и гласные. Я буду называть только фамиліи, цифры долга и имущества (*здѣсь прокуроръ перечислилъ этихъ должниковъ и ихъ долги банку*). За членами управы и гласными слѣдуютъ члены ревизіонной коммиссіи, тѣ „скопинскіе сѣдые младенцы“, по выраженію Рыкова, которые на подложныхъ отчетахъ банка прикладывали свои печати. Перечислять я ихъ не буду и подведу общій итогъ. Всего на долю должностныхъ лицъ Скопинскаго городского управленія досталось 900,000 слишкомъ руб., а на долю правленія банка 600,000 слишкомъ.

Но одними должностными лицами Скопинскаго городского управленія, однимъ ихъ попустительствомъ банкъ жить не могъ: ему нужны были и другіе люди; нужно было заручиться, если не послабленіемъ, то покровительствомъ, нужно было, чтобы такіе люди имѣли свои интересы въ банкѣ, чтобы на то, что въ немъ происходитъ, смотрѣли, если не сквозь пальцы, то снисходительно, или по крайней мѣрѣ равнодушно. И вотъ мы видимъ, что Рязанскій губернаторъ кредитуется въ банкѣ на 59,000 руб., вице-губернаторъ на 26,000 руб. Затѣмъ слѣдуетъ длинный списокъ петербургскихъ должниковъ, которымъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, Рыковъ считаетъ полезнымъ для себя и своего банка щедро давать деньги: такъ, Мейнъ кредитуется на 385,000 руб.; другъ и пріятель Рыкова, Поповъ, теперь упорно отъ всего отказывающійся и старающійся разбить ту цѣпь, которая соединяетъ его на скамьѣ подсудимыхъ съ Рыковымъ, насчитываетъ за собою долгу 562,000 руб., на удовлетвореніе котораго есть домъ въ Архангельскѣ и имущества всего на 12,000 руб.; Филатовъ, тотъ самый, который, какъ вы слышали, былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ и затѣмъ скрылся и нигдѣ до сихъ поръ не розысканъ, остался долженъ банку 214,000 руб.; Анна Оводова должна 156,000 руб.; Бѣловъ, никогда Скопинскаго банка не видавшій, никогда тамъ не бывавшій и только ставившій свои бланки на векселяхъ Попова, долженъ 74,000 руб.; два брата Арефьевы должны — одинъ 175,000 руб., а другой 171,000 руб.

Исторія должниковъ Скопинскаго банка представляетъ одинъ весьма характерный эпизодъ, который лучше всего рисуетъ, какимъ образомъ брались деньги изъ банка, что̀ давалось вмѣсто нихъ банку и что̀ изъ этого произошло. Я напомню вамъ исторію долга Н. Афанасова, впослѣдствіи принятаго его сыномъ Иваномъ. Н. Афанасовъ—первый городской голова, мирволившій Рыкову, умеръ въ 1880 году, оставивъ сына Ивана и огромный долгъ банку. Объ этомъ долгѣ, о его цифрѣ, сыну извѣстно не было и, хотя онъ интересовался этимъ долгомъ, спрашивалъ отца, но тотъ отнѣкивался. Послѣ смерти его, сынъ узналъ, что долгъ превышаетъ все имущество, оставшееся послѣ отца. Возвратившись въ Скопинъ послѣ похоронъ, Иванъ Афанасовъ поступаетъ такъ, какъ на его мѣстѣ поступилъ бы каждый благоразумный человѣкъ. Онъ подаетъ мѣстному мировому судьѣ заявленіе о своемъ отказѣ отъ наслѣдства. Но въ Скопинѣ все близко къ банку, все зависитъ отъ банка, и потому заявленіе можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если Рыковъ того захочетъ и если этотъ успѣхъ будетъ согласенъ съ его выгодами. И вотъ собирается домашній совѣтъ, гдѣ предсѣдательствуетъ Рыковъ, участвуютъ Евтихіевъ и Матвѣевъ, ближайшія къ нему лица, и на этомъ совѣтѣ рѣшается, какъ поступить: рѣшаютъ, что нельзя допустить Афанасова отказаться отъ наслѣдства. Призывается самъ Афанасовъ и ему ставятъ такую дилемму: или примите наслѣдство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и долгъ банку, или уголовное преслѣдованіе по закону, истолкованному тутъ же присутствующимъ юристомъ Евтихіевымъ. Запуганный, не знающій, что̀ дѣлать, Афанасовъ беретъ назадъ свое заявленіе; такой же совѣтъ даетъ ему и самъ мировой судья Лихаревъ, а въ результатѣ—два послѣдствія: женитьба на дочери Рыкова, съ заявленіемъ о томъ, что женитьба—женитьбой, а на счетъ долга—счастье имѣть такого тестя, какъ Рыковъ, и въ концѣ концовъ—несостоятельность и личное задержаніе. Есть и другой эпизодъ. Вы помните, какъ дѣлались эти долги, помните показаніе В. Арефьева о томъ, что деньги брались большими кушами, безъ повода и надобности, при чемъ говорилось „берите больше“, при чемъ деньги раз-

вращающимъ образомъ дѣйствовали на семью Арефьева; когда нужно было выдавать вексель и на немъ ставить бланкъ, то прибѣгали къ работнику Андрею, такъ какъ, по выраженію Рыкова: все равно, кто бы ни поставилъ бланкъ, только былъ бы человѣкъ грамотный и умѣлъ бы писать свою фамилію. Затѣмъ мы знаемъ отъ свидѣтелей, что деньги не только брались, но навязывались; онѣ раздавались направо и налѣво и ихъ не бралъ только лѣнивый; деньги совѣтовали брать, чуть не приказывали. Я думаю, что другого такого примѣра не представляло и не представитъ ни одно кредитное учрежденіе. Деньги были вольныя, чужія, деньги вкладчиковъ, ихъ было много, кому-нибудь ихъ нужно было давать и онѣ давались тѣмъ лицамъ, которыя могли расплачиваться разными услугами, послабленіями, продажею совѣсти. Вообще капиталы банка, приходившіе къ нему подъ видомъ вкладовъ, моментально, по поступленіи въ банкъ, разбирались по рукамъ, раздавались подъ векселя; иногда и этихъ капиталовъ оказывалось мало; особенно въ послѣднее время существованія банка бывали такія критическія минуты, когда уже не доставало милліоновъ, когда нужно было прибѣгать къ грошамъ. Такими грошами, сравнительно съ милліонными вкладами, былъ небольшой запасный капиталъ, номинально доходившій до 195,000 руб. Капиталъ этотъ, какъ вы слышали по заключенію экспертовъ, долженъ былъ оставаться во время существованія банка неприкосновеннымъ и могъ быть обращенъ на покрытіе убытковъ и притомъ только по активнымъ операціямъ, т.-е. убытковъ по учету векселей или ссудамъ; но, по свойству этого капитала, его отнюдь нельзя было употреблять ни на покрытіе убытковъ по другимъ операціямъ, ни на удовлетвореніе по вкладамъ, потому что предполагается, что у банка всегда есть столько денегъ, чтобы удовлетворить лицъ, ввѣрившихъ ему свои капиталы. Но въ Скопинскомъ банкѣ все происходило иначе, и когда явилась надобность въ оборотныхъ суммахъ, когда нужно было погасить назойливыя требованія вкладчиковъ, когда они стали угрожать, по выраженію Рыкова, опасностью его жизни, тогда

обратились къ запасному капиталу и сдѣлали это очень просто: въ присутствіи правленія банка, при всѣхъ наличныхъ товарищахъ директора, письмоводитель Евтихіевъ показалъ законъ и объяснилъ, что въ этомъ законѣ значилось, что нужно сдѣлать именно такъ, а не иначе, и, согласно этому авторитетному указанію и по приказанію Рыкова, составлено было журнальное постановленіе о томъ, чтобы запасный капиталъ реализировать и вырученную сумму обратить на погашеніе убытковъ. А такъ какъ Евтихіевъ недаромъ законовѣдъ, то въ журнальномъ постановленіи о продажѣ процентныхъ бумагъ осторожно приведена законная причина: было сказано, что капиталъ идетъ на погашеніе убытковъ по вексельной операціи. Въ дѣйствительности было совершенно иначе, и запасный капиталъ былъ истраченъ единственно для того, чтобы удовлетворить вкладчиковъ Черкесова и Кутикова Знаетъ объ этомъ и подсудимый Матвѣевъ. Еще въ январѣ 1882 года хотѣли уже тронуть запасный капиталъ, но тогда Матвѣевъ отговорилъ отъ этого. По объясненію же Иконникова, въ мартѣ 1882 года, еще раньше того, какъ было составлено упомянутое журнальное постановленіе, слѣдовательно подложное, запасный капиталъ былъ реализованъ, процентныя бумаги его проданы и деньги пошли на удовлетвореніе вкладчиковъ, между тѣмъ какъ по книгамъ это дѣйствіе было проведено лишь черезъ три мѣсяца, именно — въ августѣ.

Раздавая деньги подъ векселя, Скопинскій банкъ занимался и другими операціями. Одною изъ нихъ, болѣе излюбленною, была покупка и продажа изъ оборотныхъ средствъ банка разныхъ процентныхъ бумагъ, при чемъ всѣ эти бумаги, въ противность нормальному положенію, оказались бумагами частныхъ обществъ, правительствомъ негарантированными и слѣдовательно подверженными сильнымъ колебаніямъ курса. Въ 1866 и въ 1867 гг.— въ первые годы существованія банка—эта операція еще только начиналась; въ 1868 году она расширилась, а въ 1869 году въ портфелѣ банка значилось на 1.500,000 руб. разныхъ акцій желѣзныхъ дорогъ, пароходства, земельныхъ банковъ и т. д.

Затѣмъ въ 1877 году банкъ сдѣлалъ съ этими бумагами искусную операцію: онъ продалъ ихъ черезъ контору Казеллакъ и при этомъ потерпѣлъ значительный убытокъ, но и въ 1881 г. такія бумаги оставались еще въ портфелѣ банка. По объясненію подсудимаго Рыкова, вклады банка помѣщались въ негарантированныя бумаги потому, что онѣ давали большій доходъ. Въ сущности эта операція можетъ быть опредѣлена двумя словами: это была неразумная биржевая игра, въ которой играли на повышеніе и пониженіе, прямо покушаясь на вкладныя средства банка.

Не болѣе стѣснялись и съ наличностью кассы и съ поступленіями, которыя въ нее слѣдовали. Дѣйствія банка, касающіяся этой наличности, распадаются на два рода: на дѣйствія коллективныя, по взаимному согласію членовъ правленія, и на дѣйствія единоличныя, исходившія отъ одного Рыкова. Вы слышали, что Скопинскій банкъ расходовалъ на себя 40,000 руб. въ годъ, но это были расходы офиціальные, значившіеся по книгамъ, имѣвшіе свой источникъ въ средствахъ нормальныхъ и слѣдовавшихъ правильному распредѣленію: на жалованье служащимъ, канцелярскія принадлежности и т. д. Но рядомъ съ этимъ былъ и другой расходъ, который Рыковъ характерно называетъ сверхсмѣтнымъ. Тутъ на первомъ мѣстѣ стоитъ жалованье не только служащимъ въ банкѣ, но и личнымъ служащимъ, домашнимъ секретарямъ Рыкова и проч., напримѣръ, Краснопѣвцеву и Шестову, которыхъ Рыковъ называетъ „вольно-практикующими служителями банка на правахъ чиновниковъ“. Нѣсколько лицъ получали ежемѣсячные оклады страннымъ способомъ: служащимъ банка назначалось жалованье больше того, что въ дѣйствительности они получали; они росписывались во всей суммѣ, а разница шла на эти оклады постороннимъ банку лицамъ. Такъ, Финогеновъ получалъ 30 рублями меньше того, въ чемъ росписывался, и эти 30 руб. шли ежемѣсячно дьякону одной изъ скопинскихъ церквей, Попову. Когда мы спросили свидѣтеля, за что получалъ Поповъ этотъ окладъ, онъ первоначально отвѣтилъ: на улучшеніе быта духо-

венства, но когда затѣмъ это обстоятельство было подвергнуто подробному выясненію, то несмотря на заявленіе Рыкова, что въ этомъ случаѣ онъ руководствовался сожалѣніемъ къ лицамъ духовнаго званія, подвергшимся сокращенію штатовъ, оказалось, что эти деньги выдавались Попову за собираніе по городу свѣдѣній, необходимыхъ для Рыкова. Затѣмъ служащіе въ банкѣ Смирновъ и товарищъ его Петровъ также удѣляли изъ своего содержанія по 50 рублей на вознагражденіе городского секретаря Виноградова. Вы помните этого свидѣтеля, его унылый, чтобы не сказать приниженный видъ, его страхъ передъ Рыковымъ, его боязнь поднять глаза на скамью подсудимыхъ, и вамъ ясно будетъ, за что онъ получалъ деньги. Онъ былъ секретаремъ думы, но часто уступалъ свое мѣсто въ собраніяхъ Евтихіеву; онъ исполнялъ всѣ порученія Рыкова; онъ ходилъ по его приказанію по лавкамъ ревизоровъ банка и заставлялъ ихъ подписываться на актахъ ревизіи отчетовъ. Въ банкѣ былъ еще другой источникъ средствъ на удовлетвореніе „сверхсмѣтныхъ расходовъ“. Банкъ больше всего любилъ наличныя деньги и, заботясь объ ихъ накопленіи, причислилъ къ нимъ серіи. Это причисленіе было удобно Серій набиралось много, иногда ихъ бывало до 300,000 руб. Подсудимый Рыковъ старался вамъ доказать, что серіи—тѣ же наличныя деньги, что онѣ имѣютъ обращеніе, какъ деньги, и что банкъ считалъ полезнымъ помѣщать въ нихъ свои расходныя суммы; но вмѣстѣ съ тѣмъ, сказалъ Рыковъ, да и мы сами это знаемъ, серіи приносятъ небольшой процентъ, который нужно считать сверхсмѣтнымъ доходомъ, а слѣдовательно, съ этимъ сверхсмѣтнымъ доходомъ можно дѣлать все, что вздумается: класть къ себѣ въ карманъ и раздавать по другимъ карманамъ. Что это неправильно, что это есть растрата средствъ банка — это до такой степени не подлежитъ сомнѣнію, что я не буду тратить времени на доказательства. Я напомню вамъ только, какъ расходовались эти проценты. Они, во-первыхъ, не записывались въ официальныя книги; они записывались въ памятную книжку кассировъ, которыми и выдавались, кому было назначено. Эту книжку вели Са-

фоновъ, потомъ Рудневъ, потомъ М. Иконниковъ. Расходъ по этой книжкѣ представляетъ сумму въ 14.000 р., а предметы его отличаются крайнимъ разнообразіемъ. Отсюда получали вознагражденіе библіотекарь, стоявшій въ особыхъ отношеніяхъ къ Рыкову и обязанный изгонять изъ читальной залы газеты, позволявшія себѣ сомнѣваться въ правильности и благоустройствѣ Скопинскаго банка; отсюда же вознаграждался цѣлый рядъ должностныхъ лицъ уѣзднаго города: почтмейстръ Петровъ, сигналисты и телеграфисты, секретарь полицейскаго управленія, два судебныхъ пристава, изъ которыхъ одинъ, по его словамъ, получалъ за то, чтобы производить успѣшно взысканія, и наконецъ вся канцелярія мѣстнаго участковаго мирового судьи. Въ этой канцеляріи дѣло было до такой степени упрощено, что мировой судья, нанимая писцовъ, говорилъ, что „вы будете получать столько-то отъ меня и столько-то отъ банка“, при чемъ жалованье отъ мирового судьи полагалось гораздо ниже банковскаго оклада. Такимъ образомъ, канцелярія мирового судьи содержалась на незаконныя средства банка. Такъ какъ деньги были незаконныя, то и выдавали ихъ тоже незаконнымъ порядкомъ: въ полученіи ихъ никто не росписывался. Очевидно, эти выдачи давались за разныя незаконныя услуги и чтобы держать нужныхъ лицъ въ зависимости. Припомните показаніе свидѣтеля Изумрудова. Я не буду его приводить въ подробности, просто изъ чувства брезгливости. Напомню только, что ему было предложено собирать сплетни и за это положено жалованье, а когда, по его словамъ, онъ такой обязанности не исполнилъ, то ему сказали: „деньги получаешь, а ничего изъ того, что говорится въ городѣ, не сообщаешь“. Вотъ за что платились банковскія деньги, вотъ какими путями уменьшались средства банка. Смыслъ этихъ расходовъ говоритъ самъ за себя. Рыкову нужно было сдѣлать такъ, чтобы вокругъ все было свое, чтобы каждое должностное лицо, каждый обыватель былъ на жалованьѣ и зналъ, что оно можетъ быть отнято, что онъ у банка въ рукахъ, слѣдовательно, долженъ дѣлать все, что отъ него потребуютъ.

Не церемонилось съ деньгами Скопинскаго банка все его правленіе, естественно не церемонился съ ними и самъ директоръ, и вотъ мы видимъ цѣлый рядъ единоличныхъ растратъ Рыкова. Такъ, имъ взято съ текущихъ счетовъ въ конторахъ Волкова въ 1879 году 88,000, въ 1880 году 135.000 руб. и въ 1881 году 84,000 руб., всего 307.000 руб. Эти деньги получены разными лицами по порученію Рыкова и имъ въ банкъ не внесены, другими словами—присвоены. Вслѣдъ за этимъ присвоеніемъ тотчасъ же идетъ, по обыкновенію, „оформленіе“, и рядомъ съ присвоеніемъ мы всегда встрѣчаемъ подлогъ. Въ концѣ каждаго года составлялось, за подписью директора и его товарищей, на этотъ разъ всѣхъ трехъ, и за скрѣпою письмоводителя Евтихіева. журнальное постановленіе о томъ, что эти деньги, давно уже истраченныя, о которыхъ забылъ даже самъ Рыковъ, будто бы представлены имъ въ банкъ, а, съ другой стороны, въ эти же числа учитываются и его векселя на эту сумму. Такимъ образомъ оказывается, что растрата покрыта векселями. По объясненію Альяшева. дѣло происходило такъ, что самыя увѣдомленія конторъ Волкова о снятіи денегъ со счета поступали не въ банкъ, а на домъ къ Рыкову, и въ послѣдній день года проводились по кассѣ и записывались въ журнальныя постановленія. Подсудимый Рыковъ считаетъ эту операцію равносильною учету его векселей. Онъ находитъ, что все равно, раньше ли онъ получилъ деньги и потомъ покрылъ ихъ векселями, или сдѣлалъ это одновременно. Подсудимые Рудневы говорятъ, что дѣлали это вслѣдствіе приказанія Рыкова, но, по словамъ послѣдняго, они изъявляли ему свое согласіе на эту операцію. Подсудимый Евтихіевъ, само собою разумѣется, дѣлалъ и писалъ все, что̀ прикажетъ Рыковъ.

Точно такъ же были присвоены Рыковымъ и деньги, полученныя повѣренными банка. Такъ, въ маѣ 1879 года агентъ банка Ивановъ взыскалъ съ Казнакова (рѣдкій случай въ Скопинскомъ банкѣ) 6,600 р. и вручилъ ихъ Рыкову, отъ котораго получилъ квитанцію, а Рыковъ положилъ эти деньги себѣ въ карманъ и на этотъ разъ даже не замѣнилъ ихъ ве-

кселемъ, объясняя, что сдѣлалъ это по забывчивости. Въ 1881 году было получено по векселямъ Виноградова 2,000 рублей. Виноградовъ говоритъ, что уплатилъ деньги Рыкову безъ свидѣтелей и росписки потребовать отъ него не смѣлъ. Въ отношеніи этого долга представляется одна подробность, которую нельзя не отмѣтить. Что деньги, полученныя съ Виноградова и представлявшія валюту его векселей, были присвоены Рыковымъ — это несомнѣнно, но сомнѣніе можетъ быть въ самомъ способѣ полученія этого долга. Можетъ быть, было и такъ, какъ говоритъ Виноградовъ, т.-е. деньги онъ уплатилъ, но можетъ быть было и иначе. Если припомнимъ, что, по словамъ Виноградова, онъ деньги уплатилъ еще въ мартѣ и 18 своихъ векселей получилъ обратно, а, по словамъ Иконникова, эти векселя только въ августѣ были переданы Рыкову, то возникаетъ такое предположеніе, не лишенное вѣроятности: не было ли это погашеніе векселей простою наградою за старую службу — посредствомъ прощенія долга. Во всякомъ случаѣ для Рыкова это погашеніе та же растрата; для его уголовной отвѣтственности это безразлично. Затѣмъ въ 1882 году на текущемъ счету въ конторѣ Волкова оставались 40,000 руб. банковскихъ денегъ. Одинъ за другимъ посылаются агенты банка, чтобы деньги снять со счета, и хотя онѣ по балансу значились въ наличности, оказалось, что уже въ августѣ этихъ денегъ не было и всѣ счеты съ конторами Волкова были заключены. Подсудимый Рыковъ признаетъ всѣ эти растраты; признаетъ, что часть денегъ взялъ самъ, а часть черезъ агентовъ и хотѣлъ внести векселя, но забылъ, а затѣмъ—куда употребилъ эти деньги, сказать не можетъ, но полагаетъ, что отдалъ ихъ вкладчикамъ, когда они осаждали банкъ и подсудимаго своими требованіями.

Уже передъ самымъ крушеніемъ банка, въ августѣ 1882 года, Рыковымъ были присвоены полученные Оводовымъ по разнымъ векселямъ 2,000 руб. Дѣла банка были такъ плохи, что нужно было спасать все, что можно. Стали собирать все, что еще оставалось, и когда получалось свѣдѣніе, что у какого-нибудь агента есть банковскія деньги, тотчасъ являлось требованіе передать

ихъ Рыкову. Вся сумма присвоенныхъ такимъ образомъ Рыковымъ денегъ выражается цифрою въ 364,000 руб.

Вотъ, гг. присяжные засѣдатели, въ самыхъ короткихъ бѣглыхъ чертахъ причины, которыя поставили Скопинскій общественный банкъ, по выраженію его директора Рыкова, въ положеніе безнадежно больного. Этого безнадежно-больного, который былъ боленъ еще съ конца шестидесятыхъ годовъ, нужно было лѣчить, чтобы поддержать его существованіе, и его лѣчили, лѣчили подлогами, преступными дѣяніями. Почти всегда бываетъ такъ при совершеніи корыстныхъ преступленій: гдѣ дѣло нечисто, тамъ всегда является ложь, тамъ нужно скрывать, прятать концы; чтобы безнаказанно пользоваться чужимъ, часто совершенно необходимо дѣлать подлоги. Особенно въ банковскомъ дѣлѣ подлоги — необходимые спутники хроническихъ злоупотребленій. Когда банкъ начинаетъ опустошаться, когда онъ служитъ предметомъ хищеній, тогда только одни подлоги даютъ возможность продолжать въ теченіе нѣкотораго времени обычныя операціи, слѣдовательно—совершать новыя и новыя злоупотребленія, пользоваться вновь притекающими чужими деньгами. Подлогами банкъ раскрашивается, маскируется и умирающему придается видъ не только живого, но и здороваго учрежденія. Злоупотребленія, растраты расхищаютъ имущество банка, а подлоги даютъ средства и возможность, хотя въ теченіе нѣкотораго времени, держать въ обманѣ и разоряемаго вкладчика, и публику, которая знакомится съ блестящими отчетами банка и вводится въ заблужденіе, ввѣряя дальнѣйшія свои сбереженія, и въ концѣ концовъ разоряется все больше и больше. Подлоги въ Скопинскомъ банкѣ были двухъ родовъ—по цѣли совершенія: одни имѣли назначеніемъ давать банку возможность продолжать свои операціи, тогда какъ въ дѣйствительности ихъ нужно было давно покончить, и балансировать его счеты; другіе—скрывали отъ публики и подлежащихъ властей то, что происходило въ банкѣ. Но эти подлоги составляли одно цѣлое, это были зубчатыя колеса одной сложной машины, которыя цѣплялись другъ за друга, такъ что если вынуть одно, то вся

машина разстроится. Въ этомъ отношеніи въ Скопинскомъ банкѣ практиковались фиктивныя операціи, въ числѣ которыхъ стоитъ на первомъ планѣ фиктивная продажа и покупка процентныхъ бумагъ на нѣсколько милліоновъ рублей.

Въ концѣ каждаго года и началѣ слѣдующаго всѣ служащіе въ банкѣ были исключительно заняты этою операціею, которая производилась двумя способами: во-первыхъ, процентныя бумаги негарантированныя покупались или проводились по книгамъ въ январѣ; затѣмъ въ декабрѣ того же года показывались проданными, притомъ за цѣну высшую, напримѣръ, показывались купленными за 100, а проданными за 120. Такимъ образомъ получалось 20% прибыли, которая и относилась въ прибыли банка, чѣмъ средства банка фиктивно увеличивались на эту сумму. Такъ дѣлалось съ бумагами негарантированными, а съ бумагами государственными продѣлывалась другая операція, по времени покупки и продажи обратная и имѣвшая другую цѣль, но также подложная. Государственныя бумаги покупались или показывались купленными въ концѣ года, а въ январѣ слѣдующаго показывались проданными, притомъ за ту же самую цѣну. Первая операція—покупки и продажи негарантированныхъ бумагъ, фиктивно увеличивала прибыли банка на разницу между цѣною покупки и цѣною продажи, а вторая операція—съ гарантированными бумагами, была нужна для того, чтобы къ 1 января показать въ отчетѣ бо́льшее или нужное количество государственныхъ бумагъ въ кассѣ банка, потому что если бы ихъ въ отчетѣ не значилось, а портфель банка былъ обремененъ частными бумагами, то у всѣхъ читателей отчета и въ правительственныхъ сферахъ могло зародиться сомнѣніе, а этого-то заправилы Скопинскаго банка боялись больше огня. Суммы, на которыя производилась операція, были по обыкновенію фиктивныя, лица же, ее совершавшія,—подставныя. Такихъ подставныхъ лицъ было немного: подсудимый И. Лазаревъ, впослѣдствіи, въ качествѣ учетчика, провѣрявшій книги банка, затѣмъ нерозысканный должникъ Филатовъ, который въ сущности лично не фигурировалъ въ этой

операціи, а только игралъ роль хозяина, именемъ котораго и по его довѣренности дѣйствовалъ Краснопѣвцевъ, и, наконецъ, самъ Краснопѣвцевъ, уже отъ себя покупавшій и продававшій бумаги. Совершалась операція такъ: подставное лицо подписывало объявленіе, оно проводилось по книгамъ и покупка или продажа дѣлалась въ полномъ порядкѣ, а тѣ выводы, которые изъ этой операціи слѣдовали, вносились въ отчетъ. Однимъ словомъ, все дѣлалось какъ слѣдуетъ; недоставало немногаго: процентныхъ бумагъ и денегъ, все остальное было въ порядкѣ по той прекрасной бухгалтеріи, которая была устроена въ Скопинскомъ банкѣ стараніями подсудимаго Матвѣева. Въ концѣ 1877 и началѣ 1878 года эта длинная операція покупки и продажи процентныхъ бумагъ была завершена, по мѣткому опредѣленію защитника Рыкова, генеральною сдѣлкою. Генеральною она была и по способу исполненія и по суммѣ. Въ декабрѣ 1877 года Скопинскій банкъ продалъ, черезъ контору Казеллакъ, партію процентныхъ бумагъ и потерпѣлъ убытокъ на 1.170,000 рублей. Этотъ убытокъ нужно было покрыть конечно фиктивными прибылями. Для этой цѣли подсудимый Краснопѣвцевъ, хорошо вамъ памятный старичокъ, продаетъ банку билеты 2-го выпуска на 3.409,000 рублей. Это было 30 декабря, а 31 декабря тотъ же Краснопѣвцевъ покупаетъ у банка эти же самые билеты, но уже за 4.700,000 рублей и такимъ образомъ въ одинъ день Краснопѣвцевъ даетъ банку прибыли 1.295.000 рублей. Вы помните, что это тѣ самые милліоны, отъ которыхъ Краснопѣвцевъ, отвѣчая на вопросы предсѣдателя, открещивался, говоря: „избави Богъ“. Сумма получилась значительная; ее надо было распредѣлить и она распредѣлена такъ: 1.170,000 руб. записаны на погашеніе убытковъ отъ продажи процентныхъ бумагъ, а затѣмъ остальные 119,000 руб. зачислили въ прибыли, и банкъ такимъ образомъ оказался въ барышахъ. Поэтому подсудимый Рыковъ имѣетъ основаніе сказать, что отъ этой операціи банкъ не потерпѣлъ убытка и если есть какая-нибудь потеря, то развѣ потеря Краснопѣвцева, продавшаго бумагъ на 3.000,000,

а купившаго ихъ за 4.000,000 и затѣмъ кончившаго скамьею подсудимыхъ. Вообще, если бы въ житейскомъ обиходѣ пожелать найти уподобленіе этой операціи, то кромѣ самаго обыкновеннаго жонглерства и фокуса ничего указать нельзя. Кто же продѣлывалъ эти фокусы и какъ они записывались по книгамъ банка? Само собою разумѣется, что мысль и здѣсь, какъ вездѣ и во всемъ въ дѣятельности Скопинскаго банка, принадлежала подсудимому Рыкову; руки, исполненіе принадлежало другимъ— согласнымъ съ Рыковымъ во всемъ, его товарищамъ и слугамъ. Рыковъ, послѣ разныхъ финансовыхъ выкладокъ съ своимъ бухгалтеромъ Матвѣевымъ пришелъ къ заключенію, что нужно увеличить прибыль банка на такую-то сумму, увеличить конечно фиктивно. Отъ разсчета этой суммы зависѣла и цѣна бумагъ и количество ихъ. Подсудимый Рыковъ не смущается этой операціей, онъ признаетъ ее и говоритъ, что дѣлалъ это для того, чтобы не пугать вкладчиковъ. При этомъ Рыковъ выражается загадочно, говоритъ, что совѣтовался съ нѣкоторыми петербургскими лицами, что эта операція практиковалась будто бы не въ одномъ Скопинскомъ банкѣ. Тутъ подсудимый Рыковъ вступилъ на тотъ скользкій путь подмигиванія и инсинуацій, которыхъ онъ держался во время судебнаго слѣдствія и которыя въ концѣ-концовъ привели его къ удаленію изъ залы засѣданія.

Послѣ Рыкова дѣятельнымъ лицомъ въ этой операціи былъ подсудимый Матвѣевъ. Несмотря на то, что во время генеральной сдѣлки онъ отсутствовалъ изъ банка, но, по словамъ всѣхъ подсудимыхъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, главное участіе въ этой операціи принималъ именно онъ. По показанію Рудневыхъ, когда они колебались подписывать милліонныя покупки и продажи Краснопѣвцева, ихъ уговаривалъ Матвѣевъ, а по словамъ Лазарева, когда онъ явился въ банкъ, чтобы на фиктивномъ объявленіи сдѣлать свою подпись, онъ нашелъ тамъ одного Матвѣева и подписалъ объявленіе по его указанію. Затѣмъ, разсказываетъ Альяшевъ, до начала хронической болѣзни и богомольнаго настроенія Матвѣева, въ концѣ каждаго года

этой операціи предшествовали совѣщанія Рыкова съ Матвѣевымъ. Отсюда Матвѣевъ выносилъ указанія, которыя передавалъ Земцову и Швецову для дальнѣйшаго исполненія. Съ 1877 года дѣла измѣнились, Матвѣевъ сталъ уѣзжать въ отпускъ, а его совѣщанія съ Рыковымъ замѣнились совѣщаніями Альяшева и Земцова, при чемъ на помощь приглашался и Евтихіевъ, которому вообще многое было поручаемо. Но если Матвѣевъ отсутствовалъ лично, то онъ присутствовалъ незримо: въ банкѣ были его свѣдѣнія, его опытность; онъ оставлялъ черновые листки съ выборками цифръ. Матвѣевъ уѣзжалъ, а свои выборки передавалъ Рыкову. Объявленія писались и подписывались подставными лицами, а цифры, которыя нужно было проставить въ объявленіяхъ, ставились лицами подчиненными— Альяшевымъ и Земцовымъ. Всѣ въ банкѣ знали о фиктивности этихъ сдѣлокъ; подписи на объявленіяхъ еще до начатія отпусковъ собиралъ Матвѣевъ; онъ же тщательно хранилъ у себя всѣ бумаги, относящіяся до этой операціи. Подсудимый Евтихіевъ также зналъ о фиктивности сдѣлокъ; онъ говоритъ, что кромѣ его скрѣпы отъ него ничего не нужно было. Подсудимый И. Рудневъ, не понимавшій „что и къ чему“, удивлялся этой операціи; ему казалось страннымъ, что Краснопѣвцевъ, который получалъ 50 руб. жалованья, былъ личнымъ слугою Рыкова, покупаетъ и продаетъ бумаги на милліоны. Но Рудневъ колебался недолго: Рыковъ приказалъ, и Рудневу осталось одно—подписывать, и онъ подписывалъ. Подсудимый Краснопѣвцевъ въ этомъ не обвиняется. Участіе его въ этой фиктивной сдѣлкѣ было также фиктивное, и вы помните, какъ онъ разсказывалъ объ этомъ участіи: Рыковъ призывалъ его къ себѣ, клалъ передъ нимъ листъ бумаги и говорилъ „пиши“. Онъ писалъ и подписывалъ, но то, что подписывалъ, читать ему не давали. Только впослѣдствіи онъ узналъ, что въ теченіе двухъ дней онъ былъ милліонеромъ.

Для того, чтобы осуществить эту фиктивную операцію, нужно было въ отчетахъ и книгахъ банка имѣть соотвѣтственную наличность, а такъ какъ взять ее неоткуда, то является тотъ

же Краснопѣвцевъ и на этотъ разъ уже съ фиктивнымъ милліоннымъ вкладомъ. 30 декабря 1877 года, въ самый день генеральной продажи процентныхъ бумагъ, Краснопѣвцевъ подаетъ 9 объявленій, при которыхъ будто бы вноситъ въ банкъ на храненіе 2.516,000 руб. На этихъ объявленіяхъ излагается журнальное постановленіе, подписанное Рудневыми и Евтихіевымъ, о принятіи вклада, и такимъ образомъ получается наличность. На другой день, т.-е. 31 декабря, 1.216,000 руб. показываются выданными обратно, а остальные 1.300,000 руб. возвращаются черезъ три дня. Краснопѣвцевъ сдѣлалъ это по приказанію Рыкова; текстъ объявленій писалъ Евтихіевъ, и онъ же, по словамъ свидѣтелей, въ присутствіи Швецова уговаривалъ членовъ правленія подписывать постановленія не колеблясь. Всѣ подсудимые не отрицаютъ фиктивности этого вклада, который былъ необходимъ для дополненія предыдущей операціи. Такимъ образомъ этимъ вкладомъ завершилась серія разсматриваемыхъ преступленій.

Но, какъ бы ни велики были вклады, все-таки ихъ оказывалось мало, чтобы балансировать милліонныя цифры въ отчетахъ. Для этого былъ придуманъ очень простой способъ. Такъ какъ въ Скопинскомъ банкѣ широко практиковался учетъ векселей, такъ какъ подписывать ихъ ничего не стоило, кромѣ цѣнности вексельной бумаги, то естественно было обратиться къ фиктивному учету векселей, и вотъ съ 1877 по 1881 годъ длинною цѣпью тянется этотъ фиктивный учетъ. Я напомню вамъ только порядокъ и цѣль этой операціи. Въ 1877 и 1878 годахъ было учтено векселей Рыкова на 2.245,000. Изъ этой суммы 1.295,000 были употреблены для покрытія фиктивной прибыли отъ сдѣлки съ Краснопѣвцевымъ. Съ 1879 до 1881 года ежегодный учетъ производился для того, чтобы одними процентами увеличивать прибыли. Этихъ процентовъ считается на 678,000 р. Далѣе, фиктивный учетъ векселей имѣлъ еще цѣль—увеличеніе кассы, напримѣръ, къ 1 января 1881 года она была увеличена на 697,000 р. Этотъ фиктивный учетъ подсудимый Альяшевъ проводилъ по книгамъ, замѣняя собою подсудимаго Матвѣева, ко-

торый, уѣзжая въ отпускъ, передавалъ ему выборку, касающуюся этого учета.

Затѣмъ, нѣсколько словъ еще объ одной операціи, имѣвшей ту же самую цѣль—фиктивномъ муссированіи прибылей банка. Эта операція заключается въ уменьшеніи количества процентовъ, выданныхъ вкладчикамъ. Ежегодно извѣстное количество процентовъ оставалось невыданными и они должны были находиться въ банкѣ налицо. Правленіе банка, въ теченіе 19 лѣтъ, съ 1863 по 1882 годъ, каждогодно составляло журнальное постановленіе объ исключеніи изъ общаго количества невыданныхъ процентовъ извѣстной суммы на покрытіе невзысканныхъ долговъ. Такихъ процентовъ за все время исключено 509,000 рублей. Но такъ какъ все это было фиктивно, то тѣмъ самымъ фиктивно увеличивались прибыли, показывавшіяся въ отчетахъ, и для этой операціи, по словамъ Земцова, данныя доставлялъ Матвѣевъ, а по словамъ Альяшева, Матвѣевъ же передавалъ выборки, на основаніи которыхъ письмоводитель составлялъ постановленія и операція проводилась по книгамъ.

Всѣ эти операціи нужны были и для благополучной ревизіи и удобнаго составленія отчета, а ревизіи и отчеты—для введенія въ обманъ публики, общества и правительства, и вотъ такимъ образомъ мы переходимъ къ составленію въ Скопинскомъ банкѣ чуть не съ перваго года его существованія ежегодныхъ подложныхъ фиктивныхъ отчетовъ. Отчеты Скопинскаго банка по закону были двухъ родовъ: одинъ отчетъ представлялся въ городскую думу, — копія другого посылалась въ министерство финансовъ для свѣдѣнія. Остановимся на составленіи отчетовъ, посылавшихся въ министерство финансовъ. По словамъ Рыкова, планъ отчета составлялся имъ, а приводился въ исполненіе служащими, которые были только его орудіями. Отчеты не могли быть дѣйствительными, такъ какъ составлялись по книгамъ, а въ книгахъ все было наполнено ложью. Книги были согласны одна съ другою, но съ дѣйствительностью согласны не были, и это несогласіе отражалось въ отчетахъ. Такимъ образомъ отчеты были однимъ сплошнымъ искаженіемъ истины. Перечисленіе всѣхъ невѣрностей въ отчетахъ завело

бы насъ слишкомъ далеко, а потому я укажу лишь на нѣкоторыя: въ портфелѣ банка показывалось государственныхъ бумагъ больше, чѣмъ частныхъ; прибыли, доставляемыя фиктивною покупкою и продажею бумагъ, увеличивались на милліонныя суммы; за послѣдніе три года существованія банка, съ 1879 по 1881 годъ, прибыли отъ учета векселей увеличены на 600,000 руб., чистая прибыль за всѣ годы была показана въ 2.224,000 р., а сумма векселей сообразно этому прогрессивно уменьшалась: въ 1877 г. на 1.170,000 и въ 1881 году на 1.700,000, но за-то наличность кассы увеличилась и это увеличеніе за 4 года дало 2.600,000. Кромѣ того, съ 1879 года векселя срочные затасовывались, показывались слитно съ протестованными векселями, чтобы послѣдними не пугать публику. Эти отчеты подписывались всѣмъ правленіемъ банка: директоромъ Рыковымъ, товарищами его Рудневыми и Иконниковымъ, бухгалтеромъ Матвѣевымъ, а затѣмъ Земцовымъ и скрѣплялись Евтихіевымъ. Затѣмъ отчеты, посылаемые въ министерство въ 1872, 1873 и 1878 по 1881 годъ, были тождественны съ думскими, а въ 1875, 1876 и 1877 годахъ въ отчетахъ министерству были уменьшаемы даже противъ думскихъ отчетовъ остатки протестованныхъ векселей. И эти отчеты подписывались также правленіемъ, но при этомъ въ подписяхъ замѣчается характерная перемѣна: до 1876 года отчеты въ министерство подписываются Швецовымъ, въ 1876 г. впервые является исправляющимъ его должность Шестовъ, который никогда не былъ бухгалтеромъ банка, онъ былъ частнымъ секретаремъ Рыкова; въ 1877 отчетъ подписываетъ Земцовъ, а въ 1878 бухгалтеромъ является Краснопѣвцевъ и, наконецъ, въ 1880 и 1881 годахъ, за недостаткомъ даже подставныхъ лицъ, бухгалтеромъ считается Евтихіевъ, который и подписываетъ отчеты. Далѣе насъ не можетъ не интересовать самый способъ составленія отчетовъ, и въ этомъ отношеніи мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній. До 1876 года составленіе отчетовъ лежало на Матвѣевѣ, который былъ душою этого дѣла и который получалъ непосредственно отъ Рыкова всѣ нужныя указанія. Съ 1876 года Матвѣевъ сталъ уѣзжать въ отпуски, и составленіемъ

отчетовъ стали заниматься Альяшевъ и Земцовъ. Это составленіе всегда обставлялось строгою таинственностью; непосвященныхъ въ отчеты старались устранять отъ проникновенія въ тайну и для этого составители запирались въ комнатѣ присутствія. Для болѣе секретнаго составленія отчетовъ книги отбирались отъ служащихъ и передавались лицамъ, спеціально назначеннымъ для составленія отчета. Такимъ образомъ былъ составленъ въ отсутствіе Матвѣева отчетъ 1876 года, но составленъ по черновымъ выборкамъ Матвѣева. А по словамъ Смирнова, Матвѣевъ, возвратившись въ январѣ 1877 года, просмотрѣлъ и одобрилъ его. Подсудимый Матвѣевъ клялся здѣсь передъ вами, что все относящееся къ составленію отчетовъ, съ того времени, какъ онъ сталъ уѣзжать въ отпускъ, ему не было извѣстно; что прежде онъ все дѣлалъ по приказанію Рыкова, но, замѣтивъ невѣрности въ отчетахъ, сталъ уклоняться отъ составленія ихъ. Но всѣ эти старанія Матвѣева устранить себя отъ участія въ этомъ дѣлѣ разбиваются о правдивыя показанія многихъ свидѣтелей и самихъ обвиняемыхъ. Такъ Альяшевъ, Земцовъ и Швецовъ утверждаютъ, что участіе Матвѣева въ составленіи отчетовъ было несомнѣнно. Затѣмъ каждый изъ обвиняемыхъ по этому предмету участвовалъ по мѣрѣ своихъ обязанностей, каждый вносилъ въ отчеты, что̀ слѣдовало и въ чемъ было много ложнаго. Замѣчательно здѣсь одно обстоятельство: съ 1877 года составленіе отчетовъ было возложено на Альяшева и Земцова и именно съ этимъ временемъ совпадаетъ покрытіе ихъ долга банку. Очевидно, ихъ хотѣли привязать къ банку не только жалованьемъ, котораго они могли бы лишиться въ случаѣ сопротивленія, но имъ предоставляли еще и другія выгоды.

Недостаточно было составлять подложные отчеты, нужно было устроивать и подложныя ревизіи. Ежемѣсячныя свидѣтельства наличности банка никогда въ дѣйствительности не производились, а самые акты ревизіи составлялись въ банкѣ и по распоряженію Рыкова носились на домъ къ ревизорамъ для подписи. Городскіе головы подписывали въ началѣ, передъ готовою уже подписью директора. Затѣмъ эти сви-

дѣтельства передавали для подписи другимъ должникамъ банка, состоявшимъ въ то же время и гласными думы. Характерно объясненіе Шамова: „Вижу, говоритъ онъ, старшій членъ подписалъ, ну и я подписалъ, нисколько не сомнѣваясь". Гласные подписывались даже сразу за нѣсколько мѣсяцевъ. Точно такъ же подписывались особыми учетчиками подложныя удостовѣренія о повѣркѣ годовыхъ отчетовъ. Такъ называемая ревизіонная коммиссія состояла изъ членовъ, изъ которыхъ одни вѣрили правленію, другіе были должниками банка, и повѣрки отчетовъ никакой не производилось. Ревизоры только подписывали, а что подписывали, не знаютъ. Экспертиза говоритъ намъ, что эти ревизіи по смыслу закона и по техникѣ дѣла отнюдь не должны быть одною формальностью. Малѣйшаго вниманія было достаточно, чтобы обнаружить злоупотребленія и предотвратить все то, что произошло въ Скопинскомъ банкѣ.

Но Скопинскій банкъ или его правленіе не удовлетворялись этими систематическими подлогами. Подлоги въ немъ практиковались при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ; подлоги совершались не только по надобности, но и безъ особой надобности, такъ сказать, на всякій случай. Въ банкѣ бывали билеты внутреннихъ съ выигрышами займовъ, представлявшими надежду на выигрышъ. Здѣсь являлся такой разсчетъ: билеты значатся принадлежащими банку и если на который-нибудь падетъ выигрышъ, то этотъ выигрышъ будетъ принадлежать также банку и его нужно будетъ показать по книгамъ. Не лучше ли сдѣлать такимъ образомъ: передъ каждымъ тиражемъ показывать билеты проданными кому-нибудь изъ близкихъ людей—Рудневымъ, Краснопѣвцеву. Они все подпишутъ, что прикажетъ Рыковъ, и вотъ передъ каждымъ тиражемъ дѣйствительно производится эта операція. Всѣ билеты расписываются проданными Рудневымъ и Краснопѣвцеву, при чемъ имѣется въ виду, что если падетъ выигрышъ, то онъ поступитъ въ личное распоряженіе Ивана Гавриловича, и конечно извѣстная доля выпадетъ и тѣмъ, которые помогали ему въ этой операціи. Передъ вами подсудимый Рыковъ съ большимъ апломбомъ объ-

яснилъ, что въ этой операціи все дѣлалось фиктивно, съ цѣлью употребить выигрышъ на дѣла благотворенія. Такимъ образомъ шли дѣла въ Скопинскомъ банкѣ. Когда же и подлоги перестали помогать, когда дѣйствительность стала прорываться сквозь сѣти, опутывавшія дѣятельность банка, когда становилось ясно, что пора спасать что можно, пока банкъ еще живъ, тогда пришли къ заключенію, что въ послѣдніе дни банка надо воспользоваться его именемъ, его фирмою и, какъ объясняетъ подсудимый Рыковъ, онъ, какъ утопающій, схватился за послѣднее средство, разсчитывая продолжить существованіе банка; если банкъ былъ безнадежнымъ больнымъ, то это преступленіе, о которомъ я буду говорить сейчасъ, было тѣмъ мускусомъ, который врачи даютъ больному, когда нельзя уже и думать о спасеніи, а можно лишь поддержать существованіе больного на нѣсколько дней, часовъ, минутъ.

Такимъ средствомъ было составленіе подложныхъ вкладныхъ билетовъ Скопинскаго банка на 108,000 руб. Подсудимый Рыковъ настойчиво хочетъ оставить за собою преимущество этого изобрѣтенія. Онъ заявилъ вамъ, что это онъ, Рыковъ, постарался и придумалъ этотъ способъ выпуска фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ; что онъ дѣлалъ это для спасенія банка, и что банкъ отъ этой операціи не потерпѣлъ убытка. Вообще отъ всѣхъ фиктивныхъ операцій Скопинскаго банка убытка не было, терпѣли только его отчеты, а въ настоящемъ случаѣ чуть-чуть не потерпѣли тѣ лица, которымъ предлагалось купить эти фиктивные вкладные билеты, и если они не понесли никакого убытка, то не по винѣ Рыкова и его помощниковъ. Во время судебнаго слѣдствія я обращалъ ваше вниманіе на внѣшній видъ и значеніе этихъ билетовъ. Они имѣютъ вполнѣ внушительный, офиціальный видъ: напечатаны на бумагѣ извѣстнаго рисунка, изготовленной въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ; въ нихъ прописано, что такой-то внесъ наличными деньгами такую-то сумму на храненіе, каковая сумма будетъ выдана по предъявленіи билета по первому востребованію. Изъ этого очевидно, если дѣла банка идутъ хорошо и наступаетъ срокъ этому билету, то цѣнность равна чистымъ деньгамъ.

Но если денегъ въ банкѣ нѣтъ, если билетъ удостовѣряетъ ложь и денегъ по этому билету не было внесено, то такой билетъ имѣетъ двоякое значеніе: для лицъ, состоявшихъ на службѣ въ банкѣ, онъ—должностной подлогъ, а для частныхъ лицъ, которыя хотятъ его сбыть и вырученныя деньги взять себѣ, онъ есть не больше какъ средство для мошенничества, мошенническій способъ пріобрѣтенія денегъ. Итакъ, въ апрѣлѣ, маѣ и августѣ 1882 года по книгамъ Скопинскаго банка проводится 18 вкладныхъ билетовъ на предъявителя. При возникновеніи слѣдствія по настоящему дѣлу эти билеты были показаны банкомъ погашенными посредствомъ надписей объ уплатѣ денегъ. Билеты, какъ вы знаете, выданы на предъявителя, но деньги по нимъ получены лицами извѣстными. Отсюда, естественно предположеніе, что эти лица, именно С. Оводовъ и Коняевъ, были вкладчиками. Но С. Оводовъ—единокровный братъ Рыкова, никогда не располагавшій такими деньгами, а Коняевъ—простой извозчикъ и вмѣстѣ должникъ банка, но отнюдь не вкладчикъ на нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Да Оводовъ и Коняевъ и сами говорятъ, что ихъ просто заставили росписаться. На судебномъ слѣдствіи по этому отдѣлу было очевидно, какіе это билеты и для чего они выпущены; вдругъ, совершенно неожиданно и къ немалому удивленію суда, возникло сомнѣніе въ самой дѣйствительности факта преступленія. Было высказано предположеніе, что, можетъ быть, эти билеты правильны, не фиктивны, а если такъ, то падаетъ все обвиненіе въ выпускѣ этихъ билетовъ и обвиненіе многихъ лицъ въ сбытѣ ихъ; если были дѣйствительно внесены наличныя деньги, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы этими билетами, хотя бы они и оказались неоплаченными, было сдѣлано покушеніе на мошенничество. По этому поводу мнѣ представляется цѣлый рядъ соображеній, которыя я считаю необходимымъ передать вамъ. Прежде всего недѣйствительность этихъ билетовъ удостовѣряется тѣмъ, что денегъ по нимъ не было внесено. Это признаетъ подсудимый Рыковъ. Трудно предположить, что Рыковъ на себя наговариваетъ, потому что за нимъ такъ много обвиненій, они

такъ опутываютъ его со всѣхъ сторонъ, что однимъ обвиненіемъ больше, однимъ меньше — счетъ мало измѣнится. Много мы слышали отъ него страннаго и дерзкаго, много недостойнаго и онъ, вѣроятно, еще многое будетъ говорить потомъ, но относительно фактовъ, относительно того, что дѣйствительно происходило въ Скопинскомъ банкѣ, мы слышали отъ Рыкова вполнѣ соотвѣтствовавшія дѣйствительности заявленія; онъ неизмѣнно всегда и все признавалъ. Поэтому намъ не зачѣмъ заподозрѣвать, чтобы Рыковъ на этотъ разъ измѣнилъ истинѣ. Какимъ образомъ явилось указаніе на дѣйствительность этихъ билетовъ? Оно проскользнуло почти незамѣтно на предварительномъ еще слѣдствіи, въ показаніи свидѣтеля Смирнова. Вѣроятно въ памяти вашей сохранилось показаніе этого свидѣтеля: онъ говорилъ неясно, не всегда понятно, обнаруживалъ трудность пониманія вопросовъ и отвѣты давалъ смутные. Вотъ въ показаніи этого свидѣтеля на предварительномъ слѣдствіи мелькнуло заявленіе, что билеты, о которыхъ спрашивалъ судебный слѣдователь, можетъ быть, дѣйствительны. Это указаніе свидѣтеля было зерномъ, изъ котораго выросло здѣсь большое дерево; явилось показаніе Иконникова о томъ, что Рыковъ вручилъ ему 33,000 руб. и велѣлъ прислать на эту сумму вкладные билеты; далѣе показаніе Краснопѣвцева о томъ, что онъ принесъ тоже отъ Рыкова 50,000 руб. и потомъ еще 25,000 руб., словомъ, Рыковъ будто бы прислалъ всю сумму вкладовъ. Затѣмъ оба эти указанія подхватываетъ подсудимый Поповъ и говоритъ: „Какъ могу я обвиняться въ покушеніи на мошенничество, когда и Иконниковъ, и Краснопѣвцевъ знаютъ, что билеты дѣйствительны“. Понятно, почему Поповъ указываетъ на этихъ подсудимыхъ. Но все это было бы такъ, если бы насъ не приводилъ къ другому заключенію простой логическій выводъ, и къ этому выводу вполнѣ присоединяется обвиненіе: „Резону никакого не было“, сказалъ Рыковъ. И дѣйствительно, не было никакого резону при пустотѣ кассы банка въ минуту послѣдняго его издыханія производить такую операцію. Кромѣ того, обратите вниманіе на время выдачи билетовъ, оно

съ точностью было опредѣлено. Билеты выданы въ апрѣлѣ, маѣ и августѣ; покушеніе на размѣнъ ихъ совершено въ маѣ и іюнѣ, а по словамъ Иконникова, внесеніе вкладовъ Рыковымъ происходило только въ августѣ. Самое внесеніе денегъ въ банкъ на храненіе и выдача вкладныхъ билетовъ не вяжутся съ порядками Скопинскаго банка. Если въ банкѣ были наличныя деньги, то онѣ должны были идти или Рыкову подъ учетъ его векселей, или другимъ лицамъ, нужнымъ банку, а вовсе не лежать на храненіи. Подсудимый Рыковъ и объясняетъ это весьма просто и правдоподобно. Онъ не отрицаетъ внесенія имъ денегъ въ банкъ, но говоритъ, что онѣ присылались для удовлетворенія вкладчиковъ, а не для храненія. Затѣмъ является еще одно противорѣчіе: по показанію Иконникова, онъ получилъ отъ Рыкова 33,000 руб. въ августѣ, а вкладные билеты на 33,000 руб. были выданы въ апрѣлѣ и покушеніе на сбытъ происходило въ маѣ и іюнѣ, слѣдовательно раньше того, какъ эти деньги были внесены въ кассу банка. Затѣмъ, на этихъ билетахъ значатся фиктивныя росписки Оводова и Коняева, которыхъ дѣлать было не нужно, если бы билеты были дѣйствительны. Такимъ образомъ, всѣ объясненія подсудимыхъ объ этихъ фиктивныхъ билетахъ представляются шитыми бѣлыми нитками. Не до того было Рыкову въ то время; тогда ему было впору спасать себя, а не вносить вклады на храненіе.

Мало было, гг. присяжные засѣдатели, составить и выпустить фиктивные вкладные билеты, нужно было еще и сбыть ихъ, и замыселъ этого сбыта былъ задуманъ и приводимъ въ исполненіе очень удачно. Разсуждали такъ: банкъ еще существуетъ, еще фирма его дѣйствительна, еще онъ кредитное учрежденіе, пользующееся, особенно въ далекихъ мѣстностяхъ, извѣстностью. Положимъ, наступили его послѣдніе дни, но многіе еще не знаютъ этого, и вотъ на нихъ-то и былъ разсчитанъ весь планъ. Рѣшили, что если сбывать фиктивные билеты, то нужно сбывать осторожно, такъ чтобы самая обстановка сбыта исключала возможность подозрительности. Разсуждали такъ, что Москва слишкомъ близка къ Скопину и что появившіеся именно въ московскихъ газетахъ неблагопріятные банку слухи могутъ

помѣшать исполненію плана. Дальше отъ Скопина стоитъ Петербургъ; тамъ свои торговые обороты, свой особый характеръ носитъ спекуляція, слѣдовательно, прежде всего нужно испробовать Петербургъ. Не удастся тамъ—еще много городовъ въ Россіи! Но нужно изъ нихъ выбрать тѣ, которые удобнѣе и безопаснѣе. Нужно брать такіе города, въ которыхъ нѣтъ отдѣленія государственнаго банка, потому что въ государственномъ банкѣ не было открыто кредита Скопинскому банку. Въ отдѣленіи могутъ справиться о дѣлахъ Скопинскаго банка, а это могло повести къ плачевнымъ результатамъ. Вотъ почему въ основѣ плана мелькали Смоленскъ, Ковна, Витебскъ. Но для сбыта преступнаго нужны были еще и люди; не поѣдетъ же самъ Рыковъ сбывать этотъ товаръ; притомъ нужны люди свои; люди вѣрные, такіе, которые и свой интересъ соблюли бы и интересъ пославшаго ихъ охранили свято и ненарушимо; нужны люди, близко стоящіе къ Рыкову и къ его банку, и вотъ снаряжаются цѣлыя экспедиціи. Всѣ эти экспедиціи и все, что происходило въ нихъ, сильно напоминаютъ общеизвѣстный характеръ и обстановку разъѣздовъ темныхъ личностей по городамъ и селамъ для сбыта фальшивыхъ ассигнацій: та же обстановка, та же таинственность, тотъ же условный языкъ, тотъ же пріѣздъ и при первой опасности внезапный отъѣздъ, словомъ, тѣ же признаки, тотъ же характеръ и та же суть. Прежде всего взялись за человѣка, наиболѣе близкаго къ Рыкову, наиболѣе подчиненнаго ему—за роднаго его брата С. Оводова. Повидимому этотъ человѣкъ не имѣетъ своей воли, ее замѣняетъ воля брата, могущественнаго директора Скопинскаго банка, и вотъ С. Оводовъ отправляется на развѣдки. Сначала онъ ѣдетъ въ Москву попробовать почву, она оказывается неблагопріятною. Въ Москвѣ уже ходятъ разные слухи, а Грюнфогель, къ которому обращался подсудимый Донской, къ сожалѣнію, занимавшій должность секретаря губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уклонился отъ дѣйствій по этому предмету, особенно когда оказалось, что сбытъ билетовъ въ Москвѣ положительно невозможенъ, да къ тому же Грюнфогель зналъ уже, что въ Петербургѣ была какая-то исторія съ вкладными

билетами Кронштадтскаго банка. Тогда Грюнфогель указываетъ на Глушкова, который оказывается тѣмъ болѣе удобнымъ, что никогда не былъ въ Петербургѣ и хочетъ посмотрѣть столицу. Отправляются Оводовъ и Глушковъ въ Петербургъ, тамъ видятся съ Грегеромъ, пытаются сбыть билеты, но терпятъ неудачу. Въ Петербургѣ же къ Оводову присоединяется Виноградовъ—землемѣръ по профессіи, пріятель Донского по своему общественному положенію и исполнитель разныхъ темныхъ порученій Рыкова. Итакъ, эта первая поѣздка въ Петербургъ окончилась неудачею: вездѣ на предложеніе купить билеты улыбаются, пожимаютъ плечами. Тогда для обсужденія вопроса о томъ, что̀ дѣлать дальше, предпринимается совѣщаніе. Въ Рязани, въ гостинницѣ „Золотой Якорь“, подъ предсѣдательствомъ Рыкова, собирается компанія, имѣетъ мѣсто военный совѣтъ. Въ этомъ совѣтѣ принимаетъ участіе Донской — агентъ Рыкова въ Рязани, затѣмъ нѣкогда милліонеръ, владѣтель всѣмъ извѣстнаго Кокоревскаго дома въ Москвѣ, а въ послѣднее время состоящій у Рыкова на жалованьи А. Поповъ и тотъ же неизмѣнный С. Оводовъ. Совѣщаніе рѣшаетъ совершить предпріятіе при другихъ условіяхъ, съ большими предосторожностями. Экспедиція отправляется снова въ Петербургъ; ее составляютъ Оводовъ и Поповъ. Въ Петербургѣ они останавливаются въ гостинницѣ Бузаратова и начинаютъ опять предпринимать подготовительныя дѣйствія, но билетовъ съ ними не отправляютъ, можетъ быть, потому, что въ число участниковъ вступаетъ Поповъ, который хотя былъ прежде богатымъ человѣкомъ, но въ то время уже мало заслуживалъ довѣрія, такъ что Оводову рекомендуется даже не показывать билеты Попову до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ деньги. Вскорѣ пріѣзжаетъ въ Петербургъ и хранитель билетовъ, Власовъ. Билеты у него зашиты въ карманѣ и ему строго наказано и самому ихъ не смотрѣть, и въ руки никому не давать. И дѣйствительно, товаръ темный, нужно его прятать отъ божьяго свѣта. Но и эта экспедиція окончилась неудачно, несмотря на то, что, на запросъ Брамера о стоимости билетовъ, Рыковъ, не сму-

щаясь, прислалъ изъ Скопина удостовѣряющую ихъ доброкачественность телеграмму. Участники экспедиціи оставляютъ негостепріимный на этотъ разъ Петербургъ, а въ Скопинѣ уже возникаетъ новый планъ, составленный при участіи того же Донского и который потомъ приводится въ исполненіе въ Витебскѣ. Въ основаніе этого плана ложится такая комбинація: нужно, чтобы одинъ изъ участниковъ былъ капиталистомъ, владѣльцемъ билетовъ—Оводовъ, а другой будетъ дѣйствовать въ качествѣ его довѣреннаго—Виноградовъ. Городъ Витебскъ отъ Петербурга и отъ Москвы далекъ; отдѣленія государственнаго банка въ немъ не имѣется... Я не буду въ подробности останавливаться на этой исторіи. Вы вѣроятно помните показаніе Хморовича и показаніе этого по истинѣ необыкновеннаго адвоката Адольфи, который билеты сбывалъ, не сбылъ, но себя не забылъ; при этомъ всѣ остались въ накладѣ, а онъ одинъ получилъ 3,000 р. Такимъ образомъ въ Витебскѣ въ операціи сбыта фиктивныхъ билетовъ принимали участіе Оводовъ, Виноградовъ и Донской. Они обвиняются въ томъ, что, зная о недѣйствительности билетовъ, зная, что денегъ по нимъ въ банкъ не вносилось, они сбывали ихъ за дѣйствительные, просто говоря—хотѣли обмануть, хотѣли продать ничего не стоющій товаръ за дорогую цѣну. Это обвиненіе твердо установлено на судебномъ слѣдствіи, и я считаю его вполнѣ доказаннымъ; оно основано главнымъ образомъ на томъ, что всѣ четыре лица, сбывая эти билеты, знали о томъ, что они подложны или недѣйствительны. Я думаю, что это знаніе вытекаетъ изъ всѣхъ обстоятельствъ этой операціи. Лица, близко стоявшія къ Рыкову и къ его банку, съ Донскимъ во главѣ, не могли не знать, что давно миновало то время, когда вкладные билеты Скопинскаго банка что-нибудь стоили, что банкъ не только на краю погибели, а уже погибъ давно и только эта погибель еще не сдѣлалась гласною, и что въ кассѣ нѣтъ никакихъ цѣнностей и въ банкѣ остались только хищники, распоряжающіеся послѣдними остатками, но ни денегъ, ни чего-нибудь стоющаго нѣтъ. Рыковъ признаетъ фиктивность билетовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ свой-

ственнымъ ему великодушіемъ, онъ бросилъ предъ вами оправданіе другихъ своихъ товарищей по скамьѣ подсудимыхъ. Но вы помните, какое характерное выраженіе у него вырвалось: билеты были фиктивны, а продавцы, конечно, подставные. Этому выраженію старались придать невинный характеръ, но слово „подставные"—нехорошее слово, и въ ту минуту, по мнѣнію обвиненія, устами Рыкова говорила сама истина. Обвиненіе утверждаетъ, что Виноградовъ, Донской, Оводовъ и Поповъ не могли не знать о фиктивности этихъ билетовъ; самый характеръ и условія ихъ сбыта не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они все это знали и, зная, старались довести дѣло до конца. Прежде всего сбытъ производится внѣ Скопина; между тѣмъ, чего бы, казалось, проще: если банкъ цѣлъ, если онъ располагаетъ оборотными средствами, то всего лучше предъявить билеты въ этотъ банкъ и за вычетомъ учетнаго процента получить деньги. Почему же нельзя сдѣлать это гласно, а понадобилось ѣхать въ Ковну, въ Витебскъ и принимать на себя небывалыя юридическія положенія? На такой вопросъ подсудимый Донской далъ характерный отвѣтъ: не учли билеты въ Скопинскомъ банкѣ потому, что тамъ не было денегъ. Вотъ въ этомъ-то и все дѣло, что не было денегъ. Затѣмъ, если бы не было всѣхъ этихъ логическихъ выводовъ, то было бы достаточно одной той массы телеграммъ, которыми былъ заваленъ здѣсь, въ одно изъ засѣданій, столъ вещественныхъ доказательствъ. Я не помню, сколько счетомъ всѣхъ этихъ телеграммъ, но въ теченіе шести мѣсяцевъ передъ крушеніемъ банка Рыковъ отправилъ по разнымъ поводамъ и въ разныя мѣста болѣе 600 телеграммъ, среднимъ числомъ въ 200, въ 100 и не менѣе 50 словъ. Эти телеграммы остаются явнымъ доказательствомъ того, что дѣло, котораго онѣ касаются, не чисто. Что бы ни говорили о характерѣ Рыкова, его манерахъ и привычкахъ, но есть такія вещи, такіе пріемы, которые могутъ быть согласны съ привычками человѣка, но тѣмъ не менѣе указываютъ на что-то преступное. Всѣ эти телеграмы, которыми обмѣнивались между собою лица, участвовавшія въ сбытѣ подложныхъ билетовъ, написаны загадочнымъ языкомъ, изъ кото-

раго можно составить цѣлый лексиконъ. Такъ, „домовладѣлецъ“ означаетъ Попова, „нѣмецъ“ означаетъ одного изъ коммиссіонеровъ, „товаръ“ — билеты, и т. д., безъ конца. Обыкновенно условнымъ языкомъ пишется то, что хотятъ скрыть, что нужно скрыть, и пусть мнѣ подсудимые не возражаютъ тѣмъ, что это есть коммерческая тайна, которая облекается въ условную форму. Кому могъ быть интересъ проникать въ коммерческую тайну Оводова и Попова? Содержаніе этихъ телеграммъ напоминаетъ тотъ воровской языкъ, на которомъ профессіональные похитители сносятся между собою вездѣ и во всѣ времена.

Я долго, гг. присяжные засѣдатели, не кончилъ бы, если бы сталъ приводить содержаніе всѣхъ этихъ телеграммъ. Я беру одну на выдержку и откидываю загадочныя выраженія. Виноградовъ, въ Витебскѣ, въ самый разгаръ сбыта, когда успѣхъ дѣла ежеминутно колеблется: сегодня казалось, что деньги будутъ выданы, а потомъ оказывается, что еще нужно ждать. Въ телеграммѣ изъ Витебска говорится: хозяинъ возбуждаетъ ходатайство о безцѣнности и, кажется, онъ знакомъ съ дѣломъ. Здѣсь подъ именемъ „хозяина“ разумѣется Витебскій взаимный кредитъ, подъ „безцѣнностью“ разумѣется то, въ чемъ я теперь обвиняю подсудимыхъ, и, наконецъ, „кажется, знакомъ съ дѣломъ“ значитъ то, что Витебское общество взаимнаго кредита уже начинало узнавать то, что мы теперь узнали о Скопинскомъ банкѣ въ подробности. Эта телеграмма доказываетъ, что Виноградову хорошо было извѣстно, что онъ сбывалъ не цѣнности, а бумагу; если зналъ это онъ, то во сколько разъ больше и подробнѣе долженъ былъ это знать пославшій его подсудимый Донской. Мы знаемъ, что Донской связанъ съ Рыковымъ болѣе крѣпкою связью, чѣмъ эти вкладные билеты, и эту цѣпь, думаетъ обвиненіе, разорвать Донскому не удастся.

Такимъ образомъ, послѣднимъ проявленіемъ, хотя преступной, но громкой и крупной исторіи Скопинскаго банка было мелкое, темное и къ тому же неудачное покушеніе на мошенничество. Такъ бываетъ всегда, такъ и Скопинскій банкъ долженъ былъ покончить свою преступную дѣятельность.

Теперь мы возвратимся нѣсколько назадъ и бросимъ бѣглый

взглядъ на все то, что̀ намъ извѣстно о причинахъ крушенія Скопинскаго банка. Изъ всего слышаннаго вами здѣсь общій выводъ напрашивается самъ собою. Гоняясь за массою денегъ во что бы то ни стало, банкъ или Рыковъ (что̀ все равно) набралъ рекламами вкладовъ въ 4 раза больше, чѣмъ могъ выдержать. И набралъ онъ ихъ не столько потому, чтобы хотѣлъ и умѣлъ ими оперировать, сколько для того, чтобы ими пользоваться, разобрать ихъ между собой и раздать по нужнымъ и близкимъ рукамъ, подъ видомъ учета. А такъ какъ учетъ былъ фиктивный, дружескій, то проценты по нимъ не платились, и остальныя деньги, не принося ничего, плыли во всѣ стороны и таяли, какъ весенній снѣгъ. Платить же на нихъ по вкладамъ приходилось много, $6^1/_2{}^0/_0$ сер., и выручить этого было не откуда. Учетъ не давалъ ничего, ссуды подъ залоги были самыя незначительныя,—прибѣгли, чтобы найти помѣщеніе вкладамъ, къ спекуляціямъ процентными бумагами. Но въ надеждѣ на крупные и быстрые барыши, пустились въ биржевую игру, преимущественно частными бумагами, подверженными сильнымъ колебаніямъ курса. Бумаги и вообще не могли давать болѣе $5^0/_0$ (ниже платимаго), а игра не вывезла, и убытки, исходною точкою которыхъ были злонамѣренныя дѣйствія по учету, сыпались градомъ. Оставалось одно—жить вкладами, для чего привлекать все новые и новые, и дѣлать это, обманывая публику ложно-блестящими отчетами. Для нихъ нужно было хотя фиктивно сводить концы съ концами, т.-е. показывать фиктивныя прибыли, принесенныя фиктивными операціями, другими словами—наполнять книги и все дѣлопроизводство банка подлогами безъ мѣры и безъ предѣла. А новые вклады вновь не находили себѣ выгоднаго и законнаго помѣщенія и, подобно прежнимъ, расхищались съ новымъ учетомъ, вновь исчезали въ карманахъ жадной кучки людей, которые толпились вокругъ хозяина банка. Новые убытки вызывали и новые подлоги, и банкъ вертѣлся, какъ бѣлка въ колесѣ, и, попавъ въ заколдованный кругъ злоупотребленій, въ то же время стремительно несся внизъ, по наклонной плоскости, съ быстротою сознанія,

что терять уже нечего. По дорогѣ, продолжая обманывать, онъ захватывалъ все, что̀ еще было возможно, пока заколдованный кругъ не разбился отъ толчковъ и ударовъ паденія. Это произошло тогда, когда открылись отведенные глаза и лопнуло такъ долго обманываемое довѣріе.

Услугу эту оказала обществу сначала печать, настойчиво указывавшая—не безъ немногихъ прискорбныхъ исключеній—на совершающіяся въ Скопинскомъ банкѣ злоупотребленія, а затѣмъ и судебная власть, сказавшая Рыкову и его сподвижникамъ: „Не все же брать, пора расплачиваться!“ Она отнюдь не ставитъ этого себѣ въ заслугу, потому что только исполнила свою обязанность, но само дѣло показало, до какой степени важно и необходимо было ея вмѣшательство. Вспомните слова свидѣтеля Вас. Попова, что сверстникъ его, Рыковъ, былъ очень силенъ, такъ силенъ, что безъ судебной власти „свалить“ его было невозможно. Теперь, когда темная сила эта сломана и уже не заслоняетъ болѣе собою то, что̀ совершалось въ Скопинскомъ банкѣ, мы видимъ ясно, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Основанный для гор. Скопина банкъ дѣйствовалъ среди огромной публики, которая съ гор. Скопиномъ не имѣла никакихъ связей, ничего общаго. Но не для нея, не для этой злополучной публики существовало своеобразное кредитное установленіе—ей предоставлялось только жертвовать банку своими деньгами. Онъ существовалъ собственно для Рыкова и его соучастниковъ, которые распоряжались въ банкѣ какъ хозяева, для близкихъ имъ должниковъ, которые банкомъ пользовались и между которыми, увы, было слишкомъ много лицъ, по долгу службы обязанныхъ безкорыстно смотрѣть, чтобы не было неправды и хищенія... Строго говоря, банка, правильнаго органа кредита, въ гор. Скопинѣ давно уже не было; было зданіе съ вывѣскою банка, была внѣшняя, внушительная форма банковскихъ операцій, была ихъ многозначущая фирма, но банка — банка не было... Была лавочка, въ которой сообща обмѣривали и обвѣшивали; была тѣсно сплоченная вокругъ одного человѣка кучка хищниковъ, которые, подъ видомъ банка, наживали для своего главы и для себя чужія деньги. И просто шла эта нажива: въ

широко раскинутую сѣть улавливались вкладчики и затѣмъ, обобранные, изъ нея выбрасывались, съ оставленными имъ на память красиво напечатанными вкладными билетами. За-то для должностныхъ лицъ, которыя изъ личныхъ цѣлей оказывали банку послабленіе, онъ былъ какъ бы громадной кассой ссудъ, въ которой, вмѣсто цѣнностей, закладывались присяга, совѣсть, честь!..

Окончивъ съ преступленіями, я перейду къ виновнымъ. Я далекъ отъ мысли переносить центръ тяжести обвиненія на личности подсудимыхъ; но я не достигъ бы своей цѣли представить вамъ все дѣло Скопинскаго банка въ краткихъ очертаніяхъ, если бы я не разграничилъ степень и характеръ виновности каждаго изъ 26 обвиняемыхъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ каждый отвѣчаетъ самъ за себя, гласитъ нашъ гуманный законъ. Передъ вами стоятъ не безжизненные предметы механическаго примѣненія закона, а живые люди съ ихъ нравственнымъ, внутреннимъ содержаніемъ, съ особыми условіями ихъ жизни, съ причинами ихъ паденія, которыми въ значительной степени устанавливается истинная мѣра ихъ вины.

Нужно ли мнѣ говорить, кто въ этомъ дѣлѣ является его душою и средоточіемъ, чье имя упоминалось во время судебнаго слѣдствія на всѣ лады, черезъ два слова въ третье, на каждомъ шагу, кто теперь, къ сожалѣнію, отсутствуетъ? Рыковъ не можетъ пенять на то, что и на скамьѣ подсудимыхъ онъ долженъ былъ занять то же первое мѣсто, какъ занималъ 20 лѣтъ въ скопинскомъ обществѣ среди людей, окружавшихъ его и жаждавшихъ получить отъ него великія и богатыя милости Самъ, своими руками, уготовалъ онъ себѣ это первенствующее положеніе, прежде завидное, теперь тяжелое. Въ Скопинѣ все творилось Рыковымъ и черезъ Рыкова, по волѣ Рыкова все получало значеніе и силу, и вотъ и теперь, въ день уголовнаго суда, все имъ начинается и имъ кончается. Прежде — большая крупная сила, теперь онъ же и главный отвѣтчикъ за все Мнѣ очень жаль, гг. присяжные засѣдатели, что здѣсь нѣтъ подсудимаго Рыкова, и я не боюсь высказать это сожалѣніе. Мнѣ жаль потому, что я хотѣлъ бы передъ его лицомъ вы-

сказать то, что велитъ мнѣ мой долгъ обвинителя; мнѣ жаль отсутствія Рыкова потому, что, можетъ быть, впервые черезъ 20 лѣтъ его дѣятельности ему прямо въ лицо будетъ сказано суровое слово правды, слово безпристрастное, спокойное, основанное на фактахъ и обстоятельствахъ дѣла, изслѣдованныхъ на судѣ общественной совѣсти, слово о томъ, чѣмъ Рыковъ былъ, чѣмъ сталъ и что онъ совершилъ.

У насъ въ судебной борьбѣ, между состязающимися на судѣ есть свои обязательныя правила борьбы, есть правила, которыя нарушать не позволяетъ намъ техническое приличіе и собственное личное достоинство, и въ ряду ихъ стоитъ одно особенно важное и обязательное для представителя обвиненія правило, гласящее: „лежачаго не бьютъ". Когда я изучалъ настоящее дѣло, то, готовясь предстать передъ вами, думалъ, что такимъ лежачимъ будетъ подсудимый Рыковъ; я думалъ, что обвиненіе его такъ безусловно доказано, фактовъ и данныхъ къ тому такъ много, что подсудимому остается покорно согнуть передъ судомъ общественной совѣсти свою голову, какъ бы она горда и заносчива ни была, и чистосердечно сказать: судите меня, какъ знаете, вотъ все, что я сдѣлалъ. Но что же мы увидѣли и услышали? Началось судебное слѣдствіе, прошли первые два-три дня и передъ нами, за этой рѣшеткой, всталъ во весь ростъ— кто же? Герой! Да, герой, человѣкъ, осмѣлившійся передъ русскимъ обществомъ, передъ гражданами, своими судьями, говорить, что онъ по долгу русскаго гражданина высказываетъ все, что считаетъ полезнымъ для общаго блага, что онъ дѣйствовалъ и работалъ (стыдно сказать) для общественной пользы, что онъ руководствовался высшими побужденіями, что вся жизнь его была посвящена на служеніе общественному благу, что онъ всегда употреблялъ на это дѣло свое христіанское и гражданское мужество; мы слышали, что онъ говоритъ не передъ судебною палатою, не передъ вами, гг. присяжные засѣдатели, „хотя вы и представляете собою общественную совѣсть, не передъ публикою, которая съ такою жадностью наполняетъ эту залу", онъ говоритъ передъ русскимъ народомъ, онъ требуетъ, чтобы каждое слово его было записано стенографически и об-

летѣло всю Россію. Но вѣдь этотъ герой, слуга общества, этотъ борецъ за общественную пользу—вѣдь это Иванъ Гавриловичъ Рыковъ, директоръ Скопинскаго банка, человѣкъ, черезъ руки котораго прошли 12.000,000 рублей трудовыхъ денегъ и по милости котораго многіе вкладчики ходятъ съ сумой! Да, это онъ такъ говорилъ на судѣ, и по мѣрѣ того, какъ все расло и мужало его слово, мнѣ представлялась странная картина, мнѣ казалось, что я свидѣтель какого-то превращенія, мнѣ казалось, что у подсудимаго происходятъ галлюцинаціи. Мы перенеслись въ Скопинъ, въ городскую думу; тамъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ сидитъ В. Овчинниковъ и рядомъ съ нимъ всемогущій Рыковъ, а граждане Скопина встаютъ и благодарятъ Ивана Гавриловича. Когда я слышалъ этотъ повелительный голосъ со скамьи подсудимыхъ, мнѣ казалось, что въ головѣ этого человѣка должно быть что-нибудь подобное этой мысли; но все, что̀ слишкомъ часто повторяется, говорится слишкомъ долго и однообразно, въ концѣ концовъ теряетъ всякую, даже въ самой своей нелѣпости, грандіозность. Каждое утро засѣданіе открывалъ подсудимый Рыковъ своею рѣчью, и невольно думалось, что послѣ этихъ рѣчей моя обвинительная рѣчь совершенно излишняя; стоитъ только припомнить, повторить его слова, и будетъ это краснорѣчивѣе всякой обвинительной рѣчи. Да, дерзость, съ которою все это говорилось, дошла до крайнихъ предѣловъ, до того, что становилось совѣстно слушать. Я скажу прямо теперь, мнѣ жалко словъ для обвиненія. Но какъ бы то ни было, въ объясненіяхъ Рыкова мы слышали такое ученіе, такія мысли, которыя нельзя оставить безъ отвѣта, потому что Рыковъ не одинъ, потому что за нимъ стоятъ на скамьѣ подсудимыхъ 25 человѣкъ его сотоварищей, а за ними невидимо и незримо стоятъ другіе, будущіе, и вотъ, можетъ быть, для этихъ-то будущихъ, для разъясненія настоящаго дѣла, для того, чтобы въ вашемъ сознаніи не было по этому дѣлу ничего неяснаго, мнѣ приходится посчитаться съ нѣкоторыми аргументами Рыкова въ самыхъ краткихъ словахъ. Подсудимый торжественно заявилъ вамъ, что онъ даетъ продолжительныя объясненія не для своего оправданія, а единственно изъ видовъ общественной пользы,

при чемъ сказалъ, что всѣ его оправданія заключаются въ томъ, что причину крушенія банка составляютъ не его преступленія, не его дѣйствія, а старый законъ, нормальное положеніе 1862 года, которое теперь замѣнено новымъ уставомъ, при которомъ будто бы уже немыслимо крушеніе. Но тогда зачѣмъ же эти лицемѣрные призывы „общественной пользы", когда говоритъ только чувство человѣка, который не знаетъ, чѣмъ оправдаться, и которому хочется свалить вину съ больной головы на здоровую? Вамъ говорили о томъ, что уставъ 1862 года не положилъ никакихъ предѣловъ банковымъ операціямъ, что онѣ оставались безъ всякаго контроля. Но подсудимый забылъ законъ 1870 года, изданный за 11 лѣтъ до крушенія Скопинскаго банка. Этимъ закономъ, въ связи съ ст. 29 нормальн. полож., были установлены такіе точные предѣлы банковыхъ операцій, соблюдая которые Скопинскій банкъ не могъ быть доведенъ до крушенія. Эти предѣлы слѣдующіе: всѣ операціи, конечно, дѣйствительныя, а не фиктивныя, по учету векселей и по всѣмъ другимъ предметамъ, не должны превышать болѣе, чѣмъ въ 10 разъ основной капиталъ банка. Если бы эта мѣра соблюдалась въ Скопинскомъ банкѣ, если бы отчеты его были дѣйствительны, онъ не вступилъ бы на путь преступленія. Затѣмъ вамъ говорили, что законъ поставилъ банкъ внѣ контроля, что былъ контроль, но контроль младенческаго самоуправленія, какъ выразился Рыковъ, въ лицѣ городской общественной думы, въ лицѣ тѣхъ представителей скопинскаго общества, которыхъ Рыковъ называетъ сѣдыми младенцами. А кто же этихъ сѣдыхъ младенцевъ побуждалъ къ тому, чтобы они брали изъ банка деньги безъ отдачи, а участіе городского самоуправленія въ дѣлѣ банка ограничивалось тѣмъ, что они только вставали, кланялись и благодарили директора за всѣ его благодѣянія; кто спаивалъ этихъ младенцевъ, кто развращалъ ихъ подкупомъ при выборахъ, кто говорилъ, на дѣлѣ показывалъ, что деньги тѣ же щепки, что въ деньгахъ отличать своихъ отъ чужихъ не нужно? Онъ, подсудимый Рыковъ, знаетъ, кто дѣлалъ все это, но онъ хочетъ, чтобы были виноваты кто угодно, только не онъ. Затѣмъ, вамъ говорили о томъ, что если онъ взялъ

изъ банка большія деньги, то онѣ были употреблены имъ на несчастное для него, но общеполезное предпріятіе, которое должно было осчастливить всю Россію, это пресловутое каменно-угольное дѣло. Объ этомъ предпріятіи я не буду распространяться и напомню только характерное показаніе свидѣтеля Хросцытскаго, по словамъ котораго, рука Рыкова уже была въ казенномъ сундукѣ, уже держала казенныя деньги, которыя оставалось положить въ карманъ, и не его вина, что руку удержали. Затѣмъ виновато, говоритъ Рыковъ, министерство финансовъ, которое не смотрѣло за нимъ, давало ему волю и не клало ему своевременныхъ препятствій. Въ этомъ отношеніи на судебномъ слѣдствіи уже было выяснено, что по точному смыслу закона право министра финансовъ было ограничено, что городской банкъ, какъ учрежденіе городское, состоитъ подъ единственнымъ надзоромъ городского общества и отчеты банка посылаются въ министерство только для свѣдѣнія. На судѣ уголовномъ мы даже не обязаны и не должны входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, но насъ не можетъ не поразить такое изумительное положеніе вещей: похитителя взяли на улицѣ съ поличнымъ, привели въ полицейскій участокъ, изобличили и спрашиваютъ, онъ ли похитилъ такую-то вещь, а похититель становится въ позу и говоритъ въ свое оправданіе, что виноватъ не онъ, а виноватъ участокъ, виновата полиція, которая раньше его не взяла, виновата казна, которая и должна заплатить потерпѣвшему убытокъ. Чѣмъ другимъ назвать такое объясненіе, кромѣ дерзости? А такое объясненіе мы слышали во все время судебнаго слѣдствія. Слышали мы еще многое, сильнѣе сказанное, слышали объ эшафотѣ, о пьедесталѣ, кандалахъ и трофеяхъ, сказанное съ тѣмъ, чтобы довести „служеніе обществу“ до возвеличенія себя, но на все это мы можемъ дать краткіе отвѣты. Подсудимый Рыковъ можетъ успокоиться: его ждетъ не эшафотъ и не пьедесталъ; онъ находится на скамьѣ подсудимыхъ и уже внѣ возможности продолжать свою преступную дѣятельность, внѣ возможности больше вредить; его ожидаютъ не кандалы и не трофеи, а просто-на просто печать похитителя, хотя и многомилліоннаго. Не въ скрижаляхъ исторіи, не въ

числѣ лицъ, принесшихъ своей родинѣ благо и пользу, а въ уголовныхъ лѣтописяхъ суда будетъ записано имя Рыкова. Больше говорить о его объясненіяхъ, больше отвѣчать ему—собственно не стоитъ, но нельзя не сказать нѣсколько словъ о немъ самомъ, о его прошломъ, о его характерѣ постольку, поскольку это объясняетъ его дѣйствія и побудительныя причины его преступленій.

Подсудимому Рыкову въ 1863 году было 32 года; онъ былъ тогда, при открытіи банка, въ цвѣтѣ силъ и здоровья. Въ настоящее время ему 50 лѣтъ съ небольшимъ. Воспитанія онъ не получилъ, повидимому, никакого; образованіе — самое небольшое, въ Скопинскомъ уѣздномъ училищѣ. Человѣкъ онъ необразованный, но несомнѣнно обладающій ловкостью и пополнившій практическую сметку практическими житейскими свѣдѣніями. Природныя свойства его, насколько они охарактеризованы свидѣтельскими показаніями, насколько они прошли во-очію передъ вами въ его словахъ и дѣйствіяхъ, таковы: умъ несомнѣнный, но не выдающійся, узко обставленный тѣсными рамками самообожанія; способности — практическія, ограниченныя, небольшія. Объ этомъ говорили всѣ свидѣтели, не считающіе Рыкова способнымъ на широкія коммерческія предпріятія. Вмѣсто характера — упрямство и болѣзненно развитое чувство властолюбія; упрямство, доходящее то того, что̀ на обыкновенномъ языкѣ принято называть самодурствомъ. Чрезвычайное, ничѣмъ неограниченное тщеславіе — одинъ изъ самыхъ сильныхъ рычаговъ всей дѣятельности, всѣхъ поступковъ Рыкова. При этомъ тщеславіе двоякаго рода: одно—общественное, служебное, внѣшнее, направленное на шитый золотомъ мундиръ, на знаки отличія, на ордена, хотя бы персидскіе, на почетныя званія, на возможность занимать въ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ своемъ кругу, первое мѣсто. Другое тщеславіе — стремленіе брать надъ каждымъ верхъ, быть могучею силою, давить и ломать все, что̀ представляется препятствіемъ; вездѣ творить свою волю, какія бы преграды ни встрѣчались, доходить до конца, до исполненія всякой своей прихоти, каприза, до полнаго удовлетворенія этого преобладающаго въ немъ свой-

ства; тщеславіе, которое вытекаетъ изъ колоссальнаго самолюбія, для поддержанія котораго средствами служитъ корысть. Но она не является цѣлью „денегъ для денегъ". Деньги, какъ деньги, Рыковъ не любилъ и не любитъ; онѣ ему нужны какъ средство для достиженія другихъ своихъ цѣлей. Въ сущности здѣсь разницы нѣтъ почти никакой, если достигается цѣль такая же низменная, ничтожная, какъ и обладаніе однѣми деньгами, какъ одно преклоненіе передъ ними. Отсюда легко сдѣлать выводъ о томъ, въ чемъ заключается нравственное міровоззрѣніе Рыкова, оно выражается словами: „мнѣ такъ нужно и всѣ должны мнѣ уступить". Но за-то дерзость, неостанавливающаяся передъ презрѣніемъ къ человѣческому достоинству, съ превознесеніемъ самого себя на каждомъ шагу, — вотъ нравственный образъ Рыкова. Этими свойствами, проходящими черезъ всю жизнь подсудимаго Рыкова, опредѣляется и внѣшняя форма его жизни. Живя въ Скопинѣ въ качествѣ перваго гражданина, мѣстнаго богача, предъ которымъ всѣ трепещутъ, которому всѣ кланяются, онъ живетъ такъ, какъ такому человѣку подобаетъ жить, — замкнутою, невидною жизнью обыкновеннаго богатаго купца; живетъ съ семьей, иногда дѣлаетъ празднества, преимущественно во время проѣзда черезъ Скопинъ должностныхъ лицъ, которыхъ нужно почтить пріемомъ, но за-то вся ширь ничѣмъ несдерживаемой натуры, всѣ прихоти, вся разнузданность желаній высказываются неудержимо при каждомъ выѣздѣ Рыкова изъ Скопина и во время пребыванія въ Петербургѣ. Дѣлъ много, ведутся крупныя операціи, заводятся связи, — въ Петербургѣ жизнь идетъ широко и деньги льются рѣкою. Здѣсь дается просторъ всѣмъ грубымъ инстинктамъ животной природы, здѣсь высказывается весь характеръ этого человѣка. Судьба подсудимаго Рыкова поставила его съ раннихъ поръ въ не совсѣмъ обычное положеніе. Происходя изъ небогатой семьи, нося фамилію Оводова, онъ былъ усыновленъ богатымъ скопинскимъ купцомъ Рыковымъ, который оставилъ ему капиталъ въ 200,000 р. и посредствомъ усыновленія свое имя. Капиталъ этотъ попалъ въ руки подсудимаго Рыкова въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Съ

того времени и до 1863 года жизнь Рыкова проходитъ на общественной службѣ, сначала въ качествѣ бургомистра, а потомъ городского головы, затѣмъ въ попыткахъ завести широкіе торговые обороты. Но и на томъ, и на другомъ поприщѣ онъ терпитъ неудачу и въ качествѣ городского головы попадаетъ подъ слѣдствіе по поводу устройства кладбища, которое онъ здѣсь ставилъ себѣ въ заслугу. Отъ отвѣтственности по этому дѣлу Рыковъ освобождается сенатомъ,—частная же дѣятельность подсудимаго кончается полнымъ разореніемъ. Денегъ нѣтъ, но есть извѣстность; является удачная мысль объ устройствѣ въ Скопинѣ банка, во главѣ котораго и становится Рыковъ. Должность директора банка представляется Рыкову тѣмъ средствомъ, которое возвыситъ его, которое дастъ ему деньги, чтобы имѣть власть и силу для удовлетворенія своего мелочного, низменнаго тщеславія. И вотъ съ 1863 по 1882 годъ Рыковъ все идетъ въ гору и въ гору: почетный гражданинъ, коммерціи совѣтникъ, кавалеръ разныхъ орденовъ, носитель почетныхъ званій, попечитель основанныхъ банкомъ благотворительныхъ заведеній, имя котораго гремитъ на всю Россію, замѣтный дѣятель въ Петербургѣ, желанный гость въ Рязани, всемогущая сила у мѣстныхъ должностныхъ лицъ, немалая сила и у губернскихъ властей,—такъ рисуется внѣшняя сторона положенія и дѣятельности подсудимаго Рыкова. Голова начинаетъ кружиться; силы и власти хочется больше и больше, а удовлетвореніе этого желанія отыскивается во внѣшнихъ проявленіяхъ силы и преимущественно въ томъ, чтобы ничего стоящаго прямо не оставлять на пути, чтобы все, каждый человѣкъ, и крупный и мелкій, падалъ ницъ, чтобы дѣйствовать такъ, какъ одинъ изъ свидѣтелей характеризовалъ Рыкова извѣстнымъ выраженіемъ,—„нраву моему не препятствуй“. И весь городъ Скопинъ не препятствовалъ нраву Рыкова, и городской банкъ былъ въ его рукахъ могучимъ для этого средствомъ. Скоро подсудимый Рыковъ становится въ городскомъ банкѣ полнымъ распорядителемъ; этотъ банкъ оказывается его денежнымъ сундукомъ, его конторою, изъ которой онъ раздаетъ деньги направо и налѣво. Но банка становится мало, и вотъ рядомъ съ нимъ возникаютъ другія

операціи, предпринимаются два другихъ обширныхъ дѣла, но они скоро оканчиваются полнѣйшею неудачей. На подробностяхъ этихъ двухъ предпріятій я не буду долго останавливаться, они не составляютъ обвиненія, они непреступны, они характеризуютъ только Рыкова и нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ, а главнымъ образомъ бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на сущность всего, что происходило въ Скопинскомъ банкѣ, и на среду, въ которой совершались всѣ преступленія этого банка. Оба предпріятія непреступны, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы въ этихъ предпріятіяхъ, въ которыхъ принимали участіе Рыковъ и его сотрудники, все было чисто, благовидно. Общество каменно-угольной промышленности было удобно для того, чтобы сказать: вотъ куда употребилъ я милліонъ рублей, который я взялъ изъ банка и въ похищенія котораго теперь обвиняюсь. Изслѣдованіе этого вопроса показываетъ, что выводъ Рыкова не совсѣмъ правиленъ. Предпріятіе дѣйствительно было неудачно, и неудача коренилась въ упрямствѣ Рыкова, въ его неумѣлости, но это предпріятіе въ концѣ концовъ дало далеко не такой большой убытокъ, какъ это хочетъ доказать подсудимый. По словамъ свидѣтелей, убытки могли быть въ размѣрѣ не свыше 300.000 р. и ни въ какомъ случаѣ не могли поглотить $1^1/_2$ милліона рублей, которые Рыковъ взялъ изъ банка. Но если бы и дѣйствительно на это предпріятіе были положены банковскія деньги, то оправданіемъ это для Рыкова служить не можетъ, потому что предпріятіе было его личное и все равно, куда онъ употребилъ похищенныя деньги. Затѣмъ въ этомъ предпріятіи есть одна интересная подробность. Когда общество каменно-угольной промышленности клонилось къ упадку, когда уже было видно, что оно долго существовать не можетъ, и работы были уже почти прекращены, тогда была сдѣлана попытка обмануть министерство финансовъ, добиться отъ него распоряженія о томъ, чтобы акціи несуществующаго общества принимались въ залогъ по акцизному вѣдомству. Вы слышали подробности этой аферы изъ характерныхъ показаній свидѣтелей Хросцытскаго и Альбанова, и я возвращаться къ нимъ не буду. Затѣмъ возникло другое предпріятіе — дѣло рельсоваго производства въ 1873 году въ

компаніи съ умершимъ Христіаномъ Мейномъ; былъ устроенъ заводъ и напечатаны акціи общества. Участіе въ этомъ предпріятіи принималъ и подсудимый Донской, но и оно кончилось такъ же неудачно, да въ сущности этого предпріятія на самомъ дѣлѣ и не было, если судить по способу реализаціи фиктивныхъ акцій этого общества, которыя были внесены въ Скопинскій банкъ и затѣмъ получены изъ него подъ росписку Донского, стоявшаго всегда такъ близко къ Рыкову. Оба предпріятія дали убытокъ, но все-таки не такой большой, какъ говоритъ Рыковъ. Да объ убыткахъ онъ и не заботился, потому что въ Скопинскій банкъ вклады притекали и притекали, и ихъ можно было брать когда и сколько угодно. Этою массою денегъ и объясняется та исключительная и поразительная сила Рыкова, которая теперь въ свидѣтельскихъ показаніяхъ прошла передъ нами, нарисованная яркими красками, и при видѣ которой не знаешь—удивляться или негодовать. Служилъ банку и Рыкову цѣлый городъ Скопинъ, онъ былъ въ полной власти подсудимаго, въ него вѣровали, предъ нимъ трепетали, съ нимъ тягаться было нельзя. Сила его была неограниченна и въ городскомъ управленіи: городскіе головы и члены управы, не говоря уже о простыхъ избирателяхъ, были его покорными слугами; отчеты банка не разсматривались, а утверждались огульно, сопровождаясь общественною благодарностью; самые городскіе выборы производились такъ, какъ это было угодно подсудимому: онъ самъ намѣчалъ лицъ, ему угодныхъ, и только случайно проходили лица, ему ненравившіяся; но если и проходили, то скоро дѣлались, подобно Овчинникову, его сторонниками или должны были уступить свое мѣсто другимъ. Не менѣе велика была сила Рыкова и въ мѣстной полиціи. Достаточно вспомнить показаніе свидѣтеля Альбанова и тотъ нелестный для скопинской полиціи отзывъ, который сдѣлалъ о ней самъ подсудимый Рыковъ. Своимъ человѣкомъ былъ Рыковъ и въ мѣстномъ мировомъ судѣ. Но нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ банка производство шло исключительно строго, до того строго, что отвѣтчикъ подвергался приводу. Наконецъ въ общественной жизни Рыковъ на все налагалъ свою тяже-

лую руку. Въ Скопинѣ была общественная библіотека, въ которой получались журналы и газеты, исключительно благопріятные банку или не помѣщавшіе никакихъ свѣдѣній о совершавшихся въ немъ злоупотребленіяхъ. Все остальное, неудобное для банка, снималось съ читальнаго стола библіотеки и тщательно пряталось отъ нескромныхъ взоровъ. Такимъ образомъ скопинскіе жители оберегались отъ всякихъ вредныхъ для Рыкова и его банка вліяній. Вліяніе Рыкова распространялось и дальше, даже на почтовую корреспонденцію, такъ что черезъ мѣстную контору не всегда было удобно и даже безопасно отправлять обличительныя корреспонденціи и онѣ посылались черезъ ящикъ станціи желѣзной дороги. Былъ совершенъ цѣлый рядъ возмутительныхъ дѣлъ, теперь явившихся на свѣтъ Божій; они совершились потому, что такъ угодно было Рыкову. На ряду съ самоуправствомъ, у Рыкова проявлялась мстительность, направленная на то, чтобы не только никто не могъ поднять свой голосъ противъ него, но и на то, чтобы неугоднаго человѣка стереть съ лица земли, чего онъ и достигалъ. Вы помните, что одного за то, что былъ непокладливъ въ дѣлахъ, другого за то, что насвистывалъ при встрѣчѣ съ Рыковымъ, попросту сажали въ вагонъ и высылали изъ Скопина. Съ другими было хуже: на врача Битнаго-Шляхто и на г-жу Рамбахъ поступилъ доносъ о политической неблагонадежности, повлекшій за собою рядъ непріятностей для этихъ лицъ. Свидѣтеля Брежнева Рыковъ заставилъ согнать съ квартиры жившихъ у него жильцовъ, доходомъ отъ которыхъ свидѣтель существовалъ. Наконецъ, свидѣтеля Дьяконова онъ заключилъ въ тюрьму и разорилъ въ конецъ. Да, Рыковъ былъ сила и сила грубая, все ломавшая передъ собою, но могучая не столько крѣпостью своею, сколько слабостью того, что̀ ей встрѣчалось на пути, сила темная, дѣйствовавшая развращающимъ образомъ, привыкшая не только къ сдѣлкамъ съ совѣстью, но даже и прямо къ преступленіямъ. Причина этой силы была одна и едва ли нужно называть ее. Причина эта — деньги, за которыя покупалось все, что̀ было возможно, покупалось и за наличныя, и посредствомъ вовлеченія въ долгъ банку. Такіе долги поддер-

живались искусственно, при чемъ по отношенію къ лицамъ, отъ которыхъ банкъ зависѣлъ, практиковался пріемъ, которому прилично названіе, данное Рыковымъ изобличавшимъ Скопинскій банкъ корреспонденціямъ, пріемъ шантажнаго характера. Когда должностное лицо дѣйствовало несогласно съ мнѣніемъ Рыкова, этому лицу напоминали о его долгѣ банку и въ случаѣ надобности прибѣгали къ угрозѣ, что невыгодно будетъ дѣлать не въ угоду Рыкову. Податливыхъ людей оказалось больше, и тѣ шесть скопинскихъ гражданъ, которые осмѣлились настаивать на прекращеніи злоупотребленій, оказались голосами, вопіющими въ пустынѣ, и могли только сказать: одинъ въ полѣ не воинъ. Были, правда, люди, у которыхъ была возможность что-нибудь сдѣлать... но о нихъ рѣчь впереди. Итакъ, Рыковъ своею силою пользовался для своихъ личныхъ цѣлей, пользовался ею и для безнаказанности той длинной цѣпи преступленій, которыя совершались въ Скопинскомъ банкѣ; деньги нужны были ему для удовлетворенія властолюбія и поползновеній къ грубой роскоши. Совершеніе всѣхъ содѣянныхъ имъ преступленій несомнѣнно носитъ на себѣ отпечатокъ сознательности и обдуманности, хотя бы потому, что они обнимаютъ собою двадцатилѣтній періодъ времени. Кажется, было время одуматься, остановиться, но этимъ временемъ Рыковъ не воспользовался, продолжая давить себя и другихъ и запутываясь все болѣе и болѣе въ собственныхъ тенетахъ. Такъ совершилось и самое паденіе подсудимаго: оно было такъ же быстро, какъ и возвышеніе, и было отмѣчено цѣлымъ рядомъ темныхъ дѣяній. Когда опасность надвигалась, то пробовали подкупить ту самую силу, которая впервые возстала противъ злоупотребленій Скопинскаго банка,—печать. Пробовали помѣщать въ газетахъ свѣдѣнія, опровергающія неблагопріятные отзывы и указанія, и, къ сожалѣнію, въ двухъ московскихъ газетахъ нашлось для этого мѣсто, удалось помѣстить статьи, конечно не безденежно. Въ другихъ случаяхъ оказалась неудача, и тогда рѣшились обратиться къ другимъ средствамъ. Въ теченіе двухъ недѣль передъ крушеніемъ банка топилась баня въ домѣ Рыкова и сожигались ворохи книгъ и бумагъ,

которыхъ Рыковъ не желалъ оставлять предварительному слѣдствію. Вы слышали отъ самого подсудимаго, что это были секретныя бумаги и если бы онѣ выплыли наружу, то ему еще два года пришлось бы содержаться подъ стражею. Это объясненіе отмѣчено тѣмъ же характеромъ инсинуаціи и перенесенія собственной вины на другихъ, которымъ проникнуто все, что̀ вы слышали отъ Рыкова. Затѣмъ обратились къ сокрытію имущества. Въ селѣ Ногайскомъ, имѣніи подсудимаго Рыкова, въ августѣ 1882 года шла усиленная продажа всего инвентаря имѣнія; продано было на 12.000 рублей; въ сентябрѣ то же имѣніе было спѣшно сдано въ аренду, при чемъ вся арендная сумма за годъ была получена впередъ. Въ томъ же году было заложено ряжское имѣніе и деньги получены и затѣмъ совершилась фиктивная продажа имѣнія касимовскаго за значительную сумму,—такъ что въ настоящее время подсудимый въ правѣ сказать, что ни онъ, ни семья его ничего не имѣютъ. Но все ли было скрыто, что̀ осталось отъ расхищенія капиталовъ Скопинскаго банка,—это обстоятельство такъ и стоитъ большимъ вопросительнымъ знакомъ надъ скамьей подсудимыхъ, и отвѣтъ на него можетъ быть только гадательный: можетъ быть — да, а можетъ быть—нѣтъ. Можетъ быть „нѣтъ“, потому что не въ характерѣ Рыкова откладывать на черный день; ему нужно было прежде всего и главнымъ образомъ удовлетворять личныя потребности. Можетъ быть „да“, потому что мы знаемъ, что все-таки отчужденіе остававшагося имущества шло усиленно.

Таковъ въ самомъ бѣгломъ очеркѣ подсудимый Рыковъ, главный виновникъ крушенія Скопинскаго банка, разоритель сотенъ семей, самъ совершившій множество преступленій и другихъ во множествѣ толкнувшій на преступный путь. Теперь пришелъ конецъ его преступнымъ дѣяніямъ, и положеніе человѣка, который 20 лѣтъ всѣхъ обманывалъ, всѣмъ торговалъ, не исключая и совѣсти, и который теперь никого ни купить, ни продать не можетъ—это положеніе по истинѣ безнадежное и трагическое, но оно справедливо и заслужено, и Рыкову, я надѣюсь, его не избѣжать. Пусть лучше поздно, но хотя часть

всего того злого, что̀ Рыковъ такъ долго сѣялъ, онъ же и пожнетъ.

Отъ того. кто замышлялъ и приказывалъ, мы должны теперь перейти къ тѣмъ, кто послушно исполнялъ, отъ главнаго виновника къ второстепеннымъ, но необходимымъ дѣятелямъ и участникамъ преступленій. Ихъ роль въ настоящемъ дѣлѣ и въ прегрѣшеніяхъ, совершавшихся въ Скопинскомъ банкѣ, подчиненная, второстепенная, отчасти, можетъ быть, объяснимая, но отнюдь не извинительная. Теперь, въ судный день, они прикидываются людьми простыми, ничего непонимающими, и всѣ объясненія, напримѣръ Рудневыхъ, проникнуты такимъ стремленіемъ. Теперь они ничего не знаютъ, ничего не понимаютъ, они помнятъ только, что подписывали. Но тогда, когда они одною рукою подписывали, а другою за подписи брали деньги, и не малыя, а большія деньги, въ видѣ учета векселей на сотни тысячъ, тогда они о чемъ думали? Я полагаю, что во время судебнаго слѣдствія вамъ и самимъ, гг. присяжные засѣдатели, не разъ приходило въ голову, что одна уже близость того или другого подсудимаго къ Рыкову, одно участіе въ томъ распредѣленіи банковскихъ денегъ, которое совершалось въ банкѣ, само по себѣ характеризуетъ человѣка. Отчего свидѣтель Поповъ не пошелъ служить въ банкъ, отчего не заставили служить кассиромъ Ряузова, какъ это сдѣлали съ Н. Иконниковымъ? Очевидно, банку и Рыкову нужны были люди съ покладливою совѣстью, мягкость и уступчивость которыхъ доходили до тѣхъ предѣловъ, за которыми начинается уже не безнравственность, а и преступленіе. Приказаніями и вліяніемъ другого нельзя оправдывать преступленія, если же при этомъ человѣкомъ руководитъ сила разсчета и корысти, то очевидно, что вліяніе другого есть только побудительная причина къ преступленію, а не оправданіе. Такія побудительныя причины несомнѣнно были у подчиненныхъ Рыкова; имъ было выгодно и тепло въ Скопинскомъ банкѣ; имъ было выгодно исполнять всѣ приказанія Рыкова, и они исполняли ихъ и получали за это большія деньги; они пользовались чѣмъ могли, пользовались сознательно, и слѣдовательно добровольно совершали преступленія.

Да къ тому же безъ нихъ нельзя было обойтись. Не будь такихъ людей, Скопинскій банкъ не могъ бы существовать 20 лѣтъ. Они все знали, что происходило въ банкѣ; Рыковъ только приказывалъ, а они вели счетоводство, они проводили по книгамъ фиктивныя сдѣлки, писали и подписывали фиктивные учеты, наконецъ одинъ изъ нихъ, Иванъ Рудневъ, замѣнялъ Рыкова во время его отсутствія, и притомъ полноправно, за исключеніемъ особыхъ приказаній, которыя Рыковъ сообщалъ Матвѣеву, и, по показаніямъ свидѣтелей, если кто нажился, если кому изъ подсудимыхъ Скопинскій банкъ принесъ пользу и кого въ настоящее время бѣднымъ назвать нельзя, такъ это именно Иванъ Рудневъ, ближайшій помощникъ Рыкова. Въ Скопинскомъ банкѣ была обыкновенная іерархія: директоръ, его товарищи, кассиръ, бухгалтеръ, и т. д., но была еще и другая, своя собственная, болѣе дѣйствительная іерархическая лѣстница, которая шла вверхъ по мѣрѣ приближенія къ солнцу—Рыкову; лѣстница благоволенія и власти и главнымъ образомъ барыша. Теперь, по смерти банка, она сдѣлалась лѣстницею наибольшей отвѣтственности; теперь стоять на ней невыгодно: кому много было дано тогда, съ того теперь много и взыщется, и вотъ на верхнихъ ступеняхъ этой лѣстницы первое мѣсто принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, подсудимому Матвѣеву. Правая рука Рыкова, повѣренный всѣхъ его тайнъ, авторъ всей преступной бухгалтеріи, обучившійся ей самоучкою и обучившій другихъ,—такимъ представляется намъ участіе въ дѣлѣ Скопинскаго банка Матвѣева. Вы знаете, что по матеріальному своему положенію онъ сначала не отличался отъ другихъ, и только въ послѣдніе годы его положеніе было сравнено съ положеніемъ Евтихіева, принимавшаго прямое участіе въ подлогахъ. Онъ получалъ 3,500 р., жалованье для бухгалтера уѣзднаго банка весьма значительное; затѣмъ—квартира при банкѣ и близость къ Рыкову, близость не безвыгодная, потому что не уходилъ безъ выгоды никто сколько-нибудь нужный Рыкову, и можно ли съ вѣроятностью допустить, чтобы единственное исключеніе сдѣлано было для этого человѣка, безъ котораго Рыковъ не могъ обойтись во всѣхъ своихъ преступныхъ предпріятіяхъ, который былъ первымъ лицомъ въ канцеляріи банка. И вотъ мы знаемъ,

что положеніе Матвѣева соотвѣтствовало его роли. Свидѣтели, за малыми исключеніями, всѣ согласны въ томъ, что первымъ лицомъ послѣ Рыкова въ банкѣ былъ Матвѣевъ. Здѣсь защита старалась выяснить, что это объясняется только положеніемъ Матвѣева какъ бухгалтера, но это мнѣніе разбивается показаніями свидѣтелей, которые говорятъ, что Матвѣевъ, послѣ Рыкова, былъ большой силой, проводникомъ всѣхъ приказаній Рыкова, который, отсутствуя изъ Скопина, всѣ свои приказанія, письменныя и словесныя, сообщалъ другимъ служащимъ банка черезъ Матвѣева. Затѣмъ Матвѣевъ былъ до 1877 года и главнымъ составителемъ отчетовъ, по поводу чего у него бывали тайныя сношенія съ Рыковымъ, и Рыковъ за этотъ трудъ, за эти особыя услуги платилъ ему и небывалою любезностью. Вы слышали, что Рыковъ въ своемъ обществѣ былъ дерзокъ и грубъ, заставлялъ приходившихъ къ нему ожидать по цѣлымъ днямъ для того, чтобы въ концѣ концовъ услыхать отъ лакея, что Иванъ Гавриловичъ легли спать. Рыковъ рѣдко кому говорилъ „вы“, и этотъ самый Рыковъ пишетъ Матвѣеву „Милостивый государь“ и подписывается: „душевно любящій и уважающій васъ“. Вы знаете, что „уваженіе“ Рыкова давалось дорогою цѣною, здѣсь цѣна эта очевидна: помощь въ преступленіяхъ. И эту помощь со стороны Матвѣева мы видимъ на каждомъ шагу. Тѣмъ пособникомъ-бухгалтеромъ, трудамъ котораго эксперты отдали полную справедливость, былъ Матвѣевъ. Свидѣтели только этимъ себѣ и объясняютъ выдающееся положеніе Матвѣева. Онъ занималъ, говоритъ свидѣтель Альбановъ, такое положеніе потому, что зналъ о всѣхъ мошенническихъ дѣяніяхъ Скопинскаго банка. Затѣмъ у насъ есть показанія еще и другихъ свидѣтелей. Кто выдавалъ опредѣленное содержаніе „вольнопрактикующимъ“ служащимъ въ банкѣ? — Матвѣевъ. Кто имѣлъ наблюденіе за книгами, которыя наполнялись подлогами? — Матвѣевъ. Кто призывался для совѣщанія съ Рыковымъ по всѣмъ важнымъ дѣламъ: по дѣлу Сафонова, по дѣлу о долгѣ Афанасова? — Все тотъ же Матвѣевъ. Кто уговаривалъ товарищей директора, когда они, хотя въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, колебались подписывать журнальныя постановленія? —

онъ же,—Матвѣевъ. Затѣмъ передъ вами въ числѣ вещественныхъ доказательствъ прошли бумаги, по наружности незначительныя, но для Матвѣева имѣющія значеніе убійственное. У него на дому оказались бумаги, которыя свидѣтельствуютъ несомнѣнно, что въ его рукахъ были всѣ секреты Скопинскаго банка, что онъ эти бумаги оставилъ у себя даже послѣ своего увольненія. Въ числѣ этихъ бумагъ оказались черновыя замѣтки за время отсутствія Рыкова, когда разрѣшалась фиктивная операція; замѣтки, въ которыхъ Матвѣевъ въ разговорной формѣ заносилъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ по важнымъ порученіямъ, дававшимся Рыковымъ на время его отсутствія. Но у Матвѣева есть важное оправданіе, и на немъ была построена вся его личная защита. Я не знаю, будетъ ли это оправданіе предъявлять передъ вами его защитникъ, и пока я буду говорить лишь о томъ, что мы слышали отъ самого Матвѣева. Матвѣевъ имѣетъ съ своей точки зрѣнія право относиться отрицательно къ важнѣйшимъ обвиненіямъ по настоящему дѣлу, и если онъ не можетъ отрицать того, что̀ проходило черезъ его руки до 1877 года, то этотъ годъ былъ въ существованіи Скопинскаго банка роковымъ. Съ 1877 года банкъ сталъ идти неудержимо по пути подлоговъ; не стало болѣе ни какихъ-либо предѣловъ, ни стѣсненія. И вотъ, Матвѣевъ говоритъ, что все, что̀ дѣлалось въ банкѣ съ 1877 года въ концѣ каждаго изъ послѣдующихъ годовъ,—его не касается, онъ за это неотвѣтственъ, потому что онъ въ это время уѣзжалъ молиться Богу или лѣчиться и не участвовалъ въ томъ, что̀ дѣлали его товарищи. Таково оправданіе Матвѣева. Когда мы слушали здѣсь, на судѣ, эти объясненія, мнѣ вспоминалось, что въ ученическіе годы намъ разсказывали, что въ африканскихъ степяхъ есть птица, которая при преслѣдованіи ея врагомъ имѣетъ странное обыкновеніе: чувствуя погоню, она прячетъ свою голову въ песокъ и думаетъ, что ее уже никому не видно и никто поймать ее не можетъ. Этотъ пріемъ страуса и напоминаетъ мнѣ объясненіе Матвѣева. Онъ думаетъ, что, уѣзжая въ отпускъ 28 декабря и пріѣзжая въ половинѣ января и не поставивъ свою подпись подъ отчетомъ, онъ не остается лицомъ,

которое эти отчеты повѣряло и потомъ прикладывало къ нимъ печать своего одобренія; что этими отъѣздами онъ снимаетъ съ себя вину и дѣйствительно въ правѣ сказать: взыскивайте съ Альяшева, съ Земцова, съ Швецова, а не съ меня. Но я смѣю думать, что такое оправданіе, послѣ того, что вы слышали здѣсь о Матвѣевѣ, не подѣйствуетъ на васъ и докажетъ вамъ только, что, по пословицѣ, на всякаго мудреца довольно простоты, и что если Матвѣевъ опытенъ въ бухгалтеріи, то въ оправданіяхъ передъ судомъ онъ не искусенъ.

Невольно при этомъ возникаетъ вопросъ, не есть ли этотъ способъ оправданія результатъ близости Матвѣева съ другимъ его товарищемъ, занимающимъ и на скамьѣ подсудимыхъ мѣсто съ нимъ рядомъ—В. В. Евтихіевымъ? Если Матвѣевъ былъ въ Скопинскомъ банкѣ главнымъ бухгалтеромъ, правою рукою Рыкова по части бухгалтеріи, то Евтихіевъ былъ лѣвою рукою Рыкова по части, такъ сказать, юридической. Своимъ прошедшимъ, своею прежнею службою Евтихіевъ несомнѣнно пріобрѣлъ и долженъ былъ пріобрѣсти именно тѣ самыя юридическія познанія, съ тѣмъ самымъ отпечаткомъ, который болѣе всего нуженъ былъ Рыкову. Окончивъ курсъ въ Скопинскомъ уѣздномъ училищѣ, Евтихіевъ служилъ надсмотрщикомъ въ уѣздномъ судѣ и затѣмъ секретаремъ магистрата. Онъ знаетъ законъ, знаетъ, какъ исполнять его, а еще больше и лучше знаетъ, какъ его обходить, и тѣ лазейки, которыя неизбѣжно оставляются всякимъ закономъ,—извѣстны были ему хорошо. Вотъ эти-то познанія онъ приносилъ на службу Скопинскому банку; вотъ почему Рыковъ дорожилъ имъ, и когда между ними произошла извѣстная вамъ размолвка, она, по пословицѣ: „милые бранятся, только тѣшатся“—скоро окончилась полнымъ миромъ, и Евтихіевъ остался письмоводителемъ и юрисконсультомъ Скопинскаго банка. Я напомню вамъ о томъ, какъ въ случаяхъ критическихъ на сцену являлся Евтихіевъ и убѣждалъ кого нужно, что *такъ* слѣдуетъ по закону; какъ онъ, съ развернутою книгою уложенія, убѣждалъ Афанасова въ томъ, что ему необходимо, и какъ можно скорѣе, взять назадъ свое отреченіе отъ наслѣдства. Я укажу вамъ еще и на одинъ документъ,

оставшійся у Матвѣева, на тотъ маленькій клочекъ бумаги, который вполнѣ подтвердилъ разсказъ свидѣтеля Тремера о томъ, что отношенія между обоими главными дѣятелями Скопинскаго банка, Матвѣевымъ и Евтихіевымъ, были нехороши: одинъ другому завидовалъ. Этотъ клочекъ бумаги излагаетъ какой-то споръ Матвѣева съ Евтихіевымъ; изъ него можно заключить, что Евтихіевъ въ одномъ случаѣ не желалъ подписать бумаги, такъ какъ считалъ такую подпись подлогомъ. Если эту подпись онъ считалъ подлогомъ, то какъ же онъ не считалъ подлогомъ свою подпись на бумагахъ по сдѣлкамъ банка съ Краснопѣвцевымъ,—бумагахъ, несомнѣнно подложныхъ? Затѣмъ Евтихіевъ дѣйствуетъ и тогда, когда нужно совершить нѣчто болѣе крупное. Вы помните, что Евтихіевъ—то самое подставное лицо, которое въ Петербургѣ устраивало фиктивную котировку на два, на три дня акцій общества каменно-угольной промышленности для того, чтобы сообщить имъ биржевую цѣнность и вслѣдствіе этого имѣть возможность помѣстить ихъ въ списокъ цѣнностей, разрѣшаемыхъ правительствомъ къ принятію въ залогъ по казеннымъ подрядамъ. Подсудимый Рыковъ, говоря о своихъ ближайшихъ помощникахъ, отнесся къ нимъ весьма великодушно, упомянувъ о слонахъ, будто бы непопавшихъ на скамью подсудимыхъ. Онъ назвалъ этихъ своихъ помощниковъ комарами. Если комары — Евтихіевъ и Матвѣевъ, то это комары больно жалящіе и оставляющіе злокачественные, долго длящіеся слѣды

Что мнѣ сказать о Никифорѣ Иконниковѣ, этомъ кассирѣ „поневолѣ“, потому что онъ долженъ кассѣ и не хотѣлъ расплачиваться, а желалъ брать все больше и больше. Когда онъ поступилъ въ Скопинскій банкъ, за нимъ оставалось долгу 80,000 руб., часть онъ уплатилъ, а другую уплатить не можетъ; всѣ подлоги послѣдняго года прошли черезъ его руки. Но, гг. присяжные засѣдатели, простая справедливость требуетъ имѣть въ виду событія 4 сентября 1882 года. Уже были обнаружены злоупотребленія Скопинскаго банка, уже судебная власть, въ лицѣ прокурора судебной палаты, была на мѣстѣ, уже отъ нея поступило требованіе о производствѣ предвари-

тельнаго слѣдствія, и вотъ въ это время, когда Скопинское городское общество, съ своими представителями во главѣ, продолжало утверждать, что въ банкѣ все обстоитъ благополучно, Н. Иконниковъ явился къ исправнику, перекрестился и сказалъ: „Я рѣшился“, и затѣмъ, насколько возможно, подробно высказалъ все то, что ему было извѣстно о банковскихъ злоупотребленіяхъ. Это, конечно, не есть явка съ повинною, но это такое дѣйствіе, которое показываетъ, что Иконникову стыдно стало за себя и за другихъ, и онъ учинилъ чистосердечное во всемъ признаніе. Этотъ его поступокъ вы поставите ему на счетъ, и если вы отвѣтите утвердительно на вопросъ о его виновности и вмѣстѣ съ тѣмъ прибавите ваше великое слово: „заслуживаетъ снисхожденія“, то вы поступите совершенно правильно.

Для того, чтобы покончить съ исполнителями приказаній Рыкова, я не могу не остановиться на томъ уподобленіи, которое сдѣлалъ свидѣтель Пушкаревъ. Это уподобленіе согласно съ выводами обвиненія, хотя вовсе не къ тому клонились слова свидѣтеля. Онъ сравнилъ этихъ людей съ матросами корабля, которые несутся на немъ съ распущенными парусами на встрѣчу шторму, разбиваются о скалу и погибаютъ, сами какъ бы не отдавая себѣ въ этомъ отчета. Но, по мнѣнію обвиненія, матросъ матросу рознь, и если капитаномъ корабля былъ Рыковъ, правилъ рулемъ Матвѣевъ, у компаса стоялъ Евтихіевъ, а паруса поддерживали ихъ товарищи и корабль разбился, то это не умаляетъ ихъ вины. Мнѣ приходило въ голову другое уподобленіе, которое разрѣшаетъ самый капитальный вопросъ,—вопросъ о давленіи Рыкова на этихъ преступныхъ людей. Я не могу отдѣлаться отъ мысли, что въ данномъ случаѣ, если не юридически, то житейски, мы имѣемъ дѣло съ преступнымъ сообществомъ, съ простою шайкою, направившею всю свою дѣятельность къ расхищенію общественнаго достоянія. Я вспоминаю наши старинныя русскія шайки: атаману ихъ принадлежала неограниченная власть жизни и смерти. Но я думаю, что изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы каждый изъ участниковъ въ этой шайкѣ, когда онъ выходилъ на большую дорогу, былъ неотвѣтственъ.

Не говоря уже объ есаулахъ и главныхъ вожакахъ, всѣ остальные простые участники,—что̀ можетъ ихъ оправдывать?

Кромѣ участниковъ должностныхъ, въ дѣлѣ Скопинскаго банка были участники частные. Съ этими участниками разсчетъ обвиненія коротокъ. Изъ нихъ Поповъ, разорившійся богачъ, впослѣдствіи живущій средствами Рыкова, помогавшій ему въ сбытѣ фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ, представляетъ собою личность, готовую исполнять всѣ преступныя приказанія Рыкова; затѣмъ С. Оводовъ, братъ подсудимаго Рыкова, человѣкъ ему близкій; Шестовъ, съ 12-ти лѣтъ выросшій въ домѣ Рыкова и привыкшій думать, что воля Рыкова есть законъ,—едва ли должны долго занимать насъ; обвиненіе, предъявленное вамъ противъ этихъ подсудимыхъ, признано ими самими, и вы будете судить ихъ по мѣрѣ ихъ участія на основаніи того, что̀ вы слышали о нихъ здѣсь на судѣ.

Виднѣе положеніе въ настоящемъ дѣлѣ коллежскаго совѣтника Донского. Странно видѣть его въ этой сѣрой, темной средѣ мелкихъ скопинскихъ обывателей. Во время судебнаго слѣдствія онъ хранилъ сосредоточенное молчаніе, горячо и обдуманно выступалъ съ протестами только тогда, когда затрогивались его отношенія къ Рыкову. Донской — человѣкъ пожилой, опытный, дѣловой, много служившій; онъ много провелъ разныхъ дѣлъ на своемъ вѣку, и ему хорошо извѣстно, что въ настоящее время обвиненіе, надъ нимъ тяготѣющее, обвиненіе въ покушеніи на сбытъ фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ, хотя вполнѣ доказано, отнюдь не будетъ тою рѣшающею силою, которая опредѣлитъ—уйти ли ему отсюда съ гордо поднятою головою, съ сознаніемъ безнаказанности, или съ выводомъ о томъ, что вѣрнымъ слугою Рыкова быть не всегда удобно и выгодно. Не подлежитъ сомнѣнію, что участіе Донского, участіе закулисное, постоянное, непрерывное въ операціяхъ и дѣлахъ Рыкова, обрисовываетъ его личность въ дѣлѣ о сбытѣ фиктивныхъ вкладныхъ билетовъ. Донской былъ главнымъ и наиболѣе цѣннымъ для Рыкова агентомъ. Онъ служилъ въ Рязани секретаремъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и былъ, такъ сказать, уполномоченнымъ отъ Рыкова

лицомъ въ губерніи. Не было въ Рязани такого темнаго, нужнаго дѣла Рыкову, которое не проходило бы черезъ руки Донского: нужно ли взыскать по векселю, надо ли какому-нибудь должностному лицу напомнить его обязанности не по службѣ, конечно, а передъ Рыковымъ,—на сцену является Донской; нужно ли фигурировать подставнымъ директоромъ въ фиктивномъ акціонерномъ предпріятіи, нужно ли подписать какую-нибудь темную бумагу—все это дѣлалъ Донской; нужно ли подкупить печать—въ переговорахъ съ подлежащими лицами дѣйствуетъ Донской; словомъ, какъ только въ головѣ Рыкова задумывалось что-нибудь темное, но трудное, сложное, требующее осторожности и умѣнья въ Рязани или Петербургѣ, исполнителемъ этого является Донской. И вотъ, при взглядѣ на Донского, при разсмотрѣніи его участія, невольно приходитъ на память ходячая и устарѣлая, но не потерявшая своей правды поговорка: скажи мнѣ, кому ты служишь, и я скажу тебѣ—кто ты таковъ. Отдавая въ ваши руки вопросъ о виновности Донского, я позволю себѣ сказать: если вы, гг. присяжные засѣдатели, не хотите имѣть въ русскомъ обществѣ Рыковыхъ, избавьте насъ и отъ Донскихъ.

Подсудимый Краснопѣвцевъ дряхлъ и глухъ и, можетъ быть, не услышитъ моихъ словъ; они будутъ кратки, но я прошу васъ ихъ запомнить. Краснопѣвцевъ, стоящій одной ногой въ могилѣ—ему 79 лѣтъ—вмѣстѣ съ своими товарищами по скамьѣ подсудимыхъ ожидаетъ вашего приговора, и отъ этого приговора зависитъ отравить или успокоить послѣдніе оставшіеся ему дни. Краснопѣвцевъ изобличенъ безусловно: онъ подписывалъ подложные документы, онъ самъ признался въ этомъ, но вмѣсто того, чтобы говорить о его виновности, формально установленной, я прошу вашего позволенія разсказать вамъ въ двухъ словахъ рѣдкую біографію этого человѣка. Я знаю о ней немногое, но и этого достаточно, чтобы сдѣлать подходящій выводъ. Вся его судьба сложилась изъ удивительныхъ превращеній: служа въ пріютѣ, потомъ въ библіотекѣ, онъ впослѣдствіи перешелъ на должность помощника церковнаго старосты, которымъ былъ Рыковъ;

потомъ вносилъ въ банкъ вкладъ на 2.000.010 р., которыхъ никогда не видалъ; покупалъ и продавалъ въ одинъ день процентныхъ бумагъ на 4.000.000 р., но ни бумагъ, ни денегъ тоже не видалъ; затѣмъ онъ сталъ владѣльцемъ билетовъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ, но ничего не выигралъ, далѣе сдѣлался бухгалтеромъ Скопинскаго банка и за его подписью отчетъ банка пошелъ въ министерство финансовъ, и наконецъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Теперь онъ думаетъ объ одномъ: онъ открещивается отъ тѣхъ милліоновъ, которыхъ онъ яко бы былъ обладателемъ, „избави Богъ отъ нихъ", говоритъ подсудимый, и я думаю, гг. присяжные засѣдатели, что вамъ, судьямъ внутренняго убѣжденія, судьямъ неформальнымъ, можно исполнить эту просьбу Краснопѣвцева; ни правосудію, ни обществу убытка отъ этого не будетъ. Къ другимъ его товарищамъ будьте строги, но къ этому старику будьте милостивы и вы будете справедливы.

Такимъ образомъ счетъ подсудимыхъ былъ бы оконченъ, если бы въ нормальномъ положеніи о банкахъ не существовало 2 ст., которая ставитъ городской банкъ подъ наблюденіе городского общества. Если Скопинскій банкъ дошелъ до крушенія, то возникаетъ вопросъ, какъ Скопинская городская дума наблюдала за дѣйствіями своего банка и въ какой мѣрѣ должны отвѣчать должностныя лица общественнаго управленія, обязанныя блюсти интересы города и контролировать дѣйствія своего кредитнаго учрежденія. Матеріальная отвѣтственность Скопинскаго городского общества еще впереди, еще городу Скопину придется жестоко расплачиваться за рыковскій банкъ, теперь же идетъ рѣчь о представителяхъ городского общества, преданныхъ вашему суду и предстоящихъ передъ вами въ жалкой роли приспѣшниковъ Рыкова и его банка. 20 лѣтъ они молились на Рыкова, трепетали предъ нимъ и не потому боялись его, что были увѣрены въ его правотѣ,—нѣтъ, событія указывали имъ на противное,—а потому, что это было имъ выгодно. Они были закуплены Рыковымъ; они смотрѣли ему въ руки и, получая отъ него подачки подъ видомъ учета векселей, закрывали глаза передъ очевидными злоупотребленіями.

Мало можно встрѣтить зрѣлищъ, которыя были бы болѣе печальны, чѣмъ зрѣлище цѣлаго города, рабольпствующаго передъ злоупотребленіями и сознательно, ради корысти, допускающаго всяческія беззаконія въ своемъ кредитномъ учрежденіи. Общее благо города граждане Скопина разумѣли своеобразно; они видѣли интересы города въ своемъ карманѣ, наполненіе котораго зависѣло только отъ Рыкова. Вамъ скажутъ, что Рыковъ всѣхъ ввелъ въ заблужденіе. Ничтожная отговорка, и хотя я не стану спорить, что у Рыкова была развита способность обмана, но Скопинская городская дума сама во что бы то ни стало желала обманываться, даже тогда, когда немногіе мужественные голоса звали ее къ пробужденію и ставили передъ нею ребромъ вопросъ о злоупотребленіяхъ банка. Но и здѣсь позвольте мнѣ рѣзкою гранью отдѣлить вожаковъ отъ толпы, отъ людей, безмолвно подписывавшихся и подписаннаго непонимавшихъ. Подписи всѣхъ ихъ красовались по отчетамъ о милліонныхъ оборотахъ Скопинскаго банка, но неизмѣримо выше ихъ стоитъ отвѣтственность городскихъ головъ. Въ челѣ Скопинскаго городского управленія, обязаннаго контролировать дѣйствія своего общественнаго банка и теперь обязаннаго отвѣчать за злоупотребленія этого банка и за крушеніе, его постигшее, — стояли городскіе головы. Городской голова есть представитель города, радѣтель за его интересы и отвѣтчикъ за ихъ умаленіе. Отъ городского головы, по старому и новому городовому положенію, зависитъ многое. Онъ многое можетъ сдѣлать самъ, многое можетъ указать другимъ и сдѣлать еще больше — обратить вниманіе высшаго начальства на то или другое. И вотъ, въ началѣ дѣйствій банка строгій, неподкупный человѣкъ стоялъ во главѣ Скопинскаго городского управленія. Строго и зорко смотрѣлъ М. Леоновъ за дѣятельностью банка, слѣдилъ за его операціями, за внутренними распорядками, и при немъ въ 1867 и въ 1868 годахъ въ банкѣ безпорядковъ не было, преступленій не совершалось или они были еще только въ зародышѣ. Но такой строгій, дѣятельный, а главное неподкупный, недоступный ни деньгамъ, ни упрашиваніямъ человѣкъ былъ неудобенъ Рыкову; ему нужно было

замѣнить его другимъ, а такъ какъ къ тому времени сила Рыкова все возрастала и во власти его многое уже находилось, то при городскихъ выборахъ дѣло обошлось просто и къ общему удовольствію. Выбранъ былъ самъ Иванъ Гавриловичъ Рыковъ, но такъ какъ занимать двѣ должности—городского головы и директора банка—невозможно, то Рыковъ отказался отъ должности головы и указалъ на Н. Афанасова, нынѣ умершаго. Есть пословица, что объ умершихъ или ничего не надо говорить, или говорить только хорошее, а потому о Н. Афанасовѣ, какъ городскомъ головѣ, и о его отношеніяхъ къ банку говорить не будемъ; скажемъ только, что Рыковъ достигъ своей цѣли: и городъ, и его управленіе, и надзоръ были въ его рукахъ. Умеръ Афанасовъ, пришлось замѣнить его другимъ. Какъ совершилась эта замѣна, насколько она была согласна съ желаніями Рыкова—на судебномъ слѣдствіи осталось невыясненнымъ, но мнѣ думается, что выборъ В. Овчинникова едва ли былъ по сердцу Рыкову.

В. Овчинниковъ—человѣкъ молодой, болѣе развитой, чѣмъ другіе его сограждане, жившій въ столицахъ, происходившій изъ извѣстной, почитаемой въ Скопинѣ семьи, человѣкъ, о которомъ была только хорошая молва; такой человѣкъ ничѣмъ не могъ быть угоденъ Рыкову, и правъ былъ тотъ свидѣтель, который указалъ, что этотъ выборъ состоялся потому, что въ общественномъ управленіи Скопина уже слышались оппозиціонные голоса, являлись одинъ за другимъ тѣ мужественныя лица, которыя говорили, что нельзя терпѣть всего, что̀ хочетъ Рыковъ. и въ Овчинниковѣ, можетъ быть, усматривали того человѣка, который можетъ, если не сразу, то мало-по-малу, если не сломить, то по крайней мѣрѣ обуздать порядки городского банка. И дѣйствительно, первыя дѣйствія Овчинникова какъ бы обнаруживали, что выборъ оправдаетъ ожиданія. Намъ говорили свидѣтели, что на первыхъ порахъ дѣятельность Овчинникова была самостоятельна и независима; онъ свято чтилъ принятую имъ присягу передъ совѣстью и закономъ; онъ обнаружилъ желаніе идти по стопамъ М. Леонова—и въ Скопинскомъ банкѣ забили тревогу. Заправиламъ его стало ка-

заться, что съ этимъ человѣкомъ придется считаться, и тогда предпринятъ былъ тотъ систематическій походъ противъ Овчинникова, о которомъ вы знаете отъ свидѣтелей. Овчинниковъ понималъ этотъ походъ, это не подлежитъ сомнѣнію, потому что онъ отвѣчалъ на него наступательными дѣйствіями. Рыковъ распустилъ слухъ, что онъ обратитъ векселя Овчинникова ко взысканію и тѣмъ подорветъ его кредитъ. Слухъ былъ весьма невыгодный для Овчинникова, но въ то время у него достало рѣшимости и смѣлости отвѣтить Рыкову вызовомъ: онъ отвѣчалъ, что предполагается настоящая, дѣйствительная, а не фиктивная ревизія банка. Это уже вовсе не входило въ виды Рыкова, и этого ему нужно было во что бы ни стало избѣжать. Тогда наступательныя дѣйствія Рыкова замѣнились обходнымъ движеніемъ: было рѣшено, что прямо дѣйствовать нельзя, а нужно посмотрѣть, нѣтъ ли въ этомъ человѣкѣ чего-нибудь такого, чѣмъ можно легко овладѣть. И вотъ одно за другимъ совершаются дѣйствія, направленныя къ тому, чтобы установить между Рыковымъ и Овчинниковымъ сближеніе. Устраиваютъ свиданіе, сначала неудачное, а затѣмъ оно совершилось при оригинальной обстановкѣ. Эти два скопинскихъ дѣятеля сходятся въ соборѣ на какомъ-то нарочно выбранномъ церковномъ торжествѣ, сговариваются и между ними устанавливается сначала молчаливое, но обстоятельное, полное соглашеніе, а въ результатѣ долгъ Овчинникова банку растетъ съ чрезвычайною быстротою, и за-то Скопинскій банкъ оставляется въ покоѣ и всѣ мысли о томъ, чтобы обнаружить его злоупотребленія, отбрасываются прочь. Первоначальную ретивость замѣняетъ полнѣйшее потворство, а сообразно этому потворству возрастаетъ и вексельный долгъ Овчинникова. Въ 1878 году Овчинниковъ поступилъ на должность городского головы. Въ 1879 году долгъ его банку представляетъ сумму въ 65,000 р., а въ 1882 году онъ доходитъ уже до 237,000 р. Эксперты опредѣляютъ увеличеніе этого долга въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, когда Овчинниковъ былъ головою, въ суммѣ 119,000 руб. Вотъ та плата, которую далъ Рыковъ Овчинникову за его молчаніе, за его попустительство, а попустительство было несомнѣнное, потому что все, что

дѣлалось въ банкѣ, было хорошо извѣстно Овчинникову. Онъ самъ не отрицаетъ этого, да и отрицать невозможно, потому что фиктивныя ревизіи онъ подписывалъ самъ, потому что онъ былъ не только городскимъ головою, но человѣкомъ, близко стоявшимъ къ банку, потому что Матвѣевъ совѣтовался съ нимъ о томъ, учитывать или протестовать векселя крупныхъ должниковъ банка. Очевидно, у Овчинникова были къ банку отношенія, кромѣ должностныхъ, еще и частныя. Да и должностныя его отношенія представляются болѣе, чѣмъ сомнительными. Въ многочисленныхъ приговорахъ объ отчисленныхъ суммахъ изъ прибылей банка промелькнула странная цифра: 11 августа 1878 года рѣшено было Скопинскимъ общественнымъ управленіемъ, подъ предсѣдательствомъ Овчинникова, отпустить 4,000 руб. на ремонтировку зданія реальнаго училища; ремонтировка была произведена, а затѣмъ общественное управленіе, утверждая отчетъ, постановило—изъ третьей части прибылей банка, независимо отъ этой суммы, выдать Овчинникову передержанные имъ сверхъ смѣты еще 5,400 рублей. Можетъ быть, эта передержка была вполнѣ правильна, можетъ быть, всѣ эти деньги пошли на ремонтъ, но если вспомнить, какъ дѣлались дѣла въ Скопинскомъ банкѣ, какіе его отчеты утверждало городское управленіе, если вспомнить, что Овчинниковъ долженъ былъ банку 200,000 рублей и изъ-за нихъ смотрѣлъ сквозь пальцы на дѣла банка, то невольно закрадывается сомнѣніе. У Овчинникова объясненіе одно: онъ ничего не отрицаетъ, насколько я могъ его понять, онъ признаетъ фактическую сторону обвиненія вполнѣ, онъ говоритъ, что бралъ деньги изъ банка, но за нимъ стоятъ его семья, родственныя связи, множество лицъ, которыхъ онъ поставилъ бы въ непріятное положеніе, если бы сдѣлалъ изъ своихъ свѣдѣній о дѣлахъ банка надлежащее употребленіе, если бы наложилъ на этотъ банкъ свою руку для открытія его злоупотребленій. Повѣримъ на минуту этимъ объясненіямъ, но спросимъ подсудимаго Овчинникова: почему же онъ бралъ за это деньги? Если бы онъ это дѣлалъ безкорыстно, если бы онъ молчалъ только потому, что не хотѣлъ разорять свою семью, тогда мы иначе отнеслись бы

къ его винѣ. Но когда мы знаемъ цѣну этихъ преступныхъ послабленій, совершенныхъ тѣмъ единственнымъ лицомъ, которое имѣло полную возможность обнаружить злоупотребленія банка, а цѣна эта выражается цифрою въ 100,000 рублей дѣйствительнаго позаимствованія, тогда вопросъ о винѣ подсудимаго ставится иначе, и трудно Овчинникову ожидать благопріятнаго для него рѣшенія этого вопроса. Но, можетъ быть, онъ спроситъ, что же онъ могъ сдѣлать одинъ, своею властью, когда все поклонялось Рыкову. Да, были безсильные единичные протесты, протесты людей, такъ сказать, съ улицы,—людей, довѣрія невнушающихъ, и дѣйствительно этимъ людямъ не вѣрили; но если бы вмѣсто ихъ пришелъ представитель городского общественнаго управленія, если бы къ министру финансовъ или министру внутреннихъ дѣлъ явился Скопинскій городской голова и сказалъ: я знаю, что въ нашемъ городскомъ банкѣ есть только одни подлоги; я самъ производилъ ревизію банка, — спасите отъ разоренія его вкладчиковъ, — и я смѣло утверждаю, что Овчинниковъ не нашелъ бы такого должностного лица, которое оставило бы безъ вниманія такое должностное и компетентное заявленіе. Но купленный Рыковымъ подсудимый Овчинниковъ этого не сдѣлалъ, и Рыковъ, покупая этого человѣка, зналъ за что̀ платитъ деньги. Мы часто видѣли здѣсь слезы подсудимаго Овчинникова; о нихъ тяжело говорить обвинителю, тяжело, но два слова сказать необходимо. Вы должны судить по справедливости, а не по чувству, и я не могу, отдавая справедливость человѣку, сознающему свою вину, не могу не предостеречь васъ отъ этихъ слезъ. Мнѣ сквозь нихъ невольно вспомнилось, что онѣ есть результатъ продажи своей совѣсти за деньги, а за ними слышатся другія слезы, безвинно разоренныхъ, и за то именно время, когда Скопинскимъ городскимъ головою былъ Владиміръ Овчинниковъ. Множество вкладовъ поступило въ банкъ въ то время, и одно слово Овчинникова могло спасти отъ разоренія сотни семействъ. Онъ этого слова не произнесъ, не произнесъ потому, что былъ купленъ Рыковымъ. Пусть же теперь за это дастъ свой отвѣтъ передъ вами!

Такъ поступали всѣ эти недостойные представители городского самоуправленія. Обманувъ общественное довѣріе, имъ оказанное, они не только шли во главѣ заблужденій скопинскаго общества, которыя привели его къ разоренію, но умышленно, и во всякомъ случаѣ завѣдомо, допустили злоупотребленія Скопинскаго банка. Будучи, по своему положенію, а Владиміръ Овчинниковъ и по уму и развитію, единственными лицами, которымъ всего легче и ближе было во-время положить имъ предѣлъ, они, подкупленные Рыковымъ, на плечахъ своихъ выносили всѣ обманы и подлоги его, распинались за его ложь, прикрывали расхищенія имъ общественнаго и частнаго имущества. Предъ ихъ тяжкою виной какъ будто блѣднѣетъ, или, точнѣе, дробится и мельчаетъ вина ихъ сотоварищей по городскому управленію, а теперь и по скамьѣ подсудимыхъ—7 гласныхъ и членовъ управы, подписывавшихъ подложныя ревизіи банка. Они всѣ стараются прятаться за спину Рыкова и извиненіе себѣ желаютъ найти въ завидномъ для нихъ положеніи его послушныхъ рабовъ, преданныхъ, покорныхъ ему до преступленія. Я готовъ признать за ними это лестное положеніе, и судьбу ихъ отдаю на усмотрѣніе вашей совѣсти. Но для себя лично я все-таки не вижу имъ оправданія и по поводу какъ ихъ, такъ и въ особенности городскихъ головъ не могу не обратиться къ вашему гражданскому чувству съ небольшимъ напоминаніемъ. Не забудьте, что многочисленные вкладчики вѣрили Рыкову и довѣрчиво несли въ его бездонный банкъ свои капиталы главнымъ образомъ потому, что за ними стояли ярко на бумагѣ расписанныя декораціи ручательства и отвѣтственности Скопинскаго городского общества. О, если бы знали эти злополучные вкладчики, что всѣ эти гарантіи „звукъ пустой“, что Скопинское городское общество есть толпа, пресмыкающаяся предъ Рыковымъ, а Скопинское городское управленіе есть жалкая комедія, въ которой играютъ рыковскіе статисты и наемники въ угоду своему всемогущему хозяину! Но вкладчики не знали и не могли знать всего этого, и преданные теперь суду вашему Скопинскіе головы и гласные жестоко повинны въ причиненныхъ Скопинскимъ банкомъ бѣдахъ и убыткахъ. Да и не пора ли же, наконецъ,

въ самомъ дѣлѣ, перестать отговариваться невозможностью соблюсти общественные интересы, когда такъ хорошо и умѣло соблюдаются свои собственные, личные? Не слѣдуетъ ли для блага общественнаго не только порицать, но и карать по заслугамъ личную корысть въ общемъ дѣлѣ и стадное подчиненіе одному вожаку во имя той же корысти? Судьи общественные, вы не можете, вы не должны смотрѣть равнодушно и снисходительно, какъ общественное довѣріе топчутъ въ грязь—общественные же избранники!

Мнѣ остается говорить уже немного. Гг. присяжные засѣдатели! Спокойно и смѣло я отдаю въ ваши руки судьбу обвиненія, я глубоко убѣжденъ въ его правотѣ, я вѣрю и въ ваше судейское разумѣніе. Тяжелую, безкорыстную, многодневную службу отслуживаете вы русскому обществу разсмотрѣніемъ настоящаго дѣла, и я рѣшаюсь не сомнѣваться, что службу эту, ничѣмъ не смущаясь и не колеблясь, вы сослужите ему до конца. Справедливое обвинительное рѣшеніе предсгавляетъ единственный правильный исходъ суда надъ плачевною исторіею Скопинскаго банка. Широко развернувшаяся предъ вами, она должна быть нынѣ ясна и понятна для васъ. Вы видѣли, вы слышали, что вся она есть лѣтопись зародившихся въ немъ и непрестанно изъ него исходившихъ темныхъ началъ нравственной порчи и тлѣнія. Они тянутся красною нитью чрезъ все существованіе банка, его дѣятельность, чрезъ личную жизнь и поступки всѣхъ его дѣятелей, они заражаютъ собою все, къ чему банкъ и дѣльцы его прикасались. Съ давнихъ поръ не было въ немъ ни дня, ни дѣйствія, ни предпріятія безъ обмана и преступленія. Въ Скопинскомъ банкѣ крѣпко укоренились понятія разнозвучащія, но равнозначащія, имъ завладѣли непрерывныя превращенія: вклады стали обозначать расхищеніе, операціи—ложь и комедію, книги, балансы, отчеты—сплошные подлоги. Только этимъ и жилъ Скопинскій общественный банкъ, только этимъ и занимались всѣ тѣ его служащіе, которые были посвящены въ дутыя сдѣлки и ложныя цифры отчетовъ. Не одинъ Рыковъ совершалъ преступленія, ему помогали преданные вашему суду его вѣрные слуги, каждый по мѣрѣ своихъ

силъ и способностей; помогая, они знали и понимали чему помогаютъ, получали деньги и выгоды за свою преступную, а Рыкову необходимую, помощь и вмѣстѣ съ нимъ общими усиліями довели банкъ до крушенія

Я долженъ, впрочемъ, оговориться. Банкъ жилъ еще цѣлою сложною системой подкупа, и въ ней заключалась особенно тлетворная и отталкивающая его сторона. Банкъ или Рыковъ, что̀ все равно, потому что банкъ былъ Рыкова, а Рыковъ только банкомъ получалъ смыслъ и значеніе,—банкъ, пользуясь человѣческою слабостью, совращалъ и подкупалъ всѣхъ, кого могъ, кто былъ ему полезенъ и нуженъ. На душу Рыкова всею тяжестью падаетъ этотъ грѣхъ; его поступки и самые помыслы, видимо, были проникнуты одною мыслью, однимъ принципомъ—„сила и счастье только въ деньгахъ“, а средствъ добыванія ихъ разбирать нечего, потому что на деньги всѣхъ и все можно купить. Съ этимъ онъ жилъ, дѣйствовалъ, процвѣталъ, наживался; съ этимъ и падалъ, спасая себѣ что̀ удалось захватить. А окружающее,—какъ ни горько въ этомъ сознаться,—не всегда разубѣждало его въ такомъ глубоко-безнравственномъ взглядѣ, и онъ вѣрилъ волшебнымъ чарамъ банковскихъ денегъ все больше и больше, съ каждымъ днемъ выказывалъ больше дерзости и цинизма. Окруженный приспѣшниками, онъ деньгами, ложью, обманомъ покупалъ себѣ и своимъ безнаказанность, пока мѣра преступленій ихъ не переполнилась и не наступилъ часъ расплаты предъ тѣмъ, чего купить невозможно, предъ нелицепріятнымъ закономъ, предъ неподкупнымъ судомъ, предъ чистою общественною совѣстью. Вамъ, ея выразителямъ, предстоитъ произвести Скопинскому банку ту ликвидацію, которая одна только и можетъ удовлетворить, хотя бы отчасти, множество пострадавшихъ отъ него интересовъ. Изъ нихъ безвинно тягостное положеніе вкладчиковъ заслуживаетъ особеннаго вашего вниманія и участія. Много распространяться о нихъ я не буду, между прочимъ, и потому, что у нихъ здѣсь есть свой защитникъ и мой знаменитый сторонникъ по обвиненію скоро скажетъ за нихъ свое могучее слово. Они представляютъ отдѣльные, личные интересы, но изъ единичныхъ разореній, изъ гибели

отдѣльныхъ благосостояній слагается большая общественная бѣда, возникаетъ живой интересъ государственнаго возмездія, котораго я здѣсь являюсь поборникомъ. И я не могу не напомнить вамъ вновь тѣ потрясающія картины, которыя городъ Скопинъ видѣлъ въ августѣ и сентябрѣ 1882 года, въ дни крушенія своего пресловутаго банка. Растерянные, пораженные горемъ люди съ плачемъ тѣснились у запертыхъ дверей его. Бѣдняки оплакивали исчезнувшіе въ банкѣ послѣдніе свои достатки, честные труженики не находили въ себѣ силъ помириться съ мыслью о томъ, что отложенныя на черный день скромныя ихъ сбереженія должны пропасть безвозвратно только потому, что Рыкову было угодно взять ихъ себѣ, раздать своимъ друзьямъ и знакомымъ или сдѣлать предметомъ своихъ финансовыхъ операцій. Слезы были тѣмъ безутѣшнѣе, горе тѣмъ глубже, непоправимѣе, что капиталы богачей и оборотныя средства спекуляцій рѣдко попадали въ Скопинскій общественный банкъ, а стекалась туда трудовая копѣйка, въ потѣ лица добытая, лишеніями и умѣренностью выработанная. Трудно копить и откладывать бѣдному люду, и съ его маленькими, но для него драгоцѣнными сбереженіями почти всегда соединены глубоко трогательныя надежды. Ихъ-то и разрушило безпощадно скопинское крушеніе, въ которомъ все — и обезпеченіе тихой старости, и приданое дочери, и возможность поставить на ноги сына — все пошло прахомъ, смѣнившись нищетой и отчаяніемъ. Этого мало, и какъ бы въ злую насмѣшку надъ благотворительностью Рыкова, въ горькое обличеніе тѣхъ истинныхъ цѣлей, съ которыми онъ такъ щедро основывалъ въ Скопинѣ на чужія деньги богоугодныя заведенія, его, Рыкова, банкъ поглотилъ и деньги, предназначенныя на украшеніе храмовъ Божіихъ и на содержаніе иноческихъ обителей и на евангельскую проповѣдь среди далекихъ язычниковъ... Нельзя безъ содроганія и сердечной жалости представить себѣ всѣ тѣ отдѣльныя несчастія, которыя явились прямымъ послѣдствіемъ расхищенія вкладовъ Скопинскаго банка. Ихъ такъ много и они такъ тяжки, что сознаніе ихъ — хотѣлось бы думать — не чуждо и самой скамьи подсудимыхъ. Не легко людей пускать по-міру, все равно для

тщеславія или корысти, и я желалъ бы вѣрить, что и тамъ, за рѣшеткой, краска стыда покроетъ лицо, давно уже краснѣть переставшее, опустятся внизъ беззастѣнчивые глаза, привыкшіе видѣть одну наживу, дрогнетъ сердце, зачерствѣвшее въ торгашествѣ и разсчетахъ... Но напрасно: оттуда мы слышали только лицемѣрно-кичливую рѣчь о себѣ и упорное отрицаніе своей очевидной вины. Да впрочемъ и поздно—похищенныхъ денегъ вѣдь не вернуть, Скопинскій банкъ не воскреснетъ и на раскаянье милліонныхъ хищниковъ плохая надежда!..

Пора бы и кончить, но я не хочу оставлять васъ подъ одними тяжелыми, мрачными впечатлѣніями. Въ наступающемъ исполненіи вами вашей высокой гражданской обязанности есть и великое утѣшеніе возмущенному чувству честности и добра. Когда на судѣ общественной совѣсти раскрывается изъ ряду выходящее, колоссальное зло, встаютъ во весь ростъ темные образы гибельныхъ растлѣвающихъ преступленій — угнетенное сознаніе жаждетъ явленія, подобіе которому порой представляетъ природа. Воздухъ душенъ, дышать тяжело, нависли мрачныя тучи, все кругомъ мертво и уныло, все давитъ, гнететъ, доводитъ почти до отчаянія, до страстнаго желанія уйти, спрятаться, не слышать, не видѣть... Не то ли же и тогда, когда общественная атмосфера густо насыщена возмутительными преступленіями и со дна мутной дѣйствительности поднимаются одуряющія испаренія порчи и зла? Но такъ же, какъ молнія прорѣзаетъ тьму и внезапно освѣщаетъ пространство, какъ ударъ грома и потоки дождя благодатной грозою очищаютъ воздухъ, облегчаютъ дыханіе,—такъ и „*виновенъ*“ суда присяжныхъ разрѣшаетъ всѣ тягостныя недоумѣнія, устрашаетъ дурныя поползновенія, еще колеблющіяся, нерѣшительныя, успокоиваетъ негодующихъ честныхъ людей. Они начинаютъ надѣяться на лучшее будущее, вѣрить въ общественную самозащиту. За мною стоятъ они въ эту торжественную минуту, я говорю отъ ихъ имени, отъ имени общества, которое не хочетъ, чтобы подъ видомъ банковъ грабили его достояніе, отъ лица государства и справедливо карающей власти его, которая не допуститъ, чтобы

въ немъ дерзко процвѣтало хищеніе. Да, я здѣсь не одинъ— всѣ мы, кому дороги истина и порядокъ, возлагаемъ теперь на васъ свои упованія. Мы просимъ, мы требуемъ у васъ примѣрнаго, спасительнаго строгаго правосудія и — мы вѣримъ, мы знаемъ, мы ждемъ—вы намъ дадите его!

Вердиктомъ присяжныхъ засѣдателей оправданы 5 подсудимыхъ: Альшевъ, Земцовъ, Шестовъ, Краснопѣвцевъ и Виноградовъ остальные 21 обвиненъ изъ нихъ Рыковъ, Иванъ Рудневъ Василій Рудневъ, Евгихіевъ и Матвѣевъ по всѣмъ предложеннымъ о нихъ вопросамъ. Приговоромъ судебной палаты Рыковъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

III.

Дѣло о сопротивленіи властямъ, оказанномъ крестьянами села Сараи, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

Засѣданіе особаго присутствія Московской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, въ городѣ Ряжскѣ, 16—20 іюня 1888 года. Предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель В. Р. Завадскій, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В. Муравьевъ, защищали прис. пов. Плевако и друг.

Обвинялись одинъ купецъ и 35 крестьянъ села Сараи, Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ явномъ противодѣйствіи власти, оказанномъ толпою, съ намѣреніемъ воспрепятствовать распоряженіямъ по охраненію порядка противъ самовольныхъ дѣйствій крестьянъ, при чемъ сопротивленіе связано было съ насиліемъ и общими безпорядками и вызвало чрезвычайныя мѣры усмиренія (ст. 263, 264, 265 у. тюж. наказ.).

Обстоятельства настоящаго дѣла заключаются въ слѣдующемъ.

До 1885 года земельная дача крестьянъ села Сараи [1]), Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, площадью около 7,350 десятинъ, находилась въ черезполосномъ владѣніи, при чемъ часть ея принадлежала не крестьянамъ, а мелкимъ частнымъ владѣльцамъ. Еще въ 1841 году возникъ вопросъ о полюбовномъ размежеваніи всей этой земли, но разные владѣльцы не могли придти къ какому-либо соглашенію. Въ 1873 году посредническая коммиссія признала, что дѣло это можетъ быть разрѣшенно судебно-межевымъ разбирательствомъ; въ 1882 году дѣло поступило въ Рязанскій окружный судъ, а въ 1885 году, по опредѣленію окружного суда, Рязанскимъ губернскимъ правленіемъ командированъ былъ въ дачу села Сараи землемѣръ Филипповъ и ему поручено было снять на планъ границы черезполоснаго владѣнія.

Однако, когда Филипповъ прибылъ въ названное село, у крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ Сараевской дачи явилось желаніе покончить миромъ дѣло о размежеваніи между собою земли. Землемѣръ прервалъ начатое имъ измѣреніе черезполоснаго владѣнія и, не приведя его въ извѣстность, приступилъ къ соглашенію крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ, по общей ихъ просьбѣ, къ полюбовному размежеванію. Соглашеніе между ними было достигнуто, и землемѣръ составилъ „полюбовную сказку“, которая была подписана какъ уполномоченными отъ крестьянъ села Сараи, такъ и частными владѣльцами; уполно-

---

[1]) Крестьяне села Сараи числятся въ четырехъ обществахъ: государственныхъ крестьянъ, Никифоровскомъ, Гагаринскомъ и Барышниковскомъ.

моченные отъ крестьянъ подписали „сказку" лишь послѣ того, какъ получили на то согласіе отъ избравшаго ихъ общества.

Встѣдствіе соглашенія крестьянъ съ частными владѣльцами судебно-межевое дѣло о Сараевской дачѣ, находившееся на разсмотрѣніи Рязанскаго окружного суда, по просьбѣ сторонъ, было прекращено. Рязанское губернское правленіе „полюбовную сказку" признало составленною правильно и 17 сентября 1885 года она была утверждена; послѣ того землемѣромъ Филипповымъ произведено было по ней размежеваніе Сараевской дачи, и въ томъ же 1885 году всѣ совладѣльцы дачи вступили во владѣніе отмежеванными имъ участками.

При миролюбивомъ размежеваніи Сараевской дачи крестьянамъ достались лучшіе участки—и качествомъ, и по мѣсту расположенія ихъ близъ села и по теченію рѣки Верды; при томъ они получили земли на двѣсти десятинъ больше, чѣмъ слѣдовало имъ по владѣнной записи. Желая имѣть свои участки въ одной межѣ и тѣмъ избавиться отъ разорительнаго черезполоснаго владѣнія, частные владѣльцы не только согласились принять концы полей въ безводныхъ мѣстностяхъ, вдалекѣ отъ населенныхъ мѣстъ, но и уступили крестьянамъ довольно значительныя части принадлежащей имъ въ Сараевской дачѣ земли.

Однако не всѣ крестьяне села Сараи оказались довольны результатомъ полюбовнаго размежеванія. Такъ, крестьяне Никифоровскаго общества считали, что имъ на долю досталась земля худшаго качества сравнительно съ участками, доставшимися другимъ совладѣльцамъ. Кромѣ того, по мнѣнію многихъ крестьянъ и, главнымъ образомъ, малоземельныхъ, прежнее черезполосное владѣніе землей представляло для нихъ существенныя выгоды: нѣкоторые частные владѣльцы прежде совсѣмъ не пользовались принадлежавшими имъ и находившимися въ черезполосномъ владѣніи участками. Крестьяне завладѣли этими участками самовольно, превращали луговыя земли въ пахотныя и, пользуясь ими долгое время, привыкли считать ихъ за свои собственные. Для многихъ крестьянъ, лишившихся послѣ полюбовнаго размежеванія Сараевской дачи возможности самовольно пользоваться чужими участками, казалось, что они были обдѣлены землей въ пользу частныхъ владѣльцевъ. Это недовольство, спустя нѣкоторое время, обострилось, благодаря стараніямъ злонамѣренныхъ людей, и, наконецъ, разрослось до противодѣйствія властямъ, выразившагося въ цѣломъ рядѣ случаевъ сопротивленія должностнымъ лицамъ, насилій и другихъ самовольныхъ дѣйствіяхъ и безпорядкахъ, которые прекратились лишь по прибытіи на мѣсто войскъ, вызванныхъ губернскимъ начальствомъ. Произошли волненія и безпорядки при такихъ обстоятельствахъ:

Въ маѣ 1886 года, черезъ полгода послѣ размежеванія земли, отъ имени купца И. Ф. Новодережкина, жившаго въ селѣ Сараи, присяжнымъ повѣреннымъ Шиловскимъ принесена была въ правительствующій сенатъ жалоба съ указаніемъ, что Новодережкинъ не былъ вызванъ установленными повѣстками къ размежеванію Сараевской дачи, узналъ объ этомъ долго спустя, и что въ полюбовной сказкѣ пропущенъ принадлежащій ему участокъ въ пять десятинъ, пріобрѣтенный имъ раньше по купчей крѣпости. Въ виду сего, въ мартѣ 1887 г. сенатъ отмѣнилъ опредѣленіе губернскаго правленія, утвердившаго полюбовную сказку о размежеваніи земли, совершившемся за полтора года до этого, и предписалъ вновь обсудить вопросъ объ утвержденіи „полюбовной сказки" и надѣлить Новодережкина. Губернское правленіе, вслѣдствіе этого, объявило крестьянамъ села Сараи и частнымъ совладѣльцамъ, что ихъ сдѣлка и полюбовное размежеваніе оказываются не подлежащими удовлетворенію и

что должно выдѣлить 5 десятинъ Новодережкину, а если они откажутся составить объ этомъ „дополнительную сказку", то и прежде составленная „полюбовная сказка" и все межевое производство землемѣра Филиппова по составленію ея будутъ считаться уничтоженными.

Вскорѣ послѣ сего уполномоченные крестьянъ, но уже не тѣ, которые были при полюбовномъ размежеваніи въ 1885 году, подали Рязанскому губернатору и въ мѣстное губернское присутствіе прошенія, въ коихъ заявили, что дополнительная „полюбовная сказка" едва-ли состоится, такъ какъ, не говоря уже объ участкѣ для Новодережкина, необходимо произвести новое размежеваніе всей Сараевской дачи и для того, чтобы выдѣлить еще 375 десятинъ земли государственнымъ крестьянамъ, которые, будто бы, въ 1885 году были обдѣлены, въ виду же того, что полюбовная сдѣлка 1885 года черезъ это теряетъ силу, крестьяне просили поскорѣе командировать землемѣра для уничтоженія сдѣланныхъ землемѣромъ Филипповымъ межевыхъ знаковъ, съ тѣмъ, чтобы сараевскіе крестьяне могли пользоваться землей попрежнему, черезполосно. Это было началомъ волненій. Рѣшеніе сената, отмѣнившее полюбовную сдѣлку, было истолковано крестьянами такъ, что полюбовное размежеваніе совсѣмъ не имѣетъ значенія и можно владѣть землей попрежнему. „Указъ совсѣмъ насъ спуталъ, мы забыли уже было о произведенномъ Филипповымъ размежеваніи и владѣли землей спокойно", говорилъ при предварительномъ слѣдствіи одинъ изъ крестьянъ.

Для разъясненія крестьянамъ указа сената, въ Сараи, по распоряженію губернатора, отправился помощникъ губернскаго землемѣра Шишкинъ, вмѣстѣ съ уѣзднымъ исправникомъ. Они собрали въ Сараяхъ сходъ и объяснили крестьянамъ, что основанное на полюбовномъ размежеваніи право владѣнія землей можетъ быть измѣнено или съ общаго согласія всѣхъ участвовавшихъ въ размежеваніи владѣльцевъ дачи, или по судебному рѣшенію, и что черезполосное владѣніе возстановлено быть не можетъ въ силу уже одного того, что черезполосныя владѣнія не были даже совсѣмъ сняты на планъ и никакихъ признаковъ о владѣніяхъ тѣхъ не осталось; тѣмъ, кто недоволенъ полюбовнымъ размежеваніемъ, они совѣтовали обратиться съ искомъ въ судъ. Тогда крестьяне заявили землемѣру Шишкину, что они сами, помимо начальства, возстановятъ черезполосное владѣніе. Крестьяне Федоръ Литвиновъ, Хабаровъ, Саморуковъ и отставной унтеръ-офицеръ Никифоровъ кричали: „Гдѣ намъ, темнымъ людямъ, искать своихъ правъ судомъ, пусть лучше частные владѣльцы ищутъ съ насъ". Федоръ Литвиновъ тутъ же заявилъ, что распоряженіямъ губернскаго правленія онъ подчиниться не желаетъ, а такъ какъ начальство желаніе крестьянъ опять подѣлить землю черезполосно удовлетворить не хочетъ, то онъ немедленно донесетъ о томъ Государю Императору и „завтра же поѣдетъ дѣлить землю по старому". Вскорѣ послѣ этого, сначала Федоромъ Литвиновымъ, а затѣмъ и уполномоченными отъ государственныхъ крестьянъ отправлены на Высочайшее имя три телеграммы съ просьбой о скорѣйшемъ командированіи землемѣра для уничтоженія межевыхъ знаковъ, мѣшающихъ имъ раздѣлить землю и приступить къ обработкѣ полей черезполосно; попрежнему они владѣли землей „по четвертямъ", и владѣніе это, не внесенное на планъ, было хорошо извѣстно изъ всего села одному лишь Хабарову.

22 іюня крестьяне, подъ предводительствомъ Федора Литвинова, отправились толпой съ саженями и веревками въ поле для подготовительныхъ измѣреній къ дѣлежу земли „по старому", производили измѣренія нѣсколько дней и прогоняли при этомъ съ поля всѣхъ выѣзжавшихъ туда на работу односель-

чанъ, заявляя имъ, что „если все общество не пашетъ, то не стѣдъ и имъ пахать“, а когда работавшіе возражали имъ на это, что они такъ останутся безъ хлѣба, то увѣряли, что „Царь прокормитъ“. Вслѣдствіе этого остались незасѣянными подъ озимый хлѣбъ поля въ количествѣ 1700 десятинъ. Обходя поля, большая толпа народа ходила и по землямъ частныхъ владѣльцевъ, не обращая вниманія на ихъ просьбы и требованія не мять ихъ полей.

Для прекращенія такого своеволія крестьянъ 25 іюня въ Сараи прибыли совѣтникъ губернскаго правленія Корвинъ-Круковскій и помощникъ губернскаго землемѣра Шишкинъ. На увѣщанія ихъ пахать озимое поле крестьяне отвѣтили, что пахать не будутъ, пока не будутъ уничтожены межевые знаки, а Федоръ Литвиновъ отъ имени всѣхъ заявилъ, что они выберутъ повѣренныхъ для ходатайства предъ Государемъ Императоромъ. 30 іюня, въ качествѣ уполномоченныхъ отъ крестьянъ, выѣхали въ Петербургъ Федоръ и Михаилъ Литвиновы. Уѣзжая, они приказали крестьянамъ до ихъ возвращенія полей не пахать. Съ отъѣздомъ ихъ между крестьянами въ Сараяхъ водворился временный порядокъ.

20 іюля въ Сараи прибылъ землемѣръ Семеновъ, командированный для составленія дополнительной полюбовной сдѣлки на выдѣлъ 5 десятинъ купцу Новодережкину. Частные владѣльцы предложили крестьянамъ за выдѣлъ ими Новодережкину его участка вдвое, а затѣмъ втрое большій участокъ, но крестьяне не согласились и твердили, что желаютъ уничтоженія всѣхъ межевыхъ знаковъ.

Послѣ того какъ крестьянамъ объявлено было, что ходатайство ихъ, изложенное въ трехъ телеграммахъ на Высочайшее имя, оставлено безъ послѣдствій, Федоръ и Михаилъ Литвиновы опять отправились въ Петербургъ, чтобы лично подать прошеніе Государю Императору. Изъ Петербурга Михаилъ Литвиновъ прислалъ на имя родственника своего Хабарова письмо, въ коемъ извѣщалъ односельцевъ-сараевцевъ о большихъ успѣхахъ, будто бы, достигнутыхъ ими въ Петербургѣ, и между прочимъ сообщалъ, что „они помѣстились во дворцѣ Великихъ Князей, которыми были приняты какъ родныя дѣти“. 13 сентября Литвиновы вернулись въ Сараи и продолжали волновать крестьянъ разными ложными свѣдѣніями, разсказывая, что подали на Высочайшее имя прошеніе сложить съ сараевскихъ крестьянъ, въ виду оставшихся незасѣянными полей, подати за этотъ годъ и дать имъ средства на пропитанія въ этомъ и въ слѣдующемъ году, впредь до разрѣшенія ихъ прошенія. Литвиновы воспретили крестьянамъ платить подати и пахать землю и убѣждали ихъ вѣрить, что у Федора Литвинова имѣется „грамота съ золотыми буквами и печатью“, на основаніи которой слѣдуетъ, не обращая вниманія на воспрещеніе начальства, продолжать попрежнему самовольно дѣлить землю, о чемъ имъ посовѣтовали-де въ Петербургѣ, а всѣ убытки крестьянъ отъ незасѣянія полей будутъ взысканы съ частныхъ владѣльцевъ.

Крестьянамъ Федоръ Литвиновъ, не стѣсняясь, разсказывалъ небылицы, что, будучи въ Петербургѣ, онъ, будто бы, былъ во дворцахъ Великихъ Князей и Царскомъ, сидѣлъ тамъ на бархатномъ съ золотомъ креслѣ, былъ при этомъ одѣтъ не въ свое крестьянское платье, а въ сюртукъ съ обшитыми воротникомъ и рукавами, при чемъ его называли тамъ „ваше высокоблагородіе“. Михаилъ Литвиновъ тоже разсказывалъ о большихъ, будто бы, связяхъ въ Петербургѣ во дворцѣ Великихъ Князей.

Смѣлость и увѣренность въ дѣйствіяхъ, обнаруженныя Федоромъ Литвиновымъ по возвращеніи въ Сараи изъ вторичной поѣздки въ Петербургъ, по-

стоянное настояніе его, чтобы крестьяне исполняли требованія его „въ его голову“, спаиваніе ихъ водкой, покупаемой на деньги, собираемыя съ крестьянъ „на хлопоты“, и обѣщаніе исходатайствовать весьма заманчивыя и желательныя для нихъ льготы—все это совершенно подчинило ему толпу и вскружило крестьянамъ головы. Особое довѣріе, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, оказывалось Федору Литвинову крестьянами потому, что заодно съ нимъ были пользовавшіеся всегда большимъ уваженіемъ въ средѣ ихъ другой уполномоченный—Михаилъ Ивановъ Литвиновъ и крестьянинъ Прокопій Хабаровъ. Михаилъ Литвиновъ былъ при безпорядкахъ въ Сараяхъ даже руководителемъ Федора Литвинова „Михаилъ Литвиновъ внушитъ что-нибудь Федору, ну, тотъ и лѣзетъ“. По распоряженію Федора Литвинова собирались самовольные сходы, на которыхъ самовольство крестьянъ дошло до крайняго предѣла: было рѣшено отказаться отъ волостного старшины, волостного писаря и сельскаго старосты; убавить духовенству плату за требы, отказаться отъ священника Знаменскаго, исключить изъ среды своей и сослать въ Сибирь бывшихъ уполномоченныхъ общества крестьянъ села Сараи, участвовавшихъ при размежеваніи Сараевской дачи; затѣмъ были постановленія о раздѣлѣ земли крестьянамъ, о воспрещеніи подъ опасеніемъ штрафа въ 3 рубля запахивать и засѣвать поля, при чемъ если кто изъ крестьянъ, вопреки этому распоряженію, выѣзжалъ въ поле, то его гнали оттуда, били и ломали у него соху.

Въ сентябрѣ наступилъ срокъ для уплаты податей, но крестьяне, ссылаясь на данное имъ Литвиновыми приказаніе, отказались платить ихъ и на требованія старосты возражали: „Какія тебѣ подати, это все твои выдумки“.

Вскорѣ Федоръ Литвиновъ, во главѣ толпы человѣкъ въ 300, приступилъ къ возстановленію межъ черезполоснаго владѣнія, ходилъ по всѣмъ полямъ Сараевской дачи, сохами проводилъ глубокія борозды по обработаннымъ частнымъ землямъ, дѣля ихъ и обходя межи и межевые знаки, при чемъ лошади и народъ топтали озимый хлѣбъ частныхъ владѣльцевъ. На одномъ изъ самовольныхъ сходовъ, собравшихся по приказанію Федора Литвинова, постановлено было разослать частнымъ владѣльцамъ Сараевской дачи повѣстки съ приглашеніемъ явиться въ назначенный срокъ „на съѣздъ“ со всѣми документами на ихъ земельные участки и лишить земли тѣхъ изъ нихъ, которые не явятся. Никто изъ названныхъ частныхъ владѣльцевъ, однако, по этому вызову „на съѣздъ“ не прибылъ. Примѣръ дерзости и самоволія подавалъ всюду Федоръ Литвиновъ. Между прочимъ, 15 сентября онъ явился въ волостное правленіе и обратился къ старшинѣ съ вопросомъ, собралъ ли онъ сельскій сходъ. Старшина въ отвѣтъ на это сталъ упрекать Литвинова въ томъ, что онъ смущаетъ народъ, и, подойдя къ Литвинову, сказалъ, что посадитъ его за все это въ арестантскую. Федоръ Литвиновъ, крикнувъ, что арестовать его старшина не можетъ, толкнулъ его въ грудь и вышелъ изъ волостного правленія. Послѣ сего крестьяне къ сельскому начальству и полицейскимъ урядникамъ стали относиться вызывающимъ образомъ. Съ своей стороны, Федоръ Литвиновъ, сознавая шаткость своего положенія, созданнаго самоуправными дѣйствіями относительно дѣлежа земли и воспрещенія уплаты податей, и опасаясь быть арестованнымъ за возбужденіе въ средѣ крестьянъ безпорядковъ, просилъ ихъ не выдавать его.

25 сентября становой приставъ Терновскій составилъ и передалъ судебному слѣдователю Ряжско-Сапожковскаго уѣзда протоколъ о томъ, что, по распоряженію Литвинова, крестьяне отказались платить подати, а черезъ день, 27 сентября, объявилъ Литвинову исполнительный листъ мирового судьи о томъ, что

онъ Литвиновъ, подлежитъ аресту. Было это въ становой квартирѣ, тутъ же въ сѣтѣ Сараяхъ. Объявивъ исполнительный листъ приставу, ветеръ находившемуся въ канцеляріи урядніку и сотскимъ взять Литвинова, но тотъ отпихнулъ ихъ и съ криками: „Караулъ, грабятъ" выбѣжалъ на улицу. На крикъ Литвинова тотчасъ явились человѣкъ 50 крестьянъ и отняли его у полицейскихъ, которые, видя возбужденіе толпы, должны были уступить. Составленъ былъ второй протоколъ.

Черезъ два дня судебный слѣдователь вызвалъ Литвинова повѣсткой въ городъ Рязскъ для допроса, но онъ не пожелалъ принять повѣстки. Слѣдователь пріѣхалъ на станцію „Верда", находящуюся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ села Сараи, за Литвиновымъ, который, по обычаю, былъ съ толпой въ полѣ, отправился съ повѣсткой волостной старшина, но Литвиновъ отвѣтилъ, что „показать не присутственное мѣсто", и идти къ слѣдователю отказался. Съ этого времени Федора Литвинова днемъ и ночью стала охранять толпа крестьянъ, рѣшившихся, во что бы то ни стало, не выдавать его полиціи, при чемъ рѣшено было, если нужно будетъ отбиваться, то ударить въ набатъ. 1 октября мѣстный исправникъ со старшиной и нѣсколькими полицейскими урядниками отправился къ избѣ Литвинова, чтобы взять его къ слѣдователю „приводомъ". Изба оказалась окруженною толпой крестьянъ, человѣкъ въ двѣсти изъ нихъ человѣкъ тридцать были съ толстыми кольями. Ни увѣщанія, ни требованія исправника ни приказаніе урядника „очистить ему дорогу къ избѣ" не подѣйствовали на толпу. „Не допустимъ къ Литвинову, не выдадимъ, не лѣзьте, хуже будетъ",—былъ отвѣтъ толпы, а урядниковъ заранѣе еще предупреждали „Если вздумаете брать Литвинова, измолотимъ мы васъ".

Прибылъ въ Сараи совѣтникъ губернскаго правленія Корвинъ-Круковской и самъ лично и черезъ священника отца Екатерининна, пользовавшагося особымъ уваженіемъ и довѣріемъ въ средѣ сараевскихъ крестьянъ, велъ переговоры съ ними, но успѣха никакого не было. Слѣдователю послѣ этого отправлено было отъ Сараевскаго общества заявленіе, чтобы полиція „съ прежнею дерзостью" не являлась брать Федора Литвинова, а чтобы слѣдователь самъ прибылъ въ домъ Литвинова для допроса его при обществѣ. Совѣтникъ Корвинъ-Круковской, увидавъ, что положеніе дѣла въ селѣ Сараи весьма серьезно, телеграфировалъ начальнику Рязанской губерніи, что необходимо личное его распоряженіе на мѣстѣ.

2 октября губернаторъ, генералъ-майоръ Кладищевъ, прибылъ въ Сараи и по его приказанію 3 октября собранъ былъ у волостного правленія сходъ крестьянъ; на сходъ явился и Федоръ Литвиновъ; крестьяне для встрѣчи губернатора приготовили хлѣбъ-соль. Собралось здѣсь до тысячи человѣкъ крестьянъ, между ними были женщины и дѣти.

При приближеніи губернатора къ мѣсту схода всѣ бывшіе на немъ крестьяне стали на колѣни; впереди ихъ стоялъ покрытый бѣлой скатерью столъ съ хлѣбомъ-солью. Поздоровавшись съ крестьянами, губернаторъ сказалъ имъ, что хлѣбъ-соль ихъ онъ не приметъ до тѣхъ поръ, пока они не исполнятъ требованія закона, который приказываетъ слушаться властей и судебныхъ опредѣленій, при чемъ вызываемыя по требованію власти лица должны слушаться и являться безъ сопровожденія толпы. Въ толпѣ, стоявшей дотолѣ безмолвно, началось нѣкоторое волненіе и шумъ, многіе изъ крестьянъ стали перебивать губернатора и затѣмъ всѣ вдругъ, совершенно неожиданно, поднялись на ноги и, надѣвъ шапки, закричали „Не дадимъ Литвинова; если брать, то всѣхъ; безъ него мы останемся безъ хлѣба". Бросились къ Федору Литвинову, подхва-

тили его на руки и съ крикомъ „ура“ направились съ нимъ къ церкви, чтобы служить молебенъ за избавленіе Литвинова отъ губернатора.

Губернаторъ, въ виду полной невозможности прекратить безпорядки, ушелъ отъ волостного правленія. Между тѣмъ безпорядокъ въ толпѣ продолжался, слышались поощряющіе къ буйству крики „Что вы, бабы, смотрите, швыряйте грязью, бейте дружнѣе!“ Нѣкоторые крестьяне и женщины, вынувъ изъ-подъ надѣтаго сверху платья спрятанныя дотолѣ палки съ набитыми у иныхъ на концахъ палокъ гайками отъ желѣзнодорожныхъ винтовъ, кинулись на выбиравшихся изъ толпы полицейскихъ урядниковъ, бросая въ нихъ палками и грязью, двумъ урядникамъ нанесены были побои палками; бабы кричали, что „сумѣютъ вытянуть урядниковъ, не хуже мужиковъ“. Въ то же время съ колокольни раздался звонъ въ набатъ, и вскорѣ „видимо-невидимо“ набѣжало крестьянъ изъ сосѣднихъ селъ и деревень Узнавъ отъ работниковъ своихъ, что священникъ Знаменскій не позволялъ бить въ набатъ, Федоръ Литвиновъ крикнулъ толпѣ: „Разорвать его въ клочки“. Кто-то успѣлъ предупредить священника, и тотъ, въ виду опасности, поспѣшилъ спрятаться и вскорѣ выѣхалъ съ своею семьей изъ Сараевъ.

Въ тотъ же день къ вечеру по селу былъ распространенъ слухъ, что „пріѣзжалъ не губернаторъ, а подкупленный полицейскій урядникъ и было все одно мошенство и обманъ“. На слѣдующее утро, 4 октября, въ церкви села Сараи по просьбѣ крестьянъ, заявленной крестьяниномъ Саморуковымъ, священникъ Вишневскій служилъ молебенъ и при этомъ обратился къ крестьянамъ съ поученіемъ о повиновеніи властямъ, но Саморуковъ прервалъ его громкимъ замѣчаніемъ, что „Царской власти они повинуются, но не повинуются подкупленнымъ помѣщиками мѣстнымъ властямъ“.

Для возстановленія порядка и прекращенія своеволія сараевскихъ крестьянъ губернаторъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ вызову въ Сараи двухъ батальоновъ войскъ. Съ прибытіемъ войскъ порядокъ въ селѣ былъ возстановленъ, и судебный слѣдователь получилъ возможность производить предварительное слѣдствіе о сопротивленіи власти

Предварительное слѣдствіе показаніями свидѣтелей установило, что, кромѣ вожаковъ и подстрекателей Федора и Михаила Литвиновыхъ, въ толпѣ, производившей безпорядки и оказывавшей сопротивленіе властямъ, выдѣлялись 34 крестьянина. Вмѣстѣ съ Литвиновыми подстрекателями крестьянъ являлись кабатчикъ, содержавшій въ селѣ Сараи питейное заведеніе, купеческій сынъ Иванъ Федоровъ Новодережкинъ и крестьянинъ Зиновій Никифоровъ.

Выяснено, между прочимъ, что Новодережкинъ умышленно допустилъ при совершеніи въ 1885 году полюбовной сказки о размежеваніи земли пропускъ своего участка въ 5 десятинъ и не подписался подъ актомъ полюбовнаго размежеванія, оставляя чрезъ это возможность подорвать впослѣдствіи всю эту мирную сдѣлку крестьянъ съ частными владѣльцами. При полюбовномъ межеваніи онъ былъ и участокъ его былъ внесенъ писаремъ Конаковымъ въ „сказку“ подъ однимъ нумеромъ съ землей священника Знаменскаго; когда землемѣръ предлагалъ Новодережкину „отколбить“ отведенную ему при размежеваніи землю, то онъ отвѣтилъ, что „земля его куплена крѣпостнымъ порядкомъ“. При самомъ отмежеваніи участка Новодережкинъ не былъ, сказавъ, что ему „теперь некогда и онъ вѣритъ, что его не задѣлятъ“, а затѣмъ крестьянамъ за труды по размежеванію выслалъ двѣ бутылки водки Цѣль его при подачѣ прошенія въ сенатъ чрезъ присяжнаго повѣреннаго Шиловскаго объ отмѣнѣ полюбовной сдѣлки

была, какъ выяснилось, та, чтобы при новомъ межеваніи получить отъ крестьянъ довольно цѣнное мѣсто на базарной площади для постройки лавки.

Въ началѣ безпорядковъ Литвиновъ и Прокофій Хабаровъ постоянно бывали у Новодережкина. Во время волненій и безпорядковъ Новодережкинъ самъ не участвовалъ въ нихъ, но при всякомъ случаѣ говорилъ крестьянамъ: „валите, продолжайте, не смотрите ни на кого". Онъ поддерживалъ всѣ выдумки и разсказы Литвиновыхъ „о золотой грамотѣ" и прочіе ложные слухи, распускаемые Литвиновыми, придумалъ повѣстки о вызовѣ частныхъ владѣльцевъ на неудавшійся „съѣздъ", убѣждалъ старосту „положить сборную книжку и не требовать податей, такъ какъ пріѣдутъ Литвиновы изъ Петербурга, повинности собираться не будутъ и землю вновь дѣлить будутъ". По поводу пріѣзда губернатора 3 октября въ Сараи онъ говорилъ: „Это не есть законъ, законъ—у Феди есть бумаги, а у меня повѣренный. Выяснилось и то, что самовольные сходы, созывавшіеся часто Литвиновымъ, приносили Новодережкину барыши, такъ какъ у него при этомъ покупали не мало водки.

На судебномъ засѣданіи показанія свидѣтелей обвиненія подтвердили въ общемъ то, что было выяснено предварительнымъ слѣдствіемъ. Между прочимъ свидѣтель Карандѣевъ, непремѣнный членъ Сапожковскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, обративъ особое вниманіе въ своемъ показаніи на причины волненій и безпорядковъ, высказалъ мнѣніе, что много дѣйствовало убѣжденіе, что если „міромъ дѣлать, то всѣ требованія крестьянъ должны быть исполнены", и что главными причинами безпорядковъ были отсутствіе страха предъ наказаніемъ и особенно подстрекательство Свидѣтель Конаковъ, бывшій сельскимъ писаремъ въ селѣ Сараи до начала безпорядковъ, показалъ, что въ то время, когда состоялось полюбовное размежеваніе земли, онъ писалъ приговоръ, и тогда вся земля Новодережкина, изъза которой послѣ отмѣнена была сенатомъ полюбовная сдѣлка, ему была отведена, но была записана не на его имя, а на имена прежнихъ владѣльцевъ земли, такъ какъ она скуплена была имъ у крестьянъ; записать такъ просилъ Новодережкинъ. Свидѣтель Терентій Саморуковъ, бывшій уполномоченнымъ отъ общества при полюбовномъ размежеваніи Сараевской дачи въ 1885 году, показалъ, что Михаилъ Литвиновъ, на вопросъ его, чего онъ хлопочетъ и бунтуетъ народъ, отвѣчалъ: „Да я бы и не хлопоталъ, да боюсь взяточникомъ, измѣнникомъ почтутъ въ обществѣ".

Нѣкоторые изъ свидѣтелей защиты, начиная показаніе, заявляли, что ничего не знаютъ; знаютъ лишь одно, что „повѣренный общества, подсудимый Хабаровъ запретилъ всѣмъ брать палки на сходъ", и всѣ крестьяне были безъ палокъ.

Прокуроръ палаты обратилъ вниманіе на ту странность, что свидѣтели эти, не говоря ничего о всемъ дѣлѣ, сразу безъ вопросовъ указываютъ на одинъ мелкій и идущій въ разрѣзъ съ другими показаніями фактъ. Очевидно, они были подговорены, подготовлены къ показанію и слишкомъ безхитростно исполнили это порученіе.

Присяжный повѣренный Шиловскій, обжаловавшій по просьбѣ Новодережкина полюбовную сказку, объяснилъ весь порядокъ этого ходатайства. Новодережкинъ имѣлъ двоякую землю: одну, скупленную у крестьянъ, онъ имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ въ черезполосьѣ, и эта земля при полюбовномъ межеваніи ему была отведена, а другую землю, купленную имъ у какого-то помѣщика, пропустили. На этой усадебной землѣ стояли постройки Новодережкина.

Постройки Новодережкина, какъ разсказалъ родственникъ его Д. Новодережкинъ, стоятъ болѣе 30,000 рублей, и въ эту сумму онѣ были застрахованы. Когда при полюбовномъ межевании эту усадебную землю пропустили, то нѣкоторые крестьяне стали говорить, что будутъ брать съ него 1,000 рублей аренды за эту землю, и онъ этимъ вынужденъ былъ начать дѣло объ уничтоженіи полюбовнаго межеванія.

Аттестаты отъ Преображенскаго полка о службѣ подсудимаго Михаила Литвинова и его собственный дополнительный разсказъ выяснили, что онъ „примѣрно, отлично проходилъ службу", „заслужилъ особое довѣріе", посылался изъ полка лично къ покойному Государю съ приказомъ по полку, удостоивался Царскаго. „здравствуй" и похвалы „молодецъ", бывалъ ординарцемъ Великихъ Князей, выполнялъ цѣлый рядъ особыхъ порученій по полку, получалъ значительныя денежныя награды и имѣетъ двое именныхъ часовъ отъ Великихъ Князей Вообще онъ съ примѣрнымъ успѣхомъ проходилъ военную службу и былъ оставляемъ на жалованьи въ 240 рублей въ годъ на продолженіе службы, но ушелъ домой, уступая просьбѣ старика отца.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора судебной палаты:

„Гг. судьи, гг. сословные представители! Вамъ предстоитъ произнести сужденіе о крупномъ противодѣйствіи правительственнымъ распоряженіямъ, которое было произведено толпой, забывшею, что исполнять законъ и повиноваться власти есть всегда и вездѣ непремѣнный долгъ всѣхъ и каждаго, безъ различія сильнаго отъ слабаго, богатаго отъ бѣднаго, помѣщика отъ крестьянина. Противодѣйствіе это было упорно и продолжительно, и отвѣчать за него должны много лицъ, дѣйствовавшихъ хотя и въ различные моменты, но сообща, въ одномъ направленіи, подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же побужденій. При такой обстановкѣ дѣла для успѣшнаго раскрытія въ немъ истины необходимы прежде всего ясность и простота въ пріемахъ разсмотрѣнія. Призванное первымъ содѣйствовать суду въ его задачѣ, обвиненіе намѣрено не упускать изъ виду этихъ условій. Оно желало бы, не вдаваясь въ частности, сосредоточить ваше вниманіе на тѣхъ главнѣйшихъ, выдающихся пунктахъ настоящаго обширнаго дѣла, съ которыхъ оно можетъ быть освѣщено полно, правильно и ровно, безъ излишняго сгущенія тѣней, но и безъ затушевки красокъ тамъ, гдѣ онѣ своею яркостью сами бьютъ въ глаза. Государственный обвинитель, искренно убѣжденный въ правотѣ своихъ выводовъ, можетъ—

да и долженъ—строить ихъ убѣдительную силу не на искусномъ изложеніи или искусственной группировкѣ доводовъ, а лишь на неотразимой логикѣ непреложныхъ фактовъ, болѣе краснорѣчивыхъ, чѣмъ всѣ ораторскія рѣчи. Мы помнимъ хорошо, что если, съ одной стороны, нарушенный порядокъ требуетъ возстановленія и попранный законъ—возмездія, то съ другой—здѣсь, предъ нами, десятки кормильцевъ и отцовъ семействъ со страхомъ ждутъ рѣшенія ихъ участи. Мы знаемъ также, что на нашемъ отвѣтственномъ мѣстѣ всего важнѣе безпристрастіе и справедливость, всего сильнѣе—спокойная и твердая умѣренность".

Затѣмъ прокуроръ палаты нарисовалъ общую картину оказаннаго крестьянами противодѣйствія, цѣлью котораго было самовольно добиться возвращенія уничтоженнаго съ ихъ же согласія черезполоснаго владѣнія и устраненія всѣхъ законныхъ къ тому препятствій. „Крестьянами села Сараи овладѣло глубокое волненіе со времени объявленія имъ сенатскаго указа о неутвержденіи полюбовной сказки по жалобѣ Новодережкина; между ними началось и все усиливалось настоящее движеніе, проявлявшееся въ серьезныхъ безпорядкахъ при каждомъ столкновеніи съ властями, которыя, дѣйствуя вполнѣ правильно, сдержанно и настойчиво, принимали всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры къ успокоенію крестьянъ и къ прекращенію ихъ упорнаго сопротивленія всѣмъ разъясненіямъ и требованіямъ начальства. Крестьяне не только не были обижены при полюбовной сказкѣ, но даже получили лучшіе участки, уступленные имъ частными владѣльцами для того, чтобы покончить съ давнею черезполосицей. Но такъ какъ она, давая легкую возможность пользоваться чужою землей, была выгодна для нѣкоторыхъ и при томъ болѣе вліятельныхъ, между крестьянами, то подбиваемая и увлеченная толпа, совершенно отуманенная вожаками, ничего не слушала, ничему не вѣрила и домогалась новаго раздѣла земли, уже на совершенно произвольныхъ основаніяхъ. Сюда входилъ и прямой захватъ чужого; такъ, крестьяне подарили одинъ изъ хуторовъ помѣщика Малютина своему вожаку Федору Литвинову въ награду за его бунтовскія хлопоты.

Движеніе было для массы сбивчивое и смутное, все построенное на ложныхъ слухахъ, нелѣпыхъ розсказняхъ и превратномъ толкованіи офиціальныхъ актовъ; для многихъ же, между прочимъ и для главнѣйшихъ подсудимыхъ, изъ которыхъ, напримѣръ, Прокофій Хабаровъ одинъ въ селѣ отлично зналъ границы стараго владѣнія и вмѣстѣ съ двумя другими подсудимыми, Иваномъ Барсуковымъ и Матвѣемъ Гороховымъ, самъ былъ въ числѣ уполномоченныхъ 1885 года, согласившихся на уничтоженіе черезполосицы, — оно было завѣдомо и сознательно неправое. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ іюля по октябрь 1887 года, сбитые съ толку крестьяне села Сараи прошли черезъ всѣ формы своеволія, отъ буйства, драки и безпорядочнаго крика на самовольныхъ сходахъ до рѣзкаго сопротивленія и полнаго противодѣйствія власти, которое разразилось, наконецъ, событіемъ 3 октября въ присутствіи начальника губерніи. Со времени объявленія крестьянамъ распоряженія губернскаго правленія о составленіи, вслѣдствіе жалобы Новодережкина, дополнительной сказки на его участокъ, т.-е. съ начала іюня и до половины сентября, продолжался, такъ сказать, предварительный періодъ возбужденія, отмѣченный поѣздками уполномоченныхъ въ Рязань и въ Петербургъ, тщетными увѣщаніями пріѣзжавшихъ въ село Сараи должностныхъ лицъ, приготовленіями къ дѣлежу земли, сборищами, толками и возраставшею дерзостью Федора Литвинова. Періодъ этотъ окончился большимъ сходомъ 14 сентября, на которомъ оба уполномоченные, Федоръ и Михаилъ Литвиновы, выложили предъ крестьянами всѣ небылицы, привезенныя ими изъ Петербурга, и Михаилъ Литвиновъ читалъ собственныя свои, поданныя въ Петербургѣ, прошенія. На другой день, вѣроятно, видя что дѣло зашло слишкомъ далеко, онъ предусмотрительно уѣхалъ по торговымъ дѣламъ въ Астрахань, оставивъ продолженіе дѣла безпорядковъ Федору Литвинову, которому давно терять уже было нечего. Противодѣйствіе крестьянъ выразилось прежде всего въ цѣломъ рядѣ общихъ проявленій упорства и своеволія. Несмотря на самыя выгодныя предложенія владѣльцевъ, они отказались наотрѣзъ отъ всякаго соглашенія для со-

ставленія дополнительной полюбовной сказки. Въ ожиданіи „кормежныхъ денегъ“, которыя, по обѣщанію Литвиновыхъ, должны быть присланы изъ Петербурга, рѣшили не пахать и не засѣвать полей, прогоняя съ нихъ силой тѣхъ, кто не хотѣлъ подчиниться этому безумному рѣшенію. Согласились не платить никакихъ повинностей и податей и даже обложили штрафомъ нарушителей этого соглашенія. Перестали слушаться своихъ сельскихъ и волостныхъ властей и къ чинамъ полиціи начали относиться дерзко и враждебно. Вмѣсто властей законныхъ явились власти самозванныя, импровизованныя: образовалось нѣчто въ родѣ, по выраженію свидѣтеля Рулькова, крестьянскаго „правленія“, въ которомъ главенствовалъ и „всѣми дѣлами правилъ“ старый уполномоченный Прокофій Хабаровъ, вліяніе коего было такъ велико, что нѣкоторые свидѣтели называютъ его „хозяиномъ“ села. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, первымъ запѣвалой всякаго безчинства и вожакомъ слѣпой толпы былъ, конечно, Федоръ Литвиновъ, крикливое значеніе котораго росло вмѣстѣ съ его наглостью. Похлопывая по карману, въ которомъ будто бы скрывались таинственныя бумаги, имѣвшія дать крестьянамъ удовлетвореніе всѣхъ ихъ желаній, онъ самъ требовалъ постоянной охраны своей особы: и караулъ, наряженный Прокофіемъ Хабаровымъ, днемъ и ночью оберегалъ отъ властей крестьянскаго лжеповѣреннаго, который, всегда съ шумомъ забѣгая впереди настоящихъ повѣренныхъ, самъ себя произвелъ въ это званіе. „Письмоводителемъ“ Литвинова, самовольнымъ писаремъ самовольныхъ сходовъ былъ Зиновій Никифоровъ, грамотный и свѣдущій, какъ бывшій жандармскій унтеръ-офицеръ. Онъ составлялъ противозаконные приговоры этихъ сходовъ: о ссылкѣ въ Сибирь прежнихъ уполномоченныхъ, неугодныхъ новымъ, объ отказѣ отъ сельскихъ и волостныхъ властей и мѣстнаго священника, объ убавкѣ духовенству платы за требы, о невыдачѣ Литвинова начальству и, наконецъ, о созывѣ частныхъ владѣльцевъ для новаго раздѣла земли, съ тѣмъ, что кто изъ нихъ не явится, то участка своего лишится. Произведенъ былъ и самый дѣлежъ, съ тѣми же проявленіями полнаго самоуправства: нарушали владѣнія, топтали и портили

частныя поля. Съ 15 сентября противодѣйствіе вступило въ болѣе острый фазисъ и шло усиливаясь: 15 сентября Федоръ Литвиновъ оскорбилъ дѣйствіемъ волостного старшину, 25-го пришлось составить актъ объ общемъ неплатежѣ повинностей, 27-го толпа силой освободила Литвинова, арестованнаго становымъ приставомъ по приговору мирового судьи, 29-го Литвиновъ съ безсмысленнымъ глумленіемъ не принялъ повѣстки, призывавшей его къ слѣдствію; 1 октября толпа, еще болѣе многочисленная и буйная, не допустила исправника и сопровождавшихъ его чиновъ полиціи войти въ домъ Литвинова для привода его къ слѣдователю, и въ заключеніе, 3 октября, огромная тысячная толпа, встрѣтивъ Рязанскаго губернатора сначала съ притворною покорностью, внезапно забушевала при набатномъ колокольномъ звонѣ, угрожающихъ крикахъ, общемъ безпорядкѣ и насиліи противъ низшихъ чиновъ полиціи. Появились приготовленныя и припрятанныя палки, изъ толпы женщинъ полетѣла грязь въ урядниковъ, а драгоцѣнный Литвиновъ небольшою кучкой своихъ сторонниковъ былъ подхваченъ на руки и снова избавленъ отъ ареста. На другой день та же кучка, съ вѣчнымъ крикуномъ Федоромъ Саморуковымъ во главѣ, хотѣла даже служить молебенъ за избавленіе Литвинова. Словомъ, все это время—съ половины сентября и до 4 октября—было для крестьянъ с. Сараевъ временемъ безначалія и самоуправства, нарушенія чужой собственности и полнаго ослушанія властямъ, распоряженія которыхъ встрѣчали упорное сопротивленіе. Послѣдствія были неизбѣжныя: призывъ войска, прибытіе котораго не замедлило прекратить безпорядки и, къ счастью, путемъ вполнѣ мирнаго воздѣйствія. Возбужденное настроеніе не прекратилось, однакоже, совсѣмъ; даже теперь на судѣ оно нашло отголосокъ въ угрозахъ со стороны нѣкоторыхъ подсудимыхъ расправиться впослѣдствіи, о чемъ свидѣтели заявляли при судебномъ слѣдствіи".

Переходя къ законной квалификаціи главнаго преступленія, совершеннаго подсудимыми, обвинитель доказывалъ, что оно соотвѣтствуетъ всѣмъ признакамъ явнаго противодѣйствія власти, совершеннаго цѣлою толпой, съ намѣреніемъ воспрепятствовать

распоряженіямъ по охраненію порядка противъ самовольныхъ дѣйствій крестьянъ, стремившихся раздѣлить землю по своему усмотрѣнію и ни за что не выдававшихъ Литвинова начальству и суду. Въ основаніи противодѣйствія лежало смѣшеніе ошибочныхъ представленій о дѣйствительныхъ правахъ съ чистымъ самовольствомъ и простою разнузданностью; это было упрямое самоуправство массы, принявшее бунтовской характеръ, въ смыслѣ опредѣленнаго уголовнаго закона (ст. 263 улож. наказ.). Такое свойство сараевскихъ происшествій ясно сознавалось и оставшеюся спокойною, благомыслящею частью самого крестьянства; одинъ изъ прежнихъ уполномоченныхъ, свидѣтель Степанъ Литвиновъ, характерно выразилъ это на судѣ, сказавъ: „насъ судъ и законъ завсегда защитятъ, а *они* все хотятъ самоуправствомъ“ .. Всѣ отдѣльные случаи противодѣйствія неразрывно и органически между собою связаны, представляя одно цѣлое, поступательное развитіе однихъ стремленій. Въ теченіе извѣстнаго времени крестьяне находились какъ бы въ хроническомъ состояніи противодѣйствія, съ временнымъ обостреніемъ 27 сентября, 1 и 3 октября, т.-е. при всякомъ рѣшительномъ дѣйствіи властей. Что же касается ближайшихъ признаковъ сопротивленія, то прокуроръ палаты находилъ, что оно сопровождалось насиліемъ и общими безпорядками и вызвало необыкновенныя мѣры усмиренія, т.-е. предусмотрѣно ст. 264 и 265 улож. наказ., но не можетъ быть признано вооруженнымъ, такъ какъ палки, бывшія въ рукахъ крестьянъ, являются не „оружіемъ“ законной терминологіи, а скорѣе всего обычнымъ простонароднымъ орудіемъ при всякомъ насиліи или безпорядкѣ. Противодѣйствіе было несомнѣнно совершено по предварительному уговору уже потому, что, какъ неоднократно заявлялось на судѣ, оно было „мірскимъ“ дѣломъ для нѣкоторой части сараевскихъ крестьянъ. Все указываетъ на это предварительное соглашеніе: общность цѣли и сознанія, что она идетъ въ разрѣзъ съ требованіями начальства, длящійся характеръ самовольныхъ дѣйствій и подготовленная обдуманность нѣкоторыхъ изъ нихъ. Конечно, никакого общаго плана не было, но былъ простой уговоръ, преслѣдовавшійся при каждомъ

къ тому случаѣ, естественно, не безъ стихійныхъ вспышекъ, неизбѣжныхъ при толпѣ, на подробности которыхъ поэтому и не могло простираться соглашеніе. И потому изобличенные на судѣ дѣятели этого печальнаго „мірского“ дѣла должны отвѣчать за него всѣ, разумѣется, каждый по мѣрѣ личнаго своего участія.

Далѣе прокуроръ палаты обратился къ опредѣленію этого участія отдѣльныхъ подсудимыхъ. „Во всякомъ преступленіи, совершенномъ многими лицами по уговору, есть зачинщики и пособники, во всякомъ массовомъ движеніи есть соотвѣтствующее этому дѣленіе участниковъ: есть *вожаки* и есть *толпа*. Вожаки бываютъ прямые, явные, которые дѣйствуютъ открыто и откровенно идутъ во главѣ другихъ; но есть и тайные, какъ бы косвенные, которые прячутся за другихъ, дѣйствуютъ ихъ руками, изъ-за угла, и даже надѣваютъ личину иныхъ, мнимо невинныхъ или законныхъ дѣйствій и интересовъ. Изъ явныхъ вожаковъ одни только подстрекаютъ, издали руководятъ, а сами во время дѣйствія зрителями стоятъ въ сторонѣ; другіе, напротивъ, прямо коноводятъ и выставляются впередъ. Это дробленіе — результатъ темперамента, характера, ума, и почти безразлично для преступности. Изъ скрытыхъ вожаковъ одни иногда сами не отдаютъ себѣ яснаго отчета, къ чему могутъ привести ихъ подстрекательства, другіе дѣйствуютъ изъ личнаго, корыстнаго и мелкаго, хотя нерѣдко весьма сложнаго, разсчета; одни какъ-то всегда во-время уѣзжаютъ по дѣламъ съ мѣста дѣйствія, въ самый его моментъ; другіе, даже находясь на мѣстѣ, какъ-то видимо всегда отсутствуютъ. Въ толпѣ также есть болѣе дерзкіе и рѣшительные и потому стоящіе въ первыхъ рядахъ, есть и простые, безличные, рядовые участники, составляющіе, однакоже, физическую силу бушующей толпы. Всѣ эти категоріи налицо въ настоящемъ дѣлѣ и совпадаютъ съ ролью отдѣльныхъ подсудимыхъ. Первый зачинщикъ Федоръ Степановъ Литвиновъ, онъ коноводъ толпы, все вертится и группируется вокругъ него, его личность—поводъ и предлогъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, для безпорядковъ. Онъ всюду: суетится, бѣгаетъ, кричитъ, лжетъ,

обманываетъ, но шумитъ больше всѣхъ. не останавливаясь ни передъ какою нелѣпостью, ни передъ какою тратой мірскихъ средствъ. Самое начало его вліянія относится къ тому времени, когда онъ, собирая, по порученію міра, деньги за пастьбу скота, спаивалъ крестьянъ на эти деньги и, кстати, самъ же напивался. Такъ какъ онъ, повидимому, человѣкъ отпѣтый и дѣлать ему нечего, то въ неожиданно возникшемъ темномъ общемъ дѣлѣ онъ неутомимъ: ѣздитъ, никѣмъ не прошенный, въ Рязань и Петербургъ и дѣлаетъ видъ, что тамъ хлопочетъ, по возвращеніи безчинствуетъ на сходахъ, намекаетъ на свою „золотую грамоту" и приглашаетъ дѣлить землю „въ его" уже давно потерянную „голову". Въ этомъ непрестанномъ крикѣ, суетѣ и шумѣ одинъ изъ секретовъ обаянія Литвинова: толпа любитъ, чтобъ ее вели, шумно льстя и потакая ея минутнымъ вкусамъ, а Литвиновъ, вдругъ ни съ того ни съ сего проникшись страстію къ черезполосному владѣнію, усвоилъ себѣ это жалкое искусство въ совершенствѣ. Другой секретъ его вліянія: онъ не смущался ни передъ какимъ начальствомъ, т.-е. былъ дерзокъ, а въ заявленіяхъ своихъ нелѣпъ до невозможности и этимъ импонировалъ толпѣ. А вѣдь, между тѣмъ, Федоръ Литвиновъ—человѣкъ „замаранный": сидѣлъ въ тюрьмѣ за кражу, былъ наказанъ тѣлесно по приговору волостного суда. Не сбывается ли въ этомъ правило, гласящее, что неправое дурное дѣло всегда имѣетъ и дурного вожака?... Вслѣдъ за Федоромъ Литвиновымъ зачинщиками должны быть признаны: Прокофій Хабаровъ, старый, умный, осторожный и бывалый, но тѣмъ болѣе вредный и опасный, и Федоръ Саморуковъ, первый крикунъ во всякомъ буйствѣ противъ властей, всегда бывшій впереди другихъ и начинавшій безпорядокъ, одинаково дерзкій въ церкви со священникомъ Знаменскимъ и 3 октября на площади передъ начальникомъ губерніи". Затѣмъ виновнѣйшими изъ остальныхъ представляются восемь подсудимыхъ, перечисленныхъ прокуроромъ съ подробнымъ приведеніемъ относящихся до каждаго изъ нихъ уликъ. „Всѣ они или выдѣлялись своими дерзкими поступками, или подбивали другихъ, или первые начинали безпорядокъ. Изъ нихъ, однакоже, Иванъ Бар-

суковъ заслуживаетъ особаго, болѣе мягкаго и снисходительнаго къ нему отношенія: принявъ во всемъ участіе, онъ быстро одумался, раскаялся, и не только самъ искренно жалѣлъ о сдѣланномъ, но и другихъ уговаривалъ просить прощенія. Было уже поздно и для него, но на судѣ ему зачтется это поведеніе, согласно и съ хорошими свѣдѣніями о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ и трудящемся. Остальные 25 подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ противодѣйствіи, составляютъ рядовыхъ участниковъ виновной толпы, между которыми трудно установить какое-либо различіе. Какъ удостовѣрено свидѣтелями относительно каждаго изъ этихъ лицъ въ отдѣльности, они всѣ были въ числѣ сопротивлявшихся, кричали, мѣшали должностнымъ лицамъ исполнить ихъ обязанность. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что толпа, особенно 3 октября, въ присутствіи губернатора, была огромная; привлеченію же къ слѣдствію и тѣмъ болѣе преданію суду подверглись исключительно лица ясно и точно замѣченныя, выдававшіяся своими дѣйствіями и, такимъ образомъ, достаточно изобличенныя. Эта осмотрительность изслѣдованія подтверждалась на судебномъ слѣдствіи, на которомъ свидѣтели почти всегда признавали подсудимыхъ".

„Когда въ тихой и мирной деревнѣ,—продолжалъ прокуроръ палаты,—крестьяне, вмѣсто сохи и бороны, берутся за колья, церковный колоколъ звонитъ не къ службѣ Божіей, а въ набатъ, созывающій народъ не на пожаръ, а для какой-то необычайной цѣли, когда спокойствіе трудящагося люда смѣняется возбужденіемъ и предъ мѣстными властями, вмѣсто людей, всегда глубоко чтущихъ власть, встаетъ разъяренная и угрожающая, сплоченная какою-то внутреннею силой толпа, тогда всякій благоразумный человѣкъ тревожно ищетъ объясненія причинъ такого грустнаго и, къ счастію, рѣдкаго явленія. Несвойственно русскому крестьянину „бунтовать" противъ начальства, не въ характерѣ его такъ долго и упорно сопротивляться въ сущности вполнѣ понятнымъ ему требованіямъ власти, а въ этой мѣстности, къ тому же, обезпеченной плодородною землей и выгодными промыслами, ничѣмъ и не вызывается онъ къ раздраженію и упорству. Должны быть къ этому особенные поводы,

исключительныя причины, которыя не трудно отыскать въ настоящемъ дѣлѣ. Однимъ недоразумѣніемъ, несомнѣнно вызваннымъ въ извѣстной степени указомъ межевого департамента по жалобѣ Новодережкина, ничего еще удовлетворительно объяснить нельзя: были бы толки, слухи, пожалуй, даже нѣкоторое волненіе, но не было бы, конечно, настоящаго противодѣйствія. Причины, важнѣйшія и главныя, были другія — постороннія, навѣянныя, изъ личныхъ видовъ выросшія. Было систематическое, настойчивое подстрекательство крестьянъ къ противодѣйствію, были люди, которымъ оно было на-руку, потому что устраивало собственныя ихъ дѣла. Дѣятелями такого подстрекательства и прямого, и косвеннаго черезъ посредство другихъ дѣяній, напримѣръ, распространенія ложныхъ слуховъ, явились оба Литвиновы и купецъ Новодережкинъ, а средствами послужили всегдашнія средства преступленія по разсчету — ложь и обманъ. Михаилъ Литвиновъ по возвращеніи изъ Петербурга говорилъ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ высокопоставленными лицами, о наставленіяхъ, будто бы отъ нихъ полученныхъ, о „золотой грамотѣ“ Федора Литвинова, о томъ, что слѣдуетъ раздѣлить землю; онъ же приказалъ не платить подати, пока не придетъ дальнѣйшаго рѣшенія изъ Петербурга. А Михаилъ Литвиновъ могъ имѣть на крестьянъ вліяніе какъ зять Прокофія Хабарова, пользующійся полнымъ его довѣріемъ, какъ бывшій гвардейскій унтеръ-офицеръ, наконецъ, какъ человѣкъ ловкій, умный и бывалый. И онъ дѣйствительно имѣлъ вліяніе; по словамъ свидѣтелей, крестьяне понимали такъ: „Федоръ Литвиновъ говоритъ, а Михаилъ Литвиновъ стоя тутъ же молчитъ—значитъ правда то, что говоритъ Федоръ Литвиновъ“. „Михаилъ Литвиновъ внушитъ что-нибудь Федору, а тотъ и лѣзетъ“—показалъ свидѣтель Иванъ Литвиновъ. Едва ли, однакоже, самъ Михаилъ Литвиновъ не сознавалъ шаткости своего положенія и преступности своихъ дѣйствій; онъ говорилъ свидѣтелямъ, что зналъ о неисполнимости своихъ обѣщаній, но не могъ сказать объ этомъ крестьянамъ потому, будто бы, что они сочли бы его „взяточникомъ“ или „измѣнникомъ“. Но потому онъ „служилъ двумъ господамъ“, какъ выразился Терентій Саморуковъ, вѣрнѣе—

затянулся и уже отступить не могъ. Это обстоятельство въ связи съ прежнею безпорочною и даже отличною военною службой даетъ ему извѣстное право на снисхожденіе суда. Зато въ иномъ и несравненно менѣе благопріятномъ положеніи находится другой подстрекатель, Новодережкинъ, такъ же старательно и не безъ искусства распространявшій ложные слухи о томъ, что крестьянамъ разрѣшено самовольно дѣлить землю и что въ Петербургѣ имъ покровительствуютъ."

Съ особою обстоятельностью прокуроръ палаты остановился на данныхъ къ обвиненію Новодережкина и, тщательно разобравъ ихъ, высказалъ убѣжденіе въ его виновности, несмотря на то, что Новодережкинъ всегда очень ловко отсутствовалъ, когда присутствіе для него было невыгодно, какъ это было при составленіи полюбовной сказки и въ дни и на мѣстахъ волненій; обвиненіе противъ него доказано, хотя посредствомъ довольно тонкихъ, косвенныхъ уликъ. „Все настоящее дѣло, все противодѣйствіе крестьянъ возникло изъ жалобы Новодережкина въ сенатъ на пропускъ въ сказкѣ его участка, будто бы нарушавшій его права. Между тѣмъ пропускъ этотъ былъ умышленный, добровольный, а жалоба фиктивная, жалоба, такъ сказать, на самого себя, поданная только затѣмъ, чтобы вызвать выгодное замѣшательство. Оно было выгодно Новодережкину по многимъ поводамъ: онъ получилъ возможность возвратиться къ любезному для него черезполосію, удержать за собою и полевую, и усадебную землю, держать возникшею смутой въ рукахъ и крестьянъ, и помѣщиковъ, такъ чтобы сойтись съ тѣмъ, кто больше дастъ, а главное—онъ могъ пріобрѣсти расположеніе крестьянъ, прежде относившихся къ нему враждебно, между прочимъ, и вслѣдствіе недоброкачественности продаваемыхъ имъ продуктовъ. Это расположеніе могло стоить дорого — лакомаго мѣста на базарной площади, давно уже облюбованнаго Новодережкинымъ. И все устраивалось: мѣсто доставлялось дешево или даже просто даромъ. Для этого Новодережкинъ угощалъ крестьянъ на сходахъ, поддерживалъ ихъ неправильныя домогательства, давалъ имъ совѣты, которымъ они слѣдовали въ различные моменты самоуправства. „Стойте за свою собственность",—говорилъ онъ имъ:—

„ни на кого не смотрите, ничего вамъ не будетъ, все уже охлопотали", „у господъ 800 десятинъ лишнихъ". „а всѣ и рады", наивно прибавляютъ свидѣтели. Это было подстрекательство шагъ за шагомъ, тонкое, осторожное, которое ядъ вливаетъ по каплѣ, но каждый день, при каждой встрѣчѣ, отравляетъ медленно, но вѣрно. Дѣло крестьянъ и Новодережкина стало общимъ; крестьяне говорили: „выигралъ Иванъ Федоровичъ Новодережкинъ, значитъ, выигралъ и Федоръ Степановичъ". Тому же способствовала и близость, которая установилась между вожаками и Новодережкинымъ. Собирая свои сходы у его дома, они постоянно у него сидѣли, даже прямо съ нимъ совѣтовались". Въ заключеніе, на вопросъ о томъ, какъ могъ рѣшиться на такое темное и опасное дѣло Новодережкинъ, состояніе котораго измѣряется сотней тысячъ, обвинитель отвѣчалъ его характеристикой, какъ одного изъ тѣхъ торговцевъ-землевладѣльцевъ, которые внѣдрились въ нашихъ селеніяхъ и, стремясь все захватить въ руки, ни передъ чѣмъ не останавливаются для наживы. Прокуроръ палаты обрисовалъ внѣшнія и внутреннія черты этого типа, составляющаго язву, бѣдствіе для крестьянства. „Люди, испытавшіе на себѣ тяжелую длань этихъ промышленниковъ чужою нуждой, называютъ ихъ кулаками, міроѣдами, въ литературѣ дали имъ кличку Колупаевыхъ и Разуваевыхъ; какъ бы послѣ настоящаго дѣла сюда ни прибавилось еще прозвище Новодережкиныхъ?!"

Затѣмъ прокуроръ палаты формулировалъ свое заключеніе о мѣрѣ отвѣтственности, заслуженной подсудимыми: трехъ—Федора Литвинова, Прокофія Хабарова и Федора Саморукова—онъ полагалъ приговорить къ каторжнымъ работамъ, двухъ—Михаила Литвинова и Новодережкина—къ ссылкѣ на поселеніе, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, виновнѣйшихъ къ исправительному арестантскому отдѣленію, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ состоянія, и, наконецъ, остальныхъ къ различнымъ срокамъ тюремнаго заключенія.

Свою рѣчь прокуроръ палаты закончилъ слѣдующими словами:

„Таковы карательныя требованія, которыя обвиненіе считаетъ себя въ правѣ предъявить суду. Не отрицая въ извѣстной части

ихъ суровости, я утверждаю, что они основаны на совокупности всѣхъ данныхъ дѣла и соотвѣтствуютъ самой строгой и вмѣстѣ самой широкой судебной справедливости. Смягчить эту суровость для тѣхъ, кто, какъ, напримѣръ, Иванъ Барсуковъ, быть можетъ, этого заслуживаютъ, смягчить ее въ предѣлахъ, превышающихъ права суда, можетъ одно лишь высшее милосердіе; отъ васъ зависитъ воззвать къ его Верховному источнику. Во всякомъ случаѣ при удовлетвореніи требованій обвиненія будутъ наказаны дѣйствительно виновные, каждый по мѣрѣ содѣяннаго, по степени и характеру своей вины. Должно же, наконецъ, исполниться знаменательное предсказаніе Новодережкина о томъ, что „*не есть законъ*“ все происходившее въ Сараяхъ 3 октября, а что „*законъ еще будетъ*“. И если этотъ грядущій, ожидаемый законъ тяжко отзовется прежде всего на самомъ предсказателѣ и его приспѣшникахъ, пусть они пеняютъ на себя: своими коварными поступками и хищническими вожделѣніями они сами призвали его на свою голову. Подъ этимъ предвѣщаніемъ „закона“ подсудимый, очевидно, разумѣлъ окончательное разрѣшеніе борьбы, затѣянной сараевскими крестьянами, и смятенія, ими овладѣвшаго. Конечно, ихъ вожаки понимали это желательное имъ правосудіе по-своему. Новодережкинъ вѣроятно видѣлъ въ немъ — выгодное мѣсто на базарной площади, удобное для новыхъ приспособленій къ собственному обогащенію на счетъ крестьянъ. Литвиновымъ представлялся также небезвыгоднымъ этотъ „законъ“ Новодережкина, укрѣплявшій ихъ вліяніе и открывавшій имъ пользованіе безъ труда мірскими деньгами. Но, къ огорченію подсудимыхъ и къ удовольствію всѣхъ благомыслящихъ людей, истинное правосудіе, то, которое не находится въ зависимости отъ происковъ Новодережкина, совершится иначе: оно будетъ грозною правдой для смутителей и принесетъ возможную милость для смущенныхъ, еще болѣе несчастныхъ и невѣжественныхъ, нежели преступныхъ. Въ общественныхъ интересахъ и цѣляхъ мѣстнаго успокоенія нельзя не возлагать большихъ надеждъ на ваше обвинительное рѣшеніе. Зачинщикамъ смуты оно покажетъ, что по евангельскому слову „горе тому, кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ“, что ради

личной своей корысти сбивать темныхъ людей съ толку нелѣпыми и несбыточными обѣщаніями, обманомъ возбуждать толпу противъ властей, доводить своихъ односельцевъ до острога или сумы — что это хуже... да, хуже, чѣмъ грабить на большой дорогѣ; тамъ у одной жертвы отнимается одно какое-нибудь имущество, здѣсь — развращеніе массы, разореніе многихъ хозяйствъ, непоправимый вредъ цѣлымъ, ни въ чемъ неповинным семьямъ! А заблудшіе и вовлеченные въ преступленіе тоже должны почувствовать, что нужно довольствоваться и спокойно владѣть правильно полученнымъ *своимъ* и не льститься на захватъ *чужого*, что нельзя безнаказанно ослушаться власти и своевольничать. Никакихъ увѣщаній своевременно они не принимали; теперь осталось имъ хотя изъ горькаго урока убѣдиться, что лучше вѣрить разъясняющему законъ начальству, чѣмъ сулящимъ золотыя горы кулаку-кабатчику и ходокамъ-обманщикамъ. Невольно вспоминается и требуетъ серьезнѣйшаго къ себѣ вниманія замѣчаніе свидѣтеля Карандѣева, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. „Крестьяне,— сказалъ онъ,—увѣрены, что какъ бы ни были произвольны ихъ „мірскія“ домогательства, они въ концѣ концовъ будутъ все-таки уважены“. Въ настоящемъ дѣлѣ это опасное заблужденіе, которымъ оправдывается своеволіе и одно сословіе ставится какъ бы выше и внѣ закона, должно быть съ корнемъ вырвано и въ конецъ разрушено. Вашъ правосудный приговоръ еще разъ объявитъ, что на всѣхъ безъ изъятія путяхъ народной жизни въ строжайшемъ подчиненіи законности и порядку заключается отъ многихъ золъ вѣрнѣйшее спасеніе и противъ всякихъ бѣдъ единственный оплотъ!..“

Особое присутствіе судебной палаты признало виновными всѣхъ подсудимыхъ за исключеніемъ пяти (Ивана Барсукова, Матвѣя Горохова, Никифора Литвинова, Семена Терехова и Андрея Личикина), при чемъ приговорены: Федоръ Литвиновъ, Прокофій Хабаровъ, Федоръ Саморуковъ, Михаилъ Литвиновъ и купецъ Новодережкинъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ: первые трое въ каторжныя работы отъ 10 до 12 л., а двое послѣднихъ — на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Изъ остальныхъ обвиненныхъ десять присуждены къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе и восемнадцать къ различнымъ срокамъ тюремнаго заключенія и ареста отъ 8 мѣсяцевъ до 2 недѣль.

РѢЧИ ПО ДѢЛАМЪ О НАРУШЕНІИ СЛУЖЕБНЫХЪ ОБЯЗАННОСТЕЙ.

IV.

Дѣло о коллежскомъ совѣтникѣ Михаилѣ Стояновѣ, обвинявшемся въ должностной растратѣ и подлогѣ.

Засѣданіе С.-Петербургской судебной палаты, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. 29-го февраля 1884 года Предсѣдательствовалъ старшій предсѣдатель Н. Н. Шрейберъ, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В Муравьевъ, защищалъ присяжный повѣренный А. П. Башиловъ

Обвинялся бывшій правитель канцеляріи института горныхъ инженеровъ коллежскій совѣтникъ Михаилъ Васильевъ Стояновъ, 47-ми лѣтъ, въ должностной растратѣ и подлогѣ, т.-е въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст ст 354 и 362 улож наказ

17 сентября 1882 года, вслѣдствіе сообщенія директора горнаго института объ обнаруженіи имъ растраты казенныхъ денегъ, въ совершеніи которой сознался завѣдующій кассой, коллежскій совѣтникъ Михаилъ Васильевъ Стояновъ, было возбуждено предварительное слѣдствіе, которымъ установлено, что за время служенія Стоянова въ должности правителя канцеляріи, т.-е съ 1875 года по 15 сентября 1882 года, растрачены имъ деньги, поступившія во-1-хъ, за слушаніе лекцій—9.430 рублей, во-2-хъ, за выданные студентамъ дипломы на званіе горнаго инженера—905 рублей; въ-3-хъ, за утерянныя студентами казенныя книги и вещи—1.759 рублей, и, въ-4-хъ, за проданные экземпляры каталога минералогическаго собранія музеума института—95 рублей, а всего 12,189 рублей Кромѣ того, при осмотрѣ представленной горнымъ институтомъ въ горный департаментъ вѣдомости о дѣйствительномъ поступленіи государственныхъ доходовъ по горному институту съ 1875 по 1882 годъ и сличеніи этой вѣдомости съ черновою, хранившеюся въ канцеляріи горнаго института, было обнаружено, что въ упомянутой вѣдомости, въ граффѣ за 1881 годъ, цифра 5,940 рублей, означавшая сумму поступленій за слушаніе лекцій, была подчищена и замѣнена другою, именно 2,500 рублей, а цифра 195, изображавшая сумму поступленій за выданные студентамъ дипломы, выскоблена вовсе

На предварительномъ слѣдствіи Стояновъ призналъ себя виновнымъ какъ въ растратѣ, такъ и въ томъ, что для ея сокрытія сдѣлалъ подчистки въ вѣдомости и измѣнилъ цифры уже послѣ того, какъ вѣдомость была подписана

директоромъ Цифру растраты, выведенную слѣдствіемъ, Стояновъ призналъ правильной, за вычетомъ незначительной суммы, оставшейся за долгу на студентами, которымъ онъ дѣлалъ отсрочки платежей за утерянныя вещи.

На судѣ подсудимый признавалъ себя виновнымъ въ растратѣ, но въ меньшей суммѣ, чѣмъ та, которая названа въ обвинительномъ актѣ именно не свыше 8.000 р., и также въ томъ, что сдѣлалъ подчистки, но не съ цѣлью скрыть растрату, а потому, что прежде показанная цифра была невѣрна и ее нужно было согласовать съ цифрою, имѣвшеюся въ департаментѣ. Что же касается уничтоженія цифры — 195 рублей, то онъ выскоблилъ ее потому, что она въ дѣйствительности не поступала. „Я употребилъ, — сказалъ подсудимый, — эти деньги для семьи. У меня 8 человѣкъ дѣтей, больна жена, у нея сломана нога; самъ больной, тоже со сломанной ногой (въ племянницы и старушка мать больная. Я получалъ только 98 рублей. На вопросъ предсѣдателя, не имѣлъ ли подсудимый какихъ-либо иныхъ доходовъ, послѣдній отвѣтилъ: „*Нѣтъ*. Я получалъ только пособія, но пока ихъ оканчаешь надо занимать и платить большіе *проценты*. Да это не растрата, а израсходованіе казенныхъ денегъ. Я имѣлъ въ виду пополнить ихъ".

Въ виду неполнаго сознанія подсудимаго, прокуроръ просилъ произвести судебное слѣдствіе. Свидѣтель Ерофеевъ (директоръ горнаго института), между прочимъ, показалъ, что въ числѣ растраченныхъ денегъ находилась сумма въ 300 рублей, которую „Русское общество пароходства и торговли" внесло за стипендію одного студента. Когда нужно было выдать деньги студенту, въ казначействѣ ихъ не оказалось. Правленіе общества заявило, что оно внесло эти деньги въ канцелярію института. Онѣ были получены Стояновымъ, но въ казначейство не сданы. Такъ же точно были получены имъ деньги за слушаніе лекцій отъ студентовъ Григоріанца и Григорьева (что подтверждено на судѣ названными лицами, спрошенными въ качествѣ свидѣтелей) и также не были сданы въ казначейство. Этимъ тремъ студентамъ грозило исключеніе изъ института за невзносъ платы, но изъ особыхъ суммъ горный департаментъ выдалъ имъ пособіе. Свидѣтель вступилъ въ должность директора въ августѣ 1881 года, и хотя признавалъ ненормальнымъ порядокъ полученія денегъ, но на первое время оставилъ его нетронутымъ, такъ какъ онъ практиковался въ теченіе 15-ти лѣтъ, жалобъ не было, и къ подсудимому имѣлось безусловное довѣріе. Порядокъ же этотъ былъ таковъ (подтверждено свидѣтелемъ Спиридономъ—смотрителемъ института): никакихъ книгъ для записи полученія денегъ первоначально не имѣлось, впослѣдствіи были заведены квитанціонныя книги, но квитанціи студентамъ выдавались рѣдко. Обыкновенно дѣлалось такимъ образомъ: студентъ вноситъ Стоянову деньги, тотъ отмѣчалъ въ спискѣ студентовъ полученіе и тѣмъ дѣло кончалось. Затѣмъ Стояновъ писалъ отношеніе, что съ такихъ-то плата получена, директоръ подписывалъ его и это отношеніе съ деньгами Стояновъ передавалъ смотрителю института, который отвозилъ ихъ въ государственное казначейство. Контроля за тѣмъ, всѣ ли деньги записаны въ отношеніи, никакого не было. Получаемыя Стояновымъ деньги за слушаніе лекцій, за дипломы, за утраченныя вещи и прочее никуда не записывались.

Свидѣтель Вангницъ показалъ, что въ мартѣ 1882 года онъ поступилъ въ канцелярію института бухгалтеромъ и помощникомъ Стоянова. Семья подсудимаго состояла изъ 13 человѣкъ. Свидѣтель полагаетъ, что на то содержаніе, которое Стояновъ получалъ, жить такъ, какъ жилъ онъ, невозможно. У него часто бывали гости: все было прилично; онъ человѣкъ гостепріимный,

хлѣбосоль. Карточной игры у него не было; жизнь велъ трезвую. Въ деньгахъ часто нуждался, жаловался на недостатки и нерѣдко прибѣгалъ къ займамъ.

Спрошенные на судѣ эксперты подтвердили цифру растраты, указанную въ обвинительномъ актѣ.

Изъ прочитанной справки оказывается, что подсудимый имѣлъ 1,200 рублей жалованья и казенную квартиру; затѣмъ, вмѣсто квартиры натурою ему выдавали 500 рублей квартирныхъ Сверхъ того, жена его получала 300 рублей пенсіи и самъ онъ, ежегодно, въ различныхъ суммахъ пособія, такъ что, въ среднемъ, онъ получалъ 2,400 рублей съ казенной квартирой и 2,900 рублей безъ нея.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора судебной палаты:

„Гг. присяжные засѣдатели! Сознаніе подсудимаго Стоянова въ тѣхъ самыхъ двухъ преступленіяхъ, за которыя онъ преданъ вашему суду, избавляетъ меня отъ необходимости доказывать передъ вами, что преступленія эти дѣйствительно совершились и что подсудимый виновенъ въ нихъ. И то, и другое, послѣ его сознанія, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Нашъ старый законъ, а затѣмъ и старая практика недаромъ называли сознаніе передъ уголовнымъ судомъ „лучшимъ доказательствомъ всего свѣта“. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ можетъ быть лучше для суда, у котораго одна цѣль — добиться истины, а для судейской совѣсти, что̀ можетъ быть вѣрнѣе и успокоительнѣе такого положенія вещей, при которомъ самъ обвиняемый, смиренно опустивши голову, приходитъ въ судъ и говоритъ: „не ищите, не сомнѣвайтесь, я виноватъ, дѣлайте со мною, что̀ по закону слѣдуетъ. Я безъ борьбы склоняюсь передъ нимъ“? Человѣку вообще несвойственно обвинять себя напрасно и безвинно призывать на свою голову нелегкія послѣдствія такого самообвиненія, и потому къ сознавшемуся подсудимому, строго говоря, по простому здравому смыслу, можно, казалось бы, безъ дальнѣйшихъ околичностей примѣнить мѣрку карающаго за преступленіе закона. Но дѣло въ томъ, что законъ и судъ, его примѣняющій, карающъ не потому, что этого хочетъ или, по крайней мѣрѣ, на это соглашается самъ виновный, а потому, что того требуютъ высшая человѣческая справедливость и польза общая, ради которой преступленіе—нарушеніе однимъ закона, этой общей воли всѣхъ—не можетъ оставаться безна-

казаннымъ. Для того же, чтобы удовлетворить справедливости и требованіямъ общественнаго блага, судъ долженъ знать, какъ совершилось преступленіе въ дѣйствительности и не въ правѣ на-слово повѣрить сознающемуся въ немъ. Опытъ показываетъ, что далеко не всегда возможно, не погрѣшая противъ истины, остановиться на одномъ сознаніи и имъ ограничиться; мутныя волны жизни иногда выносятъ на ея поверхность такіе случаи, въ которыхъ человѣкъ сознательно и добровольно взводитъ на себя небывалое преступленіе и несчастный изо-всѣхъ силъ старается казаться преступникомъ, или же субъектъ, по внѣшности здоровый и разумный, а въ сущности психически больной, принимаетъ угнетающую и преслѣдующую его ложную мысль о своемъ преступленіи за событіе, уже совершившееся и пережитое. Вотъ почему законъ обязываетъ судъ употреблять всѣ зависящія отъ него мѣры, прилагать все свое стараніе, чтобы, помимо сознанія подсудимаго, провѣрить его дѣяніе обстоятельствами дѣла и только тогда спокойно сказать, что дѣло произошло такъ, а не иначе, и сдѣлать изъ этого тотъ или другой выводъ. Судебная практика выработала три главныхъ способа распознаванія истины при сознаніи для того, чтобы судья имѣлъ возможность твердо и несомнѣнно обосновать свое рѣшеніе". Эти три способа, по мнѣнію прокурора, заключаются въ томъ, во-1-хъ, что судья долженъ удостовѣриться, что сознающійся подсудимый психически здоровъ; во-2-хъ, чтобы не было никакихъ поводовъ, по которымъ можно было бы заключить, что сознающемуся подсудимому есть выгода взвести на себя ложное обвиненіе и, въ-3-хъ, нужно, чтобы сознаніе было согласно со всѣмъ тѣмъ, что обнаружено слѣдствіемъ, помимо сознанія обвиняемаго. Если есть наличность всѣхъ этихъ трехъ условій, тогда судья можетъ сказать, что для него дѣло ясно, что собственное сознаніе подсудимаго есть главное основаніе для постановленія приговора Разбирая далѣе сознаніе подсудимаго Стоянова, прокуроръ палаты пришелъ къ заключенію, что въ немъ первыя два условія находятся въ наличности, но третье, къ сожалѣнію, отсутствуетъ. Сознанія подсудимаго недостаточно, такъ какъ оно несовсѣмъ согласно съ обстоятельствами дѣла.

Вслѣдствіе этого, переходя къ изложенію этихъ обстоятельствъ дѣла, прокуроръ подробно ихъ изложилъ и затѣмъ указалъ на обстоятельства, смягчающія вину подсудимаго. Такъ, онъ говорилъ, что нельзя ограничиться одною формальною стороною дѣла; что уголовный судъ имѣетъ дѣло не съ неодушевленнымъ предметомъ, а съ живымъ человѣкомъ, съ его прошедшимъ, съ его паденіемъ, съ его предыдущими страданіями и будущей его судьбой,—слѣдовательно, нельзя ограничиваться только одною фактическою стороною. „Судъ—не машина, поставленная только для примѣненія закона. Это—дѣятельная, живая и справедливая сила, заботящаяся о томъ, чтобы ни одинъ дѣйствительно виновный не вышелъ оправданнымъ и чтобы не пострадалъ ни одинъ невинный. Для суда, какъ бы онъ ни ограничивалъ свою задачу, какъ бы онъ ни былъ строгъ, необходимо разъяснить, въ силу какихъ причинъ, до какой степени, почему и какъ совершилось преступленіе,—преступленіе, не подлежащее сомнѣнію. Не роясь въ душѣ человѣческой, недоступной никакому уголовному суду, все же должно объяснить себѣ побудительныя причины для совершенія преступленія и обстановку, при которой оно совершилось, и только тогда судья можетъ распознать и измѣрить злую волю подсудимаго. Вы знаете, гг. присяжные засѣдатели, что прокуроръ есть обвинитель, но вмѣстѣ съ тѣмъ и еще болѣе—онъ есть стражъ закона и справедливости, несущій обязанность и передъ вами быть всегда безпристрастнымъ, не преувеличивая значенія преступленія, не извлекая изъ дѣла одни только обстоятельства, увеличивающія вину подсудимаго, и, слѣдовательно, не упуская изъ виду обстоятельствъ, ее уменьшающихъ. Я остановлюсь прежде всего на этихъ послѣднихъ. Они несомнѣнно выдѣляютъ подсудимаго Стоянова, до извѣстной степени, изъ числа другихъ подсудимыхъ, совершившихъ, подобно ему, должностную растрату.

Передъ вами свидѣтели, которымъ нельзя не вѣрить, говорили о его прежней безукоризненной службѣ и дали о немъ, какъ о человѣкѣ, весьма хорошіе отзывы. У него большая семья, состоящая изъ 8 человѣкъ дѣтей, и никакихъ собственныхъ средствъ къ существованію; по службѣ онъ получалъ содержа-

ніе, хотя, быть можетъ, и достаточное для удовлетворенія первыхъ скромныхъ потребностей жизни многосемейнаго человѣка, но во всякомъ случаѣ содержаніе небольшое. Далѣе, мы знаемъ, что растрата совершена постепенно, изъ года въ годъ: 12,000 растраченныхъ денегъ приходится на 7—8 лѣтъ кряду, изъ чего какъ бы самъ собою напрашивается выводъ, что не сразу были наложены руки на крупный кушъ, а человѣкъ, стѣсненный матеріальными условіями жизни, мало-по-малу затягивался, запутывался и ежегодно прибавлялъ къ своему законному доходу такую сумму изъ ввѣренныхъ ему казенныхъ денегъ, которой не хватало для удовлетворенія его житейскихъ надобностей. Наконецъ, вы слышали отъ подсудимаго сознаніе въ своей винѣ,—сознаніе, правда неполное, съ ограниченіями, но все-таки сознаніе, и вы дадите этому сознанію мѣсто при обсужденіи вопроса о виновности Стоянова. Все это, вмѣстѣ взятое, показываетъ вамъ, что вы имѣете дѣло съ человѣкомъ, личныя обстоятельства котораго сложились тяжело, и что эти-то обстоятельства отчасти и толкнули его на преступленіе. Но вамъ не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ допускать какое бы то ни было увлеченіе этими обстоятельствами. Не будемъ преувеличивать значеніе преступленія, но не будемъ увеличивать и значеніе условій, его смягчающихъ. Рядомъ съ этими условіями можно указать на другія, которыя по самой сущности своей имъ противополагаются, и если не устраняютъ вовсе силы нѣкоторыхъ изъ нихъ, то по крайней мѣрѣ даютъ имъ серьезный противовѣсъ. Прежде всего всѣ уличенные въ какомъ-либо преступленіи могутъ привести въ свою пользу то указаніе, что всѣ они когда-нибудь были честны и на преступномъ пути не находились; всякій чиновникъ, виновный въ преступленіи по должности, совершенномъ въ первый разъ, можетъ сказать, что до дня своего служебнаго паденія онъ былъ дѣятелемъ добросовѣстнымъ и полезнымъ, которому нельзя было сдѣлать ни одного упрека. Относительно подсудимаго Стоянова на судебномъ слѣдствіи въ показаніи свидѣтеля Вангница, которое вы, вѣроятно, помните, промелькнуло указаніе, что у подсудимаго были привычки, не совсѣмъ соотвѣтствовавшія его трудному семейному положенію

и болѣе чѣмъ скромному достатку: онъ отличался гостепріимствомъ, любилъ принимать и угощать своихъ знакомыхъ, и на свидѣтеля, знавшаго его въ теченіе 20 лѣтъ, производилъ впечатлѣніе человѣка, живущаго не по средствамъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы Стояновъ роскошествовалъ, чтобы онъ истратилъ казенныя деньги на кутежи и прихоти—это судебнымъ слѣдствіемъ не установлено, но я прошу васъ не терять изъ виду, что, насколько можно заключить изъ показанія свидѣтеля Вангница, не всѣ растраченныя деньги пошли на насущныя потребности семьи. Да и семья, мнѣ думается, въ этомъ случаѣ можетъ служить весьма лишь слабымъ оправданіемъ. Мы знаемъ, что бо́льшая часть дѣтей Стоянова находится уже въ томъ возрастѣ, когда они могли бы стоять на собственныхъ ногахъ, а затѣмъ несомнѣнно, что для нихъ самихъ, для ихъ воспитанія и будущаго было бы гораздо лучше терпѣть скудость, чѣмъ получать какія бы ни было удобства отъ преступленія своего отца. Если самъ Стояновъ смотрѣлъ на это иначе, едва ли такой взглядъ можетъ его оправдывать.

Затѣмъ, нельзя не указать на то, что при всей незначительности ежегоднаго дохода, который получалъ Стояновъ, его все-таки было бы достаточно для того, чтобы прожить честно, не прибѣгая къ казеннымъ деньгамъ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните: 1,200 р. жалованья, да 500 р. ежегодныхъ пособій разныхъ наименованій, 300 р. ежегодно на воспитаніе сына и 300 р. пенсіи женѣ Стоянова,—все это въ общей сложности составляетъ 2,300 руб., къ которымъ нужно присоединить сначала казенную квартиру, а въ послѣдній годъ вмѣсто нея 500 руб. добавочныхъ денегъ. Подумайте, сколько честныхъ тружениковъ имѣютъ неизмѣримо меньше и тѣмъ не менѣе не падаютъ, а, перебиваясь изо дня въ день, остаются честными и къ казенному или чужому не прикасаются. Не могу я также не обратить вашего вниманія и еще на одну особенность настоящаго дѣла, усиливающую, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, вину Стоянова: растрачивая деньги, поступавшія черезъ его руки въ горный институтъ, онъ, между прочимъ, растрачивалъ и плату, вносимую студентами за слушаніе лекцій, другими словами, деньги, добы-

ваемыя, какъ вы сами слышали на судебномъ слѣдствіи съ величайшимъ трудомъ молодыми людьми, большая часть которыхъ для полученія въ Петербургѣ высшаго образованія собирала свои послѣдніе гроши. Растрата этихъ денегъ, произведенная Стояновымъ, едва не поставила нѣкоторыхъ изъ этихъ молодыхъ людей совершенно неповинно въ самое затруднительное положеніе: приходилось или вносить вторыя деньги, или рисковать исключеніемъ изъ института; приходилось, слѣдовательно, страдать изъ-за преступленія Стоянова, если бы во-время не подоспѣли на помощь полное выясненіе дѣла и заботливость начальства о студентахъ, имѣвшихъ неосторожность на-слово повѣрить Стоянову свои деньги. Наконецъ, обсуждая сознаніе Стоянова, мы не забудемъ, что это сознаніе въ сущности было неизбѣжнымъ, что его не могло не быть, такъ какъ при условіяхъ обнаруженія преступленія подсудимаго, когда всѣ улики были налицо, ему ничего не оставалось больше дѣлать, какъ во-время сознаться. Объяснять это сознаніе однимъ его раскаяніемъ едва ли можно, потому что здѣсь передъ нами онъ не только взялъ назадъ нѣкоторыя части этого сознанія, но даже и признанную имъ самимъ растрату назвалъ не этимъ именемъ, а простымъ израсходованіемъ казенныхъ денегъ на свои неотложныя надобности, въ надеждѣ скоро пополнить недочетъ. Какъ будто это не одно и то же! Не думаю, чтобы это заявленіе, которое я съ сожалѣніемъ выслушалъ отъ подсудимаго, говорило въ его пользу. Уже не разъ въ судахъ заявлялась эта знакомая теорія временнаго позаимствованія изъ казеннаго или общественнаго сундука на свои личныя потребности, но каждый разъ, сколько мнѣ извѣстно, это оригинальное извиненіе похищенія находило себѣ въ рѣшеніяхъ общественной совѣсти достойное осужденіе.

Я не исполнилъ бы всей своей задачи, гг. присяжные засѣдатели, если бы въ заключеніе не остановилъ ваше вниманіе на общественной сторонѣ настоящаго дѣла, значеніе которой несомнѣнно, несмотря на негромкія и простыя его обстоятельства, несмотря на скромное общественное положеніе подсудимаго и относительно некрупный характеръ совершеннаго

имъ преступленія. Онъ обвиняется въ должностной растратѣ— этого одного достаточно для того, чтобы его дѣло связать съ цѣлымъ рядомъ явленій важнаго общественнаго значенія. Ни для кого не тайна, и съ этимъ прискорбнымъ фактомъ давно уже считается русское общество, что расхищеніе чужой, и въ особенности казенной и общественной собственности, подъ самыми разнообразными видами, пустило вокругъ насъ глубокіе корни и на каждомъ шагу попадается русскимъ людямъ своими цѣпкими, всюду проникающими отпрысками. Мы такъ часто слышимъ и такъ уже привыкли къ тому, что банки взлетаютъ на воздухъ, кассы пустѣютъ, одно хищеніе перегоняетъ другое, точно боясь опоздать; намъ такъ знакомо это простодушно-дерзкое смѣшеніе чужого кармана со своимъ, что мы начинаемъ ужъ какъ-то слишкомъ равнодушно и спокойно относиться къ этому зрѣлищу, смотрѣть на него безъ горечи и негодованія. Опасное, плачевное это спокойствіе, и я не могу не предостеречь васъ отъ него, потому что отсюда недалеко и до безжизненнаго, вялаго равнодушія къ самымъ зловреднымъ общественнымъ недугамъ, до оправданія ихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ натянутыми, невѣрными софизмами, до пагубной слабости во взглядѣ на вольное человѣческое паденіе. Нѣтъ, господа, не будемъ мирволить корыстнымъ поползновеніямъ, которыя растутъ вокругъ насъ въ качествѣ и количествѣ и грозятъ сдѣлаться чѣмъ-то обыденно неотразимымъ, чѣмъ-то такимъ, противъ чего, какъ будто, и бороться нечего, до такой степени оно входитъ въ порядокъ вещей. Спросите себя вы—честные люди практической жизни—слѣдуетъ ли мириться съ такимъ положеніемъ, въ которомъ общественное добро таетъ неудержимо, на глазахъ у всѣхъ, какъ послѣдній снѣгъ подъ лучами весенняго солнца? вспомните, что казенныя деньги и кассы можно оградить отъ огня несгораемыми шкафами, отъ внѣшнихъ похитителей—крѣпкими запорами, вѣрною стражею, но ничѣмъ нельзя спасти ихъ внутри, отъ распорядителей, кассировъ и казначеевъ! Вѣдь не песокъ же морской, въ самомъ дѣлѣ, неисчислимый и неистощимый — это злополучное общественное достояніе, собираемое тяжкимъ трудомъ отдѣльныхъ плательщиковъ и, въ

свою очередь, имъ обезпечивающее безмятежное гражданское общежитіе! Нельзя же равнодушно смотрѣть, какъ хватаютъ и разносятъ его въ разныя стороны—каждый въ свою—люди съ покладливою совѣстью и неразборчивыми руками,—люди, для которыхъ все основаніе къ пользованію казенной собственностью заключается въ томъ, что долгъ присяги и чести обязываетъ ихъ хранить ее свято и нерушимо, и въ томъ еще, что законъ и правительство имѣли неосторожность повѣрить ихъ честности! Но, положимъ—и въ общественномъ, какъ и въ частномъ быту, не въ деньгахъ счастье и, по пословицѣ, деньги—дѣло наживное, и неизмѣримо выше ихъ стоитъ жизнь, судьба человѣческая. Посмотрите же, милостивые государи, что приноситъ съ собою и что оставляетъ послѣ себя и въ этомъ отношеніи этотъ вихрь корысти и расхищенія, вездѣ, гдѣ проносится его зловѣщій порывъ. Въ лучшемъ случаѣ—сначала слабость, соблазны, потомъ сдѣлки съ совѣстью, одна за другою, безъ конца, потомъ ея забвеніе, и въ результатѣ—потеря добраго имени, полное нравственное паденіе и наконецъ клеймо похитителя; въ худшемъ—но кто же не знаетъ и нужно ли вызывать въ памяти всѣмъ знакомыя картины обогащенія на чужой счетъ, благоденствія и наживы на казенныя и общественныя деньги, въ которыхъ каждая копѣйка есть лепта честнаго труженика, добытая въ потѣ лица, лишеніями и умѣренностью? А примѣръ, этотъ великій учитель и хорошаго, и дурного, а поучительные уроки, какъ отдѣлаться безнаказанно и выйти сухимъ изъ воды? Развѣ все это не требуетъ особеннаго отъ васъ попеченія. Одному сошло съ рукъ, не накрыли, не уличили—или простили, отпустили на всѣ четыре стороны, отчего же другимъ, подобнымъ ему, у которыхъ такъ же глаза разгораются и растутъ аппетиты, не идти за нимъ длинной, нескончаемой вереницей? И вотъ почему, хоть и миновало то время, когда уголовный судъ дѣйствовалъ однимъ устрашеніемъ, для суда общественнаго далеко еще не потеряла значенія задача суровая, но высокая: судить такъ, чтобы другимъ было неповадно! Вотъ почему вы не должны забывать, гг. присяжные, что и здѣсь, и далеко за предѣлами этой залы, и на столбцахъ газетъ, и въ обществен-

ныхъ впечатлѣніяхъ васъ слушаютъ, рѣшеніями вашими поучаются, на нихъ воспитываются, изъ нихъ выводятъ свои заключенія люди, еще колеблющіеся, стоящіе на томъ, едва замѣтномъ роковомъ рубежѣ, который отдѣляетъ сомнительное отъ прямо преступнаго, влеченіе къ чужому еще въ зародышѣ—отъ прочнаго мѣста тамъ, на скамьѣ подсудимыхъ. Не требуя отъ васъ никакого излишняго обремененія вашей совѣсти, я твердо увѣренъ, что вы исполните вашъ гражданскій и судейскій долгъ въ борьбѣ съ хищеніемъ и неправдой. Эта благодѣтельная борьба еще недавно была торжественно провозглашена съ высоты Престола и къ участію въ ней призваны всѣ честные люди, все общество, ими крѣпкое. А въ эту минуту, въ ограниченномъ кругѣ настоящаго дѣла, вы — его передовая, надежная сила, вамъ ввѣрилъ великій законодатель его огражденіе отъ хищниковъ и хищеній. Онъ мыслилъ, въ своей великодушной мудрости, что справиться съ ними обществу приличнѣе и удобнѣе всего собственными своими средствами. Средства же эти въ вашихъ рукахъ, гг. присяжные, отъ васъ зависитъ ихъ примѣненіе. Они—вашъ справедливый судъ, а въ данномъ дѣлѣ—вашъ человѣчный, мягкій, снисхожденіемъ отмѣченный, но обвинительный приговоръ!“

Присяжные засѣдатели признали Стоянова виновнымъ въ обоихъ взведенныхъ на него преступленіяхъ и заслуживающимъ снисхожденія

Судебная палата, на основаніи ст. 354 и 362 улож. наказ., приговорила Стоянова къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Томскую губ., при чемъ опредѣлила, въ виду особыхъ смягчающихъ вину его обстоятельствъ, повергнуть его участь, чрезъ министра юстиціи, на Монаршее милосердіе, ходатайствуя предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ назначеннаго Стоянову по закону наказанія исключеніемъ изъ службы.

V.

Дѣло о бывшемъ мировомъ судьѣ Франціи, обвинявшемся въ преступленіяхъ по должности

Засѣданіе Московской судебной палаты съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 2-го октября 1887-го года Предсѣдательствовалъ членъ палаты А. Н Терновскій, обвинялъ прокуроръ палаты Н В. Муравьевъ, защищалъ присяжный повѣренный Шайкевичъ 2-й. Обвинялся бывшій мировой судья 3-го участка Угличскаго уѣзда, Ярославской губерніи, титулярный совѣтникъ Николай Аѳеровъ Франціи, 70 лѣтъ, въ медленности и нерадѣніи по службѣ, допущеніи безпорядочности и запущенности въ дѣлахъ и нарушеніи формъ отправленія уголовнаго правосудія по пристрастію и изъ личныхъ видовъ Преступленія эти предусмотрѣны ст. ст. 410, 411, 426 и 362 улож наказ.

На предварительномъ слѣдствіи выяснено между прочимъ, что мировой судья Франціи не соблюдалъ предписанныхъ уставомъ правилъ и формъ отправленія уголовнаго правосудія по пристрастію и изъ личныхъ видовъ Такъ обнаружено, что, имѣя неудовольствіе на крестьянина Федора Петрова за то, что онъ купилъ не у него, Франція, землю, а у другого владѣльца Скорнякова и открылъ на этой землѣ питейный домъ въ подрывъ торговлѣ такого же питейнаго заведенія, содержимаго самимъ Франціи, помянутый мировой судья возбудилъ дѣло о кражѣ Петровымъ армяка у крестьянина Титова. Хотя Петровъ заявлялъ судьѣ, что по этому дѣлу уже производилось дознаніе урядникомъ и было обнаружено, что армякъ былъ взятъ имъ по ошибкѣ вмѣсто своего, Франція, не вызвавъ урядника и не принявъ во вниманіе оправдательныхъ показаній свидѣтелей, приговорилъ Петрова къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Затѣмъ, несмотря на то, что Петровъ своевременно заявилъ неудовольствіе на означенный приговоръ, у Франціи очутилась росписка, якобы данная Петровымъ въ томъ, что ему приговоръ объявленъ и неудовольствія онъ не заявлялъ. За неграмотностью Петрова подписался за него подъ этою распиской нѣкто Булдаковъ, котораго, какъ объяснилъ Петровъ, онъ не только не просилъ рукоприкладствовать за себя, но и совсѣмъ не зналъ Затѣмъ мировой судья Франція прошеніе Петрова отъ 18-го декабря, заключавшее указаніе на подложность означенной подписки, помѣтилъ полученнымъ 3-го января и хотя и постановилъ 18-го декабря выдать Петрову копію съ приговора, но выдалъ ее лишь 28-го декабря.

16-го марта 1883 года мировой судья Франція, разбирая дѣло по иску Федора Клещова съ Никифора Сѣдова на сумму 3.200 руб. по векселю, занесъ въ протоколъ судебнаго засѣданія, что онъ, судья, вслѣдствіе заявленнаго

истцомъ и отвѣтчикомъ желанія рѣшить дѣло по совѣсти, принялъ это дѣло къ разбирательству, хотя по суммѣ оно подлежало вѣдѣнію окружного суда. Между тѣмъ Сѣдовъ показалъ, что дѣйствительно, около праздника Благовѣщенія, ему пришлось случайно быть въ домѣ судьи, но онъ, Сѣдовъ ни о чемъ судью не просилъ и провелъ все время на кухнѣ, пока Клещовъ, съ которымъ онъ ѣхалъ изъ Москвы, сидѣлъ у мирового судьи

Служившій въ то время письмоводителемъ у мирового судьи Франція Радушинъ, будучи спрошенъ въ качествѣ свидѣтеля, показалъ, что какъ-то вечеромъ онъ, Радушинъ, сидѣлъ въ домѣ мирового судьи, а Клещовъ, истецъ по дѣлу о 3,200 руб, говорилъ о чемъ-то съ судьею въ другой комнатѣ. Вскорѣ мировой судья Франція вышелъ къ Радушину и сказалъ ему, что надо тотчасъ же рѣшить дѣло Клещова и Сѣдова по совѣсти, и онъ, Радушинъ, по приказанію судьи немедленно составилъ протоколъ засѣданія, войдя для этого въ комнату, въ которой находились въ то время судья и Клещовъ Представленный при слѣдствіи Радушину крестьяниномъ Сѣдовъ, по словамъ свидѣтеля, не присутствовалъ при составленіи протокола, подписаннаго послѣ рѣшенія дѣла вечеромъ истцомъ Клещовымъ и рабочимъ судьи Большаковымъ за отвѣтчика Сѣдова. Свидѣтель Никита Большаковъ показалъ, что крестьянина Клещова онъ знаетъ, а Сѣдова, за котораго онъ дѣйствительно по приказанію судьи росписался подъ протоколомъ 16-го марта, онъ совсѣмъ не знаетъ.

Назначивъ на 1-ое іюля 1883 года разбирательство по иску крестьянки Елягиной къ Алексѣю и Александру Елягинымъ въ суммѣ 200 руб и получивъ своевременно дубликаты повѣстокъ съ расписками сторонъ, мировой судья Франція не открылъ засѣданія по этому дѣлу и не постановилъ опредѣленія о прекращеніи дѣла за неявкою истицы, а, напротивъ, скрывъ возвращенный дубликатъ повѣстки истицы съ роспискою въ полученіи повѣстки и препроводительную бумагу волостного правленія, при коей дубликатъ былъ возвращенъ судьѣ, и ложно удостовѣривъ въ своемъ производствѣ, что дубликатъ повѣстки истицы еще не полученъ обратно, назначилъ вновь разбирательство на 15-ое сентября; дѣло было рѣшено въ пользу истицы и, несмотря на то, что отвѣтчики трижды являлись къ судьѣ за копіей рѣшенія, таковая имъ выдана не была; лишь послѣ того, какъ срокъ на обжалованіе былъ пропущенъ, копія была прислана чрезъ волостное правленіе.

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго бывшій Угличскій мировой судья титулярный совѣтникъ Франція, признавая себя виновнымъ въ небрежности и безпорядочности по канцеляріи, во всемъ остальномъ виновнымъ себя не призналъ, не приводя никакихъ оправданій по существу взводимыхъ на него обвиненій.

На судебномъ засѣданіи свидѣтели, въ главныхъ чертахъ, подтвердили то, что показывали на предварительномъ слѣдствіи.

По дѣлу о пристрастномъ веденіи дѣла о кражѣ крестьяниномъ Петровымъ армяка допрошены были самъ Петровъ и, между прочимъ, мѣстный житель Трутневъ. По показанію Петрова, онъ пьяный увезъ изъ питейнаго дома армякъ крестьянина Титова и самъ пьяный отдалъ этотъ армякъ въ домъ причетника сосѣдняго села Никакого дѣла объ армякѣ, стоющемъ 40 коп., не возбуждалось 10 мѣсяцевъ Затѣмъ мировой судья Франція, по заявленію содержателя питейнаго дома, а не хозяина армяка, возбудилъ противъ Петрова дѣло о кражѣ и осудилъ его къ заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца. Несмотря на многочисленныя поѣздки къ судьѣ за копіей приговора, Петровъ не получалъ ея, при чемъ судья убѣждалъ его не вести дѣла дальше въ апел-

ціонномъ порядкѣ, а лучше сѣсть въ тюрьму. Въ дѣлѣ было скрыто и не записано заявленіе неудовольствія на рѣшеніе, поданное Петровымъ, очевидцемъ чего былъ свидѣтель Трутневъ, а оказалась роспись судьи изъ питейнаго дома Будакова за Петрова, удостовѣряющая, что послѣднему рѣшеніе объявлено и неудовольствія онъ не имѣетъ. „Сроду Будакова не видать и подписываться не просилъ", говорилъ Петровъ на судѣ. Причиною пристрастнаго веденія дѣла Петрова, съ цѣлью опорочить его, было, по мнѣнію Петрова, то, что онъ отказался купить у мирового судьи Франція землю, а пріобрѣлъ таковую у сосѣда его Скорнякова и открылъ питейный домъ, явившись въ питейной торговлѣ конкурренткомъ Франція, питейный домъ коего находился по близости. По дѣлу о краѣ армянъ Петровъ съѣздомъ мировыхъ судей возстановившимъ ему срокъ обжалованія, былъ оправданъ.

Подсудимый Франція и сидѣлецъ питейнаго дома Будаковъ увѣряли, что питейный домъ содержалъ не Франція, а другое лицо, но Петровъ и Трутневъ заявили, что лицо это было подставное и питейный домъ принадлежалъ мировому судьѣ Франція.

Самое тяжкое обвиненіе—въ подлогѣ по службѣ—предъявлено было къ мировому судьѣ Франція по дѣлу о взысканіи купцомъ Клещовымъ 3,200 руб. по векселю съ крестьянина Сѣдова. Изъ прочитаннаго показанія Сѣдова усматривается, что вексель этотъ оказался подложнымъ и за подлогъ его Клещовъ, по рѣшенію Рыбинскаго окружнаго суда, сосланъ въ Сибирь. Обстоятельства этого дѣла подсудимый старался истолковать иначе и для этого вызваны были его экономка и кухарка, показаніями коихъ подсудимый желалъ удостовѣрить, что отвѣтчикъ Сѣдовъ находился при разсмотрѣніи дѣла о его векселѣ, а не сидѣлъ, какъ утверждаютъ Сѣдовъ и письмоводитель судьи Радушинъ, въ кухнѣ, не вѣдая, что съ него присуждаютъ, по добровольному, будто бы, его съ истцомъ Клещовымъ согласію, 3,200 руб. Подъ рѣшеніемъ за неграмотнаго Сѣдова росписался крестьянинъ Большаковъ, а подъ векселемъ была, какъ послѣ выяснилось, подпись за Сѣдова зятя Клещова, кабатчика Полушкина, но ни того, ни другого Сѣдовъ никогда не просилъ расписываться за себя.

Подсудимый, отрицая виновность и какую бы то ни было незаконность по дѣлу Клещова и Сѣдова, утверждалъ, что онъ обманутъ былъ Клещовымъ, представившимъ подложный вексель, и принялъ дѣло о взысканіи 3,200 руб. на основаніи закона, по просьбѣ сторонъ, при чемъ Клещовъ представилъ ему отвѣтчика, тоже просившаго о разсмотрѣніи дѣла, но этотъ отвѣтчикъ, по мнѣнію Франція, былъ подставной. Изъ показанія Радушина и Большакова видно, что подставного Сѣдова быть не могло, такъ какъ настоящій сидѣлъ на кухнѣ.

Рѣшеніе о взысканіи съ Сѣдова 3,200 руб. составлялось поздно ночью, при чемъ судья былъ въ халатѣ, а при постановленіи рѣшенія присутствовали только Клещовъ и письмоводитель Радушинъ.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора палаты:

„Гг. присяжные засѣдатели! Учреждая должность мирового судьи по выбору всѣхъ сословій, законодатель преслѣдовалъ благую и высокую цѣль. Онъ имѣлъ въ виду дать каждой мѣст-

ности такого знающаго ее и близкаго ей судью, который, пользуясь общимъ довѣріемъ, былъ бы въ ней истиннымъ хранителемъ мира и справедливости. Всякій встрѣчающій въ судѣ надобность, какъ бы ни была она малозначительна и какъ бы ни было скромно личное его положеніе, долженъ найти у мирового судьи правосудное рѣшеніе спора, возмѣщеніе обиды, возстановленіе законности и порядка. Примѣняя законъ, мировой судья смягчаетъ его строгое, формальное дѣйствіе и въ доходящія до него житейскія столкновенія вноситъ примиряющее начало. Для всѣхъ доступный и равный, судъ его не связанъ особыми формальностями, но тщательно соблюдаетъ тѣ изъ нихъ, которыя обезпечиваютъ судимому и судящемуся его законное право или защищаютъ его отъ судейскаго произвола. Изъ этого сложнаго призванія вытекаетъ рядъ необходимыхъ условій; присутствіе ихъ дѣлаетъ мировой судъ, такъ тѣсно соприкасающійся со вседневными интересами населенія, благодѣтельнымъ, уважаемымъ, а отсутствіе—вреднымъ и ненавистнымъ Это все истины чрезвычайно простыя, азбучныя, но и онѣ, увы! нуждаются въ настойчивомъ повтореніи... Судъ мирового судьи долженъ быть *скоръ*,—иначе наступаетъ та томительная судебная волокита, которая русскаго человѣка больше всего отвращаетъ отъ правосудія. Судъ этотъ долженъ быть *внимателенъ* къ тяжущимся,—иначе онъ сдѣлается для нихъ пыткой, источникомъ безконечныхъ хлопотъ и лишнихъ убытковъ. А прежде всего судъ долженъ быть *не лицепріятенъ и чистъ*, — не то вмѣсто завѣта правды и милости встанетъ знакомый старинный призракъ корыстнаго кривосудія. Въ камерѣ мирового судьи обыватель испытываетъ первое дѣйствіе закона на себѣ и на окружающихъ; здѣсь же и узнаетъ онъ, что законъ этотъ есть властная и справедливая сила, а не бичъ въ рукахъ сильнаго и богатаго, если они въ союзѣ съ судьей. Таковъ мировой судья по закону, судейской присягѣ и здравымъ понятіямъ о долгѣ и правосудіи. Но не таковъ былъ Угличскій мировой судья Франція, о чемъ свидѣтельствуютъ раскрытыя предъ вами вопіющіе факты, которые низвели его, наконецъ, съ его судейскаго кресла и по-

садили туда, гдѣ его настоящее мѣсто — на скамью подсудимыхъ".

Разобравъ затѣмъ упадающее на г. Франція обвиненіе въ медленности и нерадѣніи по четыремъ отдѣльнымъ дѣламъ, обвинитель съ особенною подробностью остановился на дѣлѣ крестьянина Ѳедора Петрова, котораго судья приговорилъ за кражу къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Обвинитель доказывалъ, что въ этомъ дѣлѣ съ начала до конца, отъ возбужденія дѣла до приговора — рядъ неправильностей и нарушеній закона. Наиболѣе важно сокрытіе мировымъ судьею неудовольствія на обвинительный приговоръ, которое Ѳедоръ Петровъ заявилъ въ присутствіи свидѣтеля Трутнева и которое, между тѣмъ, въ производствѣ записано не было. За неграмотнаго Петрова, по приказанію судьи, росписался сидѣлецъ питейнаго заведенія г. Франція Булдаковъ, дѣлящій свое время между стойкой и камерой, гдѣ онъ „слушаетъ дѣла" и, когда нужно, росписывается... Заявленіе неудовольствія, по закону, есть условіе обжалованія, т.-е. перенесенія дѣла въ высшую инстанцію; вотъ почему, не записавъ заявленія Петрова, судья впослѣдствіи имѣлъ законный по формѣ, но ложный по сущности предлогъ возвратить его апелляціонную жалобу, какъ будто Петровъ потерялъ право на ея принесеніе. Все это г. Франція, по мнѣнію обвинителя, дѣлалъ умышленно, сводя съ Петровымъ старые частные счеты изъ-за покупки земли съ устройствомъ питейнаго заведенія, которое, по показанію Петрова, г. Франція открылъ ему „на перебой" въ с. Ивашковѣ. Затѣмъ обвинитель перешелъ къ дѣлу о подложномъ составленіи протокола разбирательства между Клещовымъ и Сѣдовымъ по векселю въ 3,200 руб., который уже признанъ подложнымъ и самъ Клещовъ осужденъ за это Рыбинскимъ окружнымъ судомъ. По даннымъ судебнаго слѣдствія слѣдуетъ заключить, что Сѣдова на этомъ разбирательствѣ вовсе не было и онъ не просилъ мирового судью Франція разбирать „по совѣсти" его дѣло съ Клещовымъ. Послѣднему нуженъ былъ исполнительный листъ на Сѣдова и онъ добылъ его отъ г. Франція, устроивъ вмѣстѣ съ нимъ фиктивное разбирательство по фиктивному же долгу

Сѣдова на основаніи 30 ст. уст. гражд. суд. При этомъ не было даже представлено и самого векселя, который появился уже впослѣдствіи, на что указываетъ и подчистка въ настольной книгѣ мирового судьи, сдѣланная по его приказанію, какъ удостовѣряетъ свидѣтель, бывшій его письмоводитель Радушинъ. Все это было совершено, повидимому, въ угоду купцу Клещову, въ силу близкихъ съ нимъ отношеній судьи. Рѣчь прокурора судебной палаты закончилась слѣдующею общею характеристикой дѣла и дѣйствій подсудимаго:

„Если все, что судебное слѣдствіе обнаружило объ этихъ дѣйствіяхъ, свести къ одному итогу, то общая картина получается поразительная. На первомъ планѣ ея выдѣляется, совѣстно выговорить, но пусть это будетъ въ послѣдній разъ, *„питейное заведеніе“*, играющее видную роль въ служебныхъ и частныхъ дѣлахъ подсудимаго. Одно въ с. Ивашковѣ, другое находится недалеко отъ судебно-мировой камеры въ с. Райковѣ, и всѣ три помѣщенія имѣютъ въ лицѣ г. Франція одного хозяина. Судья, онъ же и содержатель этого питейнаго заведенія, хотя-бы и за спиною подставного лица; мудрено ли, что интересы сталкиваются и точки соприкосновенія появляются на каждомъ шагу? Въ кабакѣ мирового судьи отогрѣваются вызванные имъ тяжущіеся и свидѣтели, въ ожиданіи разбирательства; изъ кабака же берется сидѣлецъ, когда на судѣ за неграмотнаго нуженъ росписчикъ, котораго, впрочемъ, въ случаѣ надобности, можетъ поставить людская или кухня судьи. Все равно, не одинъ, такъ другой, вѣдь они росписываются не по просьбѣ неграмотныхъ тяжущихся, а по приказанію судьи-хозяина. Питейно-торговая конкурренція участвуетъ и въ самомъ судѣ его: она-то и привела Ѳедора Петрова, этого неудачнаго соперника г. Франція по питейному дѣлу, къ трехмѣсячному тюремному заключенію. Вообще, въ 3-мъ мировомъ участкѣ Угличскаго округа образовалось такое положеніе вещей, въ которомъ нельзя разобраться безъ помощи постановленій уложенія о наказаніяхъ. Все смѣшивается и переплетается, вездѣ рука руку моетъ и поддерживаетъ. Нельзя отличить, гдѣ кончается г. Франція—землевладѣлецъ и содержатель питейнаго заведенія, и гдѣ начинается

г. Франція—мировой судья. Въ судебной его дѣятельности невозможно опредѣлить, что по закону и по обстоятельствамъ дѣла и что по дружбѣ или враждѣ. Вы видите дѣла, бумаги съ печатными бланками, какъ слѣдуетъ все по формѣ: вы думаете, что это уголовное производство о проступкѣ противъ закона, обвинительный приговоръ? Нѣтъ, это сведеніе старыхъ личныхъ счетовъ промышленнаго свойства, это отплата злопамятнаго судьи-продавца злополучному подсудимому-покупателю. Вы полагаете, что это рѣшеніе по гражданскому дѣлу? Нѣтъ, вы ошибаетесь, это пріятельская услуга судьи мѣстному кулаку-воротилѣ,—услуга, не остановившаяся передъ служебнымъ подлогомъ. Трудно представить себѣ что-либо для судебнаго дѣятеля возмутительнѣе этого послѣдняго преступленія. Подлогъ совершается на томъ же самомъ судейскомъ столѣ, подъ зерцаломъ, гдѣ только-что творилось святое дѣло суда; изъ тѣхъ самыхъ рукъ, которыя только-что подписывали судебныя опредѣленія, выходитъ лживый документъ во всеоружіи законной внѣшности и потому неотразимый въ своемъ преступномъ воздѣйствіи. И обстановка этой темной комедіи разбирательства самая подходящая: вмѣсто обычнаго присутственнаго времени—поздній часъ вечера, почти ночь, вмѣсто должностного знака—домашній халатъ, вмѣсто гласности, публики—вольные и невольные сообщники преступленія, письмоводитель—выгнанный изъ службы полицейскій чиновникъ и въ качествѣ подложнаго взыскателя—другъ, нынѣ сосланный въ Сибирь фальсификаторъ. О послѣдствіяхъ же махинаціи думать не нужно. Съ тяжущимися, благо они безсильны и безсловесны, можно не церемониться, удовлетворяя даже надъ ними — вспомнимъ дѣло Петрова—своей склонности къ злорадному издѣвательству. Что за бѣда, если одинъ посидитъ неповинно въ тюрьмѣ, а съ другого по подложнымъ документамъ взыщутъ не должное? Наведя страхъ на другихъ, имѣя въ своей мѣстности силу и вліяніе, самому можно, пожалуй, и не бояться: до свѣта далеко, провинціальная глушь непроницаема, на г. Франція—онъ самъ говорилъ это свидѣтелямъ—„просить некуда“, на то, добавимъ мы, и старое, быть можетъ, еще въ уѣздномъ судѣ пріобрѣ-

тенное искусство хоронить концы и изъ воды выходить сухимъ... Да,—но и этому искусству бываетъ предѣлъ. Наступаетъ день, когда свѣтъ проникаетъ и въ глушь, когда голоса притѣсняемыхъ достигаютъ до власти и она притѣснителя призываетъ къ отвѣту. Для г. Франція сегодня насталъ этотъ день и, мнѣ думается, что отвѣтъ, который онъ дастъ въ вашемъ рѣшеніи, имѣетъ немаловажное общественное значеніе. Благодаря именно судьямъ, подобнымъ г. Франція, у народа въ его практической мудрости сложилась печальная пословица: *не бойся суда, а бойся судьи!* Справедлива и утѣшительна первая часть этого изреченія. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя бояться *суда*: отправляемый тѣмъ Именемъ, въ которомъ на Руси олицетворяется правда, онъ всегда водворитъ ее рано или поздно надъ кривдой, праваго защититъ, виновнаго покараетъ. Но внушительно и тревожно звучитъ совѣтъ бояться *судьи*, если судья этотъ — Франція, у котораго судъ—пристрастіе, приговоръ—личная месть, рѣшеніе—подлогъ въ пользу благопріятеля. Въ настоящемъ дѣлѣ вы, мм. гг., въ качествѣ представителей общественной совѣсти, можете подтвердить или опровергнуть эту плачевную для гражданина, унизительную для общества боязнь Ваше рѣшеніе скажетъ, слѣдуетъ ли бояться недостойныхъ судей съ ихъ преступнымъ судомъ, потому что они могутъ разсчитывать на безнаказанность, или же страшиться ихъ нечего, потому что ихъ отвергаетъ общество и осуждаютъ присяжные".

Присяжные засѣдатели признали подсудимаго Франція невиновнымъ по дѣламъ Клещова, Елягиныхъ и Сѣдова; виновнымъ въ нарушеніи правилъ судопроизводства по дѣлу Петрова, но не изъ пристрастія, и въ сокрытіи того факта, что Петровъ заявлялъ неудовольствіе на приговоръ, при чемъ признали Франція заслуживающимъ снисхожденія.

Судебная палата, на основаніи ст. 362 и 426 улож. наказ., приговорила бывшаго мирового судью Николая Франція къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губ. При этомъ палата опредѣлила, въ виду преклонныхъ лѣтъ Франція, повергнуть участь его чрезъ министра юстиціи на Монаршее милосердіе, ходатайствуя о замѣнѣ назначеннаго ему по закону наказанія исключеніемъ изъ службы.

VI.

Дѣло объ оскорбленіи товарища прокурора Лагоріо мировымъ судьею Славинымъ.

Засѣданіе Московской судебной палаты, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 23-го февраля 1885-го года. Предсѣдательствовалъ членъ палаты А. Н. Терновскій, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В. Муравьевъ, защищалъ присяжный повѣренный Плевако.

Обвиняется мировой судья 4-го участка Ржевскаго мирового округа, отставной штабсъ-капитанъ Владиміръ Васильевъ Славинъ, 45 л., преданный суду опредѣленіемъ правительствующаго сената, по обвиненію въ томъ, что, находясь въ совѣщательной комнатѣ Ржевскаго мирового съѣзда въ качествѣ мирового судьи, онъ нанесъ присутствовавшему въ съѣздѣ товарищу прокурора Ржевскаго окружного суда Лагоріо, по поводу настоянія послѣдняго, по обязанности службы, о возбужденіи противъ Славина уголовнаго преслѣдованія, оскорбленіе на словахъ и дѣйствіемъ, т.-е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст.ст. 285 и 347 улож. наказ.

Предварительнымъ слѣдствіемъ выяснено, что 8-го мая 1884-го года въ публичномъ засѣданіи Ржевскаго мирового съѣзда были сначала разрѣшены нѣкоторыя гражданскія дѣла, а затѣмъ судьи, въ томъ числѣ и мировой судья 4-го участка Славинъ, удалились въ совѣщательную комнату для разрѣшенія дѣлъ въ распорядительномъ засѣданіи. Послѣднимъ назначено было къ слушанію дѣло о неявкѣ мировыхъ судей Ланского, Давыдова и Славина въ засѣданіе названнаго съѣзда 3-го, 5-го и 6-го марта. Заключеніе долженъ былъ давать товарищъ прокурора Ржевскаго окружного суда Лагоріо. Предъ докладомъ Лагоріо обратился къ судьямъ съ заявленіемъ, что при разсмотрѣніи этого дѣла „неудобно присутствовать Владиміру Васильевичу Славину“, такъ какъ дѣло касается и его. Славинъ, сказавъ—„обо мнѣ, такъ я уйду“, тотчасъ вышелъ изъ совѣщательной комнаты, такъ что предсѣдатель съѣзда Лавровъ ничего не успѣлъ высказать по этому поводу. Затѣмъ товарищъ прокурора передалъ предсѣдателю свое письменное заключеніе, въ коемъ признавалъ необходимымъ возбудить преслѣдованіе противъ почетныхъ мировыхъ судей Ланского и Давыдова по ст. 411 улож. наказ., а противъ Славина еще и по ст. 384 — за самовольное прерваніе имъ отправленія своей должности. Мировой съѣздъ, согласно заключенію товарища прокурора, постановилъ переписку по этому дѣлу, вмѣстѣ съ письменнымъ заключеніемъ товарища прокурора, представить въ правительствующій сенатъ. Затѣмъ постановленіе было передано для подписи участвовавшимъ въ засѣданіи предсѣдателю Лаврову и

судьямъ Толмачеву, Крамареву и князю Гедройцу. Первые трое, подписавъ, поднялись изъ-за стола и стали выходить изъ комнаты, въ это время, именно въ тотъ моментъ, когда князь Гедройцъ подписывалъ свою фамилію, Славинъ, подойдя къ Лагоріо со словами „Какъ ты смѣлъ предложить мнѣ удалиться изъ совѣщательной комнаты?“, нанесъ ему ударъ въ грудь, началъ ругать его, называя „хлыщемъ, мерзавцемъ, рыжею собакою“ и т. п., и схватилъ стулъ, намѣреваясь ударить имъ Лагоріо. На крикъ возвратились Лавровъ и Толмачевъ, въ комнату вошелъ и сторожъ Шумовъ; въ присутствіи ихъ Славинъ продолжалъ ругать Лагоріо, сказавъ между прочимъ, по словамъ свидѣтеля Шумова „все это твои продѣлки“ Во все время происшествія Славинъ оставался въ своемъ судейскомъ мундирѣ, въ коемъ былъ съ утра.

На предварительномъ слѣдствіи показаніями свидѣтелей Крамарева и Лаврова установлено, что во время засѣданія по дѣлу о неявкѣ судей, продолжавшемуся около часа, послѣ прочтенія письменнаго заключенія товарища прокурора, въ которомъ послѣдній доказывалъ необходимость возбудить преслѣдованіе по ст. ст. 384 и 411 улож., начались оживленныя пренія, касавшіяся преимущественно вопроса, отложить ли это дѣло до іюньской сессіи съѣзда, когда можетъ собраться большее число судей, или разрѣшить его немедленно. Товарищъ прокурора настаивалъ на немедленномъ его разсмотрѣніи и на представленіи его въ сенатъ, каковое мнѣніе наконецъ и было принято съѣздомъ

Сверхъ того, свидѣтелями выяснено, что Славинъ, по выходѣ изъ совѣщательной комнаты, оставался въ залѣ судебныхъ засѣданій, а потомъ вошелъ въ канцелярію, гдѣ и сидѣлъ во все время преній по его дѣлу возлѣ самой двери совѣщательной комнаты, при чемъ долженъ былъ слышать все происходившее въ названной комнатѣ, такъ какъ пренія велись очень громко. Особенно ясно раздавался голосъ товарища прокурора.

На судебномъ засѣданіи Славинъ не отрицалъ факта нанесенія имъ Лагоріо оскорбленія словами и дѣйствіемъ, но утверждалъ, что нанесено оно не какъ товарищу прокурора, а какъ частному лицу. Причины, побудившія его къ оскорбленію, заключались въ томъ, что между нимъ и Лагоріо по поводу недавнихъ дворянскихъ выборовъ было прежде нѣсколько случаевъ столкновеній, которые раздражали его и возстановили противъ Лагоріо; когда же послѣдній, 8-го мая, позволилъ себѣ, вмѣсто предсѣдателя, предложить ему выйти изъ совѣщательной комнаты, то терпѣніе его исчерпалось—онъ ударилъ Лагоріо и ругалъ его Засѣданіе съѣзда онъ считалъ оконченнымъ, такъ какъ предсѣдатель и судьи встали изъ-за стола, а нѣкоторые уже вышли. Мундира же не снималъ, потому что другого платья съ нимъ не было.

Потерпѣвшій Лагоріо, не отрицая своихъ разговоровъ съ подсудимымъ по поводу выборовъ, показалъ, что ранѣе столкновеній у него съ Славинымъ не происходило.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора судебной палаты:

„Гг. присяжные засѣдатели! Тяжелое дѣло подлежитъ сегодня вашему разсмотрѣнію. Судья обвиняется въ томъ, что въ самомъ судѣ, въ совѣщательной его комнатѣ, почти во время отправленія правосудія, онъ нанесъ грубое оскорбленіе словами и

дѣйствіемъ лицу прокурорскаго надзора и притомъ такъ, что оба, и оскорбитель, и оскорбленный, находились при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, и самое оскорбленіе явилось какъ бы местью перваго за то, что послѣдній исполнилъ свой долгъ. Такова, по выводамъ обвиненія, по истинѣ прискорбная и возмутительная обстановка происшествія 8 мая прошлаго года, которое отдано на вашъ судъ вмѣстѣ съ вопросомъ о виновности подсудимаго Славина. Мѣсто закона и права сдѣлалось поприщемъ дикой кулачной расправы, было нарушено не только приличіе, уваженіе къ мѣсту, званію, сослуживцамъ,—былъ забытъ историческій завѣтъ Петра Великаго, величаво-строгія слова его, начертанныя тамъ на зерцалѣ, которое, какъ здѣсь теперь, такъ и тогда въ день происшествія, съ судейскаго стола Ржевскаго мирового съѣзда, гласило мировому судьѣ Славину: „*Надлежитъ обрѣтающимся во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего государства судьямъ и пришедшимъ предъ судъ чинно поступать, также судъ Божій есть; проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. А ежели кто противно сему поступитъ и учинитъ какое безчинство, тотъ наказанъ будетъ по указу*“. Какъ поступилъ, что учинилъ и подлежитъ ли наказанію подсудимый Славинъ, вы разберете и разрѣшите на основаніи данныхъ происходившаго предъ вами судебнаго слѣдствія, я же долженъ изложить вамъ взглядъ обвинительной власти на настоящее дѣло. Призванная смотрѣть на него преимущественно съ точки зрѣнія нарушеннаго и потому карающаго закона, она въ то же время обязана помнить и соблюдать тѣмъ же закономъ указанные ей предѣлы: не представлять вамъ дѣло въ одностороннемъ, только уличающемъ подсудимаго видѣ, не преувеличивать ни значенія уликъ противъ него, ни важности приписываемаго ему преступленія. Спокойное стремленіе къ разъясненію истины посредствомъ безпристрастной оцѣнки обстоятельствъ дѣла—вотъ истинная задача прокурора-обвинителя, отъ которой я не отступлю ни на шагъ. Обязательная всегда и вездѣ, она особенно рѣзко и ярко выступаетъ въ настоящемъ дѣлѣ, гдѣ представителю обвиненія, по крайней мѣрѣ въ моемъ положеніи, по вполнѣ естественному чувству, легко

незамѣтно и невольно уклониться въ сторону, поднять тономъ выше, потому что рѣчь идетъ о преступленіи, направленномъ противъ служебной чести собрата по оружію. Но тѣмъ нужнѣе спокойствіе, тѣмъ настоятельнѣе безпристрастіе, тѣмъ важнѣе ни въ чемъ не измѣнить самому духу того учрежденія, къ которому имѣемъ честь принадлежать мы оба, и пострадавшій отъ преступнаго дѣянія, и я, обвинитель подсудимаго. На виду у всѣхъ, открытыми законными средствами прокурорскій надзоръ борется съ неправдою и зломъ, выразившимися въ преступленіяхъ; всякія личныя побужденія ему чужды, онъ дѣйствуетъ во имя закона и общаго блага, подъ сложнымъ контролемъ своей совѣсти, правительства, разумнаго общественнаго мнѣнія. Въ этой непрестанной гласной и честной борьбѣ лицомъ къ лицу съ противникомъ ему не пристало страшиться свѣта изслѣдованія, проникающаго даже въ самую среду его, хотя-бы па событія тягостныя и печальныя для отдѣльныхъ чиновъ его. Они могутъ прегрѣшать, ошибаться или терпѣть незаслуженно, нуждаться въ защитѣ суда, но ничто не умалитъ достоинства всего учрежденія или отдѣльныхъ членовъ его, доколѣ оно дѣйствительно стоитъ на стражѣ законнаго порядка и справедливости, доколѣ на высоко поднятомъ его знамени, между прочимъ, написано: „да воздастся каждому по дѣламъ его!“

Изложивъ обстоятельства дѣла, обвинитель окончилъ такими словами:

„Всему сказанному я подведу короткій итогъ. Если видѣть въ несомнѣнно преступномъ дѣяніи подсудимаго Славина только то грубое внѣшнее противозаконное дѣйствіе, въ которомъ оно проявилось, то изъ настоящаго дѣла никакого другого вывода сдѣлать нельзя, кромѣ вывода объ его безусловной виновности по предъявленному къ нему обвиненію. Но если къ дѣянію этому приложить, какъ и подобаетъ суду внутренняго убѣжденія, кромѣ мѣрки карающаго закона, еще и мѣрку человѣчности, мѣрку вліянія обстоятельствъ, которыя, предшествуя преступленію, какъ бы натолкнули на него слабую волю и сильныя страсти подсудимаго, то выводъ о виновности, оставаясь неприкосновеннымъ, можетъ смягчиться. Преступное дѣяніе

оправдывать невозможно, но нужно въ него вникнуть, понять, а изъ того, что̀ даетъ пониманіе, нѣчто придется и зачесть подсудимому. Многія условія совершеннаго имъ преступленія заставляютъ отнестись къ нему мягче, снисходительнѣе, чѣмъ къ другому, за которымъ бы не было такихъ условій. У васъ, мм. гг., въ рукахъ это великодушное право объявить, что виновный заслуживаетъ снисхожденія,—у суда короннаго есть свое право уменьшить ему наказаніе. Не будемъ казнить или миловать по влеченію, по произволу,—будемъ судить по чуткой совѣсти, по сущей правдѣ. Иногда говорятъ, что предъ судомъ являются двѣ разныя правды: одна формальная, внѣшняя, правда буквы закона и его механической строгости, по которой виновнаго ждетъ только кара, и другая, глубокая внутренняя правда жизни и порою непреодолимыхъ человѣческихъ побужденій, которыя объясняютъ или даже вовсе извиняютъ вину. Я же думаю, что это дробленіе совершенно невѣрно и вредно, я утверждаю, что правда есть и можетъ быть только единая, нераздѣльная, правда истиннаго смысла закона и святого судейскаго долга, по которымъ виновный долженъ отвѣчать за свое преступленіе, но не свыше мѣры содѣяннаго и не безъ благоразумной судейской милости, если онъ ея стоитъ. Эту правду вамъ предстоитъ найти въ дѣлѣ подсудимаго Славина, и когда вы ее скажете въ вашемъ рѣшеніи, какова бы она ни была, мы преклонимся предъ ней".

Присяжные засѣдатели—на вопросъ о виновности Славина въ оскорбленіи Лагоріо при исполненіи служебныхъ обязанностей — отвѣтили отрицательно, но признали его виновнымъ въ оскорбленіи Лагорію словами и дѣйствіемъ какъ частнаго лица, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, и дали ему снисхожденіе.

Въ силу этого рѣшенія судебная палата приговорила Славина къ аресту на гауптвахтѣ на двѣ недѣли.

VII.

Дѣло о судебномъ слѣдователѣ по важнѣйшимъ дѣламъ округа Московскаго окружного суда Сахаровѣ.

Засѣданіе уголовнаго департамента Московской судебной палаты, 28-го марта 1889 года. Предсѣдательствовалъ членъ палаты А. Н Терновскій, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В Муравьевъ, защитника не было.

Обвинялся судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Николай Васильевъ Сахаровъ, 58 л., въ помѣщеніи въ официальной бумагѣ непристойныхъ выраженій, т-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. ст. 347 улож. наказ.

Опредѣленіемъ правительствующаго сената въ октябрѣ 1888 года помянутый судебный слѣдователь былъ преданъ суду за помѣщеніе въ донесеніи своемъ Московскому окружному суду по дѣлу присяжнаго повѣреннаго Глаголева нѣсколькихъ выраженій, противныхъ правиламъ пристойности и оскорбительныхъ для лица, причастнаго къ этому дѣлу. Такъ, напр., въ этомъ донесеніи Сахаровъ говорилъ объ одномъ изъ участвующихъ въ дѣлѣ, что онъ „выцарапалъ свои векселя“, „прикарманилъ сохранную росписку“ и т. д.

Привлеченный къ отвѣтственности, Сахаровъ въ объясненіи, представленномъ судебной палатѣ, между прочимъ, указывалъ, что въ донесеніи своемъ суду помѣстилъ слова и выраженія, дословно взятыя изъ свидѣтельскихъ показаній, обыкновенно дѣлающихся достояніемъ гласности, почему онъ и нашелъ возможнымъ помѣстить ихъ въ такой бумагѣ, которая оглашенію не подлежала и не могла сдѣлаться извѣстною частному лицу.

Сахаровъ въ судебное засѣданіе не явился и дѣло о немъ разбиралось заочно.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора судебной палаты:

„Въ заключительныхъ словахъ своего письменнаго объясненія по настоящему дѣлу судебный слѣдователь Сахаровъ заявляетъ палатѣ, что онъ не находитъ необходимымъ лично оправдываться предъ нею по обвиненію, за которое онъ преданъ суду правительствующимъ сенатомъ, и всецѣло ввѣряетъ свою судьбу и судьбу своей 28-лѣтней неопороченной слѣдовательской дѣятель-

ности безпристрастію и снисхожденію судебной палаты. Съ своей стороны я полагаю, что этой вполнѣ основательной надеждѣ г. Сахарова суждено оправдаться въ томъ именно серьезномъ и высокомъ смыслѣ, какой, конечно, имѣлъ въ виду нашъ почтенный товарищъ, отдавая свое незапятнанное служебное имя и поприще въ руки своихъ законныхъ компетентныхъ судей. Вопросъ объ его отвѣтственности мы разсмотримъ безпристрастно съ полною свободой внутренняго убѣжденія по закону и совѣсти.

„Судебный слѣдователь Сахаровъ преданъ вашему суду по обвиненію въ томъ, что въ донесеніи своемъ окружному суду отъ 10 декабря 1886 года по дѣлу присяжнаго повѣреннаго Глаголева,—донесеніи, вызванномъ жалобой потерпѣвшаго на ходъ слѣдствія по этому дѣлу, помѣстилъ выраженія противныя пристойности, хотя и безъ прямого кому-либо оскорбленія и, слѣдовательно, безъ намѣренія обидѣть тѣхъ, до кого выраженія эти относились.

„Дѣйствительно ли находятся въ донесеніи г. Сахарова подобныя выраженія и доказано ли, что онъ совершилъ служебное нарушеніе, предусмотрѣнное 2 ч. ст. 347 улож. о наказ.? Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это вопросъ уже предрѣшенный, такъ какъ сенатъ, предавая г. Сахарова суду, тѣмъ самымъ усмотрѣлъ въ составленной имъ бумагѣ признаки названнаго преступленія и въ этомъ отношеніи данныя дѣла не могли измѣниться и на судѣ. Но опредѣленіе сената по настоящему дѣлу есть лишь актъ преданія суду должностного лица, касается лишь частнаго случая, а вовсе не имѣетъ того общаго руководящаго значенія, въ силу котораго кассаціонныя рѣшенія сената, разъясняющія точный смыслъ законовъ, безусловно обязательны для судебныхъ мѣстъ. Судьи факта и права, вы разрѣшаете дѣло по существу и свободны какъ въ оцѣнкѣ всѣхъ его обстоятельствъ, такъ и въ тѣхъ выводахъ, къ которымъ приводитъ судебное ихъ разсмотрѣніе. Формальное возраженіе, сдѣланное г. Сахаровымъ противъ предъявленнаго къ нему обвиненія, на основаніи разъясненія сената въ рѣшеніи общаго собранія 1869 года, № 23, по дѣлу Чистякова, которое для состава преступленія, предусмотрѣннаго 2 ч. ст. 347 улож.,

требуетъ, чтобъ инкриминируемая бумага „подлежала внесенію въ протоколъ“, не выдерживаетъ критики по ближайшемъ сопоставленіи этого рѣшенія съ данными настоящаго дѣла. Донесеніе г. Сахарова подлежало разсмотрѣнію суда и палаты въ распорядительномъ засѣданіи, по которому особаго протокола не составляется; за-то здѣсь налицо другой признакъ, требуемый сенатомъ: донесеніе „подлежало разсмотрѣнію присутствія“ и представляло форму офиціальную, противополагаемую, по разъясненію сената, частнымъ отзывамъ, не подходящимъ подъ дѣйствіе ст. 347. Далѣе, обращаясь къ выраженіямъ донесенія, которыя сенатъ поставилъ въ вину судебному слѣдователю Сахарову, мы видимъ, что, по его заявленію, ничѣмъ не опровергнутому и отчасти признанному и сенатомъ въ его опредѣленіи, выраженія эти раздѣляются на двѣ категоріи. Къ одной изъ нихъ относятся слова, заимствованныя г. Сахаровымъ изъ слѣдственнаго производства, изъ показанія обвиняемыхъ и свидѣтелей, изъ писемъ, приложенныхъ къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ. Многія изъ этихъ выраженій рѣзки, грубы, неумѣстны, даже прямо оскорбительны для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, но не г. Сахарову принадлежитъ авторское на нихъ право; онъ только воспроизвелъ ихъ въ своихъ слѣдственныхъ протоколахъ и постановленіяхъ и затѣмъ повторилъ въ своемъ объяснительномъ донесеніи суду, при чемъ нынѣ въ оправданіе свое ссылается на ст. ст. 409 и 453 уст. угол. суд., предписывающія слѣдователю записывать показаніе свидѣтеля или обвиняемаго „собственно его словами, безо всякихъ измѣненій, пропусковъ и прибавленій“. Я не могу согласиться съ правильностью такого взгляда и основаннаго на немъ образа дѣйствій.

„Законъ стремится оградить лишь ясность и объективную точность, по возможности даже текстуальную подлинность живого слова, заносимаго слѣдователемъ въ письменные акты, но законъ, очевидно, не могъ имѣть въ виду введеніе въ слѣдствіе всего того рѣзкаго, грубаго, а главное ненужнаго словеснаго матеріала, который частныя лица, затронутыя въ своихъ интересахъ, порой приносятъ слѣдователю. По мнѣнію моему, слѣ-

дователь обязанъ записывать и дѣлать достояніемъ слѣдствія и суда только то, что нужно для его выясненія, а бранныя слова, субъективно рѣзкая оцѣнка и оскорбительные отзывы никому и ни на что не нужны, даже и для серьезной характеристики. Тѣмъ болѣе излишне и неумѣстно повторять ихъ въ донесеніи своему начальству въ связномъ изложеніи отъ своего лица и иногда безъ указанія источниковъ. Но какъ бы то ни было, всѣ выраженія этой категоріи исходятъ не отъ г. Сахарова, въ противоположность двукратнымъ отзывамъ по поводу г. Сенявина, которые составляютъ собственныя разсужденія слѣдователя. По содержанію они, можетъ быть, и не лишены основанія, но по формѣ рѣзки и неумѣстны и въ офиціальной бумагѣ непристойны, а потому и могутъ быть подведены подъ 2 ч. 347 ст. улож. Судебному дѣятелю, болѣе чѣмъ всякому другому, надлежитъ быть сдержаннымъ, спокойнымъ, даже безстрастнымъ; онъ нарушаетъ достоинство своихъ обязанностей, если при отправленіи должности даетъ волю языку или перу, впадаетъ въ тонъ полемики или памфлета.

„Но если даже и слѣдуетъ признать, что судебнымъ слѣдователемъ Сахаровымъ былъ нарушенъ запретъ карательнаго закона, примѣненнаго къ нему сенатомъ, то настолько ли все это въ самомъ дѣлѣ важно и предосудительно, чтобы съ легкимъ сердцемъ наложить указанное въ томъ законѣ служебное клеймо на почти тридцатилѣтнюю, на виду у всѣхъ протекающую, всѣмъ намъ извѣстную и — скажу смѣло — отличную слѣдовательскую дѣятельность? Въ этомъ отношеніи по вопросу о мѣрѣ отвѣтственности я считаю своею служебно-нравственною обязанностью по совѣсти высказать заключеніе вполнѣ благопріятное для г. Сахарова.

„Прежде всего должно быть совершенно отброшено предположеніе, что съ его стороны въ настоящемъ дѣлѣ было повтореніе подобнаго же нарушенія, которое за истеченіемъ давности было только поставлено г. Сахарову на видъ, по дѣлу бывшаго нотаріуса Назарова. Указъ сената объ этомъ послѣдовалъ въ апрѣлѣ 1888 года, а донесеніе слѣдователя по дѣлу Глаголева относится къ декабрю 1886 года, и такимъ образомъ было на-

писано гораздо раньше признанія высшею судебною властью неправильнымъ и наказуемымъ того способа изложенія, который былъ допущенъ г. Сахаровымъ. Нельзя при этомъ даже и не пожалѣть о томъ печальномъ для него стеченіи обстоятельствъ, по которому, въ силу случайнаго признака—давности, изъ двухъ нарушеній одинаковаго характера и относящихся къ одному и тому же періоду дѣятельности слѣдователя, одно разрѣшилось простымъ, домашнимъ, такъ сказать, внушеніемъ, а другое, совершенно такое же, окончилось преданіемъ суду. Въ этомъ, впрочемъ, есть и нѣчто весьма хорошее: дѣло получитъ всестороннее освѣщеніе и окончательное, гласное разрѣшеніе, не допускающее сомнѣній и превратныхъ истолкованій

„Затѣмъ инкриминируемый г. Сахарову документъ есть не болѣе какъ откровенное объясненіе подчиненнаго, вслѣдствіе поданной на него жалобы, обращенное къ начальству и не подлежавшее никакому оглашенію; оно осталось въ канцелярскомъ производствѣ и не могло дойти до свѣдѣнія частныхъ лицъ, которыя въ немъ упомянаются, а потому и не могло оскорбить кого-либо изъ нихъ. Наконецъ, еще болѣе уменьшаютъ вину составителя этой злополучной бумаги тѣ побужденія, по которымъ она видимо писалась и которыя тѣсно связаны со служебнымъ характеромъ писавшаго. Все въ ней свидѣтельствуетъ, при всѣхъ ея неправильностяхъ, о человѣкѣ, близко принимающемъ къ сердцу интересы дѣла, ему ввѣреннаго, глубоко и горячо преданнаго своей работѣ. Есть различные типы отношенія къ слѣдственному дѣлу: одинъ вполнѣ къ нему равнодушенъ, почти механически исполняетъ формальности и безучастно холодно участвуетъ въ изслѣдованіи человѣческаго горя и паденія: другой, напротивъ, искренно любитъ свое дѣло, болѣетъ и живетъ его интересами, не потерялъ еще и въ зрѣлые годы способности сочувствовать, негодовать и возмущаться, все еще видитъ предъ собою въ своей слѣдовательской камерѣ живыхъ людей съ ихъ страданіями и пороками... Первый никогда не напишетъ рѣзкой бумаги, у него все чинно и гладко, между прочимъ и потому, что ему въ сущности все безразлично; второй, наоборотъ, легко можетъ увлечься своимъ негодованіемъ, хотя

и благороднымъ, и подъ вліяніемъ наплыва образовъ и мыслей не сладить съ объективною сдержанностью ихъ выраженія. Одинъ старается лишь о томъ, чтобъ исполнить самое главное и неизбѣжное, необходимое, соблюсти форму и ни откуда не навлечь на себя непріятностей; другой думаетъ вовсе не объ этомъ, а объ одной лишь сути дѣла и, ею проникнутый, не помышляетъ о тѣхъ невзгодахъ и нареканіяхъ, которыя такъ часто градомъ сыплются на энергичнаго и даровитаго слѣдователя. А подобный слѣдователь, въ особенности по важнѣйшимъ дѣламъ, такой, какъ Н. В. Сахаровъ, всегда находится въ трудномъ положеніи главнаго отвѣтчика по всевозможнымъ крупнымъ сложнымъ слѣдствіямъ и за принятыя принудительныя мѣры, и за ихъ непринятіе, т.-е. предъ обвиняемымъ и предъ потерпѣвшимъ; производить по горячимъ слѣдамъ слѣдствіе первостепенной важности, видѣть воочію и чутко понимать всѣ хитросплетенія, которыми хотятъ затуманить истину, скрыть преступленіе, и въ то же время быть вынужденнымъ отписываться отъ жалобъ и навѣтовъ недовольныхъ,—долго ли тутъ вырваться рѣзкому слову, и можно ли жестоко карать за это честнаго и безкорыстнаго, ретиваго труженика?!

„Оглашенный на судѣ формуляръ г. Сахарова самъ говоритъ за себя и громко въ его пользу: это длинная цѣпь отличій, заслуженность которыхъ хорошо намъ извѣстна и должна быть зачтена ему и въ настоящемъ дѣлѣ. Между тѣмъ, по самому свойству угрожающей ему формально служебной отвѣтственности, очень чувствительной для человѣка, приближающагося уже къ пенсіи, законная кара не можетъ быть смягчена или понижена. Поистинѣ странное, незаслуженно тяжелое положеніе: по дѣлу о незначительномъ нарушеніи офиціальныхъ приличій выдающійся слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ лишенъ того права на снисхожденіе къ нему суда, которымъ широко пользуется каждый изъ разоблаченныхъ имъ тяжкихъ преступниковъ. Если вы, милостивые государи, признаете г Сахарова виновнымъ, согласно выводу обвиненія, у васъ есть одинъ выходъ изъ этой дилеммы: чрезвычайный путь, указанный въ ст. 154 улож. и ст. 775 уст. угол. суд., для тѣхъ случаевъ,

когда нельзя смягчить наказанія въ общеусловленныхъ предѣлахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ облегченію отвѣтственности являются „особыя уваженія". Ихъ болѣе чѣмъ достаточно и въ настоящемъ дѣлѣ, и въ личности, и въ дѣятельности г. Сахарова. Дисциплинарное взысканіе—вотъ мѣра, болѣе всего соотвѣтствующая его поступку, если онъ требуетъ возмездія. Судъ справедливый къ судимымъ и судящимся гражданамъ долженъ быть, конечно, прежде всего не только справедливъ, но и строгъ къ нарушеніямъ собственныхъ своихъ дѣятелей, даже тогда, когда эти послѣдніе, какъ въ данномъ случаѣ, заслуживаютъ лично полнаго уваженія и сочувствія. Судъ долженъ прилагать и къ нимъ самимъ ту же мѣрку безпристрастія и равенства всѣхъ предъ закономъ, которая составляетъ коренное основаніе истиннаго правосудія. И въ такомъ его примѣненіи, при обстоятельствахъ и обстановкѣ, напримѣръ, настоящаго дѣла, нѣтъ, мнѣ думается, ничего предосудительнаго для достойнаго дѣятеля. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ; не стыдно тому, кто, положивъ всю душу въ дѣло свое, работая изо дня въ день, съ утра и до ночи, надъ темною лѣтописью преступленій, случайно перейдетъ границу сдержанности и спокойствія и рѣзко, неумѣстно, но по крайнему своему разумѣнію назоветъ вещи ихъ собственнымъ именемъ. Онъ виноватъ, судъ старшихъ можетъ и осудить его, но рядомъ съ ошибкой пусть будутъ поставлены также и добросовѣстные труды на общественную пользу и многолѣтнія заслуги предъ правительствомъ на судебномъ поприщѣ".

Судебная палата признала Сахарова невиновнымъ

VIII.

Дѣло о подкупѣ присяжныхъ засѣдателей въ городѣ Семеновѣ. Нижегородской губерніи.

Засѣданіе уголовнаго департамента Московской судебной палаты съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. 2 и 3 декабря 1886 года.—Предсѣдательствовалъ членъ палаты А. Н. Терновскій, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В. Муравьевъ, защищали присяжные повѣренные Муромцевъ и Дмитріевъ.

Обвинялись преданные суду правительствующимъ сенатомъ семеновскій мѣщанинъ Григорій Ладиловъ 56 л. и крестьяне Семеновскаго уѣзда, Ефимъ Мироновъ, 36 л., Андрей Сапожниковъ, 29 л., Аганъ Мельниковъ, 53 л., Константинъ Пашковъ, 30 л., Артамонъ Лебедевъ, 50 л., Яковъ Лебедевъ, 50 л., по ст. 373 улож. наказ. въ томъ, что, будучи присяжными засѣдателями въ городѣ Семеновѣ 6—12 декабря 1884 года во время сессіи Нижегородскаго окружного суда, приняли отъ крестьянина Егора Иванова Спирина въ даръ улошеніе и деньги за обѣщаніе произнести оправдательное рѣшеніе о подлежавшихъ въ означенную сессію ихъ суду Яковѣ Паничевѣ и Василіи Шиловѣ, обвинявшихся въ кражѣ денегъ изъ Керженскаго монастыря; кромѣ того, помянутые Ефимъ Мироновъ и Григорій Ладиловъ обвиняются еще и въ вымогательствѣ большаго количества денегъ, чѣмъ имъ предложили первоначально за оправданіе Паничева и Шилова т-е въ преступленіи предусмотрѣнномъ 2 п. ст 377 улож наказ.

Изъ опредѣленія правительствующаго сената видно, что 8-го декабря 1884 года, въ городѣ Семеновѣ, Нижегородской губерніи, назначено было къ слушанію во временномъ отдѣленіи Нижегородскаго окружного суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, дѣло о крестьянахъ дер. Колновои, Яковѣ Паничевѣ и Василіи Шиловѣ, и о іеромонахѣ единовѣрческаго Керженскаго монастыря Антонинѣ, обвинявшихся въ похищеніи изъ кладовой означеннаго монастыря 14,000 рублей монастырской казны. Въ день засѣданія, предъ его открытіемъ, до товарища прокурора Нижегородскаго окружного суда Филиппова, который долженъ былъ поддерживать по названному дѣлу обвиненіе, дошли свѣдѣнія о стараніи родственниковъ Паничева и Шилова склонить, путемъ подкупа, присяжныхъ засѣдателей къ оправданію помянутыхъ подсудимыхъ. Въ подтвержденіе этихъ свѣдѣній, первоначально провѣренныхъ полицейскимъ надзирателемъ Подольскимъ, къ товарищу прокурора Филиппову обратились съ прямымъ заявленіемъ о подкупѣ присяжныхъ мѣщанинъ Посовъ и присяжные засѣдатели Лунинъ и Мухинъ, при чемъ послѣдніе представили полученные ими отъ одного изъ родственниковъ подсудимыхъ 25 рублей.

Судебное засѣданіе по дѣлу о кражѣ изъ Керженскаго монастыря въ назначенный для того день не состоялось и вообще въ помянутую сессію дѣло рѣшено не было. Въ виду изложеннаго, прокурорскимъ надзоромъ былъ возбужденъ вопросъ объ уголовной отвѣтственности присяжныхъ засѣдателей декабрьской сессіи 1884 года Нижегородскаго окружного суда въ городѣ Семеновѣ за преступленіе по должности. Предварительнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ по предписанію правительствующаго сената, установлены нижеслѣдующія данныя. По показанію лицъ, исполнявшихъ обязанность присяжныхъ засѣдателей въ одной сессіи съ обвиняемыми и спрошенныхъ въ качествѣ свидѣтелей, еще до открытія декабрьской сессіи въ городѣ Семеновѣ, равно какъ и во время ея, въ народѣ упорно держались слухи о томъ, что присяжные засѣдатели того состава, который назначенъ судить крестьянъ Шилова и Паничева, по обвиненію ихъ въ кражѣ изъ Керженскаго монастыря, будутъ подкуплены или уже подкуплены. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей — занимающіеся ходатайствомъ по дѣламъ въ городѣ Семеновѣ мѣщане Лежнинъ и Носовъ показали, что къ первому изъ нихъ за недѣлю до открытія сессіи 6 — 12 декабря 1884 года, а ко второму 7 декабря приходили крестьянинъ Алексѣй Шиловъ и крестьянка Настасья Паничева, т.-е. братъ и мать подсудимыхъ Василія Шилова и Якова Паничева, и просили ихъ принять на себя защиту подсудимыхъ, но затѣмъ, не сойдясь въ размѣрѣ вознагражденія, отъ Лежнина ушли со словами, что они „купятъ присяжныхъ“, а къ Носову даже два раза обращались съ просьбой взять на себя трудъ „похлопотать около присяжныхъ“, т.-е. подкупить ихъ. Послѣ сего названные Шиловъ и Паничева обратились съ тою же просьбою къ родственнику Шилова—крестьянину Спирину, который въ заявленіи своемъ товарищу прокурора Филиппову и въ показаніи, данномъ на предварительномъ слѣдствіи, въ подробности разъяснилъ обстоятельства подкупа имъ присяжныхъ засѣдателей: 6 декабря, т.-е. за два дня до разбирательства дѣла о кражѣ изъ монастыря, его, Спирина, встрѣтили на базарѣ Шиловъ и Паничева и, кланяясь ему въ ноги, упрашивали „похлопотать“ около присяжныхъ засѣдателей, чтобы они оправдали ихъ родственниковъ, при чемъ божились, что тѣ невиновны. Отклонивъ первоначально просьбу, онъ затѣмъ, сжалившись надъ ними, согласился принять на себя хлопоты по подкупу присяжныхъ за вознагражденіе по 3 р. въ сутки. На слѣдующій же день, т.-е. 7 декабря, получивъ отъ Алексѣя Шилова на расходы 110 р., Спиринъ, зазвавъ въ трактиръ Елховскаго нѣсколькихъ встрѣтившихся ему на улицѣ присяжныхъ засѣдателей, изъ которыхъ помнитъ Ладилова, Миронова, Лунина, Сапожникова, Лебедева, а всего восемь человѣкъ, и склонивъ ихъ угощеніемъ, просьбами и обѣщаніемъ денежнаго подарка къ оправданію обвиняемыхъ Шилова и Паничева, вслѣдъ затѣмъ хотѣлъ раздать имъ по 5 рублей, но Ефимъ Мироновъ или Григорій Ладиловъ (кто именно — не помнитъ) потребовали у него по 10 рублей, при чемъ Ладиловъ говорилъ, что онъ хорошо знакомъ съ дѣломъ, такъ какъ „слѣдовалъ его“ (По дѣлу о кражѣ изъ монастыря Ладиловъ, будучи кузнецомъ, былъ спрошенъ въ качествѣ эксперта). Тогда Спиринъ, посовѣтовавшись съ ожидавшими его въ ближайшемъ питейномъ домѣ родственниками обвиняемыхъ, роздалъ каждому изъ восьми бывшихъ въ трактирѣ Елховскаго присяжныхъ засѣдателей по 10 рублей. Кромѣ того, онъ далъ еще 10 рублей пришедшему позже присяжному засѣдателю Мухину и еще по два рубля двумъ присяжнымъ, именъ которыхъ не знаетъ, приведеннымъ на другой день, т.-е. уже 8 декабря, къ нему въ тотъ же трактиръ Елховскаго Лебедевымъ

Впрочемъ, одинъ изъ послѣднихъ двухъ присяжныхъ засѣдателей (какъ обнаружено слѣдствіемъ, Иванъ Мазохинъ) на другой же день возвратилъ данные ему (и его товарищу (присяжному засѣдателю Локтеву) 4 р. Принимая отъ него, Спирина, деньги, присяжные засѣдатели говорили, что если судъ будетъ подсудимыхъ оправдывать, то и они оправдаютъ, если же обвинять, то и они обвинятъ, а деньги ему возвратятъ. Изложенный оговоръ Егора Спирина въ главнѣйшихъ чертахъ нашелъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей. Такъ, свидѣтель присяжный засѣдатель Лунинъ удостовѣрилъ, что въ трактирѣ Спиринъ сначала предлагалъ присяжнымъ засѣдателямъ по 5 руб., а потомъ, по настоянію Ефима Миронова и Григорія Ладилова, дать по 10 рублей, въ томъ числѣ и свидѣтелю, который представитъ эти деньги товарищу прокурора. Свидѣтель-очевидецъ Носовъ показалъ, что Ладиловъ, уговаривая другихъ присяжныхъ засѣдателей взять деньги, сказалъ: „Вѣдь не у мужика украли, никто тутъ не потерпѣлъ, такъ надо и пожалѣть“. Допрошенные на слѣдствіи обвиняемые не признавали себя виновными во взводимомъ на нихъ преступленіи; нѣкоторые изъ нихъ отрицали даже самое свое присутствіе въ трактирѣ Елховскаго 7-го и въ слѣдующіе дни декабря 1884 года, и, называя ложными изобличающія ихъ показанія свидѣтелей, въ оправданіе свое ссылались на нѣсколько лицъ, могшихъ, по мнѣнію обвиняемыхъ, представить доказательства ихъ невиновности. Однако, показанія этихъ лицъ оказались сбивчивыми и несогласными между собою.

На судебномъ засѣданіи свидѣтели, въ общемъ, подтвердили данныя, выясненныя предварительнымъ слѣдствіемъ. Крестьянинъ Лунинъ, между прочимъ, показалъ, что въ трактирѣ одинъ изъ присяжныхъ, Василій Атаповъ, когда стали брать деньги, говорилъ: „Неладное дѣло затѣвается“, а подсудимый Ладиловъ сталъ убѣждать присяжныхъ взять: „Не бойтесь“, замѣтилъ Ладиловъ, „я былъ у слѣдователя по этому дѣлу (о кражѣ изъ монастыря) мудренымъ человѣкомъ и всѣ порядки знаю“.

Передъ допросомъ свидѣтелей защиты подсудимый Мироновъ заявилъ, что его обвиняютъ напрасно, никакихъ онъ денегъ отъ Спирина не бралъ. По его мнѣнію, Спиринъ получилъ деньги на подкупъ, но большую часть ихъ пропилъ, а когда дѣло не состоялось и ему нужно было возвратить деньги, то онъ и заявилъ, что отдалъ ихъ присяжнымъ. Затѣмъ названный подсудимый добавилъ „Я не польщусь на этакую пакость, какъ 5 или 10 рублей. А что Мухинъ показалъ, что онъ взялъ отъ Спирина деньги, а затѣмъ отдалъ ихъ при заявленіи прокурору, то онъ изъ своихъ денегъ далъ“. На вопросъ предсѣдателя, зачѣмъ же было Мухину отдавать свои собственныя деньги, Мироновъ отвѣчалъ: „Заинтересованъ былъ, чтобы, значитъ, не было на него подозрѣнія, чтобы не привлекли его по оговору Спирина. И я отдалъ бы, кабы зналъ дѣло. А меня вовсе и не было въ Семеновѣ въ пятницу (7 декабря) вечеромъ, когда была попойка. Я уѣзжалъ на ночь къ матери въ деревню“.

Затѣмъ допрошены 5 свидѣтелей, вызванные Мироновымъ. Они показали, что Мироновъ человѣкъ зажиточный и завѣдывалъ въ нихъ обществѣ мірскими деньгами. Свидѣтель Володичевъ сказалъ, что Мироновъ дѣйствительно уѣзжалъ въ пятницу въ деревню за 4 версты, но свидѣтель Григорьевъ заявилъ, что въ субботу утромъ Мироновъ вернулся въ городъ Семеновъ. На вопросъ же старшины присяжныхъ о томъ, въ которомъ часу это было, свидѣтель отозвался незнаніемъ.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора палаты:

„Тяжела и печальна, мм. гг., сегодня ваша задача. Еще не очень давно подсудимые въ качествѣ такихъ же, какъ и вы, присяжныхъ засѣдателей судили другихъ; теперь вы призваны судить ихъ самихъ, и за такое дѣяніе, хуже и постыднѣе котораго для судьи быть не можетъ—за то, что присягой своей они торговали, а судъ свой продали, все равно по какой, дорогой или дешевой, цѣнѣ... Жутко звучатъ эти слова, не легко и произносить ихъ, и первымъ впечатлѣніемъ, которое они вызываютъ во всякой честной и непредубѣжденной душѣ, является недовѣріе къ нимъ, сомнѣніе въ ихъ справедливости: не хочется вѣрить, не можетъ этого быть, нѣтъ ли здѣсь ошибки, наговоровъ или поспѣшности, преувеличенія?! Эта невольная, прямо изъ чистаго сердца идущая мысль, есть та именно вѣрнѣйшая уголовно-судебная мѣрка, которую я предлагаю вамъ принять вмѣстѣ со мною за исходную точку вашего сужденія по настоящему дѣлу. Будемъ недовѣрчивы, осторожны въ разсмотрѣніи обвиненія, павшаго на подсудимыхъ, станемъ тщательно провѣрять и испытывать его доказательства, будемъ даже сомнѣваться въ его достовѣрности, но лишь до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ для насъ ясно и точно доказано, пока очевидность и здравый смыслъ не убѣдятъ насъ въ истинѣ. Она можетъ быть горькая, но, какая бы она ни была, истина все же всегда и вездѣ лучше и благодѣтельнѣй самаго добросовѣстнаго невѣдѣнія, самаго свѣтлаго заблужденія. А разъ убѣдившись въ виновности, вы исполните, не колеблясь, вашъ правосудный гражданскій долгъ, какъ я теперь исполняю свой, съ искреннимъ убѣжденіемъ поддерживая предъ вами то обвиненіе, по которому правительствующій сенатъ отдалъ на вашъ судъ семь бывшихъ присяжныхъ засѣдателей Нижегородскаго окружного суда декабрьской сессіи 1884 года въ городѣ Семеновѣ за лихоимство и вымогательство“.

Затѣмъ обвинитель подробно разобралъ улики, доказывая ихъ убѣдительность, и начертилъ картину подкупа, какъ онъ происходилъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній; сгруппи-

ровавъ далѣе данныя, имѣющіяся противъ каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, онъ охарактеризовалъ положеніе въ дѣлѣ каждаго изъ нихъ. При этомъ онъ указалъ на Григорія Ладилова какъ на главнаго руководителя и дѣятеля подкупа и, отказавшись отъ обвиненія Миронова въ вымогательствѣ, мягко отнесся къ Мельникову (болѣзненному старику), который хотя и получилъ взятку вслѣдъ за другими, но видимо находился подъ ихъ вліяніемъ и потомъ самъ каялся въ сдѣланномъ. Далѣе прокуроръ палаты обрисовалъ общій характеръ преступленія, совершеннаго подсудимыми, какъ по закону, такъ и съ нравственно-общественной и житейской точки зрѣнія.

„Въ глазахъ закона,—сказалъ онъ,—совершенно безразлично, велика или мала сумма взятыхъ денегъ или цѣна полученныхъ предметовъ. Дѣло не въ стоимости, не въ размѣрахъ взятки, а въ самомъ поступкѣ, въ его намѣреніи, въ томъ глубокомъ нарушеніи служебнаго долга, которымъ проникнутъ такой поступокъ, въ томъ, что лихоимецъ поступаетъ или по крайней мѣрѣ соглашается поступать не по присягѣ и совѣсти, а такъ, какъ угодно и удобно лиходателю. Служба отечеству переходитъ въ частную куплю-продажу, нелицепріятный слуга общества, государства, превращается въ покорнаго слугу своего покупателя. Взятки, сказано было еще въ уставѣ благочинія Екатерины II, *ослѣпляютъ глаза, развращаютъ умъ и сердце, устамъ же налагаютъ узду*. Къ тому же и въ области даннаго служебнаго преступленія дѣйствуетъ общее логическое правило о соразмѣрности между причиной и слѣдствіемъ, между средствомъ и исполненіемъ. Ужъ если даютъ и берутъ, то всегда по мѣрѣ обоюдной способности, сколько можно и сколько стоитъ. На все, что продается, устанавливается своя рыночная цѣна, по мѣстнымъ условіямъ, и совѣсть, увы, не составляетъ здѣсь исключенія... Разъ завелось лихоимство между присяжными уѣзднаго города Семенова, то нельзя не признать, что угощенье и раздача сотни-другой въ трактирѣ Елховскаго вполнѣ соотвѣтствуетъ средѣ, быту, привычкамъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ отношенію къ денежной цѣнности. Сверхъ лихоимства подсу-

димый Ладиловъ обвиняется еще и въ вымогательствѣ. Эта, по выраженію закона, высшая степень того же преступленія отличается тѣмъ, что виновный не довольствуется предлагаемымъ, а требуетъ бо̀льшаго, вымогаетъ, торгуется, какъ торговался Ладиловъ, требуя по 10 рублей вмѣсто 5 предложенныхъ Спиринымъ. Простой лихоимецъ просто продаетъ свою должность за то, что̀ даютъ, вымогатель же, такъ сказать, набиваетъ цѣну и, сознавая свою служебную силу, старается извлечь изъ нея какъ можно больше преступной выгоды".

Указавъ затѣмъ, что подкупъ и лихоимство—эти весьма не новыя явленія нашей жизни, особенно возмутительны въ судѣ и крайне опасны въ судѣ общественномъ, который они подрываютъ въ самомъ его основаніи, обвинитель замѣтилъ, что „ихъ слѣдуетъ вырывать съ корнемъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, чѣмъ строже, тѣмъ дѣйствительнѣе, и продолжалъ рѣчь такъ:

„Вотъ, что̀ сдѣлали подсудимые, вотъ, въ чемъ я ихъ обвиняю и вотъ, почему я не могу ничего указать въ ихъ извиненіе. И еслибъ еще они сдѣлали это отъ скудости, если бы въ безъисходной нуждѣ они поддались подстерегавшему ихъ соблазну. Нѣтъ, ничего подобнаго не было. Изъ семи подсудимыхъ пятерыхъ свидѣтели прямо называютъ богачами, они очень зажиточные хозяева и, не переставая быть хлѣбопашцами, въ то же время скорѣе торговцы-промышленники, чѣмъ простые крестьяне. У Ладилова домъ съ кузницей и первое въ городѣ бойко идущее кузнечное дѣло; Мироновъ торгуетъ лѣсомъ, владѣетъ тысячною недвижимою собственностью и оба они неоднократно занимали общественныя должности; у Сапожникова кожевеный заводъ и шорная лавка; Мельниковъ промышляетъ скотомъ; Пашковъ арендуетъ 700 десятинъ земли; Яковъ Лебедевъ торгуетъ льномъ и содержалъ питейное заведеніе. Всѣхъ ихъ свидѣтели замѣтили по чистой, даже богатой одеждѣ; всѣ они смышленые, бойкіе, грамотные, въ своей мѣстности видные обыватели. Это не бѣдствующіе темные люди, которымъ негдѣ приклонить голову, нечѣмъ кормиться и которые отъ голоду и холоду не умѣютъ справиться съ искуше-

ніемъ. Все происходившее 7 декабря въ трактирѣ Елховскаго свидѣтельствуетъ о томъ, что это люди слишкомъ ужъ хорошо знающіе цѣну деньгамъ и прибыли и до того къ нимъ приверженные, что ставятъ ихъ выше закона и долга и не прочь размѣнять на нихъ свою дешевую совѣсть.

„Приглашая васъ постановить объ уличенныхъ подсудимыхъ обвинительный приговоръ, я не боюсь суровости моего требованія. Чтобы тѣло было здорово, зараженную часть его нужно отсѣчь, хотя бы это и было болѣзненно; чтобы въ общественномъ судѣ господствовало правосудіе, нужно безпощадно преслѣдовать и карать всякое въ немъ кривосудіе. Отъ суда всѣ ждутъ правды и кругомъ къ ней чутко прислушиваются, ею поучаются, по ней впредь поступаютъ. Въ семьѣ бываетъ не безъ урода, но пятно есть только тамъ, гдѣ смыть его не умѣютъ или не хотятъ. Вездѣ могутъ быть люди, нищіе духомъ долга, слабые личною совѣстію. Но когда случайно они замѣшаются среди отправляющихъ судъ присяжныхъ засѣдателей, пусть неповадно имъ будетъ идти по слѣдамъ продажныхъ семеновскихъ судей, пусть для всѣхъ станетъ ясно, какъ относится истинный судъ общественной совѣсти къ тѣмъ, кто ее опозорилъ! Я началъ съ того, что назвалъ вашу сегодняшнюю задачу тяжкою и печальною; я кончаю тѣмъ, что назову ее въ то же время почетною, знаменательною. Законъ облекъ васъ своимъ высокимъ довѣріемъ—должно быть достойно его и ваше рѣшеніе. Законъ не смущается тѣмъ, что гдѣ-либо присяжный судья впалъ въ преступленіе своей временной должности, и отдастъ его поступокъ, участь, на обсужденіе такихъ же общественныхъ судей. Законъ вѣритъ тому, что въ томъ же обществѣ найдутся другіе, разумные и справедливые судьи, которые не помирволятъ преступному дѣлу и виновнымъ воздадутъ по содѣянному. Отъ васъ зависитъ въ настоящемъ дѣлѣ поддержать эту великодушную вѣру: подсудимыхъ, торговавшихъ своею присягой, вы обвините, а вѣру закона въ возможность правосудія на присяжномъ судѣ вы оправдаете“.

Присяжные засѣдатели признали невиновными Ладилова и Миронова въ вымогательствѣ, а Мельникова и Артамона Лебедева въ лихоимствѣ; на вопросъ же о лихоимствѣ Ладилова отвѣтили утвердительно, а на подобные же вопросы о Мироновѣ, Сапожниковѣ, Пашковѣ и Яковѣ Лебедевѣ отвѣтили о каждомъ: „да, виновенъ, но безъ обѣщания оправдать". Такимъ образомъ этихъ четверыхъ подсудимыхъ они признали виновными не въ лихоимствѣ, а въ мздоимствѣ.

Судебная палата приговорила Ладилова къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе на 2 года и 9 мѣс., а остальныхъ 4-хъ осужденныхъ—къ денежному штрафу въ двойномъ размѣрѣ полученной взятки, т-е 20 руб. съ каждаго.

IX.

Дѣло о Касимовскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства Алѣевѣ, обвинявшемся въ незаконномъ устраненіи землевладѣльца Мансурова отъ участія въ выборахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Засѣданіе уголовнаго департамента Московской судебной палаты, 27-го февраля 1888-го года. Предсѣдательствовалъ членъ палаты А. Н. Терновскій, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В. Муравьевъ, защищалъ присяжный повѣренный Шубинскій.

Обвинялся Касимовскій (Рязанской губ.) уѣздный предводитель дворянства Александръ Ростиславовъ Алѣевъ, 40 лѣтъ, преданный суду правительствующимъ сенатомъ по обвиненію въ томъ, что онъ, изъ личныхъ видовъ, устранилъ землевладѣльца Мансурова отъ участія въ выборахъ на избирательномъ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, т.-е. совершилъ дѣяніе, предусмотрѣнное 2 ч. ст. 1426 и ст. 1440 улож. наказ.

Означенное дѣло возникло по жалобѣ землевладѣльца Касимовскаго уѣзда, Рязанской губерніи, штабсъ-капитана Мансурова, заявившаго правительствующему сенату, что въ 1885 году, послѣ избранія его на должность участковаго мирового судьи, мѣстный предводитель дворянства Алѣевъ дозволилъ себѣ рядъ неправильныхъ и противозаконныхъ по отношенію къ нему дѣйствій въ видахъ устраненія его отъ той должности, на которую онъ былъ избранъ. Такъ, напр., Алѣевъ донесъ сенату о недостаточности, будто бы, имущественнаго ценза у Мансурова. Старанія Алѣева не достигли однако цѣли, такъ какъ Мансуровъ былъ утвержденъ въ должности мирового судьи, послѣ разъясненія неосновательности донесенія Алѣева, а сему послѣднему сенатъ, съ своей стороны, сдѣлалъ замѣчаніе за неумѣстно поданное заявленіе. Тогда предводитель дворянства Алѣевъ задался цѣлью устранить его, Мансурова, отъ участія въ уѣздномъ земскомъ собраніи, въ качествѣ гласнаго, и для этого избралъ слѣдующій путь. Вскорѣ распространился слухъ, что Мансуровъ, какъ гласный, не имѣетъ достаточнаго имущественнаго ценза. Затѣмъ, въ качествѣ предсѣдателя уѣздной земской управы, Алѣевъ, въ началѣ 1886 года, вмѣсто одного обычнаго окладного листа на 254 десятины, числившіяся за Мансуровымъ по окладнымъ книгамъ, выслалъ ему два окладныхъ листа, при чемъ, отдѣливъ изъ принадлежащей Мансурову земли 72 десятины въ общее владѣніе его съ дядей генералъ-лейтенантомъ Марковымъ и матерью Мансурова, Алѣевъ, по остальному количеству земли, зачислилъ Мансурова въ число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ съ исключеніемъ изъ числа крупныхъ. Такимъ обра-

зомъ, Мансуровъ лишился права непосредственнаго участія въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ, несмотря на то, что въ послѣднее время не произошло никакихъ измѣненій въ томъ его имущественномъ цензѣ, на основаніи котораго онъ въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ былъ постоянно избираемъ въ уѣздные и губернскіе гласные, въ предсѣдатели уѣздной земской управы, въ участковые и почетные мировые судьи Списки избирателей были отпечатаны въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 3-го мая, а выборы крупныхъ землевладѣльцевъ, въ прямое нарушеніе закона, были произведены 16-го мая, даже ранѣе полученія на мѣстѣ того нумера Губернскихъ Вѣдомостей, въ которомъ были опубликованы списки Будучи лишенъ чрезъ это возможности сдѣлать своевременно заявленіе объ исправленіи списковъ, Мансуровъ явился на избирательный съѣздъ съ цѣлью представить ему купчія крѣпости и другіе документы, несомнѣнно удостовѣряющіе его право на участіе въ съѣздѣ въ качествѣ избирателя, но Алѣевъ лишилъ его права голоса и, вслѣдъ затѣмъ, подобраннымъ большинствомъ избирательнаго съѣзда было принято предложеніе его, Алѣева, не входить въ обсужденіе заявленія Мансурова по существу. Представленными Мансуровымъ документами удостовѣрялось, что у него нѣтъ земель, находящихся въ общемъ владѣніи съ его матерью и генералъ-лейтенантомъ Марковымъ, такъ какъ земли эти были пріобрѣтены у нихъ Мансуровымъ по купчимъ крѣпостямъ въ 1866 и 1869 годахъ Въ подтвержденіе своей жалобы Мансуровъ представилъ правительствующему сенату копію съ журнала засѣданія Рязанской губернской земской управы, которая, по просьбѣ Мансурова, въ іюнѣ 1886 года обсуждала вопросъ о томъ, имѣетъ ли Мансуровъ право непосредственнаго голоса въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и пропущенъ ли имъ срокъ для исправленія списковъ избирателей, указанный въ законоположеніяхъ о земскихъ учрежденіяхъ и объ избирательныхъ съѣздахъ. Разсмотрѣвъ окладные листы, купчія крѣпости и отчеты уѣздной земской управы за предшествовавшіе годы, губернская земская управа нашла, что относительно того участка земли, который показанъ по окладному листу управы на 1886 годъ находящимся въ общемъ владѣніи Мансурова съ его матерью и генералъ-лейтенантомъ Марковымъ, купчими крѣпостями удостовѣряется, что въ этомъ участкѣ еще въ 1866 и 1869 годахъ Мансуровымъ были пріобрѣтены всѣ земли отъ совладѣльцевъ и что имѣющіяся данныя не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что размѣры земельнаго владѣнія Мансурова не только не ниже, но значительно выше того размѣра, какой установленъ закономъ для непосредственнаго участія въ избирательномъ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства, указанныя въ жалобѣ Мансурова и журналѣ губернской земской управы, а также объясненіе предводителя дворянства Алѣева, который утверждалъ, что исключеніе Мансурова изъ числа лицъ, имѣющихъ право на участіе въ избирательныхъ съѣздахъ, сдѣлано уѣздною земскою управою вслѣдствіе непредставленія Мансуровымъ документовъ, точно опредѣляющихъ его цензъ, и что самый вопросъ о лишеніи Мансурова права голоса на съѣздѣ обсуждался съѣздомъ и рѣшенъ отрицательно по большинству голосовъ, правительствующій сенатъ нашелъ, что подобный вопросъ былъ уже разрѣшенъ въ циркулярномъ указѣ правительствующаго сената, распубликованномъ въ собраніи узаконеній за 1883 годъ № 6. Въ этомъ указѣ выражено, что внесеніе владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ уѣзда въ избирательные земскіе списки должно быть основано на свѣдѣніяхъ, имѣющихся въ земскихъ окладныхъ книгахъ, безъ истребованія отъ владѣльцевъ доказа-

тельствъ укрѣпленія правъ ихъ на владѣніе, и потому не могутъ быть лишены избирательныхъ правъ тѣ лица, которыя вносятъ земскіе сборы съ имуществъ, находящихся въ фактическомъ ихъ владѣніи на правѣ собственности, хотя бы они и не имѣли актовъ укрѣпленія на эти имущества. Касимовскій уѣздный предводитель дворянства Алѣевъ, занимавшій въ то же время и должность предсѣдателя уѣздной земской управы, по мнѣнію сената, не имѣлъ никакихъ основаній требовать отъ Мансурова актовъ укрѣпленія, доказывающихъ право собственности послѣдняго на то имущество, которое въ теченіе болѣе 20 лѣтъ числилось за нимъ по окладнымъ книгамъ. Такой образъ дѣйствій не можетъ быть объясненъ ни неправильнымъ толкованіемъ закона, совершенно ясно опредѣляющаго порядокъ провѣрки избирательныхъ правъ владѣльцевъ, ни ошибочнымъ опредѣленіемъ пространства принадлежащей Мансурову земли по документамъ, не подлежавшимъ вовсе разсмотрѣнію Алѣева. Отсутствіе всякаго повода для возбужденія какихъ-либо сомнѣній относительно дѣйствительной принадлежности Мансурову земли, за которую онъ въ теченіе 20 лѣтъ уплачивалъ земскіе сборы, предшествовавшія неосновательныя дѣйствія Алѣева въ отношеніи Мансурова, поставленныя ему уже на видъ, согласно опредѣленію правительствующаго сената, и, наконецъ, распоряженія, сопровождавшія исключеніе Мансурова изъ списка крупныхъ землевладѣльцевъ,—указываютъ на умышленное стремленіе Алѣева къ устраненію Мансурова отъ выборовъ. На основаніи правилъ о порядкѣ прив. въ дѣйств. пол. о земск. учр., лицамъ, имѣющимъ избирательныя права и не внесеннымъ въ избирательные списки, предоставленъ мѣсячный срокъ для подачи заявленій объ исправленіи этихъ списковъ; между тѣмъ, несмотря на своевременное обжалованіе Мансуровымъ неправильнаго исключенія его изъ числа крупныхъ землевладѣльцевъ, а также несмотря на то, что жалоба его была разрѣшена губернской управой до истеченія мѣсячнаго срока со дня публикаціи списковъ, онъ воспользоваться признанными за нимъ избирательными правами не могъ, такъ какъ выборы гласныхъ въ то время были уже закончены. Все это, въ связи съ другими обстоятельствами дѣла, подтверждаетъ, по мнѣнію сената, тотъ выводъ, что Алѣевъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ Мансурову руководился сознательнымъ стремленіемъ къ устраненію его отъ выборовъ. Объясненіе Алѣева—что Мансуровъ былъ исключенъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право непосредственнаго участія въ избирательномъ съѣздѣ, не по его распоряженію, а по распоряженію управы,—представляется лишеннымъ всякаго основанія, въ виду того, что Алѣевъ, будучи предсѣдателемъ уѣзднаго земскаго собранія, занималъ въ то же время и должность предсѣдателя управы.

Показанія цѣлой группы свидѣтелей, данныя на судебномъ засѣданіи, подтверждая гоненія, направленныя Алѣевымъ противъ Мансурова, сводились къ тому, что Алѣевъ желалъ, во что бы то ни стало, устранить Мансурова и имѣлъ къ тому возможность, такъ какъ игралъ видную роль въ уѣздѣ и былъ „властителемъ“ въ земской управѣ.

Между прочимъ свидѣтель Алянчиковъ разсказалъ слѣдующее: Нѣкоторые изъ присутствующихъ на съѣздѣ, послѣ замѣчанія Алѣева, что документы Мансурова разсматривать некогда, пожелали все-таки войти въ разсмотрѣніе этихъ документовъ. Вопросъ поставленъ былъ на баллотировку, при чемъ большинство приняло сторону предсѣдателя. Еще въ 1885 году Алѣевъ возбуждалъ вопросъ о недостаточности ценза Мансурова въ собраніи уѣздной земской управы, и тогда Мансуровъ представилъ цѣлый рядъ документовъ, которые и оставилъ

въ управѣ для разсмотрѣнія Управа состояла изъ предсѣдателя Алѣева и двухъ крестьянъ—членовъ управы Рощина и Максютова, лицъ совершенно „безгласныхъ“. На вопросъ прокурора палаты, свидѣтель разсказалъ слѣдующій инцидентъ Въ сентябрѣ 1885 года, на земскомъ собраніи, когда шла повѣрка выборовъ 16-го мая, онъ, свидѣтель, заявилъ о ихъ рановременности, такъ какъ публикація о нихъ сдѣлана была 3-го мая. На это Алѣевъ замѣтилъ, что публикація сдѣлана въ апрѣлѣ и вынулъ тутъ же изъ портфеля нумеръ Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей Дѣйствительно, газета была апрѣльская, но относилась къ выборамъ 1883 года.

Свидѣтели защиты утверждали, что не Алѣевъ устранилъ Мансурова отъ съѣзда крупныхъ землевладѣльцевъ, а самъ съѣздъ сдѣлалъ это, не желая входить въ разсмотрѣніе документовъ, уже разсмотрѣнныхъ ранѣе земскою управою Членами управы былъ констатированъ тотъ фактъ, что имъ было поручено разсмотрѣніе документовъ, но они сами малограмотные и вопросъ о недостаточности ценза былъ рѣшенъ Алѣевымъ. Свидѣтели, между прочимъ, утверждали, что Мансуровъ сдѣлалъ много заявленій въ управу объ участкахъ, вошедшихъ въ его владѣніе, и что трудно было опредѣлить точно его имущество, въ виду этого и былъ поднятъ вопросъ о его цензѣ.

Подсудимый Алѣевъ, не признавая себя виновнымъ, заявилъ, что всѣ постановленія исходили отъ уѣздной земской управы и съѣзда, при чемъ указалъ на то обстоятельство, что если губернская земская управа съ точностью не могла опредѣлить количества земли, находящейся во владѣніи Мансурова, то тѣмъ труднѣе это было для уѣздной управы Прежде Мансуровъ опредѣлялъ размѣръ своей земли въ 254 десятины, а затѣмъ входилъ нѣсколько разъ съ новыми заявленіями, увеличивая количество своего имущества. Когда уѣздною земскою управою выяснено было по документамъ, что Мансуровъ не обладаетъ достаточнымъ количествомъ земли для участія въ качествѣ крупнаго землевладѣльца въ съѣздѣ, то онъ, Алѣевъ, неоднократно говорилъ ему объ этомъ, прося разъясненій, но Мансуровъ ничего для выясненія дѣйствительнаго своего имущественнаго ценза не предпринималъ

Мансуровъ на это заявилъ, что, находясь въ плохихъ отношеніяхъ съ предводителемъ, онъ не могъ вести съ нимъ никакихъ переговоровъ.

Свидѣтель Владиміръ Николаевъ Алѣевъ, исправлявшій должность предводителя дворянства Касимовскаго уѣзда, показалъ, что еще гораздо раньше выборовъ, отъ участія въ которыхъ Мансуровъ былъ устраненъ, именно въ августѣ 1885 года, Мансуровъ подалъ въ управу заявленіе о прибавкѣ къ его цензу 50 десятинъ. Около этого же времени послѣдовалъ указъ сената, которымъ затребованы были нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія объ имущественномъ цензѣ Мансурова, необходимыя для утвержденія Мансурова въ должности мирового судьи Вслѣдствіе этого указа, предводитель Алѣевъ вошелъ въ управу съ просьбой доставить ему точныя цифры о цензѣ Мансурова Въ управѣ имѣлось уже нѣсколько заявленій самого Мансурова, по которымъ свой земельный цензъ онъ показывалъ различно, то въ 214, то въ 254, то въ 290 десятинъ и, наконецъ, въ августѣ 1885 г. просилъ показать за нимъ 305 десятинъ удобной и 38 десятинъ неудобной земли. Эта путаница и побудила управу войти въ земское собраніе съ особымъ докладомъ, въ которомъ спрашивалось у собранія, какъ поступить въ этомъ случаѣ и что отвѣтить предводителю; на этомъ собраніи свидѣтель, какъ гласный, участвовалъ и хорошо помнитъ, что гласный Алянчиковъ предлагалъ сообщить въ сенатъ о цензѣ Мансурова ту цифру десятинъ, которая показана за нимъ по послѣднимъ

окладнымъ книгамъ, но для прекращенія въ будущемъ пуганицы потребовать отъ Мансурова представленія крѣпостныхъ документовъ Мансуровъ, тоже бывшій въ то время гласнымъ представилъ въ этотъ же день цѣлую кипу документовъ, но собраніе, затрудняясь въ разборѣ ихъ, постановило поручить его управѣ, уполномочивъ послѣднюю зачислить за Мансуровымъ столько десятинъ, сколько будетъ выходить по этимъ документамъ Уже послѣ собранія, именно въ ноябрѣ 1885 года, управа насчитала у Мансурова 179 десятинъ, о чемъ его и увѣдомила Въ январѣ она послала Мансурову окладной листъ на 179 десятинъ. Въ дѣлѣ нѣтъ указаній, чтобы Мансуровъ заявилъ свое несогласіе съ выводами управы Съ января 1886 года управа, въ виду окончанія трехлѣтія выборовъ гласныхъ, приступила, согласно закону, къ составленію новыхъ списковъ и внесла Мансурова, какъ имѣющаго 179 десятинъ, въ списокъ мелкихъ землевладѣльцевъ, о чемъ Мансуровъ не могъ не знать, ибо получилъ же онъ окладной листъ на 1886 годъ на 179 десятинъ На выборы мелкихъ владѣльцевъ Мансуровъ не явился, а явился прямо на съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ 16-го мая, гдѣ и заявилъ письменно и словесно, что управа неправильно сдѣлала его мелкимъ землевладѣльцемъ На съѣздѣ по этому случаю происходили пренія и съѣздъ постановилъ, большинствомъ около 100 голосовъ противъ 7 или 8, признать Мансурова мелкимъ землевладѣльцемъ На другой же день послѣ этого Мансуровъ подалъ жалобу въ губернскую управу, въ которой заявлялъ, что съѣздъ 16-го мая незаконенъ, ибо не истекъ мѣсячный срокъ послѣ опубликованія списковъ. Но раньше объ этомъ ни управѣ, ни съѣзду никто не заявлялъ. Отмѣнить выборы 16-го мая, назначенные по распоряженію губернатора, утвержденному министромъ, Алѣевъ личною властью не могъ

Изъ обвинительной рѣчи прокурора палаты.

Прокуроръ судебной палаты въ началѣ своей обвинительной рѣчи указалъ на необходимость выдѣлить и отбросить изъ матеріала для сужденія по настоящему дѣлу все несущественное и постороннее предмету обвиненія, личныя отношенія, мѣстныя распри, все то, что отразилось и на показаніяхъ свидѣтелей, лишая ихъ необходимаго спокойствія и дѣлая ихъ сторонниками то потерпѣвшаго, то подсудимаго. Отдавая вслѣдствіе этого рѣшительное предпочтеніе, въ смыслѣ доказательствъ, документамъ, которые не подлежатъ сомнѣнію, и фактамъ, которые нельзя опровергнуть, обвинитель сосредоточилъ свои доводы на разсмотрѣніи и разрѣшеніи трехъ вопросовъ, вполнѣ исчерпывающихъ сущность дѣла: былъ ли Мансуровъ неправильно устраненъ отъ непосредственнаго участія, въ качествѣ крупнаго землевладѣльца, въ земскихъ выборахъ 1886 г. по

Касимовскому уѣзду; кто въ этомъ виновенъ и изъ какихъ побужденій послѣдовало такое устраненіе?

„Мансуровъ былъ дѣйствительно устраненъ и поставленъ въ невозможность воспользоваться своими законными правами избирателя и избираемаго, что̀ съ очевидностью слѣдуетъ изъ совокупности обстоятельствъ, несомнѣнность которыхъ признана, съ одной стороны, Рязанскою губернскою управой, по жалобѣ Мансурова, а съ другой—правительствующимъ сенатомъ, кассировавшимъ избирательный съѣздъ и выборы. Посредствомъ несогласныхъ съ закономъ пріемовъ повѣрки ценза Мансурова, цензъ этотъ былъ произвольно уменьшенъ, и владѣлецъ его послѣ 20-лѣтней земской дѣятельности, на основаніи того же ценза, перечисленъ въ мелкіе землевладѣльцы. Затѣмъ, посредствомъ назначенія избирательнаго съѣзда до истеченія сроковъ, установленныхъ для обжалованія избирательныхъ списковъ, у Мансурова, несмотря на подачу имъ въ срокъ подлежащихъ жалобъ, были отняты всѣ средства къ возстановленію своихъ правъ. Наконецъ, на самомъ съѣздѣ 16 мая Мансуровъ былъ лишенъ возможности доказать основательность своего заявленія, которое, подъ предлогомъ его сложности и несвоевременности, было оставлено не только безъ послѣдствій, но даже и безъ разсмотрѣнія. Въ результатѣ—мѣстный дворянинъ и землевладѣлецъ—все равно кто бы онъ ни былъ—почеркомъ пера, безо всякаго къ тому основанія, былъ вычеркнутъ изъ числа мѣстныхъ земскихъ дѣятелей, и права, ему принадлежащія, превращены въ фикцію, въ пустой звукъ, въ теоретическую форму безъ практическаго содержанія.

По вопросу о томъ, кто все это сдѣлалъ и съ кого нужно требовать отвѣта за такія неправильныя дѣйствія, обвиненіе полагаетъ, что въ устраненіи Мансурова виновенъ Алѣевъ, въ качествѣ предводителя дворянства и предсѣдателя уѣздной земской управы, а Алѣевъ весьма искусно загораживается коллегіальными собраніями и учрежденіями, въ которыхъ онъ предсѣдалъ и, не безъ внѣшняго, кажущагося правдоподобія, говоритъ: „Нѣтъ, это не я, это земское собраніе, земская управа, избирательный съѣздъ, а я... я только исполнитель ихъ поста-

новленій". Но это объясненіе могло бы имѣть значеніе развѣ только съ точки зрѣнія формальной, преобладающей въ судѣ гражданскомъ, и совершенно второстепенной на судѣ уголовномъ, который ищетъ дѣйствительную истину и оцѣниваетъ доказательства по широкому и свободному убѣжденію судейской совѣсти. Не одинъ здравый смыслъ и знаніе жизненной практики, но даже и свидѣтели говорятъ намъ, что дѣло было совсѣмъ не такъ, какъ хочетъ его представить Алѣевъ, и что едва-ли удобно ему теперь становиться въ тѣнь, на задній планъ, за учрежденія, которыхъ онъ былъ единственнымъ и полновластнымъ руководителемъ, больше—распорядителемъ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ вообще, а въ дѣлѣ Мансурова въ особенности, голосъ и желанія Алѣева были, повидимому, очень могущественны; отъ него зависѣло все—иниціатива, ходъ земскихъ дѣлъ и ихъ рѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, еще на земскомъ собраніи 1885 года, кто, возбудивъ вопросъ о недостаточности у Мансурова ценза для должности мирового судьи, предлагалъ, „не откладывая дѣла въ долгій ящикъ", пригласить его добровольно отказаться отъ этой должности?—Алѣевъ. Кому по этому же поводу были поставлены на видъ сенатомъ неправильныя и притязательныя дѣйствія?—Алѣеву. По земской управѣ достаточно вспомнить показанія двухъ ея членовъ для того, чтобы придти къ заключенію о несамостоятельности ихъ предъ мнѣніемъ и намѣреніями ихъ предсѣдателя Алѣева Вѣдь не крестьянинъ же Рощинъ, по собственному его заявленію малограмотный и „ничего не соображающій" въ сложныхъ документахъ о цензѣ Мансурова, могъ сдѣлать нелегкій выводъ объ ихъ неудовлетворительности! А попытка Алѣева выставить свое безпристрастіе и приписать разсмотрѣніе документовъ Мансурова и, слѣдовательно, выводъ изъ нихъ объ уменьшеніи ценза, исключительно члену управы Максютову, уничтожается показаніемъ другого члена управы, того же Рощина (вызваннаго подсудимымъ), о томъ, что и г. Алѣевъ ихъ разсматривалъ, и, кромѣ того, собственными его, Алѣева, словами, сказанными имъ на съѣздѣ 16 мая, о томъ, что онъ, Алѣевъ, „документы эти уже разсматривалъ и они ему не нужны".

Наконецъ, на избирательномъ съѣздѣ, самый составъ котораго оказался неправильнымъ, категорическое предложеніе о томъ, чтобъ отклонить заявленіе Мансурова, было сдѣлано, и въ весьма настоятельномъ видѣ, именно Алѣевымъ, властнымъ предсѣдателемъ этого незаконнаго собранія, которое и пошло послушно за своимъ главой. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только свидѣтели обвиненія, но и представленный самимъ подсудимымъ, въ свое оправданіе, имъ же подписанный протоколъ съѣзда 16 мая. Съ того момента какъ Алѣевъ началъ свою кампанію, Мансуровъ неминуемо встрѣчалъ его на всѣхъ путяхъ уѣздной земской жизни и, благодаря совмѣстительству важнѣйшихъ должностей, очутился въ борьбѣ съ недоброжелательствомъ поистинѣ въ заколдованномъ кругу. Какъ предсѣдатель земскаго собранія, Алѣевъ возбуждалъ направленные противъ Мансурова вопросы; какъ предсѣдатель управы, подготовлялъ все нужное для разрѣшенія ихъ въ невыгодномъ для Мансурова смыслѣ и, въ концѣ концовъ, какъ предсѣдатель избирательнаго съѣзда, самъ подсказывалъ и вызывалъ таковое же ихъ рѣшеніе. Поэтому, устраненіе Мансурова фактически, въ дѣйствительности, дѣло рукъ Алѣева. Не по ошибкѣ и не по недосмотру оно было имъ допущено; онъ дѣйствовалъ умышленно, стремясь къ уже давно намѣченной цѣли. Еще въ 1885 г. онъ неудачно пытался устранить Мансурова отъ должности мирового судьи, а въ 1886 году возобновилъ эту попытку на новой почвѣ. Намъ все равно изъ-за чего бывшіе пріятели сдѣлались врагами; достаточно знать, что съ тѣхъ поръ какъ отношенія между ними стали непріязненными, Алѣевъ начинаетъ всѣми зависящими отъ него средствами вытѣснять Мансурова съ поприща общественной дѣятельности въ Касимовскомъ уѣздѣ. Всѣ его дѣйствія къ тому направлены; никакого другого смысла не имѣетъ ни разжалованіе въ мелкіе землевладѣльцы, ни сведеніе къ нулю порядка обжалованія этого распоряженія, ни лишеніе слова и способовъ объясняться на избирательномъ съѣздѣ. Да и самъ Алѣевъ не скрываетъ своихъ намѣреній: онъ откровенно раскрываетъ карты, говоря свидѣтелю Битному: „Я сдѣлаю такъ, что Мансурова не будетъ

въ Касимовскомъ уѣздѣ". Это ли не умыселъ, не личные мы, о которыхъ говоритъ законъ?..."

Переходя затѣмъ къ юридической квалификаціи обвиненія, прокуроръ палаты доказывалъ, что дѣяніе, въ которомъ виновенъ Алѣевъ, по признакамъ своимъ, всего болѣе соотвѣтствуетъ тому именно преступленію, за которое онъ преданъ суду первымъ департаментомъ сената, и по фактической своей обстановкѣ существенно отличается отъ того, съ перваго взгляда аналогичнаго, дѣла Кинешемскаго предводителя Рылѣева, къ которому нѣсколько лѣтъ тому назадъ сенатъ въ апелляціонномъ порядкѣ примѣнилъ совсѣмъ иной карательный законъ, ст. 1420 улож. наказ., не подходящую, по мнѣнію обвинителя, къ настоящему случаю.

Въ заключеніе прокуроръ обратилъ вниманіе палаты на то, что никакія указанія на характеръ настоящаго дѣла, какъ на результатъ какой-то борьбы какихъ-то уѣздныхъ, земскихъ „партій", не могутъ имѣть значенія при судебной оцѣнкѣ дѣйствій подсудимаго. Это, быть можетъ, ихъ бытовое объясненіе, но отнюдь не оправданіе и не извиненіе. „Борьба всегда и всюду составляетъ крайне прискорбное явленіе, вредящее и мѣшающее всякому дѣлу уже по одному тому, что, по свойствамъ человѣческой природы, распри дѣятелей никогда не ограничиваются лишь общественными интересами, а неизбѣжно спускаются въ низменную область личныхъ счетовъ и личнаго соперничества. Подъ прикрытіемъ звонкихъ фразъ о служеніи общей пользѣ нерѣдко дѣйствуютъ, ничего съ ней общаго не имѣющія, весьма мелкія и своекорыстныя побужденія. Добросовѣстное несогласіе во взглядахъ на практическія задачи общественной дѣятельности еще вовсе не ведетъ къ личной розни и борьбѣ; напротивъ, обмѣнъ и даже столкновеніе искреннихъ, хотя и различныхъ мнѣній, только помогаетъ выясненію истины. Но съ понятіемъ о „партіяхъ" и, какъ показываетъ настоящее дѣло, въ особенности о нашихъ земскихъ партіяхъ, соединяются другія и довольно плачевныя представленія. А между тѣмъ, казалось бы, въ насущныхъ и вседневныхъ хозяйственныхъ нуждахъ, которыя обязано видѣть земство, не должно

быть и мѣста „личностямъ“ и интригамъ: всѣмъ одинаково нужны хорошія школы, успѣшная медицинская помощь, проѣзжія дороги, равномѣрная раскладка повинностей. И потому въ этомъ общемъ земскомъ дѣлѣ всѣ правоспособные обыватели должны принимать свободное и равное участіе, безъ различія личныхъ отношеній. Но при борьбѣ „партій“, всегда допускающей самовластіе одного или немногихъ, захватившихъ силу, съ точки зрѣнія заправилъ, это выходитъ иначе: прежде всего нужно думать о томъ, какъ бы вездѣ посадить и держать „своихъ“, т.-е. пріятныхъ и удобныхъ, и старательно выживать или не пускать „чужихъ“, т.-е. непріятныхъ и неудобныхъ. Вотъ если бы Алѣевъ свои земскія разногласія съ Мансуровымъ разрѣшалъ въ прямой, открытой и законной формѣ, опровергая его убѣдительностью своихъ мнѣній, соревнуя съ нимъ въ усердіи на общественной службѣ, внушилъ населенію своими заслугами и своимъ нравственнымъ авторитетомъ увѣренность, что хорошъ онъ, Алѣевъ, а не Мансуровъ, вотъ тогда борьба была бы правильная, равная и могла бы кончиться симпатичною побѣдой того, кто сильнѣе разумомъ, честностью и волей, кто для мѣстности дѣйствительно дороже и полезнѣе. Вмѣсто того пущены были въ ходъ средства закулисныя, двусмысленныя, а главное, явно противозаконныя; воспользовались минутой власти, или, точнѣе, властвованія, для того, чтобы достигнуть по отношенію къ Мансурову личныхъ цѣлей. Законъ установилъ хозяйственное самоуправленіе полноправныхъ обывателей, а Алѣевъ стремился осуществить его какъ собственное свое, единоличное самоуправство. Нельзя не признать, что лучшее окончаніе такой борьбы именно здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, и въ обвинительномъ приговорѣ безпристрастнаго суда.

Предосудительность неправильныхъ дѣйствій Алѣева усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ дѣйствовалъ не только въ качествѣ простого земскаго дѣятеля, но и какъ уѣздный предводитель дворянства. Это положеніе высокое, почетное, вліятельное, но за-то въ правильной соразмѣрности оно должно быть и отвѣтственнымъ. Много добраго и благотворнаго для

мѣстной жизни можетъ сдѣлать достойный предводитель того передового благороднаго сословія, которое еще недавно съ высоты Престола призвано неизмѣнно сохранять первенствующее мѣсто въ безкорыстномъ попеченіи о народныхъ нуждахъ. Но кому много дано, съ того много и взыщется; должно быть взыскано и съ мѣстнаго главы дворянскаго сословія, если онъ, вопреки ожиданіямъ правительства и довѣрію населенія, надъ своимъ же братомъ-дворяниномъ подаетъ примѣръ беззаконія и произвола. Законъ, ст.ст. 1426 и 1440 улож. наказ., относится къ подобнымъ поступкамъ со справедливою строгостью: такого предводителя дворянства онъ считаетъ недостойнымъ этой должности и всякаго дальнѣйшаго участія въ общественныхъ выборахъ и собраніяхъ".

Судебная палата признала Алѣева виновнымъ по взведенному на него обвиненію и приговорила его, независимо отъ денежнаго штрафа въ 50 р., къ удаленію отъ должностей предводителя дворянства и предсѣдателя уѣздной земской управы съ лишеніемъ права участія въ выборахъ.

X.

Дѣло о Пронскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства князѣ Крапоткинѣ.

Засѣданіе выѣзжавшаго въ Рязань временнаго отдѣленія уголовнаго департамента Московской судебной палаты, 24-го февраля 1890-го года Предсѣдательствовалъ предсѣдатель департамента палаты Д. П. Тихомировъ, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В Муравьевъ, защищалъ присяжный повѣренный Муратовъ.

Обвинялся бывшій предводитель дворянства Пронскаго уѣзда, Рязанской губерніи, князь Сергѣй Алексѣевъ Крапоткинъ, 35 л., преданный суду, согласно опредѣленію правительствующаго сената, по обвиненію: 1) въ превышеніи власти, по 2 ч. ст. 348 и 3 ч ст 1540 улож. наказ., и 2) въ подговорѣ гласныхъ при земскихъ выборахъ, путемъ угрозъ и обѣщаній, по ст 1425 улож.

Поводомъ къ возбужденію дѣла о превышеніи власти послужили слѣдующія обстоятельства: въ апрѣлѣ 1886-го года князь Крапоткинъ, въ сопровожденіи двухъ землевладѣльцевъ Жданова и Салтыкова, подъѣхалъ поздно вечеромъ къ перевозу чрезъ рѣку въ селѣ Черынкахъ, Пронскаго уѣзда. Перевозчикъ Кинѣевъ требованія ихъ—подать паромъ—не только не исполнилъ, но отвѣтилъ бранью, а когда узналъ, что у перевоза дожидается предводитель дворянства, то сталъ браниться еще сильнѣе.

Переѣхавъ, наконецъ, въ своемъ тарантасѣ рѣку въ бродъ, князь Крапоткинъ приказалъ задержать Кинѣева и доставить его въ волостное правленіе для составленія протокола, о чемъ и далъ предписаніе на имя волостного старшины, велѣвъ послѣднему явиться на слѣдующее утро къ нему для полученія дальнѣйшихъ указаній. Волостной старшина, однако, не явился. Пока пакеты, посланные княземъ Крапоткинымъ на имя станового пристава и исправника съ просьбою составить о безчинствѣ Кинѣева протоколъ, были доставлены по назначенію, Кинѣевъ просидѣлъ въ волостномъ правленіи трое сутокъ подъ арестомъ За подобное превышеніе власти князь Крапоткинъ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности.

Преданіе суду по обвиненію въ давленіи на земскихъ избирателей было вызвано жалобами сенату со стороны уѣздныхъ гласныхъ—волостного старшины Зотова и предсѣдателя Пронской уѣздной земской управы Мичурина, которые заявили, что предъ вторичнымъ избраніемъ Мичурина на занимаемую имъ должность князь Крапоткинъ якобы приказывалъ волостнымъ старшинамъ Зотову и Горбачеву и секретарю уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Пономареву забаллотировать Мичурина и повлять на другихъ избирателей, грозя Зотову при ослушаніи отдачей подъ судъ за преступленія

по должности, а Горбачеву обѣщая содѣйствовать проведенію его въ члены управы, обращался, будто бы, князь Крапоткинъ и къ гласнымъ Кублицкому и Савинову, убѣждая ихъ не ѣздить на выборы, на которыхъ они навѣрное стояли бы за Мичурина.

Избраніе Мичурина, однако, состоялось, за это, будто бы, Пономаревъ лишился мѣста секретаря вышеупомянутаго присутствія, назначеніе на которое зависѣло отъ князя Крапоткина, какъ предсѣдателя, а противъ старшины возбуждено уголовное преслѣдованіе за растрату.

Въ судебномъ засѣданіи князь Крапоткинъ по поводу ареста наромчика Кипѣева объяснилъ, что этою мѣрою онъ желалъ оградить на будущее время другихъ лицъ отъ подобныхъ выходокъ перевозчика.

По второму обвиненію князь Крапоткинъ, не признавая себя виновнымъ, заявилъ, что принималъ надлежащія мѣры къ тому, чтобы выборы происходили законнымъ порядкомъ.

Свидѣтель податной инспекторъ Левинсонъ показалъ, что члены уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Мичуринъ и Етчинъ вели ожесточенную борьбу съ предсѣдателемъ этого учрежденія, княземъ Крапоткинымъ, нерѣдко говорили ему колкости и дерзости.

Характерное объясненіе далъ свидѣтель Ильинъ, замѣтившій, что князь Крапоткинъ былъ человѣкомъ посторонними въ ихъ уѣздѣ, стоялъ „внѣ партій“. Большою силою въ обществѣ считался Мичуринъ, который зналъ свое вліяніе и пользовался имъ.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора палаты:

„Гг. судьи! Задача уголовнаго суда значительно усложняется, когда ему приходится разрѣшать дѣло, всецѣло выросшее на зыбкой почвѣ мѣстныхъ личныхъ отношеній, далеко не всегда согласныхъ съ общественною пользой, и когда участвующими въ дѣлѣ лицами выступаютъ мѣстные дѣятели, далеко не всегда безпристрастные и безупречные въ своихъ стремленіяхъ. Для изслѣдованія истины въ подобномъ дѣлѣ естественно прежде всего очистить его простую сущность отъ множества лишнихъ наслоеній и, отбросивъ все наносное и постороннее, тѣмъ самымъ оградить судебное производство отъ вторженія мѣстныхъ дрязгъ и препирательствъ, способныхъ сдѣлать изъ него неблаговидное сведеніе личныхъ счетовъ, подъ благовиднымъ предлогомъ разоблаченія мѣстныхъ непорядковъ.

Дѣйствительно, какая надобность намъ знать, почему г. Мичуринъ не взлюбилъ и сталъ преслѣдовать князя Крапоткина какъ предводителя дворянства, а князь Крапоткинъ, въ свою очередь, вооружился противъ г. Мичурина и его пресловутой

„партіи“? Какое могутъ имѣть для суда значеніе взаимныя симпатіи и антипатіи и обусловленныя ими столкновенія и пререканія Пронскихъ земскихъ дѣятелей, кромѣ развѣ значенія плачевной картины мелкой личной розни въ серьезной общественной работѣ? Намъ нужно только выяснить, совершилъ ли подсудимый служебныя нарушенія, столь щедро приписываемыя ему его сотоварищами по мѣстной службѣ, вслѣдствіе чего онъ и преданъ вашему суду правительствующимъ сенатомъ. Но, къ сожалѣнію, такой правильный пріемъ устраненія изъ процесса личнаго и страстнаго элемента, въ него внесеннаго, не всегда возможенъ, и не всякое дѣло ему поддается съ одинаковымъ удобствомъ и полнотой. Бываютъ дѣла, — и къ ихъ числу принадлежитъ и настоящее, — которыя становятся непонятными, если совсѣмъ извлечь ихъ изъ бытовой ихъ обстановки и разсматривать исключительно съ точки зрѣнія закона, совѣсти и здраваго смысла. Необъяснимымъ можетъ показаться и самое возникновеніе нѣкоторыхъ обвиненій, которыя къ тому же обставляются доказательствами, внушающими невольное сомнѣніе. Для оцѣнки этихъ обвиненій и доказательствъ необходимо тщательно прослѣдить ихъ происхожденіе, отъ котораго часто зависитъ и вся степень возможнаго къ нимъ довѣрія. Не сразу можно разобрать, что̀ подчасъ всплываетъ на поверхность мутной воды уѣздной жизни, нельзя прямо брать на вѣру то, что̀ на ея показной сценѣ выдается за дѣйствительныя перспективы, а между тѣмъ—не болѣе, какъ грубо размалеванныя декораціи, при фантастическомъ ихъ освѣщеніи, подъ громкій шумъ изъ-за пустяковъ. Такъ и въ настоящемъ дѣлѣ мы не опредѣлимъ истинной цѣны многихъ важныхъ доказательствъ за и противъ подсудимаго, если не установимъ, какъ создавалось загробное свидѣтельство Пономарева, кто такой свидѣтель Горбачевъ и что такое его показаніе, отчего свидѣтели Елчинъ, Кублицкій, Небольсинъ такъ рѣзко показываютъ противъ подсудимаго, а свидѣтели Ждановъ, Салтыковъ, Ершовъ, Кутуковъ, Кондауровъ, Левшинъ, наоборотъ, такъ сильно за него. И потому, да не посѣтуетъ судебная палата, если для цѣлей правосудія я буду вынужденъ касаться иногда

этихъ пронскихъ хитросплетеній, впрочемъ, лишь настолько, чтобъ обрисовались руки и нити, ими двигающія. Личности, ихъ закулисныя отношенія и интриги намъ безразличны, но вовсе обойти ихъ невозможно, потому что сквозь нихъ мы откроемъ правду, а къ этому сводятся всѣ старанія государственнаго обвинителя, обязаннаго обвинять лишь тогда, когда онъ по совѣсти твердо убѣжденъ въ виновности.

Изъ двухъ обвиненій, предъявленныхъ противъ князя Крапоткина, первое—въ неправильномъ заарестованіи паромщика Кинѣева, представляется наименѣе тяжкимъ по своимъ послѣдствіямъ и наименѣе сложнымъ по обстоятельствамъ этого дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, и самимъ подсудимымъ не отвергается, что 19 апрѣля 1886 года онъ, не имѣя на то по закону никакого права, приказалъ сотскому задержать Кинѣева, котораго затѣмъ прислалъ въ волостное правленіе съ письменнымъ своимъ приказомъ объ арестѣ, вслѣдствіе чего Кинѣевъ неправильно находился подъ стражей въ теченіе трехъ сутокъ. И князь Крапоткинъ напрасно и, очевидно, лишь по недоразумѣнію отрицаетъ свою виновность по этому обвиненію, ссылаясь въ свое оправданіе на ст. 340 улож. наказ. Ссылка болѣе чѣмъ неосновательная, такъ какъ статья эта освобождаетъ должностное лицо отъ отвѣтственности за превышеніе власти, когда послѣднее совершено „*въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ*“, и совершившій его потомъ докажетъ, что принятая имъ рѣшительная мѣра была необходима „*въ видахъ государственной пользы*“, и что „по настоятельности дѣла онъ не могъ безъ видимой опасности или вреда для службы отложить принятіе сей мѣры до высшаго на то разрѣшенія“. Ничего подобнаго не было и не могло быть въ самомъ обыкновенномъ столкновеніи у перевоза, гдѣ пьяный или дерзкій паромщикъ оказалъ ослушаніе и грубость, не помѣшавшія, однако, князю Крапоткину и его спутникамъ переѣхать черезъ рѣку и отнюдь не требовавшія принятія какихъ-либо чрезвычайныхъ и въ особенности немедленныхъ мѣръ противъ личности грубіяна, не говоря уже о томъ, что эти мѣры и весь случай не имѣютъ ничего общаго съ понятіемъ „государственной пользы“, о которой говоритъ законъ.

Я вовсе не хочу, однако, сказать этимъ, что поступокъ князя Крапоткина, будучи незаконнымъ, не находитъ себѣ извѣстнаго нравственнаго объясненія, даже извиненія въ томъ состояніи понятнаго раздраженія, которое могли вызвать въ немъ дерзкое поведеніе и брань Кинѣева, повидимому, знавшаго, что парома ждетъ именно уѣздный предводитель, и тѣмъ не менѣе не прекращавшаго своихъ грубостей. Выслушивать ихъ на берегу рѣки, на пронзительномъ вѣтру и среди вечерней сырости весенняго ненастья, было настолько непріятно, что другой, пожалуй, еще хуже, чѣмъ князь Крапоткинъ, вышелъ бы изъ представлявшагося положенія, но въ глазахъ закона это только обстоятельство, уменьшающее вину, а не оправданіе распоряженію объ арестѣ перевозчика, на что̀ предводитель, по свойству и кругу своихъ обязанностей, законнаго основанія не имѣлъ. Если безспорна и ясна юридическая сторона дѣла Кинѣева, то бытовая подкладка этого въ сущности очень незначительнаго случая изобилуетъ цѣлымъ рядомъ особенностей и странностей, на которыхъ нельзя не остановить вниманія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ скрывается ключъ къ разгадкѣ многихъ фактовъ изъ послѣдующаго. Кинѣевъ на свой арестъ никому не жаловался, и преслѣдованіе противъ князя Крапоткина по этому поводу возбуждено довольно необычнымъ способомъ. Его возбудилъ г. Елчинъ, непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, котораго князь по должности предводителя состоялъ предсѣдателемъ, тотъ самый г. Елчинъ, изъ имѣнія котораго возвращался князь Крапоткинъ вмѣстѣ съ гг. Ждановымъ и Салтыковымъ, когда по дорогѣ у парома и совершилось происшествіе съ Кинѣевымъ. Г. Елчинъ не могъ не знать объ этомъ происшествіи и, какъ показываетъ свидѣтель Салтыковъ, не только зналъ и возмущался дерзостью Кинѣева и оправдательнымъ о немъ приговоромъ мирового судьи, дѣйствительно не совсѣмъ понятнымъ, такъ какъ судья не вызвалъ ни одного изъ лицъ, сопровождавшихъ предводителя и бывшихъ очевидцами грубаго поведенія паромщика, и ограничился благопріятными для него показаніями его товарищей-крестьянъ. Еще въ апрѣлѣ г. Елчинъ возмущался, а лишь черезъ девять мѣсяцевъ молчанія

и тишины, въ январѣ 1887 года, вдругъ представилъ непосредственно отъ себя въ сенатъ, помимо всѣхъ посредствующихъ инстанцій, о распоряженіи князя Крапоткина въ отношеніи Кинѣева, прямо называя его дѣйствіе преступленіемъ по должности и даже квалифицируя его тѣми самыми статьями уложенія о наказаніяхъ, по которымъ князь Крапоткинъ и преданъ суду правительствующимъ сенатомъ. Девятимѣсячное промедленіе пытаются объяснить тѣмъ, что будто бы только въ декабрѣ 1886 года Елчинъ при ревизіи Соболевскаго волостного правленія напалъ на незаконный приказъ предводителя. Прежде всего это невѣрно, такъ какъ г. Елчинъ узналъ обо всемъ гораздо раньше, сейчасъ же послѣ случая 19 февраля, а затѣмъ весьма интересно то обстоятельство, что свое донесеніе Сенату г. Елчинъ сдѣлалъ уже послѣ того, какъ на его мѣсто непремѣннымъ членомъ былъ избранъ г. Ждановъ, передъ сдачей ему должности, какъ бы спѣша воспользоваться ея полномочіями въ послѣдній разъ для того, чтобы свести счеты съ предводителемъ. Г. Елчинъ находитъ это вполнѣ нормальнымъ, я же позволю себѣ съ нимъ не согласиться и нахожу, что вся эта исторія возбужденія дѣла о задержаніи Кинѣева очень похожа на личную месть или на какой-то маневръ въ чьихъ-то интересахъ, съ цѣлью избавиться отъ нежелательнаго предводителя. Въ самомъ дѣлѣ, кто такой г. Елчинъ?—ближайшій сотрудникъ и единомышленникъ предсѣдателя земской управы г. Мичурина въ его ожесточенной распрѣ съ княземъ Крапоткинымъ, начавшейся вскорѣ послѣ ареста Кинѣева и достигшей крайняго напряженія и обостренія именно ко времени представленія г. Елчина въ сенатъ. Уже одно это совпаденіе проливаетъ яркій свѣтъ на возбужденіе и содержаніе второго наиболѣе важнаго обвиненія противъ князя Крапоткина, въ подговорѣ гласныхъ при земскихъ выборахъ: когда оказалось недостаточнымъ одно преслѣдованіе, было предпринято другое, болѣе серьезное; то, чего не могъ сдѣлать г. Елчинъ, сдѣлалъ самъ г. Мичуринъ.

Судебнымъ слѣдствіемъ безусловно установлено, что въ 1886 году главнѣйшіе занятія и интересы общественныхъ дѣя-

телей Пронскаго уѣзда были сосредоточены на такъ называемой „борьбѣ земскихъ партій“, разгорѣвшейся вокругъ личности новаго предводителя дворянства, князя Крапоткина. Сначала еще терпимый мѣстною „силой“, какъ называютъ свидѣтели г. Мичурина, прибавляя, что у него вездѣ „подручные“, князь Крапоткинъ своими дѣйствіями, въ которыхъ, при всей ихъ вѣроятной благонамѣренности, было не мало безтактнаго и черезчуръ стремительнаго, вскорѣ окончательно возстановилъ противъ себя г. Мичурина и его „партію“. Началась война наступательная и оборонительная, при всякомъ удобномъ и неудобномъ поводѣ, стали группироваться сторонники и противники, пошли схватки при каждой дѣловой встрѣчѣ, словомъ, образовалось то характерное настроеніе, которое въ провинціи рельефно обозначается однимъ короткимъ терминомъ: „на ножахъ“. Свидѣтель податной инспекторъ Левшинъ недаромъ называетъ отношенія между обоими противниками „самыми ужасными“, дошедшими до крайняго „обостренія“, до „неприличія“. Главнымъ театромъ междоусобія явилось уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе; его злосчастные журналы и дѣла за указанное время хранятъ въ себѣ многочисленные слѣды споровъ и пререканій, наполненныхъ взаимною раздражительностью, заносчивостію, стараніями одного во что бы то ни стало поступить вопреки другому. Назначеніе засѣданій, составъ присутствія, контроль надъ волостными старшинами и писарями, всякое мѣропріятіе предводителя—все служило предлогомъ для столкновеній, производящихъ на посторонняго зрителя самое тягостное впечатлѣніе. Князь Крапоткинъ желалъ поставить на своемъ, проводилъ свой взглядъ, но преобладающее, если не исключительное первенство предсѣдателя управы, г. Мичурина, при помощи вѣрнаго ему г. Елчина, на каждомъ шагу противопоставляло князю Крапоткину свое вліяніе въ уѣздѣ, о которое и разбивались всѣ попытки, быть можетъ, страдавшія недостаткомъ опыта, благоразумія и излишествомъ горячности.

Въ началѣ земскихъ выборовъ борьба перенеслась на ихъ легко воспламеняющуюся почву; съ обѣихъ сторонъ началось нѣчто въ родѣ избирательной агитаціи, въ которой князь Кра-

поткинъ выдвигалъ противъ г. Мичурина своихъ кандидатовъ на должность предсѣдателя управы, а г. Мичуринъ стремился, конечно, сохранить вмѣстѣ съ этою должностью свое давнишнее вліятельное положеніе и для этой цѣли сломить нежданное противодѣйствіе и устранить его виновника. При этомъ, какъ всегда въ борьбѣ, въ средствахъ уже не стѣснялись, и, вербуя себѣ приверженцевъ, противниковъ не щадили. Но отсюда до преступленія по должности, въ формѣ подговора избирателей, еще далеко, а между тѣмъ обвиненіе именно въ такомъ преступленіи г. Мичуринъ, а за нимъ волостной старшина Зотовъ и взвели на предводителя. Князь Крапоткинъ обвиняется въ томъ, что, во вредъ избранію г. Мичурина, прямо подговаривалъ гласныхъ Пономарева и Горбачева и косвенно вліялъ въ томъ же направленіи на гласныхъ Кублицкаго и Савинова, убѣждая ихъ не ѣздить на выборы, на которыхъ они навѣрное стояли бы за г. Мичурина. Этотъ послѣдній много говорилъ здѣсь о безкорыстіи и благонамѣренности тѣхъ побужденій, которыя заставили его принести въ сенатъ жалобу на князя Крапоткина по приведеннымъ обвиненіямъ; не берусь судить, насколько это справедливо, въ особенности послѣ того, какъ послѣдствіемъ жалобы было сегодняшнее засѣданіе, но утверждаю, что къ доказательствамъ, которыми эти жалобы подкрѣплены по иниціативѣ и указаніямъ Мичурина, нужно относиться съ величайшею осторожностью На нихъ легко можетъ пасть тѣнь той страстности и односторонности, которыми отмѣчено все настоящее дѣло съ начала и до конца его. Какія же эти доказательства? Это, во-первыхъ, прямыя данныя, исходящія какъ-бы отъ очевидцевъ, объектовъ подговора: письмо, или, вѣрнѣе, посмертное свидѣтельство Пономарева и показанія Горбачева, Кублицкаго, и, во-вторыхъ, косвенныя улики—показанія Мичурина, Елчина, Небольсина и Тимешова, свидѣтельствующихъ почти исключительно со словъ другихъ."

Разбирая упомянутыя доказательства, каждое въ отдѣльности, прокуроръ палаты съ особенною подробностью остановился на главнѣйшемъ изъ нихъ—письмѣ Пономарева къ Мичурину. На основаніи цѣлаго ряда соображеній прокуроръ пришелъ къ

заключенію, что письмо это, помѣченное 25 января 1886 года и представленное Мичуринымъ къ слѣдствію больше года спустя, не заслуживаетъ довѣрія, ни по тону своему и содержанію, ни по обстоятельствамъ, при которыхъ оно написано, какъ видно изъ показанія свидѣтеля Тимешова. Припоминая позднее возбужденіе перваго обвиненія г. Елчинымъ, прокуроръ палаты сказалъ:

„Я научился въ своей долголѣтней уголовной практикѣ бояться, между прочимъ, двухъ вещей для обвиненія: документовъ, черезчуръ долго и безъ видимой надобности хранимыхъ въ карманѣ заинтересованнаго свидѣтеля, и черезчуръ поздняго возбужденія дѣла, когда уже давно представлялся къ тому и поводъ, и возможность. Если вѣрно то, о чемъ такъ подробно пишетъ Пономаревъ г. Мичурину, то князь Крапоткинъ виновенъ несомнѣнно, но все въ этомъ витіеватомъ, напыщенномъ и какъ-бы неискреннемъ письмѣ наводитъ на сильнѣйшія сомнѣнія. Въ видѣ примѣра: Пономаревъ сознается, что изъ страха потерять мѣсто секретаря крестьянскаго присутствія, зависящее отъ князя Крапоткина, онъ, не задумываясь, обманулъ его, давъ ему слово подать голосъ противъ г. Мичурина, и, конечно, не сдержалъ этого слова. Почему же не допустить, что тотъ же Пономаревъ послѣ потери имъ этого мѣста, изъ желанія получить другое, секретаря управы, зависѣвшее уже отъ г. Мичурина, вводилъ и его въ заблужденіе, сообщая ему о князѣ Крапоткинѣ такія свѣдѣнія, которыя были очень важны для г. Мичурина и потому выгодны для Пономарева, но вовсе несогласны съ истиной? Изъ показанія Тимешова нельзя не сдѣлать вывода, что именно письмо Пономарева, изобличающее князя Крапоткина, и открывало его автору, о которомъ, какъ о мертвомъ, лучше говорить поменьше, путь къ расположенію и покровительству г. Мичурина. Самое увольненіе Пономарева предводителемъ послѣ выборовъ вполнѣ удовлетворительно объясняется тѣмъ заявленіемъ, которое подсудимый сдѣлалъ по этому поводу губернскому предводителю г. Муромцеву, и не можетъ быть поставлено князю Крапоткину въ улику.“

Затѣмъ прокуроръ палаты, разсмотрѣвъ послѣдовательно

всѣ другія данныя противъ подсудимаго, нашелъ, что каждое изъ нихъ опровергнуто на судѣ данными противоположнаго характера въ пользу князя Крапоткина. „Такъ, неизвѣстно, почему нужно вѣрить довольно неправдоподобному показанію г. Кублицкаго и не повѣрить объясненію, которое по этому поводу представляетъ подсудимый; такъ, показаніе старшины Горбачева о подговорѣ его предводителемъ противъ г. Мичурина категорически опровергается показаніями такого же, какъ Горбачевъ, волостного старшины, Долговидова, и свидѣтеля Кутукова, въ присутствіи которыхъ князь Крапоткинъ убѣждалъ старшинъ на предстоящихъ выборахъ „не качаться въ разныя стороны", а выбирать по совѣсти и свободному желанію каждаго Да и самая личность Горбачева, все, что мы знаемъ о его прошедшемъ и о его отношеніяхъ къ уѣзднымъ „партіямъ", вовсе не располагаютъ къ довѣрію. Падаетъ и весь передаваемый свидѣтелями разсказъ умершаго Савинова о подговорѣ его будто-бы княземъ Крапоткинымъ,—падаетъ потому, что не только главная ссылка свидѣтелей на Кандаурова и Вельяминова ими не подтверждается, но эти послѣдніе удостовѣряютъ, со словъ Савинова, фактъ весьма оригинальный въ настоящемъ дѣлѣ, гдѣ г. Мичуринъ является обвинителемъ князя Крапоткина: не князь Крапоткинъ, а самъ г. Мичуринъ будто-бы обѣщалъ Савинову мѣсто члена уѣздной управы „за извѣстное поведеніе на выборахъ".

Вотъ и всѣ доказательства противъ князя Крапоткина, если не считать очень мало доказательнаго возбужденія имъ дѣлъ противъ нѣсколькихъ волостныхъ старшинъ будто-бы за то, что они подали голосъ за г. Мичурина. На судѣ достаточно выяснено, что къ подобному возбужденію въ то время дѣйствительно были поводы, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ инициатива принадлежала даже вовсе не предводителю, а исправнику Ершову и податному инспектору Левшину. Кромѣ того, было указано, что если князь Крапоткинъ и преслѣдовалъ старшинъ, казавшихся ему негодными, то вѣдь, съ другой стороны, они находились подъ особымъ покровительствомъ и защитой г. Мичурина. Опять та же обоюдность и взаимность „партійныхъ"

дѣйствій, въ которыхъ, какъ это всегда бываетъ, взялъ верхъ тотъ. кто былъ искуснѣе.

Въ показаніяхъ свидѣтеля Ильина по поводу подготовленія и хода земскихъ выборовъ было приведено весьма остроумное различіе между „подговоромъ“ избирателей и „разговоромъ“ съ ними о предстоящихъ выборахъ; это различіе многое объясняетъ въ настоящемъ дѣлѣ. „Подговоръ“ есть уголовное преступленіе, на которое едва-ли рѣшится сколько-нибудь уважающій себя дворянинъ. а мы не имѣемъ никакого основанія судить иначе о князѣ Крапоткинѣ. Напротивъ, „разговоръ“ объ относительныхъ свойствахъ того или другого кандидата на выборную должность есть тотъ совершенно легальный обмѣнъ мыслей между избирателями, который даже необходимъ для сознательнаго, а не пассивнаго и не механическаго избранія. Никто не можетъ запретить выраженія кѣмъ бы то ни было, не исключая и предводителей дворянства, своего добросовѣстнаго и откровеннаго мнѣнія о томъ, что такой-то нехорошъ для занимаемой имъ должности и нужно вмѣсто него избрать другого; не становится этотъ разговоръ преступнымъ, даже если переходитъ въ родъ совѣта и направляется противъ лица издавна уже всесильнаго въ уѣздѣ. Но раздуть такіе „разговоры“ и обратить ихъ, при склонности къ преувеличенію, въ „подговоры“ ровно ничего не стоитъ, особенно когда они ведутся неумѣло, неосторожно или съ увлеченіемъ, какъ могло быть и въ данномъ случаѣ. И какъ только въ разгарѣ уѣздныхъ распрей понадобилось нанести противнику рѣшительное пораженіе, эти „разговоры“, ставшіе „подговорами“, явились очень кстати: раскрашенные „дружескими показаніями“ подручныхъ, обставленные такими сильными по внѣшности уликами, какъ письмо Пономарева, они дали прекрасный матеріалъ для жалобы въ сенатъ, и въ результатѣ—преданіе суду князя Крапоткина по обвиненію въ дѣяніяхъ, въ которыхъ онъ, быть можетъ, столько же виноватъ, сколько и другіе, суду не преданные.

Но судъ не пойдетъ за г. Мичуринымъ и его „партіей“ въ ихъ походѣ противъ предводителя дворянства; для суда ясно, что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ ни одного доказательства винов-

ности, которое могло бы выдержать критику или повѣрку и не было бы поколеблено или подорвано въ самомъ основаніи. Это рядъ данныхъ, убѣждающихъ только въ одномъ—что князя Крапоткина желали непремѣнно устранить отъ властной дѣятельности въ уѣздѣ и что съ этою цѣлью ловко воспользовались его ошибками, въ которыхъ, однакоже, нѣтъ признаковъ приписываемаго ему преступнаго дѣянія.

Я признаю виновность князя Крапоткина по второму обвиненію недоказанною и отъ обвиненія его по ст. 1425 уложенія отказываюсь, о чемъ, на основаніи ст. 740 уст. угол. суд., имѣю честь заявить палатѣ. Остается, слѣдовательно, одно лишь первое обвиненіе, въ неправильномъ арестѣ Кипѣева, которое я поддерживаю, согласно опредѣленію правительствующаго сената, по 2 ч. 348 и 3 ч. 1540 стт. улож. наказ. Обращаясь къ мѣрѣ наказанія, слѣдующаго подсудимому по этому обвиненію, я нахожу, что во вниманіе къ указаннымъ уже мною обстоятельствамъ, значительно смягчающимъ его вину (5 п. ст. 134 улож.), нормальное взысканіе по 3-й степени 38 статьи надлежитъ понизить на двѣ степени и затѣмъ назначить таковое по 1 степени 39 ст. въ средней мѣрѣ. А такъ какъ въ дѣяніи князя Крапоткина, за которое онъ подлежитъ отвѣтственности, не содержится ничего позорящаго, нѣтъ ни малѣйшей злонамѣренности, то самая форма наказанія, по власти, предоставленной суду, должна быть, по мнѣнію моему, сообразована съ общественнымъ положеніемъ подсудимаго и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ перешелъ къ гражданской дѣятельности по выборамъ въ Пронскомъ уѣздѣ прямо изъ дѣйствующей военной службы съ ея особенно чуткими понятіями о дисциплинѣ. Я полагалъ бы бывшаго Пронскаго уѣзднаго предводителя дворянства князя Крапоткина подвергнуть, на основаніи ст. 57 улож. наказ., аресту при военной гауптвахтѣ на двѣ недѣли.

Такой приговоръ едва-ли удовлетворитъ желаніямъ и надеждамъ заинтересованныхъ въ настоящемъ дѣлѣ лицъ, но, сильный своею справедливостью, онъ будетъ и для нихъ весьма полезенъ. Подсудимый уже поплатился за свои неосторожные

поступки привлеченіемъ къ уголовной отвѣтственности; теперь онъ убѣдится на себѣ самомъ, что не въ личномъ произволѣ, а въ строгомъ соблюденіи законнаго порядка лежитъ вѣрнѣйшій путь къ его возстановленію. Никакія домогательства и ухищренія противниковъ князя Крапоткина не помѣшаютъ правильному и безпристрастному суду признать его правоту тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно невиновенъ предъ закономъ. Но явное нарушеніе имъ этого закона въ дѣлѣ Кинѣева также неизбѣжно повлечетъ за собою кару, въ которой заключается не столько тяжкій, сколько внушительный урокъ. Смыслъ его въ томъ, что законъ, писанный равно для всѣхъ, равно ограждающій свободу каждаго, долженъ быть прежде всего извѣстенъ, обязателенъ и святъ избраннику передового благороднаго сословія, призванному руководить на мѣстахъ своими согражданами и подавать имъ примѣръ спокойнаго достоинства и закономѣрной сдержанности, неразлучныхъ съ истиннымъ пониманіемъ высокаго долга дворянской службы. Но мало этого: исходъ преслѣдованій, воздвигнутыхъ противъ князя Крапоткина, не можетъ не отозваться и въ средѣ, порождающей дѣла, подобныя настоящему, и тѣмъ наносящей дарованному ей самоуправленію жестокіе непоправимые удары. Приговоръ вашъ скажетъ, что не поддержки, а рѣшительнаго осужденія со стороны суда заслуживаетъ тотъ образъ дѣйствій, который земское служеніе общественному благу превращаетъ въ поприще какихъ-то личныхъ видовъ, въ темную борьбу самолюбій, разсчетовъ, выгодъ и иныхъ не лучшихъ вожделѣній “

Судебною палатою князь Крапоткинъ признанъ виновнымъ лишь въ неправильномъ заарестованіи Кинѣева и приговоренъ къ 3-недѣльному домашнему аресту, при чемъ палата опредѣлила, въ виду особо уменьшающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ, ходатайствовать чрезъ министра юстиціи предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ князю Крапоткину этого наказанія замѣчаніемъ.

XI.

Дѣло о Краснинскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства Николаѣ Захаровѣ Краевскомъ по обвиненію его въ превышеніи власти (2 ч. 1424 ст. улож. наказ.).

Засѣданіе уголовнаго департамента Московской судебной палаты 29 сентября 1888 г. Предсѣдательствовалъ членъ палаты А. П. Терновскій, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В. Муравьевъ, защищалъ присяжный повѣренный Муратовъ.

Изъ обвинительнаго акта видно, что восемь гласныхъ Краснинскаго уѣзднаго земскаго собранія: Поповъ, Энгельгардтъ, Косовъ, Вонлярлярскій, Ивановскій, Дриллингъ, Буддо и Голынскій въ жалобѣ, поданной правительствующему сенату, излагали нижеслѣдующее: I. На очередномъ уѣздномъ земскомъ собраніи 20 октября 1886 г., въ составѣ 23 гласныхъ, было приступлено къ повѣркѣ правъ гласныхъ, при чемъ съ самаго начала оказалось, что въ виду неправильностей, допущенныхъ на Княжинскомъ сельскомъ избирательномъ съѣздѣ, гласные князь Друцкой-Соколинскій, Ефимовъ и Петровъ не должны быть утверждены въ этомъ званіи, хотя за выбытіемъ сказанныхъ лицъ собраніе являлось вполнѣ въ законномъ составѣ гласныхъ, тѣмъ не менѣе предсѣдатель собранія, не давъ ему исполнить возложенныя на него обязанности и даже провѣрить права прочихъ гласныхъ, непосредственно за повѣркою правъ князя Друцкого-Соколинскаго, Ефимова и Петрова объявилъ, что закрываетъ собраніе и принимаетъ послѣдствія на свою личную отвѣтственность. II. На экстренномъ земскомъ собраніи 29 января 1887 года гласный Поповъ возбудилъ вопросъ о правильности участія въ собраніи гласнаго Азанчевскаго—чиновника особыхъ порученій при Смоленскомъ губернаторѣ на томъ основаніи, что по закону полицейскіе чины не могутъ быть гласными въ уѣздахъ, въ коихъ они состоятъ на службѣ; хотя закономъ повѣрка правъ гласныхъ предоставлена самому собранію и не возбранена вторичная повѣрка при всякомъ заявленномъ сомнѣніи, тѣмъ не менѣе предсѣдатель собранія, допустивъ повѣрку правъ прочихъ гласныхъ, не допустилъ собраніе баллотировать вопросъ о правильности участія въ собраніи Азанчевскаго на томъ основаніи, что права его были уже разсмотрѣны въ собраніи 8 декабря 1886 года. III. На томъ же собраніи 29 января 1887 года, созванномъ для выбора должностныхъ лицъ земства, явилось 23 гласныхъ. При первой же баллотировкѣ голоса раздѣлились поровну, и въ виду такого неудачнаго исхода выборовъ никто не изъявилъ желанія баллотироваться; предсѣдатель объявилъ перерывъ засѣданія до 6 часовъ вечера; въ вечернее же засѣданіе явился одинъ лишній

гласный, и выборы могли увѣнчаться успѣхомъ, но предсѣдатель не допустилъ производства таковыхъ, несмотря на заявленное ему желаніе возобновить баллотировку, самое это предложеніе не было имъ занесено въ журналъ, и онъ тотчасъ же объявилъ собраніе закрытымъ, не исполнивъ возложенной на собраніе задачи Послѣдне распоряженіе предсѣдателя было признано неправильнымъ и Смоленскимъ губернаторомъ, который въ отзывѣ отъ 6 февраля 1887 г за № 791 высказалъ, что требованіе большинства гласныхъ о продолженіи баллотировки подлежало исполненію, а потому постановленіе о закрытіи собранія безъ удовлетворенія вышеизложеннаго требованія представляется не согласнымъ съ установленными въ законѣ правилами. Признавая, въ виду изложеннаго, въ дѣйствіяхъ предсѣдателя собранія Краевскаго превышеніе власти, направленное на стѣсненіе правъ собранія, просители ходатайствуютъ о привлеченіи его за сіе къ уголовной отвѣтственности. Представляя означенную жалобу въ правительствующій сенатъ, Краснинскій уѣздный предводитель дворянства Краевскій объяснилъ: I. Что такъ какъ гласные отъ цѣлаго избирательнаго съѣзда были исключены изъ собранія и законъ не допускаетъ образованія сокращеннаго состава собранія, то онъ, полагая, что въ такомъ сокращенномъ составѣ собраніе не компетентно для рѣшенія какихъ бы то ни было вопросовъ, и на основаніи возложенныхъ на него званіемъ предсѣдателя обязанностей, призналъ необходимымъ закрыть собраніе, и такое распоряженіе его не встрѣтило протеста со стороны губернатора, въ настоящее же время вовсе не подлежитъ обжалованію. II. Что онъ не допустилъ вторичной повѣрки правъ Азанчевскаго потому, что права этого послѣдняго были признаны на собраніи 8 декабря и постановленіе о томъ собранія не было опротестовано губернаторомъ, по смыслу же разъясненія, напечатаннаго въ 4 т 159 стр. Сборн. правит. распоряж. по земск. учрежд., земское собраніе могло бы войти въ новое обсужденіе этого вопроса лишь въ томъ случаѣ, если бы его возбудило лицо, не бывшее при первой повѣркѣ правъ Азанчевскаго; вопросъ же о томъ, какъ 8 декабря, такъ и 29 января, былъ поднятъ однимъ и тѣмъ же гласнымъ Поповымъ. III. Что въ вечернемъ засѣданіи баллотировка не была возобновлена потому, что собраніе, вслѣдствіе не удавшейся баллотировки на утреннемъ засѣданіи, было закрыто, а вечеромъ собрались лишь для подписи журнала, возобновленіе же земскаго собранія безъ надлежащаго распоряженія не могло быть имъ допущено. Впрочемъ, это обстоятельство было исправлено испрошеннымъ разрѣшеніемъ на созывъ новаго экстреннаго собранія на 26 іюля 1887 г., когда выборы были произведены. Между тѣмъ изъ журнала засѣданія 29 января усматривается, что „послѣ отказа всѣхъ гласныхъ (баллотироваться) г. предсѣдатель собранія объявилъ перерывъ до 6 часовъ вечера. Въ 6 часовъ вечера по выслушаніи журнала г. предсѣдатель собранія закрылъ собраніе“.—По разсмотрѣніи изложенныхъ обстоятельствъ дѣла оказывается, что въ земскомъ положеніи не содержится указаній на право предсѣдателя собранія закрывать таковое вслѣдствіе непризнанія собраніемъ правъ нѣкоторыхъ гласныхъ, если только общее число законно избранныхъ гласныхъ, присутствующихъ въ собраніи, удовлетворяетъ требованію 42 ст.; даже въ случаѣ неприбытія на засѣданіе законнаго числа гласныхъ предсѣдатель только не долженъ открывать засѣданія, но уже разъ открытое закрывать не можетъ; такимъ образомъ закрытіе собранія 20 октября представляется превышеніемъ предоставленной предсѣдателю власти. Затѣмъ законъ (ст. 37) предоставляетъ повѣрку правъ гласныхъ самому земскому собранію, но изъ этого еще нельзя заключить, чтобы въ каждомъ засѣданіи

собранія могъ быть возбуждаемъ вопросъ о повѣркѣ этихъ правъ; напротивъ того, разъ права гласнаго признаны собраніемъ за извѣстнымъ лицомъ, то эти права на все время его полномочій уже не могутъ быть у него оспариваемы по основаніямъ, бывшимъ уже въ разсмотрѣніи собранія, и повѣрка правъ его можетъ быть вновь произведена либо вслѣдствіе открытія новыхъ обстоятельствъ, не бывшихъ въ обсужденіи собранія при первоначальной повѣркѣ, либо вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ личномъ или имущественномъ положеніи гласнаго. По изложеннымъ соображеніямъ нельзя не признать правильнымъ изъятіе предсѣдателемъ Краевскимъ изъ обсужденія 29 января вопроса о баллотированіи правъ гласнаго Азанчевскаго, каковыя права были признаны за нимъ 8 декабря. Что же касается до недопущенія Краевскимъ баллотировки на вечернемъ засѣданіи 29 января, то эти дѣйствія его представляются неправильными, и объясненія незаслуживающими уваженія, такъ какъ изъ журнала собранія усматривается, что собраніе было закрыто послѣ вечерняго засѣданія, тогда какъ послѣ утренняго былъ лишь объявленъ перерывъ до 6 часовъ вечера. Означенная неправильность усиливается еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что задача собранія 29 января состояла именно въ выборѣ должностныхъ лицъ земства и съ закрытіемъ этого пришлось возбудить ходатайство о разрѣшеніи созвать для этой же цѣли новое экстренное земское собраніе.

На основаніи вышеизложеннаго Краснинскій уѣздный предводитель дворянства Николай Краевскій обвинялся въ превышеніи предоставленной ему по должности предсѣдателя земскаго собранія власти, т.-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 1424 ст. улож. наказ.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора палаты:

„Правительствующій сенатъ, предавая вашему суду Краснинскаго уѣзднаго предводителя дворянства г. Краевскаго за неправильныя дѣйствія по земскому собранію, безъ производства объ этихъ дѣйствіяхъ предварительнаго слѣдствія, тѣмъ самымъ какъ бы указалъ, что единственнымъ матеріаломъ для вашего сужденія должны служить тѣ данныя, которыя будутъ обнаружены непосредственно передъ вами на судѣ. Данныя эти—два журнала Краснинскаго земскаго собранія, отъ 20 октября 1886 года и 29 января 1887 года, и рядъ свидѣтельскихъ показаній, изъ содержанія которыхъ видно, что между свидѣтелями есть и сторонники, и противники г. Краевскаго по земской службѣ, и что именно жалобою послѣднихъ въ сенатъ и былъ возбужденъ вопросъ объ его отвѣтственности.

„Первое изъ обвиненій, предъявленныхъ къ г. Краевскому, имѣетъ документальное основаніе, и самъ онъ не отвергаетъ

его фактической стороны. Послѣ того, какъ земскимъ собраніемъ въ засѣданіи 20 октября 1886 г. были кассированы выборы гласныхъ отъ цѣлаго избирательнаго съѣзда, г. Краевскій, считая оставшійся затѣмъ составъ собранія недостаточнымъ для его дѣйствительности, закрылъ это собраніе. При этомъ онъ руководствовался тезисомъ изъ рѣшенія сената, напечатаннымъ въ частномъ изданіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ и указаннымъ подсудимому, какъ выяснилось на судѣ, свидѣтелемъ Азанчевскимъ. Пониманіе этого тезиса и выводъ, который сдѣлалъ изъ него г. Краевскій, были неправильны. Для дѣйствительности земскаго собранія законъ—ст. 42 полож. о земск. учрежд.—требуетъ лишь одного условія: присутствія не менѣе $^1/_3$ всего количества гласныхъ; въ собраніи же 20 октября 1886 года ихъ было значительно больше этого числа, и такимъ образомъ не представлялось законнаго повода къ закрытію собранія. Разъясненіе сената, которымъ руководствовался г. Краевскій, касается лишь отсутствія изъ собранія гласныхъ отъ цѣлой избирательной группы; такъ, собраніе, въ которомъ не было бы вовсе представителей, напримѣръ, отъ сельскихъ обывателей, не могло бы, конечно, считаться дѣйствительнымъ. Между тѣмъ въ Краснинскомъ уѣздѣ для удобства выборовъ существуетъ нѣсколько сельскихъ избирательныхъ съѣздовъ и только по одному изъ нихъ, Княжинскому, выборы были уничтожены и гласные отсутствовали, а по другимъ находились налицо въ собраніи, составъ котораго поэтому и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи являлся вполнѣ законнымъ. Закрывъ подобное собраніе, г. Краевскій поступилъ неправильно и вопреки своимъ обязанностямъ предсѣдателя, хотя такое его распоряженіе было, повидимому, результатомъ добросовѣстнаго заблужденія объ истинномъ смыслѣ закона. Но такъ какъ предсѣдатель земскаго собранія, руководящій всѣми его дѣйствіями, очевидно, обязанъ вѣрно понимать и примѣнять законы, опредѣляющіе его предсѣдательскія права и обязанности, то и отступленіе отъ этихъ законовъ обусловливаетъ личную отвѣтственность нарушителя. Согласно § 20 правилъ о производствѣ дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ, эта отвѣтственность въ

данномъ случаѣ могла бы быть дисциплинарная, если бы правительствующій сенатъ въ указанномъ упущеніи г. Краевскаго не усмотрѣлъ признаковъ превышенія власти, наказуемаго въ судебномъ порядкѣ. А потому обвиненіе по первому его предмету я долженъ признать достаточно установленнымъ.

„Въ противоположность первому обвиненію вся фактическая обстановка второго, относящагося до засѣданія земскаго собранія 29 января 1887 года, является крайне спорною, и разрѣшеніе этого обвиненія всецѣло зависитъ отъ того, какой изъ двухъ противорѣчивыхъ категорій выслушанныхъ нами свидѣтельскихъ показаній слѣдуетъ отдать предпочтеніе. — Если вѣрить тексту журнала собранія 29 января, а также показанію свидѣтеля Попова и тѣмъ свидѣтелямъ, которые во всемъ согласны съ нимъ, то г. Краевскій, объявившій послѣ утренняго засѣданія перерывъ до 6 часовъ, не имѣлъ основанія вечеромъ не допускать собравшихся гласныхъ до продолженія баллотировки, такъ какъ засѣданіе утромъ было только прервано, а не закрыто. Наоборотъ, рядъ другихъ свидѣтелей удостовѣряютъ, что послѣ утреннихъ занятій, заключавшихся въ безуспѣшной баллотировкѣ, засѣданіе было закрыто, и г. Краевскій пригласилъ гласныхъ собраться въ 6 час. вечера исключительно для чтенія и подписи журнала и потому имѣлъ полное право устранить сдѣланное нѣкоторыми гласными предложеніе возобновить выборы. По мнѣнію моему, именно это послѣднее изложеніе фактовъ согласно съ истиной, потому что именно оно находитъ себѣ подтвержденіе въ данныхъ судебнаго слѣдствія. Свидѣтель Азанчевскій, составлявшій журналъ засѣданія 29 января, заявляетъ о допущенной имъ ошибкѣ въ означеніи перерыва вмѣсто закрытія утренняго засѣданія. — Шесть, повидимому, вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтелей единогласно утверждаютъ, что утреннее засѣданіе было г. Краевскимъ закрыто, а вечеромъ гласные собрались только для подписи журнала. На это же указываетъ и то обстоятельство — признаваемое и свидѣтелями, враждебными г. Краевскому, — что вечеромъ собравшіеся гласные прямо приступили къ чтенію и подписи журнала утренняго засѣданія, чего, очевидно, не было бы, если

бы засѣданіе еще продолжалось. Наконецъ, даже изъ показаній свидѣтелей обвиненія трудно понять, почему вечеромъ можно было больше разсчитывать на успѣхъ баллотировки, оказавшейся утромъ неудачной, что̀ и вызвало не перерывъ, а закрытіе засѣданія. Составъ гласныхъ и вечеромъ былъ тотъ же, что̀ и утромъ; вѣдь не появленіе же въ нетрезвомъ видѣ гласнаго Пивоварова, единственнаго лица, отсутствовавшаго утромъ, могло увеличить шансы на успѣшное производство выборовъ? Такимъ образомъ изъ судебнаго слѣдствія нельзя не вывести заключенія, что г. Краевскій, имѣя всѣ къ тому основанія, дѣйствительно закрылъ, а не прервалъ утреннее засѣданіе 29 января и, слѣдовательно, ни въ чемъ не нарушилъ своей обязанности, не допустивъ вечеромъ, послѣ подписи журнала, до безплоднаго возобновленія баллотировки. А если такъ, то второе изъ предъявленныхъ къ нему обвиненій само собой падаетъ, и мнѣ предстоитъ воспользоваться великимъ правомъ прокурора—не обвинять, когда онъ не убѣжденъ въ виновности. Я же иду дальше и, видя здѣсь доказанную невинность подсудимаго, отъ этого обвиненія г. Краевскаго отказываюсь, о чемъ на основаніи ст. 740 уст. угол. суд. имѣю честь заявить палатѣ.

„Въ виду всего сказаннаго, я могу признать г. Краевскаго подлежащимъ отвѣтственности только за неправильное закрытіе земскаго собранія 20 октября 1886 года—дѣяніе, подведенное сенатомъ подъ опредѣленіе 2 ч. 1424 ст. улож. наказ. и караемое по ст. 65 того же уложенія. Но такъ какъ мы не имѣемъ передъ собою рѣшительно никакихъ указаній на то, чтобы дѣяніе это было совершено имъ изъ какихъ-либо предосудительныхъ личныхъ видовъ, а, напротивъ, все свидѣтельствуетъ объ искреннемъ, по крайнему разумѣнію, отношеніи его къ общественному дѣлу и о заслуженномъ общемъ уваженіи и довѣріи, то я и полагалъ бы необходимымъ избрать для примѣненія къ подсудимому одно изъ легчайшихъ взысканій, означенныхъ въ ст. 65 улож. наказ., а именно—„выговоръ безъ внесенія въ формулярный списокъ".

„Такой приговоръ, въ которомъ дѣйствіямъ подсудимаго будетъ дана истинная и безпристрастная, а не преувеличенная оцѣнка, и почтенный избранникъ мѣстнаго дворянства не понесетъ кары свыше мѣры содѣяннаго имъ, безъ всякаго дурного намѣренія, формальнаго нарушенія закона, будетъ и приговоръ справедливый".

Судебная палата признала г. Крлевскаго невиновнымъ

XII.

Дѣло о старшинѣ Московскаго мѣщанскаго общества Шестеркинѣ, обвинявшемся въ преступленіяхъ по должности и въ допущеніи безпорядковъ при производствѣ мѣщанскихъ выборовъ.

Засѣданіе уголовнаго департамента Московской судебной палаты, 19-го ноября 1887 года. Предсѣдательствовалъ членъ палаты А. Н. Терновскій, обвинялъ прокуроръ палаты Н. В. Муравьевъ, защищалъ присяжный повѣренный Высоцкій.

Обвинялся Московскій мѣщанскій старшина Иванъ Ивановъ Шестеркинъ, 54 л., въ томъ 1) что, состоя предсѣдателемъ собранія мѣщанскаго сословія, допустилъ въ означенномъ собраніи, во время производства мѣщанскихъ выборовъ 19-го марта 1887 года, явно незаконное постановленіе о томъ, чтобы излишніе противъ числа баллотирующихъ шары откладывать, а недостающіе прибавлять; 2) что, въ прямое нарушеніе 9 и 19 ст. прилож. къ ст. 1900 (прим.) т. II ч. I св. зак., изд. 1876 года, допустилъ въ собраніи безпорядокъ, дошедшій до того, что во многіе ящики шары клались горстями и количество голосовъ, поданныхъ за и противъ, оказывалось болѣе общаго наличнаго числа голосовъ, при чемъ, несмотря на это, не только не закрылъ засѣданія, но принималъ въ основаніе выборовъ явно неправильное число шаровъ, зная о таковой неправильности изъ заявленія присутствующихъ и убѣдясь въ томъ лично, и 3) что въ спискахъ баллотируемыхъ собственноручно отмѣчалъ избранными такихъ лицъ, въ пользу которыхъ не было подано законнаго количества голосовъ (ст. 39 прил. къ ст. 66 (прим.) т. IX зак. о сост., по продол. 1879 года) и которыя поэтому не могли считаться избранными. Преступленія эти предусмотрѣны 3 ч. ст. 1424 улож. наказ.

Изъ обвинительнаго акта видно, что 30-го марта 1887 года выборные московскаго мѣщанскаго сословія Гордѣевъ и Павловскій подали жалобу московскому генералъ-губернатору на неправильныя дѣйствія, допущенныя мѣщанскимъ старшиной Шестеркинымъ, въ качествѣ предсѣдателя, при выборахъ на должности выборныхъ мѣщанскаго сословія, въ собраніи избирателей 19-го марта того же 1887 г., при чемъ объяснили, что во время баллотировки нѣкоторые избиратели клали шары горстями въ избирательные ящики; объ этомъ было заявлено Шестеркину, который лично пересчиталъ шары въ ящикахъ двухъ старостъ мѣщанской управы Селезнева и Сенатова, при чемъ въ ящикѣ перваго найдено 52, а второго 26 лишнихъ шаровъ. Кромѣ того оказались лишніе шары у старосты Русакова и бывшаго старосты Изюмова. Шестеркинъ обѣщалъ собранію подвергнуть означенныхъ лицъ новой баллоти-

ровкѣ, но потомъ отказался и объявилъ собранію, что находитъ возможнымъ считать этихъ лицъ избранными. Для провѣрки помянутой жалобы, переданной генералъ-губернаторомъ на разсмотрѣніе московскаго губернскаго правленія, по распоряженію послѣдняго, произведено было предварительное дознаніе, при которомъ жалоба Гордѣева и Павловскаго, во всѣхъ ея частяхъ, подтвердилась какъ свидѣтельскими показаніями, такъ и обозрѣніемъ подлинныхъ документовъ. Обнаружено было также слѣдующее

Еще до производства выборовъ старшина Шестеркинъ предложилъ собранію излишніе шары, если таковые у кого-либо окажутся, отчислять безъ перебаллотировки, а недостающіе прибавлять. Въ протоколѣ собранія это постановленіе изложено въ такихъ словахъ: „собраніе положило, если у кого окажется баловъ больше или меньше числа баллотирующихъ, то излишніе шары откладывать, а недостающіе прибавлять".

Свидѣтели Пуговкинъ и Хохловъ удостовѣрили, что инициатива этого предложенія исходила именно отъ Шестеркина. Недовольнымъ избраніемъ указанныхъ Селезнева, Сенатова, Русакова и Языкова Шестеркинъ объяснилъ, что „они могутъ жаловаться, но не разсуждать". При этомъ, по словамъ свидѣтелей, Шестеркинъ обращался со всѣми въ высшей степени дерзко и кричалъ „молчать! я такъ хочу". Возмущенные подобнымъ образомъ дѣйствій, человѣкъ 70 избирателей оставили собраніе.

По уходѣ протестовавшихъ избирателей выборы продолжались. Изъ протокола собранія, а также баллотировочныхъ списковъ и таблицъ видно, что отмѣтки объ избраніи или неизбраніи баллотировавшихся лицъ сдѣланы старшиной Шестеркинымъ вполнѣ произвольно и не соотвѣтствовали количеству шаровъ, какъ избирательныхъ, такъ и неизбирательныхъ: неизбранными почитались лица, получившія 110 избирательныхъ и 109 неизбирательныхъ, а избранными были признаны получившія 82 избирательныхъ и 139 неизбирательныхъ.

На судебномъ засѣданіи свидѣтели Гордѣевъ и Серебряковъ выразили мнѣніе, что Шестеркинъ, повидимому, желалъ провести своихъ кандидатовъ въ день дополнительныхъ выборовъ 19-го марта, такъ какъ 14-го марта было избрано большинство его противниковъ, надо было пустить въ ходъ всѣ средства для выбора лицъ, кои безпрекословно согласились бы утвердить отчеты управы за шесть лѣтъ. Свидѣтель Озеровъ добавилъ, что, по его мнѣнію, безпорядки въ собраніи были допущены съ цѣлью кассированія всѣхъ выборовъ, начало коихъ было крайне неблагопріятно для Шестеркина, тогда какъ прежній составъ выборныхъ принадлежалъ къ его сторонникамъ.

Свидѣтель Смирновъ показалъ: когда обнаружились неправильныя дѣйствія нѣкоторыхъ изъ избирателей и послѣдовалъ отказъ относительно перебаллотировки, то присутствующіе начали протестовать. Шестеркинъ замѣтилъ: „дѣло мое, я за все отвѣчаю, дѣло собранія молчать". Въ толпѣ послышались голоса: „что же, мы вызваны въ собраніе—баранами, что-ли, быть?" На это Шестеркинъ отвѣчалъ „молчать, не разсуждать! какъ хочу, такъ и сдѣлаю". Многіе, оскорбленные такимъ отношеніемъ, хотѣли уйти, но двери въ управѣ оказались запертыми и были открыты по распоряженію полиціи въ третьемъ часу ночи (что удостовѣрено свидѣтелемъ околоточнымъ надзирателемъ Телѣгинымъ).

Свидѣтель, исправлявшій должность старшины Московскаго мѣщанскаго общества, Бородулинъ, на вопросъ прокурора судебной палаты, отвѣтилъ, что

послѣ устраненія Шестеркина отъ должности обнаружена значительная растрата ввѣреннаго ему капитала общества.

Изъ показаній свидѣтелей защиты выдѣляется объясненіе, данное дѣлопроизводителемъ мѣщанской управы Капустинымъ, который заявилъ, что, по его мнѣнію, лишніе шары, оказавшіеся въ урнахъ, были положены лицами, принадлежавшими „къ оппозиціонной партіи", т.-е. къ противникамъ Шестеркина, такъ какъ могло случиться, что „члены оппозиціи" набирали въ карманы шары и клали ихъ въ урны лицамъ враждебной партіи, съ цѣлью произвести безпорядокъ (свидѣтели обвиненія, однако, отрицали возможность сего, такъ какъ къ противникамъ старшины „водчиками" были назначены его приверженцы, которые никоимъ образомъ не дали бы имъ лишняго шара). Далѣе помянутый свидѣтель показалъ, что онъ самъ читалъ вслухъ количество избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ, а старшина дѣлалъ съ его словъ отмѣтки въ избирательномъ спискѣ Немудрено, что утомленный и малограмотный Шестеркинъ и сдѣлалъ въ этихъ спискахъ нѣсколько ошибокъ ... Отказъ старшины произвести перебаллотировку вышеозначенныхъ Селезнева, Сенатова, Русакова и Изюмова послѣдовалъ, будто-бы, лишь потому, что общество не высказалось опредѣленно, желаетъ ли оно перебаллотировки или же простого отчисленія лишнихъ шаровъ.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора палаты:

Прокуроръ палаты, подробно разобравъ фактическую сторону дѣла, какъ оно выяснилось изъ свидѣтельскихъ показаній и документовъ, пришелъ къ выводу, что мѣщанскіе выборы 19 марта были произведены съ многочисленными нарушеніями законнаго порядка и что, если выборныхъ мѣщанскаго сословія по формѣ и избирали члены этого сословія, то выбралъ ихъ въ сущности старшина Шестеркинъ вмѣстѣ съ своими приверженцами.

Въ заключеніе своей рѣчи прокуроръ палаты сказалъ:

„Такимъ образомъ виновность г. Шестеркина въ цѣломъ рядѣ неправильныхъ дѣйствій по предсѣдательству въ избирательномъ собраніи московскаго мѣщанскаго общества является вполнѣ доказанной, и я признаю его подлежащимъ за это отвѣтственности по послѣднему отдѣлу ст. 1424 улож., въ которой предусмотрѣны такого рода дѣйствія Въ отношеніи же слѣдующаго ему по закону наказанія, палатѣ предстоитъ широкій выборъ между всѣми спеціально служебными взысканіями, перечисленными въ ст. 65 улож. Обращаясь съ своей стороны къ опредѣленію того изъ нихъ, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ характеру и степени вины подсудимаго, я считаю нужнымъ оста-

новиться, во-первыхъ, на побужденіяхъ, повидимому вызвавшихъ его незаконный образъ дѣйствій при выборахъ, и, во-вторыхъ, на общемъ значеніи этого преступленія на общественной службѣ.

„Изъ показаній свидѣтелей слѣдуетъ заключить, что при допущенныхъ 19 марта нарушеніяхъ законнаго порядка мѣщанскихъ выборовъ могла быть двоякая и вдвойнѣ предосудительная цѣль. Долго молчало и склонялось подъ гнетомъ г. Шестеркина московское мѣщанское сословіе, но наконецъ истощилось и его терпѣніе. Противъ владычества властолюбиваго старшины возбудилось сильное противодѣйствіе, возникла „оппозиціонная партія", какъ выразился свидѣтель Капустинъ; утомленные игомъ г. Шестеркина, извѣрившись въ чистоту его служебныхъ поступковъ и полезности ихъ для мѣщанскаго общества, члены этого послѣдняго уже высказывали явное намѣреніе свергнуть это непрошенное командованіе и управлять своими дѣлами такъ, какъ велитъ законъ, т.-е. по общему согласію, а не такъ, какъ угодно г. Шестеркину и небольшой группѣ его покладливыхъ сторонниковъ. Единственнымъ средствомъ для этого было провести въ выборные людей независимыхъ и порядочныхъ, которые составили бы противовѣсъ выборнымъ, угоднымъ и послушнымъ г. Шестеркину. Такой характеръ и получили выборы 14 марта; то же слѣдовало ожидать и на дополнительныхъ выборахъ 19 марта. Вотъ этого-то, въ интересахъ г. Шестеркина, и нельзя было допускать ни въ какомъ случаѣ. Въ самомъ дѣлѣ, моментъ былъ критическій. Рѣчь шла не только о вліяніи и власти, но, какъ показали дальнѣйшія событія, о благахъ гораздо болѣе вещественныхъ, даже просто о самосохраненіи... Послѣдующія изысканія огорченныхъ общественниковъ выяснили, что старшина весьма произвольно распоряжался не одними ихъ мнѣніями и желаніями по дѣламъ сословія, но и ихъ имуществомъ. А „свои" люди изъ числа выборныхъ вѣроятно сору изъ избы выносить не стали бы, съ жалобами къ начальству не пошли бы и не возникла бы непріятная перспектива отвѣта за общественное достояніе. Для предупрежденія и избѣжанія этой-то перспективы и должна была, мнѣ кажется,

служить та оригинальная комедія выборовъ, которая была разыграна подъ управленіемъ г. Шестеркина. Она не удалась и только потому, что нашлись гг. Гордѣевъ и Павловскій, которые не побоялись могущественнаго старшины и отправились искать на него управы. Но замыселъ былъ все-таки не лишенъ дальновидной тонкости. Выборы 14 марта, при которыхъ прошли многіе противники г. Шестеркина, были для него неудачны и являлись какъ бы предостереженіемъ и напоминаніемъ, что плошать не слѣдуетъ. Тогда и придуманъ былъ,—я ссылаюсь на показаніе свидѣтеля Озерова,—остроумный пріемъ ихъ самоуничтоженія: вторые выборы, если сдѣлать ихъ явно неправильными, должны были свести на нѣтъ и первые, которыхъ они были лишь существеннымъ и необходимымъ продолженіемъ. Въ головѣ, руководившей дѣломъ, могло сложиться такое практическое разсужденіе: если на дополнительныхъ выборахъ 19 марта произойдутъ всевозможные нарушенія и безпорядки, то выборы эти признаютъ недѣйствительными и вмѣстѣ съ тѣмъ кассируютъ и всѣ вообще выборы нынѣшняго года въ полномъ ихъ составѣ, въ томъ числѣ и выборы 14 марта. Это-то и нужно, такъ какъ къ слѣдующимъ выборамъ уже можно принять свои мѣры, предупредить неожиданности и справиться съ агитаціей.

„Однако сорвалось и это: выборы дѣйствительно уничтожены, но съ ними рухнулъ и весь авторитетъ ихъ заправителя, г. Шестеркина, котораго пригласили дать передъ судомъ отчетъ въ столь своеобразно понимаемой имъ предсѣдательской дѣятельности.

„Этой дѣятельности нельзя, конечно, отказать въ разсчетливой, хотя и безцеремонной рѣшительности, основанной на соображеніи своихъ личныхъ выгодъ, но съ требованіями закона, съ обязанностями общественнаго дѣятеля, поставленнаго во главѣ цѣлаго сословія, она идетъ совсѣмъ въ разрѣзъ.

„Возгласы г. Шестеркина при выборахъ 19 марта: „Молчать, не разсуждать, не ваше дѣло, я такъ хочу!“—это скорѣе окрикъ расходившагося хозяина гостинодворской лавки на робко возражающихъ ему приказчиковъ, чѣмъ языкъ предсѣдателя сословнаго собранія. Законъ хочетъ свободнаго участія всѣхъ

членовъ его въ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ, подъ безпристрастнымъ руководствомъ предсѣдателя, какъ перваго между равными,—и общество справедливо негодуетъ, когда общественное собраніе обращается въ самоувѣренное поглощеніе однимъ воли и мнѣній другихъ,—такихъ же, какъ и онъ, равноправныхъ членовъ. Если вмѣсто того, чтобы выслушивать, направлять занятія и исполнять рѣшенія большинства, предсѣдатель будетъ приказывать и подтасовывать собраніе, то зачѣмъ же и выборы, избирательныя права, сословное самоуправленіе? Но вѣдь законъ поручилъ сословныя дѣла сословнымъ же собраніямъ а не гг. Шестеркинымъ съ ихъ партіей и личнымъ произволомъ подъ личиной общественнаго служенія. И когда они, никѣмъ не уполномоченные, распоряжаются, какъ имъ заблагоразсудится, то у очевидцевъ невольно возникаетъ сомнѣніе даже въ общей цѣнности такого фиктивнаго самоуправленія—вотъ плачевныя послѣдствія всякаго въ немъ самовластія!

„Нарушенія, совершенныя г. Шестеркинымъ, по моему мнѣнію, указываютъ на отсутствіе первѣйшихъ служебныхъ качествъ—сознанія своихъ обязанностей, уваженія къ закону и соблюденія законныхъ правъ своихъ согражданъ. Отсюда можно вывести и заключеніе о совершенной неспособности продолжать службу съ пользою для общественнаго дѣла. Но такъ какъ и на службѣ, и на судѣ, все, и дурное, и хорошее, должно быть засчитано, то, во вниманіе къ прежнимъ служебнымъ отличіямъ г. Шестеркина, которыя удостовѣряются его формулярнымъ спискомъ, я полагалъ бы справедливымъ при опредѣленіи заслуженнаго имъ наказанія перейти отъ строжайшаго изъ указанныхъ въ ст. 65 улож. къ слѣдующему въ порядкѣ постепенности менѣе строгому взысканію. Вслѣдствіе этого я имѣю честь предложить палатѣ московскаго мѣщанскаго старшину Шестеркина отрѣшить отъ должности.“

Палата признала Шестеркина виновнымъ и приговорила его къ отрѣшенію отъ должности мѣщанскаго старосты.

XIII

Дѣло предсѣдателя правленія Орловско-Грязской желѣзной дороги В. И. Кислаковскаго.

Засѣданіе Московской судебной палаты по уголовному департаменту 27 января 1886 г. Предсѣдательствовалъ членъ палаты Н. Н Прейсъ, обвинялъ прокуроръ палаты Н В. Муравьевъ, защищалъ присяжный повѣренный Шайкевичъ 1-й

26 іюля 1884 г на 252 верстѣ Орловско-Грязской желѣзной дороги сошелъ съ рельсовъ и потерпѣлъ крушеніе слѣдовавшій изъ г. Орла на станцію Грязи экстренный служебный поѣздъ, состоявшій изъ паровоза съ тендеромъ и четырехъ вагоновъ. Крушеніе поѣзда внѣшнимъ образомъ выразилось. а) въ поврежденіи пути и б) въ поврежденіи и смѣщеніи съ рельсовъ подвижного состава

Поѣздъ этотъ назначенъ былъ для предсѣдателя правленія общества Орловско-Грязской желѣзной дороги, инженера, д. ст с. Виктора Ивановича Кислаковскаго, ѣхавшаго на немъ изъ Орла ло Грязей. Въ поѣздѣ, кромѣ г. Кислаковскаго, находились исключительно желѣзнодорожные служащіе и поѣздные агенты—всего 14 человѣкъ Въ моментъ крушенія поѣзда означенныя лица находились въ вагонѣ II класса, оберъ-кондукторы и оба кондуктора въ вагонѣ III класса, при чемъ кондукторъ Дубровинъ помѣщался на задней площадкѣ, а кондукторъ Савинъ на тормозѣ этого вагона, смазчикъ Нестеровъ на тормозѣ багажнаго вагона, машинистъ и его помощникъ на паровозѣ Послѣдствіемъ крушенія этого поѣзда было то, что помощникъ машиниста Никитинъ умеръ на мѣстѣ крушенія Паровозъ, опрокинувшись на сторону откоса, прижалъ упавшаго Никитина будкой и массой свалившагося угля, почему не представилось возможности немедленно освободить его изъ-подъ такой тяжести.

Кромѣ причиненія смерти Никитину, крушеніемъ поѣзда причинены были ушибы и болѣе или менѣе значительныя поврежденія еще 7 служащимъ.

Для изслѣдованія непосредственной причины крушенія служебнаго поѣзда собраны были при предварительномъ слѣдствіи такія данныя

1) Въ подвижномъ составѣ поѣзда не найдено какихъ-либо измѣненій, могущихъ вызвать сходъ поѣзда съ рельсовъ и его крушеніе; 2) въ состояніи поврежденнаго пути обнаружены. рельсъ со старою трещиной и присутствіе извѣстнаго количества шпалъ съ признаками гнилости; рельсъ съ трещиной найденъ изломленнымъ, но такъ какъ трещина была на внутренней сторонѣ рельса и потому закрыта была балластомъ, то раньше не могла быть замѣчена; при осмотрѣ шпалъ эксперты дали заключеніе, что при нормальномъ ходѣ поѣзда шпалы не представляли опасности; 3) шелъ поѣздъ съ увеличенною скоростью. Эксперты, разсмотрѣвъ всѣ фактическія данныя матеріальныхъ

слѣдовъ крушенія, высказали о причинахъ крушенія слѣдующее: сходъ служебнаго поѣзда произошелъ за акведукомъ, на что указываетъ относительно незначительное поврежденіе какъ до акведука, такъ и самаго акведука. Непосредственною причиной схода поѣзда былъ лопнувшій стальной рельсъ, имѣвшій въ подошвѣ трещину. Кромѣ указанной трещины, на изломъ рельса могли имѣть большое вліяніе боковые толчки, сопряженные съ быстрымъ движеніемъ поѣзда. Далѣе эксперты полагаютъ, что сходъ поѣзда съ рельсовъ произошелъ въ моментъ излома рельса, при чемъ колеса паровоза, отгибая отломившійся кусокъ рельса, сошли съ него наружу и прошли по шпаламъ разстояніе около 20 саженей до мѣста паденія паровоза. Скорость движенія служебнаго поѣзда необходимо увеличила размѣры крушенія. Изложенное мнѣніе экспертовъ привело къ заключенію, что происшедшее крушеніе и его размѣры находятся въ соотношеніи съ двумя фактами: 1) больнымъ рельсомъ и 2) степенью скорости поѣзда. Относительно скорости движенія поѣзда обнаружено, что управленіе дороги, назначая для предсѣдателя правленія экстренный поѣздъ, дало росписаніе для его движенія, по которому пробѣгъ между станціями Елецъ и Липецкъ разстоянія въ 71 версту долженъ состояться въ 1 ч. 45 м., т.-е. со скоростью $40^1/_2$ верстъ въ часъ. По этому росписанію поѣздъ долженъ былъ прибыть на станцію Липецкъ въ 8 ч. 15 м., въ Сѣнцово въ 7 ч. 55 м. Между тѣмъ росписаніе это не было исполнено и поѣздъ прошелъ станцію Сѣнцево, отстоящую отъ ст. Липецкъ на разстояніи $12^1/_2$ верстъ въ 7 ч. 38 м. и совершилъ пробѣгъ отъ Ельца до Сѣнцова въ 1 ч. 7 м., т.-е. со скоростью 53 верстъ въ часъ. Слѣдовательно, дѣйствительная средняя скорость движенія поѣзда превышала назначенную среднюю на 13 верстъ въ часъ. Но это только фактическая средняя скорость этого поѣзда между станціями Елецъ и Сѣнцово, на другихъ же мѣстахъ, по нѣкоторымъ указаніямъ, служебный поѣздъ шелъ со скоростью свыше 50 верстъ въ часъ. Въ назначенномъ поѣздѣ находился контрольный аппаратъ системы Графтіо, на которомъ во время движенія поѣзда отъ Орла до мѣста крушенія дѣйствовалъ карандашъ скоростей. Тщательное изслѣдованіе диска этого аппарата обнаружило, что служебный поѣздъ на 14 мѣстахъ пробѣга отъ Ельца до мѣста крушенія шелъ со скоростью свыше 60 верстъ въ часъ. Правительственная инспекція предписаніемъ отъ 6 ноября 1881 года установила для Орловско-Грязской желѣзной дороги предѣльную скорость въ 60 верстъ въ часъ, при чемъ, по разъясненію экспертовъ, предѣльная скорость есть безусловная, т.-е. предѣлъ ея не можетъ быть превышенъ ни въ одной точкѣ пути, но это нарушено было въ настоящемъ случаѣ потерпѣвшимъ крушеніе поѣздомъ. Для выясненія обстоятельствъ, при которыхъ служебный поѣздъ измѣнилъ назначенную ему скорость, принялъ ускоренную быстроту, превышающую на отдѣльныхъ точкахъ пути предѣльную скорость, установлены на предварительномъ слѣдствіи слѣдующія данныя. По свидѣтельству контролера тяги Бартенева на станціи Донъ къ нему подошелъ контролеръ Томашевичъ и заявилъ, что предсѣдатель правленія г. Кислаковскій призывалъ его къ себѣ и приказалъ ѣхать скорѣе, чтобы встрѣча съ пассажирскимъ поѣздомъ произошла не въ Липецкѣ, какъ назначено было въ росписаніи, а на станціи Сокольской, и затѣмъ Томашевичъ сталъ махать машинисту, чтобы онъ ѣхалъ скорѣе. Свидѣтель Бартеневъ показалъ, что онъ не смѣлъ препятствовать этому распоряженію, такъ какъ оно послѣдовало отъ высшаго лица. Контролеръ движенія Томашевичъ объяснилъ, что на пути къ станціи Донъ въ вагонъ къ нему вошелъ оберъ-кондукторъ Роснянскій и объявилъ, что предсѣдатель правленія приказалъ ѣхать скорѣе, но свидѣтель

послѣ этого заявленія никакихъ распоряженій не сдѣлалъ, находя, что скорость поѣзда достаточна. Вскорѣ явился кондукторъ и потребовалъ Томашевича къ Кислаковскому, который сказалъ ему: „нужно ѣхать скорѣе", что вполнѣ подтвердилъ и инженеръ Харитоновичъ. По свидѣтельству оберъ-кондуктора Роснянскаго, происходило это такъ: до станціи Донъ поѣздъ шелъ по росписанію, но, миновавъ Донъ, Дубровинъ и Томашевичъ передали ему приказаніе Кислаковскаго ускорить ходъ и онъ немедленно привелъ это въ исполненіе, давъ условный знакъ рукою машинисту и тогда поѣздъ пошелъ на всѣхъ парахъ и мчался, по мнѣнію Роснянскаго, съ быстротой 70 верстъ въ часъ. За нѣсколько минутъ до крушенія къ Роснянскому вошелъ кондукторъ Дубровинъ и сказалъ, что поѣздъ идетъ слишкомъ скоро и Роснянскій велѣлъ Дубровину пойти въ вагонъ I класса и посмотрѣть на контрольный снарядъ. Дубровинъ не успѣлъ исполнить этого, такъ какъ послѣдовало крушеніе. Смазчикъ Нестеровъ, бывшій на тормозѣ багажнаго вагона, далъ слѣдователю такое показаніе со станціи Сѣнцово скорость поѣзда усилилась до того, что переднія колеса багажнаго вагона приподняло и они не касались рельсовъ, при чемъ вагонъ сталъ такъ сильно расшатывать, что онъ, чтобы не упасть, долженъ былъ держаться руками за щитокъ Вскорѣ раздался трескъ и произошло крушеніе, при чемъ онъ, Нестеровъ, получилъ сильный ударъ и лишился чувствъ.

Въ виду установленія слѣдствіемъ такой высокой степени быстроты движенія потерпѣвшаго крушеніе экстреннаго служебнаго поѣзда, послѣдовавшей по распоряженію предсѣдателя правленія г. Кислаковскаго и въ виду усмотрѣннаго при слѣдствіи зависимаго соотношенія такой степени скорости съ размѣрами опасности крушенія, къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго привлеченъ былъ предсѣдатель правленія дороги г. Кислаковскій

Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго г. Кислаковскій на первомъ же допросѣ заявилъ, что онъ не признаетъ себя ни въ чемъ виновнымъ, такъ какъ не отдавалъ приказанія усилить скорость поѣзда и ѣхалъ съ нормальною для экстренныхъ поѣздовъ скоростью. Сошелъ поѣздъ съ рельсовъ и подвергся крушенію, по объясненію г. Кислаковскаго, вслѣдствіе лопнувшаго рельса. Ѣхалъ г. Кислаковскій съ экстреннымъ служебнымъ поѣздомъ для осмотра пути или, скорѣе, для его испытанія и что для такого испытанія онъ долженъ былъ, по его мнѣнію, ѣхать съ высшею для экстренныхъ поѣздовъ скоростью По требованію г. Кислаковскаго, были спрошены свидѣтели, служащіе на Орловско-Грязской желѣзной дорогѣ, Виноградовъ, Михайловъ, Горцевичъ и Добролюбовъ и въ качествѣ экспертовъ инженеры: Шиловскій, Ивановъ и Щенсновичъ. Трое первыхъ свидѣтелей удостовѣрили, что время отправленія поѣзда со станціи Елецъ и Чириково отмѣчено не согласно съ дѣйствительнымъ отходомъ поѣзда съ этихъ станцій. Показанія всѣхъ этихъ свидѣтелей не опровергли того факта, что экстренный поѣздъ 26-го іюля шелъ во все время со скоростью, превышающею среднюю скорость, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со скоростью, превышающею предѣльную, и это имѣло вліяніе на размѣры крушенія.

Вслѣдствіе этого д. ст. сов. Кислаковскій, 60 лѣтъ, преданъ былъ суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ томъ, что, слѣдуя по подвѣдомственной ему Орловско-Грязской жел. дорогѣ для обозрѣнія ея въ назначенномъ для него, какъ для предсѣдателя правленія экстренномъ поѣздѣ, шедшемъ съ увеличенною скоростью, онъ, Кислаковскій, по проѣздѣ станціи Донъ сдѣлалъ настоятельное распоряженіе объ ускореніи хода поѣзда, вслѣдствіе коего поѣздъ сталъ двигаться со скоростью, превышающею предѣльную,

каковая скорость совмѣстно со сходомъ поѣзда съ полотна дороги отъ случайно лопнувшаго рельса произвела крушеніе, причинившее смерть помощнику машиниста Нестерову и поврежденіе въ здоровьѣ семи другимъ лицамъ, ѣхавшимъ въ этомъ поѣздѣ, и такимъ неправильнымъ и неосторожнымъ своимъ распоряженіемъ совершилъ дѣяніе, предусмотрѣнное 2 ч. 1085 ст. улож. наказ.

23-го октября 1885 года дѣло это слушалось въ Елецкомъ окружномъ судѣ, при чемъ г. Кислаковскій виновность свою отвергалъ. На судѣ допрошено было 19 свидѣтелей и 6 свѣдущихъ лицъ. Начальникъ службы движенія на Орловско-Грязской дорогѣ г. Золотницкій удостовѣрилъ, что потерпѣвшій крушеніе поѣздъ шелъ съ предѣльною скоростью, установленною циркуляромъ министра путей сообщенія въ 65 верстъ. Начальникъ депо Кичинъ заявилъ, что хотя въ поѣздѣ былъ контрольный аппаратъ, но часы въ немъ не были пущены Кичинымъ потому, что онъ не умѣлъ еще обращаться съ этимъ новымъ аппаратомъ. Машинистъ Розенбергъ показалъ, что поѣздъ шелъ со скоростью 50 и 60 верстъ въ часъ, при чемъ на короткихъ разстояніяхъ между станціями было трудно регулировать его ходъ. Свидѣтели, дававшіе показанія на предварительномъ слѣдствіи, на судѣ его подтвердили, но утверждали, что, давая приказаніе ускорить ходъ поѣзда, г. Кислаковскій держалъ въ рукахъ часы и сказалъ: „Вѣдь мы не ѣдемъ и 40 верстъ въ часъ". Объ аппаратѣ Графтіо всѣ отозвались, что за нимъ они не слѣдили. Изъ прочитаннаго протокола осмотра шпалъ, имѣвшихъ гнилостность, и лопнувшаго рельса, имѣвшаго въ подошвѣ старую трещину, видно, что инженеры Гильшеръ, Ковальскій и Аршеневскій дали заключеніе, что шпалы при крушеніи значенія не имѣли, а главной причиной схода поѣзда и крушенія былъ „больной рельсъ" при неисправности котораго скорость движенія поѣзда несомнѣнно увеличивала размѣры крушенія. При разсмотрѣніи судомъ отношенія правительственнаго инспектора дороги отъ 6-го ноября 1881 года за № 665, которымъ предѣльная скорость для Орловско-Грязской желѣзной дороги назначалась въ 60 верстъ въ часъ, защитникомъ г. Кислаковскаго сдѣлано было заявленіе, что эта предѣльная скорость была временная, вслѣдствіе неисправности пути и съ приведеніемъ пути въ исправность силу потеряла. При этомъ защитникъ представилъ отношеніе новаго правительственнаго инспектора на имя управляющаго Орловско-Грязской дороги отъ 11-го февраля 1885 года за № 91, въ которомъ указывается, что и до крушенія и послѣ него путь Орловско-Грязской дороги былъ исправленъ и опасности при предѣльной скорости въ 65 верстъ, установленной министерствомъ путей сообщенія, не представлялъ.

При разбирательствѣ на судѣ разсматривались и гражданскіе иски жены и отца убитаго Коротенкова въ 7,000 руб. и Нестерова въ 5,000 руб. Окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что наибольшая предѣльная скорость могла быть до 65 верстъ въ часъ, какъ разрѣшенная министромъ путей сообщенія, что таблица скоростей, данная аппаратомъ Графтіо, бывшимъ лишь на испытаніи безъ дѣйствія часовъ въ немъ, не убѣдительна и служить доказательствомъ не можетъ; что поѣздъ предѣльной скорости не превышалъ и что крушеніе поѣзда произошло не отъ скорости хода, а отъ лопнувшаго недоброкачественнаго рельса, т.-е. такой причины, которую ни предвидѣть, ни предотвратить было нельзя, а потому призналъ обвиненіе г. Кислаковскаго недоказаннымъ и оправдалъ его, признавъ вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскіе иски къ правленію дороги не подлежащими удовлетворенію.

На этотъ приговоръ были принесены протесты прокурорскаго надзора и апелляціонныя жалобы гражданскаго истца.

Изъ обвинительной рѣчи прокурора палаты.

При разсмотрѣніи дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ въ Московской судебной палатѣ прокуроръ судебной палаты въ своей рѣчи, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства дѣла, доказывалъ, основываясь на извѣстномъ сочиненіи г. Вебера „Условія безопасности на желѣзныхъ дорогахъ“, что скорость хода поѣзда имѣла громадное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, вызвана же она была авторитетнымъ желаніемъ г. Кислаковскаго, равнымъ приказанію. Рѣчь свою прокуроръ палаты закончилъ такъ:

„Дѣла о желѣзнодорожныхъ происшествіяхъ и несчастіяхъ, столь обильныя въ наше время и возбуждающія, по самой своей сущности, большое общественное вниманіе, нерѣдко имѣютъ нѣкоторыя характерныя особенности едва ли благопріятныя для правосудія. Ихъ исходъ, а иногда и производство часто не вполнѣ удовлетворяютъ чувству справедливости и разумнымъ требованіямъ общественной пользы и личной безопасности. Подобно тому, какъ бываютъ дѣла, такъ сказать, неуловимой преступности, скользящей по рубежу гражданскаго и уголовнаго права, желѣзнодорожныя дѣла можно назвать дѣлами неуловимой отвѣтственности; обыкновенно въ дѣлахъ этихъ обстоятельства такъ складываются, а спеціальная техника своими усложненіями такъ затрудняетъ судебное разысканіе истины, что хотя въ отдѣльномъ случаѣ несчастіе, положимъ, и совершилось, люди погибли или изувѣчены, семьи повергнуты въ горе или нищету, но виновниковъ, по крайней мѣрѣ, въ человѣческомъ образѣ, не оказывается. Вмѣсто нихъ выставляются естественныя или случайныя и потому неизбѣжныя и безотвѣтственныя причины несчастія. Дождь, размывшій насыпь, такъ называемый „больной“ рельсъ, нежданно изломившійся, гнилая шпала, злосчастно очутившаяся одна среди здоровыхъ, съ кого-жъ тутъ взыскивать, кого наказывать? Остается, выражаясь языкомъ стараго судопроизводства,—„предать дѣло волѣ Божіей“, если только не искать причинъ поглубже, не относиться къ объясненіямъ заинтересованной стороны построже... Тогда, пожалуй, и трудно будетъ упустить изъ виду, что вѣдь кто же

нибудь дорогу стронулъ, движеніемъ управлялъ, за тѣмъ и за другимъ обязательное наблюденіе имѣлъ. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ, получая съ государства и общества огромныя деньги за эксплуатацію желѣзнодорожныхъ путей, дѣлать изъ нихъ какія-то рискованныя скачки съ препятствіями, съ легкимъ сердцемъ допускать гибель или калѣченіе пассажировъ и затѣмъ все безнаказанно сваливать на погоду или всемогущій, всегда благопріятствующій инженерамъ, случай. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда личная отвѣтственность кого-либо изъ служащихъ слишкомъ очевидна и не подлежитъ сомнѣнію. На выручку и здѣсь приходятъ техническія комбинаціи и компликаціи. Отвѣтственность незамѣтно, какъ бы сама собою перемѣщается сверху внизъ, отъ наблюдателей и распорядителей къ простымъ второстепеннымъ исполнителямъ. Суду говорятъ: ищите тамъ, внизу, ближе къ происшествіямъ, у непосредственнаго его источника, карайте руки, а головы не трогайте. Да и какъ же, впрочемъ, иначе? Правительственный инспекторъ только вообще надзираетъ за дорогой, члены правленія только завѣдуютъ ея хозяйственною частью, управляющій дорогой только объединяетъ и направляетъ всѣ отдѣльныя ея службы, никто изъ нихъ на мѣстѣ крушенія не былъ, паровозомъ не управлялъ, сигналовъ не подавалъ, стрѣлокъ не переводилъ, поѣзда не отпускалъ. Кто же виноватъ? Конечно машинистъ, кондукторъ, стрѣлочникъ, въ рѣдкихъ случаяхъ начальникъ станціи, въ рѣдчайшихъ—начальникъ тяги или движенія. И вотъ, если ужъ суду непремѣнно нужны козлища отпущенія, маленькіе люди идутъ къ отвѣту, а большіе отдѣлываются подъ самыми разнообразными и всегда искусными предлогами. Но справедливость и общественная совѣсть возмущаются и, не довольствуясь колесами, берутся за приводы, пружины и рычаги. Я полагаю, что такія особенности желѣзнодорожныхъ дѣлъ вовсе не желательны и не сочувственны для правосудія, и взглядъ свой по этому предмету предлагаю на усмотрѣніе палаты, вмѣстѣ съ судьбой обвиненія по настоящему дѣлу. Въ указанномъ мною смыслѣ обвиненіе это весьма рельефно, а конечная судьба его будетъ крайне поучительна. Если въ другихъ дѣлахъ желѣзно-

дорожные начальники могутъ не безъ успѣха оправдываться своею отдаленностью, отсутствіемъ причинной связи между ихъ распоряженіями, съ одной стороны, и катастрофою, съ другой, то инженеръ, д. ст. сов. Кислаковскій, хотя и предсѣдатель правленія, ничѣмъ подобнымъ отговариваться не можетъ. Онъ былъ на мѣстѣ первенствующимъ распорядителемъ въ злополучномъ поѣздѣ, который онъ, забывъ о всякихъ правилахъ, погонялъ, какъ погоняютъ послушныхъ рысаковъ и тѣмъ вызвалъ непомѣрно скорую ѣзду, обусловившую крушеніе, а съ нимъ смерть, увѣчья и поврежденія подчиненныхъ г. Кислаковскаго. Я нахожу, что если онъ умѣлъ и могъ приказывать, то теперь долженъ и отвѣчать за послѣдствія своихъ приказаній. Въ лицѣ предсѣдателя правленія общества Орловско-Грязской желѣзной дороги судебной палатѣ предстоитъ, по моему мнѣнію, рѣшить не только прямой и важный вопросъ о его виновности, но еще и косвенный и общій весьма знаменательный и важный вопросъ о томъ, всегда ли желѣзнодорожное начальство должно быть свободно отъ отвѣтственности за желѣзнодорожныя несчастія. Я же признаю г. Кислаковскаго виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2 ч. 1085 ст. улож. наказ., и полагалъ бы подвергнуть его за это въ отмѣну оправдательнаго приговора Елецкаго окружного суда заключенію въ тюрьмѣ по 3 ст. 38 ст. улож. наказ. въ средней мѣрѣ".

Повѣренный гражданскаго истца поддерживалъ искъ. Защитникъ г. Кислаковскаго въ своей рѣчи доказывалъ, что скорость движенія поѣзда не была выше предѣльной, ускореніе хода поѣзда отъ станціи Донъ сдѣлано было по желанію Кислаковскаго, но не превысило назначенныхъ границъ и при этомъ г. Кислаковскій не можетъ быть отвѣтственнымъ особенно потому, что не онъ велъ и обязанъ былъ слѣдить за соблюденіемъ правилъ, а „его везли" и поэтому находилъ, что обвиненіе г. Кислаковскаго будетъ несправедливо.

Судебная палата утвердила приговоръ Елецкаго окружного суда, оставивъ безъ уваженія протестъ прокурора и гражданскаго истца.

ИЗЪ КАССАЦІОННЫХЪ ЗАКЛЮЧЕНІЙ.

I

Дѣло редакторовъ газетъ „Düna-Zeitung“ Пипирса и „Рижскій Вѣстникъ“ Витвицкаго.

Засѣданіе уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 3 марта 1892 г. Первоприсутствующій сенаторъ И. И. Розингъ; заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ Н. В. Муравьевъ.

Въ № 156, отъ 13 іюля 1889 года, издающейся въ Ригѣ подъ редакціей Густава Пипирса газеты „Duna-Zeitung“ была напечатана замѣтка „Наши балты“, въ которой сообщалось, что три рижскихъ жителя нотаріусъ Тунцельманъ, адвокатъ Тонагель и докторъ Галицкій, будучи въ Парижѣ, „завтракали въ ресторанѣ Маргери, на бульварѣ Бонъ-Нувель Съ ними были четыре кокотки... Наши балты — говорилось въ замѣткѣ — были пьяны какъ стелькн (wie die Igel—буквально „какъ ежи“). Они пили за здоровье лицъ, уволенныхъ отъ службы русскимъ правительствомъ въ Остзейскомъ краѣ; хорошенько обругали русскихъ и въ заключеніе провозгласили Hoch за князя Бисмарка“. Возмущенные этимъ, присутствующіе французы запротестовали и дѣло кончилось тѣмъ, что „наши балты получили изрядное количество пощечинъ и безъ церемоніи были выброшены изъ ресторана“. Этотъ разсказъ газеты „Düna-Zeitung“ немедленно нашелъ отголосокъ въ другой газетѣ „Рижскій Вѣстникъ“, издаваемой Леонидомъ Витвицкимъ: въ № отъ 14 іюля въ передовой статьѣ было повторено сообщеніе.—„Французы, говорилось въ газетѣ, позабывъ французскую любезность, помяли имъ изрядно прически, воротнички и бока, а затѣмъ выбросили ихъ на улицу при хохотѣ этихъ дамъ“...

По жалобѣ гг. Тунцельмана, Тонагеля и Галицкаго, редакторы Пипирсъ и Витвицкій привлечены были къ суду первый по обвиненію въ *клеветѣ въ печати*, по 1535 статьѣ, и оскорбленіи въ печати, по 1040 статьѣ уложенія, а второй по обвиненію въ *диффамаціи*, по 1039 статьѣ уложенія. Разсмотрѣвъ это дѣло и принявъ во вниманіе обнаруженную произведеннымъ въ Парижѣ дознаніемъ ложность всего разсказа, Рижскій окружный судъ призналъ обоихъ подсудимыхъ виновными: Пипирса—по 1535 статьѣ уложенія (по 1040 оправдалъ) и приговорилъ къ тюремному заключенію на одинъ мѣсяцъ, а Витвицкаго—по 1039 и приговорилъ къ штрафу въ 100 рублей. На этотъ приговоръ обѣ стороны принесли апелляціонные отзывы въ С.-Петербургскую судебную палату. Пипирсъ и Витвицкій (первый съ возстановленіемъ пропущеннаго

срока) ходатайствовали о признаніи ихъ невиновными за отсутствіемъ въ ихъ дѣяніяхъ признаковъ какъ клеветы, такъ и диффамаціи, частные обвинители, наоборотъ, ходатайствовали, во-первыхъ, о признаніи Пиприса виновнымъ также и по 1040 статьѣ уложенія, и, во-вторыхъ, о назначеніи обоимъ подсудимымъ наказанія въ высшемъ размѣрѣ, а не въ низшемъ, какъ то сдѣлалъ окружный судъ. Петербургская судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло въ апелляціонномъ порядкѣ, не нашла состава клеветы въ дѣяніи Пиприса, равнымъ образомъ не нашла возможнымъ подвергнуть его отвѣтственности по 1040 статьѣ уложенія, какъ редактора подцензурнаго изданія (въ силу правилъ о цензурѣ и 1024—1026 статей уложенія), вслѣдствіе чего приговоромъ 18 января 1891 года опредѣлила: Пиприса считать по суду оправданнымъ, а Витвицкаго, на основаніи 1039 статьи уложенія, подвергнуть опредѣленному приговоромъ Рижскаго окружного суда наказанію.

Такой приговоръ судебной палаты, основанный ею на соображеніи о томъ, что въ сообщеніи „Duna-Zeitung“ не заключалось свѣдѣній *о фактахъ, позорныхъ для чести* тѣхъ лицъ, о которыхъ факты сіи были разглашены, вызвалъ кассаціонную жалобу со стороны частныхъ обвинителей. Повѣренный ихъ, присяжный повѣренный Ливенъ, принесъ кассаціонную жалобу въ правительствующій сенатъ, въ которой, независимо отъ указанія на нѣкоторыя, по его мнѣнію, нарушенія процессуальнаго свойства, а также на отсутствіе въ приговорѣ палаты основаній къ примѣненію наказанія въ низшей мѣрѣ, остановился на вопросѣ о понятіи *фактовъ, позорныхъ для чести*, въ примѣненіи къ данному случаю, доказывая, что въ немъ заключаются всѣ признаки наказуемой клеветы.

Заключеніе оберъ-прокурора:

Изъ кассаціонныхъ поводовъ, приводимыхъ повѣреннымъ частныхъ обвинителей, одинъ относится только къ подсудимому Витвицкому и заключается въ нарушеніи судебною палатою, по мнѣнію кассатора, ст. 134 улож. неуказаніемъ въ приговорѣ того изъ ея пунктовъ, на основаніи котораго палата опредѣлила Витвицкому наказаніе въ низшей мѣрѣ. Въ дѣйствительности же такого нарушенія не оказывается, потому что, съ одной стороны, палата, какъ видно изъ ея приговора, раздѣляла соображенія окружного суда о назначеніи Витвицкому рода и мѣры наказанія, а съ другой — признаніе уменьшающихъ вину обстоятельствъ, какъ относящееся до фактической области или существа дѣла, за силою ст. 5 учр. суд. уст. и по неоднократнымъ разъясненіямъ правит. сената, не подлежитъ кассаціонной повѣркѣ. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ вполнѣ примѣнима и ст. 41 улож. наказ., по которой денежное взысканіе, указанное въ ст. 1039 улож. въ одной лишь высшей мѣрѣ, можетъ быть смягчаемо по усмотрѣнію суда.

Не составляетъ также нарушенія статьи 630 уст. угол. суд. относящійся уже къ подсудимому Пипирсу отказъ палаты въ ходатайствѣ частнаго обвинителя о разрѣшеніи ему ссылаться на представленныя имъ различныя статьи газеты „Duna-Zeitung"; статьи эти палата признала не относящимися къ дѣлу и потому не подлежащими принятію въ число доказательствъ. Такое заключеніе палаты, касающееся вопроса, всецѣло предоставленнаго закономъ и практикой сената (рѣш. 1868 № 115; 1871 № 1389; 1877 № 59 и друг.) вѣдѣнію суда, разрѣшающаго дѣла по существу, находится внѣ кассаціоннаго разсмотрѣнія.

Третье нарушеніе, указываемое кассаторомъ, состоитъ въ неправильномъ, по его мнѣнію, возстановленіи г. Пипирсу Рижскимъ окружнымъ судомъ срока апелляціоннаго обжалованія, что не было исправлено и судебною палатою, которая оставила безъ послѣдствій ходатайство кассатора объ оставленіи апелляціоннаго отзыва Пипирса безъ разсмотрѣнія за пропускомъ срока на обжалованіе. Хотя по разъясненію сената въ рѣш. 1870 № 1079 самыя основанія возстановленія апелляціоннаго срока не подлежатъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ, но, въ виду рѣшенія сената 1881 № 37 по дѣлу Дмитріева, о таковомъ возстановленіи должно быть во всякомъ случаѣ объявлено противной сторонѣ, чего по настоящему дѣлу окружнымъ судомъ исполнено не было. Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть нарушенія ст. 868 уст. угол. суд., такъ какъ подобное необъявленіе могло лишить обвинителя возможности воспользоваться правами, предоставленными ему: ст. 871 уст. угол. суд.—на полученіе копіи отзыва, и ст. 872 уст. угол. суд.—на представленіе своихъ на него объясненій. Затѣмъ, такъ какъ по прежней, нынѣ только-что измѣненной редакціи ст. 879 уст. угол. суд. стороны въ палату не вызывались, то обвинитель, не извѣщенный о возстановленіи апелляціоннаго срока его противнику, могъ считать приговоръ окружного суда, за пропускомъ этого срока, вступившимъ въ законную силу и потому уже не слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. Но тѣмъ не менѣе нарушеніе это не представляется существеннымъ: изъ дѣла видно,

что оно не имѣло своимъ послѣдствіемъ какого-либо дѣйствительнаго стѣсненія правъ или ухудшенія положенія обвинителей, которые вполнѣ воспользовались правомъ защиты своего дѣла въ апелляціонной инстанціи и перенесенія его въ правительствующій сенатъ.

Остается, наконецъ, четвертый и послѣдній поводъ къ кассаціи—неправильное толкованіе палатою ст. 1535 улож., вслѣдствіе чего, по заявленію кассатора, палата и не нашла въ установленномъ ею дѣяніи Пипирса признаковъ преступленія, этою статьею предусмотрѣннаго. Какъ усматривается изъ дѣла и приговора палаты, Пипирсъ помѣстилъ въ редактируемой имъ газетѣ извѣстіе о томъ, что лѣтомъ 1889 года въ Парижѣ, въ ресторанѣ Маргери, потерпѣвшіе: 1) завтракали въ обществѣ „четырехъ кокотокъ“, 2) были при этомъ „пьяны какъ стельки“ (въ нѣмецкомъ оригиналѣ „какъ ежи“, „wie die Igel“), 3) „хорошенько обругали русскихъ“, пили за здоровье „балтійскаго мученика“ Бюнгнера и провозгласили „Hoch“ князю Бисмарку и 4) за что отъ возмущенныхъ этимъ русскихъ и французовъ „получили изрядное количество пощечинъ и были выброшены изъ ресторана“. Тѣмъ же приговоромъ признана какъ фактическая ложность этого извѣстія, такъ и то, что, помѣщая его въ своей газетѣ, г. Пипирсъ не былъ и не могъ быть хотя бы даже ошибочно убѣжденъ въ его справедливости.

Такимъ образомъ, вопросъ о наличности въ инкриминируемой статьѣ клеветы сводится лишь къ выясненію того, содержала ли эта статья въ себѣ взведеніе на потерпѣвшихъ дѣянія позорнаго или противнаго правиламъ чести. Вопросъ этотъ разрѣшенъ палатою отрицательно: она не признала въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Наши балты“ ни обвиненія въ опредѣленномъ *дѣяніи*, ни *позорнаго* характера фактовъ, приписанныхъ потерпѣвшимъ. Съ такимъ выводомъ палаты и съ разсужденіями, на которыхъ онъ основанъ, согласиться, однакоже, невозможно: какъ то, такъ и другое противорѣчитъ общепринятому значенію выраженій, употребленныхъ въ корреспонденціи, и всему истинному смыслу приведенныхъ въ ней ложныхъ свѣдѣній,

во всякомъ отношеніи—юридическомъ, нравственномъ и общественномъ. Палата находитъ, что „быть въ обществѣ кокотокъ“ не значитъ еще свершить „дѣяніе“, и что во всякомъ случаѣ обстоятельство это, хотя и можетъ быть „въ извѣстныхъ случаяхъ непристойнымъ“, не равносильно съ понятіемъ безчестнаго или позорнаго. Едва ли нужно доказывать всю несостоятельность этого черезчуръ ужъ субъективнаго и совершенно произвольнаго мнѣнія. Заявленіе о томъ, что семейные люди, каковыми, по ихъ утвержденію, являются потерпѣвшіе, въ публичномъ мѣстѣ завтракали вмѣстѣ съ приглашенными женщинами легкаго поведенія, есть прямое указаніе на такой поступокъ, который съ какой угодно точки зрѣнія несомнѣнно омрачаетъ честь и доброе имя, что̀ уже и было признано въ аналогичныхъ случаяхъ прав. сенатомъ въ рѣшеніяхъ 1872, № 58 Новоселова и 1873, № 152 Шпекера. Далѣе, не менѣе неосновательно примѣненіе палатою того же соображенія къ словамъ о томъ, что потерпѣвшіе „были пьяны какъ стельки“. Выраженіе это составляетъ точный переводъ равнозначущаго нѣмецкаго—„пьяны какъ ежи“, wie die Igel—и, вопреки мнѣнію палаты о неопредѣленности будто бы на русскомъ языкѣ подобнаго сравненія, совершенно ясно обозначаетъ собою крайнюю степень опьяненія, что̀, будучи проявлено также въ публичномъ мѣстѣ, у всѣхъ воспитанныхъ и порядочныхъ людей и на всѣхъ языкахъ образованнаго міра признается фактомъ, вредящимъ если не чести, то по меньшей мѣрѣ репутаціи или доброму имени субъекта, будто бы дозволившаго себѣ такое поведеніе. Затѣмъ, не выдерживаетъ самой снисходительной критики мысль палаты о томъ, что выраженіе „обругали русскихъ“ или вообще произнесеніе оскорбительнаго отзыва о русскихъ не составляетъ позорящаго дѣянія, какъ по неопредѣленности этого отзыва, не относящагося къ одному или нѣсколькимъ извѣстнымъ лицамъ, такъ и потому, что, по мнѣнію палаты, „никто не лишенъ права имѣть свои взгляды и сужденія о другихъ лицахъ“ и, кромѣ того, „принадлежность къ одному подданству не налагаетъ обязанности отзываться о своихъ соотечественникахъ лишь въ благопріятномъ для послѣднихъ смыслѣ“. Не

говоря уже о чрезвычайной растяжимости этого заключенія, могущей довести терпимость къ публично высказаннымъ анти-національнымъ отзывамъ до вредной крайности,—сужденія, приписанныя потерпѣвшимъ, нужно брать въ связи съ произнесенными, будто бы, при этомъ тостами и вообще въ той самой обстановкѣ, при которой все это имѣло мѣсто; тогда и оцѣнка имъ, конечно, послѣдуетъ иная. Въ самомъ дѣлѣ, будучи русскимъ по подданству и принадлежности къ великой отечественной семьѣ, объявить въ рѣзкой формѣ, во всеуслышаніе, за границей, среди дружественныхъ иностранцевъ, свою непріязнь къ коренному населенію Россіи и при этомъ съ явною тенденціозностью провозглашать здоровье двухъ лицъ, изъ которыхъ одно, какъ это извѣстно, было уволено отъ общественной службы за дѣятельность, несогласную съ видами правительства, а другое въ сознаніи многихъ считалось или считается (безразлично, вѣрно это или нѣтъ) за крупнаго антагониста русскаго государственнаго могущества—что можетъ быть не патріотичнѣе подобнаго поступка, а чѣмъ, какъ не позорнымъ и безчестнымъ является всякій непатріотическій поступокъ со стороны лицъ, обязанныхъ безусловнымъ уваженіемъ къ своей родинѣ, ея народу и государственнымъ порядкамъ? И если потерпѣвшіе, справедливо желающіе считать себя русскими, разъ они подданные русской державы, въ негодованіи за ложное взведеніе на нихъ столь тяжкаго обвиненія въ не-русскомъ образѣ мыслей и сужденій, просятъ у суда возстановленія своей національной чести, то трудно, при законномъ равенствѣ суда для всѣхъ, отказать въ юридической правотѣ такого ихъ ходатайства.

Наконецъ, не нуждается въ пространномъ опроверженіи и видимо несостоятельный выводъ приговора по дѣлу Пипирса о томъ, что ложное газетное повѣствованіе по поводу избіенія потерпѣвшихъ съ изгнаніемъ ихъ изъ ресторана не составляетъ клеветы, такъ какъ не приписываетъ собственно имъ никакого безчестнаго „дѣянія“.

Подобное толкованіе понятія о дѣяніи, какъ существенномъ признакѣ клеветы, было бы лишь игрою словъ и не можетъ

быть допущено. Для наличности этого преступленія въ какомъ-либо сообщеніи вовсе не нужно указанія въ немъ непремѣнно на дѣяніе, совершенное самимъ потерпѣвшимъ въ узкомъ смыслѣ; достаточно, чтобы дѣяніе было совершено *надъ* нимъ, если только оно его позоритъ Яркимъ тому примѣромъ служитъ именно послѣдняя часть сообщенія о потерпѣвшихъ въ газетѣ Пипирса: при сколько-нибудь развитомъ чувствѣ чести полученіе пощечинъ является обстоятельствомъ постыднѣйшаго свойства и глубоко унижаетъ личное достоинство. Заявленіе объ этомъ, впрочемъ, косвенно обнимаетъ и „дѣяніе“ въ томъ смыслѣ, которое желаетъ придавать ему судебная палата, такъ какъ здѣсь же всегда предполагаются и извѣстные, болѣе или менѣе неблаговидные, поступки или дѣянія самого пострадавшаго, за которыми послѣдовала расправа. Думаю, что законъ и судъ, слѣдуя въ этомъ отношеніи основнымъ представленіямъ развитого общежитія о честномъ и безчестномъ, не могутъ не видѣть въ данномъ случаѣ клеветническаго, а слѣдовательно и наказуемаго заявленія, въ согласіи при томъ и съ разъясненіемъ сената, который еще въ рѣшеніи 1873 г. № 553, по дѣлу Каморскаго, призналъ клеветою завѣдомо ложное сообщеніе о полученіи потерпѣвшимъ удара по лицу.

Отсюда, въ противность взглядамъ и выводамъ Петербургской судебной палаты, слѣдуетъ, что въ фактическихъ данныхъ, установленныхъ въ ея приговорѣ отъ 18 января 1891 г. по поводу статьи „Наши балты“, напечатанной въ № 156 отъ 13 іюня 1889 газеты „Düna-Zeitung“, оказываются всѣ признаки клеветы, предусмотрѣнной ст. 1535 улож., почему и приговоръ этотъ, основанный на отрицаніи этихъ признаковъ, не можетъ быть оставленъ въ силѣ судебнаго рѣшенія.

Этимъ заключеніемъ устраняется значеніе еще одного нарушенія, допущеннаго при производствѣ настоящаго дѣла и хотя и не указаннаго въ кассаціонной жалобѣ, но такого, что оно можетъ быть констатировано сенатомъ даже въ порядкѣ надзора. Я говорю о томъ, что окружный судъ и судебная палата соединили въ одномъ производствѣ и одномъ приговорѣ два совершенно различныя дѣла, имѣющія, правда, одного и

того же потерпѣвшаго и жалобщика, но разные юридическіе предметы обвиненія и разныя обвиненія, а именно: обвиненія редактора „Düna-Zeitung“ Пипирса—въ оклеветаніи по ст. 1535 ул. и редактора „Рижскаго Вѣстника“ Витвицкаго—въ диффамаціи по ст. 1039 улож. Я признаю это соединеніе неправильнымъ, такъ какъ за силою ст. 205 и 207 уст. угол. суд. законнымъ основаніемъ для соединенія дѣлъ и совмѣстнаго ихъ разсмотрѣнія и разрѣшенія можетъ послужить отнюдь не общность потерпѣвшаго, а единственно общность преступленій или обвиненій, т.-е. *совокупность* и *соучастіе*, чего въ данномъ случаѣ вовсе не было. Но это нарушеніе само собою исправится, если прав. сенату угодно будетъ раздѣлить по настоящему дѣлу мое мнѣніе. Я же полагалъ бы, оставивъ кассаціонную жалобу повѣреннаго обвинителей въ отношеніи редактора „Рижскаго Вѣстника“ Витвицкаго безъ послѣдствій, на основаніи 1 п. ст. 912, 928 и 929 уст. угол. суд., приговоръ Петербургской судебной палаты по отношенію къ редактору „Düna-Zeitung“ Пипирсу, за неправильнымъ толкованіемъ ст. 1535 улож. наказ., отмѣнить и дѣло передать въ ту же судебную палату для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія.

Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: приговоръ С.-Петербургской судебной палаты, за неправильнымъ толкованіемъ ст. 1535 улож. наказ., отмѣнить и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ другой департаментъ той же судебной палаты.

II.

Дѣло купца Генриха Андерсона.

Засѣданіе уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 12 мая 1892 г. Первоприсутствующій сенаторъ И. И. Розингъ; заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ Н. В. Муравьевъ, защищалъ прис. повѣр. Мироновъ.

18-го марта 1892 г. С.-Петербургскій столичный съѣздъ мировыхъ судей утвердилъ приговоръ столичнаго мирового судьи 18 участка, присудившаго купца Генриха Андерсона къ аресту въ тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ по ст. 115¹ уст. наказ., за подмѣсь къ маргарину натуральнаго коровьяго масла и продажу этой смѣси подъ видомъ „русскаго масла".

На этотъ приговоръ съѣзда защитникъ Андерсона принесъ правительствующему сенату кассаціонную жалобу, въ которой, указывая на отсутствіе въ дѣяніи Андерсона признаковъ наказуемости и на нарушеніе съѣздомъ мировыхъ судей закона 8-го апрѣля 1891 г. и ст. 115¹ уст. наказ., просилъ упомянутый приговоръ съѣзда отмѣнить со всѣми послѣдствіями.

Заключеніе оберъ-прокурора:

Ходатайствуя объ отмѣнѣ обвинительнаго приговора Петербургскаго столичнаго съѣзда мировыхъ судей по настоящему дѣлу, повѣренный купца Андерсона указываетъ однимъ изъ кассаціонныхъ поводовъ неправильное, будто бы, возбужденіе этого дѣла полиціей, тогда какъ оно, по мнѣнію защиты, въ силу закона 8-го апрѣля 1891 года, могло быть возбуждено только чинами министерства финансовъ или по его распоряженію. Это указаніе лишено законной почвы. Въ ст. 3 и 9 названнаго закона на вѣдомство министерства финансовъ дѣйствительно возлагается надзоръ за содержаніемъ заведеній, вырабатывающихъ маргаринъ и искусственное масло, а равно и преподаніе правилъ и инструкцій, опредѣляющихъ ближайшимъ образомъ какъ самое маргариновое производство, такъ и поря-

докъ наблюденія за нимъ. Въ объемъ подобнаго техническаго надзора можетъ, конечно, входить и сообщеніе надлежащей власти о замѣченныхъ отступленіяхъ отъ закона, регулирующаго маргариновую промышленность, но это отнюдь не исключаетъ и не ограничиваетъ общихъ полномочій полиціи возбуждать у мировыхъ судей, на основ. 2 п. ст. 42 и ст. 49 уст. угол. суд., дѣла о всѣхъ обнаруженныхъ ею, въ кругѣ ея вѣдѣнія, проступкахъ, преслѣдуемыхъ помимо частной жалобы, въ томъ числѣ и о наказуемыхъ нарушеніяхъ закона 8-го апрѣля 1891 года. Никакого изъятія въ этомъ отношеніи въ немъ не сдѣлано, и законъ этотъ, вовсе не упоминая о способѣ и формѣ преслѣдованія предусмотрѣнныхъ имъ проступковъ, очевидно, оставляетъ неизмѣннымъ общій порядокъ ихъ раскрытія. А такъ какъ проступки эти по ихъ характеру и мѣсту, занимаемому въ уголовномъ законодательствѣ, принадлежатъ къ категоріи направленныхъ противъ общественнаго благоустройства и въ частности противъ народнаго здравія (гл. IX устава о наказ., нал. мир. суд., ст. 115[1]), то главнымъ и нормальнымъ органомъ ихъ обнаруженія и преслѣдованія является именно полиція при помощи своихъ санитарныхъ сотрудниковъ въ лицѣ врачей. Такой выводъ подтверждается и ст. 1224 уст. угол. суд., съ которою вполнѣ согласуется порядокъ составленія протокола 6-го февраля 1892 года начальникомъ сыскной полиціи, при участіи двухъ полицейскихъ врачей, о всемъ оказавшемся на маргариновомъ заводѣ г. Андерсона. Соображенія его повѣреннаго о непримѣнимости этого порядка въ данномъ случаѣ, гдѣ не было рѣчи о вредности фабрикуемаго на заводѣ искусственнаго масла, опровергаются прямымъ текстомъ закона. Сколько бы ни доказывали защитники маргариноваго производства санитарную доброкачественность своего продукта, не совсѣмъ еще опороченнаго почему-то колеблющеюся по поводу его наукою, законъ нашъ, въ ст. 115[1] уст. наказ., трактуетъ нарушеніе постановленныхъ имъ правилъ о маргаринѣ все-таки какъ проступокъ противъ *народнаго здравія*, чѣмъ и намѣчаетъ единственно вѣрную въ настоящемъ дѣлѣ точку зрѣнія. Она объясняетъ его публичную и бытовую важность, рельефно про-

явившуюся, между прочимъ, и въ томъ, что дѣло это было совершенно правильно возбуждено по распоряженію высшаго административнаго начальства столицы, основанному на энергическихъ разоблаченіяхъ періодической печати.

Нѣсколько серьезнѣе обставлены, съ внѣшней, впрочемъ, только стороны, другіе кассаціонные доводы защиты г. Андерсона, сводящіеся къ отсутствію въ его дѣяніи, въ томъ видѣ, какъ оно установлено приговоромъ съѣзда, признаковъ проступка, предусмотрѣннаго ст. 115[1] уст. наказ., и вообще къ невозможности подвергать его уголовной отвѣтственности по закону 8-го апрѣля 1891 года. Аргументація кассатора выставляетъ слѣдующія два положенія: 1) по опредѣленію закона искусственное или маргариновое масло есть маргаринъ, обработанный опредѣленнымъ способомъ посредствомъ даннаго количества сливокъ или молока. При этой обработкѣ, — продолжаетъ кассаторъ уже отъ себя,—сливки или молоко неминуемо обращаются въ масло и могутъ быть физически примѣшаны къ маргарину не иначе, какъ сбитыми и сгущенными, т.-е. въ видѣ масла. Поэтому можно, будто бы, и прямо прибавлять къ маргарину коровье масло, приготовленное уже заранѣе, что̀ г. Андерсонъ и дѣлалъ, отнюдь не нарушая этимъ, по мнѣнію защиты, установленныхъ правилъ производства маргариноваго масла; 2) содержащееся въ законѣ запрещеніе смѣшивать маргаринъ съ коровьимъ масломъ, не укладывающееся въ приведенное выше первое положеніе, кассаторъ относитъ не къ маргариновымъ заводамъ и, слѣдовательно, не къ Андерсону, а лишь къ мѣстамъ производства и продажи масла натуральнаго.

Все это разсужденіе, однакожъ, построено въ сущности на искусственной перестановкѣ словъ и понятій, употребляемыхъ въ законѣ о маргариновомъ производствѣ, и на предположеніи о технической неясности этого послѣдняго для суда, не нашедшаго нужнымъ обратиться къ экспертизѣ. Но съ помощью законодательныхъ мотивовъ къ закону 8-го апрѣля 1891 года и нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ фактовъ изъ области его происхожденія, не трудно разсѣять сомнѣнія и уничтожить препятствія, которыми стараются окружить и обусловить его дѣйствіе.

Освобожденный отъ парадоксальныхъ примѣсей, истинный смыслъ новаго карательнаго постановленія открывается съ полнѣйшею ясностью даже безъ содѣйствія спеціальныхъ знаній по маргариновой техникѣ.

Какъ извѣстно правительствующему сенату, появленіе въ торговомъ оборотѣ новаго продукта подъ названіемъ „маргаринъ“ или „олео-маргаринъ“ относится къ шестидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія, когда могущій считаться его изобрѣтателемъ французскій химикъ Межъ-Мурье нашелъ способъ очищать животное сало отъ заключающагося въ немъ стеарина и затѣмъ обрабатывать получаемый жиръ, посредствомъ молочныхъ веществъ, въ нѣкоторый суррогатъ коровьяго масла. По характерной превратности судьбы многихъ человѣческихъ открытій, первоначально въ основу новаго открытія легла мысль скорѣе филантропическая, нежели промышленная. Межъ-Мурье хотѣлъ дать бѣднымъ людямъ въ своемъ олео-маргаринѣ дешевую и безвредную замѣну недоступнаго имъ по цѣнѣ натуральнаго масла; отсюда и первоначальное громкое наименованіе маргарина „масломъ для бѣдныхъ“, beurre des pauvres. Но эта изобрѣтательская идеализація продолжалась весьма недолго и новымъ продуктомъ быстро овладѣла промышленная спекуляція, глубоко извратившая его полезное назначеніе: изъ филантропическаго предмета потребленія онъ сдѣлался предметомъ наживы, орудіемъ фальсификаціи, со всѣми ея неизбѣжными аттрибутами, отъ явной вредоносности или, по меньшей мѣрѣ, сомнительной безвредности для человѣческаго организма до многоразличныхъ проявленій торговаго обмана включительно. Главной же причиной подобной метаморфозы была легкость выдавать маргариновыя издѣлія за натуральные молочные продукты, способность маргарина принимать при обработкѣ наружный видъ и признаки коровьяго масла, вообще такія свойства пресловутаго „масла для бѣдныхъ“, которыя дали поводъ при обсужденіи въ германскомъ рейхстагѣ мѣръ противъ распространенія маргарина назвать его „Fälschungsprodukt an und für sich“, т.-е. такимъ продуктомъ, въ которомъ, по самой его природѣ, уже коренятся задатки фальсификаціи или обмана. Оказалось также,

что эта способность маргарина успѣшно симулировать натуральное масло и тѣмъ вводить въ заблужденіе потребителей придается ему именно примѣсью коровьяго масла, при которой онъ и получаетъ цвѣтъ, запахъ и другіе внѣшніе признаки послѣдняго. Вотъ почему, когда, въ виду увеличивающагося злоупотребленія маргариномъ и крупнаго ущерба, наносимаго имъ молочному хозяйству, всѣ европейскія законодательства, одно за другимъ, вооружились на борьбу съ этою новою формой пищевой поддѣлки, то заботы ихъ были направлены прежде всего на запрещеніе тѣхъ пріемовъ, которые могутъ способствовать пользованію маргариномъ, какъ орудіемъ фальсификаціи, и въ ряду ихъ, на первомъ мѣстѣ — всякой смѣси его съ настоящимъ масломъ. Таковы постановленія § 1 французскаго и § 2 германскаго законовъ 1887 г., § 2 датскаго закона 1-го мая 1888 г., таково же и правило, выраженное въ ст. 3 нашего закона 8-го апрѣля 1891 г., которою безусловно воспрещается не только окрашивать маргаринъ или искусственное масло подъ цвѣтъ коровьяго, но и смѣшивать маргариновые продукты съ коровьимъ масломъ, съ цѣлью продажи такихъ смѣсей, т.-е. дѣлать именно то, что, какъ признано столичнымъ съѣздомъ, дѣлалъ г. Андерсонъ на своемъ заводѣ. Мысль, внушившая законодателю это правило, раскрываясь изъ его мотивовъ, категорически опровергаетъ всѣ соображенія и выводы кассатора. Въ привилегіи, выданной изъ департамента торговли и мануфактуръ 16-го мая 1874 г. французскому подданному Морису Мариксу и въ представленіи министерства государственныхъ имуществъ въ государственный совѣтъ 28-го ноября 1890 г. съ проектомъ закона о маргаринѣ помѣщены подробныя описанія позволеннаго у насъ приготовленія изъ него искусственнаго масла по способу Межъ-Мурье. Изъ описаній этихъ видно, что въ процедурѣ допускаемаго производства участвуютъ сливки или молоко и родъ пепсина, добываемаго изъ сосцовыхъ железъ коровы, но никакъ не коровье масло, рѣшительно отсюда исключаемое. Происходитъ извѣстный процесъ, въ которомъ если сливки или молоко и становятся масломъ, то не иначе, какъ въ неразрывномъ химическомъ и физическомъ соединеніи съ марга-

риновымъ жиромъ, что вовсе не тождественно съ присоединеніемъ къ нему уже готоваго коровьяго масла. Въ первомъ случаѣ получается продуктъ, вовсе съ нимъ не схожій, а во второмъ оно, такъ сказать, прикрываетъ собою маргаринъ, что и заставляетъ законодателя вовсе изъять его изъ правильнаго и разрѣшаемаго производства маргариноваго масла. Установленію этого послѣдняго требованія министерство государственныхъ имуществъ придавало даже особенно важное значеніе и усматривало въ немъ главную силу проектируемаго закона. Дѣйствительно, смѣшеніе масла съ маргариномъ, давая вещество, сходное съ первымъ изъ нихъ по внѣшности и даже по вкусу и отличающееся лишь по составу и питательнымъ свойствамъ, служитъ главнѣйшимъ средствомъ фальсификаціи настоящаго масла, которое получило у насъ значительное распространеніе и борьба съ которымъ и составляла цѣль выработанныхъ правилъ. Продаваясь нѣсколько дешевле натуральнаго масла, этотъ смѣшанный продуктъ подрываетъ его цѣну и сбытъ, и тѣмъ причиняетъ неисчислимый ущербъ молочной отрасли нашего сельскаго хозяйства; кромѣ того, онъ наноситъ вредъ и интересамъ недостаточныхъ потребителей, такъ какъ производители и продавцы смѣшаннаго масла, пользуясь трудностью точно опредѣлить, даже при помощи анализа, процентное отношеніе въ смѣси между масломъ и маргариномъ, склонны продавать эту смѣсь за продуктъ съ высокимъ процентнымъ содержаніемъ масла и взимать съ нихъ не только за отдѣльныя составныя части смѣси и расходы по смѣшенію, но еще и лишнюю, ничѣмъ не оправдываемую прибавку, чѣмъ и объясняется самая выгодность маргариноваго промысла. Эти соображенія, всесторонне развитыя въ министерской объяснительной запискѣ, какъ видно изъ журнала государственнаго совѣта, были всецѣло приняты законодателемъ и побудили его выдѣлить смѣшеніе маргарина съ коровьимъ масломъ изъ другихъ, менѣе важныхъ нарушеній правилъ о маргариновомъ производствѣ, въ особый проступокъ, предусмотрѣнный 1 ч. ст. 115^{1} уст. наказ., караемый, по усмотрѣнію суда, болѣе строгимъ наказаніемъ въ видѣ ареста. Законодатель принялъ здѣсь во вниманіе указанія практики о

томъ, что къ фальсификаціи, путемъ смѣшенія маргарина съ коровьимъ масломъ, прибѣгаютъ, на ряду съ мелкими торговцами, иногда весьма состоятельные промышленники, извлекающіе изъ этого злоупотребленія значительныя денежныя выгоды; для такихъ лицъ одно денежное взысканіе, положенное за другія нарушенія правилъ о маргаринѣ, было бы недостаточно чувствительнымъ. Насколько приведенныя соображенія жизненны и основательны—лучше всего показываетъ настоящее дѣло, при возбужденіи котораго на заводѣ г. Андерсона найдено, кромѣ изготовленной уже въ громадныхъ размѣрахъ смѣси маргарина съ масломъ, также до 500 пудовъ коровьяго масла, предназначеннаго для подмѣси къ маргарину, при чемъ владѣлецъ и управляющій заводомъ съ похвальной откровенностью признали, что эта подмѣсь нужна *„для приданія маргарину вкуса и запаха натуральнаго масла“*,—другими словами, именно для запрещенной закономъ фальсификаціи. Изъ сопоставленія приговора съѣзда съ доводами кассатора вытекаетъ еще и другое ихъ опроверженіе. Кассаторъ утверждаетъ, что по фактически существующимъ условіямъ заводскаго производства искусственнаго масла, оно получается посредствомъ примѣси къ маргарину: въ высшихъ сортахъ—сливокъ или молока, а въ низшихъ—съ цѣлью ихъ удешевленія—прямо молочныхъ продуктовъ уже въ сгущенномъ видѣ, т.-е. въ видѣ ранѣе сбитаго коровьяго масла. Но рядомъ съ этимъ, по заявленію того же кассатора, такъ какъ во всякомъ маргариновомъ маслѣ, вслѣдствіе процесса его сбиванія, и молоко, и сливки присутствуютъ уже въ сгущенномъ видѣ, какъ масло, то и химическое изслѣдованіе можетъ опредѣлить ихъ примѣсь къ маргарину также лишь въ формѣ извѣстнаго процента масла же. Между тѣмъ, изъ фактовъ, установленныхъ приговоромъ мирового судьи и съѣзда слѣдуетъ, что если, съ одной стороны, по заявленію заводской администраціи, къ такъ называемому *чухонскому* сорту маргариноваго масла примѣшивается до 16% сливокъ, а къ *русскому* сорту до 12% натуральнаго масла, то по анализу городской лабораторіи только въ этомъ послѣднемъ сортѣ и обнаружено и не 12, а до 17% коровьяго масла, въ чухонскомъ же, обработанномъ посредствомъ

сливокъ, натуральнаго масла не оказалось вовсе. Стало-быть, подмѣсь его къ маргарину вовсе не необходима, не безразлична и не имѣетъ ничего общаго съ дозволеннымъ способомъ Межъ-Мурье, а представляетъ ту самую запрещенную фальсификацію, противъ которой и изданъ законъ 8-го апрѣля 1891 года.

Не выдерживаютъ критики и всѣ дальнѣйшіе доводы кассатора о томъ, что запрещеніе закона смѣшивать маргаринъ съ коровьимъ масломъ касается, будто бы, не мѣстъ производства маргарина и искусственнаго масла, а исключительно мѣстъ производства и продажи масла натуральнаго. Начать съ того, что въ кассаціонной жалобѣ дѣлается небольшая, но вѣская, хотя вполнѣ неправильная перестановка словъ закона. Онъ говоритъ о воспрещенномъ смѣшеніи *маргарина съ коровьимъ масломъ*, кассаторъ же приписываетъ закону только запретъ смѣшивать, наоборотъ, *коровье масло съ маргариномъ* и выводитъ отсюда, въ связи съ первымъ уже разобраннымъ аргументомъ, желательное защитѣ заключеніе о томъ, что запретъ этотъ распространяется лишь на заведенія, торгующія натуральнымъ коровьимъ масломъ. Не говоря уже объ очевидномъ безразличіи въ глазахъ закона того, что̀ съ чѣмъ и въ какой постепенности будетъ смѣшиваться, разъ онъ запрещаетъ всякое смѣшеніе, выводъ защиты вовсе не оправдывается буквальнымъ смысломъ ст. 4 закона 8 апрѣля 1891 г., въ которомъ воспрещеніе подмѣси носитъ совершенно общій характеръ, безотносительно къ какимъ бы то ни было мѣстамъ или лицамъ, и въ зависимости только отъ продажнаго ея назначенія. При этомъ храненіе ея въ мѣстахъ производства и продажи коровьяго масла словами „а также“ отдѣлено въ особую, послѣднюю часть запретительнаго постановленія ст. 4, чего, конечно, не было бы, если бы и смѣшеніе маргарина съ масломъ, упомянутое въ первой части этой статьи, законодатель относилъ только къ тѣмъ же мѣстамъ, а не ко всѣмъ безъ изъятія заведеніямъ, гдѣ подобная смѣсь можетъ выдѣлываться, храниться или продаваться, въ томъ числѣ и къ маргариновымъ заводамъ. Нельзя къ тому же не замѣтить, что нигдѣ преслѣдуемая закономъ поддѣлка маргариномъ масла не представляетъ столько простора и удобства, а потому

и столько вреда, какъ у самаго источника производства, на заводѣ, откуда фальсифицированные продукты поступаютъ уже готовыми въ розничную продажу. При такомъ пониманіи закона, какого добивается кассаторъ, задача запрещенія и кары вовсе не была бы достигнута и удары попадали бы лишь въ мелкія развѣтвленія зла, оставляя неприкосновеннымъ самый его корень. Торговый обманъ совершается, обыкновенно, въ лавкѣ, имѣющей дѣло съ массой покупателей, но не слѣдуетъ забывать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ всѣ приготовленія къ этому обману уже сдѣланы, всѣ средства приспособлены гораздо ранѣе, у оптоваго производителя, котораго поэтому законъ и долженъ карать за это со строгостью, превышающею отвѣтственность за простое неисполненіе имъ техническихъ или санитарныхъ правилъ производства. Таково не подлежащее сомнѣнію благое намѣреніе законодателя, явственно выступающее изъ текста ст. 1 и 4 закона 8-го апрѣля 1891 г. и I ч. ст. 115[1] уст. наказ. Узаконенія эти вполнѣ правильно примѣнены съѣздомъ мировыхъ судей къ дѣянію г. Андерсона, на заводѣ котораго въ обширныхъ размѣрахъ практиковалось подмѣшиваніе, съ торговыми цѣлями, натуральнаго масла къ маргарину.

Въ смыслѣ предлагаемаго мною истолкованія этихъ узаконеній нельзя не придавать настоящему дѣлу и тому разрѣшенію, которое оно получитъ отъ правительствующаго сената, принципіальнаго и притомъ большого общественнаго значенія. На разсмотрѣніе высшаго кассаціоннаго суда впервые восходитъ вопросъ о примѣненіи новаго закона, ограждающаго одно изъ нашихъ главнѣйшихъ и насущныхъ пищевыхъ средствъ отъ возрастающихъ успѣховъ всемогущей фальсификаціи—этой страшной язвы современной матеріальной жизни. Рѣшеніе правительствующаго сената по этому вопросу послужитъ первымъ руководящимъ наставленіемъ для нелегкаго судебнаго противодѣйствія всему тому, что̀ въ маргариновомъ производствѣ есть вредящаго народному здоровью и экономіи. Опытъ цивилизованнаго общества, къ сожалѣнію, свидѣтельствуетъ, что съ появленіемъ всякой новой, широко и выгодно организованной системы

фальсификаціи, къ ея услугамъ немедленно являются и казуистическія толкованія направленнаго противъ нея закона, стремящіяся посредствомъ юридическихъ софизмовъ обойти его преграды и парализовать дѣйствительность его угрозъ. Въ данномъ дѣлѣ и еще болѣе по поводу его во всей затрогиваемой имъ сферѣ общественныхъ и промышленныхъ интересовъ, нерѣдко другъ другу противоположныхъ, вопросъ поставленъ круто и въ сущности рѣчь идетъ о томъ, чтобы утвердить или, напротивъ, свести къ нулю практическую силу закона 8-го апрѣля 1891 г. Можно или нельзя по этому закону крупнымъ производителямъ маргариновыхъ фабрикатовъ, подъ прикрытіемъ мнимыхъ техническихъ пріемовъ и подъ фиктивнымъ предлогомъ дешевизны, наводнять рынокъ и продовольствовать потребителей такимъ продуктомъ, который представляетъ не столько суррогатъ, сколько поддѣлку натуральнаго масла? Можно или нельзя понимать и толковать законъ, изданный противъ маргариновыхъ злоупотребленій такимъ образомъ, чтобы маргариновая промышленность процвѣтала въ прямой ущербъ сельскому хозяйству и на счетъ выносливости желудка и кармана обывателей? Вотъ недоумѣнія не малой житейской важности, возникающія изъ кассаціоннаго обжалованія по дѣлу Андерсона. Я нахожу возможнымъ высказать увѣренность, что правительствующему сенату благоугодно будетъ разъ навсегда устранить ихъ своимъ властнымъ разрѣшеніемъ и, положивъ предѣлы запросамъ маргариноваго меркантилизма, въ то же время указать судебной практикѣ по примѣненію закона 8-го апрѣля 1891 года истинный путь, согласный съ его разумомъ и соотвѣтствующій настоятельнымъ потребностямъ и пользамъ благоустроеннаго общежитія.

Не усматривая, съ своей стороны, въ приговорѣ столичнаго съѣзда мировыхъ судей по настоящему дѣлу ни одного изъ нарушеній или неправильностей, доказываемыхъ кассаторомъ, я полагалъ бы кассаціонную жалобу повѣреннаго Андерсона, на основаніи ст. 174 уст. угол. суд., оставить безъ послѣдствій.

Резолюціею угол. кассац. департ. прав. сената, кассаціонная жалоба защитника Андерсона оставлена безъ послѣдствій

III.

Дѣло Іолко.

Засѣданіе уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената 28 апрѣля 1892 г. — Первоприсутствующій сенаторъ Н. Н. Розингъ; заключеніе давалъ оберъ-прокуроръ Н. В. Муравьевъ.

Въ 1887 г было задержано и предано суду въ Швейцаріи нѣсколько лицъ за поддѣлку тамъ русскихъ кредитныхъ билетовъ. Въ числѣ ихъ находился мѣщанинъ г. Ошмянъ, Виленской губ., Яковъ Іолко. Разсмотрѣвъ это дѣло, возбужденное по иниціативѣ нашего правительства и производившееся при участіи уполномоченнаго русскаго министерства финансовъ, судъ присяжныхъ Цюрихскаго кантона призналъ Іолко виновнымъ въ покушеніи на поддѣлку официальныхъ документовъ, вслѣдствіе чего и по силѣ § 34 и 102 мѣстнаго уложенія присудилъ Іолко къ трехлѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus), а затѣмъ пожизненному изгнанію изъ страны. По отбытіи въ 1890 г. этого наказанія, Іолко исходатайствовалъ въ Императорскомъ русскомъ посольствѣ разрѣшеніе возвратиться на родину, въ Россію, и получилъ изъ посольства видъ на право въѣзда въ отечество, но на границѣ былъ арестованъ, препровожденъ этапнымъ порядкомъ въ гор. Вильно, гдѣ и былъ заключенъ подъ стражу, съ возбужденіемъ о немъ предварительнаго слѣдствія. 15 ноября 1890 г. судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ, руководствуясь 173 ст. улож. наказ., постановилъ привлечь Іолко къ уголовной отвѣтственности по обвиненію его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 571 ст. того же уложенія. Это постановленіе слѣдователя, обжалованное Іолко Виленскому окружному суду, было признано судомъ преждевременнымъ и лишеннымъ законныхъ основаній и вслѣдствіе сего отмѣнено. Разсмотрѣвъ, засимъ, настоящее дѣло вслѣдствіе частнаго протеста прокурора Виленскаго окружного суда на упомянутое опредѣленіе суда, Виленская судебная палата приняла во вниманіе: а) что окружный судъ, по разсмотрѣніи жалобы Іолко, призналъ привлеченіе его, въ силу 173 ст. улож., въ качествѣ обвиняемаго по 571 ст. улож. преждевременнымъ и отмѣнилъ состоявшееся о томъ постановленіе судебнаго слѣдователя и б) что Іолко, какъ видно изъ приложенной къ протесту прокурора копіи выписки изъ протокола суда присяжныхъ Цюрихскаго кантона, былъ судимъ названнымъ судомъ и признанъ виновнымъ въ покушеніи на поддѣлку россійскихъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ, за что и осужденъ къ трехлѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ и затѣмъ пожизненному изгнанію изъ страны. Соглашаясь, вслѣдствіе сего, съ прокуроромъ окружного суда, въ томъ отношеніи, что Іолко правильно привлеченъ судебнымъ слѣдователемъ,

на основаніи 173 ст. улож., къ уголовной отвѣтственности по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 571 ст. того же уложенія, судебная палата опредѣленіе окружного суда отмѣнила. На это опредѣленіе Іолко подалъ въ палату кассаціонную жалобу, которая, однакоже, согласно опредѣленію палаты, оставлена была ею безъ движенія въ виду того, что опредѣленія палатъ, по указаннымъ въ 893 ст. уст. угол. суд. предметамъ, признаются окончательными и не подлежатъ обжалованію ни въ частномъ, ни въ кассаціонномъ порядкѣ. На оставленіе палатою безъ движенія кассаціонной жалобы, подсудимымъ Іолко принесена была въ правительствующій сенатъ частная жалоба. Сенатъ предписалъ судебной палатѣ представить все подлинное производство по дѣлу Іолко и дѣло это было доложено въ засѣданіи уголовнаго кассаціоннаго департамента 28 апрѣля 1892 года. При этомъ оберъ-прокуроръ, находя, что вышеупомянутое опредѣленіе Виленской судебной палаты, въ виду заключающихся въ немъ неправильностей, подлежитъ разсмотрѣнію сената въ порядкѣ надзора, на основаніи ст. 250 учр. суд уст., въ заключеніи своемъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія по возникающему изъ дѣла вопросу о толкованіи и примѣненіи ст. 22 уст. угол. суд. и ст. 173 улож. наказ.

Заключеніе оберъ-прокурора:

Мѣщанинъ Яковъ Іолко совершилъ въ Швейцаріи покушеніе на поддѣлку русскихъ кредитныхъ билетовъ, былъ за это судимъ и осужденъ Цюрихскимъ судомъ присяжныхъ и, во исполненіе вошедшаго въ законную силу приговора этого суда, отбылъ полностью назначенное ему наказаніе въ видѣ трехлѣтняго заключенія въ цюрихской исправительной тюрьмѣ (Zuchthaus). Нынѣ, по добровольномъ возвращеніи Іолко въ Россію, онъ подвергся уголовному преслѣдованію въ нашихъ судебныхъ установленіяхъ, по тому же дѣлу, за то же самое преступленіе, уже погашенное за границею судомъ и наказаніемъ. Возникаетъ вопросъ о возможности и законности такого преслѣдованія при дѣйствіи общаго и основного юридическаго принципа: non bis in idem, выраженнаго въ статьяхъ 21 и 22 уст. угол. суд.

Вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ на основаніи одного лишь прямого текста закона, такъ какъ ни ст. 22 уст. угол. суд., ни ст. 173 улож. наказ., въ виду которой собственно и возбуждено упомянутое преслѣдованіе, не даютъ на этотъ вопросъ отвѣта, по крайней мѣрѣ по буквальному ихъ смыслу и редакціи. Статья 22 уст. угол. суд. говоритъ о значеніи вошедшаго въ законную силу приговора, какъ res judi-

cata, для даннаго дѣла, но, находясь въ русскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства и касаясь, очевидно, отечественныхъ судовъ и приговоровъ, она умалчиваетъ о силѣ и значеніи въ томъ же отношеніи судимости заграничной. Статья 173 улож. опредѣляетъ, что русскій подданный, учинившій преступленіе за границей, по выдачѣ или возвращеніи въ Россію, подлежитъ суду и наказанію въ русскомъ судѣ и по русскимъ законамъ, но статья эта совершенно игнорируетъ случаи понесенія такимъ преступникомъ наказанія по приговору иностраннаго суда. А между тѣмъ, важнѣйшія начала правового строя требуютъ категорическаго разрѣшенія возбужденнаго вопроса: съ одной стороны, начало справедливости, недопускающее вторичнаго возмездія за одно и то же преступленіе; съ другой—начало государственнаго верховенства, вызывающее примѣненіе отечественныхъ законовъ къ подданному, нарушившему ихъ въ ущербъ государственнымъ интересамъ, хотя бы и внѣ государственныхъ предѣловъ, наконецъ, начало внутренняго государственнаго порядка и спокойствія, не всегда могущее мириться съ предоставленіемъ полной свободы такому преступному гражданину только потому, что за свое противоотечественное преступленіе онъ далъ отвѣтъ передъ чужимъ закономъ и иноземнымъ правосудіемъ.

За недостаткомъ постановленій закона приходится обратиться къ опредѣленіямъ права, болѣе или менѣе обще-признаннымъ и потому ставшимъ какъ бы международнымъ достояніемъ. Главною и нормальною формою карательной охраны въ каждомъ государствѣ служитъ охрана *территоріальная*, т.-е. сужденіе и преслѣдованіе по законамъ страны всѣхъ преступленій, совершенныхъ на ея территоріи, кѣмъ бы и противъ чего бы то ни было, подданнымъ или иностранцемъ, противъ интересовъ страны или иноземнаго государства. Это положеніе издавна признается и нашимъ законодательствомъ: еще въ сводѣ законовъ уголовныхъ по изд. 1842 г. оно было выражено въ ст. 189, которая гласила: „Россійскіе подданные, въ другихъ государствахъ пребывающіе, въ случаѣ уголовнаго преступленія, судятся и наказываются по законамъ той страны, гдѣ ими учи-

нено преступленіе". Нынѣ тоже опредѣляется во всѣхъ нашихъ карательныхъ конвенціяхъ съ иностранными державами, между прочимъ и въ конвеціи $^{5}/_{17}$ ноября 1873 г. съ Швейцаріей, гдѣ въ ст. 3 сказано, что выдачѣ могутъ подлежать только лица, совершившія преступленія внѣ предѣловъ выдающаго государства, которое, слѣдовательно, само и у себя расправляется со всѣми правонарушителями своей территоріи. Если же, въ дѣйствительности, такой преимущественной территоріально-карательной охраны почему-либо примѣнено не будетъ, то въ возмѣщеніе ея выступаетъ другая форма охраны, *національная*: власть государства судить и карать подданнаго, возвратившагося въ отечество, за преступленіе, учиненное хотя бы и за границею, но противъ правъ и интересовъ карающаго государства. Эта субсидіарная или эвентуальная охрана вполнѣ соотвѣтствуетъ принципу non bis in idem: государство преслѣдуетъ и караетъ у себя своего подданнаго за преступленіе, совершенное за границей, только въ томъ случаѣ, когда тамъ онъ еще не былъ за него судимъ и наказанъ, въ противномъ же случаѣ исполненный иностранный приговоръ имѣетъ значеніе res judicata и въ отечествѣ преступника. Таково общее правило, твердо установленное наукою—я ссылаюсь на авторитетъ Фіоре, Бара и друг. на Западѣ, Н. С. Таганцева, профессоровъ Мартенса и Владимірова у насъ. Оно принято и всѣми новѣйшими европейскими законодательствами. Такъ, оно высказано въ ст. 5 французскаго закона 1867 г., въ ст. 13 закона бельгійскаго, въ ст. 5 германскаго уголовнаго кодекса, въ ст. 5 проекта итальянскаго уложенія; таково же и содержаніе ст. 5 и 6 нашего проекта, по которымъ дѣйствіе русскаго уложенія распространяется на преступныя дѣянія, учиненныя русскими подданными внѣ предѣловъ Россіи, но при этомъ уголовное преслѣдованіе не возбуждается, а начатое подлежитъ прекращенію, если обвиняемый за дѣяніе, учиненное за границей, отбылъ наказаніе по вошедшему въ законную силу приговору иностраннаго суда.

При всемъ, однакоже, общемъ и коренномъ характерѣ указаннаго ученія, какъ теорія права, такъ и многія законо-

дательства не признаютъ его вполнѣ безусловнымъ. Съ одной стороны, въ цѣляхъ огражденія общественнаго порядка, а съ другой по нерѣдко значительному различію между уголовными законами разныхъ странъ, допускаются извѣстныя ограниченія въ объемѣ примѣненія этой доктрины въ тѣхъ случаяхъ, когда государство или не можетъ довольствоваться понесенною внѣ его предѣловъ карою, или находитъ нужнымъ опредѣлить ея значеніе и послѣдствія на своей территоріи, или же вынуждено принять тѣ или другія предупредительныя мѣры противъ осужденнаго и наказаннаго за границей. Какъ примѣръ теоретическихъ по этому поводу построеній, исходящихъ изъ серьезныхъ соображеній уголовной политики, можно привести мнѣніе проф. Владимірова, который, въ своей работѣ о значеніи приговоровъ иностранныхъ судовъ, предлагаетъ—что, конечно, могло бы осуществиться только законодательнымъ путемъ — признавать pro veritate всю *фактическую* ихъ часть, т.-е. установленіе виновности со всѣми ея признаками, а опредѣленіе ихъ *юридической* части, т.-е. квалификацію и назначеніе наказанія съ его послѣдствіями, по нашимъ законамъ, предоставлять нашимъ судамъ въ особомъ порядкѣ судопроизводства. Изъ западныхъ законодательствъ французское и бельгійское вовсе не дѣлаютъ подобныхъ ограниченій, германскій же кодексъ, идущій по этому предмету дальше другихъ, изъемлетъ изъ начала non bis in idem преступленія государственныя, служебныя и поддѣлку монеты, за которыя въ Германіи, независимо отъ иностранныхъ приговоровъ, полагается вторичная судимость, правда, уменьшаемая по усмотрѣнію германскаго суда. Избирая средній путь между обѣими системами, проектъ нашего будущаго уложенія, въ ст. 7, предполагаетъ русскаго подданнаго, отбывшаго за границей наказаніе за преступленіе, по возвращеніи въ Россію, подвергать по суду, въ особо установленномъ порядкѣ, лишенію правъ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи, а за нѣкоторыя, болѣе важныя, преступленія—напр., государственныя—даже и поселенію.

Съ точки зрѣнія изложенныхъ общихъ положеній, мы должны теперь обратиться къ нашему дѣйствующему законодательству и, не взирая на внѣшнюю неполноту его опредѣленій по дан-

ному вопросу, поискать во внутреннемъ, но точномъ смыслѣ законовъ, какихъ-либо указаній къ его разрѣшенію. Ему можетъ способствовать толкованіе, извлекаемое изъ взаимодѣйствія и сопоставленія: 1) правилъ нашихъ карательныхъ конвенцій, 2) ст. 22, 214 и 215 уст. угол. суд., 3) ст. 173 и 174 улож. наказ. въ связи 4) съ нѣкоторыми разъясненіями правительствующаго сената.

Разъ законодатель, въ старомъ сводѣ законовъ уголовныхъ и нынѣ, въ карательныхъ конвенціяхъ, признаетъ легальную подсудность иностраннымъ судамъ русскихъ подданныхъ за ихъ заграничныя преступленія и, слѣдовательно, легальную силу постановленныхъ о нихъ иностранныхъ приговоровъ, то не представляется достаточныхъ юридическихъ основаній лишать такіе приговоры компетентныхъ судовъ значенія и въ Россіи res judicata, — этого основного элемента и принадлежности всякаго правильнаго судебнаго приговора, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время во всѣхъ государствахъ цивилизованнаго міра, со включеніемъ и Россіи, уголовное правосудіе отправляется приблизительно на одинаковыхъ главныхъ началахъ, съ одинаковыми почти гарантіями истины, безпристрастія и законом*ѣ*рности. Силу рѣшеннаго дѣла ст. 21 и 22 уст. угол. суд. ставятъ въ зависимость именно отъ *правильнаго приговора надлежащаго суда* вообще, не указывая при этомъ, отъ какого суда онъ долженъ исходить. Никто не препятствуетъ, поэтому, а современное правовое общеніе между народами и прямо побуждаетъ признавать ту же силу и за правильнымъ приговоромъ иностраннаго суда. Если бы законодатель хотѣлъ сдѣлать иное постановленіе по этому предмету, напр., устранить или чѣмъ-либо ограничить самую возможность примѣненія у насъ этого общаго краеугольнаго положенія судебно-уголовнаго и международнаго права, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, не преминулъ бы высказаться объ этомъ вполнѣ опредѣлительно, особенно при установленіи, въ ст. 214 и 215 уст. угол. суд. и ст. 173 и 174 улож., такихъ близкихъ къ указанному предметовъ, какъ порядокъ подсудности и основанія репрессіи въ Россіи преступленій, совершенныхъ за границей. И такъ какъ изъ молчанія законодателя по этому

предмету отнюдь нельзя вывести обратнаго заключенія, то и статьѣ 173 улож., вовсе не упоминающей о заграничной судимости и карѣ, и статьямъ 214 и 215 уст. угол. суд., также о нихъ умалчивающимъ, при регулированіи подсудности, вполнѣ умѣстно придавать тотъ субсидіарный, вспомогательный смыслъ, который одинъ только и согласуется съ общимъ принципомъ, выраженнымъ въ ст. 22 уст. угол. суд. Другими словами, сужденію нашего суда и дѣйствіямъ нашихъ уголовныхъ законовъ подлежитъ русскій, виновный въ учиненномъ за границей преступленіи только въ томъ случаѣ, если онъ тамъ уже не былъ за него судимъ и наказанъ. Выводъ этотъ подтверждается и редакціей ст. 174 улож., весь текстъ которой и въ особенности употребленное въ ней выраженіе: *долженствовалъ подвергнуться* наказанію" вмѣсто „*подвергся*" или „*понесъ наказаніе*" по законамъ того края, гдѣ совершено преступленіе, свидѣтельствуетъ о томъ, что законодательству нашему чужда самая мысль о двойной или двукратной карѣ въ Россіи и за границей по одному и тому же дѣлу, за одно и то же преступленіе. И правительствующимъ сенатомъ уже были преподаны по настоящему вопросу руководящія указанія совершенно въ томъ же духѣ. Не касаясь единственнаго сколько-нибудь сюда относящагося рѣш. угол. касс. департ. 1888 г. № 21 по дѣлу Пржесполевскаго, какъ трактующаго лишь о спеціальномъ вопросѣ рецидива при наличности иностранной судимости, необходимо слѣдовать весьма категорическимъ и притомъ принципіальнымъ разъясненіямъ перваго департамента правительствующаго сената по дѣлу Никитченкова—они не оставляютъ никакого сомнѣнія въ истинномъ направленіи высшей офиціальной интерпретаціи нашихъ законовъ по этому предмету. По дѣлу Никитченкова послѣдовало два опредѣленія: 1) отъ 13 мая 1868 г. и 2) отъ 14 іюня 1871 г. и 4 января 1872 г. При полномъ различіи и даже противорѣчіи между ними, какъ по исходнымъ пунктамъ, такъ и по резолютивной оцѣнкѣ личныхъ и гражданскихъ послѣдствій въ Россіи обвинительнаго приговора о Никитченковѣ Парижскаго ассизнаго суда, опредѣленія эти вполнѣ сходятся между собою во взглядахъ и раз-

сужденіяхъ по занимающему насъ вопросу о возможности вторичнаго преслѣдованія и наказанія въ Россіи за преступное дѣяніе, уже покрытое карою, понесенное въ мѣстѣ его совершенія, по приговору иностраннаго суда. Вопросъ этотъ сенатъ разрѣшилъ отрицательно. Въ опредѣленіи 1868 г. сказано: „Хотя въ нашихъ уголовныхъ законахъ не содержится указанія на то, чтобы приговоръ суда иностраннаго государства надъ русскимъ подданнымъ, совершившимъ преступленіе за границей, имѣлъ силу и въ предѣлахъ Имперіи, но не придавать этому приговору значенія по нашимъ законамъ было бы несогласно со строгою справедливостью и противорѣчило бы основному правилу, изображенному въ 22 ст. уст. угол. суд., такъ какъ это могло бы имѣть послѣдствіемъ вторичное наказаніе по дѣйствующему уложенію такого преступника изъ русскихъ подданныхъ, который за то же самое преступленіе понесъ уже наказаніе, можетъ быть, даже тягчайшее, по законамъ иностраннаго государства". Отмѣтимъ здѣсь кстати, что приведенное сужденіе правительствующаго сената состоялось, какъ видно изъ опредѣленія, согласно съ мнѣніемъ министра юстиціи, раздѣляемымъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, что̀ несомнѣнно придаетъ ему, въ правительственномъ смыслѣ, особенную цѣнность. Еще яснѣе и рѣшительнѣе указанія, заключающіяся въ опредѣленіи 1871—1872 гг. „Изъ буквальнаго смысла... постановленія (ст. 173 улож.) можно съ перваго взгляда заключить, что русскій подданный, находящійся внѣ предѣловъ государства, подлежитъ за совершенное преступленіе дѣйствію законовъ уголовныхъ Имперіи, при существованіи одного только условія—возвращенія въ отечество или же экстрадиціи, безъ всякаго соображенія съ тѣмъ, судился ли онъ уже за это преступленіе въ иностранномъ государствѣ или же не судился. Но подобное заключеніе было бы несогласно съ общимъ смысломъ дѣйствующихъ узаконеній. Правило о невозможности вторичнаго суда надъ осужденнымъ, уже судившимся, выраженное безусловно въ ст. 21 и 22 уст. угол. суд., есть постановленіе общее всѣмъ законодательствамъ образованныхъ народовъ; поэтому, для того, чтобы допустить изъ этого общаго правила

какое-либо, въ извѣстномъ случаѣ, исключеніе, необходимо прямо и категорически выраженное уполномочіе на то и въ самомъ законѣ, какъ сіе, напримѣръ, сдѣлано въ ст. 22 и 935 (п. 3 и 4) уст. угол. суд.; если же законъ, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ (улож. наказ. ст. 173 и 174. уст. угол. суд. ст. 214 и 215) умалчиваетъ объ исключеніи, то само собою разумѣется, что остается въ силѣ общее правило уголовнаго нашего законодательства о невозможности вторичнаго суда".

Такимъ образомъ все: требованія отвлеченной справедливости, общіе принципы права, воззрѣнія науки, постановленія наиболѣе развитыхъ европейскихъ законодательствъ, офиціальныя предположенія въ нашемъ будущемъ уголовномъ кодексѣ, общій, хотя и не прямо выраженный, внутренній смыслъ нашихъ дѣйствующихъ узаконеній, наконецъ, разъясненія правительствующаго сената—все приводитъ къ утвержденію, что и въ Россіи въ отношеніи приговоровъ иностранныхъ судовъ res judicata pro veritate habetur и, слѣдовательно, что русскій подданный, наказанный за преступленіе за границей, уже не подлежитъ вторичному за него преслѣдованію передъ русскимъ судомъ.

Но тѣмъ не менѣе, какъ бы ни былъ непререкаемъ, по моему, по крайней мѣрѣ, убѣжденію, приведенный выводъ, я не могу отрицать, что онъ оставляетъ открытымъ затронутый уже мною вопросъ о томъ, какія законныя мѣры, если не репрессіи, то предосторожности, можно принять противъ полной свободы и правоспособности субъекта, тяжко провинившагося, хотя бы и за границей, передъ отечествомъ и его законами. При настоящемъ состояніи нашего уголовнаго законодательства и неосуществленіи еще упомянутыхъ предначертаній проекта новаго уложенія—это несомнѣнный и притомъ едва ли восполнимый пробѣлъ. Я полагаю, впрочемъ, что онъ не долженъ вліять на разрѣшеніе принципіальнаго вопроса о значеніи иностранной судимости, тѣмъ болѣе, что въ распоряженіи правительства имѣется и теперь возможность на практикѣ успѣшно воздѣйствовать по этому поводу въ административномъ порядкѣ,

посредствомъ принятія соотвѣтственныхъ мѣръ на основаніи изданныхъ въ 1881 году положеній о государственной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ. Идти же дальше, въ порядкѣ судебномъ, путемъ истолкованія процессуальныхъ и карательныхъ законовъ, напримѣръ, проводить различіе между преступленіями по ихъ роду или объекту, отвергая вторичную судимость за одни и допуская ее за другія, или вдаваться съ тою же цѣлью въ сравнительную оцѣнку квалификаціи и наказанія по нашимъ и иностраннымъ законамъ, было бы, по моему мнѣнію, не вполнѣ послѣдовательно, шатко и произвольно, такъ какъ нынѣшній законъ не даетъ для этого никакой точки опоры. По точному смыслу ст. 22 уст. угол. суд. и ст. 173 улож. возможно только одно изъ двухъ рѣшеній: или существуетъ, или не существуетъ вовсе въ Россіи правило non bis in idem для всѣхъ безъ изъятія иностранныхъ приговоровъ о русскихъ подданныхъ.

Переходя затѣмъ отъ общихъ соображеній къ примѣненію ихъ по дѣлу Іолко, нельзя не признать, что возбужденное противъ него уголовное преслѣдованіе въ основѣ своей неправильно, какъ имѣющее, вопреки ст. 22 уст. угол. суд., своимъ предметомъ преступленіе, уже погашенное понесеннымъ за него наказаніемъ. Заключеніе это въ данномъ случаѣ подкрѣпляется еще и нѣкоторыми особыми условіями дѣла. Въ практической области уголовной репрессіи и правосудія велѣнія государственной воли выражаются прежде всего въ законѣ; по тѣмъ же предметамъ, о которыхъ онъ умалчиваетъ, въ постановленныхъ имъ границахъ не могутъ не служить регулирующимъ началомъ для отдѣльныхъ казусовъ состоявшіяся о нихъ правительственныя распоряженія, также проявляющія собою извѣстные степени или оттѣнки воли государства. Не подлежитъ сомнѣнію, что на силу и значеніе такихъ мѣропріятій можетъ въ особенности ссылаться лицо, до котораго они относятся, въ огражденіе личной своей свободы отъ другихъ подобныхъ же распоряженій. Такъ, Іолко не безосновательно заявляетъ, что его отечественная власть уже дважды косвенно какъ бы удовлетворялась его судимостью въ Швейцаріи и не только не

обнаружила намѣренія вторично преслѣдовать его въ Россіи, но даже давала ему указанія противнаго. Изъ швейцарскаго производства о дѣлѣ Іолко усматривается, что самое обвиненіе противъ него было возбуждено въ Швейцаріи, по иниціативѣ Россійской миссіи, лицомъ, ею на то уполномоченнымъ, которое и на судѣ по дѣлу Іолко являлось представителемъ интересовъ нашего правительства, нарушенныхъ преступленіемъ Іолко. Далѣе, по его заявленію, ничѣмъ въ дѣлѣ не опровергнутому, уже по отбытіи наказанія въ Швейцаріи, онъ исходатайствовалъ себѣ черезъ наше дипломатическое представительство разрѣшеніе и видъ на свободный въѣздъ въ Россію, чѣмъ и воспользовался, но былъ задержанъ и привлеченъ къ слѣдствію. При такихъ условіяхъ дѣйствительно едва ли было бы законно и удобно вторично преслѣдовать его въ Россіи. Наша власть уже какъ бы объявила ему, что онъ можетъ считать себя покончившимъ свои съ ней счеты и вернуться въ отечество, очевидно, не для новаго суда и наказанія. Достоинство нашего закона и правосудія вызываетъ возстановленіе въ этомъ отношеніи простой справедливости и правильнаго законнаго порядка, съ чѣмъ, однако, было бы несогласно оставленіе въ силѣ какъ опредѣленія судебной палаты, утвердившаго возбужденное противъ Іолко уголовное преслѣдованіе, такъ и всего вообще производства этого послѣдняго.

Выслушавъ заключеніе оберъ-прокурора, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: принявъ жалобу Іолко къ разсмотрѣнію въ порядкѣ надзора, отмѣнить опредѣленіе палаты, состоявшееся по протесту прокурора Виленскаго окружного суда на опредѣленіе сего суда по дѣлу Іолко, предписавъ ей постановить новое опредѣленіе по сему предмету.

ИЗЪ НЕСУДЕБНЫХЪ РѢЧЕЙ.

I.

Рѣчь на французскомъ языкѣ, произнесенная 17 іюня 1890 г. на 25-лѣтнемъ юбилеѣ Московскаго городского Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта, въ присутствіи членовъ IV международнаго тюремнаго конгресса [1]).

Devant une assemblée d'élite, à laquelle ont bien voulu prendre part tant d'étrangers éminents, les hôtes bienvenus de notre antique capitale, je croirais ne pas avoir rempli ma tâche mo-

---

Предъ этимъ избраннымъ обществомъ, въ присутствіи почетныхъ иностранныхъ гостей нашей древней столицы, я не исполнилъ бы своей скромной обязанности, если бы не воспользовался понятнымъ для всѣхъ прекраснымъ языкомъ международныхъ сношеній, для того, чтобы высказать по поводу настоящаго торжества наши искреннѣйшія чувства и горячія пожеланія.

Предоставляя другимъ, болѣе меня компетентнымъ, глубокія теоретическія соображенія уголовной и тюремной науки, не вдаваясь ни въ какія общія разсужденія о соціальной нравственности, я хотѣлъ бы только указать въ самыхъ общихъ чертахъ, что̀ именно мы, люди суда и повседневные практики уголовнаго правосудія, что̀ мы чествуемъ въ Рукавишниковскомъ пріютѣ, который, будучи первымъ въ Россіи во всѣхъ

---

[1]) Приводится русскій переводъ этой рѣчи по тексту, напечатанному въ № 168 „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ 20 іюня 1890 г.

deste, si je ne profitais pas de la belle langue, intelligible et familière à toute l'assistance, pour exprimer, à l'occasion de la solennité actuelle, nos sentiments sincères et nos voeux chaleureux.

Abandonnant à d'autres. plus compétents, les profondes considérations théoriques de la science pénale et pénitentiaire, ainsi que les larges vues d'ensemble de la morale sociale. je voudrais simplement indiquer à grands traits ce que nous, gens de l'ordre judiciaire et praticiens quotidiens de la loi criminelle, ce que nous honorons de tout notre coeur dans l'asile Roukavischnikoff, qui, le premier en Russie sous tous les rapports, vient de terminer avec éclat son premier quart de siècle.

D'après l'expérience de notre magistrature, je me fais un devoir agréable et un véritable plaisir de constater ici hautement que cette noble institution, autant pénitentiaire que philantropique, aussi utile dans la vie réelle qu'admirablement conçue dans son idée fondamentale. a non seulement conquis depuis des

---

отношеніяхъ, блистательно пережилъ свою первую четверть столѣтія.

Опираясь на опытъ нашего судебнаго вѣдомства, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ и въ истинное удовольствіе во всеуслышаніе здѣсь заявить, что это благородное учрежденіе, столь же уголовно-исправительное, какъ и филантропическое, столь же полезное въ дѣйствительной жизни, сколько чудесно задуманное въ основной мысли своей, давно уже пріобрѣло всѣ права на наше глубокое уваженіе и живѣйшее къ нему сочувствіе. Но этого мало, оно сложило съ насъ большое нравственное бремя, избавило насъ отъ тяжелыхъ профессіональныхъ недоумѣній и заботъ.

Для того, чтобъ отдать себѣ ясный отчетъ въ истинномъ значеніи этого общаго вывода, достаточно вспомнить то еще сравнительно недавнее время, когда пріютъ, еще небогатый ни средствами, ни воспитанниками, былъ лишь въ зародышѣ; не безполезно также обратиться мысленно къ тѣмъ судебнымъ рай-

années toutes nos simpathies et tout notre estime, mais qu'elle nous a allegé d'un grand poids moral, nous a affranchi de pénibles et graves soucis professionels.

Pour se rendre un compte exact de toute la portée de cette appréciation, il faudrait remonter en souvenir au temps assez récent, quand l'asile, encore pauvre de pupils et de moyens, n'était qu'à son origine, il serait nécessaire de se transporter en pensée vers ces ressorts judiciaires de notre vaste pays, qui ne jouissent pas encore des bienfaits d'un établissement semblable.

Il est peu de spectacle plus navrant, peu d'impression plus douleureuse, même dans le domaine rigide de la justice pénale, en lutte constante avec les fautes humaines et la décadence individuelle, que le spectacle de la jeunesse souillée par le crime, que l'impression produite par l'enfance jetée sans secours sur le chemin du vice et de la perversité. La jeunesse — et le crime, l'enfance — et le vice, quels mots, quels notions organiquement incom-

---

онамъ нашей обширной страны, которые еще не пользуются благотворнымъ дѣйствіемъ подобныхъ учрежденій.

Даже въ суровой области уголовной юстиціи, съ ея непрестанною борьбой противъ человѣческаго паденія, немного зрѣлищъ болѣе грустныхъ, чѣмъ зрѣлище юности, запятнанной преступленіемъ, немного впечатлѣній болѣе тягостныхъ, чѣмъ впечатлѣніе, производимое дѣтьми, безпомощно брошенными на пути испорченности, порока. Юность — и преступленіе, дѣти — и порочность, — какія органически несовмѣстимыя слова и понятія, какія поразительныя и печальныя противоположенія природы и логики, и кто не желалъ бы, согласно съ божественными законами, видѣть ихъ навсегда раздѣленными, знать, что они не могутъ сливаться и совпадать во вредъ цѣлымъ семьямъ и поколѣніямъ. Къ несчастію, печальная дѣйствительность, всегда далекая отъ идеальныхъ стремленій, слишкомъ часто заставляетъ уголовный судъ, съ его грозными слѣдственными и обвинительными орудіями, съ публичною защитой, сложнымъ судопроиз-

patibles, quelles antithèses facheuses et frappantes de la nature et de la logique, et qui ne voudrait pas, conforme à la loi divine, les savoir à jamais séparées entre elles, incapables de se fondre ensemble au détriment des familles et des générations! Malheureusement la triste réalité, toujours éloignée des aspirations idéales, nous montre trop souvent le juge criminel, muni de son appareil formidable d'organes instructeurs et accusateurs, de défenseurs publics, de procédure compliquée, de sentences implacables, en prises avec ceux, qui ont failli, il est vrai, et mérité la peine d'après la formule légale, mais qui, étant tombés au début de la vie, à l'âge naturel de l'innocence, sont si loin encore de la criminalité invétérée, si proche, au contraire, de la correction facile, de la rédemption entière, si aptes encore à l'existence honnête et productive.

Et la justice humaine, quelle que soit son habitude aux chutes les plus diverses, se trouble profondement devant cet aspect inusité de la pénalité enfantine, quand, en l'absence d'institutions

---

водствомъ и строгими приговорами имѣть дѣло съ тѣми, которые хотя и нарушили законъ и заслужили опредѣленную имъ кару, но вмѣстѣ съ тѣмъ, преступивъ его на порогѣ жизни въ естественномъ возрастѣ невинности, еще такъ далеки отъ зрѣлой преступности, такъ близки, напротивъ, къ полному возрожденію, такъ способны еще къ честной и производительной жизни.

И судъ людской, какъ бы ни велика была его привычка къ разнороднѣйшимъ случаямъ порчи и преступленій, приходитъ въ глубокое смущеніе при необычномъ видѣ этой юношеской преступности, въ особенности когда онъ, при отсутствіи спеціальныхъ для нея заведеній, вынужденъ примѣнять къ ней общую мѣрку, правда, уменьшенную по количеству и размѣрамъ, но тождественную по качествамъ съ той, которая установлена для преступниковъ зрѣлаго возраста и полнаго разумѣнія. Судья, не потерявшій въ своихъ суровыхъ обязанностяхъ ни сердца, ни практическаго здраваго смысла, остается пода-

spéciales, le juge doit appliquer la mesure générale, quoique diminuée de proportions, mais la même dans son essence, que pour les criminels à l'âge de la pleine raison. Le magistrat, que ses fonctions sévères n'ont dénué ni de coeur, ni de sens pratique, demeure confondu par la nécessité pénible d'envoyer dans la prison, faite pour punir les grands, les pauvres petits, qui ne demandent qu'à être relevés par une éducation appropriée.

Il se produit alors, dans ces circonstances difficiles, un phénomène tout-à-fait anormal: le doute sur le principe même de l'action pénale et de la peine se glisse parmis ses propres agents, l'hésitation et avec elle les brouillards indécis et mobiles du compromis se répandent là, où, pour être juste, tout doit être clair, ferme et sincère. Pour que la justice soit pure et vraie,—on n'en doute plus maintenant—le milieu et les conditions, dans lesquels le juge va placer ses condamnés, ne peuvent pas, ne doivent pas s'intreposer en contradiction flagrante aves sa conscience. Autrement il cherche fiévreusement une issue, et quelque-

---

вленнымъ тяжкою необходимостью отсылать въ тюрьму, устроенную для наказанія взрослыхъ, бѣдныхъ дѣтей, еще легко доступныхъ исправленію посредствомъ цѣлесообразнаго перевоспитанія.

Изъ этихъ трудныхъ обстоятельствъ возникаетъ вполнѣ ненормальное явленіе: сомнѣніе въ самомъ принципѣ уголовнаго возмездія прокрадывается въ среду самихъ его дѣятелей, колебанія и неразлучные съ ними туманы, компромиссы, измѣнчивые и подвижные, распространяются тамъ, гдѣ все, чтобы быть справедливымъ, должно быть ясно, твердо, искренно. Уже давно всѣ убѣждены въ томъ, что для чистаго истиннаго правосудія, условія и среда, въ которыя приговоръ судьи поставитъ осужденнаго, не могутъ, не должны быть въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его судейской совѣстью. Иначе онъ тревожно ищетъ выхода и иногда находитъ его въ томъ, что̀ быть можетъ, согласно съ человѣчностью, но вовсе не соотвѣтствуетъ правдѣ закона. Опасенію рисковать будущностью виновнаго юноши

fois il en trouve une, qui, pour être humanitaire, n'est pas celle de la vérité légale. Plutôt que de risquer l'avenir d'un enfant coupable entre les murs sombres d'une prison ordinaire, on préfère les hasards et les risques de la liberté; plutôt que d'exposer le mineur à l'influence pernicieuse des vétérans du crime, on va faire—je me permettrais d'appeler les choses par leur nom—on va faire de la *justice sentimentale.* Le glaive de la sanction pénale s'échappe des mains affaiblies par la compassion; dans la crainte moralement légitime du „*summum jus — summa injuria*", on aquitte, quand d'après l'évidence et les textes formels on devrait condamner et punir, on absout, quand on ne devrait que juger....

Mais tout cela disparaît ou change, dès que le magistrat peut remettre par son arrêt le jeune coupable au soins attentifs d'un asile correctionnel, érigé en ce but, une vraie maison d'éducation disciplinaire, dont le régime est adapté à détruire les germes prématurées du crime, d'où l'enfant vicieux peut sortir

---

въ мрачныхъ стѣнахъ обыкновенной тюрьмы предпочитаютъ рискъ и случайности свободы; изъ боязни подвергнуть несовершеннолѣтняго губительному вліянію ветерановъ преступленія, прибѣгать, къ тому, что я позволю себѣ назвать „сантиментальнымъ" правосудіемъ. Мечъ уголовной санкціи выскользаетъ изъ рукъ, ослабленныхъ состраданіемъ; изъ нравственно понятнаго страха передъ тѣмъ, что можетъ *summum jus* обратить въ *summa injuria*, начинаютъ оправдывать—когда очевидность и прямыя предписанія требуютъ осужденія и наказанія, милуютъ—когда нужно только судить.

Но все это измѣняется и исчезаетъ, какъ только судья получаетъ возможность передать преступника внимательному вѣдѣнію исправительнаго пріюта, устроеннаго именно съ этою цѣлью, въ настоящее дисциплинарно-исправительное заведеніе, въ которомъ все приспособлено къ тому, чтобы уничтожить преждевременные задатки преступленія; изъ такого заведенія порочный юноша можетъ выйти честнымъ человѣкомъ, молодой

honnête homme, le jeune vagabond, le fainéant précoce—devenir un travailleur zélé prêt à gagner son pain. Ayant dans son système de peines un établissement comme celui où nous sommes maintenant, le juge n'éprouve aucune perplexité, il sait qu'en condamnant un mineur, dans la pluralité considérable des cas, ce n'est pas sa perte qu'il ordonne, c'est son salut. Effectivement, bientôt le temps réparateur effacera le stigmate de la condamnation, tandis que l'éducation reçue, le métier appris, les habitudes d'honnêteté et de travail inculquées et acquises à un âge, où tout est encore en formation — et le jeune homme, de par le fait même de la peine infligée et subie, se trouve capable de choisir la voie du bien, pour ne plus la quitter désormais. Au point de vue du magistrat criminel, l'évolution est énorme: au lieu de compromis et de fictions la justice suit son cours régulier, et le juge, concordant aisement la loi et les exigeances impérieuses morales et sociales, reste en paix avec sa conscience et sa raison.

бродяга, рано начавшій бездѣльничать, можетъ сдѣлаться усернымъ работникомъ, способнымъ заработать себѣ кусокъ хлѣба. Располагая въ системѣ наказаній учрежденіемъ, подобнымъ тому, въ которомъ мы теперь находимся, судья не испытываетъ никакого мучительнаго затрудненія: онъ знаетъ, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ его обвинительный приговоръ поведетъ не къ гибели юнаго осужденнаго, а напротивъ, къ его спасенію. Въ самомъ дѣлѣ, все смывающее время скоро изгладитъ клеймо осужденія, между тѣмъ какъ воспитаніе уже получено, ремесло усвоено и пріобрѣтены, такъ сказать, привычки къ честности и труду въ такомъ возрастѣ, когда все еще находится въ броженіи, и молодой человѣкъ, въ силу самаго наказанія, имъ понесеннаго, становится способнымъ сознательно избрать путь добра, съ тѣмъ, чтобъ уже отъ него не уклоняться. Съ точки зрѣнія судебнаго дѣятеля это цѣлая огромная эволюція: вмѣсто фикцій и компромиссовъ, правосудіе идетъ своимъ правильнымъ путемъ, и судья, легко соглашая

Tout ce que je viens d'évaluer peut paraitre élémentaire aux spécialistes distingués, qui me font le sacrifice de leur attention, car ils sont venus de loin, des pays, qui ont déjà résolu plus ou moins, en théorie comme en pratique, la grande question des différents asiles correctionnels, des pays, pour lesquels préconiser ces institutions serait frapper à des portes ouvertes... Mais je ne crains pas de le dire — nous n'en sommes encore qu'aux commencements et, pleins d'énergique confiance dans l'avenir, nous saluons au jubilée de l'asile Roukavischnikoff autant le succès et le développement brillant d'un établissement salutaire, que le progrès réel parmis nous d'une grande et féconde idée. Cet asile est devenu l'institution-mère, l'établissement modèle des maisons du même genre, qui s'organisent consécutivement dans diverses régions de notre immense patrie. A côté des prisons pour punir et corriger les majeurs surgissent déjà, quoique lentement à cause des espaces, des institutions, asiles et colonies agricoles, afin de remplacer auprès

---

законъ съ непреложными требованіями нравственности и общественнаго строя, пребываетъ въ мирѣ съ своею совѣстью и своимъ разсудкомъ.

Все, что я сказалъ, можетъ, однако, показаться слишкомъ элементарнымъ для тѣхъ выдающихся спеціалистовъ, которые оказываютъ мнѣ честь своимъ вниманіемъ. Но я не боюсь сказать этого: мы еще при самыхъ начаткахъ дѣла и, полные мужественной вѣры въ будущее, мы привѣтствуемъ на юбилеѣ Рукавишниковскаго пріюта столько же успѣхъ и блестящее развитіе благодѣтельнаго учрежденія, сколько успѣхъ среди насъ великой и плодотворной мысли. Рукавишниковскій пріютъ сдѣлался родоначальникомъ и образцовымъ учрежденіемъ для подобныхъ же заведеній, которыя послѣдовательно открываются въ разныхъ частяхъ нашего необъятнаго отечества. На ряду съ тюрьмами, предназначенными для наказанія и исправленія взрослыхъ, возникаютъ, хотя еще медленно, въ виду обширности пространства, пріюты и земледѣльческія колоніи, имѣющіе

des mineurs la punition proprement dite par l'éducation correctionnelle.

Et puisque je parle en magistrat, qui a vu défiler devant lui par centaines ces malheureuses victimes d'une enfance manquée, je me rappelle, non sans émotion, d'une parole entendue, il y a longtemps, à des assises de province, d'une réponse naive et touchante, faite par un simple juré sur les motifs d'aquittement d'un garçon visiblement plus infortuné, que dépravé, mais convaincu de participation à un vol sérieux: „Nous sommes pères aussi", m'a-t-il dit, „et nous craignons la prison pour nos enfants, comme pour ceux d'autrui; nous l'avons aquitté pour qu'aprés avoir volé, il ne devienne pas un brigand". Grâce à Dieu, ces paroles sont déjà presque un anachronysme, et si le malheur d'une pénalité venait à peser sur une jeune existence, ce n'est pas craindre qu'il faudrait, mais bénir un asile comme celui-là.

Je devrais pourtant m'abstenir à en dire davantage: fami-

цѣлью замѣнить для несовершеннолѣтнихъ собственно наказаніе исправительнымъ воспитаніемъ.

Говоря въ качествѣ судебнаго дѣятеля, предъ которымъ прошли сотни этихъ злополучныхъ жертвъ несчастнаго дѣтства, я вспоминаю не безъ волненія слова, слышанныя мною давно, на провинціальной сессіи суда присяжныхъ, наивный и трогательный отвѣтъ простолюдина-присяжнаго на вопросъ о томъ, почему былъ оправданъ мальчикъ, видимо болѣе несчастный, чѣмъ испорченный, но вполнѣ уличенный въ крупной кражѣ. „Мы тоже родители,—сказалъ онъ,—и мы боимся тюрьмы и для своихъ, и для чужихъ дѣтей; оправдали мы его затѣмъ, чтобъ изъ вора онъ не сталъ разбойникомъ". Слава Богу, этотъ отвѣтъ все болѣе и болѣе становится почти анахронизмомъ, и если несчастіе подвергнуться уголовной карѣ поразило бы теперь молодую жизнь, то слѣдовало бы не бояться, а благословлять такое учрежденіе, какъ Рукавишниковскій пріютъ.

Я долженъ бы воздержаться отъ дальнѣйшей его оцѣнки:

liers avec l'accusation et les sentences, nous ne sommes pas forts sur l'éloge, et du reste ceux des assistants, qui ne connaissent pas l'asile, vont pouvoir en juger même dans une visite brève et courante. Une chose, toutefois, que je ne puis omettre de mentionner, ce sont les circonstances exceptionnellement fortuites, qui contribuent à la prospérité de cette oeuvre pieuse, comme si elle était encore animée du souffle édifiant de l'âme pure, qui lui donna, sinon la vie, du moins l'esprit, qui lui traça la ligne à suivre, lui désigna l'idéal à atteindre. Un nom glorieux et cher dans l'exercice de la philantropie pénitentiaire préside désormais aux destinées futures de cette institution, le nom de *Nicolas Roukavischnikoff*, cet homme des qualités les plus rares, qui voua à l'enfance dépravée et malheureuse tous les instants de sa trop courte existence, qui fut jusqu'au dernier soupir de cette enfance le génie bienfaisant. S'étant développé sous ses auspices, l'asile gardera toujours l'innéfaçable et vivifiante mémoire de celui, dont la vertueuse image, admirée jadis en action ici même, inspira

---

привычные къ обвиненію и приговорамъ, мы не сильны въ восхваленіи, да къ тому же тѣ изъ присутствующихъ, кто еще не знакомы съ пріютомъ, будутъ сейчасъ имѣть возможность составить себѣ о немъ достаточное понятіе даже при бѣгломъ осмотрѣ и краткомъ посѣщеніи. Но я не могу не упомянуть о тѣхъ исключительно благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя способствуютъ процвѣтанію этого благого начинанія, какъ будто надъ нимъ еще неусыпно бодрствуетъ чистая душа, давшая ему если не жизнь, то духъ, указавшая ему прямую дорогу и высокую цѣль. Имя славное и дорогое въ лѣтописяхъ пенитенціарно-филантропической практики отнынѣ неразрывно связано съ будущими судьбами этого учрежденія, имя Николая Рукавишникова, того человѣка рѣдчайшихъ душевныхъ и сердечныхъ качествъ, который посвятилъ всѣ мгновенія своей, увы, слишкомъ короткой жизни несчастному, испорченному юношеству и до послѣдняго своего вздоха не переставалъ быть его добрымъ геніемъ. Развившись подъ его заботливою рукой, пріютъ сохранитъ навѣки

à un ecclésiastique anglais de dire dans son premier sermon, à peine revenu chez lui: „*Je puis mourir tranquille, car j'ai eu l'occasion de voir un juste*“. Désirant consacrer cette mémoire dans son oeuvre même, la famille du défunt, n'épargnant rien de ce que peuvent les forces morales et materielles, l'a prise sous la protection de son amour et de sa piété, et nous rendons hommage, dans la personne de M. le curateur honoraire actuel, au digne successeur de son frère, à l'exécuteur fervent et fidèle de ses pensées. Néanmoins, ici ne se bornent pas les garanties vitales de l'établissement: la puissante union municipale de notre cité partage l'entretien et le versement des fonds nécessaires à l'asile et en assure dorénavant le fonctionnement, de sorte que tout et de toutes parts, dans l'ordre moral comme dans le monde matériel, concourre à son soutien.

Mais il est temps de conclure.

Témoins oculaires des étonnants résultats obtenus et de l'action vraiment regénératrice de l'asile, qui tend à ôter à ses

---

неизгладимую, животворящую память того, чей образъ, видѣнный здѣсь, на дѣлѣ, внушилъ англійскому священнику сказать въ своей первой проповѣди по возвращеніи домой: „Я могу умереть спокойно, я видѣлъ праведника“. Желая увѣковѣчить эту память въ самомъ ея произведеніи, семья почившаго, не щадя ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ силъ, приняла его подъ свое покровительство, сердечное и благочестивое. Въ лицѣ теперешняго почетнаго попечителя пріюта мы привѣтствуемъ достойнаго преемника своего брата, вѣрнаго и ревностнаго исполнителя его завѣтной мысли. Тѣмъ не менѣе, этимъ не ограничиваются жизненныя гарантіи учрежденія; наше городское общество, сильное въ своемъ общественномъ союзѣ, раздѣляетъ расходы по содержанію пріюта и обезпечиваетъ тѣмъ его существованіе, такъ что все, и въ сферѣ нравственной, и въ сферѣ матеріальной, все и со всѣхъ сторонъ содѣйствуетъ его поддержкѣ.

Но пора кончить. Свидѣтели-очевидцы изумительныхъ успѣ-

élèves jusqu'au dernier vestige des fautes passées, nous honorons dans l'asile Roukavischnikoff une des plus grandes et de plus efficaces victoires pacifiques remportées dans notre pays sur le crime et sur le vice. Nous nous estimons doublement heureux de le proclamer aujourd' hui, à un anniversaire, que nous voudrions suivi de beaucoups d'autres pareils. Je dis doublement, car cet anniversaire est devenu pour nous une double fête à cause de la présence de MM. les membres du premier Congrès international tenu en Russie. A la veille de leur retour dans leurs pays, au coeur même du notre, tout éblouis encore, tout émerveillés du spectacle imposant de cette fraternité sublime de la science et du progrès, nous pourrons donc leur dire avec quelque droit: „Chers collègues et collaborateurs, autant qu'il nous est possible nous sommes des vôtres dans le combat gigantesque du bien contre le mal, de la lumière contre les tenèbres, nous voulons combattre dans vos rangs, avec quelque différence peut-être d'armes et de bagages, que nous imposent les besoins

---

ховъ дѣла и спасительнаго воздѣйствія пріюта на его питомцевъ, въ которыхъ онъ уничтожаетъ послѣдніе слѣды минувшихъ ошибокъ, мы чествуемъ въ Рукавишниковскомъ исправительномъ пріютѣ одну изъ величайшихъ мирныхъ побѣдъ, одержанныхъ у насъ надъ преступленіемъ и порокомъ. Мы вдвойнѣ счастливы провозгласить это именно сегодня, при годовщинѣ, вслѣдъ за которой мы желали бы видѣть еще много ей подобныхъ. Я говорю *вдвойнѣ*, потому что годовщина эта сдѣлалась для насъ двойнымъ праздникомъ вслѣдствіе присутствія на ней гг. членовъ перваго международнаго конгресса, собравшагося въ Россіи. Наканунѣ ихъ отъѣзда, каждаго въ свою страну, въ самомъ сердцѣ нашей, еще очарованные величественнымъ зрѣлищемъ этого чуднаго братства науки и прогресса, мы все-таки можемъ сказать имъ съ нѣкоторымъ правомъ: дорогіе сотрудники, насколько для насъ возможно, мы съ вами въ гигантскомъ бою добра со зломъ, свѣта съ мракомъ, мы хотимъ бороться въ вашихъ рядахъ, быть можетъ, съ нѣкоторымъ раз-

et les intérêts de notre sainte patrie, mais dans un élan commun vers un même but généreux—la sauve-garde mutuelle de la société et de l'individu,—au nom des mêmes principes éternels, de la justice et de l'humanité!!"

личіемъ въ вооруженіи и въ средствахъ, различіемъ, которое указывается намъ потребностями и интересами нашей святой Руси, но въ общемъ дружномъ стремленіи къ одной великодушной цѣли — къ взаимной защитѣ общества и личности во имя однихъ и тѣхъ же великихъ, вѣчныхъ началъ справедливости и человѣколюбія!

II.

Слово къ выдержавшимъ окончательное испытаніе изъ юридическихъ наукъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

Въ отвѣтъ на благодарственное привѣтствіе, съ которымъ выдержавшіе окончательное испытаніе въ юридической испытательной коммиссіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ обратились 24 ноября 1890 г. къ предсѣдателю коммиссіи, было сказано слѣдующее.

„Отъ имени коммиссіи сердечно благодарю васъ за выраженныя вами добрыя чувства. Они тѣмъ болѣе пріятны и дороги намъ, что, стало-быть, наше посильное отношеніе къ возложенному на насъ не легкому дѣлу нашло себѣ отголосокъ въ вашемъ чуткомъ пониманіи и молодой воспріимчивости. А отношеніе это было въ сущности лишь простымъ исполненіемъ *долга*, по совѣсти и крайнему разумѣнію, съ принятіемъ въ соображеніе всего того, что̀ въ кругѣ вашихъ интересовъ и нуждъ мы находили дѣйствительно серьезнаго и разумнаго. Позвольте же мнѣ, господа, именно отсюда вытекающимъ душевнымъ и искреннимъ пожеланіемъ проводить васъ на открывающійся передъ вами широкій путь самостоятельной дѣятельности.

„Не даромъ вы, потрудившись такъ долго и много, выдержали теперь *государственное* юридическое испытаніе. За порогомъ его начинается *вашъ* собственный *долгъ предъ государствомъ*, которому вы только ревностнымъ исполненіемъ этого долга можете отплатить за полученное образованіе и связанныя съ нимъ права. Сложенъ и труденъ, но за-то святъ и великъ нравственный и общественный долгъ окончившаго курсъ рус-

скаго юриста, кѣмъ бы ни сталъ онъ впослѣдствіи: служителемъ ли чистой науки, судебнымъ ли дѣятелемъ или работникомъ на какомъ-либо иномъ практическомъ поприщѣ. Исполнять этотъ долгъ значитъ: быть вѣрнымъ подданнымъ своего Государя, крѣпко любить свою родину, дѣятельно служить ей по мѣрѣ силъ и способностей, бережно чтить и хранить ея законы и основныя великія учрежденія, твердо стоять за правду и справедливость, смѣло бороться съ неправдой и зломъ. Скажу и еще: для исполненія этого долга нужно работать безъ устали и, работая, влагать въ дѣло, какъ говорится, всю душу свою, нужно помнить великія задачи этого дѣла, не увлекаться легковѣсною фразой, не размѣниваться на житейскія мелочи, не замыкаться въ узкомъ личномъ эгоизмѣ, при которомъ возможна, конечно, внѣшняя практическая удача, но никогда не будетъ ни истиннаго уваженія окружающихъ, ни собственнаго внутренняго, высшаго, ни съ чѣмъ не сравнимаго удовлетворенія. И если ко всему этому прибавить еще пожеланіе, чтобы вы, господа, въ предстоящей вамъ „битвѣ жизни“ сохранили въ неприкосновенной цѣлости все хорошее, пріобрѣтенное вами въ стѣнахъ университета, и не забывали лучшихъ стародавнихъ завѣтовъ московскаго студенчества, то дорога ваша намѣчена, и каковы бы ни были ея трудности и невзгоды, повѣрьте мнѣ, рано ли, поздно ли, на ней васъ ждетъ честный и заслуженный успѣхъ!“

III.

Рѣчь, произнесенная въ Вильнѣ, въ военномъ собраніи 8 ноября 1898 года, въ день открытія памятника графу М. Н. Муравьеву.

Сегодняшнее патріотическое торжество должно оставить слѣдъ не въ одной мѣстной, но и во всей русской жизни. Я хотѣлъ бы отмѣтить это значеніе именно теперь, въ невозвратимую минуту всеобщаго душевнаго подъема, именно здѣсь, вмѣстѣ съ вами, среди радушнаго гостепріимства, которымъ вы почтили вашихъ сердечно тронутыхъ и горячо признательныхъ гостей.

По мановенію Царскому, свободной и добровольной складчиной русскихъ людей, откликнувшихся со всѣхъ концовъ обширнаго отечества, воздвигнутъ въ древней Вильнѣ памятникъ не человѣку только—подвигу. Въ томъ мужественномъ и многотрудномъ подвигѣ было могучее незыблемое начало, была живая творческая мысль, было святое дѣло, невѣдающее преградъ. Личное и смертное отходитъ въ вѣчность, но историческій подвигъ не умретъ, и нынѣ, запечатлѣнный всенароднымъ признаніемъ и уваженіемъ, онъ молчаливо учитъ насъ, дѣтей и внуковъ, и будетъ поучать потомковъ нашихъ долго, доколѣ славно и грозно имя русское.

Открытый сегодня памятникъ воочію и громче всякой рѣчи знаменуетъ тѣ завѣты, которые нѣкогда принесъ сюда и водворилъ здѣсь „непосрамившій земли русской“ старецъ..... Въ тяжелую годину смуты онъ уберегъ и умиротворилъ этими завѣтами нашу исконную Сѣверо-Западную окраину. Онъ поднялъ

бодрость, разсѣялъ мглу, вернулъ спокойствіе, онъ сдѣлалъ больше — онъ проложилъ широкіе и вѣрные пути грядущему. Немного такихъ началъ, не многосложны эти завѣты, но какою безграничной, неотразимой силой звучатъ они, какой богатой нивой взойдутъ ихъ сѣмена, посѣянныя доброю рукою!

Вы помните, настала бурная пора борьбы и колебаній, когда безумцамъ могло казаться, что пробилъ часъ ихъ затаенныхъ вожделѣній. Вопреки закону, праву, долгу, въ противность здравому политическому смыслу и всѣмъ урокамъ и опыту исторіи, разгорѣлся кровавымъ заревомъ мятежный споръ о томъ, чему тутъ быть—Литвѣ ли, Польшѣ, лжи или правдѣ, призракамъ или дѣйствительности Но пожаръ погасъ и прекратился споръ послѣ того, какъ властно раздалось изъ Вильны, что здѣсь *Россія*, и это чудодѣйственное слово день за днемъ и шагъ за шагомъ закрѣплялось неутомимою, упорною работой, въ которой послѣдовательность и настойчивость соединялись съ мѣткостью и осторожностью, и поэтому энергія и смѣлость сопровождались всегда успѣхомъ.

Въ этомъ короткомъ, единомъ словѣ было все: программа, планъ, система, направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ надо всѣмъ высится у насъ въ Россіи? Наше вѣковое православіе, вѣра нашихъ святыхъ, святителей, князей, царей, народа русскаго, который она поддерживала и охраняла въ эпохи испытаній и невзгодъ. Мы всѣ, отъ хижины до трона, благоговѣемъ предъ нашей церковью, намъ дороги и близки ея судьбы, ея духовное благочестивое господство. И вотъ на время затуманенное, западно-русское православіе возсіяло новымъ блескомъ, собирая у возстановленныхъ алтарей своихъ всѣхъ вѣрныхъ или заблудшихъ своихъ сыновъ. Не съ злобой или ненавистью и безъ предвзятой подозрительности, а яснымъ взглядомъ разумной государственной терпимости взираетъ памятникъ на иновѣріе, пока оно чуждается вражды и козней. Съ вершины памятника какъ будто слышится: пусть всякій хвалитъ Господа по совѣсти и по обычаю отцовъ и дѣдовъ, но пусть при этомъ каждый помнитъ, что православной, а не иной Россіи онъ обязанъ подданствомъ и покорностью. Россія сложилась, возрасла и пребы-

ваетъ изъ края въ край подъ мощнымъ скипетромъ самодержавія — то былъ другой отвѣтъ крамолѣ съ ея песбыточнымъ мечтаніемъ о злополучныхъ, давно отжившихъ польскихъ вольностяхъ, которыя когда-то такъ дорого обошлись Литовской и Бѣлой Руси. Передъ любвеобильнымъ сердцемъ, передъ великодушнымъ попеченіемъ Самодержца Русскаго равны всѣ подданные необъятной Его Державы, на всѣхъ Онъ простираетъ одинаково блага законнаго и мирнаго преуспѣянія, всѣмъ воздаетъ заслуженное, всѣмъ обезпечиваетъ ихъ человѣческія, гражданскія права и правильное общежитіе. За-то отъ всѣхъ и требуется безусловное повиновеніе вѣрноподданническому долгу, строжайшее соблюденіе вѣрности и присяги. Кто измѣнилъ имъ словомъ или дѣломъ, — тотъ врагъ Россіи, изъ тѣхъ враговъ ея, которые, по вѣщему стиху поэта, были врагами и равнодушнаго къ нимъ дѣятеля, служившаго Царю и Отечеству, а не вѣяніямъ времени или рукоплесканіямъ толпы. Россія — вѣдь это русская народность, прирожденное чувство русское, неуловимое, но чуткое сознаніе народнаго достоинства. Противъ этого-то драгоцѣннѣйшаго достоянія государственной и національной чести и обращались ковы и угрозы нашихъ недруговъ. Но все разбилось о твердыню обновленной русской власти — и стоитъ памятника побѣдоносная защита этого сокровища. Бережно, умѣло вознесено оно надъ преходящими теченіями, на прочномъ основаніи поставлено, внушительнымъ окружено запретомъ — и отъ послѣдующихъ хранителей и стражей зависитъ неизмѣнная, мы вѣримъ, цѣлость порученнаго имъ священнаго залога.

Тамъ, гдѣ вѣками утверждалось наше царство, гдѣ издавна высоко вѣетъ наше знамя, тамъ мы — хозяева и судьи въ своихъ дѣлахъ и не потерпимъ посторонняго вмѣшательства. Но у насъ должны быть правда и порядокъ, ихъ нужно вкоренить во что бы то ни стало, не отступая передъ жертвами, не щадя виновныхъ единицъ, для спасенія ни въ чемъ неповинныхъ тысячей. Такъ мыслилъ и дѣйствовалъ тотъ, кого противники старались укорить въ суровости, которая была лишь дальновидной и непреклонной справедливостью. Еще во цвѣтѣ лѣтъ, еще

до польскаго возстанія, онъ написалъ въ запискѣ, поданной Императору Николаю Первому, поистинѣ пророческія слова: „Никакія строгія, но справедливыя мѣры не страшны для народа; онѣ гибельны для законопреступниковъ, но пріятны массѣ людей, сохранившихъ добрыя правила и желающихъ блага общаго". Много лѣтъ спустя, изъ виленскаго дворца были блистательно примѣнены тѣ же разумнѣйшія мѣры, и скоро смута всюду смѣнилась успокоеніемъ и тишиной. Правда вѣчная, правда, бьющая въ глаза всякому, неослѣпленному страстью или разсчетомъ, правда нравственная и законная неизбѣжно привела и къ распредѣленію русскаго просвѣщенія, и къ устроенію обездоленнаго крестьянства, къ охранѣ слабаго отъ сильнаго, къ прекращенію стародавняго сословнаго и племеннаго гнета. Оружіе подавило явный бунтъ, а внутреннее, подпольное броженіе затихло, какъ только безпорядку съ его иллюзіями и шатаніемъ противостала рѣшительная, въ себѣ увѣренная власть, смѣло идущая къ прямой и ясной цѣли. Несчастные, сбитые съ толку, люди сами тотчасъ бѣжали отъ мятежа, когда увидѣли, что въ одномъ правительствѣ ихъ прибѣжище. Законный порядокъ тѣмъ и благотворенъ, что всѣмъ и каждому онъ даетъ спокойное и мирное существованіе, безъ горькихъ сожалѣній о вчерашнемъ, безъ жгучаго сомнѣнія въ завтрашнемъ днѣ. Законная власть всегда могущественна, если ея носители, одушевленные величіемъ задачи, тѣсно сомкнувшись вокругъ любимаго вождя, глубоко проникаются своимъ призваніемъ и рвутся въ бой, не какъ наемники, а какъ сознательные борцы идеи, долга. Непобѣдимъ такой оплотъ, неуязвимъ этотъ закалъ, — о томъ свидѣтельствуютъ намъ сподвижники виленскаго замиренія. Подъ мудрымъ руководствомъ они сослужили незабываемую службу въ здѣшнемъ краѣ и положили въ немъ основу той мѣстной, общеполезной дѣятельности, въ которой — вся надежда будущаго развитія и процвѣтанія. Эта дѣятельность не знаетъ разницы ни въ происхожденіи, ни въ профессіи: каждый — великороссъ, литвинъ, полякъ иль нѣмецъ — можетъ быть по духу русскимъ человѣкомъ, на всякомъ поприщѣ можно усердно потрудиться русскому государственному

дѣлу, никому не стыдно преклониться передъ памятникомъ убѣжденной и откровенной русской твердости, и лишь безличію и безразличію нѣтъ мѣста у его подножія.

Я высказалъ, что было на душѣ. Простите за нѣкоторую, быть можетъ, сухость слова: его предмету подобаетъ простая ясность искренности, не краснорѣчіе. На тризнѣ по минувшему, на праздникѣ былыхъ заслугъ предъ государствомъ, мнѣ думалось, всего умѣстнѣе помянуть во здравіе то общее безличное, великое, что создало всю славу чествуемой нами благородной памяти. Многозначителенъ возставшій передъ нами образъ—то образъ пламенной и безраздѣльной любви къ родинѣ, образъ самоотверженно-преданнаго, безстрашнаго и потому счастливаго ей служенія. Незримо присутствуя здѣсь межъ нами, да соединитъ онъ насъ въ достойномъ его дружномъ возгласѣ: за родную, единую Русь, за правду въ ней и порядокъ, за вѣрныхъ служителей долга, за честныхъ и стойкихъ русскихъ людей!

ОТДѢЛЪ II

ВЪ МИНИСТЕРСТВѢ ЮСТИЦІИ

ПАМЯТИ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III [1]).

(1894 г.).

Въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Божьяго Промысла, Господу Вседержителю угодно было поразить наше отечество горестнымъ испытаніемъ: 20 октября сего года, въ Ливадіи, не стало Императора Александра Третьяго.

Безвременно постигнутый тяжкимъ недугомъ, Онъ отошелъ въ вѣчность, какъ жилъ и царствовалъ: въ тихомъ и мирномъ величіи, окруженный нѣжнолюбящей и любимой семьею, съ глубокой вѣрою и благочестивыми помыслами, среди непрестанныхъ трудовъ на пользу Россіи и неусыпныхъ заботъ о ней, которые наполняли собою все Его праведное существованіе и, сломивъ, наконецъ, могучія силы, даже и въ предсмертные дни, до послѣдняго часа не покидали Великаго Труженика на Престолѣ.

Подъ гнетомъ общенародной печали, сжимающей жгучею болью каждое истинно русское сердце, передъ едва закрывшеюся, свѣжею могилою обожаемаго Монарха, нелегко говорить о земныхъ Его дѣяніяхъ, трудно пытаться изобразить все благое, чѣмъ Онъ стремился надѣлить родную страну. Но вѣдомство, ставящее справедливость своею первой задачей, а правосудіе — главнымъ предметомъ своей дѣятельности, это вѣдомство именно здѣсь, въ челѣ настоящаго своего изданія, возобновленнаго соизволеніемъ Почившаго, не можетъ не помянуть глубочайшею скорбью и благоговѣйнымъ воспоминаніемъ Того,

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1894/5 г., Ноябрь 1894 г.

Кто Самъ былъ лучшимъ олицетвореніемъ правды и высшимъ прибѣжищемъ, надежнѣйшимъ покровителемъ всякаго законнаго права противъ всякаго неправаго посягательства.

Повсемѣстное и постоянное соблюденіе законовъ и установленнаго ими порядка составляло одно изъ важнѣйшихъ попеченій усопшаго Государя. Высоко цѣня *законность* повсюду, Онъ ожидалъ и требовалъ ее прежде всего отъ дѣйствій представителей правительственной власти; въ законности Онъ указывалъ ясный исходъ изъ восходившихъ до Трона Его житейскихъ или общественныхъ многосплетеній и нерѣдко повелѣвалъ *поступить по закону*, когда въ спорныхъ дѣлахъ затронутые интересы домогались непосредственно передъ Самодержавною Волей благопріятнаго для нихъ рѣшенія. Всегда строгое отношеніе покойнаго Государя къ уклоненіямъ отъ закона умѣрялось лишь въ случаяхъ отсутствія злого умысла и личныхъ побужденій или при стеченіи тягостныхъ обстоятельствъ, которыя быстро оцѣнивала Его необычайная чуткость къ нравственному и бытовому характеру дѣлъ. И самая законность представлялась Верховному Законодателю русской земли не какъ бездушная, условная форма безъ жизненнаго и моральнаго содержанія, а какъ дѣйствительный оплотъ и живая охрана всего честнаго, разумнаго и полезнаго. Царь-Правдолюбецъ, снисходительный къ простымъ ошибкамъ, Онъ питалъ непреодолимое отвращеніе ко лжи и корысти и еще въ самомъ началѣ Царствованія призывалъ своихъ вѣрноподданныхъ „къ истребленію неправды и хищеній“. Все сомнительное, неискреннее, затаенное въ дѣяніяхъ человѣческихъ возмущало Его прямодушіе; наоборотъ, все открытое, прямое, чистосердечное доставляло Ему утѣшеніе, а въ Немъ находило вѣрнѣйшую опору. Съ твердымъ, хотя и не чуждымъ грусти, спокойствіемъ мудрости, вѣдающей слабость людскую и ограниченность средствъ общественной борьбы со зломъ, взиралъ Онъ на раскрывавшіяся у Его подножья картины людской вражды и паденія. Онъ вѣрилъ въ силу добра, но не скрывалъ отъ себя препятствій къ его побѣдѣ, и всѣ надежды на успѣхъ его какъ въ государственномъ, такъ и въ частномъ быту возлагалъ на тотъ един-

ственный путь, которымъ неизмѣнно совершалъ Онъ царственное свое служеніе—путь непоколебимо мужественнаго и добросовѣстнаго выполненія *долга* по чистой совѣсти и крайнему разумѣнію.

Таковы были начала, руководившія велѣніями оплакиваемаго нами Державнаго Судьи русскаго царства во всѣхъ соприкосновеніяхъ Его Высочайшей власти съ дѣлами судебной области. Но этимъ далеко не исчерпывалось отношеніе къ ней покойнаго Государя—оно проявлялось ярче и глубже всего въ непзреченномъ Его *милосердіи* Слѣдуя исконнымъ понятіямъ своего народа, которыя совпадали съ естественными движеніями Его великодушнаго сердца, Онъ видѣлъ прежде всего „несчастныхъ“ въ заблудшихъ нарушителяхъ закона, если они хоть чѣмъ-либо вызывали къ себѣ состраданіе или уже искупили свою вину. Никто изъ нихъ не прибѣгалъ напрасно къ Его Царской Милости, не стѣсняемой ни образцомъ, ни предѣлами. Широко пользуясь священнѣйшимъ правомъ Монарха, Онъ радостно миловалъ или смягчалъ участь того изъ виновныхъ, кто сколько-нибудь заслуживалъ жалости, не исключая и тѣхъ безумцевъ, которые устремляли свои безсильные ковы противъ Его верховной, отъ Бога установленной, власти и противъ вѣкового отечественнаго уклада. И часто, когда вѣрноподданническій голосъ Его служителей, поставленныхъ на стражѣ закона, высказывался за строгое его примѣненіе къ преступленію и молившему о пощадѣ преступнику, чуднымъ благовѣстомъ раздавалось трогательное Монаршее слово: „*Богъ съ нимъ, можно его простить*“—слово, превращавшее для цѣлыхъ семействъ и поколѣній отчаяніе въ надежду, горе въ отраду, тревогу въ успокоеніе. Много разсѣяно по всему необъятному пространству Россіи грѣшныхъ людей, испытавшихъ на себѣ это чарующее могущество Царственнаго всепрощенія, и неудержимо устремляются теперь къ Престолу Всевышняго горячія ихъ молитвы объ упокоеніи чистой души милосерднаго ихъ Избавителя.

Судебное вѣдомство, созданное великими преобразованіями Императора Александра II, никогда не забудетъ того, что сдѣ-

лано для него Императоромъ Александромъ III. Возвѣстивъ вскорѣ по своемъ воцареніи стремленіе свое „къ водворенію порядка и правды въ учрежденіяхъ, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея Императоромъ Александромъ II“, почившій нынѣ Государь неуклонно держался этого направленія во всѣхъ мѣропріятіяхъ своего правительства по судебной части. Послѣ громадныхъ и смѣлыхъ шаговъ, сразу сдѣланныхъ отъ стародавняго безсудія къ новому, идеально задуманному, но еще не испытанному судебному строю, не время было думать о дальнѣйшемъ ходѣ впередъ, въ неизвѣстное будущее. Нужно было остановиться, осмотрѣться кругомъ, разобраться въ нахлынувшихъ опытныхъ указаніяхъ, съ тѣмъ, чтобы укрѣпиться на едва установившейся почвѣ и сохранить, утвердить на ней все хорошее, пожертвовавъ излишнимъ или неоправдавшимся. Этотъ кропотливый, чуждый шума и блеска трудъ упорядоченія и исправленія былъ предпринятъ съ тою же добросовѣстною настойчивостью, которою отмѣчены всѣ начинанія минувшаго царствованія. Чуждая мысли о томъ, чтобы ласкать взоръ современниковъ красивою перспективою или плѣнять слухъ ихъ грандіозными звуками, эта работа сдѣлала свое невидное, но необходимое дѣло и будетъ по достоинству оцѣнена благодарнымъ потомствомъ. Главныя практическія основы судебной реформы не только остались неприкосновенными, но и получили безостановочное распространеніе въ значительной части Имперіи, тамъ въ особенности, гдѣ издавна нуждалось въ нихъ разноплеменное населеніе, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, на Прибалтійской окраинѣ, въ обширныхъ мѣстностяхъ по сѣверу и востоку отъ Петрозаводска до Астрахани. Было улучшено судебное устройство степныхъ и средне-азіатскихъ областей, а также Сибири; повсюду явилась основательная увѣренность въ близкомъ завершеніи и объединеніи судебнаго преобразованія на всемъ пространствѣ Россіи. Не отрицаніе или разрушеніе, а развитіе и поддержка вмѣстѣ съ необходимыми исправленіями проходили черезъ все теченіе правительственной дѣятельности въ ея отношеніяхъ къ суду. То, что̀ нетерпѣливымъ и пылкимъ умамъ могло съ перваго взгляда казаться отступленіемъ отъ

нѣкоторыхъ вновь усвоенныхъ судебныхъ началъ, было лишь неизбѣжною данью настоятельнымъ, жизненнымъ потребностямъ времени, а отчасти лишь осторожнымъ освобожденіемъ молодыхъ учрежденій отъ излишнихъ помѣхъ ихъ успѣшному дѣйствію и отъ опасности увлеченія слишкомъ теоретическимъ ихъ построеніемъ. Заботливость Законодателя о серьезнѣйшихъ надобностяхъ вѣдомства сказалась и въ возможномъ увеличеніи скуднаго судейскаго содержанія, и въ щедромъ усиленіи личныхъ силъ судебныхъ мѣстъ, и въ поднятіи уровня присяжныхъ засѣдателей, и въ упрощеніи нѣкоторыхъ отдѣловъ судопроизводства, и въ ускореніи его, и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣръ того же охранительнаго значенія.

Но раздробленность и отрывочный характеръ такихъ поправокъ уже давно обращали на себя зоркое вниманіе Августѣйшаго Строителя своего царства, не удовлетворяя Его цѣльному представленію объ истинныхъ задачахъ единаго и равнаго для всѣхъ правосудія. Государь тяготился болѣе или менѣе случайной работой разрозненныхъ вставокъ и измѣненій, могущихъ расшатать судебное зданіе, и какъ только созрѣла въ сокровенныхъ думахъ Его рѣшимость приступить къ капитальной достройкѣ и перестройкѣ этого зданія, сообразно насущнымъ нуждамъ пользующихся имъ милліоновъ людей, послѣдовало знаменательное Высочайшее повелѣніе отъ 7 апрѣля текущаго года о пересмотрѣ законоположеній по судебной части. То былъ послѣдній, предсмертный призывъ Монархомъ судебныхъ дѣятелей къ самоповѣркѣ и совершенствованію; призывъ этотъ навсегда пребудетъ величайшимъ памятникомъ мудрой Его попечительности о русскомъ судѣ. Святымъ завѣщаніемъ звучатъ намъ незабвенныя слова, начертанныя 7 апрѣля 1894 года на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра юстиціи: „*Твердо увѣренъ въ необходимости всесторонняго пересмотра Нашихъ Судебныхъ Уставовъ, чтобы наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи. И такъ, съ Божьей помощью начинайте эту трудную работу!*“ Чѣмъ же инымъ, чѣмъ лучшимъ можетъ судебное вѣдомство почтить великую память въ Бозѣ почившаго Государя, какъ не беззавѣтно усерд-

нымъ исполненіемъ своихъ обязанностей по проложенному Имъ благороднѣйшему пути? Чѣмъ другимъ приблизится это вѣдомство къ предуказанной Имъ возвышенной цѣли, какъ не безпредѣльною вѣрноподданническою преданностью Его Сыну и Продолжателю? Всегда помнить завѣты Императора Александра III, любить родину превыше всего, служить Царю вѣрой и правдой, творить судъ достойно Царскаго Имени—вотъ чувства и помышленія, съ которыми судебные дѣятели, отъ низшихъ до высшихъ, бьютъ челомъ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ВТОРОМУ.

СЛОВО ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ УПРАВЛЕНІЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ЮСТИЦІИ.

на пріемѣ 4 января 1894 г чиновъ центральнаго управленія министерства [1]).

Вступивъ, по Высочайшей волѣ, въ управленіе министерствомъ юстиціи, я нахожу нелишнимъ при первомъ же знакомствѣ съ вами, господа, ближайшими моими сослуживцами, опредѣленно высказать вамъ мой взглядъ на характеръ и значеніе трудовъ, предстоящихъ намъ собственно въ центральномъ учрежденіи.

Его задача—завѣдывать генералъ-прокурорскою и судебною частью въ имперіи во всемъ томъ, въ чемъ это требуется закономъ и вызывается насущными практическими потребностями великаго дѣла правосудія.

По генералъ-прокурорской части, которою министерство юстиціи тѣсно связывается съ правительствующимъ сенатомъ, наша обязанность, по точному смыслу дѣйствующихъ узаконеній, сводится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы всѣми зависящими средствами способствовать сенату, этому верховному установленію, хранителю законовъ, къ правильному и безпрепятственному осуществленію принадлежащаго ему высшаго надзора въ порядкѣ суда, управленія и исполненія.

Что же касается до судебной части, то не подлежитъ сомнѣнію, что часть эта, какъ живое дѣло, непрестанно идущее впередъ, и въ своей теперешней постановкѣ далеко еще не

---

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 189⁴/₅ гг., Ноябрь 1894 г.

завершенное, нуждается въ значительныхъ усовершенствованіяхъ и упрощеніи, въ развитіи началъ, положенныхъ въ его основу. Улучшенія такого рода могутъ быть достигнуты путемъ двоякихъ мѣропріятій, законодательныхъ и административныхъ, при чемъ на министерствѣ лежитъ вся предварительная разработка тѣхъ и другихъ и всѣ первыя заботы по проведенію ихъ въ жизнь. Поэтому тщательное изученіе серьезныхъ требованій, которыя жизнь предъявляетъ къ судебной области, чуткость и отзывчивость къ отголоскамъ этой послѣдней, вѣрное освѣщеніе ея явленій свѣтомъ знанія и опыта, добросовѣстная ихъ оцѣнка съ точки зрѣнія обще-государственныхъ условій—вотъ свойства и данныя, могущія сдѣлать трудъ нашъ жизненнымъ и небезуспѣшнымъ.

Судебная часть есть отрасль правительственной дѣятельности на благо общее, и судебное вѣдомство есть одинъ изъ органовъ правительства. Очевидно—какъ значится, впрочемъ, и въ законахъ объ общемъ образованіи министерствъ — наша дѣятельность всегда должна быть строго согласована съ намѣреніями и видами правительства, а выполнять ее необходимо въ дружномъ единеніи съ другими правительственными органами, изъ которыхъ многіе съ нами сопредѣльны и въ правѣ разсчитывать на наше искреннее содѣйствіе для пользы службы Его Императорскаго Величества. Не рознь или обособленіе властей, а лишь разумная между ними солидарность, при полной самостоятельности каждой въ ея сферѣ, составляетъ несокрушимый оплотъ и благодѣтельную крѣпость гражданскаго порядка.

Призванная къ постоянному попеченію о всевозможныхъ нуждахъ отечественной юстиціи, судебная администрація не можетъ не заботиться о тѣхъ, кто такъ или иначе участвуетъ въ отправленіи суда. А потому и представители его съ ихъ часто скромными, но настоятельными надобностями, съ ихъ цѣнными заявленіями изъ богатаго запаса практики, должны находить въ этихъ стѣнахъ не безучастную къ себѣ холодность, а терпѣливое, привѣтливое вниманіе, благожелательное руководство и дѣйствительную, въ чемъ слѣдуетъ, поддержку.

Судъ имѣетъ дѣло съ первѣйшими интересами общества и драгоцѣннѣйшими достояніями отдѣльныхъ лицъ. Отсюда, и управленіе ходомъ правосудія, во всѣхъ соприкосновеніяхъ своихъ съ этими интересами и достояніями, да не смѣшиваетъ истинной законности съ узкимъ формализмомъ, непреклонной твердости въ примѣненіи закона съ черствой сухостью пріемовъ. Нѣтъ, лучше, входя въ тяжелое положеніе обращающихся къ намъ за помощью, посильно облегчать имъ это положеніе, чѣмъ, равнодушно замыкаясь въ предѣлы формальной правомѣрности, лишать ихъ слабый голосъ возможности и права быть услышаннымъ. Но такъ какъ не всякое, конечно, домогательство заслуживаетъ удовлетворенія, не всякое стоитъ даже и участія, то было бы всего желательнѣе такое общее къ нимъ отношеніе, которое распространило и укрѣпило бы сознаніе, что здѣсь только правое дѣло и лишь законныя стремленія могутъ разсчитывать на успѣхъ.

Мнѣ не приходится говорить о важности столь коренныхъ устоевъ нашей дѣятельности, какъ безпристрастіе, нелицепріятіе, уваженіе къ личному достоинству, заслугамъ, познаніямъ, трудолюбію; я едва рѣшаюсь упомянуть и о томъ, что̀ само собою разумѣется — объ отвращеніи отъ всего, что̀ отзывается искательствомъ, фаворитизмомъ, безпринципностью. Я полагаю для каждаго слишкомъ яснымъ, что все это такія святыя и притомъ элементарныя наши обязанности, забвеніе которыхъ прямо несовмѣстно съ честью служить въ вѣдомствѣ, носящемъ имя справедливости.

Я душевно желалъ бы въ этихъ моихъ понятіяхъ встрѣтить въ васъ сознательное единомысліе не на словахъ только, а и на самомъ дѣлѣ. Тогда, и только тогда могутъ быть производительны наши совокупные труды, отъ которыхъ ожидаетъ еще многаго нашъ Всемилостивѣйшій Государь и наше дорогое отечество. Помня объ этомъ, постараемся работать усердно и энергично, но не самоувѣренно или съ предвзятыми мыслями, а благоговѣйно проникаясь высокимъ духомъ истиннаго служенія Царской правдѣ и милости. Будемъ любить наше дѣло, безъ чего невозможно его процвѣтаніе, и въ этой любви, въ

неуклонной ему преданности будемъ черпать силы для преодолѣнія всѣхъ его многочисленныхъ трудностей. Сочту себя счастливымъ, если съ Божьей помощью съумѣю подать вамъ въ этомъ примѣръ, и не хочу сомнѣваться, что и вы, съ своей стороны, приложите всѣ усилія къ ревностному исполненію вашего вѣрноподданническаго долга въ указанномъ мною направленіи, которое я, по глубокому убѣжденію совѣсти, признаю единственно правильнымъ и полезнымъ.

РѢЧИ ПРИ ОТКРЫТІИ ОКРУЖНЫХЪ СУДОВЪ [1].

I.

Въ Петрозаводскѣ. 29 мая 1894 г.

Сегодня совершается достопамятное и знаменательное событіе для Олонецкаго края — сегодня ему даруется давно уже дѣйствующій въ другихъ частяхъ Имперіи новый судъ съ его усовершенствованнымъ устройствомъ, избраннымъ составомъ и всѣми задатками успѣшной дѣятельности. Распространяя на Олонецкую губернію порядки правосудія, признанные законодателемъ въ ихъ главныхъ основаніяхъ за наилучшіе, событіе это не только знаменательное, но и радостное, такъ какъ вводимый судебный строй зиждется, по царственному завѣту, на господствѣ и взаимодѣйствіи великихъ началъ правды и милости. Иногда злоупотребляютъ этими словами, приводя ихъ слишкомъ часто, безъ разбора и безъ надобности; но ничто не можетъ затемнить или умалить драгоцѣннаго ихъ смысла, ничто не поколеблетъ ихъ первенствующаго, жизненнаго значенія при отправленіи суда. Нечуждые и прежнему судоустройству и судопроизводству, они только въ новомъ получаютъ дѣйствительную силу руководить примѣненіемъ закона въ дѣлахъ судебныхъ; только новые судебные уставы даютъ этимъ началамъ необходимый для нихъ просторъ.

Правда, какъ основа праваго суда,—это не та узкая, своекорыстная правда, которую каждый судящійся понимаетъ по-

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 189⁴/₅ г., Ноябрь 1894 г.

своему, потому что для него она совпадаетъ съ его личною выгодою. Нѣтъ, это безличная правда истиннаго разума, закона и неподкупной, ясной, чистой судейской совѣсти, та правда, которую всѣ честные люди живо чувствуютъ и чутко сознаютъ, какъ только въ судѣ раздастся ея величавый и безстрастный голосъ. Многообразны и многозначительны ея велѣнія: она караетъ уличеннаго преступника, но не свыше мѣры имъ содѣяннаго; она освобождаетъ невиннаго, считая имъ всякаго, пока противное не будетъ доказано, и толкуя сомнѣніе въ пользу, а не во вредъ подсудимому; она воздаетъ каждому должное въ спорахъ о правахъ и имуществѣ, требуя, чтобы истецъ доказалъ свое домогательство, а отвѣтчикъ—свои возраженія. Правда суда водружаетъ законность тамъ, гдѣ оказалось зло, безправіе, своеволіе; она какъ бы говоритъ гражданину: „Исполняя законы, живи спокойно, не обижай никого, но и никого не страшись—я заступлюсь за тебя; за-то не жди отъ меня послабленія, если самъ сойдешь съ этой прямой, закономѣрной дороги“.

Но правды мало, нужна еще *милость*, ея неразлучный спутникъ въ добромъ судѣ. Правда безъ милости—суха и жестка, милость безъ правды — произвольна, ошибочна; но вмѣстѣ онѣ полное выраженіе всей доступной намъ справедливости, конечная цѣль правосудія, высшая задача судьи. Милость смягчаетъ, гдѣ слѣдуетъ, суровое дѣйствіе правды, внушаетъ суду, что и въ виновномъ скрывается человѣкъ, нерѣдко заслуживающій состраданія; милость побуждаетъ не только судить и рѣшить умомъ, но и понять, почувствовать сердцемъ; она позволяетъ ободрить раскаявшагося, пожалѣть несчастнаго, поддержать, подчасъ спасти погибающаго. Верховный источникъ милости заключается въ Монаршемъ милосердіи, для котораго не существуетъ ни предѣловъ, ни правилъ. Но именно къ этому-то неисчерпаемому, безграничному источнику милости и не возбраняется прибѣгать новому суду, когда онъ найдетъ это необходимымъ по исключительнымъ обстоятельствамъ дѣла, а кромѣ того онъ располагаетъ и собственно ему отведенною областью нравственной оцѣнки и снисхожденія, гдѣ онъ имѣетъ возможность примирять предписанія закона съ требованіями человѣколюбія.

Итакъ, соединять правду съ милостью, творить правосудіе по закону и въ то же время по лучшимъ побужденіямъ души человѣческой — вотъ ваше главное призваніе, господа члены вновь образуемыхъ судебныхъ установленій, тѣмъ болѣе славное и благодарное, что вы являетесь первыми въ здѣшней мѣстности представителями такого суда, которому съ высоты Престола указано быть прежде всего судомъ правымъ и милостивымъ. Будущность правосудія въ Петрозаводскомъ округѣ въ вашихъ рукахъ, она опредѣлится вашимъ образомъ дѣйствій: отъ васъ зависитъ, какое мѣсто въ общественномъ и народномъ сознаніи займетъ судъ, ввѣренный вамъ по соизволенію Того, Чьимъ священнымъ Именемъ онъ произносится. Будьте же, господа, достойны этого высокаго довѣрія, оправдайте павшій на васъ выборъ и обращенныя къ вамъ надежды и ожиданія. Пусть ни трудности новаго дѣла, ни скудныя удобствами условія обстановки и дѣятельности не воспрепятствуютъ вамъ работать усердно и ревностно, искренно проникаясь возвышеннымъ духомъ вашего служенія правдѣ и милости. Тогда и поприще ваше освѣтится признаніемъ свято выполненнаго долга и принесенной пользы, тогда оно приведетъ къ заслуженному успѣху, который по достоинству оцѣнитъ общество и не забудетъ правительство.

Не сомнѣваюсь, что поприще это будетъ облегчено также и расположеніемъ окружающей васъ среды, которая не можетъ быть безучастною къ благодѣтельному воздѣйствію просвѣщеннаго и справедливаго суда. Нельзя не надѣяться, что мѣстныя власти другихъ вѣдомствъ встрѣтятъ его сочувствіемъ и содѣйствіемъ, на что онъ, конечно, отвѣтитъ имъ тѣмъ же единеніемъ на почвѣ закона. Нельзя не разсчитывать, что какъ общество, такъ и отдѣльныя лица отнесутся къ новому Государеву суду съ безусловнымъ уваженіемъ, а гдѣ должно — и съ подобающей ему покорностью. Его двери широко открыты для гражданъ, его рѣшенія и приговоры постановляются на виду у всѣхъ, на основаніи свободнаго состязанія сторонъ, по внутреннему безпристрастному убѣжденію совѣсти,—ему ли, поборнику законности, взыскателю преступленія, хранителю правъ гражданскихъ, —

ему ли не вызывать почтительнаго и благожелательнаго къ себѣ вниманія отъ всего, что̀ есть въ населеніи честнаго и разумнаго? И я рѣшаюсь смѣло выразить увѣренность, что именно таково будетъ положеніе реформированной олонецкой юстиціи, на благо мирныхъ, трудящихся обывателей, жаждущихъ правильной судебной охраны.

Въ эту торжественную минуту водворенія на новомъ мѣстѣ одного изъ крупнѣйшихъ преобразованій нашей эпохи, мысль, не связанная ни временемъ, ни пространствомъ, невольно сближаетъ прошлое съ настоящимъ и съ горячей вѣрой преклоняется передъ судьбами будущаго. Когда два вѣка тому назадъ въ олонецкихъ лѣсахъ, прорубая путь отъ моря къ морю, застучалъ топоръ Великаго Царя и подъ его исполинскою поступью изъ нѣдръ олонецкой земли впервые выступили ея богатства, — надъ глухимъ, пустыннымъ краемъ впервые зажглась заря гражданскаго развитія. Дѣло Петра довершила Великая Екатерина: въ 1786 году знаменитый пѣвецъ ея дѣяній, впослѣдствіи первый русскій министръ юстиціи, Гавріилъ Романовичъ Державинъ, открылъ петрозаводское намѣстничество съ административными и судебными учрежденіями, которыя представляли послѣднее слово тогдашней законодательной мудрости и правительственнаго искусства. Еще не истекло, затѣмъ, столѣтіе, какъ величайшія реформы почившаго Царя-Освободителя коснулись свѣтлою волною этого края, насколько дозволяли его природа, люди, ихъ складъ и уровень. Но долго, почти 30 лѣтъ, не наступало одно изъ этихъ преобразованій, народу особенно понятное и близкое—преобразованіе судебное. Теперь пришелъ и его чередъ по волѣ благополучно Царствующаго Всемилостивѣйшаго Государя нашего, и тѣмъ прекращается дореформенное состояніе губерніи, отнынѣ пріобщенной къ важнѣйшимъ преимуществамъ общаго для всей Россіи суда и управленія. Въ этой преемственности историческихъ явленій здѣшней гражданской жизни не сказывается ли неисповѣдимое произволеніе Божественнаго промысла, неуклонно ведущаго всѣ мѣстности, всѣхъ подданныхъ Русскаго царства къ послѣдовательному улучшенію быта, законовъ, учрежденій? Мы воочію видимъ, мы

глубоко чувствуемъ, что всѣ неусыпныя попеченія и заботы Державнаго устроителя нашего отечества непрестанно направлены къ его преуспѣянію. Намъ остается быть лишь вѣрными и добросовѣстными исполнителями мудрыхъ Царскихъ предначертаній. Одушевленное беззавѣтною вѣрноподданническою преданностью возлюбленному Монарху, новое олонецкое судебное вѣдомство бодро приступитъ къ своимъ обязанностямъ, въ благоговѣйномъ упованіи на призванное въ святыхъ молитвахъ архипастыря благословеніе предстоящихъ трудовъ.

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію закрываю Олонецкую соединенную палату уголовнаго и гражданскаго суда и объявляю открытымъ Петрозаводскій окружный судъ. Приглашаю судей вновь открытаго суда, впервые назначенныхъ въ это званіе, принять, въ моемъ присутствіи, установленную закономъ присягу.

II.

Въ Оренбургѣ, 18 іюня 1894 г.

Водворяя въ Россіи новый судъ, дѣйствіе котораго нынѣ простирается на Оренбургскую губернію, Законодатель объявилъ, что судъ этотъ долженъ быть скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ Россійскаго Монарха. Немного словъ и уже слишкомъ привычно звучатъ они отъ частыхъ повтореній, но сколько глубочайшаго въ нихъ смысла, какія великія и многотрудныя задачи воздвигаютъ они предъ вновь образуемыми судебными установленіями! Посильно выполнять эти задачи составляетъ непремѣнную обязанность каждаго дѣятеля новаго суда; ожидать ихъ выполненія и на него разсчитывать есть неотъемлемое право всѣхъ, кто входитъ въ какое-либо соприкосновеніе съ судомъ, кому дорого господство правды и законности.

Судъ *скорый* — недаромъ это качество поставлено впереди другихъ! Повидимому простое и несложное, оно по своей первостепенной важности служитъ краеугольнымъ камнемъ истин-

наго правосудія. Судебная волокита уничтожаетъ все благодѣтельное воздѣйствіе суда; онъ обращается въ невыносимое бремя общественнаго быта, вмѣсто того, чтобы быть несокрушимымъ его оплотомъ. Тому, чья участь такъ или иначе зависитъ отъ суда, естественно прежде всего желать, чтобы она какъ можно быстрѣй рѣшилась, чтобы не томились подъ неопредѣленнымъ долгимъ гнетомъ свобода, доброе имя, честь, достатокъ, существованіе семьи. Тотъ, чье право или достояніе подвергнуто сомнѣнію или вопросу въ судебномъ дѣлѣ, неизбѣжно жаждетъ скорѣйшаго его окончанія, которое одно способно дать спокойное пользованіе принадлежащимъ благомъ или, по крайней мѣрѣ, отрезвляющее сознаніе безповоротной его потери. Судъ медленный можетъ еще, конечно, быть все-таки и справедливымъ, но онъ никогда не будетъ располагать общественнымъ сочувствіемъ и поддержкой, тогда какъ, напротивъ, быстрое производство и рѣшеніе судебныхъ дѣлъ вселяетъ всюду утѣшительную увѣренность, что судебная власть входитъ въ тяжелое положеніе судящихся и ихъ законные интересы цѣнитъ дороже, чѣмъ свой служебный трудъ. Не судебныя надобности гражданъ существуютъ для судебныхъ органовъ, а суды учреждены и судебные чины поставлены для пользы общества и непрестаннаго огражденія его членовъ отъ противозаконныхъ посягательствъ.

Будучи скорымъ, судъ признанъ быть правымъ и милостивымъ, т.-е. *справедливымъ*; иначе онъ не заслуживаетъ самаго имени суда. Справедливость суда составляетъ необходимую и неизмѣнную его принадлежность, основной признакъ истинной его природы. Какъ благочестіе свойственно служителю алтаря, какъ мужество и неустрашимость отличаютъ воина, такъ справедливость неразрывно связана съ нравственнымъ обликомъ судьи и вообще судебнаго дѣятеля. Правота суда не имѣетъ ничего общаго съ судебнымъ формализмомъ, который, ставя букву выше сущности, является лишь извращеніемъ цѣлей правосудія. Точно такъ же и судебная милость вовсе не тождественна съ неумѣстными въ судѣ чувствительностью и мягкосердіемъ; она лишь позволяетъ судьѣ засчитывать судящемуся все, что въ его человѣческой личности осталось добраго и неиспорченнаго, все,

что въ дѣлѣ свидѣтельствуетъ въ пользу великодушія и снисхожденія. Особенно важно правильное примѣненіе судебной правоты и милости въ судоустройствѣ, дѣйствующемъ по уголовнымъ дѣламъ, какъ въ здѣшней мѣстности, безъ участія общественныхъ представителей, гдѣ, слѣдовательно, вся тяжесть опредѣленія уголовной отвѣтственности лежитъ на коронныхъ судьяхъ. Никому не мирволя, но и безъ излишней суровости, ихъ тщательно обдуманные приговоры удостовѣрять, что главное преимущество хорошаго суда заключается, помимо его формы и состава, въ строгомъ и просвѣщенномъ исполненіи высокаго призванія судьи, не переставшаго быть человѣкомъ...

Требованіе Законодателя, чтобы судъ былъ для всѣхъ *равный*, само по себѣ краснорѣчивѣе всякихъ поясненій говоритъ уму и сердцу гражданина. Для справедливаго Царскаго суда не можетъ и не должно быть ни знатныхъ, сильныхъ или слабыхъ, ни богатыхъ или бѣдныхъ, ни русскихъ или инородцевъ—есть только правые или виноватые, обиженные или обидчики, есть лишь одно различіе: законности отъ безправія, правды отъ несправедливости, человѣколюбія отъ жестокости. На судѣ, творимомъ по указу Того, для чьей отеческой любви равны всѣ подданные его державы, царитъ единственное равенство, мыслимое въ гражданскомъ общежитіи, — равенство всѣхъ передъ однимъ закономъ, передъ одною, воплотившеюся въ немъ Высочайшей волей. Не по лицу или состоянію отправляется правосудіе, а лишь по мѣрѣ соблюденія въ поступкахъ и дѣяніяхъ того уваженія къ закону, которое, по Царственному завѣту, должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго.

Напоминая вамъ, гг. чины вновь учреждаемыхъ судебныхъ установленій Оренбургскаго округа, объ этихъ коренныхъ началахъ реформированной юстиціи, я не привожу, конечно, ничего для васъ новаго или неизвѣстнаго. Этимъ началамъ вы учились смолоду, къ нимъ готовила васъ вся ваша предшествующая судебная практика, съ ними вы должны были сродниться съ того дня, какъ вы посвятили суду свою работу. Неуклонно примѣняя ихъ теперь, вы не забудете, что, назна-

чивъ васъ сюда къ отвѣтственному дѣлу насажденія новыхъ порядковъ судопроизводства и судоустройства, правительство оказало вамъ немалое довѣріе Приложите всѣ ваши усилія, чтобы оправдать его. и постарайтесь сдѣлать это съ той серьезной выдержкой, съ тѣмъ скромнымъ достоинствомъ, мягкимъ во внѣшнихъ проявленіяхъ, но непреклонно твердымъ въ существѣ, которое болѣе всего приличествуетъ служителямъ закона, людямъ сознательнаго долга и неутомимаго возвышеннаго труда. Поступайте такъ, чтобы въ вашемъ лицѣ и въ вашихъ дѣйствіяхъ населеніе привыкло чтить и новый судъ, вамъ ввѣренный. Полезную службу сослужите вы этимъ Государю и отечеству, и добрую память, свѣтлый слѣдъ оставитъ онъ въ краѣ, впервые получающемъ изъ вашихъ рукъ всѣ лучшіе задатки успѣшной судебной дѣятельности.

Съ горячей вѣрой въ помощь Божію, съ безпредѣльной вѣрноподданнической признательностью за этотъ новый даръ Самодержавной власти на благо родной землѣ, мы радостно и бодро начинаемъ здѣсь преобразованное дѣло правосудія.

III.

Въ Уфѣ, 22 іюня 1894 г.

Въ Высочайшемъ указѣ 20 ноября 1864 года объ изданіи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, нынѣ вводимыхъ въ Уфимской губерніи, между прочимъ выражено, что Уставы эти предназначены *возвысить* судебную власть, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще утвердить въ народѣ то *уваженіе къ закону*, которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго.

Вотъ знаменательныя преимущества, дарованныя новымъ судебнымъ установленіямъ, вотъ высокая общая ихъ задача, сразу отводящая имъ почетное и значительное мѣсто среди другихъ учрежденій общественнаго строя! Но для того, чтобы достойно пользоваться этими преимуществами, чтобы съ успѣхомъ стремиться къ поставленной задачѣ и съ честью занять

мѣсто, указанное новому суду, необходимо усвоить себѣ вѣрный взглядъ на создаваемое ему положеніе. Въ этомъ послѣднемъ много обоюдоостраго, много такого, что́, будучи правильно понято и примѣняемо, можетъ дѣйствительно сдѣлать судъ благодѣтельнымъ проводникомъ законности и правды, но есть не мало и такого, что́, при извращеніи, угрожаетъ трудностями и усложненіями, которыя легко могутъ стать помѣхой дѣлу правосудія.

Означаетъ ли возвышеніе судебной власти, что она вознесена надъ другими правительственными властями или находится въ какихъ-либо привилегированныхъ условіяхъ, могущихъ, при увлеченіи ими, вызвать самонадѣянность или кичливость? Конечно, нѣтъ — о томъ свидѣтельствуетъ весь истинный смыслъ осуществляемой здѣсь реформы и новой постановки судебной части. Возвышеніе, провозглашенное Законодателемъ, относилось главнымъ образомъ къ прошедшему и къ тѣсно ограниченному кругу вѣдѣнія судебной власти. Она возвысилась не надъ тѣмъ, что́ было или будетъ впредь вокругъ нея, а лишь надъ тѣмъ, чѣмъ она сама была до той счастливой для нея минуты, когда Самодержавная воля преобразовала судъ, улучшивъ и поднявъ въ немъ все: составъ, устройство, начала и средства дѣйствія. Еще вчера не требовавшія особыхъ гарантій образованія и подготовки, связанныя и обремененныя несовершенными, мало удобными правилами судопроизводства, сегодня судебныя установленія обставлены надежнѣйшими изъ испытанныхъ ручательствъ всесторонняго раскрытія судебной истины и правильнаго примѣненія закона къ преступнымъ нарушеніямъ и гражданскимъ спорамъ. Въ этомъ, и только въ этомъ, и заключается все возвышеніе судебной власти, которое не слѣдуетъ умалять, но не нужно и преувеличивать. И если, для достиженія ея многосложныхъ цѣлей, Законодатель нашелъ необходимымъ облечь ея носителей полномочіями, нѣсколько выдѣляющими ихъ изъ ряда другихъ служебныхъ органовъ, то этимъ полномочіямъ соотвѣтствуютъ и ихъ достаточно оправдываютъ возложенныя на судебныхъ чиновъ труднѣйшія обязанности, отличительною чертою которыхъ да будетъ живое и чуткое

сознаніе отвѣтственности—отвѣтственности не только законной, но и нравственной, не только передъ правительствомъ и обществомъ, но и передъ тѣмъ, что̀ гораздо строже—передъ своею совѣстью. Кому много дано, съ того много и взыщется — это святое евангельское слово не можетъ быть забыто судебнымъ вѣдомствомъ, которое не побоится прямого и откровеннаго отвѣта за выполненіе долга, ему доставшагося.

Тотъ, кто, подобно дѣятелю новаго суда, вооруженный всѣми способами широкой и плодотворной дѣятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ за нее отвѣтственъ не на словахъ только или на бумагѣ, а и на самомъ дѣлѣ, тотъ способенъ быть и самостоятельнымъ въ своихъ распоряженіяхъ. Самостоятельность судебнаго вѣдомства и его чиновъ отнюдь не предполагаетъ ни обособленія и замкнутости, ни освобожденія отъ общихъ требованій правительственной дисциплины; первое приводило бы къ односторонности и застою, второе — къ распущенности и безпорядку. Самостоятельность суда есть лишь независимость его законныхъ дѣйствій и разумнаго сужденія, безусловно необходимая для свободнаго и безпрепятственнаго, но въ то же время законнаго и разумнаго стремленія къ судебной правдѣ и милости. При этомъ истинная независимость лежитъ гораздо больше во внутреннихъ, духовныхъ свойствахъ человѣческой личности, чѣмъ въ какихъ бы то ни было внѣшнихъ особенностяхъ служебнаго или общественнаго состоянія. Можно плыть подъ флагомъ обезпеченной формальной независимости, несмѣняемости, неприкосновенности—и одновременно быть послушною, вѣчно колеблющеюся игрушкой всевозможныхъ житейскихъ волнъ. Наоборотъ, можно быть вполнѣ зависимымъ, смѣняемымъ, подвластнымъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ внушать всякому невольное почтеніе прямодушной неуклонностью благонамѣреннаго направленія и спокойной твердостью добросовѣстныхъ поступковъ. Каждому судебному дѣятелю дано быть въ своей сферѣ самостоятельнымъ и независимымъ по-своему, каковы бы ни были внѣшнія его условія. Судья самостоятеленъ и независимъ, когда онъ творитъ судъ единственно по совѣсти и по закону, недоступный никакимъ личнымъ побужденіямъ, внѣ всякаго вліянія

какихъ-либо влеченій, вѣяній или тенденцій. Судебный слѣдователь самостоятеленъ и независимъ, когда ничто ни въ окружающей его обстановкѣ, ни въ немъ самомъ не препятствуетъ ему приносить всѣ усилія ума и воли не только къ изобличенію преступленія и преступника, но и къ разсѣянію подозрѣнія, которое умышленно взведено или случайно пало на невиннаго. Прокуроръ также самостоятеленъ и независимъ, когда въ преслѣдованіи виновныхъ и охраненіи законовъ онъ руководится исключительно точнымъ смысломъ этихъ послѣднихъ, а въ отношеніи пріемовъ и порядка ихъ примѣненія — указаніями правительства, основанными на соображеніяхъ государственной безопасности и пользы. Но всѣ эти судебные чины становятся зависимы и несамостоятельны, если ими овладѣваютъ какіе-либо посторонніе дѣлу интересы, если мотивы или подкладку судебныхъ дѣйствій нужно искать не въ фактахъ и въ законѣ, не въ свѣтѣ совѣсти и разсудка, а гдѣ-то въ иныхъ пространствахъ, въ той темной области пристрастія, въ которой нѣтъ предѣла вожделѣніямъ, но нѣтъ и правосудія. Самостоятельность суда и судебныхъ дѣятелей, какъ все высокое и цѣнное, требуетъ бережнаго съ нею обращенія: ее нельзя растрачивать по мелочамъ или выставлять напоказъ и посмѣяніе, когда для проявленія ея нѣтъ никакихъ серьезныхъ поводовъ. За-то въ тѣхъ рѣдкихъ и важныхъ случаяхъ, когда дѣйствительно затронутъ незыблемый авторитетъ законовъ,—независимость, свобода судебнаго ихъ примѣненія не дозволяютъ ни сдѣлокъ съ совѣстью, ни послабленія. Тогда пусть свершается правосудіе, но — въ противность старому изреченію—отъ этого міръ не погибнетъ, а процвѣтетъ.

Судебная дѣятельность, глубоко проникнутая и горячо одушевленная великими началами, завѣщанными ей Державнымъ Законодателемъ, должна, по его великодушной мысли, привести къ всеобщему уваженію передъ единымъ и равнымъ для всѣхъ закономъ. Нелегко достигнуть этого, если отступленіе отъ закона или обходъ его вошли въ привычку, въ нравы, не возбуждаютъ отвращенія, перестаютъ считаться предосудительными, вселять негодованіе. Но, слава Богу и благодареніе Всемилостивѣйшему Государю,

верховному источнику правды и справедливости въ нашемъ отечествѣ, не ушло ни время, ни возможность неустанно противодѣйствовать этимъ явленіямъ, побѣдоносно бороться съ ними всюду, гдѣ имъ способствуютъ злая воля или разнузданность страстей. Въ этомъ отношеніи у васъ, гг. чины вновь образуемыхъ судебныхъ установленій Уфимскаго округа, есть данныя особенно благопріятныя: передъ вами новь, непочатое поле для дружнаго воздѣйствія всѣми орудіями и силами преобразованной юстиціи. Будьте же на этой еще невоздѣланной, новой почвѣ пахарями добрыми — и трудъ вашъ не останется безплоднымъ. Покажите сами на себѣ первый примѣръ строжайшаго, благоговѣйнаго соблюденія долга и законовъ, — что̀ въ вашей службѣ одно и то же. Внушите уваженіе къ себѣ — и вы уже сдѣлаете крупный шагъ къ утвержденію уваженія исполняемыхъ вами законовъ. Научите населеніе этого обширнаго края съ его обильными естественными богатствами и разносторонней жизнью, что уважать законъ не есть стѣсненіе, но лучшій путь къ спокойствію, порядку и довольству, что хорошій судъ — вѣрнѣйшая опора и охрана всѣхъ преклоняющихся передъ закономъ, что такой судъ грозенъ лишь его врагамъ. Не хочу давать вамъ никакихъ дальнѣйшихъ наставленій; я увѣренъ, что все, что̀ я еще могъ бы сказать вамъ, блѣднѣетъ передъ довѣріемъ пославшей васъ сюда Верховной власти и передъ вашею собственною искренней рѣшимостью, вѣрой и правдой послужить Государю и Россіи на избранномъ вами скромномъ, трудномъ, но благодарномъ поприщѣ новаго суда.

СУДЕБНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ВЪ СИБИРИ.

I.

Объясненія въ государственномъ совѣтѣ 6 апрѣля 1896 г. [1]).

Осенью 1894 года министромъ юстиціи была образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ товарища его, сенатора, тайнаго совѣтника Бутовскаго, при участіи представителей отъ всѣхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ, для разработки предположеній объ улучшеніи судебной части въ Сибири.

Эта коммиссія окончила возложенный на нее трудъ къ концу 1895 года, и выработанный ею проектъ временныхъ правилъ объ устройствѣ судебной части въ губерніяхъ и областяхъ Сибири, по сношеніи съ вѣдомствами и по исправленіи его въ министерствѣ юстиціи, былъ внесенъ въ февралѣ 1896 года на уваженіе государственнаго совѣта

Въ государственномъ совѣтѣ дѣло слушалось въ засѣданіяхъ соединенныхъ департаментовъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ—6 апрѣля и общаго собранія—8 мая того же года, въ Москвѣ.

Въ засѣданіи 6 апрѣля министръ юстиціи, поддерживая внесенный имъ законопроектъ, представилъ слѣдующія объясненія относительно настоятельности, существа и задачъ предпринятой реформы.

Необходимость и современность распространенія на Сибирь общаго судебнаго преобразованія едва ли нуждается въ пространныхъ доказательствахъ. Несмотря на отдѣльныя мѣропріятія послѣдняго времени, по всѣмъ официальнымъ и частнымъ свѣдѣніямъ, судебная часть въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ находится въ самомъ неудовлетворительномъ, поистинѣ безотрадномъ, состояніи. Медленность, волокита, формализмъ, недостатокъ личныхъ и матеріальныхъ средствъ, блѣдная, часто вовсе безуспѣшная дѣятельность, упущенія, безпо-

---

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1896 г., Іюнь.

рядки, иногда даже злоупотребленія, крайняя отдаленность и недоступность суда, низкій уровень плохо обставленнаго личнаго состава и въ результатѣ полное недовѣріе обывателей къ правосудію и закону—таковы преобладающія характеристическія черты сибирскій юстиціи. Она осталась далеко позади неудержимо развивающихся жизненныхъ потребностей этого великаго края, ея положеніе близко къ безсудію и безправію и совершенно не соотвѣтствуетъ достоинству правительственной власти. Нѣсколько улучшаясь къ западу, въ Томской и Тобольской губерніяхъ, и рѣзко ухудшаясь къ дальнему востоку, въ Приамурскомъ генералъ-губернаторствѣ, судебный строй Сибири повсюду все-таки стоитъ неизмѣримо ниже самыхъ скромныхъ требованій, предъявляемыхъ къ судебной организаціи даже въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. За немногими исключеніями, сибирякъ, коренной или пришлый, почти не пользуется судомъ, заслуживающимъ этого имени, и необъятныя пространства Россіи, отъ Урала до Тихаго океана, все еще ждутъ судебной правды и милости, хотя бы въ тѣхъ ограниченныхъ формахъ ихъ примѣненія, какія давно уже имѣютъ другія наши окраины. Въ чемъ же заключаются причины подобной отсталости или запозданія, съ кого нужно требовать ихъ устраненія, если оно возможно? Первое и самое легкое объясненіе указываетъ на условія естественныя, географическія и этнографическія – на природу, разстоянія, малонаселенность, разноплеменный характеръ и недостаточную культурность края. Но какъ бы ни были исключительны и суровы эти условія, среди нихъ вѣками осѣли и живутъ самобытною народною жизнью русскіе люди, вѣрноподданные Русской Державы, имѣющіе наравнѣ съ своими зауральскими соотечественниками неотъемлемое право на дѣйствительную и правомѣрную защиту законныхъ своихъ интересовъ. Кромѣ того, на русскихъ порядкахъ суда и управленія воспитываются для гражданственности многочисленные сибирскіе инородцы, а кругомъ происходитъ все расширяющееся экономическое общеніе съ сопредѣльными иноземными элементами, также требующее правильной судебной охраны вновь возникающаго культурнаго оборота. Поэтому,

природныя условія, если отчасти и объясняютъ, то отнюдь не оправдываютъ, а, напротивъ, осуждаютъ вопіющіе недочеты сибирскаго правосудія и не позволяютъ дольше терпѣть ихъ. Затѣмъ, можно ссылаться на несовершенство нынѣшняго персонала сибирскихъ судебныхъ установленій и здѣсь, въ лучшемъ ихъ комплектованіи, искать средствъ врачеванія. Но, при теперешней законной и практической постановкѣ судебнаго дѣла въ Сибири, поднятіе тамъ судебныхъ дѣятелей органически немыслимо, а взводить на нихъ какія-либо нареканія было бы вящшею несправедливостью. Въ семьѣ, конечно, не безъ урода, и во всемъ складѣ дореформеннаго сибирскаго чиновничества не мало данныхъ для неправосудія. Тѣмъ не менѣе составъ его судебной отрасли даже лучше, чѣмъ можно было ожидать, и эти угнетенные своимъ положеніемъ труженики, въ непрестанной жестокой борьбѣ со всевозможными лишеніями и препятствіями, по большей части, усердно дѣлаютъ все, что въ ихъ слабыхъ силахъ. Но эти силы въ самомъ основаніи своемъ парализованы такими неисправимыми свойствами сибирскаго судоустройства и судопроизводства, которыя новыхъ людей отталкиваютъ или не привлекаютъ, а прежнихъ—лишаютъ энергіи, бодрости и независимости, обрекаютъ на рутину и застой. Поэтому о сколько-нибудь существенномъ и прочномъ подъемѣ дѣятелей не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока все дѣло правосудія замкнуто въ мертвенныя рамки отжившихъ свое время правилъ и учрежденій. Отсюда выводъ напрашивается самъ собою: нужно радикально измѣнить дѣйствующіе въ Сибири старые судебные законы и порядки, нужно возвысить тамъ судебную власть и вмѣстѣ приблизить ее къ народу, нужно дать, наконецъ, Сибири судъ на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя уже давно одобрены законодательною властью и испытаны въ другихъ частяхъ Имперіи. Тогда, и только тогда, современники будутъ имѣть утѣшеніе почтить въ этомъ важномъ дѣлѣ незабвенную память усопшаго Монарха, котораго патріотическое правдолюбіе не остановилось предъ скорбнымъ признаніемъ по поводу сибирскихъ неустройствъ, „*что правительство до сихъ поръ почти ничего не сдѣлало для удовлетворенія потребно-*

стей этого богатаго, но запущеннаго края". Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что когда позволяли финансовыя и политическія обстоятельства, дѣлались попытки приступить къ усовершенствованію сибирской судебной части. Изданные, по представленіямъ министерства юстиціи, законы 1885, 1888, 1889, 1892 и 1894 гг. послѣдовательно вносили частныя поправки въ устройство и дѣятельность сибирскихъ судебныхъ учрежденій, нѣсколько усиливъ ихъ скудные штаты и проведя извѣстное облегченіе и упорядоченіе примѣняемыхъ ими процессуальныхъ правилъ. Послѣдствіемъ принятыхъ мѣръ, послужившихъ, главнымъ образомъ, Сибири западной, тамъ явилось нѣкоторое, хотя и весьма недостаточное, улучшеніе; въ Сибири же восточной и въ особенности Приамурской вовсе не удалось достигнуть ощутительныхъ перемѣнъ, и какъ административные отчеты, такъ и свѣдѣнія, собранныя судебными ревизіями, попрежнему удостовѣряютъ безпомощное и хаотическое положеніе суда. Очевидно, частичное воздѣйствіе противъ его недостатковъ не привело къ желаемой цѣли и повторилось обычное явленіе: заплаты не обновили изношенной одежды, старые мѣхи скорѣе повредили влитому въ нихъ новому вину. И здравый смыслъ, и практическій опытъ, и добросовѣстное наблюденіе надъ сибирскою дѣйствительностью съ неотразимою убѣдительностью показали, что постепенно улучшать и исправлять старые сибирскіе суды безцѣльно, что это значило бы тратить даромъ людей и деньги и что единственный разумный выходъ изъ настоящаго положенія заключается въ рѣшительномъ преобразованіи судебныхъ установленій по типу, принятому для всей Имперіи, по началамъ и системѣ Судебныхъ Уставовъ, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя вызываются мѣстными особенностями. Правда, въ 1885 году, при обсужденіи представленія министерства юстиціи о частныхъ исправленіяхъ въ сибирскихъ судахъ, государственный совѣтъ нашелъ, что препятствія, встрѣченныя министерствомъ въ радикальной реформѣ судебнаго строя въ Сибири, въ значительной степени объясняются слишкомъ широкою постановкою вопроса, который можно было бы ограничить предѣлами лишь крайней необходимости и мѣстно-

стями, мало отличающимися отъ ближайшихъ къ нимъ европейскихъ губерній. Согласно съ этимъ, государственный совѣтъ тогда же обратилъ вниманіе министра юстиціи на необходимость скорѣйшаго введенія реформы въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ, при чемъ высказалъ надежду, что и финансовое вѣдомство, сознавая всю важность правильно устроеннаго суда, конечно, не откажется оказать свое содѣйствіе этому дѣлу изысканіемъ нужныхъ для него денежныхъ источниковъ. Съ тѣхъ поръ положеніе вещей существенно измѣнилось: за десять послѣднихъ лѣтъ и въ особенности съ начатіемъ работъ по постройкѣ желѣзной дороги, Сибирь поразительно ушла впередъ, и нынѣ вся она настоятельно требуетъ преобразованнаго суда. Идя по направленію, указанному государственнымъ совѣтомъ, и лишь расширяя его сообразно яснымъ указаніямъ времени, министерство юстиціи нынѣ уже не только не встрѣчаетъ непреодолимыхъ трудностей въ примѣненіи судебной реформы къ возрождающейся Сибири, но признаетъ эту мѣру дѣломъ первостепенной, вполнѣ назрѣвшей, неотложной государственной надобности. Въ такомъ взглядѣ своемъ министерство юстиціи находитъ единомысліе и поддержку со стороны министерства финансовъ, которое, по предвидѣнію государственнаго совѣта, дѣйствительно не отказываетъ нынѣ въ своей помощи этому крупному предначертанію. Всѣ другія заинтересованныя вѣдомства и оба сибирскихъ генералъ-губернатора также отнеслись къ нему съ одинаковымъ сочувствіемъ, и, такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Сибири Судебныхъ Уставовъ въ полномъ ихъ объемѣ можетъ быть признанъ благопріятно порѣшеннымъ съ точки зрѣнія всѣхъ властей, призванныхъ вѣдать различныя отрасли управленія этимъ краемъ.

Обращаясь къ общему характеру и содержанію представленнаго проекта, считаю долгомъ, прежде всего, отмѣтить, что онъ выработанъ на почвѣ Судебныхъ Уставовъ съ необходимыми, по мѣстнымъ условіямъ, отступленіями отъ ихъ началъ и учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ не находится въ противорѣчіи и съ производящимися работами по пересмотру означенныхъ уставовъ, основанія котораго, насколько они выяснились, были

приняты въ соображеніе при составленіи проекта. Поэтому осуществленіе его не создастъ затрудненій выполненію будущихъ предначертаній, тѣмъ болѣе, что весь смыслъ ихъ заключается именно въ пересмотрѣ, т.-е. въ исправленіи, согласованіи, улучшеніи и развитіи, а отнюдь не въ ломкѣ. Исходя изъ существующаго, министерство юстиціи стремилось примѣнить его къ Сибири въ мѣрѣ возможности и соотвѣтственно особымъ ея требованіямъ. Признавалось, что вообще для окраинъ долженъ быть взятъ общій и нормальный типъ суда и что затѣмъ уже въ немъ нужно сдѣлать тѣ лишь измѣненія и ограниченія или изъятія, которыя вызываются неизбѣжною необходимостью. Къ чему пробовать неизвѣданное и гадательное, когда можно воспользоваться уже испытаннымъ? Зачѣмъ лишать окраину коренныхъ судебныхъ гарантій, опредѣляющихъ не форму только, а самую сущность правосудія? Даже и въ самыхъ отступленіяхъ проектированы не новшества, а мѣры, уже давно знакомыя дѣйствующему законодательству, которое обдуманно допустило ихъ на другихъ окраинахъ съ однородными условіями. Прототипомъ проекта служили Судебные Уставы, указателемъ же способовъ приспособленія ихъ къ Сибири — систематическая комбинація правилъ о судебной части на Кавказѣ, въ губерніяхъ сѣверныхъ (Архангельской и Олонецкой), восточныхъ (Оренбургской, Уфимской и Астраханской), отчасти въ Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ. Изъ перваго источника взяты основныя начала и главныя черты судоустройства и процесса, изъ второго заимствованы изъятія и видоизмѣненія. Такимъ образомъ, въ Сибири предполагается ввести впервые: 1) самостоятельность судебной власти, ея отдѣльность отъ сопредѣльныхъ вѣдомствъ; 2) организацію магистратуры посредствомъ разносторонняго служебнаго ценза, служебныхъ правъ и преимуществъ и стройнаго внутренняго распорядка, съ точными правилами дисциплины и отвѣтственности; 3) возможно болѣе близкіе къ населенію мѣстные органы суда, единоличные и подвижные; 4) изъятіе производства слѣдствія изъ вѣдѣнія полиціи; 5) правильную и удобную въ отношеніи простоты и скорости систему судебныхъ инстанцій; 6) гласность; 7) возможную

устность; 8) состязательность суда и нѣкоторыя другія, признаваемыя лучшими, средства открыть судебную истину. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ же рядомъ, въ видѣ примиренія принциповъ съ жизнью, ради мѣстныхъ особенностей, предлагается, между прочимъ: а) расширить подсудность единоличныхъ судей, возложивъ на нихъ въ извѣстныхъ случаяхъ и производство слѣдствій; б) подчинить ихъ непосредственно окружнымъ судамъ; в) предоставить кассаціонную функцію по дѣламъ мирового разбирательства судебнымъ палатамъ, вмѣсто правительствующаго сената; г) не учреждать обвинительной камеры и особаго обряда преданія суду; д) установить по обширности разстоянія болѣе значительныя ограниченія устности; е) не учреждать ни суда присяжныхъ, ни сословныхъ представителей; ж) допустить, по образцу Кавказа, нѣкоторыя ограниченія судейской несмѣняемости. При переработкѣ всѣхъ этихъ положительныхъ и отрицательныхъ основаній въ одинъ цѣльный укладъ судебныхъ порядковъ, наиболѣе пригодныхъ для Сибири, имѣлось въ виду тщательно воспользоваться богатыми указаніями опыта судебныхъ установленій различныхъ типовъ на всемъ протяженіи Россіи, министерство юстиціи задавалось мыслью не стремиться къ недостижимому и къ слишкомъ сложнымъ, отвлеченнымъ построеніямъ, довольствоваться простымъ, болѣе вѣроятнымъ и даже приблизительнымъ, а въ то же время дать Сибири такой судъ, который рѣзко и глубоко отличался бы отъ нынѣшняго и заставилъ бы сибиряковъ забыть и самосудъ, и безсудіе.

По мнѣнію моему, однимъ изъ главныхъ вопросовъ проектированнаго для Сибири судоустройства является учрежденіе единоличныхъ судей, подвижныхъ и близкихъ къ населенію, которое именно черезъ нихъ и будетъ имѣть непосредственное соприкосновеніе съ судомъ. Тутъ предстояло или сдѣлать осторожный выборъ между существующими уже различными формами мѣстной организаціи для изслѣдованія и разрѣшенія судебныхъ дѣлъ, или изобрѣсти совершенно новую систему. За отсутствіемъ вѣскихъ основаній къ послѣднему исходу казалось всего удобнѣе остановиться на одномъ изъ учрежденій, уже примѣненныхъ въ другихъ мѣстностяхъ. Въ коммиссіи, на которую

была возложена предварительная разработка предположеній министерства юстиціи, возникало, между прочимъ, предположеніе о введеніи въ Сибири земскихъ начальниковъ, которые соединили бы съ завѣдываніемъ дѣлами крестьянскаго управленія и отправленіе правосудія по всѣмъ дѣламъ, не подсуднымъ окружному суду. Но предположеніе это, не поддерживаемое нынѣ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, не могло выдержать сколько-нибудь внимательнаго и безпристрастнаго разбора. Кажущееся простымъ на словахъ и на бумагѣ, оно въ дѣйствительности не обѣщало полезныхъ результатовъ, возбуждало рядъ существенныхъ сомнѣній и, повидимому, представляло бы въ Сибири такой смѣлый опытъ, на который едва ли возможно рѣшиться, не испытавъ иныхъ, менѣе сильныхъ, средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ основѣ всего учрежденія земскихъ начальниковъ лежитъ мудрая мысль сдѣлать лучшихъ представителей помѣстнаго дворянства хранителями мира и порядка въ сельскихъ мѣстностяхъ. Въ Сибири же не только о помѣстномъ дворянствѣ, но даже объ интеллигентномъ землевладѣніи нѣтъ и помину и, сталобыть, въ роли земскихъ начальниковъ-судей съ весьма обширною юридическою компетенціею могли бы явиться только пришлые искатели должностей, даже безъ образовательнаго ценза, или тѣ же мѣстные административные чиновники, которые и теперь не всегда выгодно заявляютъ о себѣ въ должностяхъ окружныхъ исправниковъ и земскихъ засѣдателей. Учрежденіе земскихъ начальниковъ дѣйствуетъ во внутреннихъ губерніяхъ подъ ближайшимъ руководствомъ и при участіи предводителей дворянства: въ Сибири подобное руководительство было бы лишено всякаго сословнаго характера и могло бы быть лишь отдаленнымъ, въ лицѣ губернатора, а на мѣстахъ—въ лицѣ все тѣхъ же административныхъ чиновъ промежуточнаго ранга. Во внутреннихъ губерніяхъ судебная власть по дѣламъ мѣстной юстиціи присвоена земскимъ начальникамъ именно какъ лицамъ, принадлежащимъ къ мѣстному высшему сословію, прирожденнымъ, такъ сказать, блюстителямъ правды и порядка въ населеніи, но и здѣсь, рядомъ и въ дѣловомъ сопряженіи съ ними, поставлены профессіональные судьи-юристы, со всѣми ручательствами спе-

ціальнаго знанія и опытности. Почему же для Сибири, гдѣ въ одно и то же время и вся надежда на законную дѣятельность правительственныхъ чиновниковъ, и вся опасность въ фактической неограниченности ихъ власти — почему же для Сибири желать предоставленія всего мѣстнаго правосудія неподготовленнымъ къ нему административнымъ чинамъ, постоянно отвлекаемымъ, къ тому же, многоразличными административными обязанностями? И будетъ ли такое правосудіе дѣйствительнымъ правосудіемъ, а не слабымъ ему подобіемъ, тою же бумажною фикціею, какою является нынѣ весь сибирскій судебный строй? А между тѣмъ земскіе начальники-судьи вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, со всею необходимою для нихъ организаціею уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій, обойдутся гораздо дороже предположенныхъ единоличныхъ судей вѣдомства министерства юстиціи, въ особенности потому, что если даже и пожертвовать уѣздными членами суда и городскими судьями, то все-таки въ округахъ придется учреждать особыхъ судебныхъ слѣдователей. Вѣдь близкая къ народу власть не тѣмъ полезна и сильна, какой мундиръ на ея носителѣ, и не тѣмъ, что она въ широкихъ размѣрахъ можетъ все: и распоряжаться, и рѣшать, и пресѣкать, и наказывать, а тѣмъ, что точно опредѣленныя ея обязанности дѣйствительно выполнимы въ предѣлахъ средней человѣческой возможности, что она внушаетъ общее къ себѣ довѣріе, что распоряженія ея разумны, закономѣрны и небезконтрольны. Въ Сибири же, съ ея разстояніями, глушью, привычками и нравами, съ укорененіемъ въ ней, быть можетъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, пословицы „до Бога высоко, до Царя далеко“, — въ Сибири правильное раздѣленіе не столько власти, сколько труда между должностными лицами, гораздо важнѣе объема полномочій каждаго изъ нихъ. Въ такъ называемыхъ земскихъ губерніяхъ можно съ довѣріемъ привѣтствовать, для маловажныхъ повседневныхъ дѣлъ, судъ дворянина-администратора, связаннаго съ мѣстностью всѣми сторонами своей личности и жизни, но совсѣмъ не та, въ далекой и необозримой Сибири, перспектива огромной, многообразной власти захолустнаго чиновника, кото-

рый при маломъ служебномъ уровнѣ и цензѣ, вдалекѣ отъ начальства, соединитъ въ своемъ лицѣ и попечителя, и начальника, и единственнаго въ мѣстности судью. Безошибочно можно предсказать, что со всѣми этими обязанностями онъ не справится и отъ такого соединенія на практикѣ будетъ страдать или одна изъ нихъ, или даже всѣ онѣ, вмѣстѣ взятыя. И если бы судъ, собственно судебный, т.-е. вѣдомства министерства юстиціи, долженъ былъ начинаться только съ относительно высокой подсудности окружного суда, то стоило ли бы вообще приступать къ судебному преобразованію въ Сибири и не практичнѣе ли было бы все оставить въ ней по-старому, разъ она признавалась бы нетребующею опытныхъ, образованныхъ, свѣдущихъ и самостоятельныхъ судей-спеціалистовъ? Но такъ какъ нынѣ ни министерство внутреннихъ дѣлъ, ни сибирскіе генералъ-губернаторы, эти высшіе знатоки края и вершители мѣстныхъ судебъ его, не раздѣляютъ, повидимому, мысли о замѣнѣ важнѣйшей части судебной реформы въ Сибири учрежденіемъ земскихъ начальниковъ съ обширною судебною властью, то и министерство юстиціи можетъ спокойно высказывать свое искреннее убѣжденіе, не страшась, что его заподозрятъ въ узкой подвѣдомственной тенденціозности. Ему, конечно, было бы несравненно легче вовсе не брать на себя трудной задачи пріискивать людей и налаживать всю организацію мѣстной юстиціи въ Сибири, — пусть бы все это когда-нибудь сдѣлало другое вѣдомство, на свой страхъ и отвѣтственность Но подобное соображеніе было бы недостойно правительственной заботы прежде всего о пользахъ государственныхъ. Министерство юстиціи полагаетъ, что устройство въ Сибири мѣстнаго суда путемъ безраздѣльнаго врученія его земскимъ начальникамъ, съ одной стороны, повредило бы всему дѣлу судебнаго преобразованія, а съ другой—неблагопріятно отразилось бы и на самомъ учрежденіи 12 іюля 1889 года, о которомъ стали бы судить превратно по извращенной и безуспѣшной пробѣ его на совершенно неподходящей для него сибирской почвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство юстиціи не встрѣтило бы никакихъ препятствій къ тому, чтобы, — въ случаѣ, если будетъ признано нужнымъ

ввести въ Сибири, въ той или иной формѣ, подъ тѣмъ или инымъ названіемъ, новые органы крестьянскаго управленія. — предоставить имъ, для охраненія благочинія и безопасности, извѣстныя карательныя полномочія по наложенію взысканій въ административномъ порядкѣ и даже, въ видѣ изъятія, разрѣшеніе извѣстныхъ, точно означенныхъ судебныхъ дѣлъ, близко соприкасающихся съ хозяйственнымъ бытомъ завѣдываемаго ими населенія. Но это предположеніе, касающееся министерства внутреннихъ дѣлъ, стоитъ отдѣльно отъ задачъ судебнаго преобразованія и не должно ни задерживать его, ни мѣшать ему. Во всякомъ случаѣ для Сибири порученіе всѣхъ вообще судебныхъ дѣлъ суду, а не администраціи, имѣетъ особое принципіальное и, до извѣстной степени, предуказанное значеніе. Въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Приамурскаго края, его генералъ-губернаторъ повергъ на Высочайшее воззрѣніе, между прочимъ, мнѣніе свое о томъ, что всѣ судебныя дѣла необходимо изъять изъ вѣдѣнія полиціи и передать ихъ близкимъ къ населенію органамъ судебной власти, пользующимся возвышеннымъ служебнымъ и матеріальнымъ положеніемъ. Это мнѣніе генералъ-губернатора удостоилось Всемилостивѣйшаго одобренія, которое и выразилось въ резолюціи Его Императорскаго Величества „*Безусловно такъ*".

Мѣстную сибирскую юстицію можно было бы организовать по примѣру судебныхъ установленій западной окраины—губерній Сѣверо- и Юго-западныхъ, Привислянскихъ и Прибалтійскихъ, гдѣ существуютъ мировые судьи и, на ряду съ ними, дѣйствуютъ судебные слѣдователи. Но это подражаніе было бы крайне неудобно, во-первыхъ, потому, что съ вновь учреждаемыми судьями нельзя повторять первоначальной ошибки, разобщившей мѣстныхъ судей отъ общихъ судебныхъ установленій, окружного суда и судебной палаты, и, во-вторыхъ, потому, что въ Сибири ни число дѣлъ, сравнительно небольшое, ни недостатокъ людей и средствъ не позволяютъ одновременно учреждать въ округахъ должности и судей, и слѣдователей. При двойныхъ издержкахъ, тѣмъ и другимъ будетъ слишкомъ мало дѣлъ и слишкомъ много разъѣздовъ по однимъ и тѣмъ же немногимъ

населеннымъ районамъ. Сибирскія учрежденія, разсчитанныя, если такъ можно выразиться, на оазисы культуры и населенности среди пустыни, должны совмѣщать въ себѣ всѣ данныя практической простоты и благоразумной экономіи. Вотъ почему взоръ естественно обращается къ другимъ окраинамъ, наиболѣе сходнымъ съ Сибирью по характеру населенія и гражданской жизни, т.-е. къ Кавказу, Туркестану, Степнымъ областямъ и Архангельской губерніи. Въ этихъ мѣстностяхъ уже много лѣтъ на первой ступени юстиціи успѣшно дѣйствуютъ единоличные судьи, подъ именемъ мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, непосредственно подчиненные общему суду въ губерніи или области и несущіе также и слѣдственныя обязанности. Опытъ неопровержимо доказалъ не только пригодность, но и незамѣнимость этихъ должностныхъ лицъ тамъ, гдѣ нужно болѣе всего заботиться о приближеніи къ населенію возможно бо́льшаго числа судебныхъ органовъ, съ возможно меньшею площадью отведеннаго каждому изъ нихъ участка и притомъ съ наименьшими издержками. Въ Сибири достигнуть этихъ цѣлей можно только при посредствѣ проектированныхъ судей-слѣдователей, названныхъ мировыми для того, чтобы не мѣнять безъ особой надобности уже существующее на окраинахъ и привычное уху наименованіе. Представляя собою болѣе или менѣе точное воспроизведеніе порядковъ, существующихъ въ Туркестанѣ и Степныхъ областяхъ и только-что въ текущую сессію одобренныхъ и подтвержденныхъ государственнымъ совѣтомъ для Архангельской губерніи, учрежденіе это соединяетъ въ себѣ съ дешевизною, единствомъ и простотою устройства близость къ населенію и подвижность функцій. При этомъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ судьи и слѣдователя вовсе не грозитъ въ Сибири тѣми теоретическими трудностями, которыя, не вдаваясь въ глубь вопроса, обыкновенно выставляютъ противъ такого совмѣстительства. По статистическимъ даннымъ о числѣ дѣлъ, которыя отойдутъ къ сибирскимъ судьямъ-слѣдователямъ, количество уголовныхъ дѣлъ въ нѣсколько разъ превыситъ количество гражданскихъ. Изъ уголовныхъ же дѣлъ обѣ категоріи, и слѣдственныя, и собственно судебныя, даютъ въ сущности однородный матеріалъ. Методъ и

способы, которыми и судья, и слѣдователь оперируютъ при ихъ разслѣдованіи, имѣютъ такъ много общаго, что на практикѣ почти совпадаютъ; и по тому, и по другому роду дѣлъ, по крайней мѣрѣ публичныхъ, одни и тѣ же дѣйствія и пріемы ведутъ къ раскрытію судебной истины. Вся разница сводится лишь къ тому, что, собравъ доказательства, слѣдователь направляетъ дѣло къ прокурору для дальнѣйшаго движенія, а уголовный судья самъ разрѣшаетъ его своимъ приговоромъ. Если же прибавить сюда, что, съ одной стороны, при однихъ и тѣхъ же разумно предпринятыхъ разъѣздахъ могутъ быть и разбираемы дѣла, и производимы слѣдственныя дѣйствія, а съ другой—что для болѣе важныхъ и сложныхъ слѣдствій въ каждой сибирской округѣ предполагается, сверхъ мировыхъ судей, учредить и спеціальнаго слѣдователя, то въ допустимости и удобствѣ для Сибири предлагаемаго института едва ли можетъ быть сомнѣніе. Кромѣ того, этотъ вопросъ рѣшается окончательно доводомъ чисто утилитарнымъ, хотя и отрицательнымъ. Безъ проектируемаго соединенія слѣдственной части съ судебною, пришлось бы тратить ровно вдвое на содержаніе отдѣльныхъ должностей судьи и слѣдователя, и самые участки ихъ были бы вдвое больше и, стало-быть, правосудіе вдвое дальше отъ народа. Ужъ если, по мѣстнымъ условіямъ и экономическимъ разсчетамъ, говорить о соединеніи функцій, то не естественнѣе ли соединить въ вѣдѣніи одного и того же судебнаго дѣятеля весьма близкія обязанности судебнаго разбора и судебнаго изслѣдованія, чѣмъ въ вѣдѣніи административнаго чиновника сопрягать весьма различныя власти распоряженія и суда? Какъ бы то ни было, даже при всѣхъ несовершенствахъ предполагаемаго слѣдственно-мирового учрежденія, оно есть все-таки единственный исходъ изъ невозможнаго положенія вещей и будетъ неизмѣримо выше теперешняго порядка, или, вѣрнѣе, безпорядка, когда слѣдствія производятъ совершенно къ этому неспособные полицейскіе засѣдатели, а судъ творится только въ округѣ, иногда за тысячи верстъ отъ мѣста происшествія и судящихся.

Затѣмъ при общемъ обозрѣніи представленныхъ предположеній, по мнѣнію моему, обращаютъ на себя вниманіе еще два

существенные предмета: 1) устройство правосудія въ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ Сибири и 2) участь особыхъ инородческихъ судовъ и примѣняемыхъ ими карательныхъ постановленій. По первому предмету, въ дополненіе къ изложенному въ представленіи, можно указать, что отдаленность и безлюдье достаточно оправдываютъ проектированныя двойственныя мѣры. Въ тѣхъ удаленныхъ отъ всякой культуры мѣстностяхъ, самыя названія которыхъ звучатъ пустынностью и ссылкою—Пелымь, Березовъ, Нарымскій край, Удская округа, Уссури—куда лишь изрѣдка докатывается волна экономическаго оборота, въ такихъ мѣстностяхъ нельзя, очевидно, учреждать постоянныхъ судебныхъ органовъ. Ихъ представители были бы, среди одиночества и всяческой скудости, за недостаткомъ дѣлъ, обречены почти на бездѣлье, а слѣдовательно и на вѣрную гибель. Но такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ основанія къ совершенному изъятію подобныхъ мѣстностей, въ періоды ихъ оживленія, изъ дѣйствія нормальнаго суда, то и предположено учредить въ нихъ временные судебно-слѣдственные участки, періодически посѣщаемые разъѣздными судьями, которые каждый разъ будутъ являться вѣстниками правосудія, теперь, повидимому, мало извѣстнаго этимъ краямъ. За-то въ тѣхъ почти приполярныхъ мѣстностяхъ или на тѣхъ затерявшихся среди океана островахъ, гдѣ суровая и дикая природа терпитъ лишь полудикихъ кочевниковъ, да охотниковъ и рыболововъ, — тамъ нечего и думать о регулярномъ правосудіи. Достаточно, если для немногихъ единичныхъ случаевъ будетъ облеченъ судебно-слѣдственными полномочіями единственный имѣющійся тамъ представитель власти въ лицѣ полицейскаго чиновника. Будетъ огромнымъ шагомъ впередъ уже и то, что по рѣдкимъ судебнымъ дѣламъ этотъ правительственный органъ обязывается дѣйствовать по точнымъ новымъ судопроизводственнымъ законамъ и подъ контролемъ настоящей судебной власти. Такимъ образомъ, новый судъ все-таки приблизится къ сибирскимъ тундрамъ и тайгамъ, но онъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ ими поглощенъ и сведенъ къ нулю. Что же касается до второго предмета, то представленныя правила обнимаютъ всѣ случаи смѣшанной подсудности и рас-

пространяются на всякое судебное касательство инородцевъ къ русскимъ, къ дѣйствіямъ русскихъ властей и даже къ дѣламъ инородцевъ между собою, когда они разныхъ народностей. При этомъ остается въ силѣ и существующій порядокъ обжалованія рѣшеній инородческихъ расправъ въ общіе суды, съ возложеніемъ окончательнаго разсмотрѣнія такихъ жалобъ на вновь учреждаемые окружные суды. Но полная реорганизація народнаго суда внутри инородческихъ племенъ, требующая предварительнаго соображенія и многихъ мѣстныхъ справокъ, есть дѣло будущаго и, нужно надѣяться, настолько близкаго, что выдѣленіе этого вопроса изъ настоящаго общаго проекта не замедлитъ разработки предположеній объ инородческой юстиціи.

Въ заключеніе, я не могу не коснуться вопросовъ штатнаго характера и личнаго состава, тѣмъ болѣе, по моему мнѣнію, важныхъ въ данномъ случаѣ, что весь успѣхъ судебнаго преобразованія въ Сибири въ серьезной степени зависитъ отъ того, какіе именно дѣятели, въ какомъ числѣ и въ какой обстановкѣ будутъ первыми піонерами реформы въ этомъ краѣ. Предполагаемые штаты новыхъ сибирскихъ судовъ составлены при участіи лицъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными условіями, и притомъ на основаніи внимательнаго соображенія статистическаго матеріала съ различными особыми обстоятельствами тѣхъ или другихъ мѣстностей и съ соблюденіемъ строгой бережливости въ казенныхъ средствахъ. Штаты эти не гадательны, но—нельзя не сознаться—они минимальны, и, вѣроятно, по введеніи ихъ въ дѣйствіе имъ придется считаться съ тѣмъ обычнымъ фактомъ, что судебное преобразованіе, вселяя большее довѣріе къ суду, всегда и особенно на первыхъ порахъ вызываетъ много новыхъ дѣлъ, соотвѣтствующихъ жизненнымъ потребностямъ, но таившихся подъ спудомъ до тѣхъ поръ, пока обыватели не знали силы закона и больше всего—и притомъ не безосновательно—боялись такъ называемаго „тасканія по судамъ“. Поэтому можно допустить, что дѣйствительное количество будущихъ судебныхъ дѣлъ въ Сибири превзойдетъ сдѣланные разсчеты и потребуетъ современемъ усиленія тамошнихъ судовъ. Но такъ какъ все это впередъ не поддается точному учету, то

и казалось бы болѣе осторожнымъ, исходя теперь изъ указаній настоящаго, предоставить будущему ближайшее практическое выясненіе всѣхъ отраслей и оттѣнковъ дѣла. Нынѣ же да не будетъ сказано, что запросъ превышаетъ надобность, и если даже новому судебному персоналу придется въ началѣ усугубить свой трудъ, то ему это послужитъ привычнымъ испытаніемъ, и такія его заслуги не ускользнутъ отъ вниманія и заботъ правительства. Во всякомъ случаѣ, количество испрашиваемыхъ силъ, хотя бы и по самому скупому исчисленію, не меньше, чѣмъ дѣйствующее теперь; но за-то при реформѣ качество ихъ будетъ выше, распредѣленіе работы правильнѣе, а способы выполненія ея цѣлесообразнѣе. Наконецъ, хотѣлось бы пойти на встрѣчу сомнѣніямъ, которыя могутъ возродиться по поводу крайней затруднительности найти достаточное количество вполнѣ годныхъ дѣятелей для замѣщенія многихъ отвѣтственныхъ судебныхъ должностей, вновь открываемыхъ въ такой непривлекательной, заранѣе пугающей обстановкѣ, какая обыкновенно связывается съ ходячимъ представленіемъ о далекой странѣ холода и ссылки. Нужно, однакоже, замѣтить, что въ настоящее время, при возрастающемъ ознакомленіи съ Сибирью, при новыхъ сообщеніяхъ съ внутреннею Россіею, это предубѣжденіе все явственнѣе становится анахронизмомъ. Уже и теперь въ личномъ составѣ сибирской дореформенной юстиціи есть не мало,—приблизительно даже больше половины,—образованныхъ юристовъ, проходящихъ тамъ, съ неостывшею еще энергіею, суровую, но полезную школу окраинной службы правосудію. Есть, такимъ образомъ, уже нѣкоторые кадры, изъ которыхъ можно будетъ набирать въ новые суды порядочныхъ и знающихъ край дѣятелей. Туда же, по всей вѣроятности, охотно пойдутъ сибирскіе уроженцы, вообще тяготѣющіе къ родинѣ. Ихъ вызоветъ домой, съ той стороны Урала, давно желанная и жданная вѣсть о введеніи въ Сибири Судебныхъ Уставовъ, изученіе которыхъ воспитало столько поколѣній молодыхъ юристовъ. По почину министерства юстиціи, существуетъ также и надежда на открытіе юридическаго факультета въ Томскомъ университетѣ, и тогда Сибирь получитъ свой центръ юридическаго образованія, свой

разсадникъ судебныхъ дѣятелей, связанныхъ съ краемъ происхожденіемъ, привычкою, любовью. Впрочемъ, нельзя будетъ, очевидно, обойтись безъ назначенія въ новыя судебныя установленія многихъ новыхъ лицъ, примѣрно до 50%, уже пріобрѣвшихъ опытность на службѣ въ судахъ Европейской Россіи. Именно эти люди могутъ сообщить сибирскимъ судамъ все цѣнное достояніе новой судебной практики, весь запасъ знаній и даже традицій, уже начинающихъ накопляться въ нашей магистратурѣ и, что̀ можетъ быть всего дороже,—тотъ духъ широкой справедливости и гуманной правомѣрности, которымъ должно быть проникнуто истинное правосудіе. Что̀ же привлечетъ такихъ дѣятелей въ Сибирь, которая теперь особенно въ нихъ нуждается? За невозможностью, по значительности денежныхъ затратъ, нынѣ же опредѣлить всѣмъ высшіе оклады противъ общихъ въ имперіи штатовъ, приходится довольствоваться возвышеніемъ содержанія лишь немногимъ судьямъ, предназначеннымъ дѣйствовать среди условій наиболѣе тяжелыхъ. Стимуломъ же для другихъ будетъ: во-первыхъ, увеличеніе окладовъ противъ теперешнихъ, до-реформенныхъ; во-вторыхъ, перспектива относительно крупныхъ подъемныхъ и прогонныхъ денегъ, а впослѣдствіи, быть можетъ, періодическихъ прибавокъ къ содержанію и усиленныхъ пенсій, какъ принадлежностей сибирской службы; въ-третьихъ, повышеніе при назначеніи въ Сибирь съ низшихъ должностей во внутреннихъ губерніяхъ, и, въ-четвертыхъ, старательно поддерживаемая надежда, по особенно усердномъ и полезномъ прослуженіи извѣстнаго срока, получить новое повышеніе или перемѣщеніе въ лучшую мѣстность. Но, конечно, однѣми этими матеріальными выгодами, весьма не безразличными для лицъ, живущихъ службой, не исчерпывается еще значеніе предстоящей дѣятельности въ Сибири. Какъ ни разсчетливъ и ни требователенъ нашъ вѣкъ на вещественныя преимущества, хотѣлось бы думать, что не изсякло еще въ хорошихъ русскихъ людяхъ идеальное стремленіе посильно поработать на симпатичной, вновь пролагаемой дорогѣ къ правдѣ и законности, желаніе побороться, во имя свѣта и добра, противъ зла и мрака. И нельзя не вѣрить, что на пра-

вительственный призывъ къ такой работѣ откликнутся достойные замѣстители передовыхъ постовъ новаго суда на дальней восточной окраинѣ. Нельзя не вѣрить этому тѣмъ глубже и сильнѣе, что въ судебной сферѣ трудно представить себѣ идею болѣе живую и современную, поприще болѣе заманчивое и благодарное, чѣмъ это рѣшительное распространеніе судебной реформы сразу на всю Сибирь. По справедливости слѣдуетъ признать, что чуть не со временъ Ермака, въ долгой смѣнѣ столѣтій, Сибирь неизмѣнно отставала отъ всѣхъ культурныхъ успѣховъ и пріобрѣтеній покорившей ея Руси и, многое давая ей, взамѣнъ получала лишь одну печаль: Сибирь отдавала свои обильныя естественныя богатства и драгоцѣнности, свои обширныя пространства для заселенія, а получала только ссылку, каторгу, подонки нашего общества, отбросы нашихъ дѣловыхъ порядковъ. Теперь, по великодушной волѣ Монарховъ, все это перемѣнилось и приходитъ къ безповоротному концу. Для Сибири началась новая жизнь, настали дни могучаго развитія и обновленія. Скоро, изъ края въ край, ее прорѣжетъ, на славу Россіи и нашего времени, величайшій въ мірѣ желѣзнодорожный путь, этотъ реальный соединитель человѣчества, знаменующій для него блага цивилизаціи и прогресса. По глубокому моему убѣжденію, настала пора въ числѣ этихъ благъ принести въ Сибирь и блага правосудія, того правосудія, которое, по Державному слову благополучно царствующаго Государя Императора, *„столь необходимо ей наравнѣ съ остальной Россіей“*.

Разсмотрѣвъ въ подробности представленный министерствомъ юстиціи законопроектъ и сдѣлавъ въ немъ соотвѣтственныя исправленія, государственный совѣтъ положилъ мнѣніе о примѣненіи Судебныхъ Уставовъ къ губерніямъ и областямъ Сибири, удостоенное, въ 13-й день мая 1896 года, Высочайшаго утвержденія.

II.

Рѣчь при открытіи новыхъ судебныхъ установленій въ Иркутскѣ. 2 іюля 1897 г. [1]).

2 іюля 1897 г на торжествѣ открытія Иркутскихъ судебной палаты и окружного суда, въ присутствіи высокопреосвященнаго Тихона, архіепископа Иркутскаго и Верхоленскаго, Иркутскаго генералъ-губернатора, генералъ-отъ-инфантеріи Горемыкина, другихъ мѣстныхъ властей, прибывшихъ въ Иркутскъ чиновъ судебнаго вѣдомства и многочисленныхъ приглашенныхъ лицъ, министръ юстиціи произнесъ слѣдующую рѣчь:

Всемилостивѣйшій Государь прислалъ меня объявить, что насталъ для Сибири великій, знаменательный день — день повсемѣстнаго введенія въ ней новыхъ судовъ, образуемыхъ по Судебнымъ Уставамъ Императора Александра II. Долго ждала Сибирь этого дня, давно стремилась она къ благамъ обновленнаго, для всѣхъ единаго правосудія. Еще въ половинѣ прошлаго вѣка иркутскій депутатъ, Алексѣй Сибиряковъ, заявлялъ въ Екатерининской коммиссіи о сочиненіи уложенія, что „нигдѣ такъ не потребны люди добрыхъ качествъ по производству судовъ и слѣдствій и всякихъ этого рода дѣлъ, какъ въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ столицъ“, и, затѣмъ, ярко очертивъ тогдашніе сибирскіе судебные непорядки, убѣдительно выставлялъ причины, по которымъ „надлежитъ взирать на дальнія страны и располагать, чтобы и въ нихъ царствовало такое же правосудіе, какъ и въ городахъ столичныхъ“. Съ тѣхъ поръ, въ нескончаемой смѣнѣ годовъ и событій, тянется рядъ попытокъ къ устроенію

---

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1897 г., Сентябрь.

правовой жизни Сибири и длится неустанная борьба законодательства и правительства съ различными темными явленіями этой жизни и, главнымъ образомъ, съ крѣпко укоренившимися въ ней безсудіемъ и безправіемъ. Своеобразныя природныя и историческія условія крайне затрудняли эти старанія и часто дѣлали ихъ безуспѣшными; трудно бороться съ такими врагами, какъ отдаленность отъ центровъ, необозримость пространствъ, рѣдкость населенія, слабость культуры. Судебное переустройство Сибири, въ смыслѣ объединенія съ другими частями Имперіи, всегда озабочивало дѣятелей сибирскаго упорядоченія, начиная съ того знаменитаго отечественнаго законостроителя, про котораго его сибирскій другъ и историкъ [1]) сказалъ: „бысть человѣкъ посланъ свыше, и имя его останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ всей Сибири“. Но ни Сперанскій, ни наиболѣе энергичные изъ его преемниковъ не были въ состояніи освободиться изъ того, какъ бы заколдованнаго, круга всевозможныхъ недостатковъ, неудобствъ и формальностей, въ который понятіями времени былъ заключенъ старый судъ, безсильный—и въ Сибири особенно—выполнить самыя лучшія намѣренія законодателя. Когда же во внутреннихъ мѣстностяхъ этотъ кругъ былъ разбитъ Судебными Уставами, то еще при начертаніи ихъ основныхъ положеній и для Сибири блеснула надежда на примѣненіе судебной реформы. Однакоже, въ теченіе 30 лѣтъ многообразныя административныя и финансовыя препятствія задерживали осуществленіе этой надежды, которую, тѣмъ не менѣе, не переставали лелѣять всѣ свѣтлые умы по обѣимъ сторонамъ Урала. Скоро, впрочемъ, неотразимою силою вещей законодатель былъ вынужденъ вступить на путь неотложныхъ, хотя бы частичныхъ, исправленій и усовершенствованій. Въ этомъ отношеніи законъ 25-го февраля 1885 г., на основаніи котораго донынѣ дѣйствовали прежніе здѣшніе суды, принесъ большую пользу судебному дѣлу въ Сибири уже тѣмъ, что подготовилъ почву и отчасти людей къ нынѣшнему преобразованію. Но палліативныя, переходныя мѣры, улучшивъ сибирскую юсти-

[1]) Словцовъ.

цію, не могли удовлетворить созрѣвшей потребности въ совершенно иной ея постановкѣ, сообразно общему судоустройству и судопроизводству Россіи. Подобно вставкамъ на обветшалой одеждѣ, подобно молодому вину, влитому въ старые мѣхи, и улучшенный судъ не былъ и не могъ быть дѣйствительно новымъ судомъ. А между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ настоятельнѣе все привлекало общественное вниманіе и правительственную заботливость къ сибирской окраинѣ. Въ незабвенное царствованіе славныя памяти Императора Александра III безграничное правдолюбіе въ Бозѣ почившаго Монарха не остановилось передъ великодушнымъ признаніемъ, что мало еще сдѣлано и много нужно сдѣлать въ Сибири. Ея экономическое и бытовое развитіе неудержимо шло впередъ тѣмъ крупнымъ ходомъ, за которымъ трудно поспѣвать законамъ и учрежденіямъ. Старый судъ, несмотря на старую привычку къ нему, уже не отвѣчалъ новымъ запросамъ и отовсюду возникавшимъ надобностямъ; все въ Сибири требовало суда скораго, праваго, милостиваго, равнаго для всѣхъ подданныхъ Русской Державы. Недоставало лишь всемогущаго мановенія, которое бы двинуло дѣло къ вожделѣнному окончанію. Но великъ Богъ земли русской и ненапрасна ея вѣра въ неистощимую мудрость правящей нами Самодержавной воли. Своими глазами видѣлъ, Своимъ разумѣніемъ понялъ Сибирь благополучно царствующій возлюбленный Государь нашъ и, удостовѣрившись лично, до какой степени „*необходимо ей истинное правосудіе наравнѣ съ остальной Россіею*“ (какъ выражено въ Высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ), Онъ повелѣлъ: быть по всей Сибири новымъ судамъ. Исполнились завѣтныя ожиданія и надежды, исчезли затрудненія и препятствія, нашлись люди и деньги, и обширная страна, почти половина Азіи, нынѣ съ глубочайшею вѣрноподданническою благодарностью привѣтствуетъ дарованное ей новое правосудіе.

Чтобы оцѣнить по достоинству все громадное значеніе предпринятой реформы, необходимо хотя бы въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чѣмъ отличается отъ стараго судъ новый, замѣняющій его для Сибири.

Каковы бы ни были его мѣстныя особенности, вызванныя не случайностью или предвзятыми взглядами, а глубоко обдуманными соображеніями первостепенной государственной важности, это, прежде всего, судъ по Судебнымъ Уставамъ, тотъ судъ, надъ входомъ котораго нѣтъ другихъ словъ, кромѣ правды и милости. Это судъ, отправляемый отъ Царскаго Имени высокостоящею судебною властью, судъ отдѣльный и независимый — не тѣмъ, конечно, чтобы органы его составляли обособленное, ревниво замкнутое въ себѣ вѣдомство, а тѣмъ, что никто и ничто, сверхъ закона и совѣсти, не управляетъ и не руководитъ правосудіемъ. Задачи суда обусловливаютъ дружное въ законныхъ предѣлахъ единеніе его съ другими правительственными властями, но тѣ же задачи не допускаютъ, безъ ущерба для дѣла, смѣшенія полномочій и вѣдѣнія. И потому полицейское слѣдствіе отходитъ въ область прошедшаго; судебныя дѣйствія, приговоры и рѣшенія повѣряются единственно въ порядкѣ судебныхъ инстанцій и уже не подлежатъ ничьему постороннему контролю или утвержденію. Судъ отправляется не заурядными чиновниками, а судебными дѣятелями, совмѣщающими вмѣстѣ съ нравственными и умственными качествами, требуемыми судебною службою, еще строгія условія образованія и практической подготовки. Судебная карьера судебныхъ чиновъ обставлена точными правилами; судьба каждаго прежде всего въ его собственныхъ рукахъ, завися отъ его трудовъ и способностей; свобода судейской совѣсти ограждается несмѣняемостью коллегіальныхъ судей; суды сами поддерживаютъ и охраняютъ внутреннюю свою дисциплину, но за-то въ отдѣльности и коллективно несутъ строгую отвѣтственность за всякое ея нарушеніе. И за прежними судебными чинами есть въ прошедшемъ не мало усердной и полезной работы, но то была работа поневолѣ разрозненная, тусклая, затрудненная. Новое судебное сословіе, магистратура, сплоченная уже сложившимися преданіями служебной чести и чистоты, въ полномъ составѣ своемъ призывается къ сознательному и идейному служенію высокимъ началамъ преобразованнаго суда. На первой ступени его, вмѣсто далекаго коллегіальнаго суда въ городѣ, становятся въ непосред-

ственной близости къ населенію единоличные мировые судьи, прямые, всѣмъ доступные носители правосудія для народа. Вмѣсто сложной системы судебныхъ инстанцій, среднихъ и высшихъ, съ обязательнымъ и, по необходимости, медленнымъ пересмотромъ дѣлъ, вся совокупность общихъ судебныхъ обязанностей и надзора стройно распредѣляется между окружными судами и судебной палатой въ общемъ для всей Имперіи законохранительномъ завѣдываніи кассаціоннаго Сената, до котораго доходятъ только достойныя этого дѣла наибольшей важности. Вмѣсто прежней скудости судебныхъ орудій и средствъ, при новыхъ судахъ дѣйствуетъ рядъ новыхъ, испытанныхъ и надежныхъ органовъ и учрежденій: прокурорскій надзоръ, сосредоточивающій свои силы на государственномъ уголовномъ преслѣдованіи и охраненіи законныхъ порядковъ суда, опекунскія присутствія, осуществляющія судебное наблюденіе за дѣлами безпомощныхъ, сирыхъ; нотаріусы, какъ должностные составители частныхъ сдѣлокъ и актовъ; судебные пристава въ губернскихъ и областныхъ городахъ, какъ спеціальные исполнители судебныхъ рѣшеній; присяжные и частные повѣренные, ведущіе судебную защиту подъ бдительнымъ контролемъ судебныхъ мѣстъ. Совершеннымъ формамъ суда соотвѣтствуютъ и высокія начала судебнаго производства. Обезпечивая полное раскрытіе судебной истины, они представляютъ итогъ того, до чего въ теченіе цѣлыхъ столѣтій додумалось человѣчество въ области правосудія. Судъ совершается устно, т.-е. судьи видятъ передъ собою живыхъ людей, слышатъ живую ихъ рѣчь, судятъ по непосредственнымъ личнымъ своимъ впечатлѣніямъ, а не по мертвымъ бумагамъ, которыя такъ часто бываютъ слѣпы и глухи къ жизненной правдѣ. Судъ творится публично, открыто, на виду у всѣхъ, на глазахъ у общества, и не съ ограниченнымъ, какъ бы едва терпимымъ допущеніемъ постороннихъ слушателей и зрителей, а съ тою широкою, обычною гласностью, которая, составляя основную черту новой юстиціи, вошла въ плоть и кровь ея и предполагаетъ не одно только удовлетвореніе любопытства или любознательности, но и свободное обсужденіе, критику. Сбросивъ оковы формализма и письменности, выведенный на свѣжій воздухъ изъ мрака и

духоты канцеляріи, новый судъ не столько разыскиваетъ, сколько со спокойствіемъ безпристрастія разрѣшаетъ безъ ухищреній, по закону и убѣжденію, происходящій передъ нимъ правомѣрный судъ двухъ равноправныхъ сторонъ: обвинителя и обвиняемаго, истца и отвѣтчика. Всякій считается правымъ и честнымъ, пока противное не будетъ доказано тѣмъ, кто ищетъ или обвиняетъ. Изъ столкновенія фактовъ и мнѣній добывается истина, но всякое въ ней сомнѣніе толкуется не въ сторону подозрѣнія или взысканія, а въ пользу правоты и невинности. Судъ вѣдаетъ по дѣламъ, не по лицамъ; передъ нимъ равны сильный и слабый, богатый и бѣдный; судъ воздаетъ каждому должное, но помнитъ, что кому много дано, съ того много и взыщется. Судъ признаетъ въ каждомъ, передъ нимъ предстоящемъ, его человѣческую и гражданскую личность, его неотъемлемыя права. Даже карая и взыскивая, судъ бережетъ человѣка, а не угнетаетъ и унижаетъ его. И самый законъ, этотъ высшій принципъ судебной дѣятельности, прилагается новымъ судомъ не какъ механическое сухое воздѣйствіе на людей, а какъ благотворная сила, вносящая въ общежитіе миръ, покой и порядокъ. Общественная жизнь и частное личное существованіе должны сдѣлаться легче при новомъ судѣ. Онъ зорко стоитъ на стражѣ ихъ интересовъ, молчаливый и незамѣтный при соблюденіи права, грозный при его нарушеніи. Всѣ эти главнѣйшія очертанія вводимаго здѣсь новаго суда—все это положенія простыя, почти азбучныя, но ихъ впервые въ ихъ цѣльности провозглашаетъ въ Сибири властный голосъ закона и ими держится лучшее гражданское достояніе человѣка—увѣренность въ своемъ законномъ правѣ, дѣйствительная защита отъ всякаго на него посягательства.

А каковъ судъ—таковы должны быть и судьи, всѣ дѣятели, всѣ чины вновь учрежденныхъ судебныхъ установленій, и къ нимъ въ особенности я обращаю теперь мое слово. Вамъ, мм. гг., выпала рѣдкая доля быть первыми піонерами новаго суда на обширнѣйшей русской окраинѣ. Вамъ милостиво сказано съ высоты Престола: трудитесь, мужайтесь, не бойтесь невзгодъ и лишеній, зорко храните законъ, смѣло стойте за правду —

и велика будетъ ваша патріотическая заслуга. Что прибавить къ этому потрясающему призыву для тѣхъ, въ чьемъ вѣрноподданническомъ сердцѣ зажегъ онъ рѣшимость самоотверженно послужить правосудію въ здѣшнемъ краѣ? Этотъ край представляетъ поприще трудное, но богатое, почетное и, будемъ надѣяться, благодарное. Еще недавно талантливый сынъ Сибири писалъ въ заключеніе своего замѣчательнаго о ней изслѣдованія: „Если на зарѣ своей исторіи эта окраина и не видѣла радостныхъ дней, то вѣра въ ея лучшую будущность, вѣра въ счастіе и благоденствіе, доступное всѣмъ народамъ, должна воодушевить и подкрѣпить тѣхъ, кто отдаетъ свои силы и труды на ея обновленіе“ [1]). Эта прекрасная мысль всецѣло относится къ новымъ судебнымъ дѣятелямъ, посвящающимъ свою службу Сибири, и, прежде всего, къ тѣмъ изъ нихъ, которые, будучи ея уроженцами или давними обитателями, останутся дома и среди привычной имъ обстановки. Въ числѣ ихъ настоящіе сибиряки почерпнутъ утѣшеніе въ самой возможности стать у себя провозвѣстниками и проводниками усвоенныхъ еще съ университетской скамьи благородныхъ завѣтовъ судебной реформы. Дѣятели, удостоенные перехода въ новые изъ старыхъ сибирскихъ судовъ, будутъ имѣть за собою важное преимущество знанія мѣстности, быта, людей; уже закаленные въ неизбѣжныхъ трудностяхъ, они окрылятся новыми силами въ предстоящемъ высокомъ служеніи. Но пусть не смущаются и пришельцы изъ-за Урала въ новое сибирское судебное вѣдомство. Имъ въ особенности слѣдуетъ помнить, что, по справедливой и трогательной вѣрѣ народной, за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаютъ, что чѣмъ тяжелѣе, отвѣтственнѣе и нужнѣе та служба, тѣмъ больше чести и славы свято исполнить ее. Они приносятъ въ Сибирь познанія, опытъ, пріемы, уже испытанные во внутреннихъ русскихъ судахъ, они, эти пришлые дѣятели, учились и воспитывались на практикѣ Судебныхъ Уставовъ, они прониклись ихъ духомъ и будутъ счастливы сберечь его на своемъ передовомъ сибирскомъ посту. Напоминать ли мнѣ

[1]) Ядринцевъ, „Сибирь—какъ колонія“.

новымъ судебнымъ чинамъ объ ихъ общихъ обязанностяхъ, говорить ли судьямъ и прокурорамъ, что безпристрастіе, справедливость, законом*ѣрность составляютъ первѣйшій ихъ долгъ, а человѣколюбіе, снисходительность—лучшее его украшеніе? Не значитъ ли это повторять, доказывать очевидное, несомнѣнное, то, безъ чего немыслимы ни правильное отправленіе правосудія, ни достойная служба въ судебныхъ рядахъ? Но я все-таки считаю нужнымъ указать судебнымъ чинамъ, что они и судъ ихъ существуютъ для общества, гражданъ, а не обратно; что довѣріе и уваженіе населенія пріобрѣтаются только терпѣніемъ и внимательностью ко всякому обстоятельству, ко всякой надобности, какъ бы маловажна она ни казалась; что для суда ничтожныхъ дѣлъ нѣтъ, а есть только дѣла простыя и сложныя, ясныя и запутанныя, правыя и неправыя. И еще скажу я сибирскимъ судебнымъ дѣятелямъ, что если судъ ихъ не будетъ скоръ, а дѣйствія въ одно и то же время и осмотрительны, и рѣшительны, то трудно разсчитывать на успѣхъ; нужно заставить Сибирь забыть о былой волокитѣ, отъ которой она страдала не менѣе, чѣмъ отъ неправды. Но служители новаго суда слишкомъ хорошо знаютъ, что онъ можетъ быть правый и равный только при скорости, потому что всякая правда теряется въ судебномъ томленіи, и равенства уже нѣтъ тамъ, гдѣ по судейскому усмотрѣнію нужда одного разрѣшается, тогда какъ рядомъ другой изнемогаетъ отъ медленности. Послѣднимъ же общимъ моимъ пожеланіемъ да будетъ то драгоцѣнное свойство убѣжденной работы, тотъ чудный даръ неба, который одушевляетъ самаго скромнаго труженика, животворитъ самую тяжелую дѣятельность. Любите, господа, судебное дѣло, вамъ ввѣренное, — оно достойно того, влагайте въ него душу живую, болѣйте за него сердцемъ, радуйтесь преуспѣянію его, и, укрѣпляясь и совершенствуясь, оно само подкрѣпитъ и поддержитъ васъ въ горькія минуты уединенія и испытаній!

Видя предъ собою всѣ учрежденія, всѣ органы мѣстнаго судебнаго вѣдомства, я позволяю себѣ, прежде всего, выразить полную увѣренность, что подъ просвѣщеннымъ руководствомъ высшихъ его представителей новая судебная часть въ Сибири будетъ сразу, съ первыхъ шаговъ своихъ, направлена на един-

ственно вѣрный путь, въ точности предуказанный создателемъ Судебныхъ Уставовъ. Отъ гг. судей Иркутской судебной палаты и окружныхъ судовъ ея огромнаго округа будетъ зависѣть такъ поставить и судъ, и судебный надзоръ, чтобы потерпѣвшіе и обиженные находили въ судѣ оплотъ и прибѣжище, а не тяготу или бремя, чтобы виновные и обидчики въ самой карѣ закона встрѣчали справедливое воздаяніе, а не жестокую месть. „Не бойся суда, а бойся судьи“—это стародавнее, язвительное и скорбное изреченіе при новомъ судѣ да навѣки изгладится изъ памяти сибирскаго населенія! На гг. участковыхъ мировыхъ судьяхъ лежитъ въ этомъ смыслѣ особенно важная и отвѣтственная обязанность. Распредѣляемые по городамъ и округамъ, совмѣщая въ своемъ вѣдѣніи и слѣдственныя, и судебныя, и нотаріально-охранительныя полномочія, они являются тѣми первыми органами правосудія, съ которыми всего больше и чаще обыватель будетъ соприкасаться въ своемъ повседневномъ быту. Къ нимъ предстоитъ ему прибѣгать со всѣми его судебными надобностями, они будутъ ближайшими вершителями правовыхъ судебъ его и хранителями мира въ его личномъ и хозяйственномъ обиходѣ, отъ нихъ онъ получитъ и совѣтъ, и рѣшеніе, по нимъ же и по ихъ дѣйствіямъ онъ станетъ судить о новомъ судѣ. Между вновь назначенными мировыми судьями есть не мало людей молодыхъ, но мы не боимся этого, увы, скоро преходящаго свойства: опытъ неуклонно и неразлучно сопровождаетъ ревностный трудъ, выдержка и характеръ восполняютъ года, а молодость значитъ бодрость, энергія, выносливость, и въ молодости, руководимой образованіемъ и воспитанностью, всегда свѣжѣе и ярче благородные идеалы добра. Правительство твердо надѣется, что сибирскіе мировые судьи окажутся на высотѣ этого исключительнаго призванія и будутъ творить царское правосудіе съ честью, съ усердіемъ, скажу больше—съ благоговѣніемъ. Въ глуши, въ одиночествѣ, среди суровой природы и чуждыхъ людей, это будетъ своего рода подвигомъ, но пусть даже и такъ — сознательный подвигъ и безкорыстная жертва возвышаютъ и облагораживаютъ того, кто способенъ на нихъ. Въ подобномъ служеніи ярко засвѣ-

тится искра Божія, озаряющая темноту, и если съ теченіемъ времени цѣпь мирового судьи сдѣлается въ Сибири живымъ символомъ закона и правды, то новые судьи сослужатъ великую незабвенную службу Царю и Отечеству. А въ вашемъ лицѣ, гг. почетные мировые судьи, назначенные изъ числа извѣстныхъ и уважаемыхъ мѣстныхъ дѣятелей, мѣстное общество здѣсь впервые приметъ участіе въ коронномъ судѣ. Вы предоставите ему вашу многостороннюю житейскую опытность, ваше глубокое знаніе мѣстныхъ условій; онъ же, въ свою очередь, непосредственно ознакомитъ васъ съ духомъ и порядками вновь введеннаго правосудія. Это симпатичное освѣжающее общеніе есть первый шагъ общественной самодѣятельности, насколько она возможна и полезна въ сферѣ суда. Отъ судей всѣхъ ранговъ естественный переходъ къ ихъ сотрудникамъ и собратьямъ по судебному оружію, къ чинамъ того прокурорскаго учрежденія, которое и въ новомъ, чисто судебномъ своемъ значеніи не должно потерять своего историческаго, преемственнаго наслѣдія. И при новомъ государственномъ обвиненіи прокурорскій надзоръ не перестаетъ быть въ надлежащей мѣрѣ, какъ выражался нашъ старый законъ, „окомъ Царевымъ“, „стражемъ законности“, „взыскателемъ наказанія“ и „заступникомъ невинности“. Въ этомъ и сила, и цѣнность, и обаяніе обновленнаго учрежденія. Изъ всѣхъ судебныхъ чиновъ чинъ прокурора, быть можетъ, наиболѣе знакомъ и близокъ Сибири еще со временъ тѣхъ мужественныхъ прокуроровъ и стряпчихъ, которые въ старые годы, передъ эпохой Сперанскаго и впослѣдствіи, не разъ здѣсь боролись и терпѣли за правду. Въ Сибири не новость неожиданное и благотворное появленіе прокурора тамъ, гдѣ нужно раскрыть трудно поддающіяся правосудію злоупотребленія или хищенія. Многое съ годами измѣнилось въ Сибири, но крупныя преступленія и беззаконія не могли въ ней исчезнуть—и живъ въ ней прокурорскій надзоръ. Наконецъ, нѣсколько словъ по адресу вновь поступающихъ нотаріусовъ и членовъ адвокатскаго сословія. Ихъ еще мало, но крайне желательно, чтобы и они всею своею дѣятельностью подали хорошій примѣръ другимъ, будущимъ вспомогательнымъ

лицамъ судебнаго вѣдомства. Участвуя въ юридическихъ сношеніяхъ и дѣлахъ частныхъ лицъ, они должны облегчать, а не затруднять эти сношенія и пріучить обывателей къ мысли, что можно смѣло довѣряться всему принадлежащему къ новому судебному строю. И мы вѣримъ, что сибирякамъ не придется жалѣть ни о столѣ крѣпостныхъ дѣлъ, ни о дореформенныхъ повѣренныхъ и ходатаяхъ.

При всемъ разнообразіи требованій, предъявляемыхъ къ различнымъ разрядамъ сибирскихъ судебныхъ чиновъ, всѣ эти требованія сливаются въ громадную, трудную, но неотразимо привлекательную задачу. Ея успѣшное достиженіе способно наполнить личное существованіе, можетъ дать дѣятелю высшее нравственное удовлетвореніе, а въ жизни цѣлой страны проложить глубокій, долговременный слѣдъ. Всѣ классы, всѣ категоріи сибирскаго населенія, каждый по-своему, ждутъ возвѣщеннаго имъ дѣйствія новыхъ судовъ. Коренные сибиряки, издавна не избалованные совершенствомъ гражданскихъ порядковъ, по необходимости уживались и со старымъ судомъ. Но и они, съ могучимъ развитіемъ культурныхъ и экономическихъ отношеній, не могутъ не стремиться къ новому лучшему, къ тѣмъ уже испытаннымъ началамъ и формамъ преобразованнаго правосудія, которыми такъ дорожитъ и гордится остальная Россія. Надвигающаяся изъ нея переселенческая волна можетъ лишь усилить это теченіе: пришлые русскіе поселенцы въ правѣ искать и въ Сибири, на новыхъ мѣстахъ, тѣхъ же способовъ огражденія личности и имущества, съ которыми они свыклись на родинѣ. Затѣмъ наступаетъ пора открыть доступъ къ истинному правосудію и для необездоленныхъ инородцевъ, пріобщаемыхъ къ общему равенству предъ учрежденіями и законами. Но еще важнѣе потребности болѣе общаго, государственнаго, почти мірового значенія; расширяющійся въ Сибири промышленный и торговый обмѣнъ, наше поступательное цивилизаторское движеніе съ запада на востокъ, отнынѣ по великому сибирскому желѣзному пути—все вызываетъ и соотвѣтствующую закономѣрную и дѣйствительную охрану права благоустроеннымъ и скорымъ судомъ. Безъ нея невозможна и безпорядочна была бы новая

жизнь, уже зародившаяся на сибирскомъ просторѣ. Холодны сибирскія зимы, непроходимы снѣга, еще пустынны горы и рѣки, безпредѣльна тайга, — но и среди нихъ живутъ и работаютъ люди, заслуживающіе этой охраны, не лишенные прирожденнаго права на правду и милость. И вотъ, именно тутъ, въ этомъ посильномъ водвореніи правды и милости ваша лучезарная цѣль, гг. чины сибирскихъ судебныхъ установленій, къ ней вы должны устремлять всѣ ваши усилія. Далекій отъ кичливой мысли о томъ, что съ начатіемъ вашей дѣятельности въ Сибири сразу улучшится ея гражданскій бытъ, я тѣмъ не менѣе полагаю, что уже всякій отдѣльный признакъ, всякій поворотъ въ этомъ смыслѣ будетъ ощутительною вашей побѣдой. Лишь медленно и постепенно распространяется и утверждается въ народѣ то уваженіе къ закону, которое, по Державному слову Законодателя 20-го ноября 1864 года, „должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго отъ высшихъ до низшихъ“. Но когда, шагъ за шагомъ, дѣло за дѣломъ, упорнымъ трудомъ и разумной настойчивостью, вы отнимите хотя пядь сибирской земли у безправія, когда понемногу, всюду кругомъ зло начнетъ васъ страшиться, а доброе вамъ сочувствовать— уже и тогда съ вами будетъ спокойствіе совѣсти и одобреніе отечества. . . . .

Время идетъ, дивныя велѣнія Промысла совершаются... Въ настоящую торжественную, историческую минуту невольный подъемъ духа и чувства возвышаетъ всѣхъ насъ надъ блѣдною обыденностью. Сегодня не мы одни празднуемъ здѣсь, въ главномъ центрѣ Сибири, судебное ея возрожденіе. Сегодня повсюду на всемъ необъятномъ ея пространствѣ, отъ Урала до океановъ, на берегахъ великихъ водныхъ путей, во всѣхъ губернскихъ и областныхъ городахъ Западной и Восточной Сибири, вездѣ торжествуютъ введеніе въ ней Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II. Не зайдетъ еще солнце на сибирскомъ материкѣ, какъ судебная реформа станетъ для него дѣйствительностью. Желанная вѣсть объ этомъ еще сегодня перелетитъ за тысячи верстъ, къ подножію Всероссійскаго Престола, и отзовется въ любвеобильныхъ Царственныхъ попеченіяхъ объ

устроеніи и благѣ сибирской окраины. Русскимъ величіемъ, русскою мощью и ширью дышетъ это событіе, и съ восторженнымъ умиленіемъ всѣ истинно русскіе люди, кому дорого мирное процвѣтаніе родины, преклонятся передъ нимъ. Нѣкогда Русь силой, оружіемъ, кровью покорила Сибирь: теперь чередъ завоеванія свѣтомъ, законностью, справедливостью!

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, объявляя упраздненными прежнія сибирскія судебныя мѣста, открываю Иркутскую судебную палату и Пркутскій окружный судъ, съ прокурорскимъ при нихъ надзоромъ, мировыми судьями и всѣми учрежденіями и лицами, состоящими при новыхъ судебныхъ установленіяхъ.

СУДЕБНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ТУРКЕСТАНСКИХЪ И СТЕПНЫХЪ ОБЛАСТЯХЪ.

Объясненія въ государственномъ совѣтѣ 14 марта 1898 года [1]).

Въ 1897 году въ министерствѣ юстиціи, по сношеніи съ заинтересованными вѣдомствами, былъ выработанъ законопроектъ объ устройствѣ судебной части въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ.

Предварительно внесенія сего законопроекта на уваженіе законодательной власти министръ юстиціи имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Его Императорскому Величеству о существѣ предположеннаго преобразованія, при чемъ Государю Императору на упомянутомъ докладѣ благоугодно было, въ 29 день мая 1897 года, Собственноручно начертать. *„Буду счастливъ, когда наша матушка Россія станетъ благоустроенною, по крайней мѣрѣ въ правосудіи, скоромъ, безпристрастномъ и близкомъ народу, почти по всей ея необъятной площади. Согласенъ съ вашимъ заключеніемъ и желаю отъ души успѣха“.*

При слушаніи сего дѣла въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ 14 марта 1898 г. министръ юстиціи, поддерживая упомянутый законопроектъ (внесенный въ государственный совѣтъ 29 декабря 1897 года), представилъ слѣдующія объясненія относительно настоятельности, существа и задачъ предпринятой реформы.

Въ дополненіе къ содержащимся въ дѣлѣ соображеніямъ, считаю долгомъ объяснить, что предположенное министерствомъ юстиціи распространеніе судебной реформы въ полномъ объемѣ на Туркестанскій край и Степныя области удовлетворяетъ настоятельной потребности, давно назрѣвшей въ этихъ мѣстностяхъ. Ихъ быстрое экономическое и культурное развитіе въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій вызвало рядъ законодательныхъ мѣръ къ упорядоченію гражданской въ нихъ жизни на основаніяхъ, все болѣе и болѣе приближающихся къ порядкамъ упра-

---

[1]) Журналъ министерства юстиціи 1899 г., февраль.

вленія и суда, дѣйствующимъ на другихъ окраинахъ, которыя ранѣе прюбщились къ общему государственному укладу и потому опередили своимъ устройствомъ обширныя степныя и среднеазіатскія пространства. Главнѣйшія изъ подобныхъ мѣръ нашли себѣ систематическое выраженіе въ положеніяхъ объ управленіи Туркестанскаго края 12 іюня 1886 г. и Степныхъ областей 25 марта 1891 года. Этими узаконеніями въ прежнія мѣстныя судебную организацію и судопроизводство, основанныя на временныхъ положеніяхъ 1867 и 1868 гг., были внесены существенныя улучшенія, составившія какъ бы нѣчто среднее между старымъ строемъ и учрежденіями новаго суда или, точнѣе, искусственное сочетаніе того и другого. Но въ самой двойственности, въ переходномъ, промежуточномъ характерѣ всей постановки правосудія въ Туркестанскихъ и Степныхъ областяхъ уже заключались капитальные недостатки, не замедлившіе обратить на себя правительственное вниманіе. Въ то время, какъ низшія судебныя установленія образованы и дѣйствуютъ по началамъ Судебныхъ Уставовъ и дѣла меньшей важности разрѣшаются со всѣми преимуществами устности и непосредственности, безъ излишнихъ формальностей прежняго процесса, высшія судебныя мѣста и производство въ нихъ важнѣйшихъ дѣлъ пребываютъ въ тѣсныхъ рамкахъ несовершенныхъ старыхъ судебныхъ правилъ. На ряду съ мировымъ судьей, отправляющимъ судъ въ новомъ порядкѣ, по уставамъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, его помощникъ производитъ формальное слѣдствіе по старымъ законамъ о судопроизводствѣ уголовномъ, а сверху, на второй ступени судоустройства, старый областной судъ, вовсе не снабженный свойственными новому суду гарантіями личнаго состава, совмѣщаетъ пореформенныя функціи мирового съѣзда съ дореформенными обязанностями палатъ уголовнаго и гражданскаго суда, находясь притомъ подъ отдаленнымъ и, по необходимости, весьма медленно проявляющимся контролемъ стараго сената. Къ тому же, — и это обстоятельство имѣетъ весьма серьезное значеніе въ краѣ съ сильнымъ военнымъ и гражданскимъ управленіемъ, сосредоточеннымъ въ вѣдѣніи высшихъ представителей власти въ лицѣ генералъ-губернаторовъ и под-

чиненныхъ имъ областныхъ губернаторовъ, — судебныя установленія являются небольшими, слабыми, разрозненными единицами, вовсе необъединенными между собою въ главныхъ мѣстныхъ центрахъ, безъ ближайшаго общаго руководства и бдительнаго надзора, которые направляли бы ихъ дѣятельность въ полномъ единеніи и соотвѣтствіи не только съ закономъ, но и съ мѣстными видами правительства. Отсюда возможность и неизбѣжность недоразумѣній и даже нареканій, далеко не всегда имѣющихъ дѣйствительную важность, но всегда вредно отражающихся на дѣлѣ. Опытъ показываетъ, что повсюду на мѣстахъ, при взаимныхъ сношеніяхъ между авторитетными органами, быстро и безслѣдно устраняются или разъясняются самые поводы къ столкновеніямъ и недовольству, при настоящемъ же положеніи вещей мѣстныя власти бываютъ нерѣдко поставлены въ затруднительныя или неблагопріятныя условія и воздѣйствіе изъ Петербурга является безсильнымъ или запоздалымъ Поэтому учрежденіе въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ судебныхъ палатъ, съ ихъ старшими предсѣдателями и прокурорами, съ ихъ широкими инстанціонными и дисциплинарными полномочіями отвѣчаетъ не однѣмъ судебнымъ, но и административнымъ, даже политическимъ задачамъ, обезпечивая высшему начальству края полное, разумное, просвѣщенное и правильное содѣйствіе судебной власти. Затѣмъ, едва ли есть надобность перечислять тѣ многочисленныя и несомнѣнныя выгоды, которыя вообще доставитъ краю и населенію окончательное введеніе въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ съ ихъ усовершенствованными судебными порядками и такими вспомогательными учрежденіями, какъ почетные мировые судьи, судебные пристава, штатные переводчики, нотаріатъ и присяжная или, по крайней мѣрѣ, патентованная адвокатура. Примѣръ другихъ окраинъ, уже пользующихся преобразованнымъ судомъ, показываетъ, что, при извѣстныхъ измѣненіяхъ и тщательныхъ приспособленіяхъ къ мѣстнымъ особенностямъ, онъ скоро къ нимъ прививается и, если относится къ нему безпристрастно, служитъ могучимъ факторомъ дальнѣйшаго прогресса въ политическихъ и бытовыхъ условіяхъ: онъ знаменуетъ также и желательное наступленіе такого момента въ окраинной исторіи,

когда, послѣ боевого періода покоренія силою оружія, начинается мирное теченіе нормальной жизни, тихое завоеваніе правомъ и законностью. Все—и заявленія мѣстныхъ властей, и насущныя надобности осѣдлыхъ русскихъ обывателей, создавшихъ развивающіеся города и цвѣтущія поселенія, и справедливые, правомѣрные интересы туземныхъ инородцевъ, ждущихъ отъ Бѣлаго Царя уже не столько грозы, сколько свѣта и правосудія,—наконецъ, подъемъ нашей великой національной общечеловѣческой цивилизаторской миссіи на азіатскихъ порубежьяхъ—все свидѣтельствуетъ о томъ, что Туркестанская и Степная окраины дожили до этого момента и достаточно созрѣли для того, чтобы изъ попечительныхъ рукъ законодателя получить въ полной мѣрѣ и возможныхъ предѣлахъ судъ скорый, правый и милостивый.

При разработкѣ проектированнаго судебнаго преобразованія выборъ образцовъ подсказывался самъ собою всѣмъ предшествующимъ ходомъ законодательства и потому не представилъ трудностей. Нужно было, очевидно, воспользоваться недавно выработаннымъ и примѣненнымъ типомъ простѣйшаго устройства судебной части для окраинъ съ еще рѣдкимъ, частью инородческимъ населеніемъ, которое тяготѣетъ къ немногимъ центральнымъ пунктамъ и путямъ сообщенія. Такою по преимуществу является судебная организація сѣвера и особенно Сибири. Съ ея географическими, этнографическими и культурными условіями, Акмолинская, а отчасти и Семипалатинская области Степного, нѣкогда Западно-Сибирскаго генералъ-губернаторства находятся въ совершенномъ тождествѣ, а Туркестанскія и Семирѣченская области представляютъ значительное сходство въ смыслѣ наиболѣе подходящихъ способовъ судебной охраны, еще не очень многочисленныхъ, но уже довольно сложныхъ правоотношеній. Поэтому и такъ какъ управленіе Степными и Туркестанскими областями опредѣляется почти одинаковыми, въ существѣ, положеніями, изъ которыхъ въ одномъ (Степномъ) преобладаютъ ссылки на другое (Туркестанское), то и судебная часть въ этихъ областяхъ можетъ и должна быть устроена на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ. При этомъ округа судебныхъ палатъ должны,

по возможности, сообразоваться съ административнымъ дѣленіемъ, и весьма важно, чтобы мѣстопребываніе ихъ совпадало съ мѣстонахожденіемъ генералъ-губернаторскаго управленія. Образованіе судебной палаты въ Западной Сибири дастъ возможность уменьшить огромный округъ Иркутской судебной палаты на одну обширную губернію, Томскую, съ ея окружнымъ судомъ, и тѣмъ приблизить къ ней и высшій судебный надзоръ, и апелляціонную инстанцію. Что же касается до областей Уральской и Тургайской, то отнесеніе ихъ къ вѣдомству Саратовской судебной палаты, наоборотъ, расширитъ сравнительно небольшой ея районъ до его естественныхъ географическихъ границъ включеніемъ въ него мѣстностей, ничѣмъ не отличающихся въ судебномъ отношеніи отъ многихъ уѣздовъ губерній Оренбургской, Саратовской и Астраханской, въ которыхъ уже дѣйствуютъ Судебные Уставы. Изъ сказаннаго видно, почему предполагается учредить судебную палату для Степныхъ или Западно-Сибирскихъ областей именно въ Омскѣ, а не въ другомъ областномъ городѣ. По доводамъ, подробно изложеннымъ въ представленіи министерства юстиціи, Омску приходится отдать предпочтеніе даже при всемъ сочувствіи будущности конкурирующаго съ нимъ Томска. Здѣсь не можетъ не имѣть рѣшающаго значенія расположеніе Омска въ центрѣ судебнаго округа, генералъ-губернаторства и военнаго управленія. съ одной стороны—на многоводномъ и судоходномъ Иртышѣ, а съ другой—на магистральной линіи великаго Сибирскаго желѣзнаго пути, тогда какъ Томскъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ, на небольшой рѣкѣ и на боковой желѣзнодорожной вѣткѣ. Относительно же условій и удобствъ жизни въ этихъ двухъ городахъ — насколько я могъ судить между прочимъ и по личному посѣщенію ихъ лѣтомъ 1897 г., — одинъ городъ другого стоитъ. Въ Томскѣ—университетъ, въ Омскѣ, кромѣ гимназіи, Сибирскій кадетскій корпусъ и техническое училище; въ Томскѣ жизнь оживленнѣе, въ Омскѣ она дешевле — оба, въ концѣ концовъ, недалеко отошли отъ общаго типа сибирскихъ губернскихъ и областныхъ городовъ. Омскъ, населенный преимущественно служащими гра-

жданскаго и военнаго вѣдомствъ, повидимому, скорѣе безучастенъ къ своей судьбѣ, нынѣ, впрочемъ, закрѣпленной вновь образуемымъ сибирскимъ военнымъ округомъ; Томскъ, торговый, промышленный и предпріимчивый, болѣе дѣятельно хлопочетъ объ открытіи въ немъ судебной палаты, но и его хлопоты не идутъ далѣе предоставленія подъ возведеніе необходимаго для нея зданія недорого стоющаго участка земли. А такъ какъ всѣ судебно-административныя соображенія говорятъ за Омскъ, то и министерство юстиціи не находитъ возможнымъ отступить отъ первоначальнаго своего предположенія объ учрежденіи Омской судебной палаты.

Настоящій проектъ, въ общемъ, былъ встрѣченъ вѣдомствами сочувственно и согласительно. Послѣ продолжительной переписки была устранена большая часть отдѣльныхъ разногласій, и теперь остаются лишь второстепенныя сомнѣнія и возраженія, которыя, какъ министерство юстиціи надѣется, при извѣстной взаимной уступчивости, не воспрепятствуютъ быстрому доведенію до благополучнаго конца этого важнаго государственнаго мѣропріятія, во исполненіе Высочайшихъ предуказаній объ устроеніи отечественнаго правосудія. Въ этомъ отношеніи введеніе Судебныхъ Уставовъ съ необходимыми измѣненіями въ Туркестанскомъ краѣ и Степныхъ областяхъ, независимо отъ огромнаго мѣстнаго значенія, составитъ цѣлую эпоху въ постепенномъ ходѣ нашего судебнаго преобразованія: то будетъ послѣдній крупный шагъ на многолѣтнемъ и многотрудномъ его пути На этотъ путь еще не вступили окончательно только немногія мѣстности, находящіяся въ исключительныхъ обстоятельствахъ, но все позволяетъ предполагать, что и онѣ находятся наканунѣ введенія новаго суда. Такъ, проектъ примѣненія Судебныхъ Уставовъ къ 5 сѣверо-восточнымъ уѣздамъ Вологодской губерніи уже выработанъ министерствомъ юстиціи [1]). Далѣе, отъ вѣроятнаго соглашенія ми-

[1]) Предположенія министерства юстиціи о распространеніи судебнаго преобразованія на 5 уѣздовъ Вологодской губерніи и на Закаспійскую область, по одобреніи государственнымъ совѣтомъ, удостоились Высочайшаго утвержденія въ 15 день февраля 1899 г.

нистерствъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ министерствомъ юстиціи будетъ зависѣть незатруднительное распространеніе новаго порядка на киргизскія и калмыцкія степныя кочевья въ Астраханской губерніи, которыя и нынѣ по уголовнымъ дѣламъ большей важности подчинены вѣдѣнію Астраханскаго окружного суда. Наконецъ, для Закаспійской области, гдѣ до сихъ поръ не было никакихъ постоянныхъ и правильныхъ судебныхъ учрежденій, совмѣстною работою министерствъ военнаго и юстиціи составляется и въ непродолжительномъ времени будетъ внесенъ на законодательное разсмотрѣніе проектъ устройства судебной части на одинаковыхъ съ Туркестаномъ основаніяхъ. Такимъ образомъ, безшумно, медленно, но вѣрно и настойчиво, завершится начавшееся болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ великое дѣло судебной реформы въ нашемъ отечествѣ. Ничто, ни временныя и случайныя препятствія, ни даже дѣйствительные недостатки, неразлучные съ новизною и легко устранимые, ничто, будемъ надѣяться, не помѣшаетъ тому, что̀ есть высокаго и благодѣтельнаго въ новомъ судѣ, распространиться и утвердиться на всей нашей необъятной площади. Порукою въ томъ тотъ свѣтлый, радостный день, когда министру юстиціи была объявлена въ словахъ отнынѣ исторической Монаршей резолюціи великодушная и рѣшительная Высочайшая воля Государя Императора видѣть всю Россію благоустроенною въ скоромъ, безпристрастномъ и близкомъ къ народу правосудіи.

Государственный совѣтъ, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ общемъ собраніи, постановилъ мнѣніе объ устройствѣ судебной части въ областяхъ Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семирѣченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, при чемъ временемъ осуществленія преобразованія назначена вторая треть 1899 г. въ сроки по усмотрѣнію министра юстиціи. Таковое мнѣніе государственнаго совѣта удостоилось Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія во 2 день іюня 1898 года.

РѢЧЬ ПРИ ОТКРЫТІИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА СУДЕБНАГО ВѢДОМСТВА, 20 НОЯБРЯ 1895 г. [1]).

20 ноября 1895 года послѣдовало, въ генералъ-прокурорскомъ домѣ, открытіе Благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства, согласно пункту *а* временныхъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ общества, утвержденномъ (2 марта 1895 года) министромъ юстиціи во исполненіе Высочайше утвержденнаго въ 17 день февраля сего года положенія комитета министровъ.

Послѣ торжественнаго молебствія состоялось первое главное общее собраніе общества, открытое слѣдующею рѣчью министра юстиціи о задачахъ и организаціи общества.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда Державная воля призвала къ жизни новые суды, вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи чиновъ судебнаго вѣдомства не мало заботилъ и законодателя, желавшаго какъ можно лучше обставить будущихъ судебныхъ дѣятелей, и общество, возлагавшее на нихъ великія надежды. Законодатель сдѣлалъ все, что̀ могъ въ то теперь уже далекое отъ насъ время: онъ далъ судебнымъ чинамъ содержаніе, казавшееся тогда достаточнымъ и, во всякомъ случаѣ, превосходившее другіе современные оклады. Что же касается до общества, то оно еще не имѣло ни повода, ни способовъ ощутительно выразить свою попечительность; оно могло лишь выставить живыя силы, въ средѣ которыхъ безкорыстная преданность святому дѣлу правосудія нерѣдко заслоняла заботы о насущномъ хлѣбѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока длился первый могучій нравственный подъемъ благоговѣйнаго служенія высокимъ идеаламъ преобразованной юстиціи. Но годы шли—и безпощадная вседневная дѣйствительность взяла свое. Житейскія условія съ ихъ непрестанною, суровою борьбою за существованіе,

---

[1]) Журналъ министерства юстиціи 1895 года, декабрь.

съ его все возрастающею вещественною дороговизною, предъявили требованія, которыя день-ото-дня дѣлались все настойчивѣе и грознѣе. На молодую, еще не окрѣпшую магистратуру нашу началъ надвигаться мрачный призракъ имущественной скудости, необезпеченности семействъ, неудовлетворенности многихъ первѣйшихъ нуждъ судебно-служащихъ Наше вѣдомство, раздѣляя, быть можетъ, въ этомъ отношеніи участь и другихъ отраслей умственнаго труженичества, вступило въ тяжелый періодъ экономическихъ испытаній и лишеній. Потребности развились и увеличились, средства же на ихъ покрытіе уменьшились, потому что жить стало дороже и деньги сдѣлались дешевле, а семьи умножились, дѣти подросли; и между тѣмъ какъ неизбѣжно вымирали безсребренники-идеалисты, служебный трудъ все меньше и меньше вознаграждалъ судебнаго дѣятеля въ такой мѣрѣ, которая вполнѣ гарантировала бы его спокойствіе и независимость. Государственная власть, неизмѣнно отзывчивая и чуткая къ положенію своихъ органовъ, не оставила его и здѣсь безъ возможнаго воздѣйствія. Были усилены нѣкоторые оклады, расширены единовременныя и постоянныя пособія, устроилась судебная эмеритура. Но все это постепенно оказывалось почти каплей въ морѣ всѣхъ вопіющихъ надобностей огромнаго класса должностныхъ работниковъ, не могущихъ разсчитывать ни на собственное имущество, ни на какой-либо посторонній заработокъ.

Представители центральнаго управленія судебной частью и мѣстныхъ судебныхъ установленій хорошо знаютъ, какое множество уважительныхъ просьбъ и заявленій о неотложно необходимомъ вспомоществованіи чуть не ежедневно приходится, скрѣпя сердце, отклонять за отсутствіемъ или совершенною недостаточностью свободныхъ для этого источниковъ. Сложилось поистинѣ печальное несоотвѣтствіе между тѣмъ, что̀ требуется отъ судебнаго дѣятеля, стоящаго на высотѣ своего призванія, и тѣмъ, что̀ служба можетъ дать ему въ устраненіе самыхъ тревожныхъ осложненій его личной и семейной обстановки. Если приглядѣться внимательно къ этимъ явленіямъ и выдѣлить ихъ общія важнѣйшія черты, то нельзя не замѣтить, что особенно тягост-

ныя стороны матеріальнаго быта судебныхъ чиновъ касаются трехъ главныхъ предметовъ: судьбы лицъ, выходящихъ въ отставку, поддержки служащихъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ ихъ жизни и какъ тутъ, такъ и тамъ, преимущественно устройства наиболѣе безпомощныхъ членовъ нуждающихся семействъ. Вокругъ этихъ предметовъ группируются крупнѣйшія невзгоды, поражающія судебныхъ дѣятелей, отсюда возникаютъ явленія, вліяющія на общій уровень личнаго благосостоянія въ судебномъ вѣдомствѣ, сюда же и должны быть направлены настоятельнѣйшія мѣры помощи. Она тѣмъ нужнѣе, что въ сферѣ судебной службы лица состоятельныя представляютъ незначительное, не идущее въ счетъ, исключеніе, огромное же большинство служащихъ, до 75% всего личнаго состава въ слишкомъ 12 тысячъ человѣкъ, не имѣютъ иныхъ средствъ, кромѣ жалованья или пенсіи. И когда этихъ средствъ не хватаетъ на самое необходимое, то нѣтъ или, точнѣе, до сихъ поръ не было исхода, и развѣ только одно покорное терпѣніе, къ счастію, обыкновенно присущее страданію, предохраняетъ отъ отчаянія, но, увы, не отъ житейскихъ бѣдъ...

Тяжелыя обстоятельства, постигающія судебныхъ дѣятелей, вынужденныхъ оставить службу по дряхлости, болѣзни или непоправимому утомленію и неспособности къ дальнѣйшему труду, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Ежегодно среднимъ числомъ до 200 лицъ, по однимъ лишь приказамъ центральнаго управленія, т.-е. чиновъ высшаго ранга, не ниже VII класса, увольняются въ отставку по указаннымъ причинамъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ до пенсіонной выслуги и, слѣдовательно, вовсе безъ всякаго обезпеченія, если не принимать въ соображеніе рѣдкой и случайной выдачи единовременнаго пособія. Приблизительно столько же лицъ оставляютъ службу съ низшихъ должностей, считая въ томъ числѣ канцелярскія занятія. Этотъ значительный и притомъ изъ года въ годъ прогрессирующій процентъ отставныхъ не долженъ удивлять насъ: судебная служба, соединенная съ чрезвычайнымъ и непрерывнымъ напряженіемъ всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, быстро подтачиваетъ ихъ и, если позволительно

такъ выразиться, преждевременно изнашиваетъ и старитъ организмъ; ни для кого изъ насъ не тайна, какъ много жертвъ вырываютъ изъ судебнаго строя психическіе, нервные и многіе другіе неизлѣчимые недуги Болѣзнь, потеря трудовой способности всегда дамокловымъ мечемъ висятъ надъ головой судебнаго дѣятеля, мучительно лишая его увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и успокоенія за близкихъ. Пенсіи, даже съ присоединеніемъ эмеритальной, даже усиленныя, исходатайствованіе которыхъ сопряжено съ такими затрудненіями, все-таки ничтожны по сравненію съ законнѣйшими нуждами интеллигентнаго дѣятеля-семьянина, который въ правѣ искать въ отставкѣ хотя бы самаго скромнаго отдыха и покоя послѣ долгихъ лѣтъ упорнаго труда. Но о какомъ покоѣ можно думать, когда при самыхъ благопріятныхъ данныхъ и лишь въ немногихъ случаяхъ общій пенсіонный окладъ не превышаетъ половины того, что̀ приносила служба, и это именно тогда, когда наступаетъ тяжкая пора ухода за больнымъ или неудержимо растутъ расходы по воспитанію дѣтей? И никого винить нельзя: казна, обремененная подобными же издержками по всѣмъ другимъ вѣтвямъ государственной службы, нашъ, сравнительно небольшой, эмеритальный капиталъ, не допускающій ни быстраго увеличенія, ни сколько-нибудь неразсчетливыхъ или неосторожныхъ тратъ, даютъ рѣшительно все, что̀ можно дать—во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ пенсіонныя нормы у нашихъ западныхъ собратьевъ по судебному оружію. Но тому, кто на другой день отставки вынужденъ сократить на половину свой и такъ умѣренный бюджетъ, для кого съ отставкой начинается распаденіе всего привычнаго домашняго склада, кого гнетутъ болѣзни, больные, дѣти,—тому не легче отъ самаго убѣдительнаго объясненія всей неотразимости того факта, что въ отставкѣ нельзя избѣгнуть бѣдности. Да, ни государство, ни сами нуждающіеся не виноваты въ ихъ стѣсненіи, но вѣдь имъ и семьямъ ихъ жить нужно, и вѣдь за ними годы полезнаго и честнаго труда! Жутко становится, когда изъ-за горькихъ строкъ просительной докладной записки или изъ толпы просителей въ пріемной выступаетъ скорбная фигура отставного судьи, еще недавно творив-

шаго правый царскій судъ, а теперь въ концѣ разбитаго жизнью и работой: жутко и ему: онъ поборолъ въ себѣ естественную гордость для того, чтобы во имя семьи заговорить о ея плачевной участи... А помочь нѣтъ средствъ, и сухимъ отказомъ нужно нанести ударъ просителю и вмѣстѣ заставить замолчать въ себѣ лучшее, что̀ есть во власти—возможность не только чувствовать, но и на самомъ дѣлѣ доказать состраданіе къ ближнему и сослуживцу. И не боязнь ли именно этого тягостнаго положенія и полнаго безсилія пособить ему такъ часто удерживаетъ на мѣстахъ товарищей отъ напоминанія ослабѣвающему коллегѣ о томъ, что пора уходить, пора уступить дорогу новымъ и здоровымъ силамъ? Нельзя, конечно, въ достаточной степени обезпечить всѣхъ, но можно и должно всей душой желать и всячески стараться, чтобы по меньшей мѣрѣ никогда отставка не отождествлялась съ нищетой

Не одни отставные, но и находящіеся еще на службѣ судебные чины нерѣдко нуждаются въ такого рода помощи, которая выходитъ изъ предѣловъ, отведенныхъ для правительственныхъ пособій. Прежде всего, суммы, отпускаемыя на эти послѣднія, крайне ограничены и, распредѣляясь между множествомъ равно достойныхъ конкуррентовъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сводятся къ самымъ незначительнымъ размѣрамъ. Затѣмъ, бываютъ моменты, когда текущіе кредиты всѣ исчерпаны, или изъ двухъ одинаково нуждающихся лицъ приходится выбрать лишь одного, или, наконецъ, когда для дѣйствительнаго удовлетворенія серьезной надобности все-таки недостаетъ цифры, которой казна, даже при всей щедрости, ассигновать въ данномъ случаѣ не можетъ. Таковы многочисленные факты стеченія различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, всегда возможныхъ въ семейномъ и личномъ обиходѣ труженика. Нечего даже примѣрно перечислять ихъ—они такъ же разнообразны и неожиданны, какъ весь ходъ жизни, ихъ производящей. Сюда же относится и надобность въ содѣйствіи не матеріальнаго, а иного свойства, напримѣръ, въ представительствѣ передъ другими вѣдомствами по какому-либо частному дѣлу судебнаго дѣятеля, въ хлопотахъ о помѣщеніи дѣтей, о призрѣніи или

врачебной помощи и проч. Ближайшее судебное начальство и министерство юстиціи рѣдко могутъ офиціально брать на себя оказаніе служащимъ поддержки такого рода, а между тѣмъ возможность воспользоваться ею бываетъ иногда важнѣе, чѣмъ всякое денежное вспомоществованіе. Здѣсь преобладаетъ ощутительная потребность въ тепломъ участіи, не всегда укладывающемся въ рамки іерархическихъ и вообще служебныхъ отношеній; здѣсь часто нужно помочь какъ можно скорѣе и рѣшительнѣе, безъ канцелярскихъ формальностей и проволочекъ. И хотя управленіе судебною частью на мѣстахъ и въ центрѣ считаетъ себя нравственно обязаннымъ имѣть самое бдительное попеченіе о подвѣдомственныхъ ему лицахъ, но рамки службы представляютъ къ этому очень немного способовъ, и потому мысль раздѣлить такія попеченія и заботы съ добровольцами этого добраго дѣла уже давно напрашивается сама собою.

Существуетъ еще категорія лицъ, участь которыхъ составляетъ больное мѣсто въ положеніи судебнаго сословія. За судебными чинами, какъ служащими, такъ и отставными, стоятъ ихъ присные, престарѣлые родители, братья, сестры, жены, дѣти, словомъ, всѣ тѣ, чье благополучіе неразрывно связано со службой главы семьи и иногда дороже ему собственнаго блага. И если настоящіе и бывшіе судебные дѣятели такъ часто сами не могутъ обойтись безъ особой помощи въ тяжкія минуты жизни, то что же сказать о тѣхъ, чье пропитаніе или будущность всецѣло и единственно зависятъ отъ ограниченнаго служебнаго или пенсіоннаго вознагражденія? Трудно прожить съ семьей на небольшое жалованье или пенсію, еще труднѣе поставить на ноги дѣтей, но какъ быть, что дѣлать, когда настоящее несчастье въ видѣ болѣзни, смерти, разоренія внезапно обрушивается надъ домомъ, гдѣ все и безъ того въ обрѣзъ, гдѣ трудовой копѣйки недостаетъ даже и для обычнаго, нормальнаго хода жизни съ ея неустранимыми потребностями? Много горя и лишеній таится въ судебныхъ семьяхъ при внѣшней необходимости жить сколько-нибудь прилично званію, при вѣчномъ страхѣ не свести концовъ съ концами и запутаться въ той цѣпкой сѣти, которая называется долгами. Особенно рѣзко

и грустно это отражается на роковомъ вопросѣ воспитанія дѣтей — этомъ главномъ камнѣ преткновенія интеллигентной бѣдности. Стипендіи и зачисленіе на казенный счетъ выпадаютъ на долю лишь немногихъ избранныхъ или счастливцевъ, а остальные, однакожъ, также сжившіеся съ атмосферою знанія и умственнаго развитія, также глубоко сознающіе огромное значеніе образованія, принуждены, отказывая себѣ въ послѣднемъ, напрягать всѣ усилія, чтобы дать своимъ дѣтямъ хотя бы слабое его подобіе. Со многимъ можно помириться въ области нашей матеріальной скудости, противъ многихъ сторонъ ея еще можно вооружиться смиреніемъ и выносливостью, но нельзя безъ содроганія видѣть душевныя муки мужа, лишеннаго возможности помочь больной женѣ, отца, недоумѣвающаго, что̀ выйдетъ изъ его дѣтей. А вдовы и сироты людей, въ свое время съ честью послужившихъ правосудію? Съ какимъ неподдѣльнымъ огорченіемъ мы отпускаемъ ихъ теперь, когда изъ десяти равно уважительныхъ просьбъ о помощи едва возможно удовлетворить одну?! Какой безъисходною горечью звучатъ, въ отвѣтъ на заявленіе о томъ, что вѣдомство не располагаетъ средствами для подобной помощи, слова просителей: „куда же идти просить, какъ не туда, гдѣ безъ остатка положены силы, кормившія семью?!“

Постоянное соприкосновеніе съ указанными печальными явленіями и близкое знакомство съ тяжелыми условіями, ихъ объясняющими, возбудили среди дѣятелей министерства юстиціи и столичныхъ судебныхъ установленій мысль о попыткѣ бороться съ этими явленіями путемъ добровольнаго, но правильно организованнаго содѣйствія со стороны всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ живо къ сердцу интересы вѣдомства, охраняющаго законность и отправляющаго правосудіе. Возникло предположеніе соединиться такимъ лицамъ для того, чтобы посильными пожертвованіями и личными заботами способствовать правительству въ его попеченіяхъ о матеріальныхъ нуждахъ судебнаго сословія, въ особенности въ тѣхъ проявленіяхъ этихъ нуждъ, которыя, не касаясь собственно служебной области, лишь косвенно и случайно могутъ привлекать къ себѣ казенное воспо-

собленіе. Передъ грустнымъ зрѣлищемъ невзгодъ нашихъ бывшихъ и настоящихъ сослуживцевъ мы сказали себѣ, что недостаточно сочувствовать и сожалѣть, а нужно дѣйствовать, что дружное единеніе и тутъ, какъ всюду, составитъ силу, которая способна укрѣпить и малыя начинанія, что въ добромъ дѣлѣ, если оно нужно и разумно, заключаются, въ одно и то же время, и сердечное утѣшеніе, и залогъ практическаго успѣха.

Такъ явилось учрежденіе Благотворительнаго общества судебнаго вѣдомства, удостоившееся Всемилостивѣйшаго одобренія Его Императорскаго Величества и нынѣ приступающее къ выполненію своей задачи. Сообразно поводамъ и причинамъ, вызвавшимъ это учрежденіе, цѣль его опредѣляется, въ § I устава общества, оказаніемъ помощи совмѣстно въ двоякомъ направленіи: 1) лицамъ, служившимъ въ судебныхъ установленіяхъ и въ центральномъ управленіи министерства юстиціи, т.-е. отставнымъ, а также ближайшимъ членамъ ихъ семействъ, и 2) лицамъ, еще находящимся на судебной службѣ, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ, особо неблагопріятно для нихъ сложившихся и отъ нихъ не зависѣвшихъ, несчастныхъ обстоятельствъ. Эту послѣднюю оговорку, вносящую существенное ограниченіе въ дѣло помощи служащимъ, пришлось допустить по необходимости, съ одной стороны, въ виду недостатка средствъ, а съ другой—по вспомогательному значенію такихъ пособій, въ дополненіе къ казеннымъ выдачамъ. Быть можетъ, при дальнѣйшемъ развитіи дѣятельности общества явится возможнымъ и въ этомъ отношеніи расширить его задачи, но пока—чѣмъ сдержаннѣе и осторожнѣе пойдетъ дѣло, тѣмъ тверже и вѣрнѣе будетъ его движеніе впередъ. Формы и виды помощи, примѣрно приведенные въ § 2 устава, соотвѣтствуютъ наиболѣе настоятельнымъ и важнымъ нуждамъ. Таковы: помѣщеніе, продовольствіе, снабженіе различными предметами первой необходимости, далѣе—лѣченіе, воспитаніе, обученіе и прочія жизненныя потребности, которыя трудно, да и безцѣльно съ точностью перечислять заранѣе, такъ какъ онѣ въ значительной степени индивидуальны, разно-

образны и измѣнчивы. Отмѣтимъ только, что по указаніямъ практики и здѣсь допущено условное ограниченіе: предполагается снабжать нуждающихся преимущественно опредѣленнымъ вещественнымъ пособіемъ или внесеніемъ платы за пользованіе опредѣленными предметами, и только въ исключительныхъ случаяхъ выдавать прямо деньги въ распоряженіе получателя. Это предпочтеніе одного рода помощи другому извлечено изъ опыта, который удостовѣряетъ, что въ серьезной нуждѣ небольшія суммы часто менѣе полезны и производительны, чѣмъ непосредственное покрытіе впередъ извѣстныхъ и неизбѣжныхъ расходовъ нуждающагося. Само собой разумѣется, однакожъ, что эта форма вспомоществованія должна чаще всего примѣняться къ низшему или вполнѣ безпомощному разряду призрѣваемыхъ и вообще къ тѣмъ случаямъ, когда приходится не только помогать, но и распоряжаться помощью. Въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ учредители общества мечтаютъ о собственныхъ заведеніяхъ для воспитанія или призрѣнія имѣющихъ на это право, но въ настоящее время нужно еще довольствоваться возможнымъ и утвердить задуманное дѣло помощи на прочныхъ основаніяхъ, хотя бы въ самыхъ скромныхъ его размѣрахъ.

Состоя вообще при судебномъ вѣдомствѣ, общество,—какъ видно, впрочемъ, изъ самаго его названія,—будетъ простирать свою вспомогательную дѣятельность на всѣхъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ службѣ по министерству юстиціи, безъ всякаго различія въ іерархическомъ или иномъ положеніи служащаго. Вполнѣ естественно, что первыми и главными кліентами общества явятся лица, самимъ закономъ наименѣе выгодно обставленныя по службѣ, но единственнымъ мѣриломъ помощи должна быть все-таки степень нужды въ данномъ конкретномъ случаѣ. Не благотворительному обществу разбирать служебныя заслуги, иногда вліяющія на правительственное воспособленіе; для дѣйствія благотворительности важны лишь личныя условія, въ которыхъ находится нуждающійся и его семья. Какъ двери новаго общества широко открыты всякому желающему внести свою лепту, точно такъ же для всѣхъ, кто по уставу подходитъ

подъ дѣятельность общества, свободенъ доступъ къ помощи, только бы она была дѣйствительно необходима и возможна по принятымъ правиламъ и наличнымъ средствамъ. Ничего замкнутаго и обособленнаго, ни тѣни сухого формализма и педантической обрядности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ничего распущеннаго, безпорядочнаго и никакого филантропическаго увлеченія—таковы отрицательные предѣлы, которые было бы желательно поставить и соблюсти въ нашей предстоящей дѣятельности.

По поводу общихъ свойствъ ея, во избѣжаніе какихъ-либо сомнѣній, умѣстно нѣсколько остановиться на разъясненіи благотворительнаго ея характера. Рѣшимость помогать нуждающимся въ судебномъ вѣдомствѣ могла бы проявиться или въ видѣ только самопомощи, не выходящей изъ тѣснаго круга лицъ, принадлежащихъ къ вѣдомству, или въ болѣе широкой формѣ той именно соединенной вѣдомственно-общественной благотворительности, которая положена въ основаніе открываемаго общества. Излишнимъ было бы распространяться, почему была избрана вторая, а не первая форма болѣе тѣсной вспомоществующей организаціи. Для узкой взаимопомощи уже существуютъ и понемногу развиваются ссудо-сберегательныя кассы судебнаго вѣдомства, но ими потребность въ помощи отнюдь не исчерпывается, такъ какъ сфера ихъ дѣйствій весьма условна и ограничена, будучи построена исключительно на принципѣ займа и ссуды и не заключая въ себѣ иного рода помощи, кромѣ заимообразныхъ выдачъ деньгами съ уплатою въ срокъ. Эта чисто денежная операція взаимныхъ ссудъ и обязательствъ, очевидно, не представляетъ ничего общаго съ безвозвратнымъ пожертвованіемъ доли своего достатка въ пользу страдающаго собрата и вообще съ сердечною заботливостью о его нуждахъ, при чемъ одно учрежденіе другого замѣнить никакъ не можетъ, а оба, каждое въ отдѣльности, могутъ быть по-своему полезны и нужны. Связать же вмѣстѣ два начала—самопомощи и благотворенія, т.-е. образовать благотворительное общество только изъ однихъ лицъ судебнаго вѣдомства, значило бы заранѣе обречь его на неудачу. Конечно, и теперь большинство членовъ

общества, силою вещей, составится изъ лицъ, принадлежащихъ къ вѣдомству, но при всей ихъ доброй волѣ и самомъ искреннемъ желаніи помочь товарищамъ, этой ограниченной котизаціи было бы совершенно недостаточно для цѣлей общества уже потому, что въ нашей должностной средѣ, живущей содержаніемъ, обезпеченныя средства—рѣдкость, а объ излишкахъ нѣтъ и помину. Возможно также и возраженіе въ томъ смыслѣ, что, какъ бы то ни было, судебнымъ чинамъ неудобно или не пристало даже и въ нуждѣ прибѣгать къ благотворительности, тѣмъ болѣе къ общественной. Но трудно стать на эту точку зрѣнія, не чуждую мнительнаго высокомѣрія, трудно потому, что животрепещущіе интересы страждущихъ она приноситъ въ жертву отвлеченной и невѣрной фикціи самодовлѣющаго судебнаго сословія. И неужели у насъ достало бы духу отказаться отъ возможности придти на помощь нашимъ малымъ, слабымъ, больнымъ и сирымъ только потому, что мы сами, одни. безсильны выполнить эту задачу и не хотимъ принять великодушнаго участія добрыхъ людей? Нѣтъ, не гордыней и равнодушіемъ, а живѣйшей горячей благодарностью мы встрѣтимъ дѣятельную отзывчивость на наши нужды, въ которыхъ ничего нѣтъ унизительнаго, потому что онѣ—естественные спутники труженичества, и если о чемъ свидѣтельствуютъ, то развѣ объ одномъ лишь безкорыстіи его... Вѣдь ни у кого мы ничего не требуемъ и ни у кого даже не просимъ помощи, но когда она придетъ сама, добровольная, душевная, чуждая всякаго разсчета или выгоды—мы не въ правѣ закрыть передъ ней нашъ вѣдомственный бытъ, который, впрочемъ и не имѣетъ причинъ бояться свѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли можно отрицать и нравственное право судебнаго вѣдомства на общественное сочувствіе и поддержку между прочимъ и посредствомъ участія въ его благотворительномъ обществѣ постороннихъ лицъ. Судебные дѣятели, эти вѣрные слуги законовъ и справедливости, работаютъ для великаго общественно-народнаго дѣла правосудія, которое и должно поглощать всецѣло ихъ трудъ, ихъ силы, все ихъ существованіе. Но не всѣхъ за это можетъ одинаково вознаградить судьба,—и вотъ,

на тѣхъ, къ кому она случайно была жестока, отнынѣ распространится безличная и безъимянная, коллективная помощь просвѣщенныхъ и благожелательныхъ русскихъ людей. Въ рядахъ новаго общества они скрѣпятъ свою невидимую связь съ вышедшими изъ ихъ же среды поборниками правды и законности. Не совѣстно принять такую помощь въ сознаніи ея заслуженности,—не грѣхъ и оказать ее со стороны тѣхъ, кто цѣнитъ въ мирномъ общежитіи всѣ блага правомѣрнаго суда.

Благотворительное общество судебнаго вѣдомства тѣсно и неразрывно соединено съ министерствомъ юстиціи и его мѣстными установленіями. Это соединеніе, выражающееся въ устройствѣ общества и всей постановкѣ его дѣятельности, подъ попечительствомъ министра, отнюдь не стѣсняетъ разумной свободы благотворительныхъ дѣйствій и вовсе не сообщаетъ имъ офиціально-бюрократическаго характера. Этимъ лишь облегчается собираніе необходимыхъ свѣдѣній и ограждается правильное и цѣлесообразное распоряженіе средствами, которыя дастъ обществу складчина его судебныхъ и частныхъ членовъ. Извѣстно, что чисто филантропическимъ мѣропріятіямъ иногда мѣшаетъ недостатокъ практическаго и дѣлового элемента. Наученные опытомъ и располагая знаніемъ всѣхъ внутреннихъ условій судебной жизни, мы, въ нашемъ смѣшанномъ составѣ, постараемся удержаться на правильномъ пути строжайшаго порядка и равномѣрности въ распредѣленіи пособій и въ то же время не измѣнять сердечному отношенію къ нуждающимся. При исполненіи этой задачи мы обращаемъ наши упованія въ особенности къ дѣятелямъ, которые войдутъ въ мѣстныя учрежденія нашего общества. На мѣстахъ и должна, главнымъ образомъ, проявиться его дѣятельность; тамъ люди ближе, нужда виднѣе, туда и будутъ направляемы, по мѣрѣ надобности, собранныя средства. Во всѣхъ важнѣйшихъ судебныхъ центрахъ, согласно уставу, предполагается послѣдовательное открытіе правлзній, которыя, въ качествѣ мѣстныхъ органовъ, будутъ объединяться центральнымъ руководствомъ петербургскаго комитета общества. Не сразу, разумѣется, наладится весь ходъ этого дѣла, столь новаго и сложнаго, — лишь годы практики могутъ

проложить тѣ русла, по которымъ дѣйствительная помощь обильно потечетъ къ истинной нуждѣ. Но насъ не смутятъ ни затрудненія, ни первоначальныя ошибки, если бы даже и не удалось предупредить ихъ. Все превозмогутъ, со всѣми препятствіями справятся такіе двигатели, какъ искренняя увѣренность въ полезности начатаго дѣла и энергическое намѣреніе послужить добромъ нашему вѣдомству.

Я счастливъ заявить, что уже первая мысль и первые подготовительные шаги нашего общества были встрѣчены видимымъ сочувствіемъ. По образованіи 12-го марта нынѣшняго года временнаго комитета общества для приготовительныхъ распоряженій, въ теченіе 8-мѣсячной его дѣятельности, въ члены общества вступило 7065 лицъ, въ томъ числѣ пожизненныхъ, т.-е. съ единовременнымъ взносомъ 100 рублей и болѣе,— 255 лицъ. Первымъ и по настоящее число послѣднимъ подобными вкладами благословилъ наши начинанія одинъ изъ учредителей общества, къ живѣйшей нашей радости, почтившій сегодняшнее собраніе своимъ присутствіемъ о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ. И нынѣ, ко дню окончательнаго сформированія общества, въ кассѣ его состоитъ свыше 100 тысячъ рублей, образовавшихся изъ пожертвованій и членскихъ взносовъ. Затѣмъ, въ вѣдѣніе нашего общества поступилъ капиталъ въ 75 тысячъ рублей, имени покойнаго товарища предсѣдателя Кишиневскаго окружного суда Крупенскаго, предназначенный его сестрою и наслѣдницею княгинею Вяземскою, согласно завѣщанію, на воспитаніе дѣтей лицъ, служившихъ въ судебныхъ установленіяхъ округовъ Кишиневскаго и Кіевскаго, а за недостаткомъ таковыхъ—и по всей Имперіи. Кромѣ того, благотворительному обществу предоставлено указывать своего кандидата для именной стипендіи въ одной изъ столичныхъ гимназій. Наконецъ, въ виду имѣются еще и другіе источники увеличенія средствъ общества и будутъ разработаны предположенія о болѣе или менѣе постоянномъ пополненіи его фонда изъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ средствъ. Временнымъ комитетомъ нынѣ уже исполнены всѣ подготовительныя дѣйствія къ открытію общества и, между прочимъ, выработана инструкція постоянному комитету и мѣст-

нымъ окружнымъ правленіямъ, а также и необходимыя для соблюденія порядка правила и формы счетоводства. Такимъ образомъ, починъ положенъ, закладка совершилась; будемъ надѣяться, что на твердомъ и широкомъ фундаментѣ не преходящаго только, а болѣе глубокаго и прочнаго и, главное, дѣятельнаго общественнаго сочувствія удастся возвести устойчивое зданіе, которое пріютитъ подъ своей гостепріимной сѣнью многія превратности и злополучія въ личной жизни судебныхъ тружениковъ.

На порогѣ благого дѣла, нами предпринимаемаго, его привѣтствуетъ священная память прошлаго. Сегодня день утвержденія законовъ о судебномъ преобразованіи, день созданія нынѣшняго судебнаго вѣдомства, предназначеннаго нести отвѣтственную службу Царю и Отечеству на тернистой стезѣ правосудія. Есть дѣятели, которые, не по своей винѣ, а по несчастію или слабости уже изнемогли подъ этимъ бременемъ, есть и другіе, передъ которыми неотступно встаетъ томящій образъ грядущихъ черныхъ дней... Пусть же сегодняшняя годовщина новаго суда будетъ ознаменована свѣтлымъ началомъ доброй братской помощи бѣдствующимъ его работникамъ!

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ УСТАВѢ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

Объясненія въ государственномъ совѣтѣ 19 января 1898 года [1].

Учрежденіе эмеритальной кассы судебнаго вѣдомства было предрѣшено еще при изданіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. Вскорѣ, съ цѣлью образованія необходимаго для операцій кассы капитала, былъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 19 марта 1866 г., установленъ ежегодный изъ жалованья чиновъ новыхъ судебныхъ установленій вычетъ въ размѣрѣ 6%. По накопленіи путемъ такого вычета достаточнаго капитала, былъ составленъ и, по разсмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ, Высочайше утвержденъ, 3 іюня 1885 г., уставъ кассы, введенный въ дѣйствіе съ 1 іюля того же года. По общему правилу, уставъ кассы допускалъ назначеніе пенсій семействамъ только такихъ умершихъ ея участниковъ, которые прослужили не менѣе двадцати пяти лѣтъ и уплачивали эмеритальные вычеты не менѣе десяти лѣтъ. Въ изъятіе изъ сего правила, пенсіями могли воспользоваться семейства лицъ, которыя, состоя участниками кассы не менѣе десяти лѣтъ, умерли вслѣдствіе паралича, лишенія разсудка, потери зрѣнія либо слуха, или же тяжкихъ увѣчій. Такимъ образомъ, уставъ 1885 г вовсе не обезпечивалъ пенсіями семей участниковъ кассы, которые въ теченіе не менѣе десяти лѣтъ вносили эмеритальные вычеты, но, не успѣвъ выслужить двадцати пяти лѣтъ, умерли отъ иныхъ, кромѣ указанныхъ выше, болѣзней. На это печальное положеніе семей судебныхъ дѣятелей было обращено вниманіе при первомъ пересмотрѣ устава кассы въ порядкѣ, опредѣленномъ 71 его статьею. На основаніи этой статьи, дѣйствія кассы, черезъ каждыя пять лѣтъ, должны подвергаться обозрѣнію, для повѣрки, по указанію опыта, принятыхъ въ основаніе кассы данныхъ и сличенія ихъ съ ея дѣйствительными оборотами. Первый обзоръ дѣйствій кассы, произведенный въ 1890 и 1891 гг., обнаружилъ наличность въ балансѣ кассы свободныхъ средствъ. Въ виду сего закономъ 1892 г. эмеритальныя пенсіи были предоставлены семействамъ всѣхъ лицъ, умершихъ въ бытность участниками кассы по выслугѣ *пятнадцати* лѣтъ. Одновременно съ дополненіемъ въ этомъ смыслѣ устава кассы министру юстиціи было поручено, по истеченіи пяти лѣтъ, представить государственному совѣту о послѣдствіяхъ примѣненія означенной льготы, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ затруднительности продленія ея для кассы по состоянію денежныхъ ея средствъ, обсудить, не слѣдуетъ ли увеличить размѣръ установленнаго въ 1885 г. четырехпроцентнаго вычета изъ содержанія участниковъ кассы въ эмеритальный капиталъ.

---

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1898 г., Іюнь.

Послѣ второго обозрѣнія дѣйствій кассы, произведеннаго въ 1896 г., министръ юстиціи внесъ на уваженіе государственнаго совѣта представленіе, въ коемъ объяснилъ, что и во второе пятилѣтіе капиталъ кассы увеличивался быстрѣе, нежели предполагалось по теоретическому исчисленію, и что свободныя средства кассы, въ виду чрезмѣрно строгихъ правилъ ея устава, сравнительно съ уставами эмеритальныхъ кассъ другихъ вѣдомствъ, слѣдовало бы обратить на пользу участниковъ кассы. Въ ряду предначертанныхъ министромъ юстиціи льготъ для этихъ участниковъ важнѣйшими, по своему значенію и по размѣру сопряженныхъ съ осуществленіемъ ихъ расходовъ, являются слѣдующія три мѣры: 1) распространеніе права полученія эмеритальныхъ пенсій на семейства всѣхъ лицъ, вполнѣ оплатившихъ *десятилѣтнюю* выслугу, *независимо отъ свойствъ болѣзней участниковъ, которыя были причиною ихъ смерти;* 2) предоставленіе права на единовременныя пособія семействамъ *всѣхъ* участниковъ кассы, умершихъ *ранѣе истеченія десятилѣтняго срока* участія въ кассѣ, необходимаго для выслуги пенсій, а не тѣхъ только изъ нихъ, которые умерли отъ указанныхъ въ статьѣ 27 устава болѣзней, и 3) установленіе должнаго соотвѣтствія между степенью назначаемыхъ судебнымъ приставамъ эмеритальныхъ пенсій и дѣйствительно производимыми ими, взносами въ эмеритальный капиталъ. Согласно разсчетамъ, произведеннымъ управленіемъ кассы и провѣреннымъ академикомъ Марковымъ, осуществленіе этихъ предположеній потребовало бы наличности въ кассѣ свободнаго капитала въ размѣрѣ: для первой изъ означенныхъ льготъ—1 042,000 р., для второй—167,000 р. и для третьей—495,000 р., а всего 1.704,000 р. Имѣющіяся свободныя средства кассы однако оказывались недостаточными для приведенія въ исполненіе означенныхъ мѣръ. Обстоятельство это, по мнѣнію статсъ-секретаря Муравьева, само по себѣ не составляло, однако, безусловнаго препятствія для введенія въ правила эмеритальной кассы указанныхъ льготъ, такъ какъ законодательною властью еще не былъ разрѣшенъ возбужденный еще въ 1892 г. бывшимъ министромъ юстиціи, сенаторомъ Манасеинымъ, вопросъ о возмѣщеніи понесеннаго кассою убытка отъ введенія купоннаго налога, каковой вопросъ, согласно высказанному въ семъ отношеніи мнѣнію государственнаго совѣта, именно при разсмотрѣніи результатовъ второго обзора дѣйствій кассы долженъ былъ подлежать окончательному обсужденію. Признавая, съ своей стороны, возмѣщеніе кассѣ упомянутой потери не только вполнѣ справедливымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и настоятельно необходимымъ, въ видахъ удовлетворенія существенныхъ нуждъ ея участниковъ, министръ юстиціи возобновилъ ходатайство о выдачѣ изъ государственнаго казначейства пособія эмеритальной кассѣ въ возмѣщеніе дѣйствительно понесеннаго ею убытка по объясненной причинѣ. По произведеннымъ въ семъ отношеніи разсчетамъ, въ пособіе это слѣдовало бы назначить единовременно 334,970 рублей и ежегодно, начиная съ 1897 года, по 15,142 рубля. При условіи выдачи сего пособія не только оказалось бы возможнымъ осуществленіе предположенныхъ министерствомъ юстиціи мѣръ, но, сверхъ того, въ эмеритальной кассѣ оставались бы еще свободныя средства въ размѣрѣ около полумиллиона (456,000) рублей, могущія служить обезпеченіемъ устойчивости оборотовъ кассы на будущее время.

Изъясненныя предположенія министра юстиціи были сообщены имъ на заключеніе государственнаго контролера и министра финансовъ, со стороны которыхъ не послѣдовало, однако, согласія на приведеніе всѣхъ сихъ предположеній въ исполненіе.

Государственный контролеръ заявилъ, что, согласно заключающимся въ представленіи министра юстиціи свѣдѣніямъ, состояніе денежныхъ средствъ эмеритальной кассы судебнаго вѣдомства оказывается не только достаточнымъ для выполненія лежащихъ на ней обязательствъ, но даже въ такой мѣрѣ избыточнымъ, что является возможность допустить нѣкоторое расширеніе правъ ея участниковъ. Между тѣмъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго, 2 іюня 1887 г., мнѣнія государственнаго совѣта, пособіе изъ казны въ возмѣщеніе купоннаго налога можетъ быть разрѣшено лишь въ случаѣ дѣйствительной въ немъ потребности для выполненія подлежащимъ учрежденіемъ его задачъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ задачи эти осуществлялись на счетъ доходовъ съ капитала до взиманія означеннаго налога. Основываясь на постановленіяхъ сего закона, государственный контролеръ полагалъ, что возбужденное министромъ юстиціи ходатайство о возмѣщеніи изъ государственнаго казначейства убытка эмеритальной кассы отъ введенія купоннаго налога не подлежитъ удовлетворенію и что засимъ въ настоящее время можетъ быть допущено установленіе лишь тѣхъ льготъ для участниковъ кассы, которыя представляются осуществимыми на ея собственныя средства. При этомъ, по мнѣнію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Фишникова, израсходованіе всего избытка средствъ кассы на установленіе новыхъ льготъ было бы неосторожно въ виду возможности превышенія дѣйствительными ея расходами теоретически установленнаго пассива въ ея балансѣ. Соотвѣтственно сему, надлежало бы ограничиться осуществленіемъ наиболѣе настоятельныхъ нуждъ участниковъ кассы, къ числу коихъ относится справедливое требованіе увеличенія размѣра пенсій судебнымъ приставамъ.

Съ своей стороны, министръ финансовъ обратилъ вниманіе на то, что возможность осуществленія предположенныхъ министерствомъ юстиціи новыхъ льготъ для участниковъ эмеритальной кассы находится въ прямой зависимости отъ размѣра ея свободныхъ средствъ. Между тѣмъ, по разсчету, произведенному въ министерствѣ финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій, надворнымъ совѣтникомъ Савичемъ, предположенія, на основаніи которыхъ исчислены обязательства кассы въ представленіи министра юстиціи, не могутъ быть признаны принятыми съ достаточною осторожностью. Независимо отъ сего, по мнѣнію статсъ-секретаря Витте, и принятая при составленіи баланса кассы норма роста ея капитала (4%) не только не заключаетъ въ себѣ никакого запаса, но представляется несомнѣнно преувеличенною, въ виду превышенія государственною 4% рентою и 4½% ипотечными бумагами нарицательной ихъ стоимости. Норму эту правильнѣе было бы опредѣлить не свыше 3¾%. Но при такой доходности капитала кассы балансъ ея не можетъ проявить избытка средствъ надъ предстоящими ей расходами даже при вычисленіи сего баланса согласно съ разсчетами министерства юстиціи. Если же исчислить обязательства кассы по вышеупомянутому, произведенному въ министерствѣ финансовъ, разсчету, то неизбѣжно обнаружилась бы недостаточность средствъ кассы для выполненія лежащихъ на ней въ настоящее время обязательствъ. Вслѣдствіе сего, по мнѣнію министра финансовъ, представлялось бы необходимымъ, во исполненіе возложеннаго на министра юстиціи государственнымъ совѣтомъ въ 1892 г. порученія войти въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, возможно ли, въ виду результатовъ обзора дѣйствій кассы за второе пятилѣтіе, сохранить установленныя въ означенномъ году льготы для участниковъ кассы, не увеличивая размѣра удерживаемыхъ съ нихъ вычетовъ въ эмеритальный капиталъ, или же представится необходимымъ прибѣгнуть

къ этой послѣдней мѣрѣ По симъ основаніямъ, министръ финансовъ не призналъ возможнымъ согласиться на введеніе въ уставъ эмеритальной кассы проектированныхъ министромъ юстиціи правилъ о предоставленіи ея участникамъ новыхъ льготъ Что же касается вопроса о назначеніи эмеритальной кассѣ пособія изъ казны въ возмѣщеніе купоннаго налога, то статсъ-секретарь Витте затруднился высказать свое по сему предмету заключеніе въ виду того, что, по точному смыслу закона 2 іюня 1887 г., пособіе это могло бы быть выдано лишь въ томъ случаѣ, если бы средства кассы оказались недостаточными для выполненія обязательствъ, лежащихъ на ней по уставу 1885 г., и лишь въ той мѣрѣ, въ какой уплаченныя кассою, въ видѣ купоннаго налога, суммы были бы необходимы для покрытія указанныхъ ея обязательствъ. Между тѣмъ, въ представленныхъ министромъ юстиціи разсчетахъ подобныхъ свѣдѣній не содержится.

По поводу приведенныхъ возраженій государственнаго контролера и министра финансовъ, министръ юстиціи представилъ государственному совѣту слѣдующія изустныя объясненія:

Ходатайствуя объ измѣненіи и дополненіи устава эмеритальной кассы судебнаго вѣдомства, главнымъ образомъ, въ смыслѣ нѣкотораго расширенія льготъ, предоставляемыхъ ея участникамъ, министерство юстиціи не скрываетъ отъ себя затруднительности своего положенія. Это ходатайство основывается на финансовыхъ разсчетахъ о настоящемъ состояніи эмеритуры, на степени достаточности ея наличныхъ средствъ и удовлетворительности болѣе или менѣе вѣроятныхъ видовъ на будущее. Заключеніе о возможности нѣсколько облегчить чрезмѣрно строгія операціонныя условія кассы, о правѣ ея на вниманіе и даже помощь со стороны государственной кассы выводится, — впрочемъ, весьма сдержанно и осторожно, — изъ цифровыхъ данныхъ о сравнительно благопріятномъ балансѣ кассы, при чемъ, очевидно, предполагается не только извѣстная прочность ея дѣлъ, но и правильность основъ, на которыхъ она учреждена и дѣйствуетъ. Между тѣмъ, оба спеціальныя вѣдомства — министерство финансовъ и государственный контроль, — наиболѣе компетентныя въ подобномъ предметѣ, не раздѣляютъ предположеній министерства юстиціи и находятъ, что они не оправдываются имѣющимися свѣдѣніями о рессурсахъ и оборотахъ кассы и, во всякомъ случаѣ, представляются несвоевременными. Съ такого рода аргументаціею, конечно, не легко бороться вѣдомству, болѣе опытному и свѣдущему въ вопросахъ права и справедливости, чѣмъ въ математикѣ и

счетоводствѣ, и съ перваго взгляда самый споръ можетъ показаться безнадежнымъ. Но жизненные, насущные интересы заслуженныхъ работниковъ судебнаго вѣдомства, для которыхъ эмеритура составляетъ и кровное достояніе, и вѣрнѣйшую опору, эти интересы вынуждаютъ подавить невольный трепетъ передъ цифрами и выкладками и не смущаться даже и авторитетными возраженіями, тѣмъ болѣе, что эти послѣднія, при ближайшемъ разсмотрѣніи, могутъ оказаться и не столь страшными. И такъ какъ въ нынѣшнемъ фазисѣ этого дѣла едва ли было бы умѣстно и цѣлесообразно обременять сужденія разборомъ обширнаго числового матеріала или вдаваться въ чисто-техническія подробности эмеритальныхъ вычисленій, на что̀ есть техники и спеціалисты, то надлежитъ подкрѣпить сложившееся убѣжденіе въ основательности главнѣйшихъ настояній министерства юстиціи немногими общими замѣчаніями, которыя извлечены изъ наблюденія за ходомъ и изъ ознакомленія съ результатами дѣятельности его эмеритальной кассы. Для этого, по мнѣнію моему, вовсе не нужно быть спеціалистомъ, достаточно лишь безпристрастно и твердо стоять на почвѣ истиннаго значенія и дѣйствительныхъ итоговъ судебной эмеритуры. Прежде всего, нельзя не отмѣтить, что, какъ бы ни было трудно нынѣшнее положеніе, оно уже не новость для министерства юстиціи, которое испытало его, въ 1892 г., послѣ перваго обзора дѣйствій кассы, и въ то время, благодаря благосклонному вниманію государственнаго совѣта къ настоятельнымъ нуждамъ судебнаго вѣдомства, не безъ успѣха вышло изъ возникшихъ затрудненій. Тогда, — какъ и теперь, — министерство финансовъ и государственный контроль возражали противъ расширенія правъ участниковъ кассы и предлагали отложить осуществленіе предположенной министерствомъ юстиціи льготы до дальнѣйшаго развитія операцій кассы и до накопленія въ ней потребныхъ для сего средствъ. Обсудивъ эти возраженія, государственный совѣтъ установилъ поистинѣ драгоцѣнную для кассы точку зрѣнія: онъ призналъ, что уставъ эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи, по сравненію съ уставами другихъ подобныхъ учрежденій, представляется исключительно строгимъ и что пра-

вила этого устава преграждаютъ способы воспользоваться эмеритальною помощью многимъ изъ такихъ лицъ, которыя долгое время вносили платежи и крайне нуждаются въ матеріальной поддержкѣ. По ясному и прямому указанію государственнаго совѣта, имѣющіеся свободные рессурсы кассы должны быть обращены въ пользу такихъ лицъ Согласно этимъ сужденіямъ государственнаго совѣта, были имъ приняты и удостоились Высочайшаго утвержденія предположенія министерства юстиціи о первомъ расширеніи права семьи на эмеритальную пенсію посредствомъ предоставленія ея семействамъ лицъ, умершихъ въ бытность участниками кассы по выслугѣ пятнадцати лѣтъ (ст. 28 уст. кассы, изд. 1893 г.). Теперь, послѣ обзора дѣятельности кассы за второе пятилѣтіе, я, въ точности руководствуясь именно приведенными указаніями государственнаго совѣта, между прочимъ, ходатайствую о томъ, чтобы былъ сдѣланъ дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи сокращеніемъ выслуги до десяти лѣтъ. При этомъ министерство юстиціи, — помня аргументъ, выставленный въ 1892 г. возражавшими вѣдомствами, — съ цифрами въ рукахъ доказываетъ, что осуществленіе предполагаемой мѣры является возможнымъ и своевременнымъ, такъ какъ въ его эмеритальной кассѣ произошло именно то накопленіе необходимыхъ средствъ, которое требовалось для допущенія какой бы то ни было новой льготы. Однакоже, при сходствѣ положеній, въ нынѣшнемъ — замѣчается и характерное отличіе. И нынѣ, какъ въ 1892 г., министерство финансовъ и государственный контроль возражаютъ противъ представленія министерства юстиціи, но въ мотивировкѣ ихъ возраженій уже нѣтъ прежняго согласія, а напротивъ, есть капитальное разнорѣчіе, которое неизбѣжно и въ пользу представленія ослабляетъ силу неблагопріятныхъ доводовъ. Въ то время, какъ государственный контроль считаетъ состояніе дѣлъ эмеритальной кассы не только удовлетворительнымъ для выполненія лежащихъ на ней обязательствъ, но даже избыточнымъ, министерство финансовъ, на основаніи тѣхъ же самыхъ данныхъ, находитъ положеніе это критическимъ, полагаетъ, что касса идетъ чуть не къ несостоятельности и что не только

нельзя давать ей новыхъ льготъ, но безъ особаго изслѣдованія невозможно даже продлить существованіе тѣхъ, которыя дарованы закономъ 10 іюня 1892 г., и для поддержанія кассы нужно думать объ увеличеніи эмеритальныхъ вычетовъ. Правда, оба вѣдомства, хотя и по совершенно противоположнымъ, взаимно исключающимъ, мотивамъ, сходятся въ отрицательномъ отношеніи къ ходатайству министерства юстиціи, которому вслѣдствіе этого отъ возникшаго разномыслія въ концѣ концовъ не легче, но самая возможность этого послѣдняго показываетъ, что спорить можно, что и въ компетентныхъ сферахъ смотрятъ на предметы различно и что жестокій приговоръ, произносимый надъ судебной кассой, трудно признать окончательнымъ. Въ свою очередь, выводъ министерства юстиціи согласуется съ самымъ характеромъ пріемовъ, употребленныхъ для того, чтобы оцѣнить количество настоящихъ и вѣроятный размѣръ будущихъ средствъ эмеритальной кассы. Съ этою цѣлью министерство обратилось къ содѣйствію крупнѣйшаго научнаго авторитета — академика и профессора, доктора математики Маркова, который провѣрялъ первоначальный разсчетъ вѣроятныхъ оборотовъ кассы при самомъ образованіи ея въ 1885 г., затѣмъ участвовалъ въ первомъ періодическомъ обзорѣ ея дѣйствій въ 1890 и 1891 гг. и, наконецъ, былъ привлеченъ къ такому же участію при второмъ повѣрочномъ обзорѣ въ 1896 г. Всѣ выводы, сдѣланные министерствомъ, и всѣ нынѣшнія его ходатайства опираются на исчисленія и заключенія академика Маркова, вполнѣ подтвердившаго техническую правильность разсчетовъ и разсужденій какъ управленія эмеритальной кассы, такъ и наблюдающаго за нимъ совѣта. Только вооружившись этимъ весьма солиднымъ матеріаломъ, министерство юстиціи рѣшилось выступить съ настоящими предположеніями, противъ которыхъ министерство финансовъ выставляетъ, главнымъ образомъ, произведенный, по его распоряженію, разсчетъ. Предъявленный академику Маркову — этотъ разсчетъ отнюдь не измѣнилъ его мнѣній и вызвалъ съ его стороны подробно мотивированный отвѣтъ, который, въ свою очередь, не убѣдилъ финансовое вѣдомство, хотя ему пришлось отступить отъ нѣкоторыхъ изъ высказанныхъ имъ

замѣчаній. Но, какъ бы то ни было, ни совокупность этихъ послѣднихъ, ни заявленныя министерствомъ финансовъ общія сомнѣнія въ прочности и удовлетворительности дѣлъ кассы не могли поколебать убѣжденія министерства юстиціи въ основательности возбуждаемыхъ имъ ходатайствъ. Даже безъ проникновенія въ таинства математическихъ вычисленій, министерство юстиціи должно было считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что замѣчаніямъ министерства финансовъ, ознакомленнаго съ дѣлами эмеритальной кассы по сообщеннымъ ему даннымъ, противополагаются категорическія, на огромномъ трудѣ основанныя, утвержденія извѣстнаго дѣятеля математической науки, непрерывно слѣдившаго за ходомъ и операціями кассы, такъ сказать, съ самаго момента ея зарожденія. Что же касается сомнѣній министерства финансовъ въ полнотѣ и достаточности матеріала, — къ чему собственно сводятся главнѣйшія изъ послѣднихъ его возраженій, — то этимъ сомнѣніямъ противопоставляется выразительный рядъ балансовъ, о вѣрности которыхъ свидѣтельствуетъ образцово-осторожное и отчетливое веденіе операціоннаго счетоводства кассы. Я не опасаюсь высказать это удостовѣреніе, такъ какъ и по высшему завѣдыванію кассою, и въ качествѣ предсѣдателя ея совѣта, разсматривающаго годовые отчеты и важнѣйшіе изъ возникающихъ по дѣламъ ея вопросовъ, не могъ не видѣть, какою осмотрительностью и подчасъ даже щепетильною точностью обставленъ изо дня въ день каждый ея шагъ, каждое ея дѣйствіе. Не даромъ въ судебномъ вѣдомствѣ сложилось мнѣніе, что, если по уставу его эмеритальной кассы и по характеру и направленію ея дѣятельности, ее можно упрекнуть въ чемъ-либо, то развѣ только въ томъ, что сердце у нея суровое, а руки нещедрыя.

Но въ возраженіяхъ министерства финансовъ какъ будто сквозитъ, въ видѣ главнаго источника его мрачнаго взгляда, опасеніе еще болѣе существенное—слышится какъ бы принципіальное неодобреніе основныхъ началъ кассы и отсюда сомнѣніе въ ея разсчетахъ, не могущихъ, по мнѣнію министерства финансовъ, гарантировать ей успѣхъ. Съ своей стороны, я полагаю, что теперь, на третьемъ пятилѣтіи существованія кассы,

едва ли своевременно возбуждать этотъ вовсе неподготовленный къ разрѣшенію, весьма сложный и спорный вопросъ. При надлежащемъ его изученіи можно было бы привести много данныхъ за тотъ типъ обязательной вѣдомственной взаимопомощи при непосредственномъ участіи казны и правительства, по которому построена эмеритальная касса министерства юстиціи, и противъ совершенно другого, еще мало знакомаго, принципа взаимнаго страхованія дѣятелей одного и того же дѣла на получастномъ коммерческомъ основаніи. Но, во всякомъ случаѣ, не нынѣшнему министру юстиціи, принявшему эмеритальную кассу въ исходѣ перваго ея десятилѣтія, при результатахъ до сихъ поръ вполнѣ хорошихъ, идти на встрѣчу этимъ недостаточно обоснованнымъ и разработаннымъ сомнѣніямъ. Раздѣляя въ теченіе многихъ лѣтъ, вмѣстѣ со всѣмъ судебнымъ вѣдомствомъ, сознательную увѣренность въ практической устойчивости судебной эмеритуры, я нахожу полное этому подтвержденіе во всей еще недавней, но уже весьма содержательной ея исторіи, и въ особенности въ ея теперешнихъ итогахъ. Поэтому, казалось бы, не усматривается препятствій къ благоразумному развитію эмеритальныхъ операцій въ предѣлахъ настоятельной необходимости и дѣйствительно свободныхъ средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ въ общихъ чертахъ бѣглый обзоръ дѣятельности эмеритальной кассы съ учрежденія ея и до сихъ поръ? Вычеты въ судебную эмеритуру начались задолго до учрежденія кассы, болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, въ трехъ тогдашнихъ судебныхъ округахъ и, постепенно расширяясь, въ настоящее время охватываютъ 10,500 лицъ на общую годовую сумму 734,000 р. Образованная, въ 1885 г., съ первоначальнымъ капиталомъ въ 6.000,000 р., при 7,500 участниковъ, касса при первой ея повѣркѣ, къ 1892 г., дала балансъ въ 28.000,000 р., въ которомъ свободныхъ средствъ было всего 3,000 р. Уже въ слѣдующее пятилѣтіе, какъ оказалось при второй повѣркѣ, капиталъ кассы сталъ увеличиваться быстрѣе, чѣмъ предполагалось по теоретическимъ исчисленіямъ, и балансъ на 1 января 1896 г. выразился въ цифрѣ $35\frac{1}{2}$ милліоновъ, при $1\frac{1}{2}$ милліонахъ свободныхъ средствъ и наличномъ капи-

талѣ болѣе 17 милліоновъ, т.-е. такомъ, который, по первоначальной разсчетной таблицѣ, былъ проектированъ лишь на 1939 г. Дальше еще скорѣе пошло развитіе и наростаніе, и къ 1 января нынѣшняго 1898 г. балансъ даетъ уже 38.656,000 р., при наличномъ капиталѣ въ 19.284,000 р. и свободныхъ средствахъ въ 1.980,000 р., т.-е. почти въ 2.000,000 р. Столь утѣшительный общій итогъ, обусловленный крайнею, даже преувеличенною осторожностью какъ первоначальныхъ разсчетовъ, такъ и послѣдующихъ дѣйствій, пріобрѣтаетъ еще болѣе значенія въ виду того, что за тотъ же періодъ времени касса потерпѣла невозмѣщенный ей ущербъ отъ введенія купоннаго налога и отъ конверсій 1894 г., раздвинулся кругъ ея дѣйствій вступленіемъ въ нее новыхъ участниковъ и даже произошло обратившее на себя вниманіе министерства финансовъ болѣе частое за послѣдніе годы оставленіе службы выслужившими эмеритуру судебными чинами. Хотя это послѣднее явленіе и выставляется министерствомъ финансовъ какъ невыгодная для кассы перспектива, но даже и при этомъ дѣйствительное назначеніе новыхъ эмеритальныхъ пенсій за 1895 и 1896 гг. оказывается въ среднемъ на 7% ниже ожиданія. Такимъ образомъ, какъ-бы неотразимою силою вещей, слагается для министерства юстиціи невозможность уступить неубѣдительнымъ для него сомнѣніямъ и опасеніямъ, въ которыхъ если и нѣтъ предвзятости, то есть во всякомъ случаѣ нѣсколько односторонній пессимизмъ. Эмеритальная касса вѣдомства министерства юстиціи, благополучно и съ извѣстнымъ запасомъ вышедшая изъ испытаній, тѣмъ уже доказала, хотя бы до извѣстной степени, свою жизнеспособность. Изслѣдованіе ея дѣлъ удостовѣряетъ, что въ нихъ нѣтъ ничего угрожающаго или опаснаго; наоборотъ, все побуждаетъ быть болѣе спокойнымъ и за дальнѣйшее ихъ теченіе и потому смѣлѣе и сочувственнѣе отнестись къ удовлетворенію нѣкоторыхъ вопіющихъ нуждъ судебной жизни путемъ эмеритальныхъ льготъ на счетъ извѣстной части освобождающихся остатковъ. Министерство финансовъ полагаетъ, что балансамъ эмеритальной кассы нельзя придавать того значенія, которое признаетъ за ними министерство юстиціи. Но почему нельзя

вѣрить вполнѣ ясному счетоводству кассы, его тщательнымъ послѣдовательнымъ повѣркамъ, строить выводы на разсчетахъ и вычисленіяхъ извѣстнаго спеціалиста и принимать въ соображеніе тотъ внушительный разборъ, которому онъ подвергъ каждое изъ возраженій министерства финансовъ? Балансы министерства юстиціи не опровергнуты и не подорваны. Сомнѣваются въ ихъ достаточности, но не указываютъ, при какой же нормѣ возможно двинуться впередъ къ цѣли, самимъ закономъ поставленной, и будетъ ли вообще цѣль эта достигаться при малой и строгой эмеритурѣ, съ одной стороны, и непроизводительномъ собираніи въ кассѣ значительныхъ свободныхъ средствъ, съ другой? Ссылаются на поучительные примѣры другихъ эмеритальныхъ кассъ, но игнорируютъ все то, чѣмъ, не безъ выгоды для себя, касса министерства юстиціи отличается отъ нихъ. При этихъ обстоятельствахъ и такъ какъ и въ послѣднемъ отзывѣ министерства финансовъ, несмотря на всю его рѣшительность, не заключается какихъ-либо новыхъ данныхъ къ освѣщенію или устраненію возникшаго разногласія, вполнѣ возможно и министерству юстиціи остаться, въ существѣ, при главнѣйшихъ изъ высказанныхъ имъ заключеній.

Всѣ предположенія и ходатайства, изложенныя въ представленіи министерства юстиціи, могутъ быть сведены къ тремъ группамъ. Къ *первой* изъ нихъ относятся такія измѣненія и дополненія ряда отдѣльныхъ статей дѣйствующаго устава кассы, съ которыми не связывается предоставленіе ея участникамъ какихъ-либо новыхъ льготъ, а слѣдовательно и новыхъ затратъ эмеритальнаго фонда. Это не болѣе какъ проектированное совѣтомъ кассы исправленіе недостатковъ или восполненіе пробѣловъ закона, обнаруженныхъ при примѣненіи тѣхъ или другихъ постановленій. Необходимость подобныхъ улучшеній, подробно указанныхъ въ представленіи, выяснена практикой; они согласуются съ общимъ строемъ, духомъ и цѣлями судебно-эмеритальнаго учрежденія. *Вторую* группу составляютъ *три* предположенія, имѣющія прямое финансовое значеніе, такъ какъ осуществленіе каждаго изъ нихъ потребуетъ нѣкотораго новаго напряженія денежныхъ средствъ, допускающаго, хотя и при-

близительный, но достаточно вѣроятный учетъ. Таковы: во-первыхъ, измѣненіе 2 примѣчанія къ приложенію къ статьѣ 24 устава, въ силу котораго размѣръ эмеритальной пенсіи судебныхъ приставовъ нѣсколько возвышается, соотвѣтственно дѣйствительно уплачиваемымъ ими взносамъ; принятіе этой мѣры требуетъ капитала въ 500,000 руб.; во-вторыхъ, расширеніе круга лицъ, имѣющихъ право на единовременное пособіе, и допущеніе нѣкоторыхъ облегченій для полученія такихъ пособій, чѣмъ измѣняются статьи 52—58 устава эмеритальной кассы и опредѣляется новая потребность въ 167,000 р. капитальной суммы, и, въ-третьихъ, измѣненіе статьи 28 устава въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны—обращеніемъ допущенной по этой статьѣ временной льготы семействамъ умершихъ участниковъ въ постоянную, а съ другой—дальнѣйшимъ расширеніемъ этого въ высшей степени существеннаго и цѣннаго льготнаго правила. Изъ перечисленныхъ трехъ предположеній нельзя не остановить особаго вниманія на послѣднемъ. Оно обойдется примѣрно въ 1.050,000 р. капитала, но истинное внутреннее его значеніе, нося глубоко нравственный и важный судебно-политическій характеръ, не поддается денежному измѣренію и, во всякомъ случаѣ, далеко оставляетъ за собою матеріальную стоимость пожертвованія. Изъ представленныхъ данныхъ и разсчетовъ видно, что пенсіонная льгота, предоставленная въ 1892 г. семействамъ участниковъ кассы, умершихъ по выслугѣ пятнадцати лѣтъ, не отразилась неблагопріятно на дѣлахъ кассы и не помѣшала образованію свободныхъ рессурсовъ, которые, согласно приведеннымъ выше сужденіямъ государственнаго совѣта, должны быть всегда, по мѣрѣ возможности, обращаемы въ пользу участниковъ кассы и ихъ семействъ. Именно теперь, повидимому, и настаетъ пора пойти дальше въ этомъ направленіи и для семействъ сократить произвольно взятый пятнадцатилѣтній льготный срокъ выслуги до десяти, т.-е. до того, который, согласно статьѣ 19 устава, считается непремѣннымъ условіемъ пріобрѣтенія права на эмеритальную пенсію. Этою мѣрою будетъ достигнуто хотя бы самое скромное обезпеченіе многихъ осиротѣвшихъ семей, оставшихся въ крайней нуждѣ послѣ умер-

шихъ судебныхъ дѣятелей и теряющихъ нынѣ тѣ платежи, которые они вносили въ эмеритуру. Вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожится несправедливое различіе, установленное геперешнимъ текстомъ статьи 28, между семействами умершихъ участниковъ кассы. Въ самомъ дѣлѣ, трудно примириться съ тѣмъ, что семейства лицъ, которыя умерли отъ одной изъ тяжкихъ и сравнительно рѣдкихъ болѣзней, указанныхъ въ статьѣ 27, получаютъ пенсію послѣ десяти платныхъ лѣтъ, тогда какъ лишь пятнадцатилѣтняя выслуга даетъ пенсіонныя права семьямъ лицъ, скончавшихся послѣ какой-либо другой болѣзни. Ограничительный перечень болѣзней, дающихъ право на пенсію по сокращенному сроку,—это суровѣйшее изъ эмеритальныхъ постановленій, еще имѣетъ для самого участника, оставляющаго службу, хотя и стѣснительный, но все же объяснимый смыслъ, какъ внѣшній формальный показатель, оправдывающій даруемую ему пенсіонную льготу, но за-то съ точки зрѣнія безпомощнаго положенія семьи умершаго участника совершенно безразлично, отъ какой болѣзни онъ скончался. Даже не состраданіе, а простая, такъ сказать, элементарная справедливость заставляетъ позаботиться о существованіи семьи, глава которой установленное наименьшее число лѣтъ, т.-е. не менѣе десяти, былъ участникомъ и плательщикомъ кассы. Судьба же судебныхъ семействъ, лишившихся своихъ кормильцевъ, заслуживаетъ поистинѣ самаго бдительнаго вниманія и горячаго участія. При всюду возрастающей дороговизнѣ, при ставшей чуть не общимъ мѣстомъ скудости многихъ судебныхъ окладовъ, въ связи съ неподлежащимъ сомнѣнію преждевременно изнашивающимъ характеромъ судебной службы, положеніе вдовъ и сиротъ судебныхъ дѣятелей является однимъ изъ наиболѣе больныхъ мѣстъ и печальныхъ сторонъ судебнаго быта. Центральное управленіе министерства юстиціи дѣлаетъ все, что въ его слабыхъ силахъ, для того, чтобы придти на помощь этой бѣдѣ. Прежде всего, пользуясь добрымъ содѣйствіемъ просвѣщенныхъ государственныхъ дѣятелей, но все же не безъ затрудненій, путемъ усердныхъ просьбъ и переписки, оно иногда небезуспѣшно хлопочетъ о назначеніи, въ установленномъ порядкѣ, усиленныхъ

пенсій изъ казны по сокращеннымъ срокамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это является сколько-нибудь возможнымъ. Далѣе, изъ своего ограниченнаго кредита на пособія министерство юстиціи, не считая особо выдѣляемаго имъ похороннаго фонда ежегодно выдаетъ собственно на воспособленіе семьямъ умершихъ судебныхъ чиновъ около 15,000 р., которые распредѣляются приблизительно между 85 семействами, составляя въ среднемъ по 180 р. на каждое, и очевидно тонутъ въ морѣ житейскихъ невзгодъ. Затѣмъ съ этою же цѣлью было учреждено благотворительное общество судебнаго вѣдомства, которое изъ добровольной складчины расходуетъ на тотъ же предметъ до 8,000 р. въ годъ, помогая примѣрно въ ста слишкомъ случаяхъ. Но всего этого болѣе, чѣмъ недостаточно, а главное все это, по своей случайности, измѣнчивости и единовременности, не можетъ, конечно, идти ни въ какое сравненіе съ законнымъ правомъ семьи на эмеритуру, въ которую вошла и многолѣтняя трудовая лепта умершаго судебнаго дѣятеля. Въ настоящее время редакція статьи 28 устава эмеритальной кассы звучитъ такою сухою и формальною строгостью, которая совершенно непонятна уму и чувству обездоленныхъ. Отъ паралича ли или отъ разрыва сердца умеръ плативній въ кассу отецъ семейства,—права этого послѣдняго на эмеритуру должны быть одни и тѣ же, и устраненіе здѣсь, такъ сказать, кричащаго несоотвѣтствія представляется дѣломъ прямой и неотложной необходимости, въ особенности если эту мѣру можно соединить съ общимъ уравненіемъ и пониженіемъ срока льготной выслуги для семействъ до десяти лѣтъ. А къ этому нынѣ, по техническимъ разсчетамъ, оказывается полная возможность, и подобное облегченіе, какъ послѣдствіе спеціальнаго изслѣдованія оборотовъ кассы за истекшій періодъ, уже могло бы быть введено и въ ея нормальный строй, вмѣстѣ съ естественнымъ дополненіемъ, заключающимся въ предоставленіи права на пособія семействамъ лицъ, не выслужившихъ указаннаго срока. Въ глубокомъ сознаніи выдающейся важности и безопасности такого предположенія, я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ усерднѣйше ходатайствовать о его принятіи. Общая стоимость

всѣхъ трехъ указанныхъ облегчительныхъ мѣропріятій, столько же справедливыхъ, сколько и благодѣтельныхъ, составитъ до 1.700,000 р., и, стало-быть, изъ сбереженій на 1 января 1898 г. останется и за всѣмъ тѣмъ свободныхъ около 300.000 р. Съ такимъ результатомъ эмеритальная касса министерства юстиціи, насколько позволяетъ разумное предвидѣніе, надѣется и въ наступившее третье свое пятилѣтіе, если обстоятельства не измѣнятся, посильно выполнять лежащія на ней обязательства, но, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ безусловно отвѣчать за всѣ будущія, отъ многихъ факторовъ зависящія, условія своей дѣятельности. И вотъ, въ осторожномъ соображеніи настоящаго и будущаго, заявлены предположенія *третьей* группы—о воспособленіи эмеритальной кассѣ изъ казны въ возмѣщеніе понесеннаго ею убытка отъ купоннаго налога Въ основаніе этого ходатайства положена не недостаточность наличныхъ средствъ или неспособность кассы оправдать текущія обязательства, а соблюденіе по отношенію къ ней начала справедливости и равенства. Купонный налогъ поглотилъ 5% дохода со всѣхъ капиталовъ кассы, конверсіи обошлись судебной эмеритурѣ въ 625,000 р. чистаго убытка, и если эмеритальная касса справилась съ такими потерями, то только благодаря своей крайней бережливости и строгости. А разъ подобныя потери возмѣщены другимъ эмеритальнымъ кассамъ, усвоившимъ съ самаго начала гораздо болѣе широкій и рѣшительный, даже рискованный образъ дѣйствій, то почему же кассѣ министерства юстиціи платиться за свою сдержанность и благоразуміе и стѣснять судьбу своихъ участниковъ лишеніемъ пособія, которое, по смыслу закона 2 іюня 1887 г., отвѣчало бы ея дѣйствительной потребности въ исполненіи всѣхъ поставленныхъ ей задачъ въ обширномъ смыслѣ? При учрежденіи кассы было предусмотрѣно дальнѣйшее развитіе ея операцій, соразмѣрно увеличенію средствъ. За уменьшеніемъ, однакоже, этихъ послѣднихъ вслѣдствіе налога и конверсій, приходилось отказываться отъ многихъ изъ мѣропріятій, существенно необходимыхъ и вполнѣ отвѣчающихъ назначенію кассы. Въ 1892 г. государственный совѣтъ, несмотря на возраженія министерства финансовъ, не призналъ воз-

можнымъ отклонить ходатайство министерства юстиціи о пособіи въ возмѣщеніе понесеннаго ущерба, а предпочелъ отложить обсужденіе этого вопроса до дальнѣйшаго выясненія и развитія оборотовъ кассы. Въ настоящее время она, даже и при испрашиваемомъ расширеніи льготъ, еще можетъ обойтись собственными средствами Но невозможно со всею точностью предугадать грядущее, нельзя предвидѣть, какія случайности могутъ впослѣдствіи неблагопріятно отозваться на дѣлахъ кассы. Поэтому было бы весьма несправедливо и тягостно закрывать кассѣ путь къ заслуженной помощи, и вопросъ о ней, если уже нельзя теперь рѣшить его въ положительномъ смыслѣ, въ виду несогласія финансоваго вѣдомства, по меньшей мѣрѣ надлежало бы оставить открытымъ до слѣдующаго повѣрочнаго періода, предоставивъ министерству юстиціи своевременно обсудить и возбудить его подобно тому, какъ это было сдѣлано въ 1892 г. Такой исходъ нынѣшняго представленія хотя отчасти удовлетворилъ бы скромнымъ домогательствамъ министерства юстиціи и не отнялъ бы у плательщиковъ его эмеритальной кассы разумной и законной надежды на лучшее будущее.

Согласившись въ существѣ съ заключеніемъ министра юстиціи, государственный совѣтъ постановилъ мнѣніе, удостоившееся 18 мая 1898 года Высочайшаго Его Императорскаго Величества утвержденія и распубликованное въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства за 1898 годъ № 60, ст. 831.

ОТВѢТНЫЯ РѢЧИ ПО РАЗНЫМЪ ПОВОДАМЪ ПРИ СЛУЖЕБНЫХЪ ПОѢЗДКАХЪ.

1.

Въ Петрозаводскѣ, 29 мая 1894 г.

29 мая 1894 г. въ г. Петрозаводскѣ на обѣдѣ, данномъ городскимъ управленіемъ и земствомъ по случаю открытія окружного суда, въ отвѣтъ на привѣтствія представителей города и земства, министръ юстиціи сказалъ:

Глубоко тронутый всѣмъ тѣмъ, что привелось мнѣ видѣть и слышать за эти дни, я прошу позволенія отвѣчать вамъ кратко, но отъ души на ваши добрыя слова. Низко кланяюсь городу Петрозаводску и Олонецкому земству; сердечно благодарю за сдѣланную мнѣ честь, а еще болѣе за ту отзывчивость и вниманіе, съ которыми вы встрѣтили и приняли вашъ новый судъ. Да не измѣнится и впредь это отношеніе, да растетъ и крѣпнетъ живая связь между землею, гражданами и тѣми, кто въ полномъ сознаніи своего долга и отвѣтственности несутъ вамъ Царское правосудіе, основанное на правдѣ и милости. И я твердо вѣрю, что это будетъ такъ. Суровы условія вашей природы, но великъ трудъ, ихъ побѣждающій, строенъ порядокъ, вносящій въ вашу жизнь спокойствіе и безмятежность; обширны ваши пространства, еще нуждающіяся въ развитіи, отдаленно расположенъ вашъ край отъ людныхъ и шумныхъ центровъ, но уже зрѣетъ въ немъ культура и вѣрными шагами движется впередъ просвѣщеніе. Творческая мысль Петра Великаго незримо присутствуетъ въ своемъ созданіи; недаромъ тамъ, на площади, передъ помѣщеніемъ новаго суда, на чудномъ памятникѣ великаго преобразователя державная длань такъ повелительно и властно распростерта надъ вашимъ городомъ; недаромъ

и кроткій взоръ Царя-Освободителя и Мученика увѣковѣченъ вами въ другомъ изображеніи. Прошлое ваше славно, настоящее мирно и благополучно, будущее полно упованія и надеждъ. Пью за процвѣтаніе вашего края, за успѣхъ всѣхъ благотворныхъ начинаній города и земства; пью за здоровье всѣхъ представителей Петрозаводскаго общества, обывателей и гражданъ, почтившихъ меня своимъ привѣтомъ.

2.

Въ Варшавѣ, 30 сентября 1894 г. [1]).

30 сентября 1894 г. въ зданіи Варшавскихъ судебныхъ установленій происходило общее представленіе министру юстиціи чиновъ мѣстнаго судебнаго округа. При этомъ министръ, отвѣчая на привѣтствіе старшаго предсѣдателя В. А Аристова, говорившаго отъ имени своего и всего судебнаго персонала ввѣреннаго ему округа, сказалъ:

Я искренно радуюсь представившейся мнѣ возможности лично познакомиться съ вами, господа, въ первый же годъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ управленія министерствомъ юстиціи и почти наканунѣ приступа къ предпринятымъ по Высочайшей волѣ систематическимъ работамъ, которыя должны усовершенствовать и обновить всѣмъ намъ дорогой судебный строй.

Варшавскій округъ, по своей обширной и во всѣхъ отношеніяхъ важной территоріи, по своему расположенію на культурной западной окраинѣ, среди разновѣрнаго и разноплеменнаго населенія, не можетъ не имѣть особаго значенія для общаго хода судебнаго дѣла. Здѣсь, въ непрестанномъ столкновеніи со многими трудными условіями мѣстности и быта, Царское правосудіе должно особенно ярко и бдительно являть себя именно тѣмъ, чѣмъ оно рисуется въ добросовѣстномъ убѣжденіи каждаго честнаго человѣка и благомыслящаго вѣрноподданнаго: всегда справедливымъ, строго законнымъ, одинаково равнымъ

---

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1894/5 г., Ноябрь 1894 г.

для всѣхъ, просвѣщеннымъ, чуждымъ страстей и тенденцій и вмѣстѣ съ тѣмъ истинно русскимъ, т.-е. проникнутымъ тою великодушною ширью и спокойною мощью, которыя составляютъ исконную принадлежность русской власти и даютъ ей драгоцѣнное нравственное право на обаяніе и преклоненіе передъ нею всѣхъ мѣстныхъ элементовъ.

Высоко держать русское знамя на порубежной землѣ, освященной русскою кровью въ долгой смѣнѣ историческихъ событій,—это значитъ для судебнаго дѣятеля быть вѣрнымъ слугою Государя и ревностнымъ исполнителемъ Его законовъ, правды и милости. Кромѣ того, судебные дѣятели, работающіе въ Привислянскомъ краѣ, вносятъ посильную лепту въ святую задачу объединенія гражданской жизни этого края съ другими частями Имперіи, въ общемъ стремленіи къ закономѣрному развитію и преуспѣянію. И я знаю, что именно въ такомъ, единственно правильномъ и благородномъ направленіи протекаетъ нелегкая служба, которую съ честью и достоинствомъ несетъ личный составъ Варшавскаго судебнаго вѣдомства. Тѣмъ пріятнѣе мнѣ видѣть сегодня вокругъ себя почтенныхъ его представителей въ дружномъ—я не сомнѣваюсь — единодушіи какъ между собою, такъ и съ другими правительственными органами, служащими одному и тому же патріотическому дѣлу утвержденія русской гражданственности въ здѣшнемъ краѣ.

Я позволяю себѣ смѣло завѣрить васъ, господа, что въ министерствѣ юстиціи, въ вашемъ министерствѣ, вы встрѣтите всегда и безпристрастную оцѣнку своихъ трудовъ, и необходимую поддержку въ дни испытанія, и полное сочувствіе всякому полезному начинанію и всякой энергической дѣятельности на пользу отечественнаго правосудія.

Въ свою очередь. я считаю себя въ правѣ ожидать отъ васъ особаго напряженія силъ и вниманія въ переживаемое нынѣ нашимъ вѣдомствомъ трудное, но знаменательное время откровенной и всесторонней самоповѣрки, которое можетъ открыть ему новые свѣтлые горизонты на пути къ его высокимъ задачамъ, неизмѣннымъ, какъ справедливость, незыблемымъ, какъ законъ.

Сердечно благодарю васъ за сочувственный привѣтъ и отъ души желаю, чтобы наше теперешнее, хотя кратковременное, общеніе было какъ можно болѣе непринужденнымъ и не осталось для насъ самихъ и для дѣла безъ добрыхъ плодовъ.

3.

Въ Ревелѣ, 29 сентября 1895 г. [1])

При посѣщеніи министромъ юстиціи г. Ревеля 29 сентября 1895 г въ честь его мѣстнымъ обществомъ данъ былъ обѣдъ, во время котораго министръ, въ отвѣтъ на обращенныя къ нему привѣтственныя рѣчи нѣкоторыхъ изъ числа присутствующихъ лицъ, сказалъ

Я долженъ сознаться, что первоначально вовсе не имѣлъ намѣренія выступить здѣсь съ публичнымъ словомъ, въ которомъ невольно пришлось бы затронуть какіе-либо вопросы общаго и мѣстнаго значенія. Спеціально дѣловая цѣль моей поѣздки уже достаточно оправдывала бы это предположеніе. И помня, сверхъ того, что по мѣткому восточному изреченію, слово—серебро, а молчаніе—золото, я хотѣлъ предоставить времени и обстоятельствамъ выяснить нынѣшнее отношеніе ввѣреннаго мнѣ вѣдомства къ главнѣйшимъ касающимся его задачамъ прибалтійской гражданской жизни. Но вамъ, мм. гг., ея уважаемымъ представителямъ, угодно было почтить меня такимъ радушнымъ привѣтомъ, я выслушалъ отъ васъ столько добрыхъ пожеланій, что съ моей стороны было бы, кажется, непозволительно не откликнуться на вашъ призывъ и не высказать вамъ съ полной откровенностью, какія мысли и чувства возбуждаетъ во мнѣ наше сегодняшнее общеніе подъ гостепріимнымъ кровомъ древней Колывани.

Далекій отъ самонадѣянности и хорошо зная скромную цѣну собственной, да и вообще единичной дѣятельности, я обращаю ваши сочувственныя заявленія не къ себѣ лично, а лишь къ носимому мною, по Царской волѣ, отвѣтственному званію, къ безличному началу правительственной власти, поставленной

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1895 г., Ноябрь.

на стражѣ судебнаго въ Имперіи порядка. Однакоже, и въ личной моей признательности къ вамъ сомнѣнія быть не можетъ. Среди холодности и равнодушія работать тяжко, и всякій неподдѣльный знакъ одобренія придаетъ энергіи и бодрости. А ваше благожелательство имѣетъ для меня еще свою особенную цѣнность, такъ какъ въ силу той благодарной народной памяти, которая, къ счастью, еще не исчезла въ русскихъ людяхъ, ваши лучшія симпатіи естественно должны быть въ недавнемъ прошломъ, а теперь, увы, тамъ, въ безмятежной тишинѣ царскосельскаго кладбища, у свѣжей могилы, безвременно закрывшейся надъ тѣмъ, кто, въ самоотверженномъ исполненіи незабвенныхъ предначертаній ненадолго пережитаго имъ Монарха, былъ мужественнымъ поборникомъ русскаго государственнаго дѣла и мудрымъ насадителемъ имперскаго судебнаго строя въ здѣшнемъ краѣ [1]).

Простите, господа, если слова мои звучатъ печальной тризной на вашей блестящей трапезѣ, но гдѣ же, если не отъ доблестныхъ дѣяній и именъ почившихъ, брать поучительные уроки для живыхъ!?

Русское дѣло на *русской*, хотя бы окраинной, почвѣ съ разновѣрнымъ и разноплеменнымъ населеніемъ,—какое странное сопоставленіе и вмѣстѣ раздѣленіе въ сущности единыхъ и тождественныхъ понятій? Не будетъ ли это своего рода тавтологія, доказательство несомнѣннаго, разъясненіе очевиднаго, нѣчто похожее на стукъ въ открытую дверь здраваго смысла? Россія—вездѣ Россія, и всѣ дѣла, всѣ нужды подданныхъ ея Державы могутъ быть только русскими. А между тѣмъ, какъ часто, къ сожалѣнію, приходится напоминать и подтверждать въ дѣйствительности ту непреложную истину, что на всемъ необъятномъ пространствѣ нашего отечества, какъ бы ни назывались и ни молились, откуда бы ни пришли его сыны—все государственное, правительственное, властное можетъ и должно быть только одно: царское, русское, единымъ велѣніямъ повинующееся, однимъ духомъ проникнутое, къ одинаковымъ цѣлямъ

[1]) Бывшій министръ юстиціи Н. А. Манассеинъ.

стремящееся. Въ этой истинѣ—наша крѣпость, въ ея колебаніи—наша слабость, въ ея утвержденіи—наше славное прошлое и наше свѣтлое будущее. И нужно ли говорить, что эта истина отнюдь не знаменуетъ собою ни угнетенія, ни нетерпимости? Напротивъ, въ широкихъ рамкахъ отечественнаго блага она оставляетъ просторъ и личной совѣсти, и бытовымъ особенностямъ, и законнымъ мѣстнымъ надобностямъ. Еще никто не дѣлалъ русскому народу основательнаго упрека въ недостаткѣ великодушія и шири. Только компромиссовъ и притворства не допускаетъ безусловное начало самодержавной русской государственности; кто не другъ ему, тотъ врагъ, съ которымъ оно сумѣетъ справиться. Съ другой стороны, нельзя и служить ему ни изъ какихъ постороннихъ, своекорыстныхъ побужденій,—тогда оно глубоко и недостойно извращается, потому что оно есть цѣль, а не средство, и служеніе ему есть священный долгъ, а не карьера. Трудно себѣ представить идею болѣе величественную и жизненную, начало болѣе могучее и благородное. Всѣмъ хватитъ воздуха и свѣта въ обширномъ русскомъ царствѣ, всѣ вѣрноподданные его найдутъ защиту подъ мощной сѣнью русскаго орла. Не даромъ въ срединѣ его изображается святой витязь, побѣдоносно поражающій дракона, но не даромъ также на распростертыхъ крыльяхъ спокойно размѣстились рядомъ гербы народовъ и земель, издавна „слившихся въ единомъ русскомъ морѣ“... Мы ждемъ, мы вѣримъ—русское дѣло на окраинѣ да принесетъ съ собою миръ между разрозненными или враждующими интересами, да прекратитъ владычество сильнаго надъ слабымъ, да водворитъ господство справедливости повсюду, гдѣ былъ или могъ быть гнетъ и произволъ. А затѣмъ, не все же рознь, борьба или противодѣйствіе; вѣдь не пройдутъ безслѣдно ревностныя усилія благомыслящихъ людей, здѣсь столько поработавшихъ, и, наконецъ, настанетъ,—если уже не настало,—для многоразличныхъ мѣстныхъ элементовъ время благоразумной, сознательной покорности и примиренія.

Мнѣ думается, что именно въ этомъ направленіи новый русскій судъ призванъ быть однимъ изъ главныхъ проводни-

ковъ русскаго дѣла на окраинѣ Чуждый какихъ-либо тенденцій,—религіозныхъ, политическихъ, партійныхъ,—во всеоружіи одной лишь правды и милости, онъ можетъ быть страшенъ или ненавистенъ только ихъ тайнымъ и явнымъ недругамъ. Пока этихъ послѣднихъ много—и дѣятельность суда, никогда не измѣняющаяся въ качествѣ, въ количествѣ и напряженіи, носитъ какъ бы боевой характеръ. Но то бой особенный, бой мирный, добра со зломъ, права съ безправіемъ, закона съ беззаконіемъ. И тутъ, въ этомъ бою, въ строжайшемъ равенствѣ правосудія, въ неуклонномъ и полнѣйшемъ безпристрастіи суда — вся его задача, вся мощь и весь успѣхъ его воздѣйствія. Ничто такъ не смиряетъ мятущіяся вожделѣнія и страсти, какъ внушаемое судомъ сознаніе, что у него „нѣсть Еллинъ, нѣсть Іудей", что для него нѣтъ различія въ вѣрѣ, языкѣ, происхожденіи, сословіи, достаткѣ, а есть лишь правые и виноватые, обиженные и обидчики, лица, заслужившія кару или принужденіе закона, и лица, нуждающіяся въ его заступничествѣ. Передъ такимъ судомъ всѣ преклоняются, къ нему всѣ подходятъ съ довѣріемъ и уваженіемъ, вся дѣятельность его является той благотворной, правомѣрной силой, которая поддерживаетъ общественное равновѣсіе и, по Царскому указу, каждому воздавая должное, объединяетъ всѣ состоянія, всѣ слои населенія въ общемъ подчиненіи единому закону. Конечно, для достиженія всего этого еще недостаточно юридическихъ познаній и судебной опытности, а необходимо много и иныхъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ, много любви къ своему дѣлу и горячей преданности его принципамъ, не мало спокойствія и твердости, при культурной мягкости пріемовъ, не мало выдержки и такта при охраненіи правительственно-судебнаго достоинства. Нужна также и извѣстная широта просвѣщенныхъ взглядовъ, возможная гуманность къ страданію и иногда невольному паденію; нельзя обойтись и безъ всесторонняго знанія не только мѣстныхъ узаконеній, но и мѣстныхъ общественныхъ и бытовыхъ условій, безъ вдумчиваго проникновенія въ своеобразныя мѣстныя соотношенія, для добросовѣстной и осторожной ихъ оцѣнки. Не легко выполненіе всѣхъ этихъ требованій, но дорога и награда дѣятеля, которому

Богъ поможетъ стать на высотѣ ихъ. Онъ съ честью, вѣрой и правдой послужитъ Царю и отечеству на краю земли русской, и никогда, никѣмъ, ни правительствомъ, ни согражданами, не забудется эта заслуга. Уже давно доводилось мнѣ слышать, что не бѣдна подобной службой прибалтійская юстиція, и вы поймете, какъ счастливъ былъ бы я собственными глазами убѣдиться въ этомъ.

Русское дѣло дѣлается, русское правосудіе творится среди общества людей, которые должны быть русскими не по имени только или подданству, а прежде всего по соотвѣтствующимъ убѣжденіямъ и поступкамъ. Безъ сочувственной поддержки такого общества тщетны были бы всѣ труды отдѣльныхъ окраинныхъ дѣятелей, посланныхъ сюда, къ тому же, не только высоко, но и дружно нести знамя русской государственности. Одинъ въ полѣ—не воинъ, а на Балтикѣ и подавно. Одного легко разобьютъ и умчатъ ея мелкія, но подчасъ злыя и упорныя волны, тогда какъ единодушіе, сплоченность и здѣсь, какъ всюду, несокрушимы. Нынѣшнее собраніе свидѣтельствуетъ, что въ вашей средѣ видимо обезпечена солидарность между сотрудниками общаго дѣла на различныхъ ступеняхъ общественнаго служенія. Дай Богъ, чтобы это всегда и во всемъ было такъ и чтобы тлетворное вѣяніе вѣдомственной или кружковой разобщенности никогда не коснулось русскихъ прибалтійцевъ. Divide et impera—не про нихъ будь сказано!

Такъ, — по крайнему моему разумѣнію, — такъ мыслитъ о вашихъ дѣлахъ непринужденный русскій умъ, такъ чувствуетъ состояніе ваше истинно русское сердце. Прошу у васъ извиненія за нежданно длинное слово; оно могло быть нескладно, ошибочно, но сказалось искренно, отъ души, и назадъ его не вернешь. Благодарю за любезный пріемъ, за привѣтливую хлѣбъ-соль, за честь, мнѣ сдѣланную. Не могу, какъ бы хотѣлъ, выпить за здоровье каждаго изъ почтившихъ меня и потому прошу дозволенія соединить вся и всѣхъ въ одномъ общемъ здравіи: за великое русское дѣло, за правый судъ, за честныхъ тружениковъ на исконной русской окраинѣ!

4.

Въ Ригѣ, 1 октября 1895 г. [1]).

Во время посѣщенія 1 октября 1895 г. Рижскаго окружного суда, на общемъ представленіи персонала его дѣятелей, министръ юстиціи обратился къ нимъ съ слѣдующими словами

Въ этихъ стѣнахъ все еще полно благодарными воспоминаніями о томъ министрѣ юстиціи, который положилъ всю душу свою, всѣ благороднѣйшія усилія ума и воли для того, чтобы воздвигнуть въ Прибалтійскомъ краѣ твердыню новаго русскаго суда. Заслуженный успѣхъ увѣнчалъ труды почившаго, и имя его отнынѣ принадлежитъ исторіи русской государственности. Вамъ, господа, живымъ свидѣтелямъ этихъ трудовъ и первымъ піонерамъ судебной реформы въ Лифляндской губерніи, естественно было желать сохранить навсегда среди васъ и въ назиданіе вашимъ преемникамъ дорогія вамъ—да и всѣмъ здѣшнимъ русскимъ людямъ—черты покойнаго. Я сердечно радъ, что имѣю возможность объявить вамъ о Высочайшемъ вниманіи къ вашему желанію. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему ходатайства чиновъ Рижскаго окружного суда и прокурорскаго надзора, Всемилостивѣйше соизволилъ на поставленіе въ зданіи Рижскаго суда портрета Николая Авксентьевича Манасеина.

5.

Въ Либавѣ, 5 октября 1895 г. [2]).

Во время пребыванія министра юстиціи въ г. Либавѣ 5 октября 1895 г. въ честь его мѣстнымъ городскимъ обществомъ данъ былъ обѣдъ, при чемъ на привѣтственную рѣчь городского головы г. Адольфи министръ отвѣтилъ слѣдующими словами:

Я знаю, что еще при самомъ введеніи судебной реформы въ здѣшнемъ краѣ городъ Либава не словами только или по-

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1895 г., Ноябрь.
[2]) Журналъ Министерства Юстиціи 1895 г., Ноябрь.

желаніями, но и дѣломъ, дѣятельно выказалъ сочувствіе новому суду. И потому мнѣ особенно пріятно сердечно поблагодарить сегодня почтенныхъ представителей городского управленія за радушный пріемъ, который свидѣтельствуетъ, что либавскіе граждане дѣйствительно цѣнятъ благо преобразованной юстиціи. Судебное вѣдомство почерпнетъ новыя силы въ этомъ общественномъ сочувствіи и приложитъ всѣ старанія для того, чтобы всегда стоять на высотѣ возлагаемыхъ на него надеждъ. Я съ душевнымъ удовольствіемъ вижу вокругъ себя всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей соединенными въ одну дружную семью на пользу общаго родного дѣла. Радуюсь, что это будетъ послѣднимъ впечатлѣніемъ прибалтійской моей поѣздки, предпринятой по непосредственному Высочайшему произволенію,—послѣднимъ по времени, но однимъ изъ первыхъ по симпатичному значенію и характеру. Не мало выношу я изъ этой поѣздки цѣнныхъ свѣдѣній и выводовъ, но дороже всего глубокое убѣжденіе, что на всемъ широкомъ просторѣ русскаго отечества, несмотря на все огромное различіе жизненныхъ условій, и здѣсь, какъ и вездѣ, есть вѣрные пути къ правосудію и справедливости, есть люди, для которыхъ интересы правды и порядка выше всякихъ мѣстныхъ или личныхъ соображеній. За процвѣтаніе города Либавы, за здоровье городского головы и представителей городского управленія!

6.

Въ Астрахани, 9 іюня 1898 г.

При встрѣчѣ въ г. Астрахани 9 іюня 1898 г. на пароходной пристани министра юстиціи, городской голова привѣтствовалъ его слѣдующими словами:

Имѣю честь привѣтствовать васъ отъ лица астраханскаго городского общества, какъ почетнаго нашего гражданина, и почтительнѣйше прошу принять эту хлѣбъ-соль и выраженія высокихъ чувствъ уваженія и благодарности за введеніе у насъ суда присяжныхъ засѣдателей. Городская дума постановила учредить по этому случаю начальную школу вашего имени. Сообщая объ этомъ, имѣю честь покорнѣйше просить согласія вашего на присвоеніе школѣ вашего имени.

Въ отвѣтъ на это привѣтствіе министръ юстиціи, обратясь къ городскому головѣ, сказалъ слѣдующее:

Горячо благодарю васъ за радушный привѣтъ и душевно радуюсь, что имѣю право принять его не только по служебному моему положенію, но и въ качествѣ вашего почетнаго гражданина. Думаю, что вамъ угодно было четыре года тому назадъ оказать мнѣ честь этимъ званіемъ именно въ изъявленіе вашего искренняго сочувствія высокимъ благамъ преобразованнаго суда, который нынѣ, велѣніемъ Верховной власти, вводится въ вашемъ краѣ уже въ полномъ объемѣ, съ участіемъ общественныхъ судей—присяжныхъ засѣдателей. Этимъ однимъ удостовѣряется значительная степень культурной зрѣлости мѣстнаго общества и населенія. Цѣните же и берегите дарованный вамъ новый судъ—онъ и здѣсь сослужитъ, мы надѣемся, большую службу скорыми и справедливыми рѣшеніями и утвержденіемъ благодѣтельной законности въ общественномъ быту и въ житейскихъ отношеніяхъ. А когда астраханскіе обыватели будутъ призываемы къ отправленію присяжнаго правосудія—пусть помнятъ, что драгоцѣнно великодушное довѣріе къ намъ Державнаго Законодателя и что теперь отъ нихъ самихъ зависитъ сдѣлать это правосудіе грозою для виновныхъ, защитою для правыхъ и угнетенныхъ.

Я сожалѣю, что кратковременность посѣщенія и нездоровье вынудили меня отклонить предположенное вами чествованіе, которое должно было, конечно, относиться не столько лично ко мнѣ, сколько къ великому дѣлу правосудія и достойнымъ дѣятелямъ его, Высочайше ввѣреннымъ моему руководству. Но я глубоко утѣшенъ вѣстью, что дорогое для меня вниманіе астраханскихъ моихъ согражданъ проявилось иначе, въ истинно-прекрасномъ начинаніи, соединенномъ съ важнѣйшею, быть можетъ, задачею и потребностью нашей современности—съ просвѣщеніемъ народа въ духѣ вѣры, нравственности и русскихъ государственныхъ началъ. Лучше, трогательнѣе вы не могли почтить въ моемъ лицѣ вѣрныхъ царскихъ слугъ, и я не нахожу словъ выразить вамъ мою живѣйшую признательность за вашу добрую, свѣтлую мысль. Осуществленіе ея навсегда останется въ благодарныхъ сердцахъ, тогда какъ быстро и безслѣдно умолкнетъ шумъ чествованія и разсѣятся вызванныя имъ

даже и яркія впечатлѣнія. И правый судъ, и хорошая школа ведутъ, хотя и разными путями, къ единой правдѣ Божіей —да крѣпнетъ и ширится она на необъятномъ просторѣ Святой Руси!

Позвольте же вашему почетному гражданину съ неподдѣльнымъ сердечнымъ чувствомъ поклониться древней Астрахани и вступить на ея землю съ твердою увѣренностью, что въ неизмѣнномъ уваженіи общества и посильномъ содѣйствіи всѣхъ благомыслящихъ людей его судебное вѣдомство встрѣтитъ всегда поддержку и ободреніе въ трудной своей работѣ на пользу общую.

7.

Въ Вильнѣ, 13 ноября 1899 г.

13 ноября 1899 г. въ г. Вильнѣ, на завтракѣ по случаю освященія новаго зданія судебныхъ установленій министръ юстиціи отвѣчалъ на привѣтствіе старшаго предсѣдателя виленской судебной палаты слѣдующими словами:

Примите, вмѣстѣ съ искреннею моею признательностью за добрый привѣтъ, горячія поздравленія мои по поводу завершеннаго сегодня благого начинанія. Давно уже городъ Вильна и виленскій судебный округъ нуждались въ такомъ судебномъ зданіи, которое соотвѣтствовало бы крупному значенію и важности общественныхъ и частныхъ интересовъ, охраняемыхъ въ мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ. Нынѣ эта потребность успѣшно удовлетворена, и нельзя сердечно не порадоваться такому счастливому событію. Хотя правый судъ можно творить повсюду, гдѣ есть правые судьи, но и ихъ высокая дѣятельность, какъ все исходящее изъ рукъ человѣческихъ, не свободна отъ вліянія внѣшней обстановки, соединяющей судъ съ судящимися и съ публикой въ извѣстныхъ матеріальныхъ рамкахъ. Эта наружная, такъ сказать, вещественная и осязаемая оболочка правосудія, въ которой оно предстаетъ предъ населеніемъ, должна быть достойна Царскаго Имени—верховнаго

источника суда, должна отвѣчать величію законной правды и милости—его руководящаго начала. Съ глубокимъ смысломъ древніе считали „*храмомъ*“, а на Западѣ и до сихъ поръ зовутъ „*дворцомъ*“ то государственное сооруженіе, въ которомъ каждому воздается по его дѣяніямъ. Уже самымъ назначеніемъ подобнаго храма или дворца правосудія указываются его необходимыя условія и свойства; они столь существенны, что безъ цѣлесообразнаго и какъ бы символическаго ихъ совмѣщенія трудно и представить себѣ хорошее зданіе, посвященное надобностямъ юстиціи.

Оно должно быть прежде всего прочно и на долгіе годы обезпечено отъ разрушительнаго дѣйствія времени, непогоды и всяческихъ случайностей, какъ твердъ и незыблемъ долженъ быть творимый въ немъ судъ, стоящій внѣ преходящихъ вѣяній, недоступный никакому постороннему давленію. Въ судебныхъ помѣщеніяхъ, далѣе, нуженъ просторъ, нужно много воздуха и свѣта, потому что современное правосудіе совершается не въ тѣсныхъ, душныхъ, темныхъ канцелярскихъ тайникахъ, а на глазахъ у всѣхъ, открыто, гласно, при широко растворенныхъ дверяхъ, съ участіемъ гражданъ, безъ всякой боязни критики или контроля. Просторъ, чтобы свободно двигаться, воздухъ, чтобы легко дышать, свѣтъ, чтобы ясно видѣть—это вполнѣ естественныя требованія отъ мѣста, куда довѣрчиво и смѣло идутъ за справедливостью. Пусть судебное зданіе будетъ сверхъ того внушительно и величаво, какъ величаво и внушительно отправляемое въ немъ служеніе истинѣ и благу общему. Пусть оно будетъ даже изящно и красиво, тѣмъ возвышающимъ духъ изяществомъ, той простой и благородной красотою, которыя подобаютъ стѣнамъ, гдѣ раздается властный голосъ безличнаго, безстрастнаго, всепримиряющаго закона. Но да будетъ оно также, насколько возможно, удобно и привѣтливо, чтобы неизбѣжная сухость, подчасъ суровость и даже тяжесть судебнаго воздѣйствія не усугублялись еще болѣе мрачностью окружающаго и тѣми жестокими, отталкивающими мелочами жизненнаго обихода, къ которымъ такъ чутко трудящееся, страдающее или смущенное существованіе. И если, на-

конецъ, при этомъ удалось избѣгнуть всего излишняго, всякой напрасной траты казенныхъ средствъ, въ добросовѣстной заботливости о томъ, чтобы ни судъ, ни помѣщеніе его не обходились слишкомъ дорого народному достатку, то главныя задачи судебнаго строительства достигнуты, и наше вѣдомство, а съ нимъ и государственное достояніе, обогатились и украсились цѣннымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ.

Вотъ, милостивые государи, нѣкоторыя, связанныя съ нынѣшнимъ торжествомъ, ожиданія, которыя, какъ мы сегодня убѣдились, блистательно осуществлены въ новомъ зданіи виленскихъ судебныхъ установленій. Пожелаемъ же этимъ установленіямъ благополучнаго новоселья, съ обновленными силами, среди бодрящаго довѣрія и уваженія, въ непрестанномъ живомъ сознаніи своего долга и отвѣтственности передъ Богомъ, Царемъ, родиною, совѣстью. Будемъ надѣяться, что далеко за порогомъ новаго зданія останется все, могущее омрачить спокойное и ровное теченіе правосудія; станемъ и на новомъ мѣстѣ, въ повседневной работѣ нашей, свято хранить старую преданность дѣлу правды и законности, эту „душу живую“ нашего призванія...

А теперь—за здоровье всѣхъ дѣятелей исполненнаго сложнаго труда, за всѣхъ, кому дорого внѣшнее и внутреннее процвѣтаніе русскаго суда!

ПЕРЕСМОТРЪ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ ПО СУДЕБНОЙ ЧАСТИ.

I.

Вступительное сообщеніе предсѣдателя Высочайше учрежденной при министерствѣ юстиціи коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части, министра юстиціи въ первомъ засѣданіи коммиссіи 30 апрѣля 1894 года.

Помолившись Богу объ успѣхѣ предстоящаго намъ дѣла, мы можемъ приступить къ самому его выполненію. Каждый изъ насъ, я полагаю, отдаетъ себѣ ясный отчетъ во всѣхъ трудностяхъ и всей отвѣтственности нашей задачи. Что до меня касается, то я не безъ благоговѣйнаго смущенія открываю первое засѣданіе коммиссіи, отъ которой будутъ въ значительной степени зависѣть дальнѣйшія судьбы русскаго правосудія. Но предъ нами есть и драгоцѣнный источникъ бодрости: мы въ правѣ почерпнуть ее въ сознаніи, что призваны исполнить ясно выраженную, твердую и рѣшительную волю Государя Императора о систематическомъ пересмотрѣ законоположеній по судебной части, въ видахъ ея объединенія и улучшенія. Монаршая воля эта мудро и попечительно направлена, какъ все, что̀ исходитъ съ высоты Престола,—единственно ко благу и преуспѣянію нашего отечества. Дѣйствительно начатіе пересмотра нынѣ, при современномъ состояніи судебной части и окружающихъ ее условіяхъ, представляется болѣе, чѣмъ когда либо, своевременнымъ и необходимымъ для укрѣпленія у насъ истинной законности и справедливости. Лично глубоко въ этомъ

убѣжденный, я увѣренъ также и въ томъ, что правильное осуществленіе поставленной намъ задачи не превышаетъ мѣры нашей возможности, только бы оказались въ наличности, кромѣ знаній и опытности, еще доброе желаніе, посильная энергія, да ревностное стремленіе къ пользѣ службы. Всѣми этими качествами, безспорно, обладаетъ составъ нашей коммиссіи и мнѣ приходится лишь просить его присоединить къ нимъ еще установленіе и сохраненіе дружнаго, товарищескаго между ними единенія, которое, какъ всякому извѣстно, уже само по себѣ составляетъ силу.

Избѣгая лишнихъ словъ и напрасной траты дорогого времени, вмѣсто какихъ-либо вступительныхъ соображеній, которыя въ многообразной области судебныхъ вопросовъ могли бы завести насъ очень далеко, я прошу разрѣшенія познакомить васъ теперь же съ всеподданнѣйшимъ моимъ докладомъ, послужившимъ конечнымъ поводомъ къ образованію нашей коммиссіи. Въ этомъ докладѣ изложены въ общихъ чертахъ основанія, побудившія министерство юстиціи ходатайствовать о ея назначеніи, и такъ какъ онъ удостоился Высочайшаго утвержденія, то и является естественнымъ введеніемъ въ нашъ трудъ. Притомъ я хотѣлъ бы сразу ввести гг. членовъ коммиссіи въ кругъ тѣхъ главныхъ мыслей, которыми руководится министерство, ставя осторожный и разумный пересмотръ судебнаго строя одною изъ капитальныхъ и ближайшихъ цѣлей своей дѣятельности. Смѣю думать, что при такомъ вполнѣ откровенномъ и прямодушномъ образѣ дѣйствій, когда между нами ничего не будетъ недосказаннаго или затаеннаго, работа наша пойдетъ успѣшно и не отяготительно, въ чистой атмосферѣ нравственнаго спокойствія и полнаго взаимнаго довѣрія, въ обстановкѣ, достойной высокаго значенія нашей задачи.

(По прочтеніи всеподданнѣйшаго доклада о пересмотрѣ законоположеній по судебной части, Высочайше утвержденнаго 7 апрѣля 1894 г.).

Въ дополненіе къ содержанію прочитаннаго всеподданнѣйшаго доклада, я считаю нужнымъ сдѣлать еще нѣкоторыя за-

мѣчанія по поводу объема и хода предстоящихъ намъ занятій. Ничего не предрѣшая и отнюдь не желая сколько-нибудь стѣснять будущія работы выраженіемъ впередъ своего личнаго мнѣнія по ихъ предметамъ, я позволю себѣ лишь предположительно представить на усмотрѣніе коммиссіи нѣкоторыя, могущія служить отправными точками мысли о томъ, какъ слѣдовало бы поставить и организовать разработку дѣла, ей порученнаго. Эти прелиминаріи въ сегодняшнемъ первомъ собраніи нашемъ неизбѣжны: они—залогъ порядка, ясности и стройности въ трудѣ столь сложномъ и столь громоздкомъ, какъ пересмотръ всего обширнаго судебнаго законодательства.

I.

Въ огромномъ матеріалѣ этого труда, для удобнѣйшаго его обозрѣнія, можно отличить *три* момента, явственно отдѣленные другъ отъ друга временемъ, пространствомъ и характеромъ. Это: *во-1-хъ*—*Судебные Уставы* въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли 20 ноября 1864 г. изъ рукъ Державнаго Законодателя и были введены въ дѣйствіе въ 1866 г. въ немногихъ губерніяхъ, первоначально отнесенныхъ къ округамъ С.-Петербургской и Московской судебныхъ палатъ; *во-2-хъ*—всѣ *дополненія* и *измѣненія* въ уставахъ, послѣдовавшія за 28 лѣтъ, съ 1866 по 1 января 1894 года, и—*въ-3-хъ*—главнѣйшіе *вопросы* судебнаго строя и судебной части, *выдвинутые практикою*, но не получившіе еще законодательнаго разрѣшенія, котораго однакоже настойчиво требуетъ ихъ выдающееся государственное, общественное или даже просто судебно-техническое ихъ значеніе.

II.

Несмотря на все существенное различіе между этими моментами, отчасти относящимися другъ къ другу какъ факты прошлаго, требованія настоящаго и запросы будущаго, въ образуемомъ ими длинномъ рядѣ учрежденій, законовъ и вопросовъ нельзя не отмѣтить общія имъ всѣмъ черты, оставшіяся неизмѣнными среди развитія и движенія судебной жизни во

всѣхъ ея перемѣнчивыхъ фазисахъ, оттѣнкахъ и явленіяхъ. Черты эти совпадаютъ съ тѣми основными началами судоустройства и судопроизводства, которыя уцѣлѣли при всевозможныхъ перемѣнахъ и тѣмъ доказали свою жизнеспособность и практическую пригодность. Подвергаясь ограниченіямъ и изъятіямъ, они все-таки выдержали испытаніе и потому вышли изъ него, если не съ побѣдою, то съ правомъ на дальнѣйшее существованіе. Въ отношеніи такихъ началъ почти нѣтъ принципіальнаго спора даже между противниками и сторонниками реформы 1864 г.; тѣ и другіе признаютъ важность и полезность этихъ основъ правильнаго судоотправленія, сводя разногласія свои лишь къ степени и формамъ примѣненія, которыя могутъ быть различны, смотря по взглядамъ на задачи и организацію юстиціи. Судебные Уставы первоначальной редакціи построены на этихъ началахъ; ихъ видоизмѣняли и ограничивали, но не поколебали и тѣмъ болѣе не уничтожили послѣдующія новеллы; изъ нихъ же вытекаютъ и вокругъ нихъ группируются или, по меньшей мѣрѣ, ихъ отнюдь не исключаютъ назрѣвшія потребности современной дѣйствительности и вызываемыя ими домогательства, которыя, однакоже, въ сферѣ суда, какъ извѣстно, далеко не отличаются преклоненіемъ предъ существующимъ. Очевидно, указанныя начала не зависятъ ни отъ какихъ-либо тенденцій, ни отъ преходящихъ вѣяній или теченій, а составляютъ необходимую принадлежность всякаго правомѣрнаго суда, каковы бы ни были особенности или подробности его устройства. Это въ сущности общепризнанныя и наилучшія изъ до сихъ поръ выработанныхъ въ цивилизованномъ мірѣ ручательствъ того, что судебная истина будетъ обнаружена, что законъ будетъ точно примѣненъ и что каждый изъ судящихся получитъ по заслугамъ. Такихъ устоевъ правосудія немного и въ своемъ простѣйшемъ элементарномъ выраженіи, съ устраненіемъ всего второстепеннаго, случайнаго и привходящаго, они могутъ быть резюмированы въ слѣдующихъ краткихъ, азбучныхъ, но въ высшей степени важныхъ положеніяхъ:

1) Судъ долженъ быть *устный* или *непосредственный*, т.-е.

судья долженъ лично видѣть и слышать судящихся, а не судить по однѣмъ бумагамъ;

2) судъ долженъ быть *гласный*, т.-е. общество должно знать, что̀ дѣлается въ судѣ и какъ творится правосудіе;

3) судъ долженъ быть *состязательный*, т.-е. стороны, обвинитель и обвиняемый, истецъ и отвѣтчикъ, должны быть противопоставлены другъ другу для того, чтобы изъ ихъ противоположныхъ утвержденій выяснилась истина во всей ея полнотѣ;

4) судъ долженъ быть *государственный*, правительственный и вмѣстѣ *независимый* отъ постороннихъ вліяній и давленій, такъ чтобы судья могъ исполнять свою обязанность, ничего не опасаясь и не руководствуясь и не стѣсняясь ничѣмъ инымъ, кромѣ закона, совѣсти и фактовъ;

5) судебный дѣятель долженъ обладать извѣстнымъ *цензомъ*—нравственнымъ, образовательнымъ и практическимъ, т.-е. быть лицомъ во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнымъ и подготовленнымъ къ отправленію суда;

6) судъ долженъ производиться хотя и правительственными должностными лицами, но не безъ незамѣнимаго въ извѣстныхъ случаяхъ участія *общественнаго элемента*, въ лицѣ обывателей, которые несутъ государственную *повинность* содѣйствовать правосудію, въ качествѣ временныхъ судей, присяжныхъ засѣдателей, понятыхъ, свидѣтелей;

7) судъ долженъ производиться на основаніи оцѣнки доказательствъ, но не по предустановленной формальной ихъ теоріи, а по разумному и въ то же время свободному *внутреннему убѣжденію совѣсти*;

8) государство, олицетворяемое правительствомъ, должно имѣть въ судѣ своего особаго представителя или агента, въ лицѣ *прокурора*—блюстителя законности и органа публичнаго преслѣдованія преступленій;

9) *отдѣльная личность* гражданина, обывателя, должна пользоваться предъ судомъ такимъ положеніемъ, которое вполнѣ *ограждало бы ея законныя права*; отсюда:

а) требованіе, чтобы всякое обвиненіе и всякій искъ, для

признанія перваго и удовлетворенія второго, были доказаны обвинителемъ или истцомъ,

б) стѣсненіе личности для надобностей правосудія только въ случаѣ безусловной въ томъ необходимости,

в) право защиты по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ и право какъ уголовнаго обвиненія, такъ и гражданскаго иска по исключительно или непосредственно затрогивающимъ личность преступнымъ дѣяніямъ,

г) широкое право обжалованія по законнымъ основаніямъ, и, наконецъ,

10) судъ долженъ быть устроенъ такъ, чтобы на первой, мѣстной его ступени находились органы близкіе къ народу и ему доступные, чтобы затѣмъ другія общія инстанціи были сильны не количествомъ, а качествомъ своей организаціи и чтобы на вершинѣ судебной іерархіи стоялъ правительствующій сенатъ, какъ верховный судъ, прямо подвѣдомственный Высочайшей власти.

Вотъ краеугольные камни преобразованія юстиціи, не сдвинутые съ мѣста никакими обстоятельствами или доводами, одинаково цѣнные съ какой бы то ни было точки зрѣнія, вотъ основы, всякому непредубѣжденному и неодностороннему уму понятныя, всѣмъ благомыслящимъ людямъ равно сочувственныя и потому заслуживающія бережной охраны при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ и усовершенствованіяхъ. Начала эти представляютъ прочный и устойчивый фундаментъ, на которомъ должна и можетъ быть основана порученная намъ перестройка зданія судебной части. То будетъ во всякомъ случаѣ почва вполнѣ надежная, не грозящая паденіемъ, достаточно упругая при неизбѣжномъ осѣданіи, но и достаточно твердая, чтобы выдержать невзгоды. Въ перечисленныхъ положеніяхъ уже давно нѣтъ, а въ нѣкоторыхъ и никогда не было ничего отвлеченнаго, теоретическаго, навѣяннаго, подражательнаго. Они составляютъ средній и, повидимому, безспорный итогъ всего того, до чего додумалось человѣчество въ сферѣ правосудія; они, кромѣ того, уже успѣли войти въ плоть и кровь страны, сдѣлались привычнымъ и дорогимъ достояніемъ нашего народа—они образу-

ютъ охранительный, консервативный, если такъ можно выразиться, элементъ нашихъ судебныхъ порядковъ. Форма, способъ, даже размѣры ихъ примѣненія могутъ измѣниться, но ихъ наличность, сущность, духъ должны остаться неприкосновенными и въ этомъ заключается цѣнное преемство, завѣщанное намъ нашими много для Россіи потрудившимися предмѣстниками.

III.

За сохраненіемъ въ нашемъ судебномъ строѣ изложенныхъ основныхъ началъ, въ ихъ границахъ, вполнѣ возможны и настоятельно нужны весьма серьезныя, существенныя улучшенія и видоизмѣненія. Если обобщить ихъ въ томъ видѣ, какъ они поставлены жизнью и отчасти уже сознаны въ предначертаніяхъ правительства, то окажется, что, по содержанію наиболѣе слабыхъ сторонъ нашей судебной области, главныя задачи предпринимаемыхъ въ ней реформъ выразятся въ рядѣ очень внушительныхъ требованій и пожеланій, а именно:

1) Необходимо *объединить* и *согласовать* между собою разрозненныя и разнородныя, иногда другъ другу противорѣчащія, учрежденія и правила судебной части въ ея теперешнемъ состояніи. Около *700* дополнительныхъ о ней узаконеній, изданныхъ послѣ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г., до *12* различныхъ на пространствѣ Имперіи судоустройственныхъ и судопроизводственныхъ порядковъ, до *9* различныхъ типовъ одной мѣстной юстиціи, дѣйствующихъ нерѣдко рядомъ въ разныхъ комбинаціяхъ, крайнее разнообразіе въ подсудности и обжалованіи, принципіально важныя отличія въ устройствѣ судебныхъ мѣстъ, одновременное и совмѣстное существованіе такихъ разнохарактернѣйшихъ судебныхъ институтовъ, какъ кассація, ревизія,—судъ присяжныхъ, судъ выборный, сословный и коронный,—судъ, такъ сказать, чисто судебный и судъ судебно-административный,—слѣдствіе предварительное, производимое слѣдователемъ-судьею и слѣдователемъ-чиновникомъ, слѣдствіе формальное, производимое и слѣдователемъ, и мировымъ судьею и полицейскимъ засѣдателемъ,—адвокатура присяжная

и не присяжная, но патентованная, адвокатура частная, но легальная и адвокатура контрабандная, подпольная, вмѣстѣ съ отсутствіемъ всякой защиты на судѣ,—наконецъ, болѣе или менѣе глубокія измѣненія тѣхъ или другихъ первоначально установленныхъ началъ и учрежденій многоразличными изъятіями, ограниченіями и отступленіями—таковы выдающіеся, выпуклые признаки той чрезвычайной дробности, которая пестритъ нашу судебную организацію. Эти пестроты дошли до такой степени, что, напр., въ сравнительно небольшомъ раіонѣ округа с.-петербургской судебной палаты дѣйствуетъ *8* различныхъ порядковъ отправленія суда. Все это, конечно, явленія совершенно ненормальныя, свидѣтельствующія о нарушеніи всякой системы и полномъ недостаткѣ единства, а потому и громко требующія упорядоченія.

2) Необходимо *упростить* формы и обряды суда и тѣмъ *облегчить* и самое отправленіе его, и пользованіе имъ для всѣхъ и каждаго, какъ средствомъ охраненія, а не обремененія личной и гражданской жизни,—что, къ сожалѣнію, иногда случается въ дѣйствительности. А съ упрощеніемъ и облегченіемъ должны уменьшиться *формализмъ*, легко переходящій въ сухость и бездушіе, *казуистичность*, стремящаяся во что бы то ни стало подводить живые интересы подъ механическую мѣрку предвзятыхъ, тѣсныхъ опредѣленій, особый судебный видъ *бюрократизма*, все трактующаго подъ узкимъ, профессіональнымъ угломъ зрѣнія, который нерѣдко бываетъ одинаково чуждъ и наставленіямъ науки, и указаніямъ жизненнаго опыта, и здравымъ требованіямъ государственной или общественной пользы. Подобныхъ цѣлей, повидимому, можно было бы достигнуть внимательнымъ исправленіемъ всего того, что въ судоустройствѣ и процессѣ, особенно гражданскомъ, есть излишне-обременительнаго, тяжеловѣснаго или фиктивнаго, словомъ, всего того, что загромождаетъ, какъ бы подводными порогами и мелями, широкое русло правосудія.

3) Упрощеніе въ судѣ неразрывно связано съ *ускореніемъ*, такъ какъ, естественно, все болѣе простое и удобное скорѣе совершается, быстрѣе доходитъ до рѣшенія. И хотя нескон-

чаемая волокита дореформенной юстиціи уже давно отошла въ область преданій, но нельзя отрицать, что и теперь еще теченіе судебныхъ дѣлъ въ отношеніи скорости часто оставляетъ желать многаго. Годъ, два для прохожденія гражданскаго и уголовнаго дѣла чрезъ всѣ инстанціи въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, мѣсяцы для движенія въ мѣстной юстиціи дѣлъ, захватывающихъ ближайшія, вседневныя нужды населенія— такіе сроки не составляютъ исключенія, а это, разумѣется, слишкомъ долго для обывателя, который больше всего боится хожденія или *„таскапія“* по судамъ и *„судъ скорый“* даже предпочитаетъ *„суду милостивому“*. Не говоря уже объ окраинахъ, гдѣ всѣ приведенные сроки въ нѣсколько разъ увеличиваются, подрывая тѣмъ въ корнѣ всякое значеніе правосудія, имѣющаго смыслъ лишь какъ возмездіе за неизгладившееся еще зло или какъ возстановленіе не забытаго или не покинутаго еще права. Борьба съ судебною медленностью, иногда подерживаемою физическими непреодолимыми причинами, представляетъ большія затрудненія, но вмѣстѣ съ тѣмъ принятіе противъ нея мѣръ, насколько она обусловливается судебными порядками, есть несомнѣнно одна изъ важнѣйшихъ и благодарнѣйшихъ по общественному значенію законодательныхъ задачъ.

4) Судебные Уставы сдѣлали весьма многое для огражденія и возможнаго примиренія двухъ великихъ интересовъ, сталкивающихся въ судѣ: *интереса общественнаго*, требующаго правильной и дѣйствительной репрессіи преступленій, а также справедливаго разрѣшенія гражданскихъ тяжбъ, и *интереса индивидуальнаго*, законной личной свободы,— требующаго охраны личныхъ и частныхъ правъ до крайнихъ предѣловъ безусловной государственной необходимости въ ихъ стѣсненіи. Но нельзя не признать, что тѣмъ не менѣе такая цѣль закона не всегда была достигнута и въ отдѣльныхъ случаяхъ то общество, то личность не обставлены достаточными гарантіями, иногда, быть можетъ, именно отъ того, что подъ вліяніемъ „чрезмѣрной наклонности къ соглашенію и компромиссу тѣ и другія взаимно нейтрализировали другъ друга, предоставляя слишкомъ большой просторъ произволу практики. Такъ, въ сферѣ гражданскаго

процесса, при неизбѣжномъ преобладаніи состязательнаго начала, тѣмъ не менѣе слышатся небезосновательныя жалобы на недостатокъ самодѣятельности суда, слишкомъ уже пассивно и порою въ ущербъ истинѣ замыкающагося въ условныя рамки усмотрѣнія сторонъ, вслѣдствіе чего въ рѣшеніяхъ иногда отсутствуетъ элементъ нравственный, искусно вытѣсняемый неправдой на формально-законномъ основаніи. Такъ, въ предварительной стадіи уголовнаго процесса, при слѣдствіи, вызываетъ нареканія малое обезпеченіе личной свободы обвиняемаго и правъ потерпѣвшаго отъ произвольныхъ распоряженій слѣдователя; такъ, вообще въ уголовныхъ дѣлахъ приходится считаться съ слабостью репрессивнаго возмездія, съ безнаказанностью преступленій, не раскрытыхъ слѣдствіемъ или отвергнутыхъ оправдательнымъ приговоромъ суда. Относящіяся сюда мѣры принадлежатъ къ числу труднѣйшихъ проблемъ, такъ называемой, судебной политики. Но разъ неудержимою силою вещей онѣ возникли предъ законодателемъ, само собою разумѣется, ни затруднительность, ни сложность ихъ не могутъ воспрепятствовать посильнымъ попыткамъ къ ихъ рѣшенію.

5) Въ заботахъ о независимости суда и о самостоятельности судей Судебные Уставы, съ одной стороны, не вполнѣ ясно согласовали свои опредѣленія объ этихъ предметахъ съ коренными основами нашего государственнаго права, а, съ другой, не снабдили Правительство достаточно сильными и дѣйствительными средствами немедленно устранять изъ судебнаго вѣдомства всякій безпорядокъ при первыхъ его признакахъ. Отсюда—нѣсколько двусмысленное, какъ бы недоговоренное понятіе о судейской несмѣняемости, не замедлившая возникнуть потребность въ его ограниченіи, не всегда практическая постановка судебнаго надзора и отвѣтственности и другія слабыя стороны судебной дисциплины. Отсюда—такъ много навредившая судебному вѣдомству и дѣлу благодарная почва для укоровъ въ кастичной обособленности и тенденціозности, не всегда совпадающей съ взглядами и намѣреніями правительства. И хотя въ этихъ указаніяхъ, несомнѣнно, много есть преувеличеннаго, а многое коренится въ простомъ недоразумѣніи или невѣрномъ

пониманіи, но все-таки есть или, точнѣе, была, а слѣдовательно и впредь можетъ быть нѣкоторая доля фактической подкладки. Поэтому, нужно устранить всякіе къ тому поводы, сдѣлать невозможнымъ или безцѣльнымъ всякое преувеличеніе, разсѣять недоразумѣнія. При этомъ, мнѣ кажется, вовсе не слѣдуетъ опасаться мнимо-щекотливаго или остраго характера этого предмета. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни политическихъ партій, ни ихъ вражды, вліяющей на судъ, а есть лишь государственное правосудіе, отправляемое правительственными учрежденіями отъ имени Императорскаго Величества, что̀ можетъ тамъ быть остраго и щекотливаго признать и ясно, прямо выразить, что и судьи, наравнѣ со всѣми вѣрноподданными слугами отечества, подлежатъ въ томъ или иномъ направленіи дѣйствію непосредственнаго усмотрѣнія Самодержавной Верховной власти и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство должно всегда имѣть возможность быстро водворить въ судѣ нарушенный порядокъ или избавиться отъ недостойныхъ дѣятелей. Пересмотръ и исправленіе принадлежащихъ сюда правилъ должны утвердить на крѣпкомъ основаніи строго правительственный характеръ суда и судебнаго вѣдомства и тѣмъ принести и ему самому, его авторитету и истинной самостоятельности неисчислимую, громаднѣйшую пользу.

6) Ни для кого изъ насъ не тайна, что какъ общій уровень юстиціи, высоко приподнятый при реформѣ въ эпоху нѣкотораго ея идеализированія, такъ въ частности и положеніе личнаго состава нашей магистратуры, нынѣ, по прошествіи 30 лѣтъ, нуждаются въ *поднятіи* на болѣе прочномъ и реальномъ основаніи. Такое поднятіе можетъ и должно быть троякое: *нравственное*—подъемъ профессіональнаго духа и служебныхъ нравовъ, *умственное*—подъемъ образованія, культуры, и *матеріальное*—подъемъ житейскаго благосостоянія.

Нашъ судебный персоналъ въ общемъ, при немногихъ всюду возможныхъ исключеніяхъ, съ честью и удовлетворительно несетъ свою тяжелую и отвѣтственную службу, въ механизмѣ которой, по мѣткому образному выраженію одного изъ славнѣйшихъ нашихъ юристовъ, еще и донынѣ такъ много силъ ухо-

дитъ „*на треніе*“, т.-е. на лишнюю, часто безплодную работу не вполнѣ слаженной машины. Но обстановка, обстоятельства, условія, среди которыхъ онъ дѣйствуетъ, съ каждымъ годомъ становятся все неблагопріятнѣе, и въ немъ самомъ, отчасти подъ внѣшними вліяніями, отчасти и по внутренней недозрѣлости, начинаютъ подкрадываться тревожныя черты. Духъ, бодрость падаютъ, идеалы оскудѣваютъ, ремесленничество растетъ, интересъ къ знанію ослабѣваетъ, развитіе въ застоѣ, а тутъ же рядомъ надвигается имущественная нужда, почти нищета, съ ея безъисходнымъ гнетомъ, при цѣнахъ на существованіе, возрастающихъ такъ же быстро, какъ его потребности. На двѣ тысячи въ годъ не можетъ прожить съ семьею ни судебный слѣдователь, ни членъ окружного суда, а между тѣмъ въ рукахъ у перваго свобода, доброе имя гражданъ, тогда какъ отъ второго зависитъ рѣшеніе ихъ участи. Еще одинъ, другой десятокъ лѣтъ, еще нѣсколько шаговъ въ томъ же направленіи— и трудно предугадать, къ чему приведетъ это движеніе, во всякомъ случаѣ не вверхъ, а внизъ и въ сторону. Какъ бы то ни было, хорошаго здѣсь ждать нечего и равнодушно относиться къ этому нельзя уже по одному тому, что не окрѣпшее, недавно созданное судебное сословіе, еще не успѣвшее выработать традицій, есть растеніе, требующее свѣта, воздуха и самаго тщательнаго ухода. А вѣдь каковы судьи—таковъ и судъ: вотъ почему я придаю серьезнѣйшее значеніе мѣрамъ къ поднятію магистратуры въ указанномъ троякомъ отношеніи и, будучи глубоко убѣжденъ въ полной возможности этого достигнуть разумною комбинаціею административнаго воздѣйствія и законодательнаго, въ особенности же *штатнаго*, улучшенія, смѣло предлагаю эту нелегкую, но въ высшей степени симпатичную, задачу на обсужденіе и рѣшеніе коммиссіи.

7) Длинный рядъ назрѣвшихъ и болѣе или менѣе настоятельныхъ вопросовъ судебнаго переустройства, примыкая къ тѣмъ или другимъ общимъ ея задачамъ, ближайшимъ образомъ касается *отдѣльныхъ судебныхъ институтовъ* или различныхъ предметовъ учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ судопроизводства. Это всѣ тѣ судебные дефекты, на ко-

торые за много лѣтъ послѣдовательно указывали наблюденія надъ жизнью и выводы практики, а подъ воздѣйствіемъ ихъ нерѣдко и наука вмѣстѣ съ серьезными произведеніями юридической печати. Подобные вопросы, по большей части, по самому существу своему, тѣсно между собою связанные, требуютъ совокупнаго и совмѣстнаго всесторонняго изслѣдованія и разрѣшенія для того, чтобы вновь не повторять опыта безсистемныхъ и случайныхъ, разрозненныхъ поправокъ. Поэтому не только предметы такого рода должны быть внимательно сопоставлены въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ и въ томъ значеніи, которое каждый изъ нихъ имѣетъ въ общей судебной системѣ, но даже должно быть пересмотрѣно или перебрано все, между ними находящееся, для того, чтобы зданіе, при капитальномъ его ремонтѣ, вышло стройнымъ и цѣльнымъ, безъ подпорокъ и заплатъ, съ прочнымъ и правильнымъ сцѣпленіемъ частей. Никто, конечно, не станетъ колебать и даже трогать того, что̀ стоитъ крѣпко, привилось, пустило корни, приноситъ добрые плоды,—рѣчь идетъ лишь о томъ, чтобы въ этомъ убѣдиться, а затѣмъ осторожнымъ изслѣдованіемъ и исправленіемъ стремиться къ тому положенію вещей, при которомъ постепенно весь судебный строй могъ бы получить органическую, такъ сказать, монолитную, крѣпость несокрушимаго и благодѣтельнаго оплота народной жизни.

8) Есть еще одна основная потребность или задача устройства суда вообще, которая должна явиться необходимымъ условіемъ нашихъ будущихъ предположеній. Потребность эта—*удешевленіе* юстиціи и притомъ двухстороннее: уменьшеніе или, по крайней мѣрѣ, ограниченіе расходовъ казны на судъ, съ каждымъ годомъ возрастающихъ, и возможное сокращеніе судебныхъ издержекъ, сопряженныхъ для обывателя со всякимъ обращеніемъ къ суду. Какъ бы ни были велики надобности судебнаго вѣдомства, желательно не распространять чрезмѣрно и теперь уже весьма значительныхъ расходовъ на ихъ удовлетвореніе. Желательно, поэтому, при проектированномъ измѣненіи въ судебномъ строѣ изыскивать источники, по возможности не слишкомъ выходя изъ его теперешняго бюджета, прежде всего

путемъ сокращенія всего излишняго и употребленія освобождающихся суммъ на нужды, дѣйствительно неотложныя и вопіющія, какъ, напримѣръ, по увеличенію скудныхъ окладовъ судейскаго содержанія. Я знаю, что это пріемъ не легкій и не совсѣмъ обычный, но я считаю его для насъ нравственно обязательнымъ и притомъ единственно достойнымъ и разумнымъ. Далекій отъ мысли отступать отъ настоянія на средствахъ тамъ, гдѣ безъ нихъ не можетъ быть совершено дѣло необходимое, серьезное и полезное, я заранѣе рѣшаюсь выразить увѣренность въ просвѣщенномъ содѣйствіи финансоваго вѣдомства всякому благому начинанію, даже если бы оно потребовало нѣкоторыхъ, особенно временныхъ, пожертвованій, которыя впослѣдствіи, съ улучшеніемъ суда, какъ важнаго экономическаго фактора, сами собою окупятся. Но именно возможность разсчитывать въ крайнемъ случаѣ на помощь Государственнаго Казначейства побуждаетъ насъ отнестись съ особою щепетильною бережливостью къ каждому новому расходу: каждый рубль его, извлекаемый изъ государственнаго и народнаго достатка, долженъ быть оправданъ настоятельною, строго обдуманною необходимостью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя дороговизною суда для гражданъ мы страдаемъ гораздо меньше, чѣмъ многіе изъ нашихъ весьма культурныхъ западныхъ сосѣдей, нелишнее было бы по меньшей мѣрѣ точно установить размѣры и упорядочить взиманіе этихъ косвенныхъ судебныхъ сборовъ, не легкихъ уже потому, что они, какъ ихъ ни мотивировать, все-таки плата за пользованіе закономъ и справедливостью. Чѣмъ дешевле судъ обходится государству и частнымъ лицамъ, конечно, безъ вреда для правильности его организаціи и дѣятельности, тѣмъ онъ доступнѣе, а чѣмъ хорошій судъ доступнѣе, тѣмъ менѣе сутяжничества, тѣмъ больше правды, мира и лада въ общежитіи.

9) Приведенный мною бѣглый перечень главнѣйшихъ общихъ задачъ нашей коммиссіи былъ бы не полонъ, если бы я не упомянулъ, хотя вскользь, объ *историческомъ* въ нихъ элементѣ. При несомнѣнномъ его значеніи во всякой трезвой и обдуманной законодательной работѣ мы погрѣшили бы противъ своего призванія, не отведя въ ней подобающаго мѣста этому эле-

менту, какъ живой связи настоящаго съ прошедшимъ. Обыкновенно принято ограничивать проявленіе его въ существующемъ судебномъ строѣ двумя моментами: то, что было непосредственно предъ судебною реформою 1864 г., и то, что наступило послѣ нея,—какъ будто все, что было раньше, уже потеряло всякое право на вниманіе. Это или фактическая ошибка, или высокомѣрная, но близорукая самонадѣянность современной культуры, или простое недоразумѣніе, или все это, вмѣстѣ взятое. Не историческое прошлое нашего суда осуждено судебною реформою, а его несоотвѣтствіе требованіямъ времени и неудовлетворительная практика, уже не устранимая безъ коренного преобразованія. Правда, составителямъ Судебныхъ Уставовъ, отчасти по ихъ настроенію, отчасти по отсутствію въ тогдашнихъ порядкахъ годныхъ образцовъ, приходилось работать то творчески, то подражательно въ отношеніи Запада, но и они не отрицали преемственной силы стародавнихъ учрежденій. Изъ многихъ соображеній, послужившихъ мотивами къ уставамъ, видно, что даже для оправданія такихъ крупныхъ нововведеній, какими явились у насъ судъ присяжныхъ, выборная мировая юстиція и нѣкоторые другіе институты, понадобились ссылки на судныя историческія традиціи русскаго народа. Желаніе не обходить, не игнорировать ихъ было настолько сильно, что между прочимъ именно по поводу судебной реформы 1864 г. оно нашло себѣ выраженіе въ извѣстномъ обращеніи московскихъ старообрядцевъ въ ихъ всеподданнѣйшемъ адресѣ къ почившему Царю-Преобразователю: „*Въ Твоихъ новизнахъ, Государь, намъ старина наша слышится*“... Не въ правѣ и мы уклониться отъ справокъ съ нашей судебной исторіей, хотя бы для того, чтобы воспользоваться ея уроками и по возможности сообщить нашимъ судебнымъ учрежденіямъ болѣе національный, почвенный характеръ. Между нами и нашими будущими сотрудниками найдутся, я надѣюсь, лица, которыя не откажутъ заняться и этою стороною дѣла и тѣмъ расширить самое основаніе нашихъ трудовъ.

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ наша задача по пересмотру законоположеній по судебной части вообще сведется въ

сущности къ двумъ предметамъ, а именно: а) къ объединенію дѣйствующихъ нынѣ разнородныхъ судебныхъ учрежденій и порядковъ и б) къ разработкѣ ихъ улучшеній и измѣненій, вызываемыхъ практическими потребностями государственнаго и народнаго быта.

IV.

Переходя затѣмъ къ болѣе детальной программѣ нашихъ занятій въ кругѣ указанныхъ задачъ, нельзя не замѣтить, что программа эта теперь можетъ быть очерчена лишь приблизительно содержаніемъ выдающихся вопросовъ судебной части, обратившихъ уже на себя вниманіе правительства и серьезной общественной мысли. Въ настоящее время предъ начатіемъ пересмотра уставовъ слѣдуетъ намѣтить, въ главныхъ чертахъ, только проектъ его программы, которая разовьется, дополнится или измѣнится при самомъ ходѣ работъ по вытекающимъ изъ нихъ указаніямъ. Во всякомъ случаѣ, по свойству названныхъ вопросовъ, для наглядности, они могутъ быть сгруппированы въ нѣсколько большихъ отдѣловъ судебной части.

Первый изъ нихъ должны составить всѣ вопросы, касающіеся устройства и дѣятельности *мѣстныхъ судебныхъ установленій*. Этотъ отдѣлъ выдѣляется изъ числа прочихъ въ особый по чрезвычайной сложности и важности предмета, затрогивающаго вседневные насущные нужды и интересы мѣстнаго и преимущественно сельскаго населенія. Здѣсь прежде всего возникаетъ вопросъ: 1) О согласованіи и объединеніи между собою всѣхъ многоразличныхъ институтовъ мѣстной юстиціи: а) судебной части судебно-административныхъ учрежденій по закону 12 іюля 1889 г., б) мирового суда выборнаго въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ, в) мирового суда по назначенію отъ правительства, дѣйствующаго по различнымъ основаніямъ въ разныхъ мѣстностяхъ, каковы: Прибалтійскія и Привислянскія губерніи, сѣверо-западный и юго-западный край, Архангельская и Вологодская губерніи, Кавказъ, Туркестанъ и Степныя области, и г) сибирскихъ окружныхъ судовъ прежняго

устройства. 2) Далѣе, не окажется ли возможнымъ выработать для всей Россіи такой средній общій типъ мѣстнаго ближайшаго къ населенію суда, который, удовлетворяя потребностямъ губерній, управляемыхъ на общемъ основаніи, въ то же время былъ бы настолько эластиченъ и удобенъ, что его можно было бы примѣнить, съ нѣкоторыми частными измѣненіями, и къ окраинамъ? 3) Не нужно ли въ связи съ этимъ существенно измѣнить постановку судебной части въ новыхъ судебно-административныхъ учрежденіяхъ, въ смыслѣ разграниченія вѣдомствъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи? 4) Не должна ли мѣстная юстиція представлять собою первую низшую судебную единицу, обнимающую и собственно судъ по дѣламъ менѣе значительнымъ, и участіе въ судѣ по дѣламъ болѣе важнымъ, и слѣдственную часть, и охранительное производство, и нотаріальное дѣло, и всѣ вообще функціи такъ называемаго судебнаго управленія? 5) Нельзя ли, согласовавъ и объединивъ между собою различныя судопроизводственныя для мѣстнаго суда правила, сдѣлать ихъ болѣе простыми и удобными въ ихъ непрестанномъ житейскомъ примѣненіи? 6) Въ какихъ отношеніяхъ должна находиться мѣстная юстиція къ судебной власти, предоставленной мѣстнымъ административнымъ учрежденіямъ, и къ суду волостному или ему соотвѣтствующимъ (гминному, крестьянскому, станичному)? 7) Какъ надлежитъ организовать высшую надъ мѣстнымъ судомъ инстанцію и надзоръ за нимъ, и насколько пригоденъ въ этомъ отношеніи теперешній кассаціонный порядокъ производства?—Вотъ вопросы, подлежащіе обсужденію и разрѣшенію коммиссіи по отдѣлу мѣстной юстиціи, который соприкасается со всѣми другими частями судебнаго строя, съ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, но представляетъ среди нихъ нѣчто самостоятельное и цѣлое и потому требуетъ спеціальной разработки.

Второй отдѣлъ нашихъ будущихъ работъ касается предметовъ собственно *судоустройства* въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. не имѣющихъ къ судопроизводству столь прямого и тѣснаго соотношенія, что ихъ нельзя было бы разсматривать внѣ его правилъ и учрежденій. Сюда принадлежатъ слѣдующіе главные вопросы:

1) о болѣе правильномъ и точномъ опредѣленіи судейской независимости и въ частности несмѣняемости, другими словами, пересмотръ ст. 243 учр. суд. уст.; 2) о возможныхъ измѣненіяхъ въ устройствѣ и составѣ общихъ судебныхъ установленій. между прочимъ въ отношеніи коллегіальности суда, съ цѣлью: а) изыскать источникъ для увеличенія содержанія судебныхъ чиновъ и б) вообще упростить судебную организацію; 3) въ частности—объ основаніяхъ упомянутаго увеличенія окладовъ, въ томъ числѣ и о періодическихъ къ нимъ прибавкахъ; 4) объ установленіи предѣльнаго возраста службы въ судебномъ вѣдомствѣ; 5) объ измѣненіяхъ въ порядкѣ надзора и дисциплинарной отвѣтственности по судебному вѣдомству, въ цѣляхъ большей дѣйствительности этого порядка, а также скорости и удобства его осуществленія; 6) о составленіи общаго наказа судебнымъ мѣстамъ; 7) о преобразованіи коммерческихъ судовъ въ отдѣленія окружныхъ судовъ (по торговой подсудности); 8) объ измѣненіяхъ въ организаціи: а) адвокатуры, б) нотаріальныхъ учрежденій и в) исполнительныхъ учрежденій, т.-е. судебныхъ приставовъ и проч.; 9) о болѣе цѣлесообразной постановкѣ кандидатуры на судебныя должности; 10) о болѣе точномъ опредѣленіи и нѣкоторомъ расширеніи правъ и обязанностей прокурорскаго надзора по наблюденію за охраненіемъ законовъ.

Затѣмъ многіе судоустройственные вопросы, по неразрывной органической ихъ связи съ предположеніями объ улучшеніи *судопроизводства*, должны быть затронуты и разсмотрѣны вмѣстѣ съ ними. Эти же послѣднія, по роду процесса, распадаются на два отдѣла: *уголовныя* и *гражданскія*, но между ними, въ томъ и другомъ отдѣлѣ, есть имѣющія общій характеръ и относящіяся одинаково къ обѣимъ процессуальнымъ отраслямъ, а въ то же время касающіяся и судоустройства. Таковы вопросы: 1) объ измѣненіи, съ цѣлью единообразія и упрощенія, общаго порядка подсудности инстанцій; 2) объ измѣненіи кассаціоннаго производства введеніемъ въ него ревизіоннаго начала и нѣкоторыми другими практическими мѣропріятіями, въ связи съ вопросами: а) о наилучшемъ устройствѣ

кассаціонной инстанціи и состоящей при ней канцеляріи и б) о силѣ и значеніи кассаціонныхъ рѣшеній; 3) о порядкѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія исключительныхъ судебныхъ дѣлъ, по которымъ, вслѣдствіе ихъ особенностей, должно послѣдовать выраженіе Монаршей воли; 4) объ уменьшеніи вообще судебныхъ издержекъ казны и частныхъ лицъ, и 5) о преобразованіи порядка производства дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами казны, или, такъ называемыхъ, дѣлъ казеннаго управленія.

Далѣе, въ частности по *третьему отдѣлу, уголовнаго судопроизводства*, вниманіе и труды коммиссіи должны быть привлечены цѣлымъ рядомъ капитальныхъ предметовъ и вопросовъ нашего карательнаго правосудія въ его настоящемъ состояніи, а именно: 1) объ улучшеніи слѣдственной части системою цѣлесообразныхъ мѣръ, которыя способствовали бы устраненію хотя главнѣйшихъ недостатковъ нынѣшнихъ слѣдствій и первоначальныхъ полицейскихъ розысковъ; 2) объ измѣненіи порядка обвинительнаго производства, т.-е. производства по прекращенію дѣлъ и по преданію суду; 3) о всестороннемъ изслѣдованіи дѣятельности суда присяжныхъ и о мѣрахъ, которыя изъ этого изслѣдованія должны возникнуть, съ цѣлью упорядоченія участія въ судѣ общественнаго элемента, 4) объ основаніяхъ, предѣлахъ и порядкѣ представленія уголовной защиты; 5) объ ускореніи и упрощеніи производства дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ противъ общественной безопасности, благоустройства, благочинія или о порядкѣ суда по такъ называемымъ полицейскимъ нарушеніямъ; 6) объ измѣненіи порядка преюдиціальнаго производства по уголовнымъ дѣламъ; 7) о расширеніи и измѣненіи участія частныхъ лицъ въ уголовномъ преслѣдованіи и объ измѣненіи порядка производства дѣлъ частнаго обвиненія; 8) объ измѣненіи порядка возобновленія уголовныхъ дѣлъ, разрѣшенныхъ вошедшими въ законную силу приговорами; 9) о вознагражденіи лицъ, невинно къ суду привлеченныхъ; 10) о пересмотрѣ порядка особой подсудности нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлъ судебнымъ палатамъ съ участіемъ сословныхъ представителей; 11) объ измѣненіяхъ въ особомъ порядкѣ производства нѣкоторыхъ уголовныхъ дѣлъ (о

государственныхъ преступленіяхъ, о преступленіяхъ должности и о преступленіяхъ печати), и 12) уголовно-процессуальные вопросы, возбуждаемые проектомъ новаго уголовнаго уложенія.

Наконецъ, по *отдѣлу четвертому, судопроизводства гражданскаго*, предъ коммиссіей предстанутъ прежде всего два большихъ и общихъ вопроса: 1) о возможныхъ сокращеніяхъ и упрощеніяхъ въ ходѣ и формальностяхъ гражданскаго процесса и 2) о такихъ измѣненіяхъ въ его порядкѣ и основаніяхъ, которыя облегчили бы суду гражданскому: а) стремленіе къ выясненію и признанію, насколько по свойству гражданскихъ дѣлъ возможно, дѣйствительной или матеріальной истины и б) болѣе широкое примѣненіе принципа нравственной справедливости къ судебной оцѣнкѣ гражданскихъ правоотношеній. Независимо отъ этого должны возникнуть также и вопросы: 3) о степени практической пригодности вновь введеннаго порядка упрощеннаго производства по нѣкоторымъ дѣламъ; 4) о пересмотрѣ постановленій по предмету исполненія судебныхъ рѣшеній, и 5) о пересмотрѣ правилъ охранительнаго производства.

Позволяю себѣ повторить еще разъ, что сдѣланный перечень—только примѣрный и приблизительный. Онъ можетъ быть дополненъ по иниціативѣ каждаго изъ гг. членовъ постановленіемъ коммиссіи или распоряженіемъ ея предсѣдателя. Поэтому я прошу высказать замѣчанія по поводу программы нашихъ занятій, отнюдь не стѣсняясь названными мною предметами. Пусть войдетъ въ нее все, что̀ можетъ послужить къ объединенію и улучшенію нашей судебной части, и пусть окончательная редакція нашей программы будетъ дѣломъ нашего общаго, совокупнаго сотрудничества.

V.

Сколько бы, впрочемъ, ни оказалось подобныхъ дополненій, они естественно распредѣляются по намѣченнымъ группамъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію коммиссіи, сообразно чему и самую коммиссію я предложилъ бы раздѣлить на четыре подкоммиссіи или отдѣла: *1) мѣстныхъ судебныхъ установленій*,

2) судоустройства, 3) уголовнаго судопроизводства и *4) судопроизводства гражданскаго*. Въ составъ каждаго изъ этихъ отдѣловъ должны войти предсѣдатель, для руководства работами, и отъ 3 до 5 членовъ, при чемъ внѣ этого постояннаго распредѣленія я просилъ бы оставить меня и Н. М. Бутовскаго—по нашимъ служебнымъ обязанностямъ и для предоставленія намъ возможности стоять, такъ сказать, въ центрѣ всѣхъ вообще работъ коммиссіи. По просьбѣ моей изъявили согласіе принять на себя предсѣдательствованіе въ отдѣлахъ: въ *первомъ*, мѣстныхъ судебныхъ установленій,—*И. Л. Горемыкинъ*; во *второмъ*, судостройства, *Н. Н. Шрейберъ*; въ *третьемъ*, уголовнаго судопроизводства, —*Н. С. Таганцевъ*, и въ *четвертомъ*, гражданскаго судопроизводства,—*С. И. Лукьяновъ*.

Что же касается до распредѣленія по отдѣламъ гг. членовъ, то я усердно просилъ бы придти по этому поводу къ взаимному соглашенію, при которомъ имѣть лишь въ виду: 1) что для пользы дѣла мнѣ представлялось бы особенно желательнымъ видѣть въ составѣ отдѣла мѣстныхъ установленій А. С. Стишинскаго, какъ управляющаго земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и въ составѣ отдѣла судоустройства В. Р. Завадскаго, какъ завѣдывающаго въ министерствѣ юстиціи всѣми вопросами судебной дисциплины и личнаго состава и кромѣ того много поработавшаго надъ проектомъ общаго наказа судебнымъ мѣстамъ; 2) что участіе представителей министерства финансовъ было бы особенно полезно въ первыхъ трехъ отдѣлахъ: мѣстныхъ установленій, судоустройства и уголовнаго судопроизводства, — такъ какъ въ этихъ отдѣлахъ возникнетъ наиболѣе серьезныхъ финансовыхъ вопросовъ.

По смыслу Высочайшаго повелѣнія дѣлопроизводство нашей коммиссіи возложено на юрисконсультскую часть, почему и во главѣ ея станетъ ея начальникъ *С. С. Манухинъ*, съ назначеніемъ дѣлопроизводителями отдѣловъ его ближайшихъ сотрудниковъ по юрисконсультской части, а именно: въ первый—*А. А. Хвостова*, въ третій *И. А. Котляревскаго*, въ четвертый *В. И. Куницкаго*; во второмъ же отдѣлѣ дѣлопроиз-

водство *С. С. Манухина* принялъ на себя, при помощи *А. Н. Веревкина*.

Было бы весьма желательно, чтобы, на случай необходимости замѣнить предсѣдателя отдѣла и для непосредственнаго содѣйствія ему по руководству работами, въ каждомъ отдѣлѣ одинъ изъ гг. членовъ, по общему ихъ согласію, принялъ на себя постоянное исполненіе этихъ обязанностей, въ качествѣ, такъ сказать, товарища предсѣдателя или непремѣннаго члена. Эта регламентація можетъ показаться лишнею, но я прошу замѣтить, что отъ практической правильности и опредѣленности организаціи нашей коммиссіи, имѣющей дѣйствовать довольно продолжительное время, въ значительной степени зависитъ успѣхъ дѣла.

Сверхъ гг. членовъ, назначенныхъ въ коммиссію, по Высочайшей волѣ, п. 1 Высочайшаго повелѣнія отъ 7 апрѣля, мнѣ предоставлено приглашать въ составъ ея, на правахъ членовъ, всѣхъ тѣхъ лицъ, участіе которыхъ въ нашихъ трудахъ будетъ признано полезнымъ по ихъ служебному положенію, научнымъ знаніямъ или практической опытности. Спѣшу доложить, что я предполагаю широко воспользоваться этимъ правомъ для привлеченія къ нашимъ трудамъ всѣхъ живыхъ и цѣнныхъ силъ, не стѣсняясь при этомъ различіемъ или оттѣнкомъ взглядовъ на судебные вопросы, если только взгляды эти — добросовѣстные и разумные, основанные на личномъ изученіи дѣла, проникнутые желаніемъ искренно послужить ему. Зная, что именно изъ столкновенія различныхъ мнѣній легче всего выступаетъ истина, мы не побоимся даже никакихъ крайностей, если бы онѣ и оказались въ мнѣніяхъ. Коммиссія сумѣетъ разобраться въ самыхъ разнородныхъ данныхъ и отдѣлить нужное и доброе отъ плевелъ А чѣмъ матеріалъ будетъ обширнѣе и разнообразнѣе и отношеніе къ нему безпристрастнѣе и объективнѣе, тѣмъ ходъ работы и результатъ ея будетъ тверже, тѣмъ больше свѣту можетъ она пролить на дѣло правосудія. Въ многоразличныхъ сферахъ и профессіяхъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ судебною жизнью, окажется, безъ сомнѣнія, не мало лицъ, обладающихъ полезными для насъ свѣдѣніями

и готовыхъ подѣлиться ими на благо общее. Необходимо лишь найти этихъ людей и надлежащимъ образомъ распорядиться ихъ содѣйствіемъ. Приглашеніе временныхъ членовъ коммиссіи можетъ происходить по соглашенію со мною предсѣдателей отдѣловъ, при чемъ въ дѣлопроизводствѣ нашемъ будетъ имѣться общій списокъ дѣятелей, предположительно намѣченныхъ съ указанною цѣлью. Во время участія своего въ трудахъ того или другого отдѣла положеніе этихъ временныхъ членовъ не должно бы ничѣмъ отличаться отъ положенія членовъ постоянныхъ: та же возможность возлагать на нихъ отдѣльныя работы и то же право голоса при разсмотрѣніи ихъ какъ въ отдѣлѣ, такъ и въ собраніи всей коммиссіи.

Долголѣтній и многосторонній опытъ подготовительныхъ законодательныхъ трудовъ убѣждаетъ въ томъ, что труды эти, не будучи заранѣе поставлены въ болѣе или менѣе опредѣленныя рамки въ отношеніи времени или срока ихъ окончанія, легко затягиваются и, становясь какъ бы хроническими, тѣмъ самымъ отодвигаютъ удовлетвореніе вызвавшихъ ихъ потребностей куда-то вдаль, въ туманное и неизвѣстное будущее. Мнѣ представлялось бы весьма желательнымъ избѣжать этой опасности при исполненіи нашей жизненной и настоятельной задачи и съ этою цѣлью непремѣнно обставить ее примѣрнымъ, хотя бы трехлѣтнимъ срокомъ. Я вовсе не думаю спѣшить, форсировать работу въ ущербъ ея основательности и зрѣлости; напротивъ, мы должны приложить всѣ наши старанія, чтобы она была какъ можно болѣе обдуманно и тщательно исполнена. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я полагаю, что при усердномъ и усиленномъ трудѣ цѣль его могла бы быть достигнута примѣрно въ три года, считая со времени начатія дѣйствительнаго разсмотрѣнія вопросовъ, т.-е. съ осени нынѣшняго 1894 года, послѣ чего работы коммиссіи должны быть готовы для внесенія на законодательное утвержденіе. Этотъ срокъ придастъ нашимъ занятіямъ большую опредѣлительность и живость; жизнь не любитъ торопливости въ рѣшеніи ея вопросовъ, но за-то она и не ждетъ медлителей и опережаетъ ихъ быстрою смѣною своихъ явленій. Не будемъ отставать отъ ея насущ-

ныхъ требованій—тогда мы овладѣемъ ея теченіемъ, насколько это окажется необходимымъ для пользы порученнаго намъ дѣла.

На всякое серьезное начинаніе, сопряженное съ исключительною затратою силъ, необходимы, кромѣ личныхъ средствъ, еще и средства матеріальныя—нужны деньги, спеціально предназначенныя для надобностей предпринятаго дѣла. Въ данномъ случаѣ предстоитъ рядъ довольно значительныхъ расходовъ по подготовленію, собиранію и печатанію матеріаловъ, на вознагражденіе лицамъ, приглашеннымъ для занятій въ коммиссію сверхъ ихъ прямыхъ обязанностей, на путевое и суточное довольствіе чиновъ судебнаго вѣдомства, которые могутъ быть вызваны съ этою цѣлью въ С.-Петербургъ, и на другія тому подобныя нужды, трудно предвидимыя заранѣе. За совершеннымъ отсутствіемъ свободныхъ источниковъ въ ограниченномъ бюджетѣ министерства юстиціи, едва удовлетворяющемъ нормальнымъ его потребностямъ, пришлось, съ Высочайшаго соизволенія, обратиться къ помощи казны. Благодаря отзывчивости и сочувствію министерства финансовъ, потребными на настоящій годъ средствами мы уже обезпечены и есть надежда на ассигнованіе ихъ впослѣдствіи, при чемъ, конечно, мы будемъ тратить ихъ съ раціональною производительностью. Свои заявленія о необходимыхъ издержкахъ изъ этихъ суммъ гг. предсѣдатели отдѣловъ коммиссіи благоволятъ обращать ко мнѣ или непосредственно, или черезъ С. С. Манухина, какъ завѣдывающаго всѣмъ нашимъ дѣлопроизводствомъ.

Кромѣ матеріальныхъ средствъ, коммиссія будетъ располагать и важнымъ орудіемъ печати. Не говоря уже о томъ, что сенатская типографія открыта для изготовленія всѣхъ подготовительныхъ пособій и затѣмъ трудовъ коммиссіи, мы будемъ имѣть для ея цѣлей и помощь особаго печатнаго органа. Въ министерствѣ юстиціи существуетъ близкое къ осуществленію предположеніе о возобновленіи съ осени этого года изданія „*Журнала Министерства Юстиціи*“. На время дѣйствія нашей коммиссіи журналъ этотъ долженъ быть главнымъ образомъ посвященъ именно ея задачамъ и трудамъ; чрезъ его посредство судебный міръ будетъ получать вѣрныя и обстоятельныя свѣ-

дѣнія о столь сильно занимающей его дѣятельности по пересмотру законовъ о немъ и въ свою очередь можетъ печатными статьями и замѣтками своихъ представителей принимать ближайшее участіе въ обмѣнѣ мыслей, вызываемыхъ этою дѣятельностью.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о внѣшнемъ планѣ или, точнѣе, о порядкѣ работъ коммиссіи. Предметъ этотъ опредѣляется прежде всего самымъ ея назначеніемъ быть коммиссіею *пересмотра* судебнаго законодательства. По логическому и общеупотребительному понятію о пересмотрѣ онъ есть изслѣдованіе съ цѣлью выяснить, что̀ хорошо, что̀ плохо, и съ тѣмъ, чтобы хорошее сохранить, а плохое замѣнить инымъ, вновь выработаннымъ, и притомъ такъ, чтобы старое, остающееся было стройно и органически соединено съ новымъ. Отсюда всякій пересмотръ, и нашъ въ томъ числѣ, заключаетъ въ себѣ два главныхъ момента: 1) *изслѣдованіе* вопросовъ и 2) *законодательная* ихъ *разработка*. Къ *первому* моменту изслѣдованія относится: собираніе и систематизированіе матеріаловъ для разъясненія вопросовъ, настолько всестороннее, чтобы изъ собраннаго матеріала можно было сдѣлать положительные выводы. Ко *второму* моменту принадлежитъ уже самое составленіе, на основаніи этихъ выводовъ, подлежащихъ законопроектовъ, при чемъ и здѣсь слѣдуетъ отличать двѣ стадіи: а) выработку основныхъ положеній и б) проектированіе текста будущихъ узаконеній уже прямо въ кодифицированномъ видѣ. Въ нашей работѣ первый моментъ,—изслѣдованіе вопросовъ,—всецѣло относится къ вѣдѣнію соотвѣтствующихъ отдѣловъ коммиссіи, при дѣятельномъ, въ чемъ окажется нужнымъ, участіи центральныхъ органовъ министерства юстиціи. Собираніе матеріаловъ должно быть широкое, охватывающее вопросы со всѣхъ сторонъ, исчерпывающее ихъ до глубины. Сюда войдутъ: а) всѣ данныя, которыми уже располагаетъ министерство, статистическія и иныя; исполненные уже по отдѣльнымъ предметамъ, подготовительно-законодательные труды; поступившія указанія практиковъ; отзывы судебныхъ установленій и другихъ вѣдомствъ; данныя о произведенныхъ ревизіяхъ; выводы сенатской практики, и пр.; б) запросы по заранѣе намѣ-

ченнымъ пунктамъ, извлеченнымъ изъ содержанія программы; эти запросы необходимо заблаговременно разослать всѣмъ компетентнымъ судебнымъ и административнымъ установленіямъ и должностнымъ лицамъ, а отчасти распубликовать для того, чтобы всѣ интересующіяся дѣломъ лица, не исключая и частныхъ, могли доставить въ коммиссію свои наблюденія и замѣчанія; в) указанія, извлеченныя изъ довольно обширной отечественной литературы по судебнымъ вопросамъ за истекающее тридцатилѣтіе, для чего нашимъ дѣлопроизводствомъ уже предпринято изготовленіе систематическаго указателя по русской судебной библіографіи, и г) свѣдѣнія по иностраннымъ законодательствамъ и о ихъ примѣненіи, насколько это можетъ имѣть значеніе для нашихъ бытовыхъ условій. Когда изъ подготовленнаго такимъ образомъ матеріала будутъ сдѣланы извѣстные, вполнѣ объективные логическіе выводы, въ виду ихъ должны быть выработаны отдѣломъ основныя положенія по каждому вопросу, составляющему одно цѣлое, или по цѣлой группѣ связанныхъ между собою вопросовъ, относящейся къ той или другой части законодательства. Положенія эти или тезисы, съ необходимою ихъ мотивировкою, вносятся затѣмъ въ коммиссію въ полномъ ея собраніи или, смотря по обстоятельствамъ, въ составѣ двухъ-трехъ отдѣловъ и затѣмъ, по разсмотрѣніи и утвержденіи, вновь возвращаются въ выработавшій ихъ отдѣлъ коммиссіи, который уже приступаетъ къ составленію по нимъ самыхъ законопроектовъ. Эти послѣдніе по мѣрѣ изготовленія представляются также на обсужденіе всей коммиссіи, гдѣ они подвергаются совокупному соображенію и получаютъ окончательную редакцію, въ томъ видѣ, въ какомъ они должны поступить на уваженіе государственнаго совѣта. Во всѣхъ этихъ фазисахъ и стадіяхъ работъ можетъ явиться надобность: а) въ сообщеніи основныхъ положеній или законопроектовъ на заключеніе различныхъ вѣдомствъ, б) въ истребованіи по тѣмъ же трудамъ отзывовъ свѣдущихъ лицъ и установленій должностныхъ или общественныхъ и в) въ опубликованіи, полностью или частями, тѣхъ предположеній, по которымъ не безполезно вызвать гласное обсужденіе въ печати и поступленіе заявленій со стороны

частныхъ лицъ. Упоминая о печати, не преувеличивая, но и не уменьшая ея значенія, я хотѣлъ бы отвести ей въ нашей дѣятельности подобающее мѣсто. Съ пренебрежительнымъ отвращеніемъ относясь ко всему, что отзывается рекламою, мы не станемъ давать пищи для празднаго любопытства или легкомысленной полемики. Крупное государственное дѣло не нуждается въ печатномъ шумѣ и требуетъ серьезной сдержанности и достоинства, даже и во всѣхъ внѣшнихъ его пріемахъ. Но нельзя или, вѣрнѣе, безполезно скрывать отъ общества то, что, касаясь интересовъ всѣхъ и каждаго, какъ въ дѣлѣ правосудія, естественно привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе и потому, не будучи оглашено, возбуждаетъ самые разнорѣчивые и превратные толки и гаданія. Гораздо благоразумнѣе, по моему мнѣнію, насколько возможно, сообщать имъ болѣе правильное направленіе или, по крайней мѣрѣ, открыто, офиціозно намѣчать истинныя черты, представлять свѣдѣнія, внѣ которыхъ все печатаемое въ частныхъ изданіяхъ являлось бы сомнительнымъ и недостовѣрнымъ по источнику. А потому—будущій „Журналъ Министерства Юстиціи“ для болѣе пространныхъ изложеній, „Правительственный Вѣстникъ“ для краткихъ сообщеній, время отъ времени, и никакихъ „внушенныхъ“ статей въ частныхъ органахъ; въ общемъ раза два, три въ годъ оповѣщенія читающей публики о ходѣ работъ нашей коммиссіи—такова, смѣю думать, скромная и умѣренная, но не безполезная схема нашихъ отношеній къ печати, какъ проводнику гласности, съ ея большимъ и несомнѣннымъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и обоюдоострымъ, значеніемъ.

Для наиболѣе удобнаго движенія работъ по пересмотру узаконеній по судебной части, для соблюденія возможно большей экономіи труда и времени важно опредѣлить заранѣе, въ какую именно форму должны вылиться конечные результаты этихъ работъ. Такая форма прямо указывается самымъ ея предметомъ: это новое изданіе *Судебныхъ Уставовъ, составленныхъ по повелѣнію Императора Александра II и пересмотрѣнныхъ по повелѣнію Императора Александра III.* Очевидно, все говоритъ за подобный исходъ нашихъ занятій: цѣльность

предстоящаго пересмотра, готовыя рамки испытанной систематичности и стройности, уже укоренившаяся привычка къ нимъ судовъ и населенія, удобство и даже необходимость органически пріурочить все то, что̀ будетъ новаго, къ тому, что̀ останется изъ стараго, наконецъ, твердо усвоенное законодательною практикою обыкновеніе всѣ измѣненія и дополненія къ Судебнымъ Уставамъ проектировать не иначе, какъ въ видѣ окончательно скодифицированномъ. Отъ добра добра не ищутъ—и въ этомъ отношеніи мы не ошибемся, если увѣренно пойдемъ по стопамъ нашихъ предмѣстниковъ и, пересматривая Судебные Уставы, не выйдемъ изъ ихъ внѣшняго плана и расположенія, а будемъ даже слѣдовать во многомъ образцовой ихъ редакціи.

Не могу въ заключеніе не отмѣтить, что со времени учрежденія нашей коммиссіи обычная дѣловая жизнь министерства юстиціи, при которомъ она состоитъ, какъ бы раздвоивается. Параллельно съ текущими административными распоряженіями пойдетъ серьезная и оживленная законодательная разработка тѣхъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ, которыми обусловливаются многія изъ распоряженій по управленію судебною частью. Казалось бы полезнымъ установить между тѣми и другими извѣстную связь, правильное общеніе. Законодательная работа должна въ значительной степени питаться богатымъ опытомъ вседневной министерской практики; въ свою очередь эта послѣдняя должна, въ чемъ окажется возможнымъ, отнынѣ сообразоваться въ своемъ теченіи и съ общимъ направленіемъ пересмотра и даже, по мѣрѣ выясненія, съ его началами по капитальнымъ отдѣльнымъ пунктамъ. Съ своей стороны я искренно желалъ бы, и постараюсь, чтобы высшее управленіе судебною частью и систематическій пересмотръ ея, фактически объединенные въ личномъ составѣ нашей коммиссіи, дѣйствовали въ одномъ духѣ, всегда дружно и рука объ руку.

Таковы общіе взгляды и предположенія, которые предлагаются на ваше обсужденіе и разрѣшеніе. Высказывая ихъ по крайнему своему разумѣнію, я кончу тѣмъ же, съ чего началъ: откровеннымъ признаніемъ всей многотрудности и многосложности предлежащаго намъ дѣла. Не будемъ, впрочемъ, еще болѣе

усугублять этихъ свойствъ его излишнею мнительностью иногда зависящею, впрочемъ, отъ прекраснаго, въ самомъ дѣлѣ, стремленія достигнуть совершенства, во что бы то ни стало. Но какъ все, что̀ исходитъ изъ рукъ человѣческихъ, такъ и судебныя учрежденія не могутъ быть совершенны, а могутъ быть лишь улучшаемы по указаніямъ практическаго опыта, насколько притомъ позволятъ наши средства и ихъ всесильный регуляторъ—условія времени и мѣста. Удовлетворимся же добросовѣстнымъ и ревностнымъ трудомъ именно въ этомъ послѣднемъ направленіи: сдѣлаемъ все, что̀ будетъ въ нашей власти, дабы оправдать Монаршее довѣріе и не обмануть того, что̀ есть благомыслящаго въ обращенныхъ къ намъ общественныхъ ожиданіяхъ. Не всегда возможно вдохнуть въ работу тотъ животворящій духъ горячаго увлеченія высокими идеалами, который окрыляетъ силы и заставляетъ не замѣчать препятствій. Сразу перейдя отъ мрака стараго безсудія къ свѣтлымъ перспективамъ преобразованнаго суда, судебное дѣло, а съ нимъ и судебное вѣдомство уже пережили, однако, эти не повторяющіяся праздничныя минуты идейныхъ порывовъ и юношески-пылкаго энтузіазма. Настало будничное время трезвой, разсудительной и неизбѣжно нѣсколько сухой, даже неблагодарной критики всего того, что̀ оказалось несоотвѣтствующимъ жизненнымъ потребностямъ или возлагавшимся надеждамъ. Но эта критика должна быть не разрушительною, а созидающею—тогда и она получитъ неотъемлемое право на общее сочувствіе, можетъ сдѣлаться могучимъ рычагомъ нравственнаго и умственнаго подъема. И если даже въ судебной области, подъ вліяніемъ времени, обветшали украшенія, потускнѣли идеалы, то вѣдь остался священный *долгъ* и искренняя *преданность* дѣлу, въ которыхъ и для нашей работы найдется своя заманчивая поддержка. Да проникнется весь нашъ трудъ начертаннымъ на моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ великимъ Царскимъ завѣтомъ: сдѣлать такъ, „*чтобы наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи*“. Помня эти слова, я вѣрю, что Богъ поможетъ намъ подготовить для русскаго правосудія лучшіе дни.

II.

Привѣтственное слово при открытіи совѣщаній старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ.

(Произнесено 16 декабря 1894 г).

Открывая наши совѣщанія, я не могу отказать себѣ въ истинномъ удовольствіи прежде всего горячо привѣтствовать въ вашемъ лицѣ, гг., высшихъ представителей судебнаго вѣдомства, собравшихся здѣсь во имя общихъ интересовъ всѣмъ намъ дорогого судебнаго дѣла. Нынѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, оно требуетъ дружныхъ усилій и энергической совмѣстной работы со стороны всѣхъ тѣхъ, кто Монаршимъ довѣріемъ призваны направлять это дѣло къ водворенію правды, къ утвержденію законности и на пользу отечества. Какъ вамъ извѣстно, по Высочайшей волѣ, предстоитъ существенно улучшить настоящее состояніе судебной части и посредствомъ цѣлаго ряда соотвѣтственныхъ мѣропріятій подготовить, обезпечить его спокойное и свѣтлое будущее. Но при этомъ нечего скрывать отъ себя, что могучимъ теченіемъ времени и событій эта часть приведена какъ бы на распутье, равно не допускающее ни опрометчивыхъ рѣшеній, ни малодушнаго, безплоднаго колебанія на одномъ мѣстѣ. Передъ нами или, точнѣе, передъ дѣломъ, намъ ввѣреннымъ, разстилается нѣсколько различныхъ дорогъ, между которыми нужно сдѣлать осторожный и обдуманный выборъ. Не тенденціозная ломка существующаго и не гадательная реформа основаній судебной реформы 1864 года предприняты подъ именемъ пересмотра дѣйствующихъ судебныхъ законоположеній, а лишь систематическое ихъ объединеніе и тщатель-

ное согласованіе заключающихся въ нихъ противорѣчій вмѣстѣ съ внимательнымъ исправленіемъ обнаруженныхъ недостатковъ и восполненіемъ несомнѣнныхъ пробѣловъ судебнаго строя. Если даже онъ дѣйствительно стоитъ на распутьи, то скажемъ себѣ— и мы не ошибемся—что отсюда же можетъ и долженъ начаться давно для него необходимый подъемъ, быть можетъ, крутой и тяжелый, но все-таки доступный при добросовѣстномъ напряженіи всѣхъ живыхъ и умѣлыхъ силъ. И вотъ мы, дѣятели центральныхъ учрежденій, въ явственномъ ощущеніи всей отвѣтственной тяжести лежащей на насъ сложной задачи по разработкѣ законодательныхъ предположеній о судебномъ усовершенствованіи, мы обращаемся въ вамъ, мѣстнымъ руководителямъ судебной практики, за добрымъ совѣтомъ и искреннею помощью. Находясь у непосредственныхъ источниковъ жизненнаго опыта, вы окажете намъ незамѣнимое содѣйствіе въ разъясненіи многихъ назрѣвшихъ вопросовъ судоустройства и судопроизводства выраженіемъ вашего откровеннаго по нимъ мнѣнія, которое, по самому положенію, занимаемому вами во главѣ мѣстныхъ судебныхъ установленій, не можетъ не вытекать изъ ясно и широко понимаемыхъ практическихъ потребностей правосудія. Пусть ничто не стѣсняетъ вашихъ сужденій; вы будете высказывать ихъ свободно, въ непритязательной дѣловой бесѣдѣ, въ непредубѣжденной товарищеской средѣ, сплоченной — я увѣренъ—взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ, одушевленной общею приверженностью долгу, общимъ желаніемъ посильно послужить великому дѣлу судебнаго обновленія.

Позвольте мнѣ, гг., упомянуть еще и о томъ особомъ значеніи, какое можетъ имѣть вашъ съѣздъ въ Петербургъ въ смыслѣ установленія между первенствующими въ судебныхъ округахъ лицами болѣе близкихъ и прямыхъ отношеній на почвѣ общихъ занятій и заботъ: такія именно отношенія выразятся въ вашемъ дѣловомъ сближеніи и въ живомъ обмѣнѣ взглядовъ по предметамъ, всѣхъ насъ интересующимъ. Единеніе всегда и вездѣ составляетъ силу, и соединенными силами, viribus unitis, легче бороться съ препятствіями, которыхъ, конечно, не мало на тернистомъ пути правосудія. При условіяхъ

бо́льшаго личнаго знакомства другъ съ другомъ, при возможности высказаться и выслушать, обоюдная нравственная поддержка и сочувствіе въ трудныхъ случаяхъ дадутъ гораздо больше, чѣмъ самое многостороннее, самое увѣренное въ себѣ собственное разумѣніе Умъ хорошо, два лучше—этотъ простой житейскій принципъ всякаго коллегіальнаго обсужденія вполнѣ примѣнимъ къ разнообразнѣйшимъ усложненіямъ въ правильной постановкѣ и ходѣ нашей дѣятельности Гнетущее чувство разобщенности и одиночества да уступитъ, наконецъ, мѣсто бодрящему сознанію, что каждый изъ насъ неразрывно связанъ умомъ и душою со всѣми другими честными работниками обширной судебной семьи.

Мнѣ остается затѣмъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ сдѣлать вамъ важное сообщеніе. Какъ все значительное и серьезное въ государственной жизни Россіи за послѣднее время. такъ и наше нынѣшнее собраніе озаряется скорбнымъ отблескомъ чуднаго царственнаго образа, насъ недавно покинувшаго... Мысль о созывѣ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ для вспомогательнаго совѣщанія по нѣкоторымъ предметамъ судебнаго пересмотра была еще минувшимъ лѣтомъ всеподданнѣйше доложена мною въ Бозѣ почившему Государю и, при непрестанномъ Его стремленіи къ всестороннему разсмотрѣнію и безпристрастному разрѣшенію всѣхъ правительственныхъ задачъ, удостоилась совершеннаго Его одобренія. Увы, то было уже предсмертное проявленіе Державнаго попеченія объ отечественномъ правосудіи,—попеченія, проникнутаго возраставшею благожелательностью къ вѣрноподданнической преданности и служебному усердію нашего вѣдомства. Но—милостивъ Богъ земли русской!—не съ одною только печально-священною памятью прошлаго соединяется теперь эта мысль, сегодня приводимая въ исполненіе, не въ одномъ лишь горестномъ воспоминаніи приходится намъ почерпнуть крѣпость духа для предлежащихъ работъ—у насъ есть на это и радостно оживляющая причина. Его Императорское Величество, благополучно царствующій Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ осчастливить и Своимъ благосклон-

нымъ вниманіемъ наше общеніе и повелѣлъ мнѣ передать моимъ ближайшимъ сотрудникамъ Высочайшее пожеланіе полнаго успѣха и твердую увѣренность Его Величества въ удачномъ исполненіи и въ полезныхъ послѣдствіяхъ нашихъ трудовъ.

Заключительное слово при закрытіи совѣщаній старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ.

(Произнесено 4 января 1895 г.)

Пора и кончить. За истекшія три недѣли вы отдали общему дѣлу такъ много времени и труда, что ваше пребываніе въ Петербургѣ едва ли не было обременительнымъ. Прошу васъ, однакоже, не слишкомъ сѣтовать на меня за рѣшимость возложить на васъ эту тяготу и тѣмъ надолго, да еще на праздникахъ, оторвать васъ отъ обычныхъ занятій, отъ отдыха и семейной жизни. Впрочемъ, даже въ случаѣ подобнаго упрека утѣшеніемъ мнѣ послужатъ тѣ существенные результаты, которые несомнѣнно будетъ имѣть наше совѣщаніе въ смыслѣ освѣщенія и выясненія многихъ важныхъ предметовъ предстоящаго судебнаго переустройства. А если при этомъ вы уѣдете отсюда съ яснымъ ощущеніемъ нашей взаимной солидарности, съ живымъ сознаніемъ тѣсной нравственной и умственной связи, отнынѣ соединяющей все управленіе судебною частью съ боевою, такъ сказать, арміею правосудія, то цѣль нашего собранія будетъ сторицею достигнута.

Теперь же позвольте мнѣ, вмѣстѣ съ пожеланіями вамъ здоровья и благополучнаго возвращенія домой, отъ всей души поблагодарить васъ за большую жертву, принесенную вами безличнымъ интересамъ службы. Искренно благодарю васъ также за неустанное и напряженное вниманіе къ предложеннымъ на ваше разсмотрѣніе вопросамъ, за тщательное и всестороннее ихъ обсужденіе, за снисходительное отношеніе къ необходимости ставить ихъ передъ вами еще въ сыромъ и необработанномъ видѣ. Смѣю завѣрить васъ, что никто изъ дѣятелей министерства и коммиссіи пересмотра, принимавшихъ участіе въ

совѣщаніи, не забудетъ той благородной преданности дѣлу, той массы поучительнѣйшихъ практическихъ замѣчаній, свѣдѣній и выводовъ, которые вы вложили въ происходившій между нами оживленный обмѣнъ мыслей и мнѣній. Что лично меня касается, то независимо отъ чрезвычайной пользы, извлеченной мною изъ этого обмѣна я вынесъ изъ него и особое впечатлѣніе, которое не могу не передать вамъ на прощанье. Я считаю себя въ правѣ гордиться выпавшею на мою долю честью стоять во главѣ вѣдомства, руководимаго на мѣстахъ такою крупною и честною силою, какъ настоящій составъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ палатъ Имперіи. Вотъ почему, съ вѣрою смотря въ будущее, я бодро и спокойно говорю: пошли намъ Богъ въ дальнѣйшей работѣ нашей не обмануть обращенныхъ къ намъ надеждъ русскихъ людей и, оправдавъ Высочайшее довѣріе, быть всегда достойными оказанной намъ великой Царской милости.

III.

Сообщеніе при разсмотрѣніи вопроса о судѣ присяжныхъ.

(Произнесено въ засѣданіи коммиссіи 22 ноября 1896 года).

Небезполезно намѣтить предварительно предѣлы нашего обсужденія и выяснить, въ чемъ собственно состоитъ и какъ послѣдовательно развивается занимающій насъ вопросъ о судѣ присяжныхъ въ Россіи. О судѣ этомъ много говорятъ и пишутъ, особенно въ послѣдніе два-три года, но далеко не все изъ высказываемыхъ сужденій можетъ имѣть въ нашихъ глазахъ непосредственное отношеніе къ этому учрежденію. Напротивъ, многое привходящее, постороннее, чуждое государственнымъ цѣлямъ серьезной законодательной разработки, должно быть совершенно отброшено съ ея прямого и яснаго пути. Какое бы значеніе ни придавали суду присяжныхъ, что бы ни связывали съ нимъ тѣ или другія теченія научной или общественной мысли, мы, по самому свойству нашей задачи, обязаны и будемъ трактовать его преимущественно съ практической точки зрѣнія и притомъ исключительно какъ институтъ судебный, какъ одинъ изъ органовъ, одну изъ формъ отправленія уголовнаго правосудія. Намъ предстоитъ опредѣлить, какое мѣсто слѣдуетъ отвести суду присяжныхъ въ обновленномъ судоустройствѣ и въ какомъ видѣ долженъ онъ войти въ новое изданіе судебныхъ уставовъ. Поэтому всякія соображенія политическаго или публицистическаго характера, разнообразныя общественныя тенденціи, то или другое настроеніе и личныя влеченія въ ту или другую сторону—все остается за порогомъ той здравой и трезвой критики, юридической и бытовой, которой подвергается

каждое изъ дѣйствующихъ судебныхъ установленій при всестороннемъ ихъ пересмотрѣ. Что же касается до объема и матеріала нашихъ сужденій, то въ огромной массѣ наблюденій и выводовъ судебной практики скрывается обильнѣйшій источникъ познанія и оцѣнки русскаго суда присяжныхъ, ближайшая судьба котораго сильно зависитъ отъ нашего къ нему безпристрастія.

Едва ли кто-нибудь теперь сомнѣвается, что въ области уголовной юстиціи весьма трудно,—если не вовсе невозможно,—обойтись безъ содѣйствія гражданъ, обывателей, въ качествѣ непрофессіональныхъ судей, призываемыхъ изъ общества и народа, раздѣлить съ судьями правительственными тяготу суда надъ нарушителями уголовнаго закона. Во всякомъ случаѣ, такого сомнѣнія никогда не возникало для законодательной мудрости нашего отечества; она во всѣ эпохи исторіи обращалась къ участію въ уголовномъ судѣ общественныхъ судей, были ли то судные мужи древней Руси, губные старосты и цѣловальники Московскаго государства, выборные сословные судьи послѣ-петровскаго періода или присяжные засѣдатели судебной реформы Императора Александра II. И потому нынѣ, въ концѣ XIX вѣка, отрицаніе самой идеи вспомогательнаго общественнаго суда прежде всего не соотвѣтствовало бы нашимъ вѣковымъ судебно-историческимъ преданіямъ. Въ 1864 году судъ съ участіемъ присяжныхъ явился лишь новою формою стародавняго начала; нынѣ же судъ коронный безъ общественнаго элемента былъ бы у насъ совершеннымъ новшествомъ, безпочвенною пробою, неизвѣданною загадкою будущаго. Въ установленіи такого суда не безъ основанія можно было бы видѣть недовѣріе къ общественной и народной зрѣлости, косвенное признаніе или неспособности неслужилаго русскаго человѣка посильно помогать власти въ ея бѣрьбѣ съ преступленіями, или излишества этой помощи для самодовлѣющихъ судебныхъ чиновъ. Однакоже, ни въ окружающей дѣйствительности, ни въ правительственныхъ воззрѣніяхъ, насколько они до сихъ поръ выразились въ рядѣ узаконеній и мѣропріятій по судебной части, нѣтъ никакого повода къ подобнымъ заключеніямъ, которыя не оправдывались бы и условіями, вызвавшими судебный пересмотръ въ

видахъ улучшенія судебнаго строя, а не ломки его Въ процессуальномъ отношеніи отсутствіе въ судѣ общественнаго элемента, служащаго одною изъ существенныхъ гарантій окончательности приговора, имѣло бы естественнымъ послѣдствіемъ распространеніе на всѣ безъ исключенія дѣла апелляціоннаго порядка, т.-е. усвоеніе цѣлой дорого стоющей системы многихъ судебныхъ инстанцій съ ея неизбѣжною медленностью, безжизненностью и формализмомъ Является затѣмъ и не безосновательное опасеніе, что при этой системѣ на судейскомъ креслѣ прочно водворятся профессіональныя сухость и рутина, часто неразлучныя съ постояннымъ примѣненіемъ карательныхъ законовъ. Въ замкнутомъ должностномъ судѣ легко пріучаются смотрѣть на людей и ихъ дѣянія только какъ на механическіе объекты легальнаго воздѣйствія, и эта односторонность не находитъ себѣ противовѣса въ свѣжемъ притокѣ непредубѣжденныхъ взглядовъ и простого житейскаго здраваго смысла. Вотъ почему, хотя всѣ сужденія наши свободны и опредѣляются только стремленіемъ къ истинѣ, но ради сбереженія труда и времени не представляется, казалось бы, надобности включать въ программу ихъ общій вопросъ о необходимости и полезности общественнаго участія въ отправленіи уголовнаго правосудія. Если онъ и не предрѣшенъ для насъ безповоротно, то все-таки настолько разъясненъ и исчерпанъ и въ теоріи, и на практикѣ, что нечего и ждать какихъ-либо новыхъ или неизвѣстныхъ аргументовъ противъ всѣми, повидимому, раздѣляемаго положительнаго его рѣшенія.

Такимъ образомъ, вопросъ этотъ въ сущности сводится къ вопросу о дѣйствующемъ судѣ присяжныхъ, о его формѣ, постановкѣ, суррогатахъ, другими словами—о желательныхъ въ немъ поправкахъ и объ учрежденіяхъ, могущихъ такъ или иначе замѣнить его. Здѣсь нельзя не отмѣтить самый моментъ разсмотрѣнія вопроса о нашемъ судѣ присяжныхъ. Уже немолодымъ мы застаемъ его—большинство изъ насъ успѣло вмѣстѣ съ нимъ состариться на судебномъ поприщѣ въ теченіе тѣхъ долгихъ годовъ, которые прошли со времени введенія его сначала на небольшомъ пространствѣ, а потомъ постепенно почти

во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ. За этимъ учрежденіемъ уже стоитъ долговременный и многосторонній опытъ, сложившійся на твердой почвѣ безчисленныхъ фактическихъ данныхъ, широко открытыхъ провѣркѣ и изслѣдованію. Къ существованію и дѣятельности суда присяжныхъ давно привыкло населеніе, въ понятіяхъ котораго съ нимъ неразрывно соединено отправленіе правосудія по всѣмъ болѣе тяжкимъ общимъ преступленіямъ. Вообще нѣсколько равнодушный къ общественному дѣлу, русскій человѣкъ склоненъ уклоняться отъ присяжной повинности не болѣе, если даже не менѣе, чѣмъ отъ другой. При всемъ томъ въ общемъ онъ несетъ ее усердно и добросовѣстно, сознавая высоту и святость господства въ судѣ такихъ великихъ и добрыхъ словъ, какъ присяга, совѣсть, внутреннее убѣжденіе. Если отдѣльныя лица иногда и тяготятся обязанностью присяжнаго, то все общество несомнѣнно дорожитъ этимъ учрежденіемъ. Съ такимъ положеніемъ вещей нужно считаться и рѣчь о непригодности суда присяжныхъ для русской жизни могла бы идти единственно въ томъ случаѣ, когда было бы неопровержимо доказано, что судъ этотъ, вслѣдствіе органическихъ своихъ недостатковъ, не только не выполнилъ своего назначенія, но и совершенно неспособенъ къ исправленію и усовершенствованію. Ничего подобнаго не указываетъ практика, приводящая скорѣе къ противоположнымъ выводамъ. Многія тысячи уголовныхъ дѣлъ разрѣшены и ежедневно разрѣшаются присяжными въ силу клятвеннаго обѣщанія, даваемаго ими передъ крестомъ и Евангеліемъ—и я не думаю, чтобы у самаго непримиримаго ихъ противника достало духу или смѣлости утверждать, что въ этомъ множествѣ преобладаютъ неправильныя или ошибочныя рѣшенія. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ безусловной достовѣрности и по единогласному свидѣтельству компетентныхъ лицъ, близко знакомыхъ съ дѣятельностью нашего суда присяжныхъ, за многолѣтній ея періодъ, злоупотребленія въ ней были случаями крайне рѣдкими и единичными, а болѣе или менѣе значительныя ошибки, къ тому же иногда скорѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя, почти исчезаютъ въ громадномъ большинствѣ вполнѣ правосудныхъ приговоровъ.

За-то кому не памятны и кто рѣшится отрицать крупныя заслуги суда присяжныхъ при разрѣшеніи тѣхъ выдающихся по значенію и сложности процессовъ, въ которыхъ ревностное исполненіе обязанностей присяжныхъ засѣдателей иногда прямо граничило съ гражданской доблестью? Еще, быть можетъ, важнѣе большая общественная польза, приносимая ординарнымъ, повседневнымъ трудомъ нашихъ присяжныхъ на всемъ огромномъ протяженіи ихъ подсудности по дѣламъ, хотя не громкимъ и не виднымъ, но глубоко затрогивающимъ общіе и частные интересы. Какъ бы то ни было, государство имѣетъ въ присяжныхъ засѣдателяхъ безмездныхъ судей, честно несущихъ отвѣтственную службу, безъ которой платные коронные судьи въ ихъ ограниченномъ составѣ едва ли могли бы справиться съ репрессіей. При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ возраженія противъ нынѣшняго суда присяжныхъ должны быть очень вѣски и убѣдительны для того, чтобы поколебать довѣріе къ нему законодателя. Главнѣйшія изъ нихъ немногочисленны и заключаются: а) въ неподготовленности присяжныхъ къ обсужденію и рѣшенію подлежащихъ имъ дѣлъ, требующихъ юридическихъ знаній и развитого сознанія судейскаго долга; б) въ случайности, неравномѣрности и измѣнчивости вердиктовъ, зависящихъ отъ мѣстностей, особенностей состава, настроенія и различныхъ на него воздѣйствій въ судебномъ засѣданіи, в) въ увлекающейся, нервной и недостаточно вдумчивой впечатлительности ихъ къ различнымъ явленіямъ, которыя не должны вліять на правосудіе. Сюда же примыкаетъ и столь часто упоминаемая наклонность присяжныхъ къ оправданію; какъ доказательство ихъ репрессивной слабости, она больше всего имъ ставится въ упрекъ, хотя при надлежащемъ освѣщеніи имѣющихся точныхъ данныхъ едва ли подтверждается, по крайней мѣрѣ, въ столь тревожной степени. Излишнимъ было бы въ отвѣтъ на это приводить всю обширную и хорошо извѣстную аргументацію защитниковъ суда присяжныхъ въ его настоящемъ видѣ. Достаточно напомнить, что она распадается на двѣ части—положительную и отрицательную: въ одной судъ присяжныхъ оправдывается, быть можетъ, даже не безъ увлеченія и съ на-

прасною горячностью, отъ всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій и признается наилучшею изъ современныхъ формъ уголовной юстиціи, а другая посвящена разъясненію невозможности съ успѣхомъ замѣнить ее какою-либо иною комбинаціею элементовъ общественнаго и короннаго (каковы, напримѣръ, германскіе шеффены, наши сословные представители и новѣйшія швейцарскія попытки преобразовать присяжный судъ). Такъ какъ есть доводы и факты въ пользу обоихъ заключеній и вообще правда нерѣдко лежитъ посреди̇нѣ крайнихъ взглядовъ, то объективность и осторожность изслѣдованія и разсужденія заставляютъ искать между ними равнодѣйствующую линію, такую посредствующую область, въ которой стекалось бы наибольшее количество достоинствъ учрежденія съ наименьшимъ числомъ его недостатковъ. Если же сдѣлать этого не удастся, то слѣдуетъ ясно установить спорные пункты и вытекающія изъ нихъ непримиримыя разномыслія, какъ предметы предстоящаго намъ голосованія. Въ этомъ отношеніи обозрѣніе собраннаго матеріала указываетъ недлинный рядъ главныхъ положеній, которыя и предлагаются вниманію коммиссіи.

Основнымъ признакомъ нынѣ существующей у насъ формы суда присяжныхъ считается образованіе его изъ двухъ отдѣльныхъ коллегій, коронныхъ судей и присяжныхъ, дѣйствующихъ хотя и совмѣстно, но съ обособленіемъ каждой въ сферѣ отведеннаго ей вѣдѣнія, при чемъ послѣдней присвоено опредѣленіе самой виновности, а первой—опредѣленіе послѣдствій виновности и разрѣшеніе возникающихъ на судѣ процессуальныхъ вопросовъ. Противъ этого-то именно признака и направляется мнѣніе критиковъ теперешняго порядка, требующее соединенія судей и присяжныхъ въ одну судебную коллегію, разрѣшающую уголовное дѣло въ полномъ его объемѣ и, во всякомъ случаѣ, совмѣстно вопросы о виновности и наказаніи. При этомъ заявляютъ, что отъ такого слитнаго взаимодѣйствія обоихъ элементовъ измѣняется лишь форма, а не существо суда присяжныхъ, и онъ не перестаетъ быть судомъ по преимуществу общественной совѣсти, но уже не безсознательной или инстинктивной, а просвѣщаемой знаніемъ законовъ и истинныхъ потреб-

ностей общественнаго порядка. По мнѣнію же сторонниковъ дѣйствующей раздѣльной формы, предполагаемое измѣненіе повело бы къ коренному извращенію самой сущности присяжнаго суда, такъ какъ при слитіи обѣихъ его коллегій одна неизбѣжно подавитъ или поглотитъ другую, что и совершится, по всей вѣроятности, въ пользу болѣе сильныхъ судей-юристовъ, для которыхъ присяжные явятся ненужнымъ или даже обременительнымъ придаткомъ Согласно тому же воззрѣнію, въ подобномъ радикальномъ преобразованіи не встрѣчается и надобности, потому что нашъ судъ присяжныхъ и въ теперешнемъ своемъ устройствѣ дѣйствуетъ вполнѣ удовлетворительно.

Если это послѣднее заключеніе и должно быть принято, то, казалось бы, не иначе какъ съ нѣкоторыми оговорками и ограниченіями, въ виду весьма краснорѣчивыхъ указаній практическаго опыта. Судъ присяжныхъ дѣйствительно способенъ функціонировать правильно и успѣшно, но для этого, повидимому, необходимо совмѣщеніе трехъ условій: 1) чтобы всѣ дѣятели, входящіе въ его составъ, соотвѣтствовали своему назначенію и своею дѣятельностью всегда способствовали, а не препятствовали раскрытію истины и вѣрному примѣненію закона; 2) чтобы въ дѣйствующія организаціонныя и процессуальныя правила о судѣ присяжныхъ былъ внесенъ рядъ болѣе или менѣе существенныхъ поправокъ, настоятельность которыхъ обнаружена 30-лѣтнимъ опытомъ, и 3) чтобы вѣдѣнію суда присяжныхъ подлежали только дѣла, доступныя пониманію и разрѣшенію гражданъ неюристовъ, т.-е. не представляющія такихъ особыхъ политическихъ и техническихъ трудностей, которыя требуютъ спеціальныхъ свѣдѣній и подготовки. Выполненіе перечисленныхъ условій могло бы устранить многія изъ нареканій, упадающихъ теперь на судъ присяжныхъ, и сдѣлать возможнымъ и желательнымъ сохраненіе его въ настоящей организаціи, еще отнюдь не сказавшей своего послѣдняго слова ни въ наукѣ, ни въ западноевропейской и нашей практикѣ.

Первое изъ этихъ условій содержится въ самомъ понятіи и строеніи суда присяжныхъ. Подъ именемъ его разумѣется, очевидно, не одно присутствіе собственно присяжныхъ засѣда-

телей изъ 12 комплектныхъ и 2 запасныхъ, а совокупность всѣхъ судебныхъ органовъ, вмѣстѣ съ ними дѣйствующихъ, т.-е. предсѣдателя, членовъ судебнаго присутствія, прокурора и защитника. Всѣ названныя лица являются, въ томъ или другомъ качествѣ, факторами, изъ дѣйствій которыхъ слагается общій результатъ дѣятельности суда присяжныхъ и какъ государственнаго судебнаго учрежденія вообще, и въ каждомъ данномъ случаѣ, по каждому дѣлу, разрѣшенному въ этомъ судѣ. Поэтому характеръ отправляемаго имъ правосудія въ значительной степени зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ и въ какомъ тонѣ—если такъ можно выразиться — исполняютъ свои обязанности эти вліятельные сотрудники суда присяжныхъ. Мы ежедневно воочію видимъ, что если опытный предсѣдатель, безпристрастно, но вмѣстѣ энергично и разумно руководитъ засѣданіемъ и присяжными, если прокуроръ внимательно и умѣло разъясняетъ и поддерживаетъ обвиненіе, не преувеличивая его, а защитникъ, не увлекаясь софизмами и обѣленіемъ во что бы то ни стало, добросовѣстно развиваетъ доводы оправданія, словомъ, если благія намѣренія закона посильно осуществляются при веденіи дѣла судомъ и сторонами, то и сужденія присяжныхъ не получаютъ превратнаго направленія и дѣло разрѣшается такимъ вердиктомъ, который не смущаетъ ничьей совѣсти, не вызываетъ общественнаго скандала и не становится въ противорѣчіе съ требованіями порядка и безопасности, наоборотъ—отвѣчаетъ внутреннему чувству правды благомыслящихъ людей. Тогда пусть незнакомство съ дѣломъ или предвзятая тенденція опорочиваютъ приговоръ—это порицаніе не имѣетъ ни малѣйшаго серьезнаго значенія и не оставляетъ ощутительныхъ слѣдовъ. Но правильное и ревностное исполненіе долга всѣми сотрудниками суда присяжныхъ, не достигается какими-либо законодательными измѣненіями въ его постановкѣ, это выходящая изъ границъ судебнаго пересмотра задача общихъ мѣропріятій по судебной части, послѣдствіе того уровня, на которомъ она стоитъ, той профессіональной дисциплины или выправки, которая дана судебному сословію. Важно лишь констатировать здѣсь эту живую связь; чѣмъ сознаніе ея будетъ

шире и глубже въ средѣ судебныхъ дѣятелей, тѣмъ лучше пойдетъ дѣло нашего присяжнаго суда.

Частичныя улучшенія различныхъ сторонъ его—второе условіе — уже давно предлагаются практиками и въ литературѣ, какъ мѣры, не затрогивающія основныхъ началъ института, но направляемыя противъ выяснившихся отдѣльныхъ его дефектовъ, по исправленіи которыхъ можетъ и не оказаться поводовъ къ какой-либо коренной реформѣ. Сюда относятся: 1) поднятіе состава присяжныхъ засѣдателей: а) включеніемъ въ него ряда вполнѣ благонадежныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ и нынѣ освобожденныхъ отъ этой повинности, б) исключеніемъ нѣкоторыхъ сомнительныхъ категорій лицъ, не обладающихъ должною независимостью, и в) усиленіемъ отвѣтственности за уклоненіе отъ обязанности присяжнаго; 2) поставленіе общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей подъ извѣстное наблюденіе мѣстныхъ судебныхъ органовъ; 3) сокращеніе присутствія присяжныхъ съ 12 до 9 и даже до 7 лицъ; 4) образованіе одного состава для разсмотрѣнія всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ одинъ и тотъ же день; 5) расширеніе случаевъ оглашенія предъ присяжными актовъ слѣдственнаго производства, а также и вообще возможности пользоваться этими актами; 6) отмѣна запрещенія оглашать передъ присяжными постановленія закона объ угрожающемъ подсудимому наказаніи; 7) предоставленіе присяжнымъ права приглашать къ своему совѣщанію предсѣдателя суда для разъясненія встрѣченныхъ затрудненій; 8) дозволеніе присяжнымъ возбуждать предъ судомъ ходатайства о представленіи на Монаршее милосердіе участи осужденнаго подсудимаго; 9) устраненіе присяжныхъ отъ участія въ разрѣшеніи дѣла при сознаніи подсудимаго на судѣ. Сверхъ этого перечня, уже бывшаго въ виду I отдѣла нашей коммиссіи, въ свое время обратилъ на себя вниманіе вопросъ 10-й,—о примѣненіи правила ст. 818 уст. угол. суд. къ обратному случаю, т.-е. о новомъ разсмотрѣніи дѣла вторымъ составомъ присяжныхъ, когда судъ признаетъ, что рѣшеніемъ перваго состава оправданъ явно виновный. И, наконецъ, болѣе радикальнымъ характеромъ отличается еще необсуждавшійся во-

просъ 11-й,—объ установленіи обязательнаго единогласія или опредѣленнаго большинства въ рѣшеніи присяжныхъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если единогласія или извѣстнаго большинства не послѣдуетъ, опредѣленіе виновности и назначеніе наказанія производились присяжными совмѣстно съ коронными судьями. При обсужденіи этихъ мѣропріятій слѣдуетъ принять въ соображеніе ихъ цѣлесообразность, степень осуществимости при нынѣшнемъ устройствѣ суда присяжныхъ и то значеніе, которое они могутъ имѣть для укрѣпленія одного изъ важнѣйшихъ учрежденій судебной реформы. Не подлежитъ сомнѣнію, что, предотвращая разрушительныя вѣянія благоразумнымъ усовершенствованіемъ существующаго, легче сберечь все, что въ немъ есть цѣннаго и полезнаго.

Третье условіе или вопросъ объ ограниченіи вѣдомства суда присяжныхъ только дѣлами, къ разрѣшенію которыхъ они дѣйствительно способны, уже давно заботилъ законодателя. Уроки жизненнаго опыта убѣдили его, что существуетъ нѣсколько категорій уголовныхъ дѣлъ, превышающихъ компетентность общаго суда присяжныхъ потому, что онъ не въ силахъ надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ особенности и значеніе, не въ состояніи и отнестись къ ихъ рѣшенію съ необходимой въ нихъ по преимуществу государственной, правительственной точки зрѣнія. Таковы, во-1-хъ, всѣ дѣла, носящія такъ или иначе политическій характеръ, т.-е. касающіяся преступленій противъ самаго существа государства, власти и ея представителей; во-2-хъ, дѣла о преступленіяхъ по должности и вообще соединенныя съ нарушеніемъ служебныхъ правилъ и обязанностей, и, въ-3-хъ, дѣла объ особо сложныхъ и спеціальныхъ преступленіяхъ, для уразумѣнія которыхъ нужно тщательно разобраться во множествѣ запутанныхъ и техническихъ данныхъ или въ особыхъ гражданскихъ отношеніяхъ. Изъятіе этихъ дѣлъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, съ одной стороны, признавалось нужнымъ для обезпеченія правильнаго ихъ исхода, а съ другой,—избавляя присяжныхъ отъ непосильнаго имъ труда, предохраняло все учрежденіе отъ напрасныхъ нареканій. Но такъ какъ и по этимъ изъемлемымъ дѣламъ не отрицалась на-

добность въ участіи при разрѣшеніи ихъ общественныхъ судей, то законъ какъ бы приравнялъ подобныя исключительныя дѣла къ преступленіямъ государственнымъ и распространилъ на первыя особую высшую подсудность судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. За 20 безъ малаго лѣтъ дѣйствія этого учрежденія накопилось такъ много матеріала для отрицательнаго о немъ вывода, что его остается только формулировать. Упомянутая особая подсудность дорога, тяжеловѣсна, неудобна, обременительна, не оправдывается обстоятельствами подвѣдомственныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ желательнаго взаимодѣйствія обоихъ элементовъ, составляющихъ судебное присутствіе. Повидимому, почти всѣ опытные и свѣдущіе практики раздѣляютъ убѣжденіе въ необходимости замѣнить осужденную подсудность судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей какою-либо другою. Но какою именно?—это вопросъ нелегкій и обоюдоострый, требующій осторожнаго и въ то же время новаго, еще неиспытаннаго рѣшенія, такъ какъ въ прошломъ и настоящемъ никакого сколько-нибудь пригоднаго примѣра нѣтъ. Возвратиться къ прежней, первоначальной подсудности всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ общему суду присяжныхъ невозможно по тѣмъ же серьезнѣйшимъ соображеніямъ, которыя побудили устранить ее и которыя до сихъ поръ ничѣмъ не опровергнуты. Передать изъятыя дѣла суду коронному, безъ присяжныхъ и безъ сословныхъ представителей, значило бы лишить эти дѣла преимущества окончательнаго разрѣшенія съ традиціоннымъ участіемъ общественнаго элемента, а въ судебномъ строѣ опять развить и расширить апелляціонный порядокъ производства. Въ виду такой дилеммы возникло предположеніе воспользоваться для указанной цѣли также присяжными засѣдателями, но значительно повышеннаго ценза и въ уменьшенномъ числѣ, вслѣдствіе немногочисленности лицъ, удовлетворяющихъ болѣе высокимъ требованіямъ. Эти присяжные засѣдатели особаго состава могли бы, можетъ быть, небезуспѣшно дѣйствовать и въ тѣхъ окраинныхъ мѣстностяхъ Имперіи, на которыя законодатель не рѣшился, несмотря на ихъ культурность, распро-

странить примѣненіе общественнаго начала къ уголовному правосудію. Тамъ, гдѣ дѣятельность и присяжныхъ общаго состава, и сословныхъ засѣдателей была бы затруднена причинами политическаго, религіознаго или племенного свойства, тамъ особый составъ присяжныхъ, внимательно избранныхъ изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ обывателей, не представлялъ бы неудобствъ и опасностей, а между тѣмъ явилась бы возможность ввести и на окраинахъ извѣстное выраженіе суда общественной совѣсти, давно уже дарованнаго большей части Россіи. Тутъ, впрочемъ, и кончается единомысліе въ мнѣніяхъ, выдвигающихъ на мѣсто суда сословныхъ представителей и для окраинъ судъ присяжныхъ особаго состава. Относительно формы и устройства этого новаго типа общественной юстиціи взгляды рѣшительно расходятся и приводятъ къ наиболѣе существенному въ настоящемъ вопросѣ разногласію. Одни, проектируя измѣненія въ контингентѣ и числѣ присяжныхъ для особаго ихъ состава, не видятъ надобности измѣнять въ чемъ либо его отношенія къ коронному суду; это то же нынѣшнее присутствіе присяжныхъ, опредѣляющее виновность отдѣльно отъ присутствія правительственныхъ судей и притомъ по тѣмъ же процессуальнымъ правиламъ, которыя постановлены для общаго состава. Бо́льшія гарантіи правомѣрнаго рѣшенія усматриваются лишь въ высшихъ цензовыхъ качествахъ особаго состава, признаваемаго настолько благонадежнымъ въ смыслѣ пониманія и зрѣлости, что ему ввѣряется разсмотрѣніе упомянутыхъ особыхъ дѣлъ во внутреннихъ губерніяхъ и всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ на болѣе культурныхъ окраинахъ. Другое мнѣніе стоитъ на томъ, что присяжные засѣдатели особаго состава какъ здѣсь, такъ и тамъ должны быть соединены съ коронными судьями въ одну коллегію, вѣдающую дѣло въ полномъ его объемѣ. Только при подобной комбинаціи участіе присяжныхъ въ уголовномъ правосудіи по исключительнымъ дѣламъ и въ мѣстностяхъ, состоящихъ на особомъ положеніи, можетъ принести пользу, а не вредъ съ его неисчислимыми послѣдствіями въ чуткой сферѣ внутренняго государственнаго порядка. Находясь въ непрерывномъ общеніи съ коронным судомъ и подъ бли-

жайшимъ непосредственнымъ руководствомъ его предсѣдателя, присяжные окажутъ суду помощь своимъ житейскимъ опытомъ и здравомысліемъ, но въ то же время будутъ ограждены отъ увлеченій и ошибокъ, что̀ въ данномъ случаѣ важнѣе ихъ самостоятельности. Нельзя предоставлять присяжныхъ ихъ собственному разумѣнію среди всевозможныхъ трудностей и усложненій; опасаться же вліянія коронныхъ судей не приходится уже потому, что оно прямо желательно, какъ восполняющее именно тѣ свѣдѣнія и взгляды, которыхъ недостаетъ гражданамъ для правильнаго обсужденія спеціальныхъ или щекотливыхъ дѣлъ. Да и вліяніе будетъ всегда до нѣкоторой степени обоюдное, и въ результатѣ получится всестороннее разсмотрѣніе дѣлъ, обезпеченное отъ случайностей и неожиданныхъ, но весьма печальныхъ недоразумѣній между закономъ, совѣстью и жизнью. Организація общаго суда присяжныхъ вполнѣ пригодная и достаточная для общихъ дѣлъ, несостоятельна для дѣлъ особыхъ, требующихъ преобладанія публично-юридическаго критерія надъ бытовымъ. Въ этихъ дѣлахъ, кромѣ того, каждое невѣрное рѣшеніе ложится тяжелымъ бременемъ на все учрежденіе и вѣдомство, призываемыя къ отвѣту за всякое единичное уклоненіе отъ строгаго приложенія закона. Такимъ образомъ, предлагается допустить у насъ параллельное существованіе двухъ различныхъ видовъ суда присяжныхъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ и другой дѣйствовали въ наиболѣе соотвѣтствующей ему области: одинъ—общихъ, а другой—особыхъ дѣлъ. Въ одной присяжные отдѣльны и независимы отъ коронныхъ судей, въ другой они, работая вмѣстѣ съ судьями и испытывая взаимное воздѣйствіе, конечно, менѣе самодѣятельны, но все-таки не безличны, и во всякомъ случаѣ въ обѣихъ непрестранно обновляющійся общественный элементъ содѣйствуетъ первостепенной правительственной функціи. Въ наукѣ и на Западѣ далеко не исчерпанъ и вѣроятно еще долго не разрѣшится знаменательный споръ между обѣими формами, изъ которыхъ за каждую говоритъ не мало фактовъ и соображеній. Нынѣ предполагается испытать ихъ въ гармоническомъ и цѣлесообразномъ сочетаніи, такъ, чтобы ничто не помѣшало ихъ свободному и

правильному развитію на пути къ истинѣ и справедливости. Будущее по неоспоримымъ даннымъ увѣреннѣе сдѣлаетъ свой выборъ или покажетъ основательность этой новой двойственной, эклектической, оригинальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно простой и стройной постановки нашего суда присяжныхъ.

Окончательно обсуждая вопросъ о немъ, мы, конечно, не поддадимся безбрежному, расплывчатому характеру этого предмета. Мы не станемъ повторять всего, нами пройденнаго на долгомъ поприщѣ судебной практики, не будемъ и утомлять другъ друга приведеніемъ вновь всѣмъ намъ хорошо извѣстныхъ фактовъ и доказательствъ. Настоящій вопросъ въ его настоящемъ фазисѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ трудно сказать что-либо новое, а переспорить, переубѣдить нельзя, можно лишь подвести итоги и рѣшить такъ или иначе. Но рѣшить нужно благоразумно, обдуманно, спокойно и безстрастно, какъ подобаетъ истиннымъ юристамъ—вѣрнымъ слугамъ Престола и отечества.

IV.

Сообщеніе при разсмотрѣніи вопроса о преобразованіи адвокатуры.

(Произнесено въ засѣданіи коммиссіи 18 января 1897 года)

Предлагаемый на окончательное обсужденіе коммиссіи составленный во II ея отдѣлѣ проектъ статей о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ имѣетъ двоякій характеръ. Съ одной стороны, это—часть учрежденія судебныхъ установленій, предназначенная замѣнить теперешнюю главу 2-ю раздѣла IX (о присяжныхъ повѣренныхъ и частныхъ повѣренныхъ), съ другой—цѣльное и законченное положеніе не только объ адвокатурѣ, но и вообще о лицахъ, могущихъ вести передъ судомъ чужія дѣла. Поэтому въ проектъ новой редакціи закона о повѣренныхъ включены всѣ учредительныя узаконенія, помѣщенныя нынѣ въ уставахъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, гдѣ предполагается сохранить лишь чисто процессуальныя правила о веденіи судебныхъ дѣлъ. Объединяя въ систематическомъ изложеніи весь свой предметъ, проектъ вноситъ и въ самое существо его немаловажныя измѣненія противъ нынѣшнихъ постановленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ остается вѣренъ тѣмъ основнымъ началамъ и взглядамъ, которые усвоены нашимъ законодательствомъ со времени судебной реформы 20 ноября 1864 года. Не покидая ея исходной точки зрѣнія, стремясь не къ безпочвеннымъ новшествамъ, а къ упорядоченію существующаго, предлежащая работа принимаетъ въ серьезное соображеніе настоятельныя требованія жизни и практики и ставитъ себѣ задачею дать имъ возможно бо̀льшее удовлетвореніе въ тщательно пересмотрѣнной организаціи института судебныхъ повѣренныхъ.

Какъ показываетъ его недлинная исторія, онъ давно уже ждетъ именно такого пересмотра. Въ первоначальномъ изданіи судебныхъ уставовъ адвокатура явилась въ учрежденіи присяжныхъ повѣренныхъ съ единичнымъ упоминаніемъ въ законѣ о ихъ помощникахъ, съ бѣгло очерченнымъ корпоративнымъ устройствомъ и съ перспективой въ неопредѣленномъ будущемъ адвокатской монополіи, въ видѣ объявленія комплекта. Скоро, однакоже, при столкновеніяхъ съ практическою дѣятельностью, выяснились слабыя и больныя мѣста новаго учрежденія, и нельзя не признать, что въ судьбахъ его многое не оправдало надеждъ и ожиданій законодателя, который и обратился прежде всего къ частнымъ мѣрамъ, вызваннымъ отдѣльными потребностями и условіями. Уже въ 1874 году (по закону 25 мая) рядомъ съ присяжною адвокатурою выросло фактически ей равноправное и съ нею конкурирующее, хотя на иныхъ основаніяхъ построенное, учрежденіе адвокатуры частной, но офиціально признанной. Въ томъ же 1874 году (по закону 5 декабря), съ пріостановленіемъ открытія совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, было прегражденно дальнѣйшее развитіе введеннаго закономъ сословнаго самоуправленія адвокатской корпораціи Предначертанное установленіе комплекта не послѣдовало, и ходатайство по судебнымъ дѣламъ сиюю вещей распредѣлилось между присяжными и частными повѣренными, обойдя помощниковъ, которые оказались въ самой неустроенной и затруднительной обстановкѣ. Пятнадцать лѣтъ спустя, въ 1889 году (по закону 8 декабря), чрезвычайный наплывъ евреевъ въ адвокатуру вызвалъ поставленіе принятія въ нее нехристіанъ въ зависимость отъ разрѣшенія министра юстиціи, что, конечно, не могло не повліять на составъ и правоспособность многихъ членовъ адвокатскаго сословія, такъ какъ это разрѣшеніе съ тѣхъ поръ было дано лишь въ двухъ-трехъ исключительныхъ случаяхъ, и большое количество лицъ, подпавшихъ подъ дѣйствіе новаго закона, очутились какъ бы замкнутыми въ малоправныхъ рядахъ помощниковъ. Перечисленными узаконеніями, впрочемъ, и ограничилось законодательное воздѣйствіе на адвокатуру. Всѣ же остальныя преобразовательныя о ней предположенія не вышли изъ періода

предварительной разработки, надъ которой долго тяготѣло стеченіе различныхъ обстоятельствъ, не благопріятствовавшихъ ея завершенію. Послѣ неполучившей въ концѣ 70-хъ годовъ осуществленія попытки реформировать адвокатуру, въ 1885 году, съ этою же цѣлью, при министерствѣ юстиціи была образована коммиссія подъ предсѣдательствомъ Г. А. Евреинова, не окончившая, однако, своихъ занятій. Они были возобновлены въ 1890 году въ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ М. В. Красовскаго и имѣли результатомъ проектъ реформы, внесенный въ декабрѣ 1893 года въ государственный совѣтъ. Здѣсь проектъ этотъ не былъ разсмотрѣнъ за учрежденіемъ настоящей коммиссіи, куда онъ поступилъ для соображенія при ея работахъ, унаслѣдовавшихъ, такимъ образомъ, обширный и всесторонне освѣщенный матеріалъ, которымъ и воспользовался II отдѣлъ въ разсматриваемомъ трудѣ.

Когда ставится вопросъ объ общей организаціи адвокатуры, то передъ всякимъ сколько-нибудь глубокимъ ея преобразованіемъ возникаютъ три типа ея устройства, вполнѣ опредѣленные въ теоріи и извѣстные различнымъ странамъ и эпохамъ европейской юридической культуры. Во-первыхъ, судебное представительство, не составляя ни привилегіи, ни права или обязанности особаго класса юристовъ, можетъ быть предоставлено всѣмъ и каждому по ничѣмъ не стѣсняемому избранію тяжущихся и подсудимыхъ. Это собственно есть отрицаніе адвокатуры, какъ мы ее понимаемъ нынѣ и какъ учредили ее въ Россіи судебные уставы; такого свободнаго или, точнѣе, произвольнаго ходатайства по судебнымъ дѣламъ, неудачно испробованнаго во Франціи во время революціи, не знаетъ ни одно изъ современныхъ законодательствъ цивилизованнаго міра. Во-вторыхъ, адвокатура офиціальнаго характера можетъ быть устроена по примѣру дореформенной Пруссіи на началѣ безусловнаго подчиненія ея членовъ судебнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ; это своего рода судебные чиновники второстепеннаго ранга или приписанные къ судамъ стряпчіе, ведущіе судебную защиту чужихъ дѣлъ подобно тому, какъ французскіе „avoués“ подготовляютъ судебныя производства для сторонъ или какъ нотаріусы всѣхъ странъ составляютъ и свидѣтельствуютъ

акты. Наконецъ, въ-третьихъ, повѣренные, въ качествѣ судебно-общественныхъ дѣятелей, совмѣщая въ своемъ лицѣ разнообразныя цензовыя условія, образуютъ точно обрисованную въ законѣ самостоятельную корпорацію, состоящую при судахъ подъ ихъ надзоромъ и въ постоянномъ съ ними взаимодѣйствіи, въ качествѣ ихъ необходимой и существенной принадлежности. Для предпринятаго пересмотра судебныхъ уставовъ, принявшихъ, вмѣстѣ со всѣми новѣйшими законодательствами, именно эту послѣднюю форму, не могло быть никакихъ колебаній въ выборѣ и никакихъ сомнѣній въ ея сохраненіи въ виду того, что по свидѣтельству долголѣтняго опыта и по здравому смыслу только одна эта форма при всѣхъ возможныхъ уклоненіяхъ и несовершенствахъ практики соотвѣтствуетъ достоинству и интересамъ правосудія. Но при этомъ, по самой природѣ подобнаго учрежденія, намѣчаются два способа его постановки: одинъ, въ видѣ профессіональнаго соединенія свободныхъ дѣятелей, обособленнаго и болѣе или менѣе рѣзко отграниченнаго отъ правительственной судебной власти, другой—въ неразрывномъ и тѣсномъ единеніи съ судебными установленіями, подъ непосредственнымъ ихъ контролемъ, съ дѣйствительною, закономъ опредѣленною, отвѣтственностью и самоуправленіемъ лишь въ вопросахъ внутренняго распорядка. Проектъ не могъ не склониться въ пользу послѣдняго направленія, какъ единственно отвѣчающаго нашимъ потребностямъ и условіямъ, въ силу которыхъ не въ ослабленіи, а, напротивъ, въ укрѣпленіи и оживленіи связи адвокатуры съ судомъ заключается залогъ ея успѣха, что́, однакоже, отнюдь не исключаетъ возможной независимости ея корпоративной жизни.

Болѣе важныя нововведенія и дополненія, отличающія проектъ отъ нынѣ дѣйствующихъ законоположеній о повѣренныхъ, сводятся къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ: 1) въ составъ адвокатуры, вмѣстѣ съ болѣе яснымъ и точнымъ опредѣленіемъ условій, препятствующихъ вступленію въ ея среду, включаются новые элементы въ лицѣ профессоровъ юридическихъ наукъ и должностныхъ повѣренныхъ и юрисконсультовъ различныхъ административныхъ вѣдомствъ; взамѣнъ дискреціоннаго разрѣшенія

или запрещенія, открывается законный доступъ въ адвокатуру и нехристіанамъ, но съ ограниченіемъ числа ихъ процентнымъ отношеніемъ къ числу христіанъ въ размѣрѣ отъ 10 до 20%; по вопросу о вступленіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ допускается протестъ прокурора судебной палаты, которому вообще ввѣряется въ округѣ вся совокупность прокурорскихъ функцій по наблюденію за правильностью дѣйствій мѣстныхъ адвокатскихъ органовъ; 2) силою закона вводятся совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и, слѣдовательно, корпоративное управленіе адвокатскимъ сословіемъ повсюду, гдѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достигаетъ извѣстной законной нормы; но это управленіе по всѣмъ его предметамъ рѣшительно подчиняется бдительному надзору судебной палаты, который при томъ осуществляется не посредствомъ слишкомъ многочисленнаго общаго собранія ея членовъ, а въ небольшой коллегіи особаго присутствія, спеціально занимающейся вопросами судебной этики и дисциплины; 3) соотвѣтственно утвержденію и развитію внутренняго адвокатскаго самоуправленія вообще усиливаются и умножаются, дѣлаясь болѣе дѣйствительными, какъ средства контроля надъ дѣятельностью адвокатовъ, такъ и формы ихъ отвѣтственности передъ кліентами, корпораціей и судебной властью; 4) въ мѣстностяхъ, гдѣ пребываетъ достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ, измѣряемое извѣстнымъ отношеніемъ этого числа къ количеству судей, силою закона устанавливается комплектъ адвокатуры, т.-е. исключительное право присяжныхъ повѣренныхъ вести гражданскія дѣла, превышающія подсудность единоличныхъ судебныхъ установленій; 5) размѣръ и основанія адвокатскаго вознагражденія, правила о гонорарѣ и вообще объ отношеніяхъ повѣренныхъ къ довѣрителямъ подвергаются видоизмѣненію и упорядоченію въ смыслѣ бо̀льшей ясности и взаимнаго разумнаго и достойнаго обезпеченія; 6) какъ восполненіе значительнаго пробѣла въ дѣйствующемъ законѣ, въ 19 статьяхъ проекта подробно и обстоятельно опредѣляется столь обездоленный до сихъ поръ вспомогательный институтъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ; онъ становится правильнымъ разсадникомъ адвокатскаго сословія, и

члены его получаютъ возможность дѣйствительно учиться и помогать патронамъ въ цѣлесообразныхъ предѣлахъ ограниченной практики по всесторонней подготовкѣ; 7) сохраняется, какъ бы въ видѣ необходимаго суррогата къ присяжной адвокатурѣ, и учрежденіе частныхъ повѣренныхъ; въ устройство его вводится цѣлый рядъ поправокъ, подсказанныхъ жизнью, направленныхъ къ тому, чтобы частные повѣренные служили безвреднымъ для настоящей адвокатуры и полезнымъ для населенія орудіемъ судебной помощи, и, наконецъ, 8) въ попеченіи о томъ, чтобы эта помощь была какъ можно ближе, удобнѣе и дешевле для судящихся,—разработаны точныя правила о веденіи судебныхъ дѣлъ самими тяжущимися или посторонними лицами, не принадлежащими ни къ одной изъ трехъ группъ, такъ сказать, патентованной адвокатуры, но связанными съ тяжущимися родствомъ, общностью интереса или законнымъ представительствомъ. Если присоединить сюда тщательно переработанную и дополненную таксу вознагражденія присяжныхъ повѣренныхъ и опредѣляющія переходъ отъ стараго къ новому правила о приведеніи въ дѣйствіе проектированнаго положенія о судебныхъ повѣренныхъ, то полнота и важное значеніе представленнаго проекта будутъ очевидны. Въ немъ могутъ быть недостатки или упущенія, подлежащіе исправленію, которое и составляетъ задачу разсмотрѣнія его въ общемъ собраніи коммиссіи. Но, говоря лишь за себя, я лично не сомнѣваюсь, что проектъ этотъ есть, во всякомъ случаѣ, крупный шагъ впередъ въ дѣлѣ нашего судебнаго переустройства, обѣщающій весьма ощутительныя и—будемъ надѣяться—благотворныя послѣдствія. А въ этомъ встрѣчается несомнѣнная и настоятельная надобность. Въ проектѣ преобразованія адвокатуры, внесенномъ на уваженіе законодательной власти въ 1893 г., было, между прочимъ, сказано: „опытъ дѣятельности новыхъ судебныхъ учрежденій успѣлъ уже съ достаточною ясностью показать, что образовавшееся при дѣйствующихъ правилахъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ весьма значительной части своего состава не удовлетворяетъ предъявляемымъ къ нему закономъ требованіямъ нравственности, знанія и честности убѣ-

жденій. Далеко не всѣ присяжные повѣренные оказались настолько образованными и подготовленными къ выполненію важныхъ и сложныхъ обязанностей ихъ званія, чтобы участіе ихъ въ дѣлѣ было дѣйствительно полезно суду и ихъ довѣрителямъ. Нерѣдко встрѣчались случаи, когда изъ среды присяжныхъ повѣренныхъ являлись защитники подсудимыхъ и тяжущихся, обнаруживавшіе недостаточное знакомство съ законами и формами судопроизводства, легкомысленную небрежность въ изученіи порученныхъ имъ дѣлъ, а иногда даже отсутствіе такта и приличія во время судебныхъ засѣданій въ отношеніяхъ къ суду или участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. Кромѣ того, въ сословіе присяжныхъ стали проникать такія личности, которыя нерѣдко отклонялись отъ строгаго исполненія ихъ долга и, не будучи въ состояніи противостоять соблазнамъ незаконныхъ или не вполнѣ добросовѣстныхъ дѣйствій, встрѣчающимся въ практикѣ каждаго адвоката, являлись не сотрудниками суда въ дѣлѣ разысканія истины, но пособниками лицъ, заинтересованныхъ въ сокрытіи или извращеніи этой истины".

Не касаясь того, насколько немногіе истекшіе годы могли измѣнить приведенное строгое и горькое сужденіе о прошломъ русской адвокатуры, этой неотъемлемой принадлежности новаго судебнаго строя, мы должны приложить въ нашей теперешней работѣ всѣ старанія къ тому, чтобы, во всякомъ случаѣ, будущее не подтвердило столь безотраднаго приговора.

V.

Проектъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій

(Сообщеніе въ засѣданіи коммиссіи 20 февраля 1898 г.) [1]).

Обсужденію проекта новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій не безполезно предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о характерѣ и содержаніи этого проекта. При разработкѣ его сначала въ дѣлопроизводствѣ, а затѣмъ въ соединенныхъ I и II отдѣлахъ коммиссіи, за исходную точку зрѣнія были приняты установленныя еще въ 1896 году „главныя основанія объединенія судебной части“ и, кромѣ того, имѣлось въ виду руководящее разрѣшеніе I-мъ отдѣломъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вопросовъ судоустройства болѣе важнаго или принципіальнаго значенія. Держась вообще на почвѣ дѣйствующаго закона, предлагаемый проектъ заключаетъ въ себѣ постатейный сводъ, съ одной стороны, учредительныхъ постановленій, остающихся неприкосновенными, а съ другой — всѣхъ тѣхъ предначертанныхъ измѣненій и дополненій, необходимость которыхъ выяснена практикой и признается большинствомъ соединенныхъ отдѣловъ. При этомъ въ средѣ ихъ далеко не по всѣмъ выдающимся предметамъ составилось единогласіе, но возникшія разномыслія, свидѣтельствуя о совершенной свободѣ мнѣній и внимательномъ, живомъ отношеніи къ спорнымъ пунктамъ, представляютъ не затрудненія, а скорѣе облегчаютъ окончательное ихъ рѣшеніе. Вопросы, вызвавшіе разногласіе, обрисовались настолько широко и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлительно и точно,

---

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1898 г., Апрѣль.

что при малѣйшемъ желаніи придти къ соглашенію оказывается полная къ тому возможность; наоборотъ, тамъ, гдѣ проявилась болѣе глубокая или упорная рознь во взглядахъ, рѣзко намѣчаются такія непримиримыя ихъ противоположенія, изъ которыхъ одинъ законодатель можетъ впослѣдствіи извлечь истину. Предстоящія сужденія располагаютъ богатымъ и обширнымъ матеріаломъ. Онъ вполнѣ подготовленъ для выводовъ и ярко освѣщается собранными многочисленными данными не только судебнаго опыта, а и всего нашего государственнаго быта. Огромный запасъ такого рода данныхъ даетъ большой просторъ трезвой критикѣ существующаго и разумнымъ предположеніямъ о его улучшеніи. Мы теперь можемъ во всеоружіи провѣрить заключенія, высказанныя въ отдѣлахъ при пересмотрѣ дѣйствующаго судоустройства. Не задаваясь недостижимымъ, стремясь къ возможному, мы должны, наконецъ, придать нашему судебному строю ту практическую прочность, ту жизненную устойчивость, безъ которыхъ великое зданіе отечественнаго правосудія не въ состояніи быть стойкимъ, сильнымъ и удовлетворяющимъ своему назначенію.

При выполненіи настоящей работы были приложены старанія къ тому, чтобы она и по внѣшней своей формѣ соотвѣтствовала одной изъ главныхъ нашихъ задачъ—ничего не ломать и не мѣнять безъ очевидной надобности, сберечь все хорошее и цѣлесообразное, но въ то же время не отступать передъ настоятельною потребностью въ исправленіи и даже въ нововведеніяхъ. Поэтому всюду, гдѣ оказалось позволительнымъ, тщательно сохранены: расположеніе статей закона, ихъ привычный, уже испытанный способъ выраженія, ихъ выработавшійся технической языкъ и твердо усвоенная терминологія. Всѣ допущенныя измѣненія формы и редакціи обусловлены измѣненіемъ существа и находятъ себѣ сознательное оправданіе въ новыхъ институтахъ и правилахъ. Такимъ образомъ, разсматриваемый проектъ представляетъ текстъ не столько вновь составленный, сколько пересмотрѣнный, исправленный и дополненный. Близко примыкая къ нынѣшнему, онъ стремится органи-

чески связать его съ будущими судьбами нашей юстиціи посредствомъ ясныхъ и прямыхъ отвѣтовъ на серьезные запросы русской дѣйствительности

Перемѣны въ содержаніи неизбѣжно повлекли за собою и перемѣны въ *системѣ изложенія*. Такъ, въ нынѣшнемъ учрежденіи судебныхъ установленій правила о мировыхъ установленіяхъ, существующихъ и дѣйствующихъ совершенно отдѣльно отъ общихъ, выдѣлены въ особый, самостоятельный раздѣлъ. Въ проектѣ же, вслѣдствіе объединенія всей мѣстной судебной власти въ вѣдомствѣ окружного суда, согласно мнѣнію большинства, постановленія о пространствѣ дѣйствія и составѣ всѣхъ вообще судебныхъ установленій, въ томъ числѣ и низшихъ, соединены въ одномъ первомъ раздѣлѣ, съ помѣщеніемъ въ первой главѣ его постановленій собственно объ окружныхъ судахъ, а также и объ уѣздныхъ и городскихъ ихъ отдѣленіяхъ, а во второй—о судебныхъ органахъ, дѣйствующихъ въ округѣ окружного суда, т.-е. объ участковыхъ, добавочныхъ и почетныхъ судьяхъ. Не раздѣляя подобнаго пріема, меньшинство находитъ, что, слѣдуя естественному порядку перехода отъ низшихъ установленій къ высшимъ, нужно начать съ постановленій объ участковыхъ судьяхъ и мѣстныхъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ, а затѣмъ уже помѣстить правила, относящіяся къ этимъ послѣднимъ. Далѣе, въ отличіе отъ дѣйствующаго закона, во второмъ раздѣлѣ проекта объединены всѣ уже разсмотрѣнныя принципіально въ общемъ собраніи коммиссіи постановленія учредительнаго свойства объ общественномъ элементѣ въ судѣ, т.-е. о присяжныхъ засѣдателяхъ общаго и особаго состава и о сословныхъ представителяхъ, между тѣмъ какъ нынѣ многія изъ такихъ постановленій помѣщены въ уставѣ уголовнаго судопроизводства. Въ особомъ, третьемъ, раздѣлѣ изложены всѣ организаціонныя правила объ учрежденіяхъ и должностныхъ лицахъ, состоящихъ при судебныхъ мѣстахъ, съ размѣщеніемъ прочихъ постановленій объ этихъ органахъ въ другихъ соотвѣтствующихъ раздѣлахъ по принадлежности (объ опредѣленіи и увольненіи, о правахъ и преимуществахъ, о надзорѣ и отвѣтственности). Затѣмъ, въ то

время какъ въ дѣйствующемъ законѣ постановленія о повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ частью образуютъ (2) главу раздѣла IX, подъ заглавіемъ „о лицахъ, состоящихъ при судебныхъ мѣстахъ". а частью размѣщены по уставамъ судопроизводства, въ настоящемъ проектѣ всѣ эти постановленія. также уже разсмотрѣнныя въ общемъ собраніи, какъ цѣльное положеніе объ адвокатурѣ, составили особый, послѣдній. десятый раздѣлъ учрежденія судебныхъ установленій. Наконецъ, изъ дѣйствующихъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства выдѣлены всѣ разсѣянныя по нимъ правила судоустройственнаго характера и систематически распредѣлены въ подлежащихъ мѣстахъ учрежденія судебныхъ установленій, которое, поэтому, является закономъ, объемлющимъ всѣ безъ исключенія отрасли и стороны судебной организаціи.

Немногія по численности, но важныя по значенію новизны отличаютъ проектированную общую *систему судоустройства.* Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ учрежденіе ближайшихъ къ населенію участковыхъ единоличныхъ судей, съ значительно расширенною компетенціей и съ возложеніемъ на нихъ какъ производства предварительныхъ слѣдствій и слѣдственныхъ дѣйствій, такъ и большинства охранительныхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ нотаріальныхъ обязанностей. Надъ этими участковыми судьями, представляющими первую ступень, перваго фактора нормальнаго правосудія, возвышается, въ качествѣ апелляціонной для нихъ инстанціи, соединеніе ихъ на съѣздовомъ началѣ вмѣстѣ съ судьями почетными въ уѣздное или городское отдѣленіе окружного суда, подъ постояннымъ предсѣдательствомъ уѣзднаго или городского члена окружного суда. Всѣ мѣстныя отправленія судебной власти пріурочены къ этимъ двумъ судебнымъ органамъ, которые, вмѣсто прежней разобщенности мировыхъ судебныхъ установленій отъ общихъ, тѣсно и органически связываются съ окружнымъ судомъ, а чрезъ него и съ другими высшими судебными установленіями. Эта черта мѣстной судебной инстанціи возбудила въ отдѣлахъ разногласіе, касающееся болѣе или менѣе самостоятельнаго ея положенія по отношенію къ окружному суду, но не устраняющее, во вся-

комъ случаѣ, ея существеннаго признака—приближенія къ народу съ его насущными повседневными интересами. Проектируя новое мѣстное судебное устройство, отдѣлы имѣли въ виду сдѣлать его настолько эластичнымъ и удобнымъ, чтобы оно могло быть примѣнимо, съ незначительными видоизмѣненіями, ко всѣмъ мѣстностямъ Россіи. При этомъ, на основаніи послѣдовавшаго соглашенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, признается не только возможнымъ, но и необходимымъ примѣненіе общихъ началъ этого устройства и къ мѣстностямъ, гдѣ разрѣшеніе многихъ судебныхъ дѣлъ меньшей важности изъято изъ судебнаго вѣдомства въ вѣдѣніе земскихъ начальниковъ и судебно-административныхъ учрежденій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 года. Такое примѣненіе отнюдь не связано съ какими-либо измѣненіями въ названныхъ учрежденіяхъ и съ извѣстными приспособленіями вполнѣ укладывается въ ихъ рамки. Противъ этого было заявлено только единичное мнѣніе, не принятое отдѣлами.

Въ непосредственной связи съ мѣстною организаціею суда находится разрѣшенный проектомъ утвердительно вопросъ о возложеніи *слѣдственныхъ полномочій:* во-1-хъ, на особо назначаемыхъ для этой цѣли членовъ судебныхъ мѣстъ въ качествѣ слѣдственныхъ судей и, во-2-хъ, на участковыхъ судей, при чемъ эти послѣдніе по особому распоряженію могутъ исполнять эти обязанности, смотря по мѣстнымъ условіямъ, какъ отдѣльно отъ судебныхъ, завѣдывая слѣдственными участками, такъ и совмѣстно съ отправленіемъ судейской функціи, въ участкахъ судебно-слѣдственныхъ. Основная мысль подобнаго устройства слѣдственной части вызвала единичное возраженіе условнаго характера, въ зависимости отъ учрежденія особой судебной полиціи, а подробности того порядка, въ которомъ предполагается раздѣлять и соединять слѣдовательскія и судейскія обязанности, привели къ мнѣніямъ меньшинства объ учрежденіи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особыхъ и постоянныхъ должностей спеціально слѣдственныхъ судей.

Проектъ сохраняетъ должности *почетныхъ судей*, но лишь для участія въ судебныхъ засѣданіяхъ и пополненія присутствія

окружного суда и его отдѣленій. Согласно принятому коммиссіей коренному началу правительственнаго назначенія на всѣ судебныя должности, и почетные судьи не избираются, а назначаются при условіи извѣстнаго образовательнаго или служебнаго ценза, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстнымъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ предоставляется рекомендовать кандидатовъ въ почетные судьи на основаніяхъ, относительно которыхъ въ I-мъ отдѣлѣ не составилось единогласія.

Въ учрежденіе *прокурорскаго надзора* проектомъ внесено нѣсколько практическихъ поправокъ, соотвѣтствующихъ общему назначенію прокуратуры, изъ которыхъ наиболѣе выдающеюся представляется ясное опредѣленіе законо-охранительной обязанности прокурора, лежащей на немъ также и по участію его въ различныхъ административныхъ присутствіяхъ.

Довольно крупнымъ измѣненіямъ подвергнутъ въ проектѣ институтъ *судебной кандидатуры*, какъ нормальная школа и разсадникъ судебныхъ дѣятелей, при чемъ послѣдствія этихъ измѣненій могутъ существенно отразиться на всемъ строеніи и всей внутренней экономіи нашей магистратуры. Кандидатовъ на судебныя должности предполагается имѣть только при окружныхъ судахъ, т.-е. тамъ, гдѣ они дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ, могутъ и научиться, и помочь обремененнымъ судебнымъ органамъ. Кандидаты будутъ раздѣляться только на двѣ категоріи: младшихъ и старшихъ, т.-е. на учениковъ судебнаго дѣла и на лицъ, вполнѣ подготовленныхъ къ самостоятельной должности. Минимальный кандидатскій стажъ сокращается до 2-хъ лѣтъ, но этимъ срокомъ увеличивается продолжительность подготовки къ званію старшаго кандидата, уже дающему право на назначеніе. Предполагается, понизивъ 600 р.—окладъ старшаго кандидата—до 500 р., установить возможно большее число такихъ окладовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создать извѣстное количество штатныхъ окладовъ въ 400 рублей для младшихъ кандидатовъ и, кромѣ того, выдавать единовременныя пособія до 300 рублей тѣмъ изъ нихъ, которые не попали въ штатъ. Конечная цѣль всѣхъ этихъ постановленій, pium desiderium матеріальной обстановки кандидатуры, — чтобы ни одинъ нуждаю-

щійся кандидатъ не оставался безъ болѣе или менѣе постояннаго. хотя и скромнаго вознагражденія. Но наиболѣе важнымъ нововведеніемъ въ кандидатской области является впервые провозглашаемое единство судебной школы, правило о томъ, что кандидатура есть единственный контингентъ, изъ котораго пополняются ряды магистратуры, что прохожденіе кандидатскаго стажа есть необходимое и неизбѣжное условіе занятія самостоятельной судебной должности. Какъ бы ни разрѣшилось второстепенное разногласіе, происшедшее въ I-мъ отдѣлѣ по вопросу о допущеніи въ этомъ отношеніи извѣстныхъ изъятій для лицъ адвокатскаго сословія и профессоровъ юридическихъ наукъ, новый принципъ, въ случаѣ его принятія, по своей справедливости и жизненности, обѣщаетъ скоро стать однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ и надежныхъ устоевъ, однимъ изъ самыхъ важныхъ залоговъ правильнаго развитія судебнаго вѣдомства.

Не менѣе существенныя перемѣны, хотя и въ иномъ направленіи, постигаютъ должность *судебныхъ приставовъ*. Они сохраняются только при окружныхъ судахъ и притомъ исключительно для дѣйствій по исполненію судебныхъ рѣшеній; всѣ же остальныя теперешнія ихъ обязанности возлагаются на судебныхъ разсыльныхъ. Для назначенія на должность судебнаго пристава впервые устанавливается извѣстный цензъ, которымъ, по мнѣнію большинства отдѣла, должно быть полученіе средняго образованія и выдержаніе практическаго испытанія. Предположено отмѣнить неприносившее пользы представленіе судебными приставами залоговъ и неудавшееся учрежденіе въ ихъ средѣ особыхъ совѣтовъ и товариществъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ посредство мѣстныхъ судей усилить надзоръ за дѣятельностью приставовъ, обязательно разселяемыхъ по всему округу суда. Эти мѣры направлены къ поднятію и упорядоченію нѣсколько обдѣленнаго теперь института судебныхъ исполнителей.

Въ основаніе всѣхъ правилъ о порядкѣ *судебнаго движенія судей* положено безусловное начало повсемѣстнаго правительственнаго ихъ назначенія. Въ видахъ обезпеченія замѣщенія судебныхъ должностей наболѣе достойными кандидатами, судебнымъ мѣстамъ предоставляется независимо отъ представленія

на каждую открывающуюся вакансію, составлять къ концу года списки лицъ, рекомендуемыхъ на вакансіи, могущія открыться въ теченіе года. Эти списки, вмѣстѣ съ подобными же представленіями прокуроровъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ о вакансіяхъ въ прокурорскомъ надзорѣ, должны облегчить и упорядочить въ центральномъ управленіи судебною частью трудную задачу успѣшнаго ея комплектованія. Затѣмъ, сохраняя въ цѣлости начало судейской несмѣняемости, проектъ, соотвѣтственно истинному характеру этого правила, переноситъ его изъ области правъ и преимуществъ лицъ судебнаго вѣдомства въ кругъ постановленій о порядкѣ увольненія ихъ отъ должности, гдѣ и объединяются всѣ правила этого рода. Невозможность увольненія и перемѣщенія внѣ установленнаго порядка распространяется на всѣхъ единоличныхъ судей, въ томъ числѣ и слѣдователей, съ возложеніемъ разрѣшенія вопроса объ удаленіи ихъ въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, по мнѣнію большинства, на особое присутствіе консультаціи, при министерствѣ юстиціи учрежденной, а по мнѣнію меньшинства—на соединенное присутствіе сената или дисциплинарныя присутствія судебныхъ палатъ. Нынѣшній перечень поводовъ, по которымъ судья можетъ быть уволенъ отъ должности безъ суда, но не иначе, какъ по опредѣленію коллегіальнаго установленія, дополняется настойчиво подсказаннымъ жизнью случаемъ утраты способности къ правильному исполненію обязанностей вслѣдствіе одряхлѣнія или тяжкихъ и постоянныхъ немощей. Это дополненіе даетъ возможность обойтись безъ единодушно отвергнутыхъ отдѣлами, ни для кого, повидимому, несочувственныхъ правилъ о предѣльномъ возрастѣ на судебной службѣ. По мнѣнію меньшинства, всякое увольненіе и перемѣщеніе или, наоборотъ, оставленіе на мѣстѣ судьи, назначеннаго Высочайшею властью и подавшаго поводъ къ разсмотрѣнію въ сенатѣ вопроса объ этомъ, можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія. Сюда же относятся выработанныя I-мъ отдѣломъ, во исполненіе порученія, возложеннаго на министра юстиціи государственнымъ совѣтомъ, новыя предположенія о порядкѣ перемѣщенія и оставленія за штатомъ судей, должности кото-

рыхъ переводятся въ другой округъ или вовсе сокращаются. Сущность этихъ предположеній, подробно мотивированныхъ въ журналѣ отдѣла, сводится къ предоставленію министру юстиціи права дѣлать по этому предмету необходимыя распоряженія, а судьямъ, которыхъ они коснутся,—особыхъ преимуществъ по матеріальному обезпеченію.

Дѣйствующія постановленія о *судебномъ надзорѣ* предположено измѣнить въ смыслѣ нѣкотораго его развитія и усиленія, при чемъ собственно предсѣдательскій надзоръ долженъ быть послѣдовательно и іерархически проведенъ чрезъ полномочія старшаго предсѣдателя судебной палаты по округу палаты, предсѣдателя окружного суда—по округу суда и уѣзднаго или городского члена окружного суда—по уѣзду или городу. Немаловажнымъ нововведеніемъ является также сосредоточеніе всѣхъ дѣлъ по надзору въ сенатѣ въ соединенномъ присутствіи 1-го и судебныхъ или кассаціонныхъ департаментовъ, а въ судебной палатѣ и окружномъ судѣ—въ особо образуемыхъ въ составѣ ихъ дисциплинарныхъ присутствіяхъ, замѣняющихъ собою для подобныхъ дѣлъ слишкомъ многолюдныя общія собранія членовъ названныхъ установленій.

Послѣ внимательнаго изслѣдованія и обсужденія вопроса о *наказахъ* судебныхъ мѣстъ, общемъ и особыхъ, отдѣлы, согласно мнѣнію большинства спрошенныхъ объ этомъ судебныхъ мѣстъ и дѣятелей, признали необходимымъ сохранить въ общихъ чертахъ какъ изданіе, такъ и нынѣшній порядокъ утвержденія и измѣненія обоихъ наказовъ. Что же касается до ихъ содержанія. то сужденія отдѣловъ, если они будутъ одобрены коммиссіей, послужатъ указаніемъ для безотлагательнаго составленія общаго наказа, по имѣющимся богатымъ матеріаламъ, въ особой коммиссіи, учрежденной для упрощенія судебнаго дѣлопроизводства, съ такимъ разсчетомъ, чтобы работа эта была окончена ко времени внесенія настоящаго проекта на уваженіе законодательной власти

По настоятельному и жгучему вопросу о размѣрѣ и способахъ *вознагражденія* лицъ судебнаго вѣдомства, впредь до окончательной разработки новыхъ штатовъ судебныхъ устано-

вленій и выясненія объема тѣхъ кредитовъ, которыми вѣдомство будетъ располагать, соединенные отдѣлы должны были ограничиться лишь примѣрнымъ росписаніемъ окладовъ и предположеніями, уже ранѣе намѣченными въ I-мъ отдѣлѣ. Въ числѣ ихъ заслуживаютъ наиболѣе вниманія прежде всего общее, давно назрѣвшее, повышеніе всѣхъ окладовъ въ мѣрѣ не преувеличенной, по дѣйствительной надобности и по сравненію съ позднѣйшими нормами окладовъ въ другихъ вѣдомствахъ, а затѣмъ дополнительныя ассигнованія въ мѣстностяхъ, отличающихся дороговизной, и періодическія прибавки къ содержанію по срокамъ выслуги. При этомъ не возбуждала опасеній перспектива требовать новыхъ жертвъ отъ государственной казны: съ одной стороны, какъ въ министерствѣ, такъ и въ коммиссіи сложилось твердое, глубоко обоснованное убѣжденіе въ томъ, что судъ дешевый есть синонимъ суда плохого, а съ другой — предвидѣлась возможность найти хотя бы часть нужныхъ средствъ въ новомъ, болѣе цѣлесообразномъ, распредѣленіи судебныхъ органовъ и личнаго состава и въ соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ нѣкоторыхъ судопроизводственныхъ порядковъ.

Въ довершеніе нововведеній общаго свойства значительное большинство соединенныхъ отдѣловъ высказалось за упраздненіе обособленныхъ *коммерческихъ судовъ*, съ отнесеніемъ судебно-торговыхъ дѣлъ къ юрисдикціи единыхъ въ Имперіи судебныхъ установленій. Но и здѣсь было заявлено мнѣніе меньшинства о возможности осуществленія этой мѣры лишь при условіи образованія въ составѣ окружныхъ судовъ особыхъ торговыхъ отдѣленій при участіи представителей отъ купечества. Какъ бы то ни было, сообразно такой постановкѣ дѣла въ проектѣ учрежденія судебныхъ установленій о коммерческихъ судахъ, какъ объ особыхъ установленіяхъ, дѣйствующихъ по особымъ о нихъ правиламъ, уже не упомянуто.

Какъ сказано, изъ области важнѣйшихъ учредительныхъ постановленій двѣ части судоустройства уже были въ виду и въ разсмотрѣніи коммиссіи по общему ея собранію. Такъ, ею въ минувшемъ году принятъ по статьямъ проектъ о *повѣренныхъ по судебнымъ дѣламъ*, цѣликомъ включенный въ настоящій

проектъ и нынѣ уже не подлежащій обсужденію. Установлены также и всѣ основанія тѣхъ формъ и правилъ, которыми должно опредѣляться участіе общественнаго элемента въ отправленіи уголовнаго правосудія или, точнѣе, *суда съ участіемъ присяжныхъ заседателей и сословныхъ представителей.* Составленный на этихъ основаніяхъ текстъ соотвѣтствующихъ постановленій былъ разсмотрѣнъ въ соединенныхъ отдѣлахъ и теперь, по окончательномъ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ, можетъ вызвать лишь вторичное постатейное обсужденіе, безъ возвращенія къ самымъ принципамъ

Приведеннымъ перечнемъ исчерпываются болѣе важныя общія отличія предлагаемаго проекта учрежденія судебныхъ установленій отъ нынѣ дѣйствующаго. Въ ряду отдѣльныхъ, детальныхъ правилъ можно отмѣтить слѣдующія измѣненія, весьма неодинаковаго значенія: 1) возложеніе обязанностей предсѣдательствующаго, взамѣнъ отсутствующаго предсѣдателя того или другого ранга, не механически, на старшаго изъ членовъ судебныхъ мѣстъ, а раціонально, на члена, назначеннаго общимъ собраніемъ; 2) отмѣна практически непрививщагося у насъ періодическаго перемѣщенія по закону членовъ суда изъ гражданскихъ отдѣленій въ уголовныя и наоборотъ; 3) единоличное предсѣдательствованіе по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей общаго состава, съ отступленіемъ отъ этого порядка въ особыхъ случаяхъ, по опредѣленію суда: 4) образованіе особыхъ экзаменаціонныхъ присутствій для испытанія лицъ, домогающихся должностей, для которыхъ требуются спеціальныя познанія; 5) учрежденіе: а) особыхъ канцелярій предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, б) особыхъ должностей приходорасходчиковъ и регистраторовъ, в) постоянныхъ штатныхъ переводчиковъ, состоящихъ на государственной службѣ и отвѣтственныхъ за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей и г) штатныхъ письмоводителей при участковыхъ судьяхъ, при чемъ это послѣднее предположеніе не могло быть разрѣшено окончательно впредь до выясненія стоимости его осуществленія; 6) возложеніе исполненія судебныхъ рѣшеній, при взысканіяхъ съ лицъ крестьянскаго сословія на сумму не свыше 50 руб.,

на волостное и сельское начальства; 7) безусловное требованіе юридическаго образованія для занятія секретарскихъ должностей; 8) сокращеніе: а) льготнаго срока явки на службу для лицъ, уже проживающихъ въ мѣстѣ новаго служенія и б) повторнаго срока той же явки, 9) отмѣна дисциплинарнаго денежнаго взысканія съ судебныхъ приставовъ и сохраненіе таковаго для судебныхъ разсыльныхъ, и нѣкоторыя другія мѣры.

Въ дальнѣйшей или болѣе пространной характеристикѣ проектъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій едва ли нуждается, такъ какъ особенности его достаточно ясны для опытнаго глаза глубокихъ знатоковъ судебнаго дѣла, засѣдающихъ въ коммиссіи. При предстоящихъ ея занятіяхъ нѣтъ надобности, казалось бы, и въ общихъ разсужденіяхъ, уже въ изобиліи высказанныхъ при разсмотрѣніи „главныхъ основаній объединенія судебной части“ и цѣлаго ряда общихъ вопросовъ, разрѣшенныхъ въ коммиссіи и въ отдѣлахъ. Лучше всего, не теряя всѣмъ намъ дорогого времени, прямо приступить къ послѣдовательному обозрѣнію проекта, къ голосованію послѣдовавшихъ въ отдѣлахъ разногласій и къ выслушанію и обсужденію новыхъ предложеній, если бы таковыя оказались. Сосредоточивая нашъ трудъ на существѣ, не будемъ здѣсь обременять себя и редакціонными поправками—это завело бы насъ слишкомъ далеко и съ бо́льшимъ успѣхомъ можетъ быть выполнено дѣлопроизводствомъ, по замѣчаніямъ гг. членовъ коммиссіи. Когда вся эта работа будетъ сдѣлана—ввѣренный намъ пересмотръ судебныхъ законоположеній благополучно вступитъ въ свой послѣдній, заключительный періодъ“.

VI.

Проектъ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства.

(Сообщеніе въ засѣданіи коммиссіи 7 января 1899 г.)

Разсмотрѣнію коммиссіи въ настоящемъ общемъ собраніи ея членовъ подлежитъ проектъ новой редакціи устава гражданскаго судопроизводства, представляющій результатъ 4-лѣтнихъ усиленныхъ трудовъ по пересмотру относящихся сюда узаконеній. Занимающійся этимъ предметомъ IV отдѣлъ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ С. И. Лукьянова, съ мая 1894 г. по май 1898 г., посвятилъ гражданскому процессу, сверхъ подготовительныхъ изслѣдованій и справокъ, до 117 засѣданій, отразившихся въ 56 обстоятельныхъ журналахъ и цѣломъ рядѣ особыхъ мнѣній и записокъ по различнымъ отдѣламъ судопроизводства. Въ послѣдовательномъ ходѣ занятій IV отдѣла отмѣчаются два періода: въ теченіе перваго—начальнаго, были установлены исходныя точки зрѣнія и проложены пути къ дальнѣйшему, а послѣдній явился естественнымъ развитіемъ и завершеніемъ предпринятыхъ работъ. Приступивъ къ дѣлу 5 мая 1894 г., отдѣлъ этотъ по октябрь 1896 года исполнилъ всѣ приготовленія и обсудилъ не мало серьезнѣйшихъ вопросовъ гражданскаго правосудія. Послѣ обрисовки плана и распредѣленія занятій, были собраны необходимые обширные матеріалы, между прочимъ, посредствомъ дѣятельнаго участія отдѣла въ разработкѣ программы и выводовъ систематической ревизіи судебныхъ установленій и въ другихъ начинаніяхъ, непосредственно связанныхъ съ пересмотромъ, въ особенности же въ обсужденіи главныхъ основаній предстоящаго объединенія

судебной части. Выяснивъ сущность важнѣйшихъ измѣненій и дополненій, требуемыхъ нынѣ дѣйствующимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства, отдѣлъ подвергъ подробному постатейному разсмотрѣнію пять первыхъ главъ раздѣла I-го, книги II этого устава, о производствѣ въ окружныхъ судахъ, и затѣмъ въ тотъ же первый періодъ своей дѣятельности намѣтилъ основы будущаго содержанія впервые вырабатываемаго, взамѣнъ теперешнихъ несовершенныхъ постановленій, полнаго устава охранительныхъ производствъ. Кромѣ того, были разрѣшены крупные вопросы о порядкѣ производства дѣлъ казенныхъ управленій и дѣлъ торговыхъ въ связи съ особою ихъ подсудностью и преобразованіемъ существующей для нихъ юрисдикціи, а также общій вопросъ объ апелляціи и кассаціи въ дѣлахъ гражданскихъ. Съ 1896 г. пересмотръ устава гражданскаго судопроизводства вступилъ въ новый, болѣе рѣшительный свой фазисъ, такъ какъ, въ видахъ ускоренія всѣхъ вообще трудовъ коммиссіи, было признано полезнымъ пріурочивать по возможности ея работы по всѣмъ отдѣламъ къ разсмотрѣнію по статьямъ заранѣе выработанныхъ проектовъ новаго текста судебныхъ уставовъ. Согласно этой мысли, на обсужденіе IV отдѣла была внесена проектированная А. Г. Гасманомъ новая редакція устава гражданскаго судопроизводства, на которой и сосредоточились съ тѣхъ поръ сужденія, сначала одного IV отдѣла, а потомъ, съ 11 ноября 1897, въ соединенномъ присутствіи его съ отдѣломъ I, подъ предсѣдательствомъ замѣнившаго меня въ 19 засѣданіяхъ П. М. Бутовскаго. Дважды, такимъ образомъ, всесторонне разсмотрѣнный проектъ переходитъ нынѣ, какъ бы въ третьемъ чтеніи, на окончательную провѣрку всего состава нашей коммиссіи, съ надежнымъ ручательствомъ полнѣйшей основательности въ самомъ способѣ и порядкѣ его начертанія. Теперь, конечно, еще не время подводить какіе бы то ни было итоги, но если даже бѣгло обозрѣть весь этотъ колоссальный трудъ, то станетъ ясно, какое продуманное и прочное основаніе онъ даетъ конечнымъ заключеніямъ коммиссіи по гражданскому судопроизводству при всѣхъ возможныхъ и неизбѣжныхъ частичныхъ разногласіяхъ. Пред-

полагаемый проектъ обнимаетъ собою весь уставъ гражданскаго судопроизводства, кромѣ исполненія судебныхъ рѣшеній и охранительныхъ производствъ—обширныхъ частей, нынѣ уже законченныхъ составленіемъ и слѣдующихъ въ дальнѣйшей разработкѣ тому же направленію, которое было дано и главной части устава. Эта послѣдняя заключаетъ въ себѣ 1054 статей—количество трудно сопзмѣримое съ нынѣшнимъ, въ виду сдѣланныхъ измѣненій и дополненій дѣйствующихъ правилъ. Но нужно замѣтить, что всѣ подобныя измѣненія и дополненія носятъ и здѣсь, въ уставѣ гражданскаго судопроизводства, какъ и въ разсмотрѣнномъ уже учрежденіи судебныхъ установленій, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ работахъ нашей коммиссіи, отпечатокъ строгой сдержанности и осторожности, позволяющей мѣнять и дополнять только тогда, когда къ тому есть настоятельная надобность и достаточные поводы. Духомъ — если такъ можно выразиться—разумнаго законодательнаго консерватизма проникнутъ весь методъ обработки настоящаго проекта. Онъ никогда не теряетъ изъ виду руководящихъ заключеній коммиссіи и I ея стдѣла по общимъ вопросамъ, имѣющимъ соотношеніе къ гражданскому судопроизводству. Въ дѣйствующемъ его уставѣ статья пересматривается за статьей съ бережнымъ отношеніемъ къ существующему, съ осмотрительно-пытливымъ воззрѣніемъ на будущее. Вопреки иногда высказывавшемуся, едва ли основательному, предубѣжденію, задавались вопросомъ не о томъ, что́ измѣнить или чѣмъ дополнить, а о томъ, нужно ли и насколько вообще что-либо измѣнять и дополнять. Исходя изъ того всегда присущаго нашимъ трудамъ соображенія, что отъ добра добра не ищутъ и что испытанное дороже неизвѣданнаго, мы и въ гражданскомъ судопроизводствѣ идемъ тѣмъ медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ безпристрастной практической критики, при которой и съ внѣшней, и съ внутренней стороны пересматриваемаго закона свято сохраняется все удовлетворительное, а новое вносится въ мѣрѣ дѣйствительной и доказанной необходимости. Поэтому измѣненія въ системѣ и изложеніи допускаются постольку, поскольку это вызывается измѣненіями въ содержаніи. Что же касается до существа вновь редактируемыхъ законо-

положеній, то новизна ихъ оправдывается и объясняется или явною потребностью въ улучшеніи текста и обнаруженными судебной практикой, въ особенности кассаціонною, *пробѣлами* и *недостатками* въ законѣ, дѣйствующемъ уже болѣе 30 лѣтъ, или задачею всемѣрнаго *облегченія суда и доступа къ нему*, поставленною нашей коммиссіи въ числѣ ея руководящихъ принциповъ. Выполненіе этой задачи имѣетъ собственно въ области суда гражданскаго преобладающее значеніе, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія въ ней политическаго элемента и вытекающей отсюда возможности исключительно считаться съ чисто судебными и бытовыми условіями, безъ всякой примѣси привходящихъ требованій и вліяній, нерѣдко постороннихъ прямой и главной цѣли правосудія. Для редакторовъ проекта лишь изъ-за правъ и интересовъ тяжущагося, въ отдаленной и отвлеченной, а потому спокойной высотѣ, выступали интересы общества и государства, для нихъ судебная техника замѣняла собою судебную политику и можно было, заботясь лишь о судѣ и судящихся, приложить всѣ старанія единственно къ наилучшему сочетанію въ выработанныхъ предположеніяхъ ясности съ полнотою, справедливости съ удобствомъ.

По принятому у насъ обыкновенію и въ видахъ общей характеристики проекта не безполезно предпослать постатейному его обсужденію краткое перечисленіе его важнѣйшихъ отличій отъ дѣйствующаго устава, въ особенности же тѣхъ изъ нихъ, которыя вызвали въ средѣ отдѣловъ болѣе или менѣе существенныя разномыслія.

Въ первую вступительную часть устава, подъ рубрикою „*основныя положенія*“ большинствомъ голосовъ включено, по примѣру другихъ, весьма развитыхъ законодательствъ и въ томъ числѣ нашего прибалтійскаго, новое правило о судебной защитѣ не только уже нарушеннаго права, но и простого правоотношенія, если по уважительнымъ основаніямъ оно нуждается въ юридическомъ установленіи (ст. 2). Большинство находитъ, что такое расширеніе въ законѣ понятія о судебномъ спорѣ, нынѣ принимаемаго въ смыслѣ римскаго actio nata, до болѣе современнаго и жизненнаго представленія объ утвержденіи права

вызывается не только теоретическою правильностью нѣмецкаго института Feststellungsklagen, но и выяснившимися уже потребностями нашего гражданскаго оборота и отвѣчающимъ имъ направленіемъ кассаціонной практики; слѣдуетъ ввести въ законъ, то, на что̀ наталкиваютъ заслуживающія охраны явленія жизни. А, по мнѣнію меньшинства, это и не нужно, и не безопасно, какъ потому, что судебный споръ о нарушеніи права долженъ и теперь быть понимаемъ шире, не при одной наличности, но и при возможности правонарушенія, такъ и въ виду грозящаго, съ принятіемъ проектированнаго дополненія, размноженія сутяжничества и кляузъ. Далѣе восполненъ ощутительный на практикѣ недостатокъ въ болѣе подр бномъ опредѣленіи соучастія или товарищества субъектовъ процесса (ст. 12—22) и установлено судебное представительство попечителя за несовершеннолѣтняго, кромѣ того случая, когда этотъ послѣдній можетъ самъ имѣть хожденіе по разрѣшеннымъ ему сдѣлкамъ (ст. 25 и 25[1]).

Въ отступленіе отъ теперешней *системы* устава гражданскаго судопроизводства, согласно съ измѣненіями, предположенными въ судоустройствѣ, вслѣдъ за основными положеніями на первомъ мѣстѣ, въ книгѣ первой поставлены правила о производствѣ дѣлъ въ тѣхъ судебныхъ установленіяхъ, которыя нынѣ именуются общими, т.-е. въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ и правительствующемъ сенатѣ, какъ порядокъ общій и нормальный, и уже затѣмъ во второй книгѣ помѣщены спеціальныя правила для дѣлъ участковой подсудности, съ прямымъ въ нихъ указаніемъ (ст. 802), что въ остальномъ дѣла эти подчиняются общимъ процессуальнымъ постановленіямъ, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ, точно означенныхъ въ законѣ. Такое новшество, прямо обусловленное новою постановкою и новымъ соотношеніемъ судебныхъ органовъ, имѣющее за собою преимущество законодательной стройности и простоты, вызвало въ отдѣлахъ единичное возраженіе и несогласіе.

Постановленія о *подсудности* означены для большей ясности въ двухъ отдѣльныхъ группахъ, главной—по мѣсту жительства и второстепенной—по другимъ установленнымъ въ зако-

нѣ основаніямъ. По указаніямъ практики, въ нѣкоторыя отдѣльныя правила о подсудности, напр., исковъ о наслѣдствѣ и къ лицу умершаго собственника (ст. 46 и 50) введены по большинству голосовъ существенныя поправки, а также вновь опредѣлена подсудность извѣстныхъ категорій исковъ, напр., противъ общественныхъ, сословныхъ и иныхъ учрежденій, довѣрителей къ повѣреннымъ объ убыткахъ по веденію дѣлъ, исковъ, вытекающихъ изъ преступныхъ дѣяній, исковъ къ иностранцамъ, пребывающимъ за границею и къ русскимъ по обязательствамъ, заключеннымъ за границею (ст. 42^1, 54, 56, 57, 62^1, 62^3).

Въ отношеніи *исковъ* проектъ, задаваясь облегчительными цѣлями, расширяетъ кругъ случаевъ соединенія исковъ, истекающихъ изъ разныхъ основаній (ст. 93), по большинству голосовъ разрѣшаетъ подачу исковыхъ прошеній черезъ ближайшаго къ жительству просителя участковаго судью для отсылки по принадлежности во всѣ судебныя мѣста Имперіи (примѣч. къ ст. 94 и ст. 820^1—820^5) и допускаетъ какъ вызовъ къ суду, такъ и доставленіе судебныхъ бумагъ не исключительно черезъ судебныхъ разсыльныхъ, но и черезъ почту, на основаніи особыхъ о томъ правилъ, имѣющихъ быть установленными по соглашенію министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ (примѣч. къ ст. 102). Опредѣленіе цѣны иска не предоставляется произволу одного истца, а можетъ быть оспариваемо отвѣтчикомъ передъ судомъ, особо отъ самаго предмета спора (ст. 109).

Поправки того же свойства введены *въ предварительное производство до слушанія дѣла* въ судебномъ засѣданіи. Между прочимъ, устанавливается болѣе легкій, удобный и дешевый порядокъ сношенія суда съ тяжущимися черезъ почту и по телеграфу (ст. 139, 143—144^1), а также и вызовъ неизвѣстно гдѣ живущаго отвѣтчика черезъ особо назначаемаго къ нему попечителя (ст. 127—132). Затѣмъ уничтожается вполнѣ осужденное практикой дѣленіе порядковъ судопроизводства на общій и сокращенный и взамѣнъ этого вводится, въ зависимости отъ сложности дѣла, факультативное назначеніе письменной его подго-

товки по распоряженію предсѣдательствующаго или суда (ст 148, 149. 154, 173).

При *судебномъ разсмотрѣніи* дѣла, равнымъ образомъ, проектировано нѣсколько упрощеній и улучшеній. Такъ, большинствомъ сокращено число случаевъ обязательнаго прокурорскаго заключенія (ст. 180); расширенъ, въ соотвѣтствіи съ постановленіями устава угол. суд., кругъ лицъ, не могущихъ быть устраняемыми отъ свидѣтельства на судѣ (ст. 201 и 203[1]), усилена отвѣтственность свидѣтелей за неявку безъ уважительныхъ причинъ и точно указаны случаи, когда свидѣтели могутъ отказаться отъ отвѣтовъ на предложенные имъ вопросы (ст. 212 и 227).

По представленію и изслѣдованію *доказательствъ* приняты нѣкоторыя мѣры, помогающія тяжущимся доказать, а суду выяснить и установить дѣйствительную истину, насколько это возможно въ гражданскомъ процессѣ. Кромѣ нѣкотораго распространенія примѣненія дознанія черезъ окольныхъ людей (ст. 241), усилены, хотя и весьма осторожно, допустимость и значеніе свидѣтельскихъ показаній по отношенію къ фактической сторонѣ письменныхъ актовъ. Но еще значительнѣе измѣненія, внесенныя въ производство по спору противъ подлинности актовъ, въ которомъ, при дѣйствующемъ порядкѣ, нерѣдко находили себѣ обильную пищу недобросовѣстность и волокита. Двѣ теперешнія казуистически-различныя формы такого спора, о подлинности и о подлогѣ акта, соединены въ одну — о подлинности его, въ чемъ собственно и заключается весь центръ тяжести вопроса для суда гражданскаго. Иначе и, повидимому, правильнѣе распредѣлено при этомъ и onus probandi: по общему правилу подлинность акта должна доказать сторона, его предъявляющая; она освобождается отъ этой обязанности лишь въ случаяхъ законной презумпціи подлинности, напр., при офиціальномъ совершеніи акта, и тогда обязанность опровергнуть ее переходитъ на сторону, возбуждающую сомнѣніе. Вмѣсто нынѣшней обязательной передачи дѣлъ къ уголовному преслѣдованію при первомъ прямомъ, хотя бы и явно неосновательномъ обвиненіи кого-либо въ подлогѣ, большинствомъ разрѣшается гражданскому суду по-

ступить, смотря по даннымъ произведеннаго имъ изслѣдованія заподозрѣннаго акта, т.-е. по обстоятельствамъ дѣла, а не по одному извѣту заинтересованнаго лица (ст. 316—335).

Въ области *отводовъ* и *возраженій*, согласно направленію, уже усвоенному нашимъ законодательствомъ, предположено совершенно упразднить устарѣвшую и несоотвѣтствующую современному международному обмѣну обязанность иностранцевъ представлять cautio judicatum solvi, обезпеченіе издержекъ и убытковъ по своимъ искамъ въ русскихъ судахъ.

Что же касается до *обезпеченія иска* вообще, то принадлежащія сюда мѣры дополняются мѣрою, клонящеюся къ охраненію самаго предмета спора воспрещеніемъ отвѣтчику извѣстныхъ дѣйствій и, сверхъ того, усиливается денежная отвѣтственность третьихъ лицъ за сокрытіе находящагося у нихъ и подлежащаго аресту имущества должника (ст. 430, 465 и 466).

Немаловажныя нововведенія сдѣланы въ отдѣлѣ, трактующемъ объ *участіи въ дѣлѣ третьихъ лицъ*. Не говоря уже о логическомъ измѣненіи самой системы, въ силу которой сначала опредѣляется добровольное вступленіе третьяго лица, а затѣмъ уже принудительное привлеченіе его къ дѣлу, проведено процессуальное различіе во времени между двумя формами такового участія, при чемъ вступленіе главное, intervention principalis, независящее отъ правъ истца или отвѣтчика, ограничено моментомъ до рѣшенія дѣла въ I инстанціи, тогда какъ вступленіе побочное, въ качествѣ помощника одной изъ сторонъ, intervention accessoria, дозволено, какъ и теперь, при всякомъ положеніи дѣла (ст. 488 и 490). При этомъ большинствомъ вновь приняты признаваемыя со стороны меньшинства неполными и недостаточными опредѣленія какъ объема и послѣдствій побочнаго вступленія въ дѣло третьяго лица (ст. 491—494), такъ и условій привлеченія его къ дѣлу (ст. 495, 500—501). По указаніямъ кассаціонной практики и примѣру прибалтійскихъ судопроизводственныхъ законовъ, въ имперскій уставъ вводится новый институтъ обозначенія надлежащаго отвѣтчика, такъ называемое nominatio auctoris, позволяющее, напримѣръ, временному владѣльцу или арендатору, собственнику-право-

дателю и простому должнику выяснить свое истинное юридическое отношеніе съ истцомъ и тѣмъ или уйти отъ иска, или сознательно принять его (ст. 504—507[4]).

Переходя къ *рѣшеніямъ*, проектъ стремится исправить явные недостатки дѣйствующаго устава въ расположеніи статей, въ терминологіи и въ самомъ существѣ отдѣльныхъ правилъ. Между прочимъ, суду предоставляется постановлять рѣшеніе въ окончательной формѣ и безъ предварительнаго объявленія одной только резолюціи (ст. 536—562). Суду предписывается и въ резолюціи, и въ рѣшеніи точно указывать плательщика и количество судебныхъ издержекъ, которыя уже не могутъ становиться предметомъ особаго иска (ст. 544 п. 6, 566, 776). Съ небольшимъ разномысліемъ относительно предѣла предположено дозволить всѣмъ судебнымъ мѣстамъ при постановленіи рѣшенія руководствоваться мѣстными обычаями (ст. 544), при чемъ, по шаткости этого источника, невольно напрашивается сомнѣніе, не осторожнѣе ли было бы, если ужъ это дополненіе необходимо, сказать „принимаетъ въ соображеніе“ вмѣсто „руководствуется“. Сверхъ новыхъ правилъ о порядкѣ разрѣшенія просьбъ объ истолкованіи рѣшенія судомъ, его постановившимъ, и порядкѣ исправленія имъ же вкравшихся въ рѣшеніе описокъ и ошибокъ (ст. 561[3]—562[1]), въ проектъ включена нравственно и практически весьма важная статья о правѣ суда по дѣламъ объ убыткахъ присуждать по внутреннему убѣжденію истцу вознагражденіе въ извѣстномъ размѣрѣ въ томъ случаѣ, когда судъ признаетъ, что истецъ лишенъ возможности доказать количество несомнѣнно понесеннаго имъ убытка.

Къ институту *заочныхъ рѣшеній* проектъ относится нѣсколько ограничительно, по большинству голосовъ не допуская ихъ при очевидной возможности для тяжущагося явки или объясненій (ст. 568), но при этомъ сохраняя за нимъ, вопреки одному мнѣнію, льготу по двухстепенному обжалованію сначала отзывомъ на заочное рѣшеніе, а потомъ уже апелляціей (ст. 580). Предварительное исполненіе рѣшенія факультативно распространено, сверхъ нынѣ предусмотрѣнныхъ, еще на два случая:

взысканія съ нанимателя въ пользу прислуги или рабочихъ и присужденія алиментовъ или вознагражденія за поврежденія въ здоровьѣ (ст. 587 п. 3 и 4). Но эти предположенія, принятыя большинствомъ, встрѣтили разнообразныя и серьезныя возраженія меньшинства.

Крупное измѣненіе нынѣшняго устава заключается въ замѣнѣ единоличнаго *исполнительнаго производства* по разсчетамъ объ убыткахъ, доходахъ и издержкахъ особымъ также единоличнымъ производствомъ, которое проектъ называетъ „*объяснительнымъ*“ (ст. 596—611). Отзываясь на практическую неудовлетворительность исполнительнаго порядка, проектъ отнимаетъ у него добавочный и послѣдующій характеръ, вводитъ его какъ составную часть въ главное производство по иску и, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительно раздвигаетъ его примѣненіе, допускаемое не только по названнымъ разсчетамъ, но и по всѣмъ другимъ, гдѣ судъ усмотритъ надобность въ затруднительной для коллегіи и спеціальной повѣркѣ многихъ спорныхъ разсчетныхъ пунктовъ.

Въ отступленіе отъ дѣйствующаго закона, опредѣляющаго для *апелляціи* два различные срока—мѣсячный и 4-мѣсячный, сообразно двухъ порядковъ производствъ, проектъ, уничтожая это различіе, установляетъ и одинъ общій для всѣхъ дѣлъ срокъ апелляціоннаго обжалованія—мѣсячный (ст. 626); далѣе на возвращеніе и оставленіе жалобъ безъ движенія уполномочивается, вмѣсто суда, предсѣдатель (ст 632 и 633) и облегчается полученіе противною стороною копіи апелляціонной жалобы (ст. 636).

По процессуальнымъ вопросамъ о *кассаціи* особенно глубокихъ измѣненій не послѣдовало, но возникли разногласія, коснувшіяся и проектированныхъ, и дѣйствующихъ постановленій. Такъ, принятое отдѣломъ предположеніе о сокращеніи срока кассаціоннаго обжалованія съ 4-хъ на два мѣсяца (ст. 673) вызвало одно возраженіе, впрочемъ не мотивированное, но зато рѣшеніе отдѣловъ сохранить представленіе залога правой кассаціи (ст. 676) также встрѣтилось съ принципіальнымъ несогласіемъ одного лица. Вопреки мнѣнію двухъ членовъ, проектъ

удерживаетъ разсмотрѣніе извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ кассаціонныхъ просьбъ въ распорядительныхъ, а не въ судебныхъ засѣданіяхъ сената (ст. 678), а по значительному большинству голосовъ остается какъ при существующемъ дѣленіи гражданскаго кассаціоннаго департамента на отдѣленія (ст. 678^2), такъ и при теперешнемъ порядкѣ передачи дѣлъ изъ отдѣленій на уваженіе присутствія департамента (ст. 681). Въ интересахъ большей скорости и простоты единогласно проектировано новое правило о томъ, что если, по основанію, принятому къ кассаціонной отмѣнѣ рѣшенія, это послѣднее не должно быть замѣнено новымъ рѣшеніемъ или все производство подлежитъ прекращенію, то дѣло не передается сенатомъ для новаго разрѣшенія въ судебную палату (ст. 686). Противъ мнѣнія двухъ членовъ предположено, по особому распоряженію кассаціоннаго департамента, допустить опубликованіе рѣшеній, состоявшихся и въ отдѣленіяхъ (ст. 815).

Отдѣлъ о *пересмотрѣ рѣшеній* дополненъ новыми поводами къ пересмотру (лживость показаній свидѣтелей, экспертовъ и окольныхъ людей, преступныя дѣйствія стороны или ея представителя — ст. 701); срокъ на подачу просьбы о пересмотрѣ сокращенъ до двухъ мѣсяцевъ (ст. 701^1), и разрѣшеніе всѣхъ этихъ просьбъ отнесено къ вѣдѣнію не сената, какъ нынѣ, а судебныхъ мѣстъ, постановившихъ опорочиваемое рѣшеніе (ст. 7022).

Взиманіе *судебныхъ издержекъ* предположено упорядочить и уравнять посредствомъ соразмѣрнаго и справедливаго увеличенія и уменьшенія ихъ въ подлежащихъ случаяхъ. Устанавливается оплата нѣкоторыхъ бумагъ, не вошедшихъ въ нынѣшній перечень (по встрѣчнымъ искамъ, прошеній третьихъ лицъ и друг.—ст. 737). По мнѣнію большинства, размѣръ вознагражденія свѣдущихъ людей за трудъ долженъ быть значительно увеличенъ (ст. 756); наоборотъ, подлежитъ уменьшенію плата свидѣтелямъ и экспертамъ за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ (ст. 758). Проектированы и нѣкоторыя новыя дополнительныя постановленія о судебныхъ издержкахъ, какъ денежной отвѣтственности, возлагаемой въ зависимости отъ образа

дѣйствій той или другой стороны въ процессѣ (ст. 768, 769, 771 и 772).

По производству *дѣлъ единоличной участковой подсудности* обращаетъ на себя вниманіе рядъ правилъ, обусловленныхъ новымъ характеромъ этой юрисдикціи, отнынѣ вводимой въ общій строй судебныхъ установленій. Сравнительно съ компетенціей мировыхъ судей значительно расширенъ объемъ подвѣдомственности участковыхъ судей (ст. 803 и 804). Удлиненъ до 1 года срокъ возбужденія дѣлъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія (п. 3 ст. 803 и ст. 831). Разрѣшеніе всѣхъ пререканій о подсудности возложено на окружный судъ и его мѣстныя отдѣленія (ст. 810 и 811). Въ противность мнѣнію меньшинства, судьямъ предоставлено право требовать письменнаго изложенія прошеній, отзывовъ и жалобъ по дѣламъ болѣе сложнымъ (ст. 819). Допущено освобожденіе отъ личной явки свидѣтеля, проживающаго въ извѣстной отдаленности отъ мѣста вызова (ст. 833 и 834). Возвышено и соразмѣрено съ дѣйствительною потребностью вознагражденіе свидѣтелей и экспертовъ за отвлеченіе отъ занятій и путевыя издержки, если эти послѣднія могли имѣть мѣсто по разстоянію (ст. 837 и 839). Установлено, по примѣру прибалтійскихъ законовъ, обезпеченіе исполненія обязательства до предъявленія иска и даже до наступленія срока (ст. 841—847). Участковымъ судьямъ дана возможность болѣе обстоятельнаго изложенія резолюцій и рѣшеній по сложнымъ дѣламъ (ст. 853 и 853[1]). По обжалованію введенъ вызовъ сторонъ для разсмотрѣнія частныхъ жалобъ (ст. 864); совершенно упраздняется институтъ окончательныхъ единоличныхъ рѣшеній, которыя отнынѣ всѣ будутъ подлежать апелляціи (ст. 869). Но при этомъ апелляціонныя рѣшенія по дѣламъ стоимостью не свыше 100 р. вовсе изъемлются изъ кассаціоннаго обжалованія. Вся же вообще кассаціонная функція по дѣламъ участковой подсудности ввѣряется судебнымъ палатамъ по правиламъ, предписаннымъ для разсмотрѣнія такого рода дѣлъ въ сенатѣ (ст. 876, 877 и 880).

Немногочисленны, но не лишены серьезнаго значенія нѣкоторыя характеристическія черты проекта, касающіяся изъятій

изъ общаго порядка гражданскаго судопроизводства. По производству *дѣлъ казеннаго управленія* былъ вновь подвергнутъ подробному разсмотрѣнію возбужденный еще въ 1889 г. въ коммиссіи подъ предсѣдательствомъ сенатора Тура вопросъ объ объединеніи судебной защиты казны по всѣмъ вѣдомствамъ въ одномъ спеціально для этого организованномъ учрежденіи. Вопросъ этотъ большинствомъ противъ мнѣнія двухъ членовъ разрѣшенъ отрицательно и въ настоящее время уже едва ли и подлежитъ обсужденію нашей коммиссіи, такъ какъ выходитъ за предѣлы поставленной ей задачи собственно судебнаго пересмотра. Въ числѣ существенныхъ улучшеній, проектированныхъ по казеннымъ дѣламъ, можно отмѣтить, вызвавшее единичное возраженіе, болѣе точное опредѣленіе управленій и органовъ, которые уполномочиваются искать и отвѣчать на судѣ по касающимся ихъ имущественнымъ интересамъ (ст. 897). Въ утвердительное разрѣшеніе давно назрѣвшаго вопроса объ отсутствіи достаточныхъ основаній къ сосредоточенію всѣхъ этихъ дѣлъ, независимо отъ ихъ цѣны и характера, въ области нынѣшней подсудности общихъ судебныхъ установленій проектировано распредѣлить ихъ, подобно всѣмъ другимъ дѣламъ, между единоличною и коллегіальною подсудностью, при чемъ, однакоже, одно мнѣніе предлагаетъ, во всякомъ случаѣ, изъять изъ вѣдѣнія участковыхъ судей дѣла о недвижимыхъ имуществахъ казны (ст. 900).

Затѣмъ, не упоминая особо о нѣкоторыхъ второстепенныхъ поправкахъ, заявленныхъ какъ по этому отдѣлу (ст. 906, 907), такъ и по производству о взысканіи вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные распоряженіями должностныхъ лицъ (ст. 935^1 и 955^1), остается указать на проектированное крупное нововведеніе и пріобрѣтеніе устава гражданскаго судопроизводства въ видѣ установленія особаго порядка *понудительнаго исполненія по актамъ*. Какъ извѣстно присутствующимъ, установленный закономъ 3 іюня 1891 г. особый упрощенный порядокъ судопроизводства, между прочимъ, по безспорнымъ актамъ не оправдалъ на практикѣ возлагавшихся на него надеждъ и, не достигая цѣлей, намѣченныхъ при его изданіи, оказался

вмѣсто упрощеннаго настолько сложнымъ и неудобнымъ, что тяжущіеся почти повсюду пользуются своимъ факультативнымъ правомъ не прибѣгать къ нему и въ огромномъ большинствѣ случаевъ помѣщенія, устроенныя въ окружныхъ судахъ спеціально для примѣненія этого порядка, весьма выразительно пустуютъ, а дѣла, для которыхъ онъ изданъ, слѣдуютъ общему порядку. Напротивъ, аналогичныя по мысли, но иныя по содержанію постановленія о понудительномъ исполненіи по актамъ, включенныя нѣсколько раньше въ правила о судопроизводствѣ у земскихъ начальниковъ и городскихъ судей 12 іюля 1889 года, съ большимъ успѣхомъ выдержали житейское испытаніе и явились однимъ изъ преимуществъ этихъ правилъ сравнительно съ нормальнымъ процессомъ. Поэтому и въ виду единогласнаго засвидѣтельствованія объ этомъ и несомнѣнныхъ данныхъ и вполнѣ компетентныхъ дѣятелей, для составителей проекта не могло быть сомнѣній въ выборѣ между обоими порядками, изъ которыхъ первый и отмѣняется, а второй разработанъ въ проектѣ весьма подробно и обстоятельно, лишь съ частичными и незначительными разногласіями. Будучи предметомъ вѣдомства участковыхъ судей, порядокъ принудительнаго исполненія открываетъ способъ быстраго и простого взысканія по неподлежащимъ спору актамъ, совершеннымъ при участіи публичной власти, при чемъ отпадаютъ или сокращаются до минимума всѣ процессуальныя формальности, не безъ извѣстныхъ, однако, гарантій для должниковъ (ст. 803 п. 6, 1035, 1037, 1041, 1042, 1046, 1051—1053[3]).

Таковы главнѣйшія особенности проекта, по которому надлежитъ высказаться коммиссіи. Вслѣдствіе почти исчерпывающаго характера сужденій, которыя уже имѣли мѣсто при двукратномъ его разсмотрѣніи въ отдѣлахъ, я, во избѣжаніе безбрежныхъ и безплодныхъ преній, предлагаю соблюдать и нынѣ тѣ же пріемы, которые уже такъ много помогли намъ при обсужденіи проекта новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій. Сущность этихъ пріемовъ заключается въ томъ, чтобы, не повторяя прежняго и отнюдь не вдаваясь въ мелочи и подробности, ограничиваться лишь новыми существенными замѣчаніями,

стремиться къ примиренію или, по крайней мѣрѣ, уменьшенію менѣе важныхъ разномыслій и прямо голосовать разногласія непримиримыя, редакціонныя же поправки сообщать предсѣдателю и дѣлопроизводству особо отъ настоящихъ засѣданій. Этимъ съ несомнѣнною пользою для дѣла мы сбережемъ время, трудъ и силы, столь необходимыя — и притомъ въ самой усиленной, напряженной степени — для предстоящаго окончанія многолѣтнихъ нашихъ работъ.

VII.

Проектъ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства.

(Сообщеніе въ засѣданіи коммиссіи 26 апрѣля 1899 г.).

Коммиссіи предстоитъ разсмотрѣть выработанный ея отдѣлами проектъ новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства. Этотъ обширный и во всякомъ случаѣ цѣнный трудъ былъ исполненъ приблизительно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ послѣдовало составленіе и другихъ постатейныхъ проектовъ, уже прошедшихъ черезъ общее собраніе коммиссіи. Независимо отъ длиннаго ряда подготовительныхъ работъ, къ числу которыхъ относится, между прочимъ, широкое ревизіонное изслѣдованіе на мѣстахъ вопросовъ уголовнаго судопроизводства и изготовленіе по многимъ изъ нихъ особыхъ обстоятельныхъ записокъ, въ происходившемъ на рубежѣ 1895 года совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, при участіи многихъ членовъ коммиссіи, подверглись обсужденію желательныя измѣненія въ дознаніи и предварительномъ слѣдствіи, въ процедурѣ преданія суду, въ постановкѣ обвинительной власти и суда присяжныхъ, въ условіяхъ уголовнаго обжалованія. Затѣмъ тѣ же предметы общаго значенія, но уже въ болѣе разработанномъ видѣ, разсматривались въ теченіе 1896 и 1897 гг. въ I (бывшемъ V) отдѣлѣ, предназначенномъ для выясненія руководящихъ точекъ зрѣнія на важнѣйшія стороны предпринятаго пересмотра. Окончательное же обсужденіе нѣкоторыхъ изъ относящихся сюда началъ имѣло мѣсто въ общемъ собраніи, при разсмотрѣніи главныхъ основаній объединенія судебной части и общаго вопроса о судѣ присяжныхъ, а отча-

сти и пройденныхъ уже нами проектовъ новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій и устава гражданскаго судопроизводства. Тѣмъ временемъ въ III отдѣлѣ, принявшемъ въ свое вѣдѣніе уголовный процессъ, безостановочно шло проектированіе вчернѣ новаго текста устава уголовнаго судопроизводства, главнымъ образомъ по предположеніямъ предсѣдателя отдѣла Н. С. Таганцева, составленнымъ съ цѣлью дать такую формулировку статьямъ устава, въ которой нашли бы себѣ выраженіе всѣ наиболѣе существенныя указанія судебной, въ особенности кассаціонной практики, на ряду съ требованіями уже законченнаго проекта новаго уголовнаго уложенія. Такой характеръ произведенной весьма значительной работы не могъ не отразиться на ея соотношеніи къ нынѣшнему уставу: проектъ довольно далеко отошелъ отъ дѣйствующаго закона, и пересмотръ приблизился къ начертанію вновь процессуальнаго кодекса. Поэтому, когда, по усвоенному въ нашей коммиссіи обыкновенію, труды III отдѣла, занявшіе 111 его засѣданій, сверхъ огромной личной подготовительной работы предсѣдателя, поступили на второе, такъ сказать, чтеніе въ соединенное собраніе этого отдѣла съ отдѣломъ I-мъ, то возникла одобренная присутствовавшими мысль: во-1-хъ, согласно основной задачѣ коммиссіи, сблизить вновь составленный текстъ съ существующимъ, внося въ этотъ послѣдній, столь тѣсно связанный съ лучшимъ наслѣдіемъ реформы 1864 года, лишь безусловно необходимыя измѣненія и сохраняя изъ прежняго все опытомъ еще не осужденное, и, во-2-хъ, въ виду неопредѣлившагося еще срока законодательнаго утвержденія и введенія новаго уложенія, параллельно съ вызванными имъ правилами, приспособить—и притомъ въ главномъ текстѣ—редактируемыя статьи и къ настоящему положенію уголовной наказуемости. Это двойственное стремленіе потребовало переработки первоначальнаго проекта, больше, впрочемъ, по формѣ и редакціи, чѣмъ по существу, что̀ и было выполнено И. Г. Щегловитовымъ на основаніи сужденій, высказанныхъ въ 28 засѣданіяхъ соединенныхъ отдѣловъ въ теченіе 1897 и 1898 гг. Теперь передъ нами полный проектъ новой редакціи общаго для всей Имперіи устава уголовнаго судопроиз-

водства, со включеніемъ особыхъ его порядковъ по роду дѣлъ, но безъ изъятій, установляемыхъ для окраинныхъ мѣстностей, къ чему коммиссія перейдетъ въ послѣдующія свои засѣданія. Въ проектированной, такимъ образомъ, главнѣйшей части устава всего 1471 статья—на 217 болѣе противъ дѣйствующаго, что̀ объясняется нѣкоторыми нововведеніями и восполненіемъ обнаруженныхъ пробѣловъ. Къ проекту приложены, кромѣ правилъ, составляющихъ его необходимую принадлежность и нынѣ помѣщаемыхъ въ приложеніи, еще параллельный текстъ въ примѣненіи къ новому уложенію, а также нѣкоторыя статьи въ редакціи, предложенной нѣсколькими членами, которые сочли нужнымъ, независимо отъ разномыслія по существу, сдѣлать и разногласіе редакціонное. Данныя и соображенія, на которыхъ основанъ предлагаемый проектъ, изложены въ 5 томахъ объяснительной записки, представляющей—я считаю возможнымъ прямо заявить объ этомъ—крупный и замѣчательный вкладъ И. Г. Щегловитова не только въ труды нашей коммиссіи, но и въ общій капиталъ русскаго судебнаго дѣла. Въ краткомъ введеніи къ I-му тому записки указаны способъ, объемъ и источники исполненной работы, по которымъ можно судить о степени ея основательности. Стройно и всесторонне разработанные матеріалы вполнѣ подготовляютъ подлежащіе намъ вопросы къ тому или другому твердому рѣшенію.

Обращаясь, далѣе, къ самому содержанію и изложенію настоящаго проекта, замѣтимъ, что при начертаніи его неизбѣжно встрѣтились тѣ во многомъ противоположныя теченія, которыя, подходя къ истинѣ различными дорогами, раздѣляютъ между собою русскихъ процессуалистовъ какъ въ теоріи, такъ отчасти и въ практической юриспруденціи. Противоположеніе это особенно ярко и иногда совсѣмъ непримиримо въ области уголовнаго правосудія, гдѣ, по свойственному ей живому складу, то или иное направленіе судопроизводственныхъ узаконеній касается наиболѣе жгучихъ проблемъ судебной политики и глубоко затрогиваетъ важнѣйшія основы общественной и личной жизни. Такъ, одно изъ подобныхъ воззрѣній, относясь критически къ дѣйствующему порядку уголовнаго судопроизводства,

желаетъ, въ крайнемъ своемъ выраженіи, коренного его преобразованія на чистомъ, послѣдовательно и строго проведенномъ обвинительномъ началѣ, съ особою судебною полиціею, состязательнымъ слѣдствіемъ передъ безстрастнымъ слѣдователемъ — судьею, при дѣятельномъ участіи защиты, съ полною равноправностью сторонъ, съ неперевершимостью оправдательныхъ приговоровъ и вообще съ могучимъ развитіемъ гарантій личной свободы во всѣхъ процессуальныхъ стадіяхъ. Другое не менѣе рѣшительное мнѣніе, ревниво придерживаясь существующаго, не только не находитъ нужнымъ дѣлать въ немъ какія-либо поправки, но и высказываетъ опасеніе ухудшить ихъ неизвѣстными послѣдствіями отправленіе уголовнаго суда, уже практически наладившееся и примѣнившееся къ нашему бытовому укладу. Такого рода мнѣнія, съ ихъ многоразличными градаціями и оттѣнками, сказались и въ разномысліяхъ по поводу пересмотра уголовно-судебныхъ законоположеній. И здѣсь, какъ и въ другихъ его отрасляхъ, принятая большинствомъ, новая редакція устава стремится пройти среднимъ, осторожнымъ путемъ между крайностями, сгладить и согласовать противорѣчія и достичь возможно бо̀льшихъ улучшѐній съ наименьшей ломкой усвоеннаго, привычнаго и испытаннаго. Отсюда умѣренный и сдержанный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезный характеръ проектированныхъ видоизмѣненій, въ которыхъ составители проекта даютъ посильный отвѣтъ на настоятельные запросы опыта и жизни. Считаясь съ воздвигаемыми ею въ обстоятельствахъ времени и мѣста практическими препятствіями къ идеальному усовершенствованію, проектъ предпочитаетъ сдѣлать меньше, но прочнѣе, чѣмъ пускаться въ рискованные законодательные эксперименты. За-то онъ не отступаетъ даже передъ значительной новизной всюду, гдѣ она настоятельно подсказывается практикой и, насколько допускаетъ человѣческое предвидѣніе, обѣщаетъ исправить недостатокъ или умолчаніе въ законѣ.

Немногочисленны, но не лишены серьезнаго значенія измѣненія, внесенныя въ *общія положенія* устава уголовнаго судопроизводства. Впервые, по дѣламъ, подсуднымъ окружному суду и судебной палатѣ, допущена, на ряду съ прокуроромъ,

дѣятельность потерпѣвшаго отъ преступленія частнаго лица, въ качествѣ побочнаго или второго обвинителя, отыскивающаго не одно узкое имущественное удовлетвореніе, а нравственно-правовой интересъ уголовнаго возмездія (ст. 3). По дѣламъ уголовно-частнымъ, въ могущественное пособіе нынѣшней безпомощности частныхъ обвинителей, обязанность обвиненія возложена на прокурорскій надзоръ, безъ всякаго, однакоже, стѣсненія для самодѣятельности потерпѣвшаго и его права окончить дѣло примиреніемъ (ст. 5). Это смѣлое нововведеніе вызвало разногласіе съ посредствующимъ оттѣнкомъ въ мнѣніи 3-хъ членовъ о вступленіи въ дѣло прокуратуры лишь при наличности просьбы о томъ заинтересованнаго частнаго лица. Въ заботахъ о чистотѣ и цѣльности уголовнаго преслѣдованія не устранено вовсе—какъ желаютъ многіе – а нѣсколько ограничено предъявленіе и роль въ уголовномъ дѣлѣ гражданскаго иска—этого терпимаго, но все-таки чуждаго ему придатка (ст. 6 и 7). Согласно мнѣнію большинства, вслѣдствіе указаній практики на случаи неправильнаго и неумѣстнаго расширенія уголовнаго изслѣдованія, точное обозначеніе субъективныхъ и объективныхъ его предѣловъ распространено, въ видѣ общаго начала, на всѣ моменты процесса (ст. 12). При этомъ меньшинство, не возражая по существу противъ этой дидактической мысли, находитъ излишнимъ воспроизведеніе ея въ положительномъ законѣ. Вслѣдъ за нѣкоторымъ дополненіемъ законныхъ причинъ и основаній прекращенія дѣлъ (ст. 17), выработаны давно уже намѣченныя практикой ограниченія гражданской предсудимости по уголовнымъ дѣламъ (ст. 26), создающей нынѣ такъ много совершенно формальныхъ тормозовъ репрессіи. Относящіяся сюда предположенія обусловили многообразное разногласіе, свидѣтельствующее о сложности и трудности этого юридическаго и въ то же время житейски-насущнаго вопроса.

Въ отношеніи *системы* изложенія, въ виду включенія мѣстныхъ органовъ въ общую судебную организацію, признано цѣлесообразнымъ отступить отъ нынѣшняго расположенія частей устава уголовнаго судопроизводства и помѣстить на первомъ мѣстѣ, какъ общія и нормальныя, правила производства въ

окружныхъ судахъ и высшихъ судебныхъ мѣстахъ, и уже послѣ того изложить спеціальныя правила для участковой подсудности настолько, насколько они составляютъ изъятія изъ общаго порядка.

Главными основаніями для новаго опредѣленія *уголовной подсудности* принято: 1) значительное расширеніе подвѣдомственности участковыхъ судей на счетъ подсудности окружного суда съ цѣлью приблизить судъ къ населенію; 2) расширеніе подсудности окружного суда на счетъ спеціальной подсудности судебной палаты, напр. по дѣламъ печати, и 3) распредѣленіе нынѣшней подсудности окружного суда съ участіемъ присяжныхъ и судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей между будущими судами присяжныхъ общаго и особаго состава въ вѣдомствѣ окружныхъ судовъ (ст. 32—35, 1023, 1024). Дѣйствующія узаконенія дополнены, кромѣ того, нѣкоторыми постановленіями о подсудности по мѣсту совершенія и обнаруженія преступныхъ дѣяній, а также факультативнымъ правомъ обвинительной камеры при стеченіи разныхъ подсудностей отдавать преимущество высшему суду (ст. 38, 49, 54, 54^1—54^4).

По части *розысковъ* и *дознаній*, въ видахъ улучшенія полицейской дѣятельности по раскрытію и изслѣдованію преступленій и уменьшенія нынѣшней слишкомъ обширной и обременительной подслѣдственности, по соглашенію съ участвовавшими въ совѣщаніи представителями министерства внутреннихъ дѣлъ, предположенъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію и развитію дѣятельности полиціи въ той степени, въ какой это оказывается возможнымъ при теперешнемъ ея устройствѣ (ст. 99, 102, 103. 104, 106, 131—133, 404). Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ одобрены отдѣлами не единогласно, но, какъ бы то ни было, едва ли можно отрицать, что принятіе ихъ оживитъ и подниметъ полицейскій розыскъ и дознаніе уже тѣмъ однимъ, что сообщитъ имъ больше ясности и опредѣлительности, а органамъ, производящимъ эти дѣйствія, дастъ больше подготовки и свѣдущаго, дѣятельнаго руководительства.

Въ сферѣ *предварительнаго слѣдствія* въ сущности сохранены главнѣйшія начала, нынѣ опредѣляющія его задачи и

производство, съ немаловажными однакоже дополненіями и измѣненіями. Обоюдо-острые повидимому, еще не созрѣвшіе, но уже весьма модные вопросы о допущеніи при слѣдствіи гласности и защиты, по внимательномъ и спокойномъ ихъ обсужденіи, разрѣшены отрицательно, за что, конечно, большинство коммиссіи подвергнется не малымъ пареканіямъ отъ нетерпѣливыхъ сторонниковъ эффектнаго прогресса. Но, пренебрегая незрѣлыми и не безопасными лаврами, проектъ все-таки сдѣлалъ два скромныхъ шага впередъ, разрѣшивъ: 1) въ случаѣ надобности и въ интересахъ раскрытія истины—опубликованіе данныхъ дознанія и слѣдствія, по ближайшему усмотрѣнію обвинительной и слѣдственной власти и 2) въ случаѣ содержанія обвиняемаго подъ стражей—допущеніе къ нему, съ надлежащаго дозволенія, защитника для обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій (ст. 166 и 345). Въ стремленіи сосредоточить труды слѣдственной власти на дѣлахъ, дѣйствительно того заслуживающихъ, обязательное производство слѣдствія обусловлено только наиболѣе тяжкими преступленіями, а изъ другихъ—лишь тѣми, разслѣдованіе которыхъ по сложности фактической ихъ обстановки представляетъ особыя трудности, по всѣмъ же остальнымъ дѣламъ, подсуднымъ суду присяжныхъ, преданію суду обязательно предшествуетъ только допросъ обвиняемаго слѣдственнымъ судьею (ст 142 и 143). Въ самомъ порядкѣ производства предварительнаго слѣдствія предположены болѣе или менѣе существенныя практическія поправки, клоняціяся къ тому, чтобы упростить и улучшить это производство съ видимой выгодой для публичныхъ и безъ вреда для частныхъ и личныхъ интересовъ (ст. 143, 148, 309, 326, 327, 336, 361—363, 472).

По предмету *прекращенія уголовныхъ дѣлъ и преданія суду* нѣсколько расширяются полномочія прокурорскаго надзора по прекращенію дознаній и допускается обжалованіе въ сенатъ по юридическимъ основаніямъ опредѣленій судебныхъ палатъ о прекращеніи или пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія. Меньшинство полагало идти дальше, возложивъ непосредственно на прокуратуру прекращеніе всѣхъ дѣлъ, по которымъ слѣдо-

вателемъ не привлеченъ обвиняемый, и разрѣшивъ частное обжалованіе также и опредѣленій обвинительной камеры о порядкѣ преданія суду (ст. 134, 435—437, 442, 462, 464). Въ остальномъ настоящій порядокъ обвинительнаго производства оставленъ безъ измѣненія, вопреки мнѣнію значительнаго меньшинства, предлагавшаго ввести у насъ правило австрійскаго процесса о томъ, что обвинительные акты, предварительно сообщаемые обвиняемому, лишь по его о томъ заявленію подлежатъ разсмотрѣнію обвинительной камеры.

Собственно въ *судебномъ производствѣ* точно опредѣлены права и обязанности предсѣдательствующаго въ судѣ присяжныхъ единоличнаго судьи, разрѣшены по новымъ основаніямъ вопросы о количествѣ призываемыхъ присяжныхъ засѣдателей общаго и особаго состава, раздвинутъ кругъ защитниковъ по назначенію отъ суда, и внесены намѣченныя практикой исправленія въ порядокъ вызова свидѣтелей и самыя условія судебнаго разсмотрѣнія. Затѣмъ, такъ какъ судебное слѣдствіе, построенное на краеугольныхъ началахъ гласности, устности, непосредственности, состязательности и непрерывности, является, по общему признанію, наиболѣе совершенною частью нашего процесса, то дѣйствующія правила объ этой его стадіи подверглись лишь самымъ незначительнымъ, частичнымъ измѣненіямъ (ст. 677 и 698). Что же касается заключительныхъ преній, то найдено полезнымъ постановленія закона противъ излишествъ слова и злоупотребленія имъ со стороны защиты распространить и на всѣхъ другихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ и, наконецъ, снято тяготѣвшее надъ ними чисто схоластическое запрещеніе упоминать передъ присяжными о наказаніи (ст. 705 и 706). Болѣе важныя перемѣны проектированы въ постановкѣ вопросовъ и въ постановленіи и объявленіи рѣшенія присяжныхъ и приговора суда. Принята съ оговоркою недѣлимость вопроса о виновности и допущены условные вопросы по обстоятельствамъ, обнаруженнымъ на судѣ (ст. 713, 714, 718 и 719). Большинствомъ голосовъ сохраненъ нынѣшній моментъ постановки вопросовъ, но меньшинствомъ заявлены весьма интересныя сужденія о постановкѣ ихъ или до преній, или, напротивъ, гораздо

позже, послѣ заключительнаго слова. Въ этомъ послѣднемъ сдѣланы факультативными объясненія о доказательствахъ и дозволено объяснять присяжнымъ послѣдствія обвинительнаго ихъ вердикта, т.-е. говорить о наказаніи, которое, такимъ образомъ, перестаетъ быть искусственною и призрачною тайною для присяжныхъ (ст. 731, 733, 734). Присяжнымъ предоставляется право первостепенной важности: присоединять къ своему обвинительному рѣшенію ходатайство о помилованіи или смягченіи участи осужденнаго, при чемъ ходатайство это получаетъ ходъ въ томъ случаѣ, если оно поддерживается коронными судьями. Въ измѣненіе нынѣшняго порядка подсудимый не присутствуетъ при провозглашеніи вердикта (ст. 748, 750, 751 и 776). Правила произнесенія приговоровъ исправлены въ отношеніи счета голосовъ и облегчены относительно разрѣшенія гражданскаго иска, а также изложенія и объявленія приговора (ст. 768, 769, 784, 792 п. 5, 802). Заочное производство ограничено менѣе важными дѣлами, и при этомъ расширены права обвиняемаго по обжалованію заочныхъ приговоровъ (ст. 813 и 814).

Порядокъ *обжалованія* судебныхъ приговоровъ и опредѣленій признанъ подлежащимъ глубокому преобразованію. Противъ мнѣнія довольно сильнаго меньшинства апелляція сохранена лишь для единоличныхъ приговоровъ. Срокъ ея можетъ быть продленъ самимъ судомъ. Расширяются предѣлы частнаго обжалованія, но за-то частныя жалобы подлежатъ разсмотрѣнію не въ судебномъ, а въ распорядительномъ засѣданіи и при томъ окончательно, безъ дальнѣйшаго куда-либо восхожденія (ст. 840 п. 2, 847, 893 и 894). Изъ нововведеній въ кассаціонномъ производствѣ на первомъ планѣ стоитъ уже предрѣшенный ранѣе большинствомъ нашей коммиссіи вопросъ о раздробленіи кассаціи между сенатомъ, для дѣлъ болѣе важныхъ, и судебными палатами для дѣлъ участковой подсудности (ст. 1140 п. 2). Допускается кассаціонный протестъ въ интересахъ подсудимаго; участь кассаціонной жалобы потерпѣвшаго-обвинителя не связывается съ прокурорскимъ протестомъ, но кассаціонныя права гражданскаго истца съуживаются до предметовъ самаго иска (ст. 754—856). Увеличивается самодѣятельность кассаціоннаго

суда, независимая отъ сторонъ, и вводятся нѣкоторыя улучшенія въ кассаціонномъ дѣлопроизводствѣ правительствующаго сената (ст. 880, 881, 903, 912).

По *исполненію приговоровъ*, сверхъ нѣкоторыхъ дѣлопроизводственныхъ поправокъ, точнѣе опредѣляются случаи отсрочки исполненія и самый порядокъ исполненія нѣкоторыхъ наказаній, а также приняты мѣры къ упорядоченію вознагражденія свидѣтелей и къ уменьшенію судебныхъ издержекъ (ст. 928, 930, 934 п. 7, ст. 939 п. 7, ст. 942[1], 960).

Проектъ ограничиваетъ, сокращаетъ и удешевляетъ исключительно формальное производство о *розыскѣ уклонившагося обвиняемаго* (ст. 985—988), улучшаетъ процедуру *возобновленія уголовныхъ дѣлъ* (ст. 997—1000), устанавляетъ новое въ нашемъ законодательствѣ производство по *возстановленію въ правахъ* (ст. 1010—1015) и дѣлаетъ сдержанную, но знаменательную попытку привить у насъ принципъ *вознагражденія изъ казны невинно къ суду привлеченныхъ* (ст. 1021).

Порядокъ *производства у единоличныхъ участковыхъ судей и въ апелляціонной инстанціи надъ ними* разработанъ примѣнительно къ новому положенію этихъ судей на первой ступени судебнаго строя, со всѣми тѣми отдѣльными усовершенствованіями и добавленіями, о необходимости или полезности которыхъ давно уже удостовѣряла практика мирового разбирательства (ст. 1037, 1100, 1125, 1127, 1134, 1136, 1140). Сюда включено и крупное новшество, принятое большинствомъ,—*правило о судебныхъ приказахъ*, установляемыхъ для экономіи труда и силъ и въ видахъ ускоренія репрессіи по маловажнымъ правонарушеніямъ (ст. 1145—1152). Здѣсь же не безполезно упомянуть о предложеніи меньшинства установить, кромѣ того, особое ускоренное разсмотрѣніе внѣ очереди или въ порядкѣ неотложности дѣлъ, по которымъ обвиняемый задержанъ на мѣстѣ нарушенія.

Наконецъ, среди *изъятій изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства* по роду дѣлъ болѣе значительнымъ измѣненіямъ подлежатъ только правила о преступленіяхъ должности. При неизбѣжномъ сохраненіи здѣсь такъ называемой административной гарантіи, т.-е. порядка привлеченія къ уголовно-

служебной отвѣтственности не иначе, какъ съ согласія начальства обвиняемаго, признано необходимымъ упорядочить и усилить участіе прокурорскаго надзора въ возбужденіи дѣлъ этой категоріи (ст. 1267, 1268, 1287), точнѣе опредѣлить дѣла и лицъ, къ которымъ примѣняется особый порядокъ должностного преслѣдованія (ст. 1241), расширить по этимъ дѣламъ подсудность окружного суда и установить компетенцію суда присяжныхъ особаго состава (ст. 1256 и 1308), ограничить случаи обязательнаго производства предварительнаго слѣдствія и возложить это послѣднее по дѣламъ о высшихъ чинахъ на членовъ судебныхъ палатъ (ст. 1282 и 1287). А для устраненія столь часто замѣчаемой на практикѣ медленности при разсмотрѣніи начальствами дѣлъ о служебныхъ преступленіяхъ предположено назначеніе на этотъ предметъ максимальнаго 2-мѣсячнаго срока (ст. 1299).

Не останавливаясь, далѣе, на другихъ отдѣльныхъ исправленіяхъ и добавленіяхъ, произведенныхъ проектомъ въ различныхъ постановленіяхъ объ уголовномъ судопроизводствѣ, слѣдуетъ добавить, что во всей редакціи проекта тщательно проведено стараніе вездѣ, насколько оказывалось возможнымъ, удержать способъ выраженія, терминологію и вообще первоначальный языкъ Судебныхъ Уставовъ—одно изъ общепризнаныхъ, не малыхъ ихъ достоинствъ. Мѣняя слова и обороты рѣчи только тогда, когда это требуется новымъ содержаніемъ, мы, тѣмъ самымъ, соблюдаемъ ту глубоко вкоренившуюся, вполнѣ уважительную привычку къ тексту, который еще сравнительно недавно вдохнулъ жизнь и свѣтъ въ наше уголовное правосудіе и до такой степени усвоенъ всей массой его дѣятелей, что самъ по себѣ составляетъ одно изъ прочныхъ основаній ихъ дѣйствій.

Если, въ заключеніе, кратко резюмировать характеристику и конечную цѣль проекта, то нельзя не повторить, что, не претендуя на открытіе новыхъ горизонтовъ, онъ ставитъ своею задачею простое и притомъ бережное улучшеніе существующаго и стремится законодательнымъ путемъ укрѣпить уголовно-судебную дѣятельность посредствомъ устраненія выдвинутыхъ прак-

тикою затрудненій и препятствій и такого восполненія пробѣловъ, которое не расходилось бы съ общими началами Судебныхъ Уставовъ. При настоящихъ условіяхъ нашего быта казалось прежде всего желательнымъ, съ возможно меньшею затратою личныхъ и матеріальныхъ средствъ, при дружномъ содѣйствіи правительственныхъ юристовъ и народныхъ судей, уменьшить вѣроятность и опасность неправильнаго судебнаго преслѣдованія и увеличить силу справедливаго уголовнаго возмездія.

Предстоящая еще намъ работа велика, а время дорого и его немного. Поэтому я смѣло предлагаю и къ разсмотрѣнію настоящаго проекта примѣнить уже испытанные нами, вполнѣ цѣлесообразные пріемы: воздержаніе отъ исчерпанныхъ и потому безплодныхъ общихъ разсужденій, по формѣ—послѣдующее сообщеніе редакціонныхъ замѣчаній дѣлопроизводству, а по существу — постатейное обозрѣніе проекта, съ новымъ голосованіемъ происшедшихъ въ отдѣлахъ разногласій, съ обмѣномъ мыслей и сужденій исключительно по пунктамъ болѣе важнымъ, спорнымъ или сомнительнымъ. При такомъ методѣ внушительная цифра полутора тысячъ статей не подавитъ нашего вниманія, и оно легко овладѣетъ ими.

VIII.

По поводу общаго характера работъ по улучшенію судебной части въ 1894–1896 гг.[1]).

Къ наступившему 1897 году истекаетъ первое трехлѣтіе съ того времени, какъ въ министерствѣ юстиціи были предприняты по одному общему плану систематическія работы для улучшенія судебной части, и нѣсколько болѣе двухъ лѣтъ съ фактическаго начала занятій Высочайше учрежденной при томъ же министерствѣ коммиссіи для пересмотра судебныхъ законоположеній, который составляетъ главнѣйшее, хотя и не единственное, изъ основаній этого плана [2]). Оба указанные срока невелики, если принять въ соображеніе важность и обширность поставленныхъ задачъ и, въ особенности, многостороннюю трудность ихъ выполненія. Даже при самой напряженной дѣятельности силы человѣческія ограничены различными, внѣ ихъ лежащими, условіями. Въ данномъ случаѣ возможно было сдѣлать лишь то, что̀ позволило чрезвычайное обиліе и разнообразіе матеріала, касающагося вопросовъ первостепеннаго, государственнаго и общественнаго, значенія. Обнимая все устройство и отправленіе правосудія въ нашемъ отечествѣ, они, очевидно, требуютъ крайне осторожнаго и обдуманнаго съ ними обращенія; какъ медленность, такъ и торопливость были бы одинаково несовмѣстны съ правильнымъ ихъ разрѣшеніемъ. Не слѣ-

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1897 г., Январь.

[2]) Слово министра юстиціи при вступленіи въ должность 4 января 1894 г.— Высочайше утвержденный 7 апрѣля 1894 г. всеподданнѣйшій докладъ его же объ учрежденіи коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части —Вступительное сообщеніе его же въ первомъ засѣданіи этой коммиссіи 30 апрѣля 1894 г. (Журналъ Министерства Юстиціи 1894—1895 г., Ноябрь 1894 г.).

дуетъ откладывать надолго назрѣвшихъ и необходимыхъ мѣръ къ усовершенствованію суда, но нельзя въ ущербъ основательности слишкомъ спѣшить разработкою предположеній, глубоко затрогивающихъ насущные интересы общежитія и отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ именно смыслѣ и былъ примѣрно намѣченъ еще далеко неокончившійся трехлѣтній періодъ времени (считая съ осени 1894 г.) для завершенія вчернѣ трудовъ по пересмотру судебныхъ уставовъ. Будучи приблизительнымъ, этотъ срокъ отнюдь не исключалъ нѣкотораго продленія при неизбѣжной и уважительной въ томъ надобности, тѣмъ болѣе, что его выдвинули для себя сами же дѣятели пересмотра съ единственнымъ намѣреніемъ предохранить распредѣленіе и ходъ своей работы отъ расплывчатости и затяжекъ. Впрочемъ дѣйствительность въ общемъ не обманула ожиданій, и настоящее положеніе трудовъ большой законодательной коммиссіи при министерствѣ даетъ надежду на сравнительно скорое ихъ окончаніе, конечно съ тѣмъ, чтобы при столь серьезномъ начинаніи не видѣть промедленія въ нѣсколькихъ лишнихъ мѣсяцахъ, обусловленныхъ сложностью труда или чисто внѣшними задержками. Вмѣстѣ съ тѣмъ не оставались позади и другія законодательныя и административныя мѣропріятія, такъ сказать, параллельныя пересмотру и хотя прямо къ нему не относящіяся, но связанныя съ нимъ общностью руководящей мысли или предназначенныя расчистить ему пути и подготовить почву. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бѣгло обозрѣть сдѣланное до сихъ поръ и отмѣтить выдающіяся черты того направленія, въ которомъ ведется дѣло судебныхъ улучшеній. Подобный періодическій отчетъ можетъ быть вдвойнѣ полезенъ: какъ откровенный, искренній отвѣтъ иногда высказывающемуся въ обществѣ и печати нетерпѣнію, которое отчасти законно и понятно, а отчасти не чуждо и простыхъ недоразумѣній, трудно поддающихся офиціальнымъ свѣдѣніямъ и разъясненіямъ [1]), и какъ сознательная, открытая самоповѣрка для тѣхъ, кто, по

[1]) См. „По поводу оглашенія свѣдѣній о занятіяхъ коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части“ (Журналъ Министерства Юстиціи 1894—1895 г., Февраль 1895 г.).

долгу совѣсти и службы, призваны нести это святое, но тяжелое и отвѣтственное бремя.

Напомнимъ вкратцѣ для большей ясности, съ какими общими началами и явленіями должно было считаться нынѣшнее преобразовательное движеніе въ судебной области.

Всякое существенное измѣненіе въ законодательствѣ и учрежденіяхъ только тогда желательно и цѣлесообразно, когда оно соотвѣтствуетъ: 1) извѣстнымъ, прочно установленнымъ, основнымъ принципамъ и 2) опредѣленной настоятельной практической потребности. Нововведеніямъ, которыя не отвѣчаютъ этимъ условіямъ, грозитъ участь всѣхъ безпочвенныхъ и произвольныхъ экспериментовъ: они не прививаются или, сталкиваясь съ жизнью, уступаютъ ея давленію, оставаясь безъ результатовъ или принося одинъ лишь вредъ

Въ дѣлѣ судебныхъ улучшеній нечего искать иныхъ основныхъ началъ, кромѣ тѣхъ, которыя Высочайшею волею начертаны на памятникѣ судебной реформы 20 ноября 1864 года. какъ общее руководство правосудію. Дальше ихъ идти некуда, да и лучше ихъ невозможно выразить, чего ждетъ и требуетъ народъ отъ своихъ судей. Судъ скорый, правый, милостивый, т.-е. справедливый, равный для всѣхъ; высоко стоящая, самостоятельная судебная власть, повсюду утверждающая уваженіе къ закону [1],—вотъ идеалъ, воздвигнутый законодателемъ передъ судебнымъ вѣдомствомъ, завѣтъ, ничѣмъ не изгладимый съ его знамени. Сколько бы ни злоупотребляли этими словами, приводя ихъ не къ мѣсту или не во-время, они никогда не утратятъ своего величія и мощи, никогда не перестанутъ управлять судьбами достойной этого имени юстиціи, потому что въ нихъ ключъ къ судебной истинѣ [2]. Только тотъ судъ можетъ быть

---

[1]) Именной Высочайшій указъ правительствующему сенату 20 ноября 1864 года объ утвержденіи Судебныхъ Уставовъ.

[2]) Сжатое выясненіе этихъ руководящихъ началъ реформированнаго суда было предметомъ трехъ рѣчей министра юстиціи при открытіи новыхъ окружныхъ судовъ въ маѣ и іюнѣ 1894 года: Петрозаводскаго („о правдѣ и милости“), Оренбургскаго („о судѣ скоромъ, справедливомъ и равномъ для всѣхъ“) и Уфимскаго („о возвышеніи и самостоятельности судебной власти, утверждающей уваженіе къ закону“).

дѣйствительнымъ орудіемъ закона, чуткимъ проводникомъ правды, надежнымъ органомъ правительства и вѣрной опорой общественнаго порядка, который во всей своей постановкѣ удовлетворяетъ перечисленнымъ требованіямъ или, по крайней мѣрѣ, посильно къ нимъ приближается. Поэтому къ осуществленію ихъ слѣдуетъ стремиться при каждомъ преобразованіи въ судебной сферѣ, не упуская этого изъ виду при разрѣшеніи какихъ бы то ни было ея вопросовъ. При всей ихъ элементарности и отвлеченности, это все таки ріа desideria суда, конечныя его задачи, съ которыми должно быть сообразовано всякое воздѣйствіе на судебный строй. Такъ смотрѣло и смотритъ на нихъ и центральное управленіе судебною частью, принявъ эти великодушныя царственныя благожеланія за неизмѣнное нравственное мѣрило своихъ намѣреній и предположеній. Эти послѣднія имѣютъ свои предѣлы, свой ясно очерченный кругъ примѣненія. Сюда относится твердая увѣренность, что цѣли правосудія лучше всего достигаются примѣненіемъ въ устройствѣ и дѣятельности суда основъ, которыя уцѣлѣли при всѣхъ видоизмѣненіяхъ, внесенныхъ въ Судебные Уставы послѣ ихъ изданія, и тѣмъ проявили свою прочность и жизнеспособность. Такихъ устоевъ судебнаго зданія немного, и каждый изъ нихъ допускаетъ немало практическихъ оттѣнковъ и приспособленій, даже изъятій, но въ главномъ они должны быть неприкосновенны. Таковы: устность, гласность, состязательность процесса, охрана правъ личности передъ судомъ, раздѣленіе судебныхъ функцій, разрѣшеніе дѣлъ по внутреннему убѣжденію совѣсти, непоколебимость законной силы судебнаго приговора или рѣшенія, участіе въ судѣ общественнаго элемента, независимость суда и судей, цензъ судебной службы и правильное соотношеніе не болѣе двухъ судебныхъ инстанцій подъ главенствомъ правительствующаго сената.

За сохраненіемъ незамѣнимыхъ судебныхъ институтовъ, которые по всеобщему признанію служатъ ручательствомъ законности и справедливости суда, въ его теперешнемъ у насъ состояніи открывается рядъ несовершенствъ, требующихъ исправленія, рядъ потребностей, ждущихъ удовлетворенія. Они обна-

руживаются правительственною практикою и указываются серьезными голосами общественнаго мнѣнія, наукою, печатью, ходатайствами и заявленіями частныхъ лицъ. Неотложность мѣръ, направленныхъ на эти больныя мѣста нашей судебной части, настолько не подлежитъ сомнѣнію, что озабоченное ея улучшеніемъ министерство юстиціи должно было сразу включить ихъ въ свою программу. Необходимо прежде всего объединить дѣйствующіе нынѣ разнородные судебные учрежденія и порядки и тѣмъ устранить или хотя бы уменьшить существующую въ нихъ пестроту и сбивчивость, въ особенности по отношенію къ мѣстнымъ судебнымъ установленіямъ. Затѣмъ нужно приблизить судъ къ народу, упростить, ускорить и удешевить отправленіе суда какъ для казны, такъ и для населенія; слѣдуетъ, далѣе, утвердить на незыблемомъ и для всѣхъ явномъ основаніи строго правительственный характеръ судебнаго вѣдомства и судебной службы и на ряду съ этимъ дать болѣе ощутительное обезпеченіе и равновѣсіе на судѣ какъ публичному интересу закона и государства, такъ—интересу частному, гражданина-обывателя; желательно также поддержать и поднять нравственный и умственный уровень судебнаго сословія, облегчивъ притомъ его матеріальныя тяготы и невзгоды; наконецъ, должны быть тщательно исправлены, по указаніямъ опыта, выяснившіеся недостатки и погрѣшности въ отдѣльныхъ судебныхъ установленіяхъ, правилахъ и формахъ.

Изъ приведенныхъ условій, образующихъ общую задачу улучшенія судебной части, выступаетъ его характеристическая черта—быть именно улучшеніемъ, а не ломкой, даже не реформой, которая послѣдовала еще такъ недавно, всего 30 лѣтъ тому назадъ, и притомъ, сравнительно съ прошедшимъ, въ такомъ рѣшительномъ и радикальномъ духѣ. Преобразованный судъ, еще не потерявшій въ публикѣ названія новаго, но уже успѣвшій всѣхъ пріучить къ себѣ, вновь преобразовывать не приходится. Достаточно его усовершенствовать и упорядочить, восполнить оказавшіеся въ немъ недочеты, согласовать противорѣчія или несоотвѣтствія и устранить наиболѣе слабыя его стороны, вредно отзывающіяся въ повседневномъ быту народа.

Если бы спросить разумныхъ и здравомыслящихъ русскихъ людей, чего они желаютъ и ждутъ въ судебной области,—обращенія ли вспять къ старымъ дореформеннымъ порядкамъ, созданія ли совершенно новыхъ органовъ и формъ правосудія вмѣсто существующихъ, или же внесенія въ дѣйствующіе болѣе или менѣе значительныхъ поправокъ, безъ измѣненія существа и построенія теперешней юстиціи, то едва ли можно сомнѣваться въ утвердительномъ отвѣтѣ только въ послѣднемъ смыслѣ. Что бы ни говорили принципіальные или тенденціозные противники нашего новаго, т.-е. нынѣшняго суда, Россія его оцѣнила, дорожитъ имъ и не пожертвуетъ безъ горя и боли его основами, не забудетъ той его заслуги, что онъ смѣнилъ прежнее, давнишнее безсудіе или кривосудіе. Его отдѣльные частичные недостатки, какъ бы крупны они ни были, не заслоняютъ передъ непредубѣжденнымъ взоромъ несомнѣнныхъ органическихъ его достоинствъ. Предстоитъ лишь послѣдовательно исправить первые и бережно укрѣпить вторыя, особенно тамъ, гдѣ они уже вошли, такъ сказать, въ плоть и кровь страны, глубоко укоренились въ гражданскомъ оборотѣ. Отсюда однакоже вовсе не вытекаетъ второстепенный и палліативный характеръ нужныхъ и предположенныхъ усовершенствованій. Напротивъ, они могутъ и должны быть весьма существенны, и съ введеніемъ ихъ очень многое измѣнится въ судебномъ мірѣ, но не будетъ нарушена стройность его частей и дѣйствія, не спутаются уже сложившіяся понятія о правѣ и правосудіи, установившееся не замѣнится гадательнымъ и шаткимъ. Словомъ, преобразованія должны быть, если такъ можно выразиться, консервативныя по отношенію ко всему тому, что въ дѣйствующихъ судебныхъ правилахъ и порядкахъ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ правительства, не осуждено опытомъ и жизнью. По мѣткому выраженію одного изъ руководителей коммиссіи пересмотра: „теперь рѣчь идетъ не о поднятіи нетронутой цѣлины, а о дальнѣйшей разработкѣ уже культивированнаго поля, не о сломкѣ зданія, а лишь о перестройкѣ его“ [1]).

[1]) Вступительное сообщеніе предсѣдателя III отдѣла коммиссіи, сенатора Н. С. Таганцева, въ 1 засѣданіи этого отдѣла 17 мая 1894 года.

Предпринятыя работы были начаты и продолжаются среди двухъ противоположныхъ теченій, раздѣляющихъ цѣнителей отечественной юстиціи какъ бы на два враждебныхъ лагеря. Взгляды и стремленія обоихъ общеизвѣстны, потому что ихъ непримиримый споръ нерѣдко появляется на страницахъ и столбцахъ повременной печати. Одни — небольшое меньшинство,—считая всю судебную реформу и уставы 1864 г. капитальною ошибкою, выставляютъ новый судъ однимъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ элементовъ нашей современности и болѣе или менѣе откровенно требуютъ безпощаднаго разрушенія такихъ его краеугольныхъ камней, какъ отдѣльность и независимость судебной власти, судъ присяжныхъ, устность, гласность и состязательность процесса, принципъ кассаціи, неперевершаемость вступившихъ въ законную силу приговоровъ и рѣшеній и проч. При этомъ, замыкаясь въ отрицаніи, хулители существующихъ судебныхъ учрежденій или вовсе не указываютъ положительныхъ образцовъ для замѣны настоящаго, или предлагаютъ въ сущности возвращеніе къ старымъ, дореформеннымъ порядкамъ правосудія. Наоборотъ, другіе, болѣе многочисленные, категорически высказываются не только за духъ и букву Судебныхъ Уставовъ 1864 г., но и за дальнѣйшее развитіе въ смыслѣ бо́льшаго простора въ судѣ общественной самодѣятельности и личной свободы, хотя-бы и въ ущербъ государственному началу. Такъ, мечтаютъ о повсемѣстномъ возстановленіи и введеніи выборнаго начала въ замѣщеніи судейскихъ должностей, объ исключительномъ самоуправленіи судебныхъ коллегій съ умаленіемъ повсюду правительственнаго надзора, о расширеніи корпоративныхъ правъ адвокатуры, о состязательномъ слѣдствіи передъ пассивнымъ слѣдователемъ-судьею, при защитѣ, вполнѣ уравненной съ государственнымъ обвиненіемъ, о безусловной публичности всѣхъ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣйствій, о распространеніи суда присяжныхъ въ его теперешней организаціи на всѣ безъ изъятія уголовныя дѣла и на всѣ мѣстности, не исключая и окраинъ, даже наименѣе культурныхъ, о совершенной непоколебимости оправдательныхъ приговоровъ и пр. Между этими направленіями есть посредствующія стадіи съ

различными оттѣнками или недосказанностью подразумѣваемыхъ желаній, но главные преобладающіе признаки остаются тѣ же. Едва ли умѣстно здѣсь доказывать, до какой степени подобныя крайнія воззрѣнія не выдерживаютъ критики ни съ точки зрѣнія здравыхъ теоретическихъ ученій, ни со стороны практической пригодности. Уроки судебной исторіи, выводы юридической науки и наблюденія судебной политики, изучающей приложеніе институтовъ къ жизни, соображенія общественной пользы, а главное—традиціонныя начала нашего строя, географическія и этнографическія условія страны, особенности русскаго быта—все свидѣтельствуетъ противъ увлеченія и крайностей въ пониманіи и опредѣленіи того, чѣмъ быть русскому суду и въ чемъ могутъ заключаться необходимыя его улучшенія. Несостоятельность обрисованныхъ направленій раскрывается между прочимъ изъ неизбѣжной примѣси къ нимъ политическихъ тенденцій, въ корень извращающихъ взглядъ на правосудіе. Съ тѣмъ и другимъ соединяется представленіе о цѣломъ циклѣ вѣяній, не имѣющихъ ничего общаго съ ограниченною сферою и точно опредѣленными задачами судебной дѣятельности, которая отправляется по указу Императорскаго Величества и вся исчерпывается тремя словами: законъ, правда и милость. Можно было бы привести не мало примѣровъ тому, какъ подъ вліяніемъ предвзятой мысли рѣзко мѣняется или окрашивается сужденіе о томъ или иномъ судебномъ институтѣ, казусѣ или рѣшеніи, но и безъ примѣровъ ясно, что невозможно и небезопасно дѣлать судъ предметомъ какой бы то ни было идейной распри или общественной борьбы. Въ дѣйствительности эти послѣднія поприща такъ далеко отстоятъ отъ живого и практическаго дѣла правосудія, что казалось бы совершенно позволительнымъ, заботясь лишь объ этомъ дѣлѣ, вовсе не развлекать своего вниманія столь крайними и уже потому несбыточными воззрѣніями. Но, будучи высказываемы громко и настойчиво, иногда ложно выдаваемые за господствующее мнѣніе, они раздражаютъ общество и мѣшаютъ ему трезво и безпристрастно относиться къ лучшимъ офиціальнымъ предначертаніямъ. Во всякомъ случаѣ для работъ по улучшенію судебной части надлежащее отношеніе къ

враждующимъ о ней теченіямъ является предуказаннымъ: слѣдуетъ, не игнорируя никакихъ взглядовъ и по возможности изъ каждаго извлекая поученіе, спокойно идти мимо своей дорогой къ заранѣе намѣченнымъ цѣлямъ, при чемъ, въ надеждѣ на общественное здравомысліе, не смущаться никакими пореканіями или призывами и помнить, что и въ судебныхъ, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ и дѣлахъ, Верховный Законодатель печется лишь объ одномъ—о благѣ и мирѣ своего народа.

IX.

Заключительное сообщеніе предсѣдателя Высочайше учрежденной коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части въ послѣднемъ засѣданіи коммиссіи, 5 іюня 1899 года [1]).

Нашъ сложный трудъ пришелъ къ желанному концу. Высочайше возложенная на коммиссію нашу задача всесторонняго пересмотра Судебныхъ Уставовъ исполнена, насколько было въ нашихъ силахъ, по долгу совѣсти и крайнему разумѣнію каждаго изъ насъ. Нынѣ, въ исходѣ быстро пролетѣвшихъ пяти лѣтъ этой неустанной работы, мы можемъ, мы должны подвести ей хотя бы самые краткіе, внѣшніе итоги. Ее ждетъ впереди строгая оцѣнка законодателя, ее ждутъ подвижные, иногда случайные отзывы современниковъ, а дальше — безстрастное сужденіе потомства, и не къ тому, конечно, чтобы пріуготовить или предвосхитить будущія судьбы выработанныхъ нами предположеній послужитъ бѣглое ихъ обозрѣніе. Побужденіе наше гораздо проще и скромнѣе. Въ послѣднія, всегда немного жуткія минуты передъ окончаніемъ крупнаго государственно-общественнаго дѣла, передъ разставаньемъ соединенныхъ имъ, искренно преданныхъ ему работниковъ, вполнѣ естественно и законно желаніе припомнить сдѣланное. Мы были призваны довѣріемъ двухъ Монарховъ къ повѣркѣ и обновленію всего строя отечественнаго правосудія, и да будетъ мнѣ позволено сказать отъ имени всѣхъ моихъ сотрудниковъ, что мы никогда не переставали глубоко сознавать огромную, лежащую на насъ отвѣтственность, и теперь, оглядываясь назадъ

---

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1899 г., Іюнь.

на пройденный трудный путь, мы бодро и спокойно готовы нести ее.

Когда, весною 1894 г., мы приступали къ нашимъ занятіямъ, я, опасаясь, чтобы они не затянулись на время слишкомъ длинное, счелъ неизлишнимъ предположительно намѣтить для нихъ примѣрный 3-лѣтній срокъ. Его пришлось продлить еще на 2 года по обстоятельствамъ, мало отъ насъ зависѣвшимъ; но цѣль была достигнута, коммиссія наша не превратилась въ хронически, неопредѣленно длящуюся, и всякій свѣдущій, благоразумный и непредубѣжденный цѣнитель легко пойметъ это продленіе. Независимо отъ того, что высокое и серьезное назначеніе коммиссіи не допускало ничего поспѣшнаго и незрѣлаго въ ея дѣятельности, самыя условія послѣдней едва ли благопріятствовали чрезмѣрной быстротѣ. Тщательное изслѣдованіе и исправленіе громаднаго, давно существующаго сооруженія совсѣмъ не то, что созиданіе вновь, на пустомъ или расчищенномъ мѣстѣ, изъ новыхъ, еще неиспробованныхъ матеріаловъ, какъ бы ни была велика ихъ умозрительная пригодность. Геній творитъ мощно и скоро, но дѣловое утвержденіе его произведеній на почвѣ практической дѣйствительности, съ очищеніемъ ихъ отъ постороннихъ примѣсей, требуетъ прежде всего добросовѣстнаго, кропотливаго, даже мелочнаго и потому продолжительнаго труда. Къ тому же коммиссія наша, обязанная шагъ за шагомъ провѣрить всѣ безъ исключенія постановленія Судебныхъ Уставовъ, въ ихъ многолѣтнемъ примѣненіи, состояла изъ лицъ, ни на мгновеніе не покидавшихъ прямыхъ и обычныхъ своихъ занятій, что потребовало такого чрезвычайнаго напряженія всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, которое по плечу только настоящему самоотверженію. О достоинствѣ выполненныхъ работъ судить не намъ, но уже одинъ ходъ и объемъ ихъ оправдываютъ долгіе трудовые дни, имъ посвященные.

Въ коммиссіи, образовавшей отдѣлы и общее ихъ собраніе, при многихъ перемѣнахъ въ личномъ ея составѣ, присутствовало въ общемъ до 24 членовъ и болѣе 60 лицъ, приглашен-

ныхъ въ разное время и по разнымъ поводамъ къ участію въ судебномъ пересмотрѣ

Изъ нихъ помянемъ прежде всего умиленной, доброй памятью товарищей, безвременно унесенныхъ смертью. Неклюдовъ, Даневскій, Концевичъ, Макалинскій, Влезковъ доблестно поработали на общемъ съ нами поприщѣ и, отойдя въ вѣчность, оставили русскому судебному дѣлу дорогіе, честные завѣты и имена.

Составъ нашей коммиссіи не былъ однородный и отнюдь не бюрократическій: въ него вошли почти всѣ лучшіе знатоки дѣла, всѣ дѣятели, ознаменовавшіе себя выдающимися заслугами въ юриспруденціи; высокопоставленные чины судебнаго и иныхъ вѣдомствъ трудились рядомъ съ нечиновными юристами, наука свободно обмѣнивалась и сообщалась съ практикой, и всѣхъ, безъ различія званія и ранга, дружно соединяло живое, единодушное стремленіе посильно придти на помощь нуждамъ родной юстиціи. Коммиссія, сверхъ непрерывной домашней работы многихъ членовъ, имѣла 503 засѣданія, изъ которыхъ 27 приходятся на долю отдѣла общихъ вопросовъ, 89 на соединенные отдѣлы и особыя совѣщанія, 53 на отдѣлъ судоустройства, 111 на отдѣлъ уголовнаго судопроизводства, 188 на отдѣлъ судопроизводства гражданскаго, 35 на общее собраніе. Въ 112 засѣданіяхъ, въ томъ числѣ во всѣхъ засѣданіяхъ общаго собранія, предсѣдательствовалъ предсѣдатель коммиссіи, въ остальныхъ — П. М. Бутовскій и предсѣдатели отдѣловъ Н. Н. Шрейберъ, С. И. Лукьяновъ, Н. С. Таганцевъ. Въ 201 засѣданіи лично участвовалъ завѣдывающій дѣлопроизводствомъ коммиссіи С. С. Манухинъ, и подъ его ближайшимъ руководствомъ дѣлопроизводство совершило съ извѣстною всѣмъ намъ отчетливостью и глубиною, поистинѣ, гигантскій трудъ, внѣшность котораго опредѣляется крупными чертами: XII томовъ обширныхъ и въ высшей степени цѣнныхъ подготовительныхъ матеріаловъ, VI томовъ матеріаловъ, собранныхъ распоряженіемъ самой коммиссіи, обстоятельные журналы засѣданій съ многочисленными къ нимъ приложеніями въ видѣ отдѣльныхъ записокъ и свѣдѣній весьма разнообразнаго характера, нако-

нецъ редакція самыхъ проектовъ и капитальныя объяснительныя къ нимъ записки. Въ ряду вспомогательныхъ работъ находятся такіе солидные вклады въ нашу юридическую литературу, какъ библіографическій указатель Поворинскаго, сборникъ руководящихъ опредѣленій правительствующаго сената по судебному надзору и цѣлый списокъ настоящихъ трактатовъ по всѣмъ главнѣйшимъ предметамъ судоустройства и процесса. Предсѣдатели отдѣловъ подавали примѣръ усиленной, и черновой, и бѣловой, работы, которую раздѣляли многіе изъ членовъ, и въ числѣ ихъ А. Г. Гасманъ и И. Г. Щегловитовъ особенно много и полезно потрудились надъ разработкой первый — гражданскаго, второй — уголовнаго судопроизводства. Въ приведенномъ сухомъ перечнѣ лишь блѣдно отражается коммиссіонная дѣятельность, въ которой явственно обозначились три предуказанные въ самомъ ея началѣ, логически между собою связанные, послѣдовательные ея фазисы и стадіи: 1) собираніе и приведеніе въ ясность матеріаловъ, 2) изслѣдованіе истиннаго положенія судебной части и возникающихъ изъ него вопросовъ и 3) составленіе по этимъ даннымъ законодательныхъ предположеній. Къ первымъ двумъ относятся: ознакомленіе съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, которыми располагало министерство юстиціи; отвѣты судебныхъ мѣстъ и лицъ на предъявленные имъ запросы; статьи, замѣтки добровольцевъ дѣла, отозвавшихся на приглашеніе предсѣдателя коммиссіи оказать ей благожелательное содѣйствіе; происходившія зимой 1894 — 1895 гг. совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ при участіи нѣкоторыхъ членовъ коммиссіи по важнѣйшимъ вопросамъ ея программы; трехтомный сводъ выводовъ изъ систематическаго одновременнаго обревизованія всѣхъ судебныхъ установленій Имперіи, предпринятаго для надобностей коммиссіи по выработанному ею подробнѣйшему плану. Уже изъ сказаннаго видно, какъ всеобъемлюща была раскрывшаяся передъ коммиссіей широкая сфера фактовъ, взглядовъ, наблюденій: на твердомъ фундаментѣ годами накоплявшагося опытнаго изученія, на яркомъ фонѣ неприкрашенной дѣйствительности, въ освѣщеніи вполнѣ компетентной критики предстала наша судебная

часть, съ ея свѣтомъ и тѣнью, силой и слабостью, съ ея пробѣлами и потребностями, съ ея глубоко вросшими корнями и наносными, навѣянными придатками. Взаимно сталкивающіяся черты того, что̀ есть, чего не должно быть, что̀ нужно, обрисовались ясно и полно; разобраться въ этомъ сплетеніи, отдѣлить важное отъ несущественнаго, сопоставить противорѣчія, разъяснить сомнѣнія, формулировать возможныя рѣшенія въ видѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ законодательства, — вотъ къ чему свелись подготовка, обсужденіе и вытекавшая отсюда громадная редакціонная работа. Для сообщенія ей стройности общіе принципіальные или наиболѣе важные вопросы были выдѣлены и разсмотрѣны въ I отдѣлѣ, а затѣмъ въ общемъ собраніи по особымъ запискамъ дѣлопроизводства, при чемъ заключенія коммиссіи явились руководящимъ указаніемъ при постатейной разработкѣ проектовъ судоустройства и судопроизводства. Что же касается до этихъ послѣднихъ, то по первоначальномъ изложеніи ихъ отдѣльными редакторами, каждый изъ проектовъ проходилъ черезъ троекратное чтеніе въ спеціальномъ отдѣлѣ, въ соединенномъ присутствіи или совѣщаніи изъ членовъ разныхъ отдѣловъ и въ общемъ собраніи всей коммиссіи и при этомъ столько же разъ редактировался въ дѣлопроизводствѣ. Такимъ способомъ работы обезпечивалось внимательное и всестороннее разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, а для того, чтобы оно не разбрасывалось въ частностяхъ, не размѣнивалось на мелочи, изъ-за которыхъ иногда не видно цѣлаго, сужденія тщательно сосредоточивались на главномъ, предоставляя подробности и эластичныя тонкости редакціи соглашенію немногихъ спеціалистовъ, подъ наблюденіемъ и ручательствомъ предсѣдателей коммиссіи, ея отдѣловъ и члена, завѣдывающаго ея дѣлопроизводствомъ. Не менѣе основательности старались мы соблюдать свободу и цѣльность мнѣній, высказывавшихся въ нашей средѣ по многоразличнымъ вопросамъ и предметамъ пересмотра. Выясняя ихъ всѣми доступными намъ средствами, мы стремились столковаться и всюду, гдѣ возможно, сгладить шероховатости и разнорѣчія. Но при этомъ, взаимно уважая чужія убѣжденія, мы не боялись разномыслія и не насиловали своихъ

воззрѣній натянутой аргументаціей или неохотными, неискренними уступками. Отсюда не малое количество мотивированныхъ разногласій и разрѣшеніе многихъ важныхъ и спорныхъ пунктовъ по большинству голосовъ. Этотъ откровенный и прямой исходъ, вообще свойственный многолюдной коллегіи, если она относится къ порученному ей дѣлу добросовѣстно и независимо, казался намъ предпочтительнѣе искусственныхъ компромиссовъ съ ихъ непрочнымъ построеніемъ и сомнительными послѣдствіями. Во всякомъ спорѣ мы считали себя обязанными прежде всего правильно поставить его сущность и затѣмъ продуманно обосновать предлагаемыя, хотя бы и различныя рѣшенія. Тогда и законодатель—полагали мы—не будетъ затрудненъ въ выборѣ или въ выводѣ изъ подготовленныхъ и разъясненныхъ данныхъ.

Въ конечномъ результатѣ произведеннаго, такимъ образомъ, пересмотра составлены проекты новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства съ пространными къ нимъ объясненіями, въ которыхъ изложены, кромѣ общихъ, принятыхъ во вниманіе соображеній, точные мотивы каждаго предположеннаго въ уставахъ измѣненія или дополненія. Въ этихъ объясненіяхъ оправдывается не только вновь проектированное, но и сохраненіе прежняго; нѣтъ судебнаго учрежденія или закона, по поводу котораго коммиссія не высказалась бы такъ или иначе, положительно или отрицательно, особо или въ общемъ развитіи своихъ разсужденій, разборъ которыхъ облегчается ихъ полнотою. Съ ними можно не соглашаться, но нельзя упрекнуть ихъ въ поверхностномъ, скользящемъ отношеніи къ предмету. За-то велика и матеріальная масса всего исполненнаго — это десятки печатныхъ томовъ, рискующихъ вызвать традиціонную усмѣшку досужихъ зоиловъ надъ коммиссіонными трудами, это $4^1/_2$ т. заново редактированныхъ статей, невольно пугающихъ непривычное или обремененное вниманіе. Но вѣдь коммиссіи было повелѣно пересмотрѣть одно изъ величайшихъ произведеній преобразовательной эпохи, являющееся уже болѣе 30 лѣтъ драгоцѣннымъ достояніемъ нашей родины, работа эта съ высоты Престола объявлена трудной, и разбирать ее будутъ не диллетанты, а госу-

дарственные люди, во всеоружіи познаній, подготовки, умѣлости и трудолюбія—пристало ли смущаться грандіозными очертаніями законченнаго дѣла, достойными колоссальнаго его значенія?

Вслѣдъ за изложеніемъ внѣшней стороны исполненной работы слѣдовало бы обратиться къ характеристикѣ внутренняго ея содержанія, но предстоящее внесеніе ея на уваженіе законодательной власти дозволяетъ, по всѣмъ понятному чувству авторской сдержанности, удѣлить этому предмету лишь нѣсколько самыхъ общихъ и сжатыхъ замѣчаній. Здѣсь развѣ только умѣстно вспомнить, въ какомъ направленіи вообще шла дѣятельность нашей коммиссіи, какой духъ виталъ надъ ея трудами. Начиная пересмотръ Судебныхъ Уставовъ, мы имѣли передъ собою, во-1-хъ, ихъ первоначальный текстъ, во-2-хъ, многочисленныя за 30 лѣтъ изданныя къ нимъ новеллы и, въ-3-хъ, безчисленные судебные вопросы, выдвинутые за это время практикой. Все это нужно было обсудить и взвѣсить, всему дать мѣсто въ той радикальной переработкѣ, которой были подвергнуты судебныя законоположенія Работать же надъ ними приходилось среди различныхъ теченій общественной и юридической мысли, служащихъ до извѣстной степени показателемъ окружающихъ настроеній. Пестро, измѣнчиво, противорѣчиво и не чуждо крайнихъ увлеченій это разнохарактерное пониманіе судебныхъ идеаловъ, и невозможно угодить ему. Одни, считая всю судебную реформу пагубной ошибкой, обращаютъ свои взоры вспять и помышляютъ, повидимому, о такомъ судѣ, который ничѣмъ не отличался бы отъ административно-полицейскаго воздѣйствія. При этомъ иногда даже рѣшаются выводить огульное порицаніе теперешнихъ судебныхъ порядковъ изъ единичныхъ, произвольно оцѣниваемыхъ, невѣрно освѣщаемыхъ и потому ничего не доказывающихъ примѣровъ. Другіе, наоборотъ, вдохновляясь иными, не нашими условіями и нравами, нетерпѣливо и поспѣшно порываются къ чисто теоретическому прогрессу, напримѣръ къ выборнымъ судьямъ, къ исключительному преобладанію гарантій личности, къ гласному и состязательному предварительному слѣдствію, въ то время, когда нужно зорко охранять публичную безопасность, когда предстоитъ еще

создавать правильный уголовный розыскъ, когда еще приходится воспитывать въ судѣ людей и ихъ міровоззрѣніе, и при этомъ бороться съ такими противниками, какъ обширность страны, малонаселенность и всяческая скудость или неравномѣрность общественной культуры. Третьи, не думая ни о какихъ практическихъ препятствіяхъ и разсуждая какъ бы внѣ времени и пространства, туманно мечтаютъ объ уничтоженіи судебныхъ формальностей, о какихъ-то идеализованныхъ, не русскихъ судьяхъ, которые не стѣсняются узкими рамками закона и свободно гдѣ-то ищутъ и провозглашаютъ, будто бы, имъ однимъ вѣдомую истину, между тѣмъ какъ все у насъ—исторія, общественность, привычки—требуетъ именно строжайшей во всемъ законности и разумнаго, осмотрительнаго упорядоченія, а не фантазій. Для четвертыхъ, наконецъ, замкнувшихъ свой кругозоръ Уставами 1864 г., каждая буква въ нихъ есть непререкаемая истина, святыня, которой не слѣдуетъ касаться даже съ наилучшей цѣлью, изъ опасенія новымъ, неизвѣданнымъ повредить старому, испытанному. Не мало почтеннаго въ этомъ судебномъ консерватизмѣ, но онъ преувеличиваетъ непогрѣшимость, и мимо него, нерѣдко даже въ перерѣзъ ему, несется бытовая жизнь, гдѣ одна потребность неудержимо смѣняется другой и, опережая медленное развитіе закона, рано или поздно добивается себѣ признанія. Ни одно изъ приведенныхъ и подобныхъ имъ воззрѣній, съ разными ихъ оттѣнками и сочетаніями, не соотвѣтствуетъ задачамъ нашей коммиссіи, которая впала бы въ печальную ошибку, если бы односторонне послѣдовала за однимъ изъ нихъ. У нея былъ свой путь, единственно вѣрный и возможный въ переживаемый нами историческій моментъ,—путь, намѣченный при самомъ открытіи коммиссіи 30 апрѣля 1894 г. и затѣмъ подтвержденный въ началѣ 1897 г., на рубежѣ двухъ періодовъ ея дѣятельности въ печатномъ отчетѣ о работахъ по улучшенію судебной части [1]). Съ тѣхъ поръ ни въ чемъ не измѣнились обстоятельства и, ссылаясь на высказанныя тамъ сужденія, я повторю лишь то, что было и остается исходной

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1897 г., Январь — „Работы по улучшенію судебной части въ 1894—1896 гг.“.

точкой судебнаго пересмотра: мы избѣгали крайностей и потрясеній, мы желали сохранить и укрѣпить въ нашемъ судѣ все истинно хорошее, исправить недостатки, но безъ лишней ломки, восполнить пробѣлы, но безъ кабинетныхъ и канцелярскихъ измышленій, и нынѣ, стоя твердо на этой почвѣ, мы предлагаемъ улучшеніе, а не реформу еще столь недавно преобразованнаго суда. Избранное нами направленіе, осторожное, умѣренное и самостоятельное, задается практической цѣлесообразностью и равно исключаетъ тенденціозность и предвзятость, рутинную косность и рискованные эксперименты, страсть къ новшествамъ и слѣпое преклоненіе передъ существующимъ. И потому, не игнорируя никакихъ серьезныхъ указаній, мы обратились къ неисчерпаемому, единственно надежному источнику—къ открывшемуся передъ нами огромному запасу вседневнаго опыта судящихъ и судящихся, который и показалъ намъ, куда идти, что̀ измѣнить, чего не трогать. Мы воспользовались для этого и своею личною долею въ немъ участія и, зная, какъ въ житейскомъ обиходѣ совершается обыденная, черновая и закулисная работа судоотправленія, мы не стѣснялись ни доктриной, ни возраженіями, когда находили, что та или другая мѣра достаточно обусловливается совокупнымъ интересомъ правосудія и населенія. Такой пріемъ не блещетъ красивыми эффектами и не сулитъ дешевой популярности; за-то онъ отвѣчаетъ уважительнымъ запросамъ гражданскаго быта и обѣщаетъ больше прочности. Судъ не зрѣлище, не публицистическое упражненіе, не удовлетвореніе личныхъ вкусовъ и симпатій; судъ, это отраженіе мудрости законодателя и совѣсти народной, судъ есть лучшая охрана законныхъ правъ, но не абсолютно, а въ предѣлахъ данной человѣческой и общественной возможности.

Было бы затруднительно, да и безцѣльно приводить въ подробности, даже перечислять всѣ измѣненія, проектированныя коммиссіей въ дѣйствующемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ—я говорю о дѣйствующемъ, потому что много воды утекло со времени изданія Судебныхъ Уставовъ и много наслоеній образовалось вокругъ нихъ. Подобный пересказъ явился бы и повтореніемъ, такъ какъ, передъ разсмотрѣніемъ въ общемъ собраніи

проектовъ учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ судопроизводства, я всегда представлялъ вниманію коммиссіи сводъ предположенныхъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ нынѣшнемъ законодательствѣ съ краткимъ поясненіемъ существеннаго ихъ смысла. Поэтому, теперь довольно вновь упомянуть, что всѣ вносимыя въ Судебные Уставы новыя или видоизмѣненныя постановленія неукоснительно направлены къ осуществленію многократно выраженныхъ общихъ задачъ пересмотра, а именно: къ объединенію судебнаго устройства въ различныхъ частяхъ Имперіи, уже подготовленному мѣропріятіями послѣднихъ лѣтъ, къ большей близости и доступности суда для населенія, къ упрощенію, удешевленію и ускоренію правосудія, къ утвержденію государственнаго значенія и правительственнаго характера судебнаго вѣдомства, къ нравственному и матеріальному поднятію его чиновъ, къ укрѣпленію и развитію возможнаго общественнаго участія въ отправленіи суда и вообще къ устраненію недостатковъ и восполненію пробѣловъ судебной части, когда тѣ и другіе зависятъ отъ несовершенствъ закона и обусловленныхъ ими судебныхъ распорядковъ. Этимъ все сказано, и недалекое, дастъ Богъ, будущее покажетъ, въ какой степени намъ удалось достигнуть цѣли. Какъ бы то ни было, ни одинъ дѣйствующій судебный институтъ, успѣвшій заслужить народное расположеніе, не поколебленъ и не поврежденъ, а, напротивъ, многіе исправлены или улучшены, смотря по надобности. Ни одно процессуальное правило не уничтожено, не измѣнено или замѣнено другимъ безъ вѣскихъ къ тому побужденій; ни одно нововведеніе—а ихъ не мало—не нарушаетъ принятаго общаго строенія юстиціи. Не подорванъ ни одинъ изъ ея основныхъ принциповъ даже въ томъ случаѣ, если, не въ видѣ уступки, а по непреложнымъ соображеніямъ государственной пользы, приходилось допускать отдѣльныя изъятія или ограниченія, которыя уже потому извинительны, что даютъ необходимый просторъ упорнымъ домогательствамъ жизни и, не позволяя ей подтачивать высшія правовыя нормы, косвенно способствуютъ ихъ неприкосновенности и торжеству.

Форма, въ которую вылились работы коммиссіи, а слѣдо-

вательно и вещественныя проявленія пересмотра судебныхъ узаконеній, строго соотвѣтствуетъ его сущности и назначенію. Были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы какъ можно меньше отойти отъ законодательнаго памятника, связаннаго съ Великимъ Именемъ Императора Александра II. Составленные въ коммиссіи проекты образуютъ, въ ихъ совокупности, тѣ же Судебные Уставы, но лишь въ новомъ ихъ изложеніи, съ тѣми измѣненіями и дополненіями въ текстѣ, которыя вызываются переработкой содержанія. Всюду, гдѣ являлась малѣйшая къ тому возможность, оставлена нетронутою прежняя редакція какъ потому, что отъ добра добра не ищутъ, такъ и вслѣдствіе того, что съ ней давно освоились и свыклись суды и граждане. Примѣнительно къ тому же слогу, къ той же терминологіи Судебныхъ Уставовъ изложены и новыя предположенія, особенно вставки въ старый текстъ или частичныя въ немъ измѣненія. Проникнутая искреннимъ почтеніемъ къ труду своихъ предмѣстниковъ, коммиссія тщательно воздерживалась отъ всѣхъ не безусловно необходимыхъ наружныхъ поправокъ, на которыя иногда незамѣтно для себя самой поддается реформаторская энергія законодательнаго переверщенія. Соблюденіе этихъ и имъ подобныхъ условій редакторской и кодификаціонной техники стоило немаловажныхъ усилій нашему дѣлопроизводству, но они искупались ревностнымъ желаніемъ дать и во внѣшнемъ отношеніи кодексъ, приближающійся къ своему первообразу и въ то же время находящійся на высотѣ современныхъ ожиданій отъ правосудія. Такъ же поступали мы во всемъ, что̀ касалось распредѣленія частей въ проектахъ. Вездѣ сохранена прежняя система изложенія, кромѣ тѣхъ мѣстъ, отраслей и отдѣловъ, гдѣ радикально измѣнялась вся постановка дѣла, а съ нею и вся послѣдовательность и соразмѣрность его воспроизведенія въ проектированныхъ статьяхъ. Тамъ система логически опредѣлилась содержаніемъ, усвоеніе котораго приведетъ и къ удобству пользованія. Короче, въ работѣ нашей Судебные Уставы не перестали быть тѣмъ, чѣмъ они были до нея; если же въ самомъ названіи точнѣе обозначить ея соотношеніе съ ними, то можно было бы лишь продлить заглавіе, сказавъ: *Судебные*

Уставы Императора Александра II, пересмотрѣнные по повелѣнію Императора Александра III въ царствованіе Императора Николая II.

Освященное изволеніемъ трехъ Императоровъ, судебное обновленіе и нынѣ, какъ прежде, не предполагается держать въ тайнѣ отъ общественнаго свѣдѣнія. Въ теченіе пятилѣтнихъ занятій нашей коммиссіи въ „Журналѣ Министерства Юстиціи" неоднократно помѣщались болѣе или менѣе подробныя извѣстія о ходѣ ея трудовъ. Въ повременной печати проскальзывали сожалѣнія о томъ, что эти извѣстія не касаются внутренней стороны нашихъ работъ, не излагаютъ выработанныхъ заключеній и проектовъ. Не говоря о томъ, что эти сѣтованія лишены основанія, такъ какъ въ цѣломъ рядѣ напечатанныхъ сообщеній періодически указывалось направленіе дѣятельности коммиссіи по существу подлежащихъ ей вопросовъ, ясно до очевидности, что въ періодъ продолжающейся законодательной разработки, въ разгаръ горячаго обмѣна мнѣній, при неустановившихся еще выводахъ и рѣшеніяхъ, мы не могли, да и не имѣли права, безъ высшей санкціи въ бо́льшей мѣрѣ дѣлиться съ публикой нашими трудами. Теперь насталъ другой, конечный періодъ ихъ движенія и, одновременно съ передачей на заключеніе вѣдомствъ, проекты будутъ опубликованы и, такимъ образомъ, поступятъ на общественное обсужденіе. Поскольку оно выразится въ серьезныхъ и безпристрастныхъ отзывахъ, министерство юстиціи, всюду признавая гласность и свободу мнѣній однимъ изъ могучихъ двигателей истины, не преминетъ воспользоваться и этимъ средствомъ для окончательной отдѣлки выполненныхъ работъ. Всякій добрый совѣтъ будетъ встрѣченъ съ благодарностью, всякій разумный голосъ услышанъ и оцѣненъ.

Сегодня, при завершеніи нашихъ занятій, невольно вспоминаются предшествовавшіе ихъ начатію тревожные и знаменательные дни Мы помнимъ, вокругъ насъ сгущались тѣни и на распутьи, въ зловѣщемъ сумракѣ недоброжелательныхъ сомнѣній и колебаній, стояло наше дѣло, лицомъ къ лицу съ возникшими вопросами объ участи многихъ основъ и учрежденій такъ называемаго новаго, хотя уже успѣвшаго состариться суда; и

часто у его служителей сжималось сердце и опускались руки передъ роковыми недоразумѣніями, которыя воздвигались между законодателемъ и судьей, между закономъ и жизнью, дѣйствительностью и призраками. Но Богъ былъ милостивъ къ русской юстиціи: почившій Государь повелѣлъ выяснить вопросы, разсѣять сомнѣнія, прекратить колебанія и недоразумѣнія, *чтобы „наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи“* — какъ сказано въ приснопамятныхъ историческихъ словахъ Высочайшей резолюціи 7 апрѣля 1894 года. И вотъ, по этой священной, замогильной волѣ, подъ благотворной сѣнью Всемилостивѣйшаго вниманія нынѣ благополучно Царствующаго Монарха, наша работа кончена: судебный строй, испытанный болѣе, чѣмъ 30 тяжелыми годами опыта, прошелъ и черезъ тщательное испытаніе всѣхъ сторонъ своихъ въ горнилѣ знанія, правдивости и вѣрноподданническаго долга. По глубочайшему моему убѣжденію, которое я былъ бы счастливъ раздѣлить съ вами, русскій, царскій судъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по Судебнымъ Уставамъ и по настоящимъ нашимъ предположеніямъ, съ честью выдержалъ это испытаніе, оказался вполнѣ жизнеспособенъ и смѣло, громко требуетъ себѣ довѣрія и уваженія. Не помышляя о недостижимомъ совершенствѣ, довольствуясь возможной правильностью судебной организаціи и правомѣрностью судебныхъ дѣйствій, мы хотѣли бы видѣть нашъ судъ устойчивымъ, крѣпко водруженнымъ на твердомъ основаніи закона, въ себѣ самомъ носящимъ залоги прочной и сильной справедливости. Въ этомъ реальномъ стремленіи наше неизбѣжное отличіе отъ нашихъ славныхъ предшественниковъ, создавшихъ новый судъ и бережно, любовно охранявшихъ начальные шаги его — отличіе, но вмѣстѣ и преемство. То былъ своего рода медовый мѣсяцъ, незабвенная пора первыхъ піонеровъ судебной реформы, которые вложили въ нее всю душу свою и ярко озарили выбранное ими поприще неугасимо горѣвшимъ въ нихъ огнемъ добра и правды. Согрѣтыя и просвѣтленныя его живительною силой, новыя судебныя установленія пылко выступили на борьбу съ неправдою и зломъ. Несмотря на набѣгавшія уже тучи, не взирая на противодѣйствіе и затрудненія, приподнятый и окрыленный духъ подвига, призванія поддерживалъ

дѣятелей и скрашивалъ всѣ невзгоды дѣятельности. Но скоро — таковъ жестокій законъ вещей — слишкомъ скоро миновалъ свѣтлый праздникъ и постепенно перешелъ въ длинные, сѣрые, будничные дни. На смѣну подвижниковъ-идеалистовъ явились рядовые труженики, священнодѣйствіе впервые устнаго и гласнаго суда превратилось въ нелегкую вседневную страду, непомѣрно возрастающую и въ качествѣ, и въ количествѣ; душевный подъемъ слабѣлъ, а трудъ ежечасно увеличивался. Съ установленіями новаго суда случилось то же, что̀ съ новымъ зданіемъ, осѣдающимъ на неподготовленномъ, мягкомъ грунтѣ: пока дойдетъ до материка, оно постепенно обнаруживаетъ всѣ недочеты стройки или почвы, всѣ слабыя мѣста свои, куда и надлежитъ направить ремонтныя работы. А для нихъ, по самому ихъ свойству, ужъ нечего искать и ждать юношескаго пыла или радужныхъ перспективъ и обширныхъ горизонтовъ. Нужно было трезвое, спокойное настойчивое и не всегда благодарное, но всегда благородное закрѣпленіе устоевъ, починка, передѣлка, приспособленіе къ развивающимся условіямъ и явленіямъ жизненнаго оборота. Таковъ трудъ, выпавшій на долю нашей коммиссіи; онъ есть не что иное, какъ продолженіе и обезпеченіе судебнаго преобразованія. Многозначительна та служба, которую мы предназначены сослужить ему. Мы должны были сдѣлать такъ, чтобы составъ и уровень нашего суда и его органовъ отнынѣ не опасался никакихъ враговъ, но и не зависѣлъ ни отъ высокаго, но временнаго порыва, ни отъ горячихъ, но преходящихъ вѣяній, ни отъ избранниковъ, рѣдкихъ въ тяжелой трудовой профессіи. Мы знали, что учрежденія должны быть разсчитаны на массу обыкновенныхъ, среднихъ людей, не на героевъ, что люди и настроенія ихъ проходятъ, а учрежденія остаются и дѣйствуютъ среди далекой отъ идеаловъ „битвы жизни“... Намъ казалось необходимымъ и возможнымъ сблизить это разстояніе, соединить въ устройствѣ правосудія незыблемость великихъ основныхъ началъ его съ практической гибкостью ихъ дѣйствія. Судебные Уставы дали Россіи новый судъ; пусть же послѣ пересмотра онъ станетъ судомъ уже не новымъ, но незамѣнимымъ!

БИБЛІОТЕКА